J= 3081
1916
5/6

J II 3081

17/II/Sh.
B.C.

VII 3081

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 5—6. Май—Іюнь. 1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	**Н. А. Качаловъ.** Записки. I. Дѣтство.	5
II.	**В. Евгеньевъ.** Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг. II. Письма И. С. Тургенева.	24
III.	**С. И. Сычуговъ.** Нѣчто вродѣ автобіографіи. IV. Въ семинаріи.	54
IV.	**В. Н. Смѣльскій.** Священная Дружина 1882—83 г. (изъ дневника ея члена)	86
V.	**Е. Н. Водовозова.** Къ свѣту (изъ жизни людей 60 гг.) .	106
VI.	**С. А. Ефремовъ.** Противъ теченія (памяти В. П. Обнинскаго).	138
VII.	**К. В. Сивковъ.** Русскіе солдаты во Франціи 1813—14 гг. (изъ записокъ А. М. Барановича)	153
VIII.	**Массонъ.** Екатерина II и ея дворъ. Пер. **П. Степановой.**	157
IX.	**Н. М. Іорданскій.** Секретные циркуляры (изъ архива земскаго начальника)	181
X.	**С. А. Качіони.** Силуэты прошлаго (судебно-бытовые очерки)	189
XI.	**К. Ф. Тіандеръ.** Шекспиръ—актеръ и Шекспиръ—поэтъ .	234
XII.	**В. В. Берви.** Воспоминанія.	251
XIII.	**С. П. Мельгуновъ.** Русскіе подъ Данцигомъ (изъ дневниковъ кн. Д. М. Волконскаго)	286
XIV.	**Е. Колосовъ.** П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій о балканскихъ событіяхъ 1875—76 г.	301
XV.	**Я. Аренбергъ.** Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. I. Ген.-губ. Адлербергъ. Пер. подъ редакціей **К. Ф. Тіандера.**	340
XVI.	**Н. Г. Мардарьевъ.** Нѣчто изъ прошлаго (Изъ воспоминаній бывшаго цензора).	372
XVII.	**А. З. Попельницкій.** Рѣчь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московскимъ предводителямъ дворянства.	392
XVIII.	**Изъ текущей литературы. І. С. П. Мельгуновъ.** «Независимые русскіе писатели». **Г. И. Шрейдеръ.** Изъ исторіи франко-итальянскихъ отношеній. **Б. М. Соколовъ.** Изъ крестьянскихъ мемуаровъ.	398
XIX.	**Критика и библіографія** Рецензіи: **С. П. Мельгунова, Ю. В. Готье, А. И. Колмогорова, А. А. Кауфмана, А. И. Лыкошина. В. Е. Сыроѣчковскаго, Б. Е. Сыроѣчковскаго, И. С. Рябинина, Н. К. Пиксанова, И. Н. Розанова, В. М. Фишера, Н. Гудзія, Б. М. Соколова, М. В. Веселовской, В. Н. Перцева, К. Н. Успенскаго, С. И. Радцига, И. Е. Степанова, С. Г. Сватикова, А. П. Новицкаго, Р. И. Выдрина.**	409
XX.	**Объявленія.**	
XXI.	Портреты **Н. А. Некрасова и В. П. Обнинскаго.**	

У II 3031

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

44319

№ 5—6. Май—Іюнь. 1916.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Страстной бульваръ, Путинковскій переулокъ., д. 3.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. **Н. А. Качаловъ.** Записки. I. Дѣтство. 5

II. **В. Евгеньевъ.** Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг. II. Письма И. С. Тургенева. 24

III. **С. И. Сычуговъ.** Нѣчто вродѣ автобіографіи. IV. Въ семинаріи. 54

IV. **В. Н. Смѣльскій.** Священная Дружина 1882—83 г. (изъ дневника ея члена) 86

V. **Е. Н. Водовозова.** Къ свѣту (Изъ жизни людей 60 гг.) . 106

VI. **С. А. Ефремовъ.** Противъ теченія (Памяти В. П. Обнинскаго). 138

VII. **К. В. Сивковъ.** Русскіе солдаты во Франціи 1813—14 гг. (Изъ записокъ А. М. Барановича) 153

VIII. **Массонъ.** Екатерина II и ея дворъ. Пер. **П. Степановой.** . 157

IX. **Н. М. Іорданскій.** Секретные циркуляры (Изъ архива земскаго начальника) 181

X. **С. А. Качіони.** Силуэты прошлаго (судебно-бытовые очерки) 189

XI. **К. Ф. Тіандеръ.** Шекспиръ—актеръ и Шекспиръ—поэтъ . 234

XII. **В. В. Берви.** Воспоминанія. 251

XIII. **С. П. Мельгуновъ.** Русскіе подъ Данцигомъ (Изъ дневниковъ кн. Д. М. Волконскаго) 286

XIV. **Е. Колосовъ.** П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій о балканскихъ событіяхъ 1875—76 г. 301

XV. **Я. Аренбергъ.** Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. I. Ген.-губ. Адлербергъ. Пер. подъ редакціей **К. Ф. Тіандера.** 340

XVI. **Н. Г. Мардарьевъ.** Нѣчто изъ прошлаго (Изъ воспоминаній бывшаго цензора). 372

XVII. **А. З. Попельницкій.** Рѣчь Александра II, сказанная 30 марта 1856 г. московскимъ предводителямъ дворянства. 392

XVIII. **ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.** 1. **С. П. Мельгуновъ** «Независимые русскіе писатели». 2. **Г. И. Шрейдеръ** Изъ исторіи франко-итальянскихъ отношеній. 3. **Б. М. Соколовъ.** Изъ крестьянскихъ мемуаровъ. 398

XIX. **КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. С. П. Мельгуновъ.** А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки. **Ю. В. Готье.** В. И. Веретенниковъ. Очерки исторіи генералъ-прокуратуры. **А. И. Колмогоровъ.** Д. Н. Анучинъ. А. фонъ-Гумбольдтъ, какъ изслѣдователь Азіи. **А. А. Кауфманъ.** Я. Яницкій.

Стр.

Экономическій кризисъ въ Новгородской области XVI в. **А. И. Лыкошинъ** В. Алексѣевъ. Письма и бумаги Суворова. **В. Е. Сыроѣчковскій.** Н. Новомберскій. Вымученныя кабалы въ Московской Руси XVII ст. **Б. Е. Сыроѣчковскій.** И. А. Слоновъ. Изъ жизни торговой Москвы. **И. С. Рябининъ.** А. Погодинъ. Исторія польскаго народа въ XIX в. **Н. К. Пиксановъ.** Архивъ села Карабихи. **И. Н. Розановъ.** Стихотворенія Ап. Григорьева. **В. М. Фишеръ.** Д. Дарскій. Маленькія трагедіи Пушкина. **Н. Гудзій.** М. Зейдманъ. Достоевскій въ западной литературѣ. **Б. М. Соколовъ.** Опытъ діалектологической карты русскаго языка. **М. В. Веселовская.** Битейль. Бельгійская литература. **В. Н. Перцевъ.** О. Старосельская. Кондорсе, какъ соціологъ. **К. Н. Успенскій.** Фридлендеръ. Картины изъ бытовой исторіи Рима. **С. И. Радцигъ.** Маркъ Аврелій. Размышленія. **И. Е. Степановъ.** Ворингѐръ. Готическое искусство. **С. Г. Сватиковъ.** Э. Леви. Греческая скульптура. **А. П. Новицкій.** Елагинъ дворецъ. **Р. И. Выдринъ.** Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. **В. С.** Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1908—1910 г.г. 409

Новыя книги. . . . . . .

XX. **ОБЪЯВЛЕНІЯ.** . . . . . .

XXI. Портреты **Н. А. Некрасова и В. П. Обнинскаго.**

Записки Николая Александровича Качалова [1]).

Достигнувъ 64-лѣтняго возраста, я постоянно былъ занятъ службой государственной, общественной и, при большомъ семействѣ, домашними дѣлами и мало имѣлъ свободнаго времени. Въ настоящее время, по совершенно различнымъ взглядамъ съ министромъ финансовъ, Николаемъ Христіановичемъ Бунге, на управленіе таможенною частью, я вынужденъ оставить должность директора департамента таможенныхъ сборовъ, которую занималъ 12 лѣтъ, и назначенъ состоять при министрѣ финансовъ безъ опредѣленныхъ занятій.

Мнѣ пришлось прожить, и большею частію быть даже дѣятелемъ, въ весьма любопытную эпоху, когда Россія начала перестраиваться подъ впечатлѣніемъ новыхъ идей и новыхъ требованій жизни, что при громадности нашего государства составляетъ грандіозное и чрезвычайно любопытное явленіе.

Я началъ понимать окружающія меня явленія жизни съ конца царствованія императора Александра I; въ царствованіе имп. Николая былъ уже офицеромъ флота, а потомъ предводителемъ дворянства Новгородской губерніи, Бѣлозерскаго уѣзда. Въ царствованіе Александра II предсѣдателемъ новгородской губернской земской управы, архангельскимъ губернаторомъ и директоромъ департамента таможенныхъ сборовъ, и въ этой должности пробылъ первый годъ царствованія Александра III. Въ продолженіе этого времени многое пришлось видѣть и многое испытать.

I. Дѣтство.

Жизнь въ деревнѣ въ Новгородской губерніи.—Разсказы объ Аркачеевѣ.—Нравы помѣщиковъ.—Крѣпостной бытъ.

Я родился 14 апрѣля 1818 г., въ Новгородской губерніи, Бѣлозерскаго уѣзда, въ селѣ Малюковѣ. Родители мои отставной

[1]) Авторъ началъ писать ихъ 28 апрѣля 1882 г. Записки сообщены дочерью покойнаго автора Маріею Николаевною Шульманъ. *Ред.*

капитанъ-лейтенантъ Александръ Романовичъ Качаловъ и Надежда Ивановна; по семейству отца принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, записанной въ VI части дворянской книги. За родителями моими состояло въ Новгородской губерніи, въ Бѣлозерскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ, и Тамбовской губерніи, въ Шацкомъ уѣздѣ, около 500 душъ крѣпостныхъ людей, съ нѣсколькими усадьбами и большимъ количествомъ земли по Новгородской губ., слѣдовательно, родители мои, по тому времени, принадлежали къ достаточному классу помѣщиковъ. Семейство наше состояло изъ 5 сестеръ и 2 братьевъ: Ивана, умершаго холостымъ, и меня, Николая, младшаго.

Родители постоянно жили въ деревнѣ, гдѣ сестры воспитывались и вышли замужъ за мѣстныхъ помѣщиковъ, а мы съ братомъ мальчиками были помѣщены въ Морской Корпусъ, гдѣ окончили образованіе и были выпущены мичманами во флотъ.

Воспитаніе помѣщичьихъ дѣтей того времени производилось почти исключительно при помощи гувернантокъ, выписываемыхъ изъ столицы, часто поступающихъ отъ другихъ помѣщиковъ, у которыхъ дѣти выросли и не требуютъ больше наставницъ. Сколько я помню гувернантокъ у насъ и у сосѣдей, требованія отъ нихъ педагогическихъ свѣдѣній были самыя скромныя: требовалась строгость, чтобы дѣти были заняты и меньше безпокоили родителей; но главное, чтобы гувернантка была уживчиваго характера и умѣла ладить съ домашними. Ежели эти условія исполнялись, то гувернантка сживалась съ семействомъ и воспитывала, какъ Богъ послалъ, нѣсколько поколѣній. Домашняго контроля надъ преподавательницей не было никакого, воспитаніе дѣтей зависѣло отъ познаній и добросовѣстности гувернантки, и потому степень образованія того или другого помѣщичьяго семейства зависѣла отъ случая, какую гувернантку пошлетъ Господь. Въ описываемой мною мѣстности не было очень богатыхъ помѣщиковъ, у которыхъ, можетъ быть, существовали другіе порядки по воспитанію дѣтей.

Въ то время дѣвочекъ рѣдко отвозили для воспитанія въ столицы и большіе города, но воспитывали дома, какъ Богъ послалъ, и всѣ мои пять сестеръ окончили воспитаніе дома при помощи гувернантокъ. Мы съ братомъ также первоначально учились у гувернантокъ, но ученье шло плохо, такъ что къ 10 годамъ, когда меня отдали въ Морской Корпусъ, я умѣлъ только читать и писать и зналъ нетвердо четыре правила ариѳметики.

Такъ какъ учебныя занятія были незначительны, то у мальчиковъ оставалось много свободнаго времени, которое проводилось большею частью на улицѣ, въ товариществѣ крѣпостныхъ

людей, а въ особенности дѣтей. Это сообщество конечно пріучало помѣщичьихъ сыновей къ дурнымъ манерамъ и выраженіямъ и вообще знакомило мальчиковъ, раньше времени, съ грязными картинами жизни, но, съ другой стороны, укрѣпляло ихъ физическія силы, пріучало къ самостоятельности и знакомило съ настоящей жизнью и въ особенности съ существовавшимъ тогда въ полной силѣ крѣпостнымъ правомъ. При такомъ порядкѣ, не только дѣти крѣпостныхъ людей, но даже взрослые не стѣснялись свободно говорить при насъ и высказывать тягость крѣпостныхъ своихъ отношеній, и мы дѣти имъ сочувствовали и, по мѣрѣ нашей возможности, защищали и помогали слабѣйшей сторонѣ. Странно, что часто самое ничтожное обстоятельство, бывшее въ раннемъ дѣтствѣ, врѣзывается въ память на всю жизнь. Я помню разговоръ мой со старикомъ дворовымъ Лаврентіемъ, когда мнѣ было только 8 или 9 лѣтъ. Старикъ былъ чѣмъ-то недоволенъ моею матушкою, жаловался на свое положеніе, и затѣмъ разговоръ зашелъ на обыкновенную тему,—несправедливость господъ и тяжкое положеніе крѣпостныхъ людей. Увлеченный сожалѣніемъ, я высказалъ, что, когда вырасту большой, то не буду обижать моихъ людей, на что старикъ возразилъ: «И, батюшка, когда вырастешь большой, то также будешь пороть нашего брата!» Эту фразу я всегда вспоминалъ, когда приходилось наказывать людей на службѣ во флотѣ или, какъ помѣщику, и къ этимъ операціямъ всегда приступалъ только при крайней необходимости и съ величайшимъ отвращеніемъ.

Семейство наше постоянно проживало въ Малюковѣ, но отецъ, большею частью, жилъ въ Тихвинскомъ имѣній —Пёлушахъ. Память сохранила одинъ зимній день, какъ его провелъ я въ Малюковѣ. Я спалъ вмѣстѣ съ матушкою, ложился, конечно, рано и просыпался, около 4 часовъ утра, когда весь домъ еще спалъ. Костюмъ мой былъ незатѣйливый и состоялъ преимущественно изъ нанки и овчинъ. Я вставалъ тихонько, надѣвалъ валенки, овчинный тулупъ, покрытый нанкой, и отправлялся въ кухню, которая стояла на дворѣ, довольно далеко отъ дома. Кухаркой была Мавра Елисѣевна. Въ кухнѣ я умывался, у Мавры топилась ужъ печь, и разогрѣвалась порядочная ладка (чашка) вчерашнихъ щей, которую я и уписывалъ, а затѣмъ цѣлый день проводилъ на улицѣ, исключая немногихъ часовъ, когда меня успѣвали залучить въ комнаты для занятій.

Съ нами жила бабушка, мать моей матери, Пелагея Никитишна Акинина, скончавшаяся 92 лѣтъ, и на ней и ея мужѣ слѣдуетъ остановиться, а также на родномъ моемъ дѣдѣ, родителѣ моего отца—Романѣ Яковлевичѣ Качаловѣ. Дѣдъ по матери

Иванъ Ивановичъ Акининъ, былъ бѣдный бѣлозерскій дворянинъ, и онъ съ братомъ своимъ Никитой Ивановичемъ служили писцами въ одномъ изъ бѣлозерскихъ судовъ и, по тогдашнему обычаю, оба рано женились. Молодые братья Акинины поняли, что въ Бѣлозерскѣ имъ не составить карьеры, и потому отправились въ Петербургъ и поступили на службу. Старшій братъ Никита Ивановичъ достигъ званія генералъ-кригсъ-коммисара, а дѣдъ мой Иванъ Ивановичъ—чина поручика гвардіи и вышелъ въ отставку. Въ то время банкиръ Перетцъ игралъ въ финансовыхъ дѣлахъ Россіи такую же роль, какъ баронъ Штиглицъ въ настоящее время. Оставивъ военную службу, Иванъ Ивановичъ поступилъ къ банкиру Перетцу ходатаемъ по дѣламъ и получалъ до 30.000 рублей въ годъ (по тому времени — содержаніе громадное), что свидѣтельствуетъ о способностяхъ дѣда. По разсказамъ бабушки, жизнь ихъ въ Петербургѣ была вполнѣ обезпеченная, и общество, по случаю банкирскихъ знакомствъ и служебнаго возвышенія брата, тоже хорошее. Славянская натура взяла свое, и что дѣдъ наживалъ, то и проживалъ, и скопилъ очень немного. Дѣдъ Иванъ Ивановичъ простудился и пересталъ владѣть ногами; въ Петербургѣ жить было невозможно, и онъ купилъ половину усадьбы Малюково, тамъ поселился, тамъ же и скончался.

Малюково куплено у Николая Бровцына; отецъ продавца, Аника Бровцынъ, былъ замѣчательный типъ своего времени, и необходимо его описать, согласно разсказамъ бабушки и другихъ стариковъ. Это былъ довольно богатый помѣщикъ того времени и, само собою разумѣется,—самодуръ и сутяга. Ему принадлежало всё Малюково, Каменникъ, много крестьянъ въ Куѣ и Пондолѣ и въ другихъ мѣстахъ; въ Малюковѣ большой двухэтажный деревянный домъ, половину котораго я еще помню. Аника Бровцынъ, по настоящимъ понятіямъ, былъ настоящій разбойникъ. Останавливалъ проѣзжихъ, обиралъ ихъ и даже у нищихъ отнималъ сумы съ корками, которыми послѣ его смерти оказались наполненными цѣлые амбары. Понравится ему скирда чужого хлѣба, стогъ сѣна, лошадь, корова, красивая женщина,—посылались люди, и всё это отнималось и увозилось къ грабителю. Вздумалъ самодуръ строить церковь, останавливалъ прохожихъ и ставилъ на работу. Всѣ суды были имъ закуплены, и чего не могъ Бровцынъ взять силою, то добывалъ сутяжничествомъ черезъ суды.

Наконецъ, терпѣніе обиженныхъ истощилось. Въ Ильинскомъ, усадьбѣ Колоповыхъ, жилъ тогда помѣщикъ Шапиловъ, который собралъ къ себѣ обиженныхъ помѣщиковъ и заманилъ

Анику Бровцына. Здѣсь учинили надъ обидчикомъ слѣдующій самосудъ: первоначально колотили его нещадно и требовали, чтобъ возвратилъ всё неправильно отнятое, но Аника, должнобыть, былъ желѣзный человѣкъ, не согласился. Тогда поставили его къ стѣнѣ, надѣли петлю на шею и подтянули её такъ, что Аника долженъ былъ стоять на цыпочкахъ, чтобъ не повиснуть, и въ такомъ положеніи Аника простоялъ много часовъ, пока согласился возвратить все отнятое. И этотъ человѣкъ спокойно умеръ дома! Можно вообразить его управленіе крѣпостными людьми,—и всё это терпѣливо переносилось! У Аники Бровцына было три сына: Иванъ, которому достался Каменникъ, а двумъ другимъ братьямъ—Николаю и, кажется, Кириллу—Малюково пополамъ по ровной части. Иванъ умеръ и оставилъ свое имѣніе женѣ своей Елизаветѣ Игнатьевнѣ, которая впослѣдствіи передала всё свое имѣніе незаконнорожденному своему сыну Виктору Александровичу Владимірскому. Послѣ смерти Кирилла Бровцына половина Малюкова досталась племяннику, сыну Ивана и Елизаветы Игнатьевны, законнорожденному Федору Ивановичу Бровцыну, бывшему много лѣтъ въ умопомѣшательствѣ и недавно умершему. Вторую половину Малюкова у Николая Бровцына купилъ мой дѣдъ. Покупка эта была чрезвычайно непріятна Елизаветѣ Игнатьевнѣ, и сейчасъ же начались и много лѣтъ продолжались процессы и разныя сосѣдскія взаимныя пакости, конецъ которыхъ я помню.

Большой двухэтажный домъ раздѣлили пополамъ, въ одной половинѣ поселилися дѣдъ, а другая половина оставалась пустая, такъ какъ владѣлецъ, умалишенный сынъ, жилъ на Каменникѣ. Всѣ земли по Малюкову были въ общемъ владѣніи и половины не были распредѣлены границами. Въ то время все хозяйство было основано на сучьяхъ; дѣдъ посылаетъ рубить лядину, и Бровцынъ рубитъ ту же лядину; наши сѣютъ рожь или ячмень, а староста Бровцына, по тому же мѣсту, обсѣваетъ тарицей. Та же исторія происходила при выборѣ мѣста для построекъ, не говоря уже, когда зайдетъ на чужую землю скотъ или птица (усадебная осѣдлость была раздѣлена). По случаю этой войны, отдѣленіе Земскаго Суда почти не выѣзжало изъ Малюкова, и вражда не только между владѣльцами, но даже между людьми была смертельная. Я помню, что, маленькій, я не смѣлъ зайти на усадебную землю Бровцына, и смотрѣлъ на чужую половину Малюкова, какъ на страшное мѣсто. Процессовъ по владѣнію землями была пропасть и не существенныхъ, а подъ впечатлѣніемъ раздраженія.

Елизавета Игнатьевна была женщина несправедливая, но

всё повторяла, что она бѣдная вдова, и что всѣ её обижаютъ. Это естественно повліяло на ея дѣтей,—на Ѳедора Ивановича, и, какъ увидимъ ниже, было причиною его сумасшествія, и на Виктора Александровича Владимірскаго, у котораго также появились въ характерѣ мнительность, подозрительность и обидчивость. Въ 1845 г., когда я вышелъ въ отставку и поселился въ Малюковѣ, я нашелъ еще много процессовъ и споровъ по малюковскимъ землямъ.

Дѣдъ мой былъ полковникъ Романъ Яковлевичъ Качаловъ и бабка Анна Алексѣевна,—урожденная Балкъ. Кажется, коренная наша фамилія была Боровицкаго уѣзда, гдѣ жилъ дѣдъ, и имѣніе это досталось двоюродному моему брату Роману Алексѣевичу Качалову. Я не помню дѣда, который умеръ до моего рожденія, и долженъ описывать его по разсказамъ родныхъ. Дѣдъ былъ адъютантомъ императора Петра III и присутствовалъ въ Ропшѣ при его кончинѣ. При вступленіи на престолъ Екатерины II, дѣдъ, какъ приверженецъ покойнаго императора, былъ назначенъ комендантомъ въ Петрозаводскъ, гдѣ и пробылъ всѣ 32 года царствованія Екатерины. При вступленіи на престолъ Павла, дѣдъ, въ чинѣ того же полковника, былъ въ отставкѣ и проживалъ въ Боровицкомъ имѣніи рядомъ съ имѣніемъ фельдмаршала Суворова Кончанскимъ. Я позабылъ разсказы, что получилъ дѣдъ отъ императора Павла, который щедро наградилъ всѣхъ приближенныхъ своего отца, но жалованныхъ имѣній отъ дѣда къ намъ не поступило.[1]) Между тѣмъ, имп. Павелъ зналъ моего дѣда и благоволилъ къ нему, что доказывается слѣдующими дошедшими до меня разсказами старшихъ моихъ родныхъ. При вступленіи имп. Павла на престолъ, онъ за что-то разсердился на знаменитаго Суворова...и сослалъ его на жительство въ его Боровицкое имѣніе, Кончанское. Отецъ мой, бывшій тогда флота лейтенантомъ, былъ уволенъ въ отпускъ и поселенъ въ домъ Суворова, чтобы быть при немъ безотлучно. Это обстоятельство даетъ право полагать, что дѣдъ мой имѣлъ порученіе отъ императора имѣть главное наблюденіе надъ изгнанникомъ. Вѣроятно, дѣдъ не стѣснялъ Суворова, потому что мнѣ достались письма Суворова къ моему дѣду, доказывающія самыя дружескія ихъ отношенія. Покойный князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, узнавъ о существованіи этихъ писемъ, просилъ прислать ихъ для снятія копій и, къ величайшему сожалѣнію, ихъ не возвратилъ и, такимъ образомъ, я потерялъ эту фамильную драгоцѣнность.

---

[1]) Качалову и не было пожаловано имѣнія. *Ред.*

По документамъ мнѣ извѣстно, что дѣдъ мой купилъ у Римскаго-Корсакова Пелуши за 14,000 р.; не помню, сколько тогда было крестьянъ, но земель состояло болѣе 100,000 десятинъ. Имѣніе было оброчное, никогда не видавшее помѣщиковъ, и такъ какъ крестьяне состояли изъ кореляковъ, людей почти дикихъ, то они не хотѣли повиноваться дѣду. Послана была рота солдатъ, и съ нею дѣдъ вступилъ въ купленное имъ имѣніе. Преданіе говоритъ, что около Костягова крестьяне встрѣтили войска, произошло сраженіе, было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, и крестьяне были усмирены. Я полагаю, что управленіе крестьянами послѣ бунта было суровое. Дѣдъ былъ въ Пелушахъ только наѣздами, и управленіе было поручено строгому старостѣ изъ крестьянъ. Мнѣ передавали, что староста этотъ ѣздилъ по работамъ и по деревнямъ лѣтомъ въ саняхъ, на которыхъ былъ поставленъ пологъ.

Болѣе объ дѣдѣ я ничего не помню, кромѣ одного послѣдняго оригинальнаго случая. Дѣдъ умеръ ранѣе бабки на 15 лѣтъ; при его похоронахъ была сдѣлана двойная могила, какъ настоящая для дѣда, такъ и будущая для бабки. Какъ я сказалъ выше, бабка умерла черезъ 15 лѣтъ, и когда открыли двойную могилу, то оказалось, что переборка раздѣляющая могилы и гробъ дѣда сгнили, а тѣло его сохранилось. Тѣло дѣда вынули, положили въ новый гробъ, поставили въ церковь вмѣстѣ съ гробомъ бабки, снова отпѣли и вмѣстѣ похоронили. У дѣда было 4 сына и дочь: старшій сынъ Алексѣй, второй—Александръ (мой отецъ), третій—Иванъ, четвертый—Платонъ и дочь Наталья.

Алексѣй Романовичъ постоянно находился на службѣ, во время Сенявинской кампаніи командовалъ военнымъ транспортомъ. Въ это время была объявлена война съ англичанами, и транспортъ дяди встрѣтилъ большое, военное, англійское судно, сражаться съ которымъ было бы безуміемъ. Встрѣча эта произошла во время сильнаго вѣтра и большого волненія, не позволявшаго англичанину перевезти на транспортъ свой десантъ, и потому онъ могъ взять его только на буксирѣ. Наступившею темною ночью дядя обрубилъ буксиръ, ушелъ отъ непріятеля и скрылся въ нейтральный портъ Лиссабонъ, гдѣ и простоялъ нѣсколько лѣтъ, т.-е. все время, пока продолжалась война съ Англіей.

Я не знаю другихъ свѣдѣній объ его службѣ, кромѣ того, что онъ умеръ въ чинѣ капитана 1-го ранга и начальника Галерной гавани, гдѣ у него былъ собственный домъ, замѣчательно устроенный и наполненный цѣнными вещами, на покупку котораго онъ употребилъ 75.000 рублей, полученныхъ имъ призовыхъ денегъ.

Я не помню этого дяди, но, по разсказамъ, это былъ чрезвычайно симпатичный человѣкъ. Онъ былъ очень красивъ, хорошо образованъ и до чопорности приличенъ и вполнѣ свѣтскій человѣкъ. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ивановнѣ Кутыгиной, падчерицѣ тогда вліятельнаго адмирала Маницкаго, любимца графа Аракчеева, и генералъ-губернатора Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, и для Маницкаго собственно создано это безполезное генералъ-губернаторство.

Замѣчателенъ случай, составившій карьеру Маницкаго. Аракчеевъ былъ всесильный человѣкъ и проживалъ въ Грузинѣ, на берегу рѣки Волхова. Императоръ Александръ I подарилъ Аракчееву свою парусную яхту «Голубку», служившую императору вмѣсто существующихъ паровыхъ яхтъ. Для отвода этой яхты на рѣку Волховъ былъ назначенъ морской штабъ-офицеръ Маницкій и только-что выпущенный изъ корпуса мичманъ Юрловъ. Когда Маницкій явился къ Аракчееву, и объявилъ, что яхту въ Грузино провезти невозможно, потому что она сидитъ въ водѣ 8 футъ, а вода въ Волховскихъ порогахъ только 2 фута, Аракчеевъ объявилъ, что требуетъ, чтобы яхта была доставлена во что бы то ни стало. При исполненіи онъ будетъ вѣчный должникъ Маницкаго, при неисполненіи—вѣчный врагъ. Яхту облегчили отъ всего, что только можно было снять, въ порогахъ вытащили на берегъ и берегомъ протащили всѣ пороги, слишкомъ 10 верстъ. Конечно, яхту не только поломали, но исковеркали, но поправили и поставили противъ дома Аракчеева. За эту услугу Аракчеевъ составилъ быструю карьеру Маницкаго и покровительствовалъ ему до смерти. За эту же сухопутную кампанію Юрловъ, не бывшій ни въ одной кампаніи, произведенъ въ лейтенанты и вышелъ въ отставку. Это былъ череповскій помѣщикъ, женился на Екатеринѣ Яковлевнѣ Унковской, сосѣдкѣ по Пелушамъ, и его до смерти сердили его морскими кампаніями.

Яхта «Голубка» отслужила Аракчееву большую службу. Въ 1831 году, во время бунта новгородскихъ военныхъ поселеній, толпа бунтовавшихъ прискакала на Волховъ противъ дома Аракчеева, стоящаго на другомъ берегу, не посмѣла переправиться черезъ рѣку, опасаясь 6 небольшихъ пушекъ, бывшихъ на яхтѣ, и тѣмъ дала Аракчееву возможность уѣхать по дорогѣ къ Тихвину, въ имѣніе Алексѣя Петровича Унковскаго, гдѣ онъ и пробылъ до усмиренія бунта. Яхтой командовалъ морской унтеръ-офицеръ, исполнявшій обязанность палача,—къ нему отправляли всѣхъ для наказаній. Я не помню и не слыхалъ, куда дѣвалась эта яхта.

Аракчеевъ большую часть года проживалъ въ Грузинѣ, и вся знать обоихъ половъ считала своею обязанностью ѣздить на

поклонъ къ временщику. Несмотря ни на какое высокое положеніе, никто не смѣлъ переправляться черезъ рѣку и подъѣхать къ дому, а всѣ останавливались на другомъ берегу и посылали просить позволенія. Отъ того, скоро ли получалось это разрѣшеніе, измѣрялась степень милости или немилости пріѣхавшимъ; нерѣдко случалось, что пріѣхавшій получалъ отказъ въ пріемѣ и возвращался въ Петербургъ. Проѣзжали 120 верстъ на почтовыхъ. Начиная отъ Чудова до границы Тихвинскаго уѣзда, по дорогѣ къ Тихвину, Аракчеевымъ было устроено шоссе, существующее до настоящаго времени. Во время всемогущества временщика шоссе было заперто воротами, устроенными въ каждомъ селеніи, и Аракчеевъ дозволялъ проѣхать по своей дорогѣ только тому, кому желалъ оказать особую милость, и тогда выдавалъ ключи для отпиранія воротъ. Всѣ же проѣзжающіе должны были ѣздить, по невозможной грунтовой дорогѣ, проложенной вдоль шоссе. Замѣчательно паденіе, почти моментальное, всѣхъ временщиковъ. Только что получено было извѣстіе о кончинѣ имп. Александра I, не было никакихъ официальныхъ распоряженій, и самъ Аракчеевъ, и вся Россія признала, что власть его окончилась. Въ это самое время проѣзжала въ Петербургъ бѣлозерская помѣщица Екат. Вас. Рындина, бой-баба. Она топоромъ разбила всѣ замки на воротахъ шоссе, первая проѣхала безъ позволенія, и съ тѣхъ поръ дорога поступила въ общее употребленіе, замки не возобновлялись, и Аракчеевъ этому покорился.

Я хорошо зналъ Наталью Ивановну, жену Алексѣя Романовича, которая прожила еще долго послѣ смерти дяди. Это была женщина въ молодости красивая, свѣтская, но окончательно пустая. У дяди Алексѣя Романовича, у котораго было 3 сына и 2 дочери, по разсказамъ, все въ домѣ было устроено до щепетильности прилично: у дѣтей были гувернеръ и гувернантка, дѣти были отлично выдержаны, и во всемъ господствовало довольство и безукоризненный порядокъ.

Отецъ поселился окончательно въ Пелушахъ, гдѣ и родились всѣ 6 человѣкъ старшихъ дѣтей, исключая меня. Воспитаніе сестеръ и брата, а потомъ и меня шло въ обстановкѣ совершенно иной, чѣмъ у дяди, Алексѣя Романовича. По обыкновенію, у каждаго ребенка была особая нянька; няньки выбирались изъ крестьянскихъ дѣвушекъ чухонокъ, и, по простотѣ нравовъ, онѣ одѣвались въ свой національный костюмъ. Костюмъ этотъ состоялъ изъ короткаго холщевого сарафана, выкрашеннаго канаброй въ кирпичный цвѣтъ; дѣвушки ходили босикомъ и, большею частью, съ нечесаными бѣлыми волосами. Дѣти обыкновенно вставали рано, и каждая нянька, покормивъ своего пиломца, сажала его на спину и отправлялась въ лѣсъ.

Дядя Иванъ Романовичъ былъ чрезвычайно добрый, веселый, симпатичный человѣкъ, и мы всѣ его чрезвычайно любили. У него не было дѣтей, и состояніе, по тому времени, было весьма хорошее, такъ что дядя могъ жить открыто и дать полную волю своему хлѣбосольству; за эти качества его чрезвычайно любили, какъ родные, такъ и знакомые.

Во время дворянскихъ выборовъ дядю уговорили баллотироваться въ уѣздные судьи въ Тихвинѣ; дядя согласился и, конечно, былъ выбаллотированъ. Дядя получалъ до 30.000 руб. дохода, что въ то время составляло громадную сумму, которую, при своемъ хлѣбосольствѣ, проживалъ всю въ уѣздномъ городишкѣ. Жалованья онъ не бралъ, взятокъ также и какъ жалованье, такъ и отъ себя прибавляемую большую сумму, отдавалъ бѣднымъ чиновникамъ. Затѣмъ, остальная городская интеллигенція поминутно у него гостила,—пила, ѣла. Естественно, что при такомъ порядкѣ дядю всѣ обожали. На бѣду, назначили въ Тихвинъ новаго стряпчаго, страшнаго кляузника, который придирался ко всякой мелочи, устраивалъ разные крючки и опротивѣлъ всѣмъ окончательно, въ томъ числѣ и дядѣ. Въ одно прекрасное утро, приходитъ дядя въ уѣздный судъ и громогласно объявляетъ, что онъ сегодня будетъ бить стряпчаго, и когда онъ возьметъ въ руки палку, то чтобы всѣ убирались изъ суда вонъ. Нужно знать, что это происходило лѣтомъ, окна въ судѣ, стоящемъ на площади, были всѣ открыты, и, какъ это былъ базарный день, то на площади было много народу. Кромѣ того, уѣздный судъ помѣщается во второмъ этажѣ казеннаго дома; рядомъ съ нимъ былъ земскій судъ, а внизу казначейство и городническое правленіе, и на мѣстѣ готовившагося скандала были всѣ власти въ городѣ и высшія въ городѣ юстиція и полиція; всѣ скоро узнали, что Иванъ Романовичъ сегодня будетъ бить новаго стряпчаго. По сказанному, какъ по писанному, скандалъ совершился. Когда явился стряпчій и, по обыкновенію, принялся за свои кляузы, дядя схватилъ его за шиворотъ, принялся тузить его палкой; нужно замѣтить, что дядя былъ мужчина вершковъ 12 росту и соразмѣрной этому силы, и надо полагать, что операція была произведена серьезная. Когда началась операція, всѣ бывшіе въ судѣ скрылись, и, когда вырвавшійся стряпчій сбѣжалъ съ лѣстницы и заявилъ о побояхъ, ожидавшіе его городничій, докторъ, исправникъ и всѣ служащіе люди ввели его въ городническое правленіе, признали его помѣшавшимся и арестовали. Стряпчій, конечно, жаловался, было нѣсколько слѣдствій, но ничего не открылось, и стряпчій, опасаясь повтореній операціи, перебрался въ другой уѣздъ.

Припоминаю другой анекдотъ въ связи съ воспоминаніемъ о дядѣ Иванѣ Романовичѣ. Нужно предварительно описать мѣстность, окружающую наше имѣніе, называемое, вообще, Пелушами. Оно находится на границахъ Тихвинскаго, Бѣлозерскаго и Устюжскаго уѣздовъ Новгородской губерніи и Ладейнопольскаго уѣзда Олонецкой губ., и вся середина его состоитъ изъ лѣсныхъ дачъ и рѣдко разбросанныхъ маленькихъ деревень.

При существованіи во всей силѣ крѣпостного права, неминуемо существовало постоянное имъ недовольство и раздраженіе между крѣпостными, и дворовыми, и крестьянами. Нерѣдко случалось, что раздраженіе это производило взрывы въ видѣ бунтовъ, но они усмирялись распоряженіями мѣстной полиціи или съ помощью войскъ; отдѣльныя же личности, при нежеланіи оставаться у помѣщиковъ, уходили и скрывались въ намѣченныхъ мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ всѣмъ сосѣднимъ крѣпостнымъ людямъ. Причины побѣговъ были различныя; притѣсненія помѣщиковъ, дѣлавшія жизнь у нихъ невыносимою, сдѣланный проступокъ и боязнь наказанія, лѣность, разстройство своего крестьянскаго хозяйства, большая семья и неимѣніе возможности выйти изъ невыносимаго положенія и, наконецъ, самостоятельность характера, не выносящая крѣпостной зависимости. Вообще крестьяне чрезвычайно сочувственно относились къ такого рода бѣглецамъ и охотно доставляли имъ временный или болѣе продолжительный пріютъ и всѣми способами скрывали ихъ отъ полиціи. Купечество, въ большинствѣ случаевъ вышедшее изъ крѣпостныхъ, тоже помогало такого рода бѣглецамъ, духовенство и даже монастыри также. Народъ признавалъ настоящими бѣглыми только военныхъ дезертировъ и бѣжавшихъ изъ Сибири и таковымъ не помогалъ, хотя тоже не ловилъ и не представлялъ въ полицію; бѣжавшихъ же отъ помѣщиковъ народъ называлъ бѣгунками. Въ строгомъ смыслѣ закона подобное покровительство народа бѣглымъ отъ помѣщиковъ было беззаконностью, но оно имѣло и хорошую сторону, такъ какъ давало выходъ людямъ, которые не могли выносить крѣпостной зависимости,— это было подобно предохранительному клапану въ паровомъ котлѣ: не существуй этого клапана, крестьянскіе бунты были бы несравненно чаще.

Описанная мѣстность около Пелушъ была самая удобная и излюбленная для всѣхъ бѣглыхъ крѣпостныхъ людей всѣхъ сѣверныхъ губерній и даже Ярославской, Костромской и Тверской. Время отъ времени полиція дѣлала облавы и внезапные наѣзды, и всегда безуспѣшно. Крестьяне прямыми путями успѣ-

вали ранѣе оповѣстить о наѣздѣ полиціи, и бѣглые перебирались въ глушь лѣсовъ или въ другой уѣздъ или даже губернію, гдѣ чужая полиція не имѣла права производить обысковъ. По довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, около Пелушъ проживало такихъ бѣглыхъ до 5000 человѣкъ обоего пола, и это секретное общество было правильно организовано.

Существовала такса за ихъ работы, нѣсколько ниже, чѣмъ вольнымъ рабочимъ, и плата по этой таксѣ выплачивалась аккуратно. Давая пріютъ бѣглымъ, мѣстные крестьяне требовали отъ нихъ, чтобы они жили скромно, и, какъ они выражались, чтобы не шалили, то-есть, чтобы не воровали, не буянили и пр., за чѣмъ строго наблюдало населеніе, и ежели появлялся такой шалунъ, то онъ немедленно исчезалъ, и нужно полагать, что его просто-на-просто убивали и хоронили въ лѣсахъ. Въ случаѣ болѣзни бѣглаго, его вывозили въ лѣсъ, гдѣ онъ и умиралъ и былъ похороненъ. Вообще, это секретное многолюдное общество было отлично дисциплинировано: несмотря на то, что мѣстность была глухая, не было ни воровства, ни конокрадства, а тѣмъ болѣе грабежей и убійствъ.

Я вышелъ въ отставку въ 1845 г. и поселился въ Пелушахъ. Большая часть пашень и сѣнокосовъ раскиданы по лѣсамъ въ дальнемъ разстояніи отъ усадьбы и перемѣшаны съ крестьянскими пашнями и сѣнокосами. Весьма часто, обходя или объѣзжая одинъ работы, я встрѣчалъ цѣлыя артели рабочихъ съ великорусскими лицами, ясно бѣглыхъ, такъ какъ мѣстные крестьяне—кореляки, и имѣютъ особый финскій типъ. Никогда я не имѣлъ отъ бѣглыхъ малѣйшей непріятности и не испытывалъ никакого опасенія при встрѣчѣ съ ними.

При объявленіи манифеста 19-го февраля 1861 г. такого рода бѣглымъ, добровольно явившимся въ свои вотчины, не положено никакого наказанія, и потому всѣ бѣглые возвратились по домамъ, и въ Пелушахъ не осталось ни одного человѣка. Это обстоятельство сильно повліяло на хозяйство крестьянъ этой мѣстности, которые лишились дешевыхъ рабочихъ, и хлѣбопашество крестьянъ, а слѣдовательно и общее благосостояніе сильно упало. При этомъ нужно замѣтить, что помѣщики не пользовались бѣглыми рабочими, но и не ловили ихъ, изъ чувства самосохраненія, такъ какъ за это могли пострадать, не говоря лично, но бѣглые, изъ мщенія, могли поджечь усадьбу и стоги хлѣба и сѣна, складываемые въ лѣсахъ безъ всякаго караула. Въ 1861 году я былъ, какъ сказано будетъ ниже, бѣлозерскимъ предводителемъ дворянства. Манифестъ объявленъ въ февралѣ, а мировые посредники введены въ августѣ, а въ этотъ промежутокъ времени пред-

водители исполняли обязанности мировыхъ посредниковъ, слѣдовательно должны были и водворять бѣглыхъ. Мы жили въ Налевскомъ, и каждое утро въ передней появлялась толпа разнаго народа, состоящаго изъ возвращающихся бѣглыхъ, которыхъ я отправлялъ въ Варнакумку, гдѣ жилъ становой приставъ,—для водворенія въ вотчины. При этомъ припоминаю одинъ анекдотъ, относящійся къ бѣглымъ. Въ одно утро войдя въ переднюю, я, по обыкновенію, увидѣлъ толпу крестьянъ съ опущенными внизъ глазами,—явный признакъ, что это бѣглые... Опросивъ ихъ и предупредивъ, что ежели что-нибудь напроказили во время побѣга, и эти проказы впослѣдствіи могутъ открыться, то выгоднѣе теперь признаться, я увидѣлъ, что въ передней нѣтъ лакея, а, между тѣмъ, виситъ много верхняго платья, я позвалъ лакея и замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ вводитъ приходящихъ въ искушеніе стянуть что-нибудь? На это одинъ изъ присутствующихъ бѣглыхъ мнѣ сказалъ, чтобы я былъ покоенъ, что бѣглые меня не обворуютъ, такъ какъ я у нихъ на хорошемъ счету.

Дядя Иванъ Романовичъ былъ знакомъ съ графомъ Аракчеевымъ, жившимъ въ Грузинѣ и бывшимъ тогда всесильнымъ. Въ разговорѣ съАракчеевымъ дядя описалъ Пелушскую мѣстность, и что, при существованіи многихъ бѣглыхъ, полиція ни одного не можетъ поймать. Аракчеевъ промолчалъ, но зарубилъ это себѣ на носу. Въ это время мы всѣ жили въ Пелушахъ. Зимой въ одно прекрасное утро является къ отцу изъ деревни Пожарощи старуха крестьянка Минчиха, деревенская сплетница, знавшая всѣ деревенскія новости раньше другихъ, съ объявленіемъ, что отъ Тихвина идетъ небывалая поимка бѣглыхъ, что съ утра бѣглые цѣлыми стадами на лыжахъ бѣгутъ въ Олонецкую губ., и что къ вечеру пріѣдетъ къ намъ много гостей. Отецъ, увѣренный въ вѣрности этихъ свѣдѣній, приказалъ готовить ужинъ и постели для ночлега. Дѣйствительно, вечеромъ явилось много гостей и масса понятыхъ. По разсказамъ пріѣхавшихъ оказалось, что Аракчеевъ командировалъ своихъ адъютантовъ и офицеровъ военныхъ поселеній съ запечатанными конвертами, приказавъ взять полицію и въ 50 верстахъ отъ Пелушъ, въ большой казенной волости Озерахъ, въ этотъ же день утромъ вскрыть конверты. Въ этихъ конвертахъ было приказаніе взять понятыхъ и на подводахъ осмотрѣть селенія и, во что-бы то ни стало, поймать бѣглыхъ. Пріѣхавшіе полагали, что отецъ не ждалъ такъ много гостей, но отецъ готовымъ ужиномъ и постелями доказалъ, что зналъ объ ихъ пріѣздѣ еще утромъ и сообщилъ имъ, что всѣ бѣглые давно ушли за границу. Вся эта небывалая поимка поймала одну только старуху, и то потому, что она была больна и не могла

Лен. 2 НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

двигаться. Несмотря на желѣзную настойчивость Аракчеева, подобная попытка не повторялась.

Сколько я помню отца, это былъ очень умный человѣкъ, уважаемый всѣми, но подъ вліяніемъ тогда, во всей силѣ, крѣпостного права у него образовался характеръ, какъ и у большинства помѣщиковъ,—суровый, взыскательный и вспыльчивый; въ спокойныя же минуты это былъ чрезвычайно пріятный и симпатичный человѣкъ. Странно,—всѣ дѣти чрезвычайно боялись отца, но всѣ чрезвычайно его любили.

Дѣдъ Романъ Яковлевичъ умеръ раньше бабки на 15 лѣтъ. Все свое имѣніе дѣдъ передалъ бабкѣ, которая не знаю, единственно ли, но особенно любила сына Платона и дочь; по этому случаю между матерью и старшими сыновьями существовали неудовольствія, и это происходило въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ это время отецъ былъ уже въ отставкѣ, но холостъ, и, чтобы имѣть средства къ жизни, завелъ ломовыхъ извозчиковъ, и квартира его, вмѣсто обыкновенной меблировки, была увѣшана хомутами, дугами и другими принадлежностями извознаго промысла. Въ то время дворянину заниматься не только промысломъ, но даже торговлей считалось позорнымъ, а потому чванливая родня была возмущена занятіемъ отца. Чтобы доставить ему болѣе приличныя средства къ жизни, отца опредѣлили компаніономъ къ какому-то Нарышкину, гдѣ отецъ коротко сошелся съ фавориткой этого барина, за что и былъ изгнанъ. Въ это время отецъ помирился съ матерью, которая отдѣлила ему часть имѣнія, и отецъ поселился во флигелѣ въ маленькой усадьбѣ Костыговѣ, а послѣ смерти матери и по раздѣлу съ братьями переѣхалъ въ с. Ледь или Пелуши. Изъ разсказовъ я помню, что въ 1812 г. отецъ жилъ въ Костыговѣ, и что на третій день послѣ рожденія сестры Екатерины Александровны мать встала съ постели и отправила отца въ ополченіе. Новгородское ополченіе было присоединено къ войскамъ, осаждавшимъ Данцигъ, гдѣ оно пробыло до сдачи этой крѣпости. Отецъ былъ поклонникъ всякаго рода хозяйственныхъ нововведеній, и знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ въ Пруссіи дало ему много матерьялу. Отецъ, одинъ изъ первыхъ, занялся посѣвомъ кортофеля въ большихъ размѣрахъ, осушалъ и чистилъ сѣнокосы, употреблялъ искуственное удобреніе, т.-е. компостъ, вводилъ новые способы построекъ и въ особенности любилъ высокія и крутыя кенигсбергскія крыши, вводилъ оспопрививаніе и пр.

Въ ополченіе помѣщики отправились со своимъ обозомъ и полной прислугой. Въ числѣ прислуги, отправился воевать Василька, дѣдушка бывшей нашей нянюшки и ключницы Даши,—

въ должности повара. Василька этотъ имѣлъ въ высшей степени мирный характеръ и умѣлъ исполнять только женскія работы и ни одной мужской. Такъ онъ ни одного раза въ жизни не запрягалъ лошади и никогда не садился верхомъ и даже не носилъ мужской шапки или шляпы, но повязывалъ голову платкомъ; между тѣмъ носилъ бороду и волосы по-русски. Изъ Данцига отецъ ѣздилъ въ Кенигсбергъ и взялъ съ собою Василько; онъ купилъ тутъ боченокъ селедокъ и передалъ его на храненіе Василькѣ. При возвращеніи, на одной изъ станцій, Василька отсталъ отъ отца, который долженъ былъ уѣхать одинъ. Въ это время ополченцы, конечно, нижніе чины, массами бѣгали изъ своихъ частей, и прусское правительство, по просьбѣ русскаго, ловило бѣглыхъ ратниковъ и доставляло на свое мѣсто. Василько сочли за бѣглаго ратника и повели по разнымъ мытарствамъ, и едва черезъ мѣсяцъ онъ попалъ только къ своему барину, но замѣчательно, что доставилъ сохранно порученный ему боченокъ селедокъ. Старикъ Василька до самой смерти не могъ простить этого нѣмцамъ, и только что напомнятъ ему, онъ начиналъ плеваться и ругаться.

Съ нами также проживала родная наша бабка, мать моей матери, Пелагея Никитишна Акинина, типъ женщины прошлаго столѣтія. Она никогда не хворала, не признавала существованія нервовъ, отъ хандры или дурного расположенія духа лѣчилась баней и смотрѣла на жизнь, какъ истинный философъ, хотя *не знала грамоты*. Между тѣмъ это была старушка не только добрая, но и сердечная и весьма не глупая и дожила безъ болѣзней до 92 лѣтъ.

Послѣ смерти бабки, Анны Алексѣевны, отецъ и два его брата, дяди Алексѣй и Иванъ Романовичи, раздѣлили между собою все имѣніе. Братья были очень дружны между собою и всѣ были люди честные и не интересаны. При раздѣлѣ ими была принята слѣдующая система. Всѣмъ имѣніемъ управлялъ приказчикъ изъ крѣпостныхъ дворовыхъ Григорій Филипповъ. Это былъ типъ русскаго могучаго богатыря. Огромнаго роста, пропорціонально сложенный и стройный съ открытымъ, красивымъ лицомъ, умными, жгучими глазами, лѣсомъ волосъ на головѣ, широкой русской бородой, онъ обладалъ громадной силой. При природномъ большомъ умѣ, полная крѣпостная зависимость выработала въ немъ наблюдательность, сдержанность, терпѣливость и хитрость. Старикъ прожилъ долго и умеръ въ 50-хъ годахъ, не дождавшись освобожденія.

Дѣлившіеся братья не знали подробно имѣнья, одинъ Григорій Филипповъ зналъ его подробно, и ему было приказано раз-

дѣлить все имѣнье на три равныя части и раздѣлить, какъ земли, такъ и крестьянъ, и дворовыхъ, *кромѣ своего семейства*, которое будетъ отдано тому изъ братьевъ,который окажется обдѣленнымъ. Этимъ способомъ братья полагали заставить Григорія сдѣлать совершенно правильный раздѣлъ. При этомъ дѣлившіеся забыли, что рабство развиваетъ хитрость рабовъ до геніальности; крѣпостная прислуга слѣдила за каждымъ движеніемъ своего помѣщика, ни одна мысль его не могла быть скрыта,—она была подслушана или угадана. Такъ и въ этомъ случаѣ: Григорій Филипповъ зналъ, что въ секретномъ совѣщаніи между братьями было положено назначить семейство Григорія Филиппова старшему брату, Алексѣю Романовичу, который былъ на службѣ и болѣе нуждался въ опытномъ управителѣ. Принимая это за основаніе, Григорій раздѣлилъ души ровно, но лучшія лѣсныя дачи достались на часть Алексѣя Романовича. Замѣчательно, что обдѣленные братья скоро это узнали, но ни одинъ изъ нихъ никогда не сдѣлалъ объ этомъ малѣйшаго намека старшему брату. По этому раздѣлу отцу досталась усадьба Пелуши, Алексѣю Романовичу —Котуши, а Ивану Романовичу—усадьба въ Боровическомъ уѣздѣ и въ Пашезорѣ, Тихвинскаго уѣзда.

Во время моего дѣтства газетъ кромѣ нѣсколькихъ экземп. «Московскихъ Вѣдомостей» не было почти ни у кого, книги покупались рѣдко, и помѣщики, имѣвшіе у себя библіотеки, были на счету. Покупались книги у пріѣзжающихъ торговцевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ гороховцевъ, привозившихъ книги московскаго изданія, преимущественно переводные, или оригинальные романы сомнительнаго качества. Я помню, что пріѣздъ такого гороховца составлялъ праздникъ; у него покупались ситцы, сукна, мелкія принадлежности дамскаго туалета и дешевыя шелковыя матеріи; у него же были и книги. Такой торговецъ жилъ въ усадьбѣ нѣсколько дней, и его угощали и содержали его лошадей даромъ, и такъ какъ во всякой мѣстности постоянно ѣздили одни и тѣ же торговцы, то ихъ всѣ знали, и они всѣхъ знали и отпускали товары въ кредитъ. Эти торговцы удовлетворяли почти всѣ потребности небогатыхъ помѣщиковъ. Я помню, что во время пребыванія гороховца цѣлые дни носились товары изъ возовъ въ домъ, и не только члены помѣщичьяго семейства, но вся прислуга окружала столы, покрытые товарами, и ежели не покупала, то любовалась ими. Старшія сестры были уже взрослыми, и гороховецъ, въ видѣ особой любезности, давалъ свои книги для прочтенія, и сестры, во время пребыванія гороховца, цѣлыя ночи проводили за чтеніемъ.

Я говорилъ, что въ нашей мѣстности не было богатыхъ помѣ-

щиковъ. Хозяйственныя занятія не могли поглощать всего времени, читать было нечего и потому нужно было искать развлеченій, чтобы занять свободное время. Время штатныхъ шутовъ и шутихъ миновалось, и потому ихъ замѣнили приживальщики и приживалки. Они формировались изъ дворянъ однодворцевъ, отставныхъ чиновниковъ и женщинъ мѣстнаго церковнаго причта. Типы эти извѣстны и много разъ подробно описаны. Само собой разумѣется, что они должны были имѣть уживчивый и смиренный характеръ, не обижаться шутками и должны были знать всѣ окружающія новости.

Мнѣ досталась въ наслѣдство одна изъ такихъ приживалокъ, помѣшанная дворянка Марья Макаровна Комаровская, и, послѣ брата Ивана Александровича, отставной архиваріусъ бѣлозерскаго уѣзднаго суда Павелъ Борисовичъ Акининъ. Я помню, что даже при братѣ Иванѣ Александровичѣ каждую зиму пріѣзжали къ нему Ковалевъ и Петръ Макаровичъ Комаровскій въ Пелуши на двухъ или трехъ лошадяхъ, подъ предлогомъ возить бревна и получать заработокъ. Бревенъ никакихъ они не возили, но цѣль ихъ пріѣзда была прокормить зиму себя и лошадей даровымъ содержаніемъ.

По принятому обычаю, я давно былъ записанъ кандидатомъ въ Морской корпусъ, на масляной я что-то много нашалилъ, и отецъ рѣшилъ, что пора отъ меня избавиться. На второй недѣлѣ великаго поста открывалась ярмарка въ Тивхинѣ, на которую ѣздилъ постоянно отецъ, и такъ какъ поѣздка туда была по дорогѣ къ Петербургу, то это ускорило мое отправленіе, и отецъ взялъ меня съ собой въ Тихвинъ. Замѣчательно, что отецъ не справлялся, дошла ли до меня очередь къ пріему по кандидатскому списку, но рѣшилъ меня отправить, основываясь на теоріи вѣроятностей. Изъ Тихвина меня отправили въ Петербургъ въ кибиткѣ на парѣ крестьянскихъ лошадей съ кучеромъ крестьяниномъ Чухаремъ, котораго фигуру я до сихъ поръ помню: это былъ Данила, котораго звали Даншой, высокій бѣлокурый мужикъ; сверхъ полушубка у него былъ надѣтъ бѣлый балахонъ, вмѣсто шапки—шляпа, и высокіе сапоги съ красными, невычерненными голенищами. На бѣлозерскіе дощаные сани былъ навязанъ рогожный волчокъ, и все это вмѣстѣ образовало очень оригинальный поѣздъ, обращавшій на себя вниманіе и вызывавшій насмѣшки. Надзирателемъ и распорядителемъ путешествія былъ назначенъ дворовый человѣкъ, Василій Михайловъ.

Само собою разумѣется, что я доѣхалъ на этихъ лошадяхъ до Петербурга, мы кормили лошадей долго, но не скучали этимъ и не голодали, такъ какъ были снабжены массой домашней провизіи.

Въ Петербургѣ мой гувернеръ, Василій Михайловъ, прямо съ дороги подвезъ меня къ Морскому корпусу и, оставивъ меня въ кибиткѣ, пошелъ за справками. На вопросъ швейцара, что ему нужно, Василій отвѣчалъ, что привезъ въ корпусъ молодого барина. Вѣроятно, не одинъ я былъ привозимъ такимъ образомъ, потому что швейцаръ нисколько не удивился и направилъ Василія въ канцелярію корпуса за справками. Скоро возвратился Василій и объявилъ, что очередь моя къ пріему еще не дошла и едва ли наступитъ черезъ годъ. Первое мое восклицаніе было, чтобы везли меня домой, но Василій Михайловъ, почесывая затылокъ, отвѣчалъ, что домой везти меня нельзя, всѣ хлопоты и дорожные расходы пропадутъ, и за это отъ Александра Романовича будетъ плохо, нужно подумать и подумать и затѣмъ утромъ рѣшить, что дѣлать.

Мы отправились на ночлегъ, кажется, въ Галерную гавань, въ домъ покойнаго дяди, но въ домѣ никто не жилъ.

Утромъ Василій Михайловъ объявилъ, что мы ѣдемъ въ Кронштадтъ къ Платону Никитичу Лугвеневу, у котораго былъ помѣщенъ братъ точно при такихъ же обстоятельствахъ. На тѣхъ же лошадяхъ мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Василій Михайловъ договорился съ Платономъ Никитичемъ Лугвеневымъ приготовить и сдать меня въ корпусъ за 1800 руб. ассигнаціями, и этими распоряженіями отецъ остался совершенно доволенъ.

У Лугвенева я пробылъ, кажется, до осени того же года и потомъ поступилъ въ корпусъ въ малолѣтнюю роту. Платонъ Никитичъ Лугвеневъ былъ добрый, грубоватый, малообразованный человѣкъ и, мнѣ кажется, не особенно искусный морякъ, но хлѣбосолъ, любилъ карты и поэтому у него часто собирались гости, и его любили, и этимъ онъ держался на службѣ. Кажется, онъ командовалъ фрегатомъ, потомъ былъ командиромъ Астраханскаго Флотскаго экипажа и померъ въ чинѣ капитана 1-го ранга въ Петербургѣ безъ опредѣленной должности.

Въ прежнее время во флотѣ никого не выкидывали изъ службы, но старикамъ давали доживать до смерти. Вмѣстѣ съ Лугвеневымъ въ Петербургѣ собралось нѣсколько старыхъ морскихъ штабъ-офицеровъ, которыхъ некуда было дѣвать, а выгнать изъ службы было несправедливо въ виду прежней долгой хорошей ихъ службы. Бывшій тогда морскимъ министромъ князь Меншиковъ составилъ изъ этихъ стариковъ комиссію, отвелъ имъ комнату, опредѣлилъ время занятій, предоставилъ выбрать предсѣдателя изъ своей среды, но на счетъ существа ихъ занятій объявилъ, что это будетъ имъ указано впослѣдствіи... Въ такомъ положеніи эта комиссія оставалась до того времени, пока

не померли всѣ члены, и все-таки не были объявлены ихъ занятія.

При назначеніи Лугвенева командиромъ Астраханскаго экипажа на укомплектованіе его были посланы изъ Кронштадта нижніе чины. Платонъ Никитичъ отобралъ плотниковъ, привелъ или привезъ ихъ въ свою усадьбу Стехново, гдѣ они произвели ему разныя постройки, и потомъ отправилъ въ Астрахань на службу. Въ настоящее время такой крупной продѣлки никто не рѣшится сдѣлать, но и теперь, кто не пользуется услугой солдата?! Воспитаніе у Платона Никитича было самое несложное: онъ нанималъ учителя штурманскаго корпуса за 15 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, и тотъ училъ, сколько умѣлъ, но свѣдѣнія мои до поступленія въ корпусъ не много увеличились.

Спасибо Платону Никитичу и за то, что онъ меня не обижалъ.

Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг.[1])

II.

Письма И. С. Тургенева.

Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, переписка между Некрасовымъ и Тургеневымъ, какъ по значительности содержанія нѣкоторыхъ писемъ, такъ и по удѣльному, если такъ можно выразиться, вѣсу каждаго изъ корреспондентовъ въ исторіи русской литературы. Кромѣ того, надо замѣтить, что количество тѣхъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ, которыми обмѣнялись оба писателя весьма и весьма значительно (оно, разумѣется, много ниже дѣйствительнаго количества писемъ, не одинъ десятокъ которыхъ, безъ сомнѣнія, утерянъ). Письма Некрасова (см. книгу Пыпина) сохранились въ количествѣ 61-го номера. Писемъ же Тургенева было напечатано 13 номеровъ плюсъ одна записка безъ даты (см. «Русская Мысль», 1903 г. № 1) да, кромѣ того въ моемъ распоряженіи имѣется 10 номеровъ писемъ плюсъ шесть записокъ безъ даты. Такимъ образомъ, если не считать записокъ, то писемъ Тургенева къ Некрасову дошло всего 23 номера, т.-е. немногимъ болѣе $^1/_3$ общаго количества писемъ Некрасова къ Тургеневу.

Я не имѣю въ виду подробно останавливаться на содержаніи писемъ Некрасова въ виду того, что книга Пыпина, въ которой они напечатаны, въ достаточной степени извѣстна широкимъ кругамъ русскаго общества, но нѣсколько замѣчаній по поводу ихъ считаю необходимымъ сдѣлать, тѣмъ болѣе, что я имѣю возможность существеннымъ образомъ дополнить содержаніе одного очень важнаго по своему общественно-литературному смыслу письма.

Первое, что бросается въ глаза при изученіи этихъ писемъ, это разительная неравномѣрность при распредѣленіи ихъ по годамъ. Въ періодъ съ 1847 по 1852 годъ включительно количество

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 4.

писемъ, падающее на годъ, очень невелико: одно, два, maximum три письма; къ 1853 году относится 4 письма; къ 1854 году—5; къ 1855 г.—4. Къ 1856 году относится уже 10 писемъ; къ 1857 г.—18 писемъ. Къ 1858 г. снова пять; къ 1859 и 1860 годамъ ни одного; къ 1861 году два. Само собой разумѣется, что вышеприведенныя данныя носятъ до нѣкоторой степени случайный характеръ, такъ какъ, повторяю, многія письма Некрасова къ Тургеневу, хотя, конечно, и не столько, сколько писемъ Тургенева къ Некрасову, затерялись, но, тѣмъ не менѣе, едва ли было бы правильно думать, что обиліе писемъ въ 1856 и 1857 годахъ также объясняется случайной причиной. Если, съ одной стороны, здѣсь не осталось безъ вліянія то обстоятельство, что Некрасовъ часть этого времени проводилъ за-границей, а слѣдовательно имѣлъ относительный досугъ, который и могъ использовать въ цѣляхъ переписки съ пріятелями, то, съ другой стороны, для меня совершенно несомнѣнно, что въ 1856—1857 годы, когда уже наступили въ русской общественной жизни событія, породившія въ недалекомъ будущемъ дифференціацію общества съ ея неизмѣннымъ спутникомъ—партійностью, Некрасовъ страстно хотѣлъ, вѣрнѣе, инстинктивно стремился, и укрѣпить свои дружескія связи съ Тургеневымъ, и достигнуть съ нимъ полнаго единомыслія въ вопросахъ литературно-общественнаго порядка, можетъ быть, смутно предчувствуя, что различное къ нимъ отношеніе сыграетъ впослѣдствіе роль фермента разложенія ихъ долголѣтней дружбы. Однако, объ этомъ я скажу потомъ, а пока лишь отмѣчу, что разсмативаемыя письма изобилуютъ такими выраженіями которыя съ полною опредѣленностью свидѣтельствуютъ о наличіи на рѣдкость теплыхъ и сердечныхъ взаимоотношеній. Некрасовъ, прежде всего, любилъ въ Тургеневѣ близкаго и симпатичнаго ему человѣка. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и его письма къ нему пестрятъ изъявленіями тѣмъ болѣе самой горячей дружбы. Эти выраженія дѣлаются особенно частыми и по тону своему тѣмъ болѣе задушевными, чѣмъ ближе подходитъ время къ серединѣ 50-ыхъ годовъ. Въ письмѣ Некрасова отъ 16 мая 1852 г. (№ 10) впервые прозвучало интимное «ты»; въ письмѣ отъ 17 ноября 1853 г. (№ 16) поэтъ говоритъ о своей любви къ Тургеневу, желаніи имѣть отъ него почаще извѣстія и съ нѣжностью вспоминаетъ ихъ старыя отношенія—(«ту охоту, съ которою я прочитывалъ тебѣ каждое мое новое стихотвореніе, и то вниманіе, съ которымъ ты меня слушалъ»); въ письмѣ 1856 г. (№ 27) съ трогательною деликатностью касается интимнѣйшаго вопроса въ жизни Тургенева—его скорбной, немало мукъ и терзаній приносившей, любви къ Віардо; въ

октябрьскомъ письмѣ того же года (№ 32) Некрасовъ «ужасно радуется надеждѣ пожить» съ Тургеневымъ въ Римѣ; въ письмѣ отъ 30 февраля 1857 г. (№38) содержится настоящее любовное признаніе («милый Тургеневъ, право, я тебя очень люблю—въ счастливыя мои минуты особенно убѣждаюсь въ этомъ»); въ письмѣ того же года (№ 43)—прямо-таки необычайныя по своей проникновенной нѣжности слова: «Будь веселъ, голубчикъ, глажу тебя по сѣдой головкѣ. Безъ тебя, братъ, какъ-то хуже живется». Число подобныхъ выдержекъ было бы возможно въ нѣсколько разъ увеличить, но и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о томъ, кѣмъ былъ для Некрасова Тургеневъ, какъ человѣкъ.

Не менѣе теплоты и дружеской экспансивности проявлялъ Некрасовъ, когда ему приходилось говорить о Тургеневѣ, какъ писателѣ. Уже первые разсказы изъ серіи «Записки Охотника» вызвали рядъ очень сочувственныхъ отзывовъ Некрасова (напримѣръ: «мнѣ эти ваши разсказы по сердцу пришлись»—въ№ 1, или «разсказы ваши такъ хороши и такой производятъ эффектъ, что затеряться имъ въ журналѣ не слѣдуетъ»—въ № 2). Въ данномъ случаѣ Некрасовъ только выражалъ общее мнѣніе кружка; гораздо знаменательнѣе тотъ фактъ, что онъ принадлежалъ къ числу немногихъ, признавшихъ первостепенныя литературныя достоинства за тургеневскими пьесами, которыя долго не пользовались ни вниманіемъ, ни успѣхомъ и только на нашей памяти дождались признанія. Такъ въ письмѣ отъ 12 сент. 1848 г. (№ 4), по поводу комедіи «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», Некрасовъ писалъ Тургеневу: «Безъ преувеличенія скажу вамъ, что вещицы болѣе граціозной и художественной въ нынѣшней русской литературѣ врядъ ли отыскать». Очень нравились Некрасову также и комедіи: «Завтракъ у Предводителя» и «Холостякъ» (№ 7). Какъ бы подводя итогъ своимъ сужденіямъ о произведеніяхъ Тургенева, относящихся къ концу 40-хъ годовъ, Некрасовъ утверждалъ, что говоря объ его послѣднихъ трудахъ, «приходится только хвалить и дивиться его успѣхамъ» (№ 4). Изъ отзывовъ первой половины 50-хъ гг. отмѣчу похвалы Некрасова статьѣ Тургенева объ Аксаковѣ (№ 13) и заявленіе, по поводу нападокъ В. Боткина и Н. Кетчера на «Рудина», котораго Некрасовъ тогда еще не читалъ, что онъ, только «лишившись здраваго смысла», повѣритъ, чтобы Тургеневъ «могъ написать томъ дряни» (№ 16). Въ 1855 г. изъ устъ Некрасова выливается уже цѣлый дифирамбъ по адресу Тургенева (№ 23): Некрасовъ прямо заявляетъ, что «изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ писателей» Тургеневъ «обязанъ сдѣлать наиболѣе». Еще горячѣе отзывы послѣдующаго

времени, среди которыхъ не рѣдкость встрѣтить даже преувеличенія (напр.: «ты поэтъ болѣе, чѣмъ всѣ русскіе писатели послѣ Пушкина, взятые вмѣстѣ»—№ 39).

Искренно любя Тургенева, какъ человѣка, очень высоко ставя его, какъ писателя, Некрасовъ чрезвычайно цѣнитъ его и какъ сотрудника журнала. Въ критическія минуты, а ихъ было немало въ безвременье «мрачнаго семилѣтія», Некрасовъ буквально взывалъ къ Тургеневу («явись спасителемъ «Современника»!—въ № 24), и, признавая его «радѣніе» о «Современникѣ» (№ 32), утверждалъ, что пока онъ сотрудничаетъ въ его журналѣ—«все... ничего», но уйди онъ—«то хоть закрывай лавочку» (№ 32).

Казалось бы, при такихъ отношеніяхъ Некрасова къ Тургеневу дружба между ними должна была бы продолжаться вѣчно, тѣмъ болѣе, что Тургеневъ платилъ Некрасову тою же монетою. Въ напечатанныхъ письмахъ Тургенева къ нему мы постоянно встрѣчаемся и съ выраженіями дружеской заботливости объ его здоровьѣ, и съ настойчивыми приглашеніями пріѣхать къ нему, и съ просьбами писать почаще, и съ благодарностями за присланныя письма. Это еще до нѣкоторой степени внѣшняя, такъ сказать, сторона отношеній. Внутренняя опредѣляется интимнѣйшими признаніями, подобныхъ которымъ Тургеневъ никому почти не дѣлалъ, касавшимися отношеній его къ Віардо (напр. въ письмахъ отъ 24—12 августа 1857 г., отъ 18—20 января 1858 г. и отъ 8 апр. новаго стиля 1858 г.) и горячими изъявленіями любви и довѣрія, какъ, напримѣръ, тѣ, которыя содержатся въ письмѣ изъ Куртавнеля (отъ 24—12 авг. 1857 г.), писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что разъяснившагося денежнаго недоразумѣнія: «я также люблю тебя, какъ любилъ прежде.., не сомнѣвайся во мнѣ, какъ я въ тебѣ не сомнѣваюсь».

Что касается до отношенія Тургенева къ поэзіи Некрасова, то въ это время оно не имѣло еще ничего общаго съ позднѣйшимъ глубоко отрицательнымъ отношеніемъ. Мнѣ уже приходилось писать объ этомъ (см. мою статью о Некрасовѣ въ «Современникѣ» 1915 г. № 3), при чемъ я основывался на слѣдующихъ фактахъ. Въ 1847 году, извѣщая Бѣлинскаго (Бѣлинскій. Переписка, СПБ., т. III, стр. 385; письмо изъ Парижа отъ 26—14 ноября 1847 г.) о полученіи №№ «Современника», которые читаются имъ теперь «съ волчьей жадностью», Тургеневъ обращается къ нему со слѣдующей просьбой: «Во-первыхъ, скажите отъ меня Некрасову, что его стихотвореніе въ 9-ой книжкѣ меня совершенно съ ума свело; денно и нощно твержу я это удивительное произведеніе и уже наизусть выучилъ». Отзывъ Тургенева сдѣлался извѣстнымъ Некрасову, и онъ въ письмѣ Тургеневу, относящем-

ся къ декабрю 1847 г. (№ 3), дѣлаетъ о немъ совершенно опредѣленное упоминаніе: «похвалы, которыми обременили вы мои послѣдніе стихи въ письмѣ къ Бѣлинскому....—и т. д. Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ самому Некрасову отъ 18 ноября 1852 г. («Русская Мысль», 1903 г. № 1) Тургеневъ такъ оцѣниваетъ присланное ему поэтомъ новое стихотвореніе, предназначавшееся для перваго № «Современника» за 1853 г.: «скажу тебѣ, Некрасовъ, что твои стихи хороши, хотя не встрѣчается въ нихъ того энергичнаго и горькаго взрыва, котораго невольно отъ тебя ожидаешь; притомъ конецъ кажется какъ бы пришитымъ... Но первые 12 стиховъ отличны и напоминаютъ Пушкинскую фактуру».

Замѣчу кстати, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о стих. «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», а во второмъ о стих. «Муза». Нѣтъ надобности распространяться о томъ, насколько оба они характерны для Некрасова: хвалить ихъ—значило хвалить ту какъ разъ струю его поэтическаго творчества, которая являлась главной и наиболѣе своеобразной его особенностью. Сравненіе съ Пушкинымъ, неизмѣнно вызывавшимъ самое благоговѣйное отношеніе со стороны Тургенева,—это, съ его точки зрѣнія, высшая степень одобренія, которую только можетъ заслужить поэтъ.

О полномъ сочувствіи Тургенева въ эту пору стихамъ Некрасова могутъ также свидѣтельствовать нижеслѣдующія слова изъ письма послѣдняго отъ 17 ноября 1853 г. (№ 16):«я вспомнилъ наши давніе литературные толки, ту охоту, съ которою я прочитывалъ каждое мое новое стихотвореніе, и то вниманіе, съ которымъ ты меня слушалъ. Давнія времена!» Отсюда съ полною ясностью, вытекаетъ, что внимательное и сочувственное отношеніе Тургенева къ поэзіи Некрасова проявлялось не только въ единичныхъ случаяхъ, по поводу отдѣльныхъ стихотвореній, а носило, если можно такъ выразиться, постоянный характеръ. Не даромъ Некрасовъ чрезвычайно дорожилъ тургеневскими отзывами, полагаясь на нихъ больше, чѣмъ на чьи бы то ни было другіе. Разсказавъ въ письмѣ отъ 7 декабря 1856 г. (№ 33) о своей усиленной работѣ надъ поэмою «Несчастные», свидѣтелемъ которой былъ Фетъ, Некрасовъ добавляетъ слѣдующее: «Онъ мою вещь очень хвалитъ, но кромѣ тебя я никому не вѣрю.—Я—ты не откажешь мнѣ въ этомъ—дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говаривалъ тебѣ самую задушевную мою правду о тебѣ. Заплати мнѣ тѣмъ же». Отвѣтъ Тургенева, къ сожалѣнію, не дошелъ, но изъ писемъ Некрасова отъ 18 и 30 декабря видно, что въ немъ заключалось прежде всего указаніе на нецензурность поэмы въ ея настоящемъ видѣ, которое глубоко взволно-

вало и огорчило Некрасова, принужденнаго, вмѣсто того, чтобы послать поэму для напечатанія въ № 1 «Современника» за 1857 г., засѣсть за ея «порчу», а затѣмъ искренняя похвала ей («спасибо за доброе мнѣніе о Кротѣ»—писалъ Некрасовъ).

Итакъ, насколько можно судить по этимъ отзывамъ, въ 50-ыхъ годахъ Тургеневъ отнюдь не принадлежалъ къ отрицателямъ Некрасовской поэзіи. Весьма знаменательно, что свое сочувственное отношеніе къ ней онъ выражалъ не только въ письмахъ, но однажды выразилъ и *печатно*. Я имѣю въ виду нижеслѣдующія его слова изъ рецензіи о стихотвореніяхъ Тютчева («Современникъ», 1854 г., т. 44): «Легко указать на тѣ отдѣльныя качества, которыми превосходятъ его (Тютчева) болѣе даровитые изъ теперешнихъ нашихъ поэтовъ: на плѣнительную, хотя нѣсколько однообразную грацію Фета, на энергическую, часто сухую, жесткую страстность Некрасова, на правильную, иногда холодную живопись Майкова; но на одномъ только г. Тютчевѣ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ относится и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ».... и т. д.

Отсюда слѣдуетъ, что Некрасовъ являлся для Тургенева однимъ изъ «болѣе даровитыхъ» современныхъ поэтовъ и стоялъ на одной плоскости съ такими высоко цѣнимыми имъ писателями, какъ Фетъ и Майковъ.

Далѣе изъ писемъ Тургенева видно, почему Некрасовъ такъ благодарилъ его за «радѣніе» о «Современникѣ». Тургеневъ не только приносилъ ему пользу своимъ усерднымъ сотрудничествомъ, но и принималъ до нѣкоторой степени участіе въ веденіи журнала. Я говорю «до нѣкоторой степени», такъ какъ участіе Тургенева не было активнымъ; оно выражалось главнымъ образомъ въ подробныхъ отзывахъ о содержаніи того или другого номера журнала (напр., въ письмахъ отъ 18 ноября 1852 г. и отъ 16 декабря того же года) и совмѣстныхъ планахъ относительно желаемыхъ въ журналѣ «усовершенствованій» (въ письмѣ отъ 22-го ноября 1857 г.).

Само собою разумѣется, что подобныя отношенія въ сферѣ совмѣстной журнальной дѣятельности обоихъ писателей могли имѣть мѣсто только при условіи значительной близости между ихъ литературными мнѣніями, симпатіями и антипатіями. Что такая близость, особенно въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, существовала, тому можно привести многочисленные примѣры. Вотъ нѣсколько наиболѣе разительныхъ изъ нихъ. Достаточно было Некрасову отозваться объ авторѣ «Дѣтства», какъ о талантѣ «надежномъ» (№ 11), какъ Тургеневъ спѣшитъ выразить съ нимъ свое полное согласіе (въ письмѣ отъ 28 окт. 1852 г.); далѣе отзывъ Некрасова

о 2-ой части романа Писемскаго «Батмановъ» (№ 11) вызвалъ почти аналогичную оцѣнку его Тургеневымъ (28 окт. 1852 г.): «2 часть «Батманова»....— поразила меня своею грубостью... Послѣ этой повѣсти, не знаю почему, онъ мнѣ иначе не представляется, какъ *литературнымъ городовымъ*, разрѣшающимъ всѣ вопросы жизни и сердца палкой!»—писалъ Некрасовъ; «2-я часть Батманова—изъ рукъ вонъ плоха. Ну этотъ Писемскій! Можетъ онъ начать гладью, а кончить гадью»... вторилъ ему Тургеневъ. Съ другой стороны, достаточно было Тургеневу выразить свое возмущеніе Щербиной за «исполненную претензій мерзость, тиснутую имъ въ «Москвитянинѣ», (28 октября), какъ Некрасовъ заявляетъ о своей полной солидарности съ его взглядомъ (№ 12). Конечно, иной разъ литературныя мнѣнія писателей расходились, но въ общемъ во взглядахъ ихъ на современную литературу до выступленія на журнальную арену Чернышевскаго господствовало единомысліе.

Тѣ выводы и заключенія, которые были только что сдѣланы на основаніи напечатанной переписки Тургенева и Некрасова, подтверждаются содержаніемъ еще неопубликованныхъ писемъ Тургенева, которыхъ, какъ уже было сказано, у меня имѣется [1]) 10 номеровъ. Привожу ихъ полностью и обозначая каждое изъ нихъ соотвѣтственной римской цифрою въ хронологическомъ порядкѣ.

№ I (отвѣтъ на письмо № 15).

С. Спасское 16-го октября 1853 г

Любезные друзья мои, Панаевъ и Некрасовъ, получилъ я ваше письмо, отданное вами Колбасину. Не знаю точно ли вы соскучились по мнѣ, но вы мнѣ повѣрите, когда я скажу вамъ, что смертельно желаю васъ всѣхъ увидѣть.—Живу я теперь одинъ одинешенекъ, погода скверная, дороги непроходимыя, кругомъ ни души—не съ кѣмъ слова вымолвить.—Что дѣлать! Терпѣнье, говорятъ, все преодолѣваетъ—мнѣ же не привыкать стать — ужъ втянулся.

Все это время былъ занятъ разными хозяйственными хлопотами—теперь, можетъ быть, удастся подумать и о литературѣ.— Я вамъ на-дняхъ черезъ Анненкова пошлю небольшую вещь, невиннѣе которой и Азбуки не бываетъ.—Я самъ потомъ доса-

---

[1]) За разрѣшеніе воспользоваться относящимися къ Некрасову матеріалами архива А. Н. Пыпина, въ которомъ мною были найдены и приводимыя ниже письма Тургенева къ Некрасову, приношу глубочайшую признательность Вѣрѣ Александровнѣ Ляцкой. За весьма цѣнное для меня содѣйствіе въ моихъ розысканіяхъ благодарю Е. А. Ляцкаго и Б. Л. Модзалевскаго.

довалъ на себя, зачѣмъ я не распорядился такъ, чтобы первую часть моего романа вамъ сообщили—теперь же это невозможно—рукопись только что вернулась ко мнѣ и я намѣренъ приняться за передѣлку, а то затянется, пойдетъ въ долгій ящикъ—и аминь! Кетчеръ и Боткинъ сильно меня раскритиковали, но я надѣюсь, что это принесетъ мнѣ пользу,а что то мнѣ говоритъ, что мой романъ не совсѣмъ такъ плохъ, какъ онъ имъ показался.—Увидимъ, что будетъ.

«Современникомъ»—я послѣднее время мало занимался—некогда было. Достоинства и недостатки его одни и тѣ же, какіе были. Что-то Булгаринъ васъ сталъ похваливать. Обратите вниманіе на критику, на опечатки, на смѣсь.—Смѣсь иногда выбирается изъ какихъ-то ужъ очень застарѣлыхъ журнальныхъ извѣстій. А впрочемъ все-таки пріятно взять вашъ журналъ въ руки.—«Отечественныя Записки» напоминаютъ мнѣ, по мрачности своей, дерево Анчаръ.

«И если туча (т.-е. Т. Ч., Крестовскій или другая какая Муза въ юбкѣ)—ороситъ блуждая листъ его дремучій»...

Некрасовъ, спроси у Анненкова, стихи моего живописца (дворoваго человѣка), которые я ему послалъ—и удивись.

Ну прощайте, друзья.—Желаю вамъ всего хорошаго, здоровья и веселья. Всѣмъ старымъ товарищамъ поклонъ и привѣтъ. Живите счастливо и не забывайте вашего

Ив. Тургенева.

(День спустя).—Стихи моего живописца оказались не его и потому можешь не спрашивать.

№ II (отвѣтъ на письмо № 22).

С. Спасское. 29-го апрѣля 1855 г.

Любезный Некрасовъ, наконецъ, ты далъ объ себѣ вѣсточку, а то я бы и радъ былъ написать къ тебѣ, да не зналъ куда.

О прошедшемъ не стану тебѣ говорить—оно такъ не весело, чѣмъ скорѣе забыть его, тѣмъ лучше, а главное, что твое здоровье и гдѣ ты собираешься прожить лѣто? Комната твоя здѣсь тебѣ готова и еслибъ ты вздумалъ пріѣхать сюда, пока охота еще не началась, очень бы ты меня обрадовалъ. Я только вчера вернулся изъ поѣздки за 250 верстъ на дупелей—охотился изрядно всякой дичи убито 220 штукъ. Я теперь до Петрова дня никуда ни ногой, стало быть ты меня во всякое время застать можешь. Это было бы очень не дурно—и для твоего здоровья полезно—потому что я боюсь, что у себя въ деревнѣ ты заскучаешь и расхандришься.

Порфирій тебѣ кланяется и повторяетъ, что онъ тебя вылечитъ. Онъ Колбасину уже значительно помогъ.—Онъ его лечитъ однимъ молокомъ.—Ты бы здѣсь приготовилъ собраніе своихъ стихотвореній къ печати, которое непремѣнно надо издать зимой. Напиши мнѣ, что ты намѣренъ съ собой дѣлать. До свиданія.

Твой

Ив. Тургеневъ.

№ III.

С. Спасское 21-го мая 1855 г.

Любезный Некрасовъ, не могу не сообщить тебѣ, что вотъ уже болѣе недѣли, какъ у меня живутъ Григоровичъ, Боткинъ и Дружининъ.—Мы очень весело проводимъ время, затѣяли домашній театръ—у насъ билліардъ, кегли и т. д. Что бы тебѣ также пріѣхать?—Охоты теперь никакой нѣтъ. Дай о себѣ по крайней мѣрѣ знать, какъ твое здоровье?—Всѣ они тебѣ кланяются. Я тебѣ отвѣчалъ на твое письмо и теперь пишу по тому же адресу. Кстати у меня есть до тебя важная просьба—Колбасину очень нужны деньги—ты распорядись такъ, напиши Панаеву, чтобъ ихъ выдали его брату въ Петербургѣ. Пожалуйста не забудь—этимъ и его и меня очень обяжешь. Да пріѣзжай—я боюсь, ты тамъ захандришь.

До свиданія.

Душевно тебѣ преданный

Иванъ Тургеневъ.

№ IV (отвѣтъ на письмо № 23).

С. Спасское 10 іюля 1855 г.

Твое письмо застало меня здѣсь, милый Некрасовъ,—по милости холеры, которая свирѣпствуетъ именно тамъ, куда я хотѣлъ ѣхать на тетеревей—въ Жиздренскомъ уѣздѣ.—Охотники мои вернулись оттуда и разсказываютъ чудеса про тамошнія мѣста... Что дѣлать! Охоту я люблю страстно—но холеры боюсь еще больше. Сижу теперь здѣсь и работаю надъ большой повѣстью (120 страницъ уже написано)—и не знаю, что изъ этого выйдетъ. Твое письмо меня и обрадовало и огорчило. Огорчило оно меня на счетъ твоего здоровья; утѣшаю себя надеждой, что хотя оно дѣйствительно не блестяще, однако и не такъ плохо, какъ ты представляешь. Посмотри, ты еще много здоровяковъ перескрипишь. Веди только жизнь аккуратную—и не подставляй свой безъ того не яркій свѣточъ дуновенію страстей. Каково сказано? обрати вниманіе.—Стихи твои къ (*) просто Пушкински хоро-

ши—я ихъ тотчасъ на память выучилъ. Сдѣлай одолженіе, присылай мнѣ твой разсказъ въ стихахъ—увѣренъ, что въ немъ есть чудесныя вещи.—Вполнѣ одобряю твое намѣреніе написать свою біографію; твоя жизнь именно изъ тѣхъ, которыя, отложа всякое самолюбіе въ сторону, должны быть разсказаны—потому что представляютъ много такого, чему не одна Русская душа глубоко отзовется. Благодарю заранѣе за посвященіе мнѣ—но надѣюсь, что публика не скоро объ этомъ узнаетъ. (Кстати, меня также польстило посвященіе Толстого.—Какая превосходная вещь—его Севастополь!)

Къ крайней моей досадѣ—мой экземпляръ Бернса остался въ Петербургѣ—но я непремѣнно прошу тебя заставить Васиньку сходить въ книжную лавку, купить и прислать мнѣ одинъ экземпляръ (найти его весьма легко).—Я увѣренъ напередъ, что ты придешь въ восторгъ отъ Бернса и съ наслажденіемъ будешь переводить его. Я тебѣ обѣщаю сдѣлать отличный выборъ—и метръ приложить,—Бернсъ—это чистый родникъ поэзіи. Попробуй, пока, написать что-нибудь на слѣдующій, любимый его метръ:

«Я не могу тебѣ сказать,
Кого ты долженъ воспѣвать,
Но не могу теперь скрывать
Передъ тобой,
Что началъ сильно мнѣ мѣшать
Жестокій зной».

Понимаешь? Этотъ размѣръ идетъ къ элегическимъ и заунывнымъ вещамъ. Такимъ размѣромъ написано знаменитое стихотвореніе Бернса къ полевому цвѣтку, срѣзанному имъ при паханіи плугомъ.—Непремѣнно пришли мнѣ Бернса.

Уже изъ того, что я тебя прошу прислать мнѣ Б—а, ты можешь заключить, что я не поѣду къ тебѣ въ деревню.—Къ сожалѣнію, это совершенно невозможно по многимъ причинамъ, о которыхъ нечего распространяться... Авось въ слѣдующемъ году удастся.

Спасибо тебѣ за ободрительное увѣщаніе. Я дѣйствительно, какъ ты говоришь находился—и отчасти нахожусь—въ моментѣ если не разложенія, то сомнѣнія въ себѣ. Слишкомъ ясно вижу, что мнѣ не достаетъ—и увѣренность въ себѣ пропала вмѣстѣ съ самоувѣренностью. Однако напрягу послѣднія силы, хотя бы для того, чтобы оправдать хорошее мнѣніе пріятелей.—Очень мнѣ будетъ любопытно знать, что вы скажете о моей повѣсти; я ее обдумывалъ долго—и въ первый разъ написалъ подробный планъ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію.

У меня дѣйствительно было весело и шумно. Нигдѣ еще холеры въ поминѣ не было.—Знаешь ли, что Дружининъ отличный человѣкъ? Его статья въ Б. для Ч. объ Анненковскомъ изданіи Пушкина, прекрасна. Мнѣ, признаться, нѣсколько досадно на «Современникъ», что онъ не отдѣлалъ, какъ бы слѣдовало, мертвечины Чернышевскаго. Эта худо—скрытая вражда къ искусству—вездѣ скверна, а у насъ и подавно. Отними у насъ *этотъ* энтузіазмъ—послѣ того хоть со свѣта долой бѣги.

Пиши мнѣ пожалуйста—я тебѣ отвѣчать буду. Не забудь Бернса и твоей поэмы. А за границу ты все собираешься ѣхать? Видертъ ждетъ тебя въ Берлинѣ, какъ рыцарь Тоггенбургъ свою невѣсту.

Прощай, братъ; будь здоровъ и веселъ. Дружески жму тебѣ руку. Поклонись отъ меня Боткину—я недавно писалъ ему.

Твой

Ив. Тургеневъ.

№ V (отвѣтъ на письмо № 24).

С. Спасское 2 сентября 1855 г.

Милый Некрасовъ, я на дняхъ только что вернулся съ отъѣзжаго поля на дупелей (то была самая несчастная поѣздка—болота всѣ высохли — и тамъ, гдѣ бывали десятки дупелей, мы находили одного перепела)—и нашелъ два твоихъ письма, на которыя спѣшу отвѣтить. Прежде всего, скажу тебѣ, что меня все-таки радуетъ извѣстіе о новомъ взглядѣ докторовъ на твою болѣзнь—поживи-ка въ Петербургѣ, побереги себя и довѣрь себя Шипулинскому,—а я буду ходить къ тебѣ играть въ пикетъ.—Въ Петербургъ я пріѣду непремѣнно къ 10 октябрю.

Что же касается до «Современника», то ты знаешь, какой я былъ всегда усердный сотрудникъ—я привезу съ собой большую повѣсть,—а если ты думаешь, что можно напечатать Пост. Дв.,—то вотъ вамъ и другая вещь.—Очень меня радуетъ твой отзывъ о 2-хъ Пр-хъ, желалъ бы, чтобъ и новая повѣсть заслужила свое одобреніе.—Ее можно будетъ въ XI-й номеръ.

Очень меня поразила смерть В. Милютина. Этого я никогда отъ него не ожидалъ... Рѣшительно—одно непредвидѣнное, вѣроятно, и совершается на дѣлѣ.

Пока будь здоровъ и не унывай. Вальшнепы у насъ показались—неужели и въ нынѣшнемъ году надуютъ. Жму тебѣ крѣпко руку. До скораго свиданія. Въ Петербургѣ мы будемъ видѣться часто.

Твой

Ив. Тургеневъ.

P. S. Кланяйся А. Я. и всѣмъ старымъ знакомымъ.

P. P. S. Надо будетъ непремѣнно въ теченіе нынѣшней зимы заняться изданіемъ твоихъ стихотвореній.

№ VI. Москва.

Вторникъ, 11-го сентября 1855.

Милый Некрасовъ, мы съ Боткинымъ выѣзжаемъ послѣ завтра отсюда и стало быть въ пятницу тебя увидимъ. Я теперь хочу только пожать тебѣ руку въ отвѣтъ на твое письмо къ Боткину—какъ на сраженіи товарищъ жметъ руку товарищу, когда картечь вырываетъ лучшихъ изъ рядовъ.—Смерть [1]) бьетъ жестоко и неутомимо—но нечего дѣлать! —Пока живешь, надо жить и дѣйствовать. До свиданія. Повѣсть я везу съ собою.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

(Письмо Боткина).

Дня три или четыре назадъ я послалъ тебѣ письмо, а вчера получилъ отъ тебя. Я не знаю, что и сказать о нашей потерѣ. Все, что ты пишешь, я тоже самое чувствую. Изъ твоего письма—вижу, что ты сильно все принялъ къ сердцу. Въ пятницу тебя увижу—и деньги привезу съ собой. Обзоръ журналовъ отличный—тонъ его превосходенъ. Ахъ, еслибъ въ этомъ выдержать до новаго года! Очень любопытно знать, какое будетъ мнѣніе о Карлейлѣ. Статья Ппсемскаго о Гоголѣ [2]) очень хороша и дѣльна;—стихи Полонскаго начались хорошо—а потомъ спутались и черезъ это пропали. Твои дѣйствуютъ на душу какъ сырой холодный туманъ на тѣло, проникаютъ исподволь и страшно холодятъ.

Пока прощай, милый другъ, весь твой *В. Боткинъ.*

№ VII.

Любезный Некрасовъ, я пріѣхалъ вчера, въ пятницу—и ѣду завтра дальше. Видѣлъ Аксаковыхъ, которыхъ очень польстило твое мнѣніе объ нихъ и о «Русск. бесѣдѣ». Пожалуйста, если успѣешь, вели выпечатать изъ 7-го (Майскаго) № «Морского Сборника» статейку Даля о воспитаніи. Это вещь необыкновенная—да о «Русской бесѣдѣ» потеплѣе—если еще книжка не вышла. Каткова еще не видалъ и Григорьева тоже. Григорьева увижу сегодня вечеромъ—и изъ деревни тебѣ напишу результатъ нашего разговора. Прощай, будь здоровъ, до свиданія въ Кунцовѣ.

Суббота, 6-го мая 1856 г. Москва.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

---

[1]) Рѣчь идетъ о смерти Грановскаго.

[2]) См. «Отеч. Записки», 1855 г. т. 102, кн. X, отд. III. *В. Е.*

№ VIII.

Я имѣю извѣстія о тебѣ отъ трехъ лицъ, любезный Некрасовъ—но я хотѣлъ бы имѣть извѣстіе о тебѣ отъ тебя. Напиши мнѣ пожалуйста, съ слѣдующей почтой вкратцѣ: вышелъ ли твой пачпортъ?

Намѣренъ ли ты съѣздить къ Боткину въ Москву? Если ты ѣдешь за границу—то когда именно? Бросилъ ли ты играть—и наконецъ, какъ ты себя чувствуешь? Говорятъ ты хандришь—но отъ чего?—О себѣ я тебѣ скажу, что я здѣсь зажилъ животной жизнью ѣмъ масло и даже салатъ — рѣшительно ничего не дѣлаю. 5-й № Совр.—я еще не получалъ. Мнѣ Толстой пишетъ, что по словамъ Блудова «Записки» разрѣшены.—Правда ли это?—Также я получилъ извѣстіе, будто мнѣ, не дожидаясь документа отъ Губернскаго Предводателя,—разрѣшили выдать паспортъ.—Я поручилъ Колбасину справиться. Если меня пустятъ—я уѣду 21-го іюля (т. е. 2-го Августа нов. ст.)—и пробуду въ Парижѣ въ концѣ Августа новаго же стиля.—А до 10-го Іюля я буду въ Спасскомъ.—Стало быть тебѣ извѣстно будетъ, куда мнѣ писать—сдѣлай такъ, чтобы и я зналъ, куда писать тебѣ. Я было хотѣлъ быть у Васиньки около 1-го Іюня,—но раздумалъ—а буду проѣздомъ въ Петербургѣ. Хотѣлось бы повидать тебя передъ отъѣздомъ за границу но не знаю, какъ.

Ты за границей непремѣнно долженъ написать свою біографію это почти, можно сказать, твой долгъ.—Кстати, я отъ Фета получилъ на дняхъ такое нѣжное и любезное письмо, что я краснѣлъ какъ дѣвушка, которой говорятъ комплименты.—Я ему съ этой же почтой пишу.

Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что въ Москвѣ твои всѣ послѣдніе стихи (особенно «Муза»)—произвели глубокое впечатлѣніе.—Даже Хомяковъ призналъ тебя поэтомъ.—Какого тебѣ еще лавроваго вѣнка? Ты счастливый человѣкъ, тобою дамы интересуются. Вотъ и графиня Толстая непремѣнно желаетъ имѣть твой портретъ и написала о немъ Колбасину.

Ну прощай, душа моя, будь здоровъ, не хандри и не забывай преданнаго тебѣ

Ив. Тургенева.

P. S. Какъ съ неба свалился Колбасинъ (Дмитрій).—Онъ ѣздилъ съ казеннымъ порученіемъ. Онъ мнѣ многое разсказалъ о тебѣ—и между прочимъ, что ты, можетъ быть, останешься на лѣто въ Петербургѣ.—Все это заставляетъ меня еще убѣдительнѣе просить тебя о письмѣ.—Получилъ я 2 экз. «Для Легкаго Чтенія». Вышла очень милая книжка.—Такъ еще послѣдній подписчикъ не «прозвенѣлъ»?

С. Спасское 25-го мая 1856 г.

№ IX (отвѣтъ на письмо № 26).

С. Спасское. 4-го іюня 1856 г.

Милый Некрасовъ. Твое письмо меня порадовало, хотя и сильно отдаетъ хандрой.—Ты пожалуйста, не поддавайся въ этомъ отношеніи вліянію Ковалевскаго—онъ способенъ заразить хандрою статую.—Плохо одно, что ты въ карты играешь—ужъ коли ты остаешься полѣчиться, то полѣчись серьезно—и поѣдемъ вмѣстѣ за границу. Я взялъ билетъ на пароходѣ: «Прусской Орелъ»—на 21-е Іюля я думаю еще должны быть мѣста .5-й (Майскій) № «Совр-ка» здѣсь еще не полученъ! Что я его не получилъ — это можетъ быть, такъ позабыли; но его не получили платящіе. Это очень вредитъ журналу.—Чортъ бы побралъ Газетную Экс—ю!

Ты можешь комедійку мою пихнуть, куда хочешь—это совершенно отъ тебя зависитъ—а я, дѣйствительно, едва ли напишу что-нибудь.

Толстой былъ здѣсь, погостилъ дня два и уѣхалъ въ свою деревню!

Чрезвычайно ты меня порадовалъ извѣстіемъ о пропускѣ всѣхъ твоихъ вещей. Ай да Пушкинъ!—теперь ихъ надо быстро печатать—непремѣнно.

А объ «Запискахъ» ничего не слыхать!—Займись-ка серьезно тѣмъ, чтобъ до твоего отъѣзда твои стихотворенія были напечатаны. — Эти Москвичи такіе кисляи — когда-то, когда-то соберутся что сдѣлать.

Скажи Фету—если онъ еще не уѣхалъ, что я другого перевода его Оды никакъ пока найти не могу—а что стихи, которые онъ прислалъ мнѣ, очень милы.

Прощай т. е. до свиданія черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ. Я 15-го числа будущаго мѣсяца непремѣнно въ Петерб-гѣ.—Лечись, не хандри и гуляй на воздухѣ.

Твой *Ив. Тургеневъ.*

№ X (отвѣтъ на письмо № 27).

С. Спасское. 10 іюля 1856 г.

Я выѣзжаю отсюда завтра, милый Некрасовъ,—и 16-го, если буду живъ и здоровъ—я вечеромъ у тебя въ Ораніенбаумѣ.—Обо всемъ переговоримъ какъ слѣдуетъ, и насчетъ программы и т. д. «Гдѣ тонко тамъ и рвется»—разумѣется, въ твоемъ распоряженіи.—Что же касается до отъѣзда, то если бы ты ѣхалъ въ Парижъ или въ Лондонъ, я бы съ удовольствіемъ отложилъ свою поѣздку; но такъ какъ ты ѣдешь въ Италію, то намъ придется ѣхать вмѣстѣ только до Штеттина.

Будь здоровъ и не хандри.—До скораго свиданія.

Преданный тебѣ *Ив. Тургеневъ.*

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ основныхъ мотивовъ содержанія ранѣе напечатанныхъ писемъ Тургенева въ приведенныхъ 10 письмахъ выражаются ярче и опредѣленнѣе. Такъ дружескія чувства Тургенева къ Некрасову проявляются здѣсь съ несравненно большею экспансивностью. «Смертельно желаю увидѣть» (№ 1); повторныя приглашенія пріѣхать (№№ II и III); повторныя же опасенія, что Некрасовъ въ ярославскомъ одиночествѣ «заскучаетъ и расхандрится» (№№ II и III); трогательныя въ своихъ постоянствѣ и неизмѣнности заботы о здоровьѣ Некрасова (особенно въ № IV); упорные совѣты писать біографію («твоя жизнь именно изъ тѣхъ, которыя, отложа всякое самолюбіе въ сторону, должны быть разсказаны — потому что представляетъ много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется»—въ № IV; «написать свою біографію твой долгъ»—въ № VIII)—вотъ нѣсколько взятыхъ наудачу примѣровъ, свидѣтельствующихъ объ этихъ чувствахъ. Въ pendent къ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ писателей неизмѣнно господствовали товарищеская простота и дружеская безцеремонность, о которыхъ говорятъ нижеслѣдующія, еще не появлявшіяся въ печати, записки Тургенева къ Некрасову:

а) «Мой Захаръ такъ искусно распорядился, что сегодня у меня дровъ нѣтъ—и нечѣмъ обѣдъ готовить—не везутъ—потому что праздникъ! Словомъ мнѣ приходится просить тебя, чтобы ты далъ мнѣ обѣдать и этому Туру, котораго я къ тебѣ приведу. Впрочемъ я еще раньше къ тебѣ зайду. У меня желудокъ погибъ; кромѣ бульона я ничего не буду ѣсть».

Твой *Ив. Тургеневъ.*

б) «Я бы давно у тебя былъ да у меня вскочилъ . . . . . какой-то безобразный чирій, который мѣшаетъ мнѣ выходить—я прикладываю припарки и сижу дома. Толстому я скажу—онъ еще спитъ. Онъ у тебя будетъ.—Если можно я у тебя буду завтра

Тв. *Ив. Тургеневъ*».

в) «Милый Некрасовъ—я выздоровѣлъ, желаю тебя видѣть—и потому предваряю тебя что мы съ Т-мъ у тебя сегодня обѣдаемъ—а зайду я къ тебѣ раньше часа въ 2. До свиданія.

Твой *И. Тургеневъ.*

— Посылаю тебѣ въ подарокъ мою фотографію.—Жаль, что немного мрачна вышла».

Весьма знаменательно также, что Тургеневъ, этотъ будущій безпощадный отрицатель поэзіи Некрасова, теперь не скупился на восторженнѣйшія ей похвалы. Заявленія: «стихи твои къ (*)

просто Пушкински хороши—я ихъ тотчасъ на память выучилъ. Сдѣлай одолженіе присылай мнѣ твой разсказъ въ стихахъ—увѣренъ, что въ немъ есть чудесныя вещи» (№ IV), или «въ Москвѣ твои всѣ послѣдніе стихи (особенно «Муза»)—произвели глубокое впечатлѣніе.—Даже Хомяковъ призналъ тебя поэтомъ. Какого тебѣ лавроваго вѣнка?» (№ VIII)—говорятъ сами за себя и ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждаются. Что они были сдѣланы не подъ вліяніемъ случайнаго настроенія, объ этомъ позволяетъ судить та настойчивость, съ которой Тургеневъ напоминалъ Некрасову о необходимости издать собраніе его стиховъ возможно скорѣе (№№ II и V) и та радость, которую онъ обнаружилъ при извѣстіи о пропускѣ «всѣхъ вещей» Некрасова цензурою (№ IX). Нельзя не отмѣтить также, какъ внимательно отнесся Тургеневъ къ просьбѣ Некрасова перевести для него нѣсколько пьесъ Бернса и ознакомить его съ размѣромъ подлинника, просьбы, вызванной желаніемъ поэта «переложить» Бернса «въ стихи» (№ IV).

Если, такимъ образомъ, Тургеневъ стремился быть полезнымъ Некрасову, облегчая выполненіе его литературныхъ замысловъ, то, съ другой стороны, онъ и самъ искалъ иной разъ у него поддержки. Такъ, по полученіи отъ Некрасова письма (№ 15), въ которомъ онъ убѣждалъ Тургенева не полагаться на огульно отрицательные отзывы Кетчера и Боткина объ его романѣ, Тургеневъ выражаетъ въ своемъ отвѣтѣ (№ I) досаду, что не распорядился сообщить первую часть своего произведенія именно ему и Панаеву. Сравнительно бодрая оцѣнка своего труда («что то мнѣ говоритъ, что мой романъ не совсѣмъ такъ плохъ, какъ онъ имъ показался»), несомнѣнно, явилась результатомъ некрасовскаго письма. Еще явственнѣе поддержка Некрасова сказалась нѣсколькими мѣсяцами позднѣе. Услышавъ что Тургеневъ находится въ моментѣ «распаденія» и считаетъ свое писательское поприще оконченнымъ, а себя выдохшимся (№ 23), Некрасовъ поспѣшилъ заявить своему другу, что онъ «изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ писателей обязанъ сдѣлать наиболѣе»... Это лестное для самолюбія Тургенева сужденіе не осталось безрезультатнымъ. Въ своемъ отвѣтѣ (№ IV) онъ благодаритъ его за «ободрительное увѣщаніе» и обѣщаетъ «напрячь послѣднія силы, хотя бы для того, чтобы оправдать хорошее мнѣніе пріятелей.»

Подобныя отношенія между писателями естественно привели къ тому, что между ними установилось полнѣйшее довѣріе, которое внушило Тургеневу, напримѣръ, эти слова: «Ты можешь комедійку мою пихнуть, куда хочешь—это совершенно отъ тебя зависитъ»—(№ IX). Самое дорогое, что есть у писателя, это его произведенія, и разъ онъ право распоряжаться ими передаетъ

своему пріятелю, то, очевидно, онъ ему вполнѣ довѣряетъ. Духомъ все того же довѣрія проникнута и нижеслѣдующая, еще не появившаяся въ печати, записка Тургенева къ Некрасову:

г) «Мнѣ гораздо лучше, милый Некрасовъ—и я думаю, что выѣду дня черезъ 3 или 4; за деньги благодарю—Рудина (I-ю часть) пришлю тебѣ сегодня же.—Я теперь ее окончательно прохожу—прочти (я замѣчу страницы) импровизацію Рудина—и скажи, такъ ли?—исправить еще можно.

Толстой сегодня выѣхать не можетъ—у него горло разболѣлось. Мы съ нимъ впрочемъ не хандримъ. До свиданія.—Будь ты здоровъ. Твой *И. Тург.*».

Теперь, когда наличность близкихъ дружескихъ отношеній между Некрасовымъ и Тургеневымъ подтверждена столькими фактическими ссылками, я перейду къ указаніямъ на тѣ, покамѣстъ т. е. въ срединѣ 50-хъ годовъ, легкія облачка, которымъ съ теченіемъ времени суждено было разрастись въ грозовую тучу и вызвать бурю, навсегда оборвавшую нити пріязни и взаимнаго уваженія, крѣпко связывавшія Тургенева и Некрасова. Такимъ облачкомъ нельзя, прежде всего, не счесть сначала не слишкомъ рѣзкаго, но впослѣдствіи очень усилившагося расхожденія въ вопросѣ объ отношеніи къ личности и идеямъ Чернышевскаго, который началъ сотрудничать въ «Современникѣ» съ начала 1854 г. и къ 1855 году завоевалъ себѣ въ редакціи его очень видное и вліятельное положеніе. Уже въ письмѣ отъ 12-го Іюля 1855 г. (№ IV) Тургеневъ, характеризуя Дружинина, какъ «отличнаго человѣка», а его статью въ «Библіотекѣ для чтенія» объ Анненковскомъ изданіи Пушкина, какъ «прекрасную», говоритъ о Чернышевскомъ слѣдующее: «мнѣ признаться, нѣсколько досадно на «Современникъ», что онъ не отдѣлалъ, какъ бы слѣдовало, мертвечины Чернышевскаго. Это худо скрытая вражда къ искусству—вездѣ скверна, а у насъ и подавно. Отними у насъ этотъ энтузіазмъ—послѣ того хоть со свѣта долой бѣги». Въ тотъ же день (т. е. 12 Іюля) Тургеневъ пишетъ посланіе къ Дружинину и Григоровичу (см. первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 12—14), въ которомъ похвалы Дружинину за статью о Пушкинѣ еще восторженнѣе, а нападки на Чернышевскаго еще горячѣе. Обращаясь къ Григоровичу, Тургеневъ, говоритъ здѣсь «je fais amende honorable... Я имѣлъ неоднократно несчастье заступаться передъ вами за пахнущаго клопами (иначе я его теперь не называю)—примите мое раскаяніе—и клятву—отнынѣ преслѣдовать, презирать и уничтожать его всѣми дозволенными и въ особенности недозволенными средствами... Я прочелъ его отвратительную книгу, эту поганую мертвечину, которую «Современникъ» не устыдился

разбирать, серьезно... Raca! Raca! Raca! Вы знаете, что ужаснѣе этого еврейскаго проклятія нѣтъ ничего на свѣтѣ».

Столь ярый гнѣвъ Тургенева противъ Чернышевскаго былъ вызванъ, какъ уже догадался читатель, его знаменитой диссертаціей «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», вышедшей въ свѣтъ лѣтомъ 1855 г. Само собой разумѣется, что Тургеневъ, эстетическія воззрѣнія котораго были внушены гегелевскимъ идеализмомъ не могъ сочувствовать эстетической теоріи Чернышевскаго. Не забудемъ, что Чернышевскій въ своей диссертаціи, опираясь на матеріализмъ Фейербаха, доказывалъ, «что прекрасное въ дѣйствительности всегда выше прекраснаго въ искусствѣ», что оно «или совсѣмъ не имѣетъ недостатковъ, находимыхъ въ немъ идеалистами, или же имѣетъ ихъ въ слабой степени» (см. книгу Плеханова о Чернышевскомъ и ст. его о немъ въ «Ист. русск. литер.,» изд. Т-ва «Міръ», т. III), при чемъ отъ такихъ недостатковъ не только не свободны произведенія искусства, но они повторяютъ ихъ въ гораздо большихъ размѣрахъ. Слѣдовательно, искусство никоимъ образомъ «не могло имѣть своимъ источникомъ стремленіе освободить прекрасное отъ недостатковъ, будто бы присущихъ ему въ дѣйствительности и будто бы мѣшающихъ людямъ наслаждаться имъ,» истинная цѣль искусства должна состоять не въ исправленіи, а въ воспроизведеніи прекраснаго, существующаго въ дѣйствительности. Если бы Тургеневъ далъ трудъ поглубже вникнуть въ «эту поганую мертвечину», то онъ долженъ былъ бы признать, что основной выводъ «отвратительной книги» Чернышевскаго находится въ полномъ соотвѣтствіи съ эстетическими взглядами Бѣлинскаго въ послѣдніе годы его жизни. Нельзя не согласиться въ данномъ случаѣ съ Плехановымъ, который, характеризуя эстетическую теорію Чернышевскаго пишетъ: «Взглядъ на эстетику, какъ на орудіе реабилитаціи дѣйствительности, сближалъ Чернышевскаго съ Бѣлинскимъ, который къ концу своей жизни тоже пришелъ къ философіи Фейербаха и тоже ставилъ передъ литературой задачу точнаго изображенія жизни (особенно въ двухъ своихъ послѣднихъ обзорахъ русской литературы). Подобно Чернышевскому, Бѣлинскій въ послѣдній періодъ своей дѣятельности отрицалъ теорію искусства для искусства и весьма сочувственно относился къ тѣмъ художникамъ, принадлежавшимъ къ такъ называвшейся тогда натуральной школѣ, которые не отказывались произносить свой «приговоръ» надъ явленіями дѣйствительности, и произведенія которыхъ могли служить «учебникомъ жизни». Вообще Чернышевскій былъ въ нашей литературѣ лишь наиболѣе законченнымъ представителемъ того типа просвѣтителей, родо-

начальникомъ котораго въ значительной степени являлся въ послѣдніе годы своей дѣятельности Бѣлинскій».

Все это просмотрѣлъ Тургеневъ и, негодуя на автора «Эстетическихъ отношеній», разсердился и на «Современникъ», который не только «не отдѣлалъ» Чернышевскаго, но «не устыдился разбирать серьезно» его книгу. Этотъ разборъ (см. «Современникъ», 1855 г. № 6), подписанный иниціалами Н. П. и принадлежавшій перу самого Николая Гавриловича, сухой и очень сдержанный по тону, развивалъ и подчеркивалъ основную точку зрѣнія «Эстетическихъ отношеній». Неудивительно, что онъ такъ не понравился Тургеневу, который, надо думать, охотно присоединился бы къ слѣдующей оцѣнкѣ и книги Чернышевскаго и современниковской рецензіи на нее: «во всей изложенной теоріи нѣтъ ничего... кромѣ нелѣпости вывода» .Таково было мнѣніе «Библіотеки для чтенія» (1855 г. т. 132), только что помѣстившей статьи Дружинина объ Анненковскомъ изданіи Пушкина, столь восхитившія Тургенева и, какъ увидимъ ниже, Боткина. Въ этихъ статьяхъ содержалось, между прочимъ, зерно другого расхожденія между «Современникомъ» и нѣкоторыми изъ прежнихъ участниковъ кружка Бѣлинскаго. Статьи Дружинина—не только критическія, но и полемическія, при чемъ остріе ихъ полемики направлено противъ современнаго направленія русской литературы, черезчуръ, по мнѣнію Дружинина, поддавшейся Гоголевскому вліянію и уклонившейся отъ завѣтовъ Пушкина. Признавая что «наша текущая словесность изнурена, ослаблена своимъ сатирическимъ направленіемъ», явившимся, какъ результатъ «неумѣреннаго подражанія» Гоголю, вслѣдствіе чего «Гоголевское направленіе» «нуждается въ противодѣйствіи», Дружининъ разражается слѣдующею тирадой, цѣль которой доказать несомнѣнное превосходство Пушкина надъ Гоголемъ: «Противъ того сатирическаго направленія, къ которому привело насъ неумѣстное подражаніе Гоголю,—поэзія Пушкина можетъ служить лучшимъ орудіемъ. Очи наши проясняются, дыханіе становится свободнымъ: мы переносимся изъ одного міра въ другой, отъ искусственнаго освѣщенія къ дневному свѣту, который лучше всякаго яркаго освѣщенія, хотя и освѣщеніе, въ свое время, имѣетъ свою пріятность. Передъ нами тотъ же бытъ, тѣ же люди,—но какъ это все глядитъ тихо, спокойно и радостно. Тамъ, гдѣ прежде по сторонамъ дороги видны были одни сѣренькія поля и всякая дрянь въ томъ же родѣ, мы любуемся на деревенскія картины русской старины, на сохнущія и пестрѣющія долины, всей душой привѣтствуемъ первые дни весны или поэтическую ночь надъ рѣкою,—ту ночь, въ которую Татьяна посѣтила брошенный домикъ

Евгенія. Самая дорога, ѣдучи по которой мы недавно мечтали только о толчкахъ и напившемся Селифанѣ, принимаетъ не тотъ видъ, и путь нашъ кажется не прежнимъ утомительнымъ путемъ»...

Полемизировать съ Дружининымъ, барская подоплека эстетическихъ воззрѣній котораго бросается въ глаза и не требуетъ никакихъ доказательствъ, нѣтъ надобности, тѣмъ болѣе, что даже очень близкіе ему въ то время Тургеневъ и Боткинъ сочли, что онъ нѣсколько зарвался. Это не мѣшало имъ заявить о своей солидарности съ нимъ во многомъ. Весьма любопытенъ тургеневскій отзывъ о статьяхъ Дружинина, приводимый Боткинымъ въ его письмѣ къ Дружинину отъ 27 іюля 1855 г. (см. сборникъ «XXV лѣтъ», стр. 481—482). «Я прочелъ ихъ, писалъ Тургеневъ Боткину, съ великимъ наслажденіемъ. — Благородно, тепло дѣльно и вѣрно. Но въ отношеніи къ Гоголю Др. не правъ. То-есть въ томъ, что онъ говоритъ, Др. совершенно правъ,—но такъ какъ Др. всего сказать не можетъ, то и правда выходитъ кривдой. Бываютъ эпохи, гдѣ литература не можетъ быть только художествомъ—и есть интересы и высшіе поэтическихъ интересовъ. Моментъ самопознанія и критики также необходимъ въ развитіи народной жизни, какъ и въ жизни отдѣльнаго лица. А все-таки статья славная, и когда ты будешь писать Др-ну передай ему мое искреннее спасибо. Многое изъ того, что онъ говоритъ, нужно нынѣшнимъ литераторамъ мотать себѣ на усъ—и я первый знаю—ou le soulier de Gogol blesse. Вѣдь это на меня Др. сослался [1]), говоря объ одномъ литераторѣ, который желалъ бы противодѣйствія Гоголевскому направленію;—все это такъ,—но о Пушкинѣ Др. говоритъ съ любовью, а Гоголю отдаетъ только справедливость,—что въ сущности никогда не бываетъ справедливо».

Итакъ, хотя правда Дружинина—не полная правда, однако, Тургеневъ все же остается на точкѣ зрѣнія признанія необходимости противодѣйствовать Гоголевскому направленію. Соотвѣтственно этому въ письмѣ Тургенева къ самому Дружинину отъ 10 іюля 1855 г. («Первое собраніе писемъ Тургенева», стр. 13) похвалы его статьямъ рѣшительно преобладаютъ, о нѣкоторомъ несогласіи же съ взглядомъ Дружинина на Гоголя брошено лишь одно мимолетное замѣчаніе (на счетъ Гоголя—вы знаете—«я не совсѣмъ согласенъ съ вами»). Годомъ позднѣе въ письмѣ отъ 30 октября 1856 г. Тургеневъ напоминалъ Дружинину о томъ, что

---

[1]) Ссылка эта такова: «Одинъ изъ современныхъ литераторовъ, писалъ Дружининъ въ своей статьѣ, выразился очень хорошо, говоря о сущности дарованія Александра Сергѣевича: «Еслибъ Пушкинъ прожилъ до нашего времени», выразился онъ, «его творенія составили бы противодѣйствіе Гоголевскому направленію, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нуждается въ такомъ противодѣйствіи».

онъ, будучи поклонникомъ Гоголя, толковалъ ему «когда-то о необходимости возвращенія Пушкинскаго элемента, въ противовѣсіе Гоголевскому».

Иную позицію занималъ, конечно, въ данномъ вопросѣ «Современникъ». Не желая, очевидно, ввязываться въ полемику съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ, онъ ограничился въ «Замѣткахъ о журналахъ» нѣсколькими очень лестными замѣчаніями о статьяхъ Дружинина, которыя, дѣйствительно, въ своей главной части, относящейся къ Пушкину, не были лишены серьезныхъ достоинствъ. Зато въ скоромъ времени «Современникъ» началъ печатаніе «Очерковъ Гоголевскаго періода», которые развивали совершенно противоположный дружининскому взглядъ на гоголевское направленіе. Чтобы напомнить его, приведу нѣсколько строкъ изъ «Очерковъ»: «Гоголевское направленіе до сихъ поръ остается въ нашей литературѣ единственнымъ сильнымъ и плодотворнымъ. Если и можно припоминать нѣсколько сносныхъ, даже два или три прекрасныхъ произведенія, которыя не были проникнуты идеею сродною идеѣ Гоголевскихъ созданій, то, несмотря на свои художественныя достоинства они остались безъ вліянія на публику, почти безъ значенія и въ исторіи литературы... Мы осмѣлимся сказать, что самые безусловные поклонники всего, что написано Гоголемъ, превозносящіе до небесъ каждое его произведеніе, каждую его строку, не сочувствуютъ такъ живо его произведеніямъ, какъ сочувствуемъ мы, не приписываютъ его дѣятельности столько громаднаго значенія въ русской литературѣ, какъ приписываемъ мы. Мы называемъ Гоголя безъ всякаго сравненія величайшимъ изъ русскихъ писателей, по значенію... Давно уже не было въ мірѣ писателя, который былъ бы такъ важенъ для своего народа, какъ Гоголь для Россіи... Гоголь важенъ не только какъ геніальный писатель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глава школы—единственной школы, которою можетъ гордиться русская литература,—потому что ни Грибоѣдовъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, ни Кольцовъ не имѣли учениковъ, которыхъ имена были бы важны для исторіи русской литературы. Мы должны убѣдиться, что вся наша литература, на сколько она образовалась подъ вліяніемъ нечужеземныхъ писателей, примыкаетъ къ Гоголю и только тогда представится намъ въ полномъ размѣрѣ все его значеніе для русской литературы».

Было бы излишнимъ доказывать, насколько близки между собою взгляды на Гоголя Чернышевскаго и Бѣлинскаго. Этотъ послѣдній въ своемъ, можно сказать, предсмертномъ литературномъ обозрѣніи 1847 г. проводилъ мысли, подъ которыми, конечно,

Чернышевскій не задумался бы подписаться. «Литература наша, читаемъ мы здѣсь, постоянно стремилась къ самобытности, народности, изъ риторической стремилась сдѣлаться естественною, натуральною. Это стремленіе, ознаменованное замѣтными и постоянными успѣхами, и составляетъ мысль и душу исторіи нашей литературы. И мы не обинуясь скажемъ, что ни въ одномъ русскомъ писателѣ это стремленіе не достигло такого успѣха, какъ въ Гоголѣ. Это могло совершиться только черезъ исключительное обращеніе искусства къ дѣйствительности, помимо всякихъ идеаловъ. Для этого нужно было обратить вниманіе на толпу, на массу, изображать людей обыкновенныхъ, а не пріятныя только исключенія изъ общаго правила, которыя всегда соблазняютъ поэтовъ на идеализированіе и носятъ на себѣ чужой отпечатокъ. Это великая заслуга со стороны Гоголя... Этимъ онъ совершенно измѣнилъ взглядъ на искусство. Къ сочиненіямъ каждаго изъ поэтовъ русскихъ можно, хотя и съ натяжкою, приложить старое и новое опредѣленіе поэзіи, какъ «украшенной природы»; но въ отношеніи къ сочиненіямъ Гоголя этого ужъ невозможно сдѣлать. Къ нимъ идетъ другое опредѣленіе искусства, какъ воспроизведенія дѣйствительности во всей ея истинѣ. Тутъ все дѣло въ типахъ, а идеалъ тутъ понимается не какъ украшеніе (слѣдовательно, ложь), а какъ отношенія, въ которыя авторъ ставитъ другъ къ другу созданные имъ типы, сообразно съ мыслію, которую онъ хочетъ развить своимъ произведеніемъ».

«Очерки Гоголевскаго періода», этотъ восторженный дифирамбъ и Гоголю и его истолкователю Бѣлинскому, слишкомъ извѣстное произведеніе, значеніе котораго въ достаточной мѣрѣ выяснено историками нашей литературы, а потому, не останавливаясь болѣе на его содержаніи, отмѣчу только, что Дружининъ не счелъ возможнымъ оставить ихъ безъ отвѣта. Такимъ отвѣтомъ его и явилась статья «Критика Гоголевскаго періода русской литературы и наши къ ней отношенія» (въ «Библіотекѣ для чтенія», 1856 г.). Здѣсь онъ отстаивалъ дѣленіе «всѣхъ критическихъ системъ, тезисовъ и воззрѣній» на «двѣ, вѣчно одна другой противодѣйствующія теоріи» — «а р т и с т и ч е с к у ю, то-есть имѣющую лозунгомъ чистое искусство для искусства, и д и д а к т и ч е с к у ю, то-есть стремящуюся дѣйствовать на нравы, бытъ и понятія человѣка чрезъ прямое его поученіе» (т. VII, стр. 214), Всѣ свои симпатіи Дружининъ, само собою разумѣется, отдавалъ первой, утверждая, что какъ только русская критика Гоголевскаго періода, т.-е. Бѣлинскій, «усвоила себѣ дидактическую сантиментальность представителей новой француз-

ской словесности, ея вліяніе, произносимъ съ горестью, начало видимо клониться къ упадку» (ibid. стр. 226). Въ этихъ словахъ, конечно, нельзя не видѣть вполнѣ сознательнаго разрыва съ завѣтами Бѣлинскаго, по крайней мѣрѣ, того Бѣлинскаго, какимъ онъ былъ въ послѣдній періодъ своей дѣятельности...

Въ дальнѣйшія подробности этого спора я входить не буду, а перейду прямо къ выясненію того, какъ относился къ нему Некрасовъ. Онъ высказался по существу вопроса въ письмѣ къ Тургеневу отъ 30 декабря 1856 г. (№ 35 у Пыпина), при чемъ поводомъ послужило сдѣлавшееся ему извѣстнымъ намѣреніе Толстого перейти въ дружининскую «Библіотеку для чтенія», отказавшись отъ исключительнаго, вмѣстѣ съ Тургеневымъ, Островскимъ и Григоровичемъ, сотрудничества въ «Современникѣ» условіе съ которымъ онъ, повидимому, уже подписалъ. Соотвѣтствующая страница письма напечатана А. Н. Пыпинымъ съ большими и очень существенными сокращеніями; я приведу ее почти безъ этихъ послѣднихъ:

«За наступающій годъ, писалъ Некрасовъ, обсуждая положеніе «Современника» къ началу 1857 г., нельзя опасаться— покуда есть въ виду и въ рукахъ хорошіе матеріалы, а что до подписки, то она будетъ непремѣнно хороша, но жаль, что союзъ пойдетъ въ разладъ [1]). *Что сказать о Толстомъ право не знаю. Прежде всего онъ самолюбивъ и неспособенъ имѣть убѣжденіе— упрямство не замѣна самостоятельности; потомъ, ему еще хочется играть роль повыше своей; Панаева онъ не любитъ и какъ этотъ господинъ хвастливостью и самодовольствіемъ мастерски умѣетъ поддерживать къ себѣ нерасположеніе, онъ вѣрно теперь не любитъ еще болѣе.* При нынѣшнихъ обстоятельствахъ естественно литературное движеніе сгруппировалось около Дружинина, *въ этомъ и разгадка. А что до направленія, то тутъ онъ мало понимаетъ толку. Какого новаго направленія онъ хочетъ?* Есть ли другое—живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, оттого оно и пережило Бѣлинскаго, и совсѣмъ не потому, что «Современникъ»—въ лицѣ Чернышевскаго, будто бы подражаетъ Бѣлинскому. Иное дѣло,

---

[1]) Рѣчь идетъ о планѣ Некрасова—предложить своимъ главнымъ сотрудникамъ-беллетристамъ долю въ доходахъ журнала, т.-д. сдѣлать ихъ пайщиками, на томъ условіи, что ихъ новыя произведенія будутъ помѣщаться только въ «Современникѣ». «Союзъ» и былъ заключенъ, но продержался недолго, какъ и опасался Некрасовъ... Между прочимъ союзники оговорили себѣ право исполнить обѣщанія, данныя раньше другимъ журналамъ, и изъ этого вышло, что тотчасъ по заключеніи «Союза», которое было указано въ объявленіяхъ «Современника», произведенія союзниковъ посыпались въ другихъ журналахъ (по «обѣщаніямъ»), но отсутствовали пока въ самомъ «Современникѣ».

Н. А. Некрасовъ.

(Съ фот., принадл. Ю. Л. Никольской).

можетъ быть, Чернышевскій недостаточно хорошо ведетъ дѣло, такъ дайте намъ человѣка или пишите сами. Больно видѣть, что *Толстой* личное свое нерасположеніе *къ Чернышевскому*, поддерживаемое Дружининымъ и Григоровичемъ, переноситъ на направленіе, которому самъ донынѣ служилъ и которому служитъ каждый честный человѣкъ въ Россіи. *А съ чего приплетены тутъ денежныя соображенія? Послѣ этого я въ правѣ сказать, что Толстой переходитъ на сторону Дружинина, чтобъ скорѣе попасть въ капиталы. И послѣднее правдоподобнѣе. Не знаю, какъ будетъ кушать публика г..... со сливками, называемое дружининскимъ направленіемъ, но смрадъ отъ этого блюда скоро ударитъ и отгонитъ отъ журнала все живое въ нарождающемся поколѣніи, а безъ этихъ сподвижниковъ, еще готовящихся, журналу нѣтъ прочности. Однако все это ясно для насъ, но не для Толстого. Чѣмъ его удержать? Не удержитъ его покуда то, что онъ—при обстоятельствахъ донынѣ неизмѣнившихся—подписалъ наши условія? Заставить журналъ дать ложное объѣданіе публично — поступокъ нехорошій. Думаю на дняхъ написать къ нему.*

О Дружининѣ ты думаешь вѣрно—своя рубашка къ тѣлу ближе. *Сегодня я получилъ письмо отъ Черныш.—тамъ есть нѣчто о тебѣ. Для краткости посылаю также письмо. Кажется Чернышевскій правъ—но если рѣшишься послать повѣсть, то смотри напиши письмо въ редакцію и требуй, чтобъ его напечатали передъ повѣстью»...*

Несмотря на значительную дозу личнаго элемента, все же совершенно несомнѣнно, что цитированныя строки имѣютъ и большое принципіальное значеніе, уясняющее сущность разногласія между Тургеневымъ и Некрасовымъ. Въ то время, какъ первый считалъ необходимымъ противодѣйствіе Гоголевскому вліянію и чрезвычайно высоко ставилъ Дружинина, хотя и не во всемъ съ нимъ соглашался; второй утверждалъ, что иного направленія, «кромѣ обличенія и протеста», т.-е. именно Гоголевскаго, потому что Гоголь, а не кто другой, былъ провозвѣстникомъ «обличенія и протеста», нѣтъ и быть не можетъ; свое же отношеніе къ направленію отстаиваемому Дружининымъ, которое упиралось въ «артистическую теорію» искусства для искусства, опредѣлялъ словами «г.... со сливками», неимовѣрная грубость которыхъ указываетъ на силу негодованія, возбуждаемаго въ немъ этимъ направленіемъ.

Какъ ни велико отмѣченное здѣсь расхожденіе во взглядахъ двухъ писателей—друзей, не одно оно лежитъ въ основѣ постепеннаго охлажденія въ ихъ отношеніяхъ, хотя ему, я убѣжденъ,

принадлежитъ значительная роль. Не могла остаться безъ вліянія и отмѣченная выше полная дисгармонія въ чувствахъ, возбуждаемыхъ Чернышевскимъ и какъ писателемъ и какъ человѣкомъ. Какъ относился къ Чернышевскому Тургеневъ мы видѣли; правда, черезъ нѣкоторое время въ письмѣ къ Дружинину отъ 30 октября 1856 г. («Первое собраніе писемъ Тургенева», стр. 25—26) онъ пытается взять иной болѣе безпристрастный тонъ въ отношеніи него; досадуя на Чернышевскаго за его сухость и черствый вкусъ, за его нецеремонное обращеніе съ живыми людьми (въ № 9 Совр.), утверждая, что онъ плохо понимаетъ поэзію, Тургеневъ, въ противорѣчіе съ своимъ собственнымъ недавнимъ отзывомъ, не находитъ въ немъ мертвечины и готовъ признать его даже полезнымъ. Однако, этотъ отзывъ Тургенева о Ник. Гавр. нельзя счесть характернымъ. Черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ этого письма къ Дружинину Тургеневъ въ письмѣ къ Л. Н. Толстому отъ 8 декабря 1856 г. (ibidem, стр. 33), говоря о «Современникѣ», довѣренномъ Некрасовымъ на время его пребыванія за границей Чернышевскому, пишетъ: «что «Современникъ» въ плохихъ рукахъ,—это несомнѣнно». Окончательное же сужденіе Тургенева о Чернышевскомъ, произнесенное тогда, когда они еще встрѣчались, заключалось въ одномъ только словѣ, но словѣ достаточно характерномъ—«змѣя». Нельзя не отмѣтить, что антипатію Тургенева къ Чернышевскому раздѣляли и другіе писатели 40-хъ годовъ. Совсѣмъ еще недавно, въ 1913 г. (№ 1) новый «Современникъ» напечаталъ письмо Толстого къ Некрасову отъ 2 іюля 1856 г., въ которомъ Левъ Николаевичъ, высказавъ отрицательное мнѣніе объ одной статьѣ Чернышевскаго, неправильно, впрочемъ, приписанной имъ Некрасову, продолжаетъ: «Нѣтъ, вы сдѣлали великую ошибку, что упустили Дружинина изъ нашего союза. Тогда бы можно было надѣяться на критику въ «Современникѣ», а теперь срамъ съ этимъ *клоповоняющимъ* [1]) господиномъ. Его такъ и слышишь тоненькій, непріятный голосокъ, говорящій тупыя непріятности и разгорающійся еще болѣе отъ того, что говорить онъ не умѣетъ и голосъ скверный.—Все это Бѣлинскій! Онъ-то говорилъ во всеуслышаніе, и говорилъ возмущеннымъ тономъ, потому что бывалъ возмущенъ, а этотъ думаетъ, что для того, чтобы говорить хорошо, надо говорить дерзко, а для этого надо возмутиться. И возмущается въ своемъ уголкѣ, покуда никто не сказалъ цыцъ и не посмотрѣлъ въ глаза. Не думайте, что я говорю о Б., чтобы спо-

[1]) Это слово было выпущено при печатаніи письма Толстого въ «Современникѣ»

рить. Я убѣжденъ, хладнокровно разсуждая, что онъ былъ, какъ человѣкъ, прелестный и, какъ писатель, замѣчательно полезный; но именно отъ того, что онъ выступалъ изъ ряду обыкновенныхъ людей, онъ породилъ подражателей, которые отвратительны. У насъ не только въ критикѣ, но и въ литературѣ, даже просто въ обществѣ, утвердилось мнѣніе, что быть *возмущеннымъ, желчнымъ, злымъ* очень мило. А я нахожу, что очень скверно. Гоголя любятъ больше Пушкина. Критика Бѣлинскаго верхъ совершенства, ваши стихи любимы изъ всѣхъ теперешнихъ поэтовъ. А я нахожу, что скверно, потому что человѣкъ желчный, злой, не въ нормальномъ положеніи».

Этотъ отрывокъ любопытенъ, между прочимъ, и потому, что въ немъ одновременно отразились и крайнее нерасположеніе къ личности и вполнѣ отрицательное отношеніе къ направленію, ею воплощаемому.

Если Тургеневъ и Толстой свою нелюбовь къ Чернышевскому проявляли въ частныхъ письмахъ, то одинъ изъ писателей ихъ кружка (Д. В. Григоровичъ) не задумался выступить противъ него съ печатнымъ памфлетомъ.

Что касается Некрасова, то его образъ дѣйствій въ отношеніи Чернышевскаго съ самаго момента приглашенія его въ редакцію «Современника» свидѣтельствовалъ о чувствѣ искренней симпатіи и отличался полною самостоятельностью и независимостью отъ чьихъ бы то ни было мнѣній. Я не буду излагать то, что разсказывалъ самъ Николай Гавриловичъ (см. статьи Ляцкаго въ «Современномъ Мірѣ», №№ 9, 10, 11) о своемъ первомъ знакомствѣ съ Некрасовымъ, о томъ благопріятномъ впечатлѣніи, которое произвелъ на него поэтъ своею прямотою и искренностью, объ его въ высшей степени честномъ и благородномъ поведеніи въ вопросѣ о совмѣстномъ сотрудничествѣ Чернышевскаго въ «Современникѣ» и конкуррировавшихъ съ нимъ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Мнѣ важно только напомнить читателю объ этихъ фактахъ, которые съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ о томъ, что Некрасовъ сразу почуялъ въ Чернышевскомъ присутствіе какого-то близкаго и родного ему начала. О степени независимости, которую проявлялъ Некрасовъ въ дѣлѣ привлеченія и сотрудничества Ник. Гавр. въ «Современникѣ»,можно судить, хотя бы, по слѣдующему разсказу Колбасина («Современникъ», 1911 г. № 8): «Здѣсь, кстати сказать, что многіе изъ крупныхъ сотрудниковъ «Современника» долго не знали, кто помѣщаетъ въ журналѣ критическія и библіографическія статьи. Въ эту тайну не былъ посвященъ даже отвѣтственный редакторъ Панаевъ. Когда къ Некрасову приставали за объясненіями Тургеневъ, Боткинъ, Григоровичъ

и др., Некрасовъ обыкновенно какъ нибудь уклонялся отъ прямого отвѣта, и имя новаго сотрудника оставалось неизвѣстнымъ. Одинъ разъ Боткинъ настойчиво сталъ допрашивать поэта, и сказалъ: «Признайся, Некрасовъ, ты, говорятъ, выкопалъ своего критика изъ петербургской семинаріи?»—«Выкопалъ»—отвѣчалъ Некрасовъ.—«Это мое дѣло».

Съ какой цѣлью поступилъ такъ въ данномъ случаѣ Некрасовъ понять нетрудно: онъ, очевидно, сознавалъ, что Чернышевскій едва ли придется по нраву его друзьямъ изъ числа людей 40-хъ годовъ и, прежде чѣмъ представить его имъ, хотѣлъ дать ему возможность зарекомендовать себя полезнымъ сотрудникомъ журнала. При такихъ условіяхъ отстаиванье Чернышевскаго для Некрасова значительно облегчалось; о томъ же, чтобы пожертвовать Ник. Гавр., въ угоду своимъ старымъ пріятелямъ, Некрасовъ, очевидно, не допускалъ и мысли, сразу разгадавъ въ немъ крупную интеллектуальную и литературную силу. Не даромъ онъ въ письмѣ Тургеневу отъ 7 декабря 1856 г. (№ 33) говорилъ о Чернышевскомъ: «Чернышевскій просто молодецъ, помяни мое слово, что это будушій русскій журналистъ почище меня грѣшнаго». Иной разъ Некрасовъ, конечно, могъ ворчать на Чернышевскаго, находить его хотя и «дѣльнымъ и полезнымъ», но «крайне одностороннимъ, что-то въ родѣ если не ненависти, то презрѣнія питающимъ къ легкой литературѣ», утверждать даже, что Чернышевскій «успѣлъ въ теченіе года наложить на журналъ печать однообразія и односторонности» (№ 48, отъ 27 іюля 1857 г.), но основной взглядъ его на него, выражаемый въ только что приведенныхъ словахъ, остался неизмѣннымъ. Высоко ставя его сотрудничество вообще, дорожа его статьями (см. напр. № 45), Некрасовъ тѣмъ больше укрѣплялся въ своемъ отношеніи къ Чернышевскому, что видѣлъ, что оно хотя и не раздѣляется кружкомъ его старинныхъ друзей, зато вполнѣ раздѣляется широкими кругами читающей публики (см. въ № 58, 1858 г.). При этомъ Некрасовъ превосходно понималъ, что растущая популярность Ник. Гавр. и вскорѣ присоединившагося къ нему Добролюбова обусловливается, прежде всего, не знающей компромиссовъ опредѣленностью ихъ взглядовъ, которую онъ не могъ не уважать, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не вполнѣ съ ними соглашался. Такой именно характеръ имѣютъ его отзывы о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ въ предпослѣднемъ дошедшемъ до насъ его письмѣ къ Тургеневу (№ 89, 1861 г.). «Поставь себя на мое мѣсто,» говоритъ здѣсь Некрасовъ, «ты увидишь, что съ такими людьми, какъ Черн. и Добр. (людьми честными и самостоятельными, что бы ты ни думалъ и какъ бы сами они иногда ни промахива-

лись) — самъ бы ты также дѣйствовалъ, т.-е. давалъ бы имъ свободу высказываться на ихъ собственный страхъ».

Итакъ, я считаю болѣе или менѣе выясненнымъ, что и въ вопросахъ литературно-эстетическихъ, и вопросахъ литературно-общественныхъ, и, наконецъ, въ отношеніи къ писаніямъ и личности Чернышевскаго между Некрасовымъ, съ одной стороны, Тургеневымъ, Толстымъ, Дружининымъ и Григоровичемъ, съ другой, обнаружилось въ 1855—1856 годахъ столь существенное расхожденіе, которое дѣлало неизбѣжнымъ въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ и окончательный разрывъ.

В. Евгеньевъ.

Нѣчто вродѣ автобіографіи.

IV. Въ семинаріи [1]).

Приступая къ описанію семинарской жизни, я вопросилъ свою память, но отвѣтъ получилъ очень неудовлетворительный. Память моя, и безъ того сильно ослабѣвшая за послѣдніе годы, очень мало сохранила въ себѣ картинъ, рисующихъ шестилѣтнее мое пребываніе въ семинаріи. Да и сохранившіяся картины представляются въ воспоминаніи въ какомъ-то мутномъ, тускломъ свѣтѣ. Онѣ менѣе ярки и отчетливы, чѣмъ картины изъ моей училищной жизни, хотя и имѣютъ меньшую давность, чѣмъ послѣднія. Поэтому описанія семинарской жизни будутъ имѣть характеръ легкихъ очерковъ или набросковъ безъ всякаго хронологическаго порядка. Въ нихъ еще чаще будутъ встрѣчаться слова: кажется, насколько помню, и под.

1) *Семинарскія науки.* Вотъ перечень нашихъ наукъ, да и то, вѣроятно, не полный. Всеобщая исторія, русская исторія (изучавшаяся нами еще въ бурсѣ по нелѣпѣйшему учебнику всего страницъ въ 40), алгебра, геометрія (тригонометрія не полагалась), основанія землемѣрія, конечно, безъ практики, а по книгѣ, славянскій языкъ, риторика, піитика, основы стихосложенія, основы краснорѣчія, что-то похожее на исторію русской литературы (иностранная не полагалась), пространный катехизисъ Петра Могилы, психологія, логика, метафизика, физика, ботаника, зоологія, библейская исторія ветхаго завѣта, библейская же исторія новаго завѣта, исторія вселенской церкви, исторія русской церкви, патристика, гомилетика, герменевтика, апологетики, сельское хозяйство, медицина, литургика, церковная археологія, Богословіе общее, Свящ. писаніе, Богословіе догматическое, Богословіе пастырское, Богословіе нравственное, Богословіе обличительное, ученіе о расколѣ и миссіонерство, языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, татарскій и

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 1—3.

черемисскій. Итого 46 наукъ на 6 лѣтъ. Чуть не забылъ сказать еще о сочиненіяхъ на заданныя наставниками темы. Сочиненія задавались намъ мѣсячныя и недѣльныя. Назывались они то проповѣдями, то разсужденіями, то хріями простыми, или превращенными, то періодами и т. д. Нерѣдко намъ приходилось писать экспромпты. Учитель прображничаетъ ночь, или страдаетъ съ похмѣлья, тогда онъ даетъ намъ тему для экспромпта, а самъ, облокотившись на руки, сладко дремлетъ. Едва пребьетъ звонокъ, какъ мы уже должны подать свои экспромпты, и на этомъ классъ кончается. Учителя уносили наши сочиненія домой, но врядъ ли читали, ибо рѣдко возвращали ихъ. За полноту и абсолютную точность перечня семинарскихъ наукъ не ручаюсь, вполнѣ возможно, что я нѣкоторыя и пропустилъ, но возможно также, что я изъ одной науки сдѣлалъ двѣ. Но, во всякомъ случаѣ, ихъ было болѣе 40, а если исключить языки, какъ предметы необязательные, то наберется все-таки не менѣе 40 наукъ, а съ училищными—и цѣлая полсотня. Науки эти чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ забывались; оставались только у кой-кого изъ семинаристовъ жалкіе обрывки ихъ, ибо преподаваніе ихъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ предметовъ, было изъ рукъ вонъ плохо; свирѣпствовала та же зубрежка, что и въ училищѣ.

2. *Учащіе* были всѣ академики. Кончившіе академію со степенью магистра назывались профессорами, кандидаты же—просто учителями. Нѣкоторые изъ нихъ были даже дѣйствительно учеными людьми, только ученость ихъ была безжизненна, суха и схоластична. Настоящихъ же хорошихъ преподавателей, которые могли бы увлекать насъ и возбуждать нашу любознательность, въ первые четыре года моей семинарской жизни, не было совсѣмъ. Только въ эпоху пробужденія Россіи отъ долгой спячки, когда съ воцареніемъ Александра II почуялись новыя вѣянія, и въ наше темное царство пробились свѣтлые лучи въ видѣ нѣсколькихъ (2) юныхъ профессоровъ. Но вѣдь одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, такъ и эти единичныя свѣтлыя личности не могли пробить рутину, пропитавшую насквозь весь семинарскій строй жизни и стушевывались въ общей массѣ профессоровъ. Масса же эта учила насъ такъ, какъ и ее учили. Объясненій уроковъ, по крайней мѣрѣ объясненій толковыхъ, не полагалось. Суть преподаванія состояла въ спрашиваніи заданныхъ уроковъ, въ постановкѣ въ учебникахъ скобокъ и, наконецъ, произнесеніи знаменательныхъ словъ: отъ сихъ и до сихъ. Большинство профессоровъ, видимо, тяготилось своей профессіей и исполняло свои обязанности безъ увлеченія, безъ любви къ дѣлу, часто по-казенному, да къ тому же еще и порядочно лѣнилось.

Уроки у насъ были часовые, но наши преподаватели ухитрялись сократить ихъ если не на $^1/_2$, то на $^1/_3$ назначеннаго времени, чему мы были рады, конечно. Надо прибавить еще, что многіе предметы изъ категоріи такъ называемыхъ свѣтскихъ не имѣли большого значенія въ глазахъ профессоровъ, которые относились къ нимъ спустя рукава. Да, по правдѣ сказать, и знакомство-то профессоровъ съ свѣтскими науками было болѣе, чѣмъ поверхностное. Нисколько не будетъ преувеличенія въ моихъ словахъ, если я скажу, что средній ученикъ гимназіи 7-го класса зналъ хоть, напр., математику основательнѣе, чѣмъ семинарскій профессоръ математики. Какъ ни абсурдно это положеніе, но оно вѣрно и легко объяснимо. Въ академіяхъ, назначеніе которыхъ главнымъ образомъ состоитъ въ приготовленіи профессоровъ для семинарій нѣтъ, какъ въ университетахъ, дѣленія на факультеты. Однако, студенты академій почти съ первыхъ же курсовъ облюбовываютъ тотъ или другой отдѣлъ преподаваемыхъ наукъ и имъ по преимуществу и занимаются; изъ этого же отдѣла, посовѣтовавшись предварительно съ профессоромъ, они выбираютъ и темы для кандидатскихъ и магистерскихъ сочиненій. Остальными науками, не входящими въ облюбованный отдѣлъ, студенты занимаются настолько, чтобъ не провалиться на экзаменахъ. Что же касается до наукъ свѣтскихъ, то онѣ въ духовныхъ академіяхъ никогда не обрѣтались, да и теперь не обрѣтаются въ фаворѣ. Хотя нынѣшніе монахи, составляющіе, такъ сказать, ядро академій и дающіе имъ тонъ, не говорятъ публично, что геометрія есть богомерзкое и еретическое ученіе, но все-таки они не далеко ушли отъ архіерея, такъ откровенно осудившаго неповинную геометрію. И теперь еще заправилы академій мудрость видятъ только въ православныхъ богословіяхъ; свѣтскія же науки терпятъ, какъ необходимое зло. По стопамъ начальства идутъ и студенты. Я отъ нѣсколькихъ профессоровъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ слыхалъ, что свѣтскія науки преподаются и прежде преподавались только, такъ сказать, ради декораціи. «Не думайте, дескать, объ насъ, что мы совсѣмъ игнорируемъ общее образованіе и кромѣ богословія ничего и знать не хотимъ». При назначеніи учителей въ гимназіи, какъ бы ни самодурствовало начальство, однако оно никогда не позволитъ себѣ совершенно игнорировать подготовку кандидатовъ, оно не назначитъ филолога преподавать физику или математика не сдѣлаетъ моментально, по щучьему, такъ сказать, велѣнью, историкомъ. Но невозможное для гимназій считается вполнѣ возможнымъ въ духовныхъ заведеніяхъ. Студентъ академіи во все время пребыванія въ ней, занимавшійся преимущественно отдѣломъ церковно-историче-

скимъ, получаетъ мѣсто профессора философіи потому только, что такое мѣсто было въ той или другой семинаріи вакантно; спеціалистъ-богословъ, по мановенію синода, становится смѣхотворнымъ математикомъ и т. д. Но бываютъ курьезы и почище: профессора, уроженца чисто русской губерніи, не видавшаго и не слыхавшаго рѣчи вятскихъ инородцевъ, назначаютъ профессоромъ черемисскаго или татарскаго языка и дѣлаютъ его такимъ образомъ посмѣшищемъ для учениковъ, понимающихъ хоть нѣсколько обыденныхъ фразъ изъ этихъ языковъ. Не подумайте, что я ради краснаго словца сгущаю краски. Вотъ на выдержку изъ многихъ немногіе факты. Былъ у насъ профессоръ математики Поповъ. Онъ былъ прекраснымъ человѣкомъ и законоучителемъ гимназіи; его руководства̀ по св. исторіи были общеприняты и вышли въ десяткахъ изданій; умеръ онъ въ должности ректора семинаріи и пользовался общею и заслуженною любовью. А вотъ каковъ онъ былъ, какъ профессоръ математики. Былъ у насъ товарищъ среднихъ способностей, но съ математической жилкой; въ умственномъ счисленіи онъ былъ маленькимъ, конечно, Діаманди, которымъ восхищается теперь ученая Москва. Учебники у насъ были почти по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ богословскихъ, самые жалкіе, да еще съ массою опечатокъ. Былъ урокъ изъ алгебры; профессоръ, постоянно заглядывая въ учебникъ, начертилъ на доскѣ формулу, задалъ урокъ и собрался утекать домой. Но тутъ случилось нѣчто, ошеломившее насъ: подошелъ къ доскѣ самородокъ-математикъ и убѣдительно доказалъ, что выведенная формула нелѣпа, что она доказываетъ совсѣмъ другое и что нелѣпость произошла отъ опечатки и т. д. Добрый профессоръ хотѣлъ было выпутаться, но только очевиднѣе для всего класса выказалъ свое полное невѣдѣніе, ибо оппонентъ нещадно припиралъ его къ стѣнѣ. Дѣло кончилось скандально; выбитый изъ всѣхъ позицій профессоръ вздумалъ подавить оппонента авторитетомъ учебника и своего профессорства, но этимъ только уронилъ себя въ глазахъ класса, у котораго долгонько долженъ былъ заискивать расположеніе. А вотъ и другой фактъ. По программѣ для поступленія въ московскій университетъ въ числѣ руководствъ по ариѳметикѣ былъ указанъ учебникъ Буссе. Досталъ я его, сталъ штудировать, но на первыхъ же страницахъ встрѣтилъ затрудненіе для меня непреодолимое. Буссе говоритъ о первыхъ и непервыхъ числахъ, и не объясняетъ ихъ. Порядочно и безрезультатно поломавши голову, я рѣшилъ идти за разъясненіями къ бывшему моему профессору, который все еще продолжалъ риторамъ преподавать математику (онъ былъ лѣтъ 6 математикомъ, пока не перешелъ въ

гимназію). Узнаетъ онъ о цѣли моего прихода, удивляется, что я—богословъ задумалъ повторять ариѳметику и, наконецъ, ничтоже сумняся, изрекаетъ: первыми числами называются числа отъ 1 до 10; а всѣ остальныя будутъ непервыя. Чуть не въ припрыжку бѣгу я въ городъ (я ради удобства подготовки изъ бурсы переѣхалъ на вольную квартиру), начинаю согласно новому объясненію рѣшать задачи, но толку не выходитъ никакого. Занялся я чѣмъ-то другимъ, а задачи отложилъ до утра, разсчитывая, что на свѣжую голову преодолѣю какъ-нибудь затрудненіе. Ранехонько съ Буссе и аспидной доской отправляюсь я въ садикъ, находившійся при квартирѣ, и изъ-за первыхъ чиселъ забываю весь міръ. Вдругъ слышу ласковый привѣтъ отъ молодого незнакомца. Изъ разговоровъ выяснилось, что онъ учитель математики въ гимназіи, живетъ во второмъ этажѣ того же дома, въ нижнемъ этажѣ котораго и я снималъ комнату. Его симпатичная, открытая натура покорила меня. Когда разсказалъ я о своемъ горѣ съ первыми числами, онъ такъ хохоталъ, что вмѣстѣ съ кашлемъ у него показалась даже кровь. Напослѣдокъ онъ зазвалъ меня къ себѣ и въ полчаса сообщилъ мнѣ столько, сколько въ семинаріи я не узналъ бы и въ полгода у своего математика—Попова. Этою свѣтлою, прекрасною личностію былъ Шимановскій, другъ и товарищъ Добролюбова по Педагогическому Институту. Онъ предложилъ заниматься со мною ежедневно по часу, но я за все время отнялъ у него на математику не болѣе 3—4 часовъ. Да болѣе и не требовалось, ибо онъ такъ выпукло ставилъ основныя положенія, что, руководясь ими, я быстро прошелъ и съ удовольствіемъ всю математику и въ университетѣ получилъ изъ нея высшіе баллы. Но для хорошихъ разговоровъ мы видѣлись почти каждый день. Достаточно сказать, что мы разговаривали въ концѣ 50-хъ годовъ, чтобъ понять великое значеніе разговоровъ для меня. Да, Шимановскій безконечно много повліялъ на мое умственное возрожденіе; нравственное же мое возрожденіе совершилось нѣсколько раньше и почти безъ его участія. Я, какъ святыню, берегъ два его письма ко мнѣ въ Москву и только въ прошломъ году въ припадкѣ бѣшенства сжегъ ихъ вмѣстѣ съ своимъ дневникомъ. За два года до смерти Добролюбова упокоился мой незабвенный другъ Юлій отъ чахотки.

Однако, пора вернуться въ семинарію. Было въ ней немалое число дѣльныхъ профессоровъ, которые не принесли намъ и сотой доли той пользы, которую могли бы оказать, еслибъ назначеніе ихъ соотвѣтствовало бы хотя сколько-нибудь ихъ спеціальности, призванію и наклонностямъ и если бъ при назначеніи ихъ на мѣста игралъ роль не одинъ случай. Случайно подобранные

профессора опускались, смотрѣли на преподаваемые ими предметы, какъ на скучную обузу. Нѣкоторые изъ нихъ спивались (самые притомъ талантливые), другіе лѣнились, какъ школьники, а всѣхъ ихъ, вообще, скоро засасывала рутина. Куда же глядѣлъ слѣпѣйшій синодъ, въ средѣ котораго находились такіе знаменитости, какъ московскій Филаретъ и другіе? Рѣшительно не могу объяснить такой нелѣпый абсурдъ, какъ предоставленіе одному только случаю такого серьезнаго дѣла, какъ замѣщеніе молодежью семинарскихъ каѳедръ. Разумнѣе ли идетъ теперь это замѣщеніе,—хорошо не знаю, но, кажется, это великое дѣло со времени 40-хъ и 50-хъ годовъ мало двинулось впередъ. Страшный консерватизмъ, доходящій до обскурантизма, обрядовая нетерпимость духовенства, граничащая съ фанатизмомъ (припомните отнятіе дѣтей у отцовъ-раскольниковъ) и, наконецъ, схоластика, царящая и посейчасъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, даютъ мало надежды на улучшеніе семинарій въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Быть можетъ, теперешнія семинаріи приготовляютъ лучшихъ, чѣмъ въ наше время, поповъ, *но не людей*. Мнѣ кажется, что духъ времени, который, несмотря на крѣпкіе запоры, широкою струею врывался въ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ семинарію, не могъ не вліять благотворно и на питомцевъ ея, независимо отъ рутины, царившей въ ней.

3. *Библіотека* семинарская помѣщалась въ небольшомъ особомъ домѣ и, кажется, была не очень бѣдна книгами. Завѣдывалъ ею профессоръ—человѣкъ хорошій, но крайне лѣнивый и совершенно халатно относившійся къ дѣлу. Поэтому книги приходилось получать не разъ въ недѣлю, какъ подобало, а черезъ 4—6 недѣль; каталога я, по крайней мѣрѣ, не видалъ; выбора книгъ не полагалось, а нужно было брать тѣ, которыя попадались подъ руку библіотекаря; исключенія дѣлались только для его любимцевъ, къ числу которыхъ я не принадлежалъ. Все это подрывало мое довѣріе къ библіотекѣ, на которую я по переходѣ въ семинарію возлагалъ много радужныхъ надеждъ. Онѣ ослабѣли еще болѣе отъ сухости и безжизненности выпадавшихъ на мою долю книгъ. Какъ на зло, мнѣ выдавались самыя скучнѣйшія слова и поученія разныхъ іерарховъ. Для характеристики литературы этого рода, скажу слова два. Въ видѣ пролога берется изъ Св. Писанія какой-либо текстъ, который доказывается тоже текстами, нахватанными изъ того же Писанія. А затѣмъ въ заключеніе слѣдуетъ какое-либо увѣщаніе православнымъ христіанамъ. Я, 13—14-лѣтній мальчишка, тогда уже понималъ, что проповѣди такія похожи на то, какъ если бы кто-либо сказалъ:

Петровъ—хорошій человѣкъ. На вопросъ же: почему вы такъ думаете? послѣдовалъ бы отвѣтъ: да потому, что Петровъ самъ считаетъ себя хорошимъ человѣкомъ. Понятно, что такая неотразимая аргументація не удовлетворяла мой пытливый, наклонный къ скептицизму умишко, и я пересталъ читать проповѣди. Одинъ разъ только мнѣ удалось получить свѣтскую книгу и за чтеніе ея испытать немало горя. Книга эта, какъ сейчасъ помню, называлась: сто русскихъ литераторовъ и была снабжена картинами и портретами. Кто-то изъ товарищей не постыдился вырѣзать нѣсколько картинъ, а я, ничего не подозрѣвая, въ такомъ видѣ принесъ книгу сдавать въ библіотеку. Библіотекарь усмотрѣлъ хищеніе и сообщилъ объ немъ инспектору и ректору; заварилось серьезное дѣло, и меня, ни въ чемъ неповиннаго, начали тягать къ допросамъ. Къ счастью пріѣхалъ отецъ, уплатилъ стоимость книги и далъ инспектору взятку (12 руб.). И тогда послѣдовало до-нельзя суровое рѣшеніе семинарскаго правленія; мнѣ запрещено брать изъ библіотеки книги и я, кромѣ того, изъ перваго десятка былъ перемѣщенъ въ 3-й разрядъ, что считалось очень позорнымъ. Положено было меня исключить, да взятка спасла. Все-таки цѣлую треть я пробылъ въ 3-мъ разрядѣ, а вѣдь вся вина моя состояла въ томъ, что я не всегда книгу держалъ подъ замкомъ, а моею оплошностью воспользовался негодяй. И у товарищей рѣдко видѣлъ я хорошія книги изъ нашей библіотеки; если иногда и удавалось получить кому-либо свѣтскую книгу, то это было старье временъ очаковскихъ и покоренья Крыма. Вообще, начальство у насъ косо посматривало на чтеніе свѣтскихъ книгъ. Вотъ для иллюстраціи два характерные факта. Одинъ изъ фактовъ касается лично меня. Когда библіотека стала для меня недоступной, а страстишка къ чтенію болѣе интенсивной, я прибѣгъ къ контрабандѣ, которая съ большими предосторожностями доставляла изъ города кое-какія книги. Читались онѣ крайне осторожно, ибо онѣ были не библіотечныя. Читалъ я во время классовъ и то съ оглядкою, а болѣе ночью, точнѣе говоря, раннимъ утромъ. Ради чтенія я просыпался въ 4 часа и безбоязненно читалъ весною и лѣтомъ въ кровати, а зимою въ уголкѣ за печкою. Если же съ чтеніемъ нужно было ужъ очень спѣшить, то я читалъ и ночью. Часовъ въ 11, когда раздавался общій храпъ, я изъ своего одѣяла устраивалъ на койкѣ нѣчто въ родѣ палатки, зажигалъ сальный огарокъ и отдавался чтенію до утомленія. Болѣе года я такъ читалъ безнаказанно, но, наконецъ, я попался. За вечерними мѣстами я обыкновенно не читалъ, ибо легко было чтеніемъ обратить вниманіе старшаго. Но какъ-то, въ необходимости поскорѣе возвратить книгу, я увлекся чтеніемъ

во время мѣстъ, и «Отечественныя Записки» были секвестрованы старшимъ и представлены инспектору, который въ тотъ же вечеръ прочиталъ мнѣ длинную нотацію и взялъ съ меня расписку, въ которой я клятвенно обязался въ семинаріи книгъ свѣтскихъ не читать. Секвестрованную книгу мнѣ не возвратили, да это было и не нужно, потому что хозяиномъ книги былъ своякъ инспектора—протопопъ, сынъ котораго и снабжалъ меня книгами. Вѣроятно, поэтому только я и отдѣлался такъ дешево. Впрочемъ, исторія эта случилась, помнится, въ 57 г., когда проникли новыя вѣянія и въ нашу глушь. Расписка устрашила меня не надолго, я только еще осторожнѣе сталъ читать, да книги пришлось брать въ другомъ мѣстѣ. А вотъ другой фактъ. Предъ лѣтними каникулами въ семинаріи устраивалась уморительная комедія, именуемая публичнымъ экзаменомъ. Это не актъ, а дѣйствительно экзаменъ, производящійся предметовъ изъ 10—12 въ какіе-нибудь два часа. По каждому предмету назначаются два лучшіе ученика, а изъ предмета выбираются также 2, много 3 вопроса. И ученики и вопросы вносятся въ особый листъ, въ которомъ противъ фамиліи учениковъ поставленъ и вопросъ, который ему нужно предложить. Конечно, при такомъ фокусѣ и идіотъ можетъ оказаться прекраснымъ ученикомъ. Комедію эту разыгрывали публично подъ дирижерствомъ самого архіерея; зрителями были, начиная съ губернатора, всѣ важные чины въ мундирахъ и рясахъ. И декораціи были недурны; актовая зала убиралась зеленью и цвѣтами, которые воровались семинаристами на крестьянскихъ лугахъ, что нерѣдко бывало причиною серьезныхъ дракъ съ крестьянами. Съ прибытіемъ архіерея представленіе начиналось молитвеннымъ гимномъ; затѣмъ архіерей бралъ означенный выше листъ и вписанные въ него семинаристы, тщательно подготовленные къ прекраснымъ отвѣтамъ, начинали морочить публику, которая хотя и восторгалась громадной эрудиціей учениковъ, видѣла все-таки отлично, что здѣсь ловко умѣютъ товаръ лицомъ показывать. Пока экзаменовались богословы и философы,—дѣло шло прекрасно; даже я—тогдашній философъ—получилъ отъ архіерея похвалу за аргументацію Гегелевскаго положенія: «все существующее разумно», хотя мои собственные взгляды были и иные. Но когда дѣло дошло до экзамена изъ піитики и риторики, то произошелъ безобразнѣйшій инцидентъ. Примѣрно за годъ до этого поступилъ въ семинарію молодой и очень либеральный профессоръ, другъ Добролюбова,—Красовскій. Онъ назначилъ для экзамена, между прочимъ, разборъ «пророка» Пушкина, того Пушкина, который обѣдню называлъ комедіей, а ектенію галиматьей. Какъ случилось, что «пророкъ» попалъ въ листъ,

я не знаю, но онъ произвелъ цѣлую бурю. Едва только ученикъ началъ декламировать пророка, какъ архіерей, точно ужаленный, вскочилъ съ своего предсѣдательскаго кресла и закричалъ на бѣднаго Красовскаго: «какъ вы смѣете въ духовномъ заведеніи сообщать сочиненіе Пушкина? Вы развращаете будущихъ пастырей церкви. Знаете ли, кто такой былъ Пушкинъ? Онъ—безбожникъ и поганецъ». Затѣмъ досталось на орѣхи ректору, да заурядъ и всѣмъ профессорамъ. Губернаторъ Муравьевъ, сынъ Виленскаго, закрылъ лицо руками на все время, пока архіерей изрыгалъ свою грозную и грязную тираду. Сей приснопамятный цѣнитель Пушкина былъ архіерей Елпидифоръ, къ имени котораго духовенство придумало рифму: вятскій воръ, а сверженіе Пушкина съ Олимпа и возложеніе на главу его терноваго вѣнца просвѣщеннымъ архіереемъ совершилось въ эпоху новыхъ вѣяній, кажется, въ 57 или 58 г. Комментаріи излишни. Да, жестокіе у насъ были нравы.

4. *Учащіеся* составляли довольно разношерстную массу въ 500 слишкомъ человѣкъ, съѣхавшихся со всей громадной губерніи и обязанныхъ жить тамъ и съ тѣмъ, съ кѣмъ прикажетъ начальство. Кромѣ вятскаго, контингентъ для семинаріи доставляли еще пять духовныхъ училищъ; каждое изъ нихъ имѣло свои специфическія особенности, которыя скоро сглаживались и въ концѣ концовъ принимали ту окраску, которую имѣло вятское училище. Оно, какъ самое многолюдное и дававшее наибольшее число семинаристовъ, давало тонъ товарищамъ, поступавшимъ въ семинарію изъ другихъ училищъ. А такъ какъ ученики вятскаго училища слегка были уже мною обрисованы, то здѣсь придется прибавить лишь нѣсколько штриховъ. Въ южныхъ уѣздахъ духовенство жило относительно очень богато, а потому и сынки его были людьми денежными. Я былъ сыномъ хотя небогатаго, но все-таки состоятельнаго попа, и при отъѣздѣ съ каникулъ, за исключеніемъ послѣдняго учебнаго года, когда я жилъ на квартирѣ на своихъ харчахъ, никогда не получалъ на мелкіе расходы болѣе 15—20 коп. И это еще хорошо. У меня долго хранилось письмо отца-дьячка къ сыну—моему хорошему товарищу, который ради праздниковъ Рождества и Пасхи (на которые онъ оставался въ бурсѣ) получилъ 2 гривны, т.-е. 6 коп., на иголки, нитки, разныя лакомства и при этомъ дружескій совѣтъ не заводить большихъ пировъ. Южные же, богатенькіе семинаристы привозили изъ дому по 20—30 руб., а не копеекъ, да въ учебное время частенько получали то 10, то 15 руб. съ почтою. Одѣвались они франтовато; у нѣкоторыхъ было даже по 2—3 пары тонкаго сукна, сапоги носили они не только съ калошами, но опойковые, которые чистились ваксой

и блестѣли, что для средняго семинариста считалось недоступною роскошью. Я, напр., и въ университетѣ еще ходилъ первые годы въ смазныхъ сапогахъ. Но что особенно составляло предметъ зависти громаднаго числа бурсаковъ, это—чаепитіе вечернее богатѣевъ, большинство которыхъ имѣло свои самовары (казенныхъ не полагалось) и даже чайные погребцы. Къ чаепитію въ столовую нарочно ради богатѣевъ, а ихъ было около полусотни, приходилъ булочникъ съ соблазнительными для голодныхъ бурсаковъ плюшками, пышками и пр. соблазнами. Эти-то богатѣи на первыхъ порахъ задрали свои носы и на насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, посматривали сверху внизъ и водили дружбу лишь между собою. Но и изъ насъ сплотилась партія, которая не позволяла имъ наступать себѣ на ноги, и такъ какъ въ средѣ своей она заключала немало способныхъ людей, то богатѣи скоро предъ нею смирились, и партійныя недоразумѣнія скоро же и прекратились. Къ несчастію была еще третья партія, которая своею безтактностью роняла въ глазахъ нашихъ не только себя, но и богатѣевъ, это—партія, такъ называемыхъ, прихлебателей. Особенно коробило меня богатѣйское чаепитіе. Вотъ поверхностное изображеніе его: картина представляетъ громадную въ два свѣта столовую, въ которой между 4 и 5 час. въ трехъ разныхъ углахъ засѣдаютъ чаепійцы: богословы, философы и риторы отдѣльно другъ отъ друга; около нихъ толпятся прихлебатели, чающіе подачки, и завистливо и вмѣстѣ жадно поглядывающіе на богатѣевъ. Эти послѣдніе, нагрузившись уже чаемъ, приглашаютъ кое-кого изъ прихлебателей попить уже спитого чаю и даютъ имъ изъ своихъ рукъ по огрызку сахару, а иногда и кусокъ плюшки. Своимъ чаемъ богатѣи нерѣдко угощаютъ и нѣкоторыхъ изъ лучшихъ учениковъ-бѣдняковъ за какія-либо классныя услуги и вотъ тогда-то прихлебателямъ приводится играть особенно позорную роль: они становятся чѣмъ-то въ родѣ лакеевъ, прислуживающихъ не только хозяевамъ, но и ихъ гостямъ. Съ глупѣйшимъ чванствомъ богачи отдаютъ частыя и ненужныя приказанія прихлебателямъ, которые готовы изъ кожи лѣзть, чтобъ доставить удовольствіе своимъ патронамъ. Словомъ, выходила до того омерзительная картина, что я въ чайное время пересталъ ходить въ столовую, несмотря на приглашенія, иногда получаемыя отъ того или другого богатѣя присутствовать у него въ качествѣ гостя. На меня обѣ стороны производили крайне несимпатичное впечатлѣніе. Никакихъ, конечно, соціальныхъ теорій я, при своемъ ребячьемъ умѣ, не могъ строить, но какое-то чутье подсказывало мнѣ, что въ такихъ отношеніяхъ богатыхъ къ бѣднымъ кроется много фальши и лжи, что въ товарищество врывается, хотя и въ заро-

дышѣ, начало кабалы или по крайней мѣрѣ извращеніе товарищескихъ отношеній.

Учащіеся не составляли одной сплоченной семьи, у которой, на первый взглядъ, должно бы быть много общаго въ стремленіяхъ и цѣляхъ, не говоря уже о происхожденіи. Напротивъ, почему-то существовалъ непонятный для меня антагонизмъ особенно между богословами и философами. По какой-то давней и странной традиціи философы непремѣнно должны держать себя гордо, какъ подобаетъ настоящимъ философамъ, хотя они никогда и не нюхали еще настоящей философіи, которая къ тому же гордость не у мѣста никогда не считала въ числѣ своихъ принциповъ. На сторонѣ богослововъ была сила, орудіями которой служили старшіе, назначаемые по два на каждую комнату изъ тѣхъ же богослововъ. Эти-то старшіе и гнули строптивыхъ философовъ въ бараній рогъ, придираясь къ каждой мелочи. Риторы, или словесники, были въ пренебреженіи у обоихъ старшихъ классовъ; они играли роль паріевъ; даже и кличка была дана имъ обидная: богословы и философы называли ихъ не риторами, а лопарями. Само начальство давало поводъ смотрѣть на риторовъ свысока. Отношеніе его къ дѣлу питанія или кормленія семинаристовъ было просто возмутительно. Плата за содержаніе, какъ я уже говорилъ, приблизительно была пропорціональна доходамъ нашихъ отцовъ: попы за своихъ дѣтей платили больше, чѣмъ дьяконы и дьячки. И это, конечно, было вполнѣ справедливо. Та же справедливость, казалось, должна бы быть одинакова, какъ для богослова, такъ и риторовъ; если они, какъ поповскія дѣти, платили одинаково по девяти р. въ треть, то и пища для нихъ должна бы быть одинаковая. А эта-то элементарная справедливость постоянно и самымъ возмутительнымъ образомъ нарушалась съ вѣдома самого начальства. Съ цѣлью хотя нѣсколько обуздать грабежъ эконома (изъ профессоровъ) и комиссара (изъ поповъ) еще до моего поступленія въ семинарію учреждены по столовой и кухнѣ дежурные по два на каждый день. Интересно, что одинъ дежурный былъ богословъ, а другой философъ; несчастные же риторы на дежурства не допускались. Кормили въ семинаріи скверно, а риторовъ даже хуже, чѣмъ учениковъ училища, гдѣ пища для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, была одинаково мерзка. Въ семинаріи же богословы ѣли лучше философовъ, а философы лучше риторовъ. Заботясь о брюхѣ товарищей, дежурный богословъ удѣлялъ имъ лучшіе куски мяса; куски похуже доставались философамъ, а жилы и болонь (брюшная часть)—лопарямъ. Самый жирный слой щей назначали дежурнымъ и старшему по столовой, которые обѣдали особо; затѣмъ наваръ получше назначали богословамъ, попо-

снѣе—философамъ, а на долю риторовъ оставалась нѣчто въ родѣ помоевъ. На дежурномъ философѣ лежала обязанность на каждый кругъ отпускать въ кашу масло. (Ѣли мы изъ общей чашки; шесть человѣкъ составляли кругъ). За правильностью отпуска слѣдилъ дежурный богословъ. Существовали три мѣрки: самая большая для богослововъ, а самая маленькая (втрое меньше богословской) для риторовъ. О такой неравномѣрности мѣрокъ начальство не могло не знать, ибо оно само же ихъ и покупало, да и пища нерѣдко раздавалась въ присутствіи эконома. Къ этой узаконненой, такъ сказать, несправедливости дежурные примѣшивали еще мошенничество. Нѣкоторые философы—масломѣры были такими виртуозами, что ухитрялись риторамъ отпускать кашу совсѣмъ безъ масла: они мѣркой дѣлали въ ней только углубленіе, точно накладывали штемпель. Но не всѣ такъ поступали; а все-таки самые добрые и справедливые вмѣсто цѣлой мѣрки отпускали $^1/_2$ или $^3/_4$ ея. И риторы помнили добро ихъ, печатниковъ же просто ненавидѣли, а изрѣдка при случаѣ и мстили имъ. Вся эта мошенническая штука продѣлывалась съ единственной цѣлью послаще нажраться. И, дѣйствительно, любители поѣсть, жрали тогда съ какимъ-то остервенѣніемъ до отупѣнія. Въ жратвѣ участвовали, кромѣ дежурныхъ, старшій по столовой и читальщикъ-богословъ, т.-е. субъектъ, который во время обѣда и ужина на срединѣ столовой съ чувствомъ, съ толкомъ и напускнымъ благоговѣніемъ читалъ житіе какого-либо святого. Къ трапезѣ часто присоединялся еще сеніоръ, сирѣчь, главный старшій—обыкновенно первый ученикъ изъ богослововъ. Да если бы и еще присосѣдились къ столу 2—3 чел., то ѣды хватило бы на всѣхъ. Вмѣсто двухъ обыкновенныхъ блюдъ: щей и каши, тутъ обязательно появлялось еще холодное мясо съ хорошимъ, нарочно для дежурныхъ приготовляемымъ, квасомъ. Жирнаго мяса во щахъ было столько, что его не съѣдали; каша же плавала въ маслѣ. И всѣ эти блага получались на счетъ голодающихъ риторовъ, и никому изъ насъ въ голову не приходило, что подобное дѣяніе гнусно! Возмущавшіеся риторы, перейдя въ высшіе классы, съ легкимъ сердцемъ продѣлывали то же, что и ихъ предшественники. Такова, видно, ужъ сила традиціи, санкціонированная вдобавокъ авторитетомъ начальства, которое тоже, вѣроятно, слѣдовало традиціи. Критически относиться къ ней оно не привыкло, да это было бы и невыгодно для него, вѣдь тогда было бы очень ужъ неловко набивать свои карманы на нашъ счетъ. Справедливость нашего начальства рельефно обрисовывается въ устройствѣ завтраковъ, до которыхъ оно, конечно, не само додумалось, а получило свыше приказаніе давать

ихъ. Если не измѣняетъ память, то завтраки были введены по иниціативѣ того добраго ревизора-монаха, который во время оно былъ моимъ благодѣтельнымъ геніемъ при переходѣ моемъ изъ грамматики въ синтаксисъ или 4-й классъ. Оригинальную штуку наше начальство выкинуло съ этими quasi-завтраками. Они состояли изъ одного только чернаго хлѣба, да и то не для всѣхъ семинаристовъ. Богословамъ выдавали мягкій хлѣбъ и въ волю; философамъ—болѣе черствый и по ломтю на брата; риторамъ же—шишъ, съ надеждою по переходѣ въ философію жевать по утрамъ черствый хлѣбъ. Казалось бы, что риторы болѣе другихъ нуждаются въ ѣдѣ, такъ какъ это были юнцы въ возрастѣ 12—16 лѣтъ съ незакончившимся еще ростомъ и съ потребностью въ большемъ относительно количествѣ питательнаго матеріала. Но у нашего начальства была своя логика. Подъ вліяніемъ, если не настоящаго голоданія, то недоѣданія у риторовъ выработалась тоже своя довольно оригинальная логика. Было немало между ними такихъ, которые нажили дурную привычку потреблять невѣроятно громадныя количества пищи, а потому при скудной и невкусной семинарской кормежкѣ они испытывали, кажется, постоянно чувство голода. Самое положеніе риторовъ, какъ я выше говорилъ, было крайне унизительное, а голодъ побуждалъ ихъ еще болѣе унижаться и даже выкидывать совсѣмъ ужъ некрасивыя колѣнца. Тотчасъ по поступленіи въ семинарію я узналъ, что лопарямъ завтраки не полагаются, но лично я на это мало обращалъ вниманія. При моей, нажитой съ малыхъ лѣтъ, привычкѣ ѣсть мало и довольствоваться тѣмъ, что даютъ, нашъ скудный столъ былъ даже хорошъ для меня, по количеству конечно, но меня отсутствіе завтраковъ возмущало, какъ нарушеніе самой элементарной справедливости. Интриговало меня также то, зачѣмъ во время завтрака богослововъ и философовъ каждодневно человѣкъ 25—30 риторовъ-товарищей направляютъ стопы свои въ столовую. Какъ-то разъ вслѣдъ за товарищами, въ качествѣ зрителя, отправился въ столовую и я. Картина, которую я увидѣлъ тутъ, можетъ быть нарисована не мною—реалистомъ, а вдохновеннымъ художникомъ слова или кисти. Безъ всякихъ притязаній на художественное изображеніе, я начерчу ее лишь грубыми, аляповатыми штрихами. Въ громадной столовой два противоположные угла заняты ядущими и зло посматривающими другъ на друга богословами и философами. Близъ входной двери, но неподалеку отъ уголка богослововъ, стоитъ кучка риторовъ, съ завистью посматривающая на ядущихъ. Едва только богословы окончили свою скудную трапезу, какъ риторы

съ остервенѣніемъ, набросились на оставшіеся послѣ нихъ куски хлѣба, а съ другой стороны эти же куски, по повелѣнію эконома и комиссара, желали заполучить для свиней своихъ патроновъ ихъ служители. Произошла схватка, не обошедшаяся, конечно, безъ крѣпкихъ словечекъ съ той и другой стороны, кончившаяся въ пользу риторовъ, такъ какъ на ихъ сторонѣ было громадное численное превосходство. Подобныя ежедневныя стычки бывали и очень часто настолько серіозныя, что доходили до свѣдѣнія эконома, а изрѣдка и болѣе крупнаго начальства. Утренній голодъ, какъ сказано, риторы утоляли крупицами со столовъ богослововъ, но вѣдь былъ еще и вечерній голодъ, который побуждалъ любителей обжорства на самыя отчаянныя выходки, кончавшіяся нерѣдко жестокими побоищами, слѣдствіемъ которыхъ бывали тяжелыя раны и переломы костей. И объ остроумныхъ выходкахъ, и о побоищахъ составлялись легендарные разсказы, въ которыхъ къ трагическому примѣшано было немало и комическаго, но насколько вѣрны эти сказанія, не знаю, ибо ни въ одномъ изъ похожденій лично я не участвовалъ. Объектами для грабежа главнымъ образомъ служили погреба, подвалы и другіе склады семинарской провизіи, но семинаристы дѣлали набѣги и на окрестныя деревни. Не щадили они ни огородовъ, ни дворовъ крестьянскихъ; трофеями ихъ набѣговъ, помимо овощей, бывали куры, поросята и разъ даже небольшая свинья. Все это сдавалось больничному служителю, который и готовилъ разныя кушанья для хищниковъ. Украсть что-либо у товарища считалось дѣломъ позорнымъ; если вора иногда и не предавали въ руки начальства, то ему плохо приходилось все-таки отъ товарищей: отъ него отворачивались, надъ нимъ издѣвались на разные лады, а нерѣдко производили кулачную расправу. Воровство же и даже грабежъ въ деревняхъ или семинарскихъ складахъ считались не преступленіемъ, а лишь удальствомъ, своего рода молодечествомъ. Такимъ грабителямъ бурса воздавала даже хвалу, да и сами они не только не стыдились своихъ подвиговъ, но еще гордились ими.

Пьянство между семинаристами развито было сильно, особенно въ старшихъ классахъ. Богатыхъ учениковъ было немного, а подъ хмелькомъ они становились добренькими и водочкой тогда охотно дѣлились и съ бѣднякими, не унижая даже послѣднихъ. Сильно, а нѣкоторые и до потери сознанія, напивались въ годовые праздники. У богослововъ праздновался день Іоанна Богослова, а у философовъ—Іустина Философа. И бывало тогда утѣшеніе веліе, какъ выражается о монастырскихъ

попойкахъ церковный уставъ. Начальство, строгое въ обычное время, въ праздники на пьянство смотрѣло сквозь пальцы. Но особенно грандіозныхъ размѣровъ пьянство достигало въ дни отпуска на святки и на лѣтнія каникулы: начиналось оно слегка еще въ городѣ, достигало же своего апогея на первыхъ отъ него станціяхъ. Дикое и даже ошеломляющее впечатлѣніе на проѣзжающихъ производилъ поѣздъ въ 30—40 повозокъ, съ доброю сотней пьяныхъ пассажировъ, мчавшійся во весь опоръ съ гиканьемъ, пѣснями и площадною бранью. Хорошее, должно быть, впечатлѣніе производили на народъ эти оргіи будущихъ его пастырей. Недаромъ же онъ и теперь злорадно величаетъ семинаристовъ жеребячьей породой, кутьехлебами и т. п. нелестными эпитетами. Курьезный способъ существовалъ тогда найма ямщиковъ. Къ концу учебнаго сезона даже у крупныхъ богатѣевъ въ карманѣ царила пустота; смышленые ямщики знали объ этомъ и недѣли за четыре до отпуска являлись въ семинарію съ довольно крупными капиталами, которыми и ссужали своихъ будущихъ пассажировъ, за что, конечно, возвышали плату за проѣздъ. Были артисты, которые, нанимая ямщика за 5 р., ухитрялись получать отъ него въ задатокъ 30—40 р. И ихъ отцы безропотно платили эту контрибуцію, освященную обычаемъ и временемъ; они отлично знали, что ихъ сынки во время дороги за 4—5 дней прокучивали по 10 и болѣе рублей, потому что и сами во время ученія дѣлали то же самое. Это было бы, пожалуй, еще небольшимъ баловствомъ. Гораздо хуже они поступали, пріучая своихъ дѣтокъ къ ранней и систематической выпивкѣ. Существовалъ нелѣпый обычай, въ силу котораго многіе отцы время перехода своихъ сынковъ въ философію, хотя бы имъ было не болѣе 14—15 лѣтъ, считали подходящимъ для начатія выпивокъ и не только хладнокровно смотрѣли, какъ чада ихъ въ гостяхъ нализываются до зеленаго змія, но и сами дома ихъ угощали виномъ, какъ полноправныхъ гражданъ. Я былъ страшно пораженъ, когда въ первые же годы вольной своей практики встрѣтилъ нѣсколько поповъ, моложе 30 л., заправскихъ алкоголиковъ, для которыхъ водка стала не меньшею потребностью, чѣмъ воздухъ. И всѣ такіе попики, какъ оказалось изъ разспросовъ, начали попивать, когда были еще мальчишками! Да и какъ не пить имъ? Примѣръ старшихъ, ихъ неимовѣрная снисходительность къ выпивкамъ юнцовъ, масса соблазновъ во время поповства и, наконецъ, едва не полная безнаказанность за пьянство—все это способствуетъ его распространенію. Если еще прибавить къ этому непривычку къ серьезному, содержательному чтенію, а при стремленіи къ нему

необходимость довольствоваться метафизическими измышленіями и въ концѣ концовъ пустоту и скуку сельской жизни, то и будетъ налицо цѣлый комплексъ условій, побуждающихъ прибѣгнуть къ утѣшительницѣ—водочкѣ. Не помню уже, кто изъ нашихъ авторитетныхъ антропологовъ высказалъ основательное, на мой взглядъ, положеніе, что духовное сословіе выдѣляетъ изъ себя въ общество и государство относительно очень много здоровыхъ умственно и нравственно и полезныхъ элементовъ. Доказательствъ его я не помню хорошо. Если положеніе это вѣрно относительно прошедшаго и настоящаго, пожалуй, времени, то оно едва ли будетъ справедливо для будущаго времени. Вліяніе алкоголизма на молодое поколѣніе начинаетъ уже обнаруживаться. Въ 90-хъ годахъ случаи вырожденія попадались нерѣдко; въ 70-хъ годахъ я ихъ вовсе не наблюдалъ. Есть надъ чѣмъ призадуматься.

О развратѣ семинаристовъ много говорить нечего. Описывая бурсу, я немало краснѣлъ, говоря объ этомъ предметѣ и повторяться очень тяжело.Коротко скажу, что въ семинаріи къ противоестественному разврату иногда примѣшивался развратъ, такъ сказать, естественный (хожденіе въ публичные дома), да и противоестественно семинаристы грѣшили осторожнѣе и съ меньшимъ цинизмомъ, чѣмъ бурсаки. Вслѣдствіе большей своей развитости, первые старались прикрыть свои грѣхи отъ товарищей. Мальчишки же бурсаки часто не вѣдали, что творили. Понятно, что пьянству и разврату предавались не всѣ и даже не большинство семинаристовъ, но я погрѣшилъ бы противъ правды, если бы сказалъ, что порокамъ этимъ подвержены были только единичныя личности. Опредѣлить число ихъ въ процентахъ, конечно, невозможно, хотя процентъ былъ и не малъ. При пріемномъ экзаменѣ въ семинарію происходила своего рода фильтрація: совсѣмъ безталанные ученики и тупицы возвращались вспять и, главнымъ образомъ, пополняли ряды дьячковъ, если только ранѣе не исключались изъ училища. Попадали въ семинарію за взятки и отявленныя тупицы, но ихъ было немного. Контингентъ семинаристовъ въ подавляющемъ большинствѣ состоялъ изъ юнцовъ среднихъ способностей. Лица съ блестящими способностями, такъ сказать, аристократія ума и талантовъ, были представлены ничтожнымъ меньшинствомъ (1—2 чел. на цѣлый классъ, т.-е. приблизительно 10—12 ч. на 500 слишкомъ учениковъ). Къ тому же добрая половина аристократовъ была безполезна для духовнаго сословія вообще и для духовныхъ академій, выращивающихъ профессоровъ и архіереевъ, въ частности. Нѣкоторые аристократы за всѣ шесть лѣтъ оставались незамѣченными начальствомъ;

они плохо мирились съ зубрежкой, схоластическими пріемами преподаванія, и не только неважно учились, но еще критически относились и къ наукамъ, и къ порядкамъ семинарскимъ. Другіе, относясь къ дѣлу тоже безучастно, поражали и даже раздражали профессоровъ неровностью своего ученія: то они отвѣчаютъ урокъ прекрасно, то стоятъ, какъ пни. Неровность эту они особенно рѣзко проявляли въ своихъ сочиненіяхъ, которыхъ задавалось намъ ужъ очень много. То они напишутъ на 10, если тема приходилась по душѣ, то на 3. Профессора злились, подозрѣвали списываніе изъ книгъ, плагіатъ, но доказать его не могли; вызвать же ученика на откровенное объясненіе имъ не удавалось, ибо не обладали достаточнымъ авторитетомъ, чтобы внушить искреннее къ себѣ отношеніе. И тѣ, и другіе аристократы учились собственно для экзамена и переходили изъ класса въ классъ недурно. Была еще очень маленькая числомъ кучка аристократовъ, которые трудились неустанно и чрезвычайно добросовѣстно; они дѣйствительно знали семинарскія науки, исключая только свѣтскихъ. Для нихъ широко раскрывались двери академій, а если они еще поддавались соблазну поступить въ монахи, то легко и скоро дѣлались архіереями. Увлекались ли они метафизическими науками, любили ли ихъ, или занимались ими ради честолюбивыхъ цѣлей,—рѣшить не берусь.

Итакъ, въ семинаріи первенствовала, по крайней мѣрѣ численно, золотая середина. Она не ставила себѣ вопросовъ ни объ образовательномъ значеніи, ни о продуктивности изучаемыхъ ею предметовъ, а только, ничтоже сумняся, болѣе или менѣе ретиво зубрила. Кто изъ нея былъ поприлежнѣе, тотъ забивался въ первый разрядъ и выходилъ со степенью студента семинаріи, что давало нѣкоторое право на полученіе лучшаго поповскаго мѣста. Впрочемъ, взятки пересиливали право и часто бывало, что давшій въ консисторіи взятку второразрядникъ получалъ приходъ болѣе богатый, чѣмъ студентъ. Второй разрядъ наполнялся болѣе лѣнивыми, хотя иногда и гораздо болѣе способными семинаристами. Громадную роль играло, пожалуй даже большую, чѣмъ ученіе,—поведеніе, о качествѣ котораго произносилъ безапелляціонные приговоры всесильный тогда инспекторъ. Совершенно ничтожные проступки, въ родѣ, напр., недостаточно низкаго и, на взглядъ инспектора, почтительнаго поклона, не совсѣмъ смиреннаго отвѣта, а особенно возраженія, были достаточны, чтобы ученикъ изъ перваго разряда перекочевалъ во второй, а то и въ третій разрядъ, что было уже совсѣмъ плохо. Лишь дѣтямъ богатыхъ отцовъ, которые могли приносить крупные дары инспектору, сходили легко съ рукъ и важные проступки, даже пьян-

ство, за которое бѣдныхъ большею частью исключали. Ученье для золотой середины, строго говоря, состояло въ безшабашномъ зубреніи; на пониманіе и усвоеніе выученнаго не обращалось рѣшительно никакого вниманія. Отвѣтъ своими словами, особенно изъ богословскихъ предметовъ, считался чуть не ересью; въ немъ многоученые наши профессора видѣли недостатокъ уваженія и должнаго благоговѣнія къ слову Божію и твореніямъ св. отцовъ и учителей церкви. Даже за пропускъ «и» сбавлялся балъ. Само собою разумѣется, что такое ученіе плохо развивало умы молодежи, а вмѣсто знаній болѣе или менѣе солидныхъ давало только жалкіе ихъ обрывки, которые оставляли въ головѣ какой-то хаотическій винегретъ. Нужно еще прибавить, что живыя науки были въ полномъ пренебреженіи, а отъ излюбленныхъ наукъ отдавало безжизненностью и мертвечиной. Неудивительно, что громадное большинство семинаристовъ къ этимъ излюбленнымъ наукамъ относилось безъ всякаго интереса, по крайней мѣрѣ духовнаго и быстро забывало ихъ вскорѣ по поступленіи въ попы. Да врядъ ли очень интересовались ими и сами наши профессора. Была возможность развиваться и заполнять недочеты семинарскаго образованія чтеніемъ книгъ, но тутъ желающихъ читать встрѣчали преграды. Изъ семинарской библіотеки рѣдко удавалось получить порядочную книгу, отъ горожанъ же доставать книги было трудно,— для этого нужны были хорошія знакомства; къ тому же книги не библіотечныя преслѣдовались строго начальствомъ и даже секвестровались. Но эти препятствія, при настойчивости, которую пріобрѣли нѣкоторые изъ насъ еще въ бурсѣ, было бы не особенно трудно устранить. Было другое, труднѣе одолимое препятствіе, бороться съ которымъ у громаднаго большинства не было возможности. Препятствіе это заключалось въ обиліи предметовъ, которые мы обязаны были изучать. Нужны были очень недюжинныя способности и порядочное трудолюбіе, чтобы поверхностно и на короткое хотя время запомнить,—о прочномъ усвоеніи я уже не говорю,—такую массу наукъ, да еще неинтересныхъ и нелѣпо преподаваемыхъ. Поэтому золотая середина, не желавшая провалиться на экзаментѣ, или хотя потерять въ спискѣ занятое мѣсто,изъ кожи лѣзла, чтобъ вызубрить и бойко отвѣтить заданные уроки, которые дѣйствительно были непосильно велики. До чтенія ли тутъ, когда не оставалось свободнаго часа, чтобъ на дворѣ или въ саду подышать свѣжимъ воздухомъ, а если кто отправлялся на прогулку, то не иначе, какъ съ тетрадью, или книгой. Только совсѣмъ облѣнившіеся юнцы, не очень заботившіеся о бойкости своихъ отвѣтовъ и вообще учившіеся кое-какъ, имѣли часъ другой для полнаго отдыха и для развлеченій. Но этимъ

лѣнтяямъ чтеніе—занятіе, притомъ необязательное, конечно, и на умъ не шло. Понятно, что умственный багажъ, съ которымъ семинаристы вступали въ жизнь, былъ крайне легковѣсный. Становясь учителями народа, они не желали, да и не умѣли учить его; о необходимости самообразованія они, за ничтожными исключеніями, и не думали; школа не пріучила ихъ къ любознательности. Мудрено ли, что у насъ такъ много радѣющихъ только о о своихъ утробахъ поповъ и такъ мало симпатичныхъ, преданныхъ своему высокому служенію, добрыхъ пастырей!

Въ глубинѣ своей души и въ интимныхъ разговорахъ семинаристы, несомнѣнно, сознаютъ, да и не могутъ не сознавать, что ихъ умственный цензъ очень невысокъ, а нравственные устои куда какъ непрочны. А, между тѣмъ, какое огромное гнѣздится въ нихъ самомнѣніе. Если не принимать въ расчетъ двуличность, роскошно культивируемую въ школѣ, то трудно становится, особенно людямъ незнакомымъ съ семинарскимъ воспитательнымъ направленіемъ, понять, какъ мирно уживаются невѣжество съ высокомѣріемъ. Все направленіе нашего воспитанія и обученія клонилось къ тому, чтобы развить въ насъ до nec plus utra гордое самомнѣніе, тогда какъ по настоящему слѣдовало бы показать всю глубину нашего невѣжества и нашей нравственной испорченности, обнажить наши вонючія язвы и указать средства для ихъ врачеванія. Намъ серьёзно внушалось, что всѣ трибуны и ораторы всего міра не стоили и мизинца Іоанна Златоуста, что въ сравненіи съ Григоріемъ Богословомъ всѣмъ католическимъ и протестанскимъ теологамъ—грошъ цѣна; что не только св. Іустинъ-философъ, но и Карповъ (проф. философіи въ пет. дух. академіи) были неизмѣримо выше, какъ новыхъ, такъ и старыхъ философовъ съ самимъ Платономъ во главѣ, что научнѣе Моисеевой космогоніи не было, да и быть не можетъ, что геологія, палеонтологія сущій вздоръ, которому могутъ вѣрить только дураки и идіоты... Я долго бы не кончилъ, еслибъ сталъ перечислять архиглупости, которыя вращались въ нашемъ обиходѣ и которыя мы, при своей наивности и неразвитости, считали непререкаемыми аксіомами. Право же мы серьезно думали, что только семинаріямъ, да духовнымъ академіямъ принадлежитъ право быть кладезями самой высочайшей премудрости, а что всѣ другія не духовныя учебныя заведенія сравнительно съ духовными стоятъ ниже всякой критики. Объ университетахъ же въ наше время существовало мнѣніе, что это притоны разврата, якобинства и вольтеріянства, хотя никто изъ насъ ни о Вольтерѣ, ни о якобинцахъ и понятія не имѣлъ: такъ ужъ пріучили насъ пѣть съ чужого голоса и безпрекословно, по-рабски преклоняться

предъ рекомендованными намъ авторитетами. Припоминаю одинъ эпизодъ изъ того времени, когда я учился въ богословіи, но еще не рѣшилъ окончательно бросить духовное званіе. Къ этому времени было перечитано мною уже много книгъ и свѣтскихъ журналовъ, сильно колебавшихъ мое семинарское міровоззрѣніе. Гдѣ-то вычиталъ я и крѣпко осмыслилъ понравившійся мнѣ афоризмъ знаменитаго Бэкона: истина есть дочь времени. И дернула же меня нелегкая эти слова помѣстить въ заданное намъ сочиненіе! Разразилась тогда цѣлая буря; задавшій сочиненіе профессоръ представилъ его въ правленіе съ просьбою судить меня по всей строгости законовъ, какъ злоумышленнаго еретика. Плохо бы пришлось мнѣ, еслибъ, къ счастью, не выручилъ меня другой молодой профессоръ, бывшій тогда секретаремъ. Онъ хорошо ко мнѣ относился, а главное былъ другомъ очень любившаго меня бывшаго профессора Красовскаго. Онъ призвалъ меня къ себѣ и послѣ долгихъ разговоровъ указалъ на средство выпутаться изъ бѣды. При допросѣ я долженъ былъ заявить, что возмущаюсь еретическимъ афоризмомъ Бэкона и что недоразумѣніе произошло единственно отъ описки и недосмотра моего. Кажется, я сослался на пропускъ какого-то слова. Правленіе удовлетворилось моимъ объясненіемъ,—и я, опозоренный предъ своею совѣстью за постыдное ренегатство, имѣлъ еще дерзость приравнивать себя къ великому Галилею и утѣшаться этимъ.Съ половины 80-хъ годовъ духовенству предоставлена не очень-то пріятная для него роль просвѣтителей народа въ церковномъ духѣ. Роль эта, въ связи съ разными поощреніями, еще усилила семинарское высокомѣріе. Самомнѣніе духовенства теперь стало сильнѣе, хотя оно и маскируется напускнымъ христіанскимъ смиреніемъ.

5. *Развлеченія.* Въ семинаріи сами семинаристы, съ дозволенія начальства, устраивали развлеченія, болѣе или менѣе облагораживавшія насъ. Въ каждомъ классѣ былъ организованъ оркестръ изъ шести человѣкъ. Это число было, такъ сказать, официальное, но помимо его въ каждомъ классѣ было еще нѣсколько музыкантовъ добровольцевъ. Инструменты и ноты пріобрѣтались на пожертвованные нами гроши, а частью на деньги, заработанныя самими музыкантами. За небольшую плату они играли на свадьбахъ, балахъ и даже въ клубѣ. За все время моего пребыванія въ семинаріи оркестръ богослововъ былъ особенно хорошъ, такъ какъ участвовавшіе въ немъ имѣли больше времени совершенствоваться въ игрѣ. Изрѣдка встрѣчались и настоящія музыкальныя дарованія. Были у насъ еще два очень недурные хора пѣвчихъ, сформированные для пѣнія въ церкви, но они знали не одно церковное пѣніе и своимъ искусствомъ доставляли намъ немало удоволь-

ствія. Въ послѣдній годъ моей семинарской жизни устроился даже одинъ спектакль, конечно, втихомолку. Играли «Женитьбу» Гоголя, и я даже отломалъ роль Яичницы. Хотя актеровъ, несмотря ни на какія ухищренія начальства, и не удалось отыскать, но самые сыски были такъ настойчивы и назойливы, что дальше одного спектакля дѣло не пошло. Объ играхъ на вольномъ воздухѣ и въ комнатахъ говорить не стоитъ; онѣ были почти тѣ же, что и въ училищѣ. Бои съ мѣщанами и гимназистами старшихъ классовъ были очень ожесточенны, сопровождались иногда увѣчьями, но они практиковались рѣже, чѣмъ въ бурсѣ, а съ новыми вѣяніями и совсѣмъ прекратились.—Хочется мнѣ сказать нѣсколько словъ объ одномъ пріятномъ и очень мнѣ памятномъ развлеченіи, о которомъ въ гимназіяхъ и понятія не имѣли и которое въ самихъ семинаріяхъ не практикуется уже слишкомъ 40 лѣтъ. Эти развлеченія назывались рекреаціями, которыхъ полагалось не болѣе 12 въ годъ, а именно: въ маѣ часовъ въ 5 вечера, если примѣты предвѣщаютъ на другой день хорошую погоду, нѣсколько семинаристовъ, любимцевъ инспектора, просятъ у него позволенія сходить въ городъ къ ректору за рекреаціей. По полученіи дозволенія составляется группа ходоковъ человѣкъ въ 10—12 и отправляется версты за три въ монастырь, гдѣ жилъ ректоръ. Группа останавливается предъ окномъ кабинета, или предъ балкономъ и жалобно начинаетъ завывать хоромъ: Carissime, doctissime, sapientissime pater Rector! Da nobis recreationem! Иногда это завываніе приходится повторять разъ 10, пока изъ окна услышано будетъ радостное: do. Ходоки мчатся обратно въ семинарію, подбѣгаютъ къ колокольнѣ и начинаютъ оглушительно трезвонить. Рекреація началась: семинаристы моментально выбѣгаютъ на дворъ, и начинаются всевозможныя игры, продолжающіяся до ночи. На другой день раннимъ утромъ вся семинарія уже на ногахъ; всякій спѣшитъ воспользоваться свободой, сообразно своимъ наклонностямъ: одни идутъ въ поле и луга, другіе—въ лѣсъ; третьи направляютъ свои стопы въ деревни, чтобъ побаловаться майскимъ молокомъ; четвертые отправляются въ городъ, чтобъ оповѣстить квартирныхъ товарищей и знакомыхъ и т. д. Во дни рекреаціи свобода простирается до того, что можно идти, куда угодно, не спрашиваясь у начальства. Къ обѣду возвращаются почти всѣ семинаристы, а послѣ него начинаются опять игры, а часовъ съ 4-хъ, когда наберется достаточно городской публики, начинаютъ гремѣть три оркестра, помѣщенные въ разныхъ мѣстахъ обширнаго двора на импровизированныхъ наскоро экстрадахъ, и заливаются соловьями хоры и солисты. Пѣвцамъ и музыкантамъ отъ публики перепадаетъ и малая то-

лика деньжонокъ. Вообще, во время рекреаціи всѣ семинаристы, не исключая даже самыхъ хмурыхъ и нелюдимыхъ, отдаются беззавѣтно, и душой, и тѣломъ, безмятежному веселью.

6. *Наказанія.* Самое страшное наказаніе для семинаристовъ, это—исключеніе. Оно назначалось за дерзкое неповиновеніе, что случалось, впрочемъ, очень рѣдко. Главнымъ же образомъ имъ каралось повторное пьянство. Иногда исключали и за единичную, случайную, можно сказать, выпивку, если провинившійся и ранѣе почему либо былъ на дурномъ счету у инспектора и особенно, если онъ былъ бѣднякъ или сирота. Богатѣямъ же и повторное пьянство сходило съ рукъ, но зато и обходилось недешево. Одинъ мой родственникъ самъ мнѣ разсказывалъ, что выручка своего вообще трезваго сына стоила ему двухъ жеребцовъ, т.-е. около 170 р. И наживались же наши всесильные инспектора! Громко, напр., говорили, что у одного изъ нихъ, занимавшаго это тепленькое мѣстечко менѣе 10 л., пропало въ скопинскомъ банкѣ 30,000 р.; служба же его оплачивалась, кажется, 900 рубл. да готовою квартирою—и только. Къ тому же былъ онъ многосемейный и жилъ не скупо. Розги въ семинаріи не полагались. Ставленье на колѣни, отвѣшиваніе поклоновъ и лишеніе обѣда практиковалось только въ классѣ риторовъ. На ихъ же долю выпадала отборная брань, а иногда и рукоприкладство. Бранью, болѣе приличною только, и тошнотворными наставленіями, унижающими человѣческое достоинство, допекали и инспекторъ, и нѣкоторые профессора учениковъ и старшихъ классовъ. Богослововъ, впрочемъ, бранили очень рѣдко, но ехидныя издѣвательства не оставляли и ихъ въ покоѣ. Болѣе серьезнымъ наказаніемъ для богослововъ и философовъ считался голодный столъ, технически называвшійся, неизвѣстно ужъ почему, букетомъ. Само начальство, назначая это наказаніе, говорило: садись за букетъ на столько-то дней или недѣль. Для букетниковъ по срединѣ столовой ставился небольшой столъ и табуретъ; на столъ подавался только ломоть хлѣба и кружка воды, до которыхъ букетникъ обыкновенно не дотрогивался, какъ бы онъ голоденъ ни былъ... Это насильственное голоданіе считалось своего рода шикомъ. Самъ букетникъ и выраженіемъ лица, и позами корчилъ изъ себя разочарованнаго, съ презрѣніемъ ко всему окружающему относящагося субъекта. Если онъ имѣлъ въ карманѣ деньжонки, то ломоть хлѣба такъ и оставался на столѣ; въ случаѣ же безденежья, голодный выжидалъ выхода изъ столовой семинаристовъ и потомъ, схвативъ свой кусокъ, съ мрачнымъ видомъ возвращался въ корпусъ. Для богослововъ же сидѣніе на букетѣ иногда доставляло возможность сладко поѣсть. Если только дежурный

старшій по столовой былъ пріятелемъ букетника, то послѣдній послѣ общаго обѣда приглашался принять участіе въ обильной трапезѣ совмѣстно съ дежурными по кухнѣ, которымъ не было нужды протестовать, ибо жратвы было достаточно.—Было въ мое время еще одно курьезнѣйшее наказаніе, примѣняемое только къ богословамъ и философамъ и составлявшее специфическую особенность, кажется, одной только нашей семинаріи. По крайней мѣрѣ, мнѣ не доводилось слыхать о существованіи его въ другихъ семинаріяхъ. Наказаніе это носило характерную кличку—ссылки на поселеніе. Провинившійся въ какомъ-либо довольно важномъ поступкѣ выслушивалъ грозный приговоръ инспектора: на поселеніе въ такой-то номеръ. Номерами, съ прибавленіемъ той или другой цифры, назывались комнаты, гдѣ мы готовили уроки и проводили вообще внѣклассное время. Этими же цифрами обозначались и спальни. Приговоренный къ ссылкѣ, по заявленіи объ этомъ старшему номера, переселялся со всѣмъ своимъ хламомъ на новое мѣсто жительства. Въ номерѣ ставился для него особый столикъ для занятій; кровать же его помѣщалась неподалеку отъ кровати старшаго. Въ классахъ ссыльные занимались вмѣстѣ со своими товарищами, вмѣстѣ же съ ними и ѣли; все же остальное время они должны проводить на мѣстѣ поселенія. Срокъ ссылки былъ не одинаковъ: колебался онъ въ предѣлахъ 2—6 недѣль, иногда сокращался, а иногда удлинялся по усмотрѣнію инспектора. Философовъ ссылали только къ риторамъ; богослововъ же поселяли въ номера не только риторовъ, но и философовъ Ссыльно-поселенцевъ иногда въ одномъ номерѣ скапливалось по нѣсколько человѣкъ, особенно у риторовъ. Такое обиліе ссыльныхъ объясняется тѣмъ, что наказаніе это чаще всего назначалось за табакокуреніе, которое было довольно сильно распространено у насъ. Философамъ въ ссылкѣ жилось не важно; богословы же на поселеніи чувствовали себя прекрасно, особенно если номерной старшій былъ пріятель имъ. Тогда нѣкоторые любители выслуживаться предъ старшимъ старались разныя услуги оказывать и ссыльнымъ.

7. *Смертность среди семинаристовъ.* Наша семинарія расположена хотя и не въ городѣ, а въ верстѣ отъ него, но на такомъ низменномъ и окруженномъ болотами мѣстѣ, что заболѣваемость и смертность ея воспитанниковъ были настолько велики, что бросались въ глаза и питерскому, и мѣстному начальству. Болѣе 50 лѣтъ идетъ переписка о переводѣ семинаріи въ другое болѣе здоровое мѣсто, но она и посейчасъ стоитъ непоколебимо на низинѣ. Помню, что частенько приводилось отправлять товарищей на кладбище, хотя и не могу эту частоту выразить въ ци-

фрахъ. У насъ существовалъ обычай, въ силу котораго, тотчасъ же по смерти ученика начальство командировало въ больницу 12 его товарищей по классу для чтенія псалтыри. По установившемуся же обычаю около покойника, чтобы не страшно было одному читальщику, долженъ въ той же мертвецкой обязательно присутствовать другой товарищъ. Остальные въ ожиданіи смѣны балагурили въ кухнѣ или въ больничныхъ палатахъ.

8. *Религіозное настроеніе семинаристовъ*. Едва не забылъ я упомянуть о степени религіозности будущихъ проповѣдниковъ религіи. Серьезнымъ и искреннимъ религіознымъ чувствомъ, если и обладали нѣкоторые, то, во всякомъ случаѣ, очень немногіе семинаристы. И во мнѣ это чувство не было не только воспитано, но даже и посѣяно, а вѣдь я имѣлъ въ высокой степени разумнаго воспитателя въ лицѣ дѣда, чѣмъ мои товарищи похвалиться не могли. Для громаднаго большинства семинаристовъ (объ исключеніяхъ я не говорю) вся религіозность состояла лишь въ исполненіи обрядовъ, длинныхъ молитвъ и пр., или, другими словами, на мѣсто религіи, какъ великой руководительницы нашей частной и общественной жизни, поставлена церковность. Вспоминая бывшихъ моихъ товарищей и присматриваясь къ жизни духовенства, съ которымъ мнѣ приводилось и приводится встрѣчаться, такъ и хочется повторить слова пророка Исаіи, говорившаго евреямъ отъ лица Бога: люди сіи чтутъ Меня устами, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ Меня. Словомъ, обрядность заѣла религіозное чувство. Дисгармонія между словами и дѣлами проявляется, къ сожалѣнію, у большинства поповъ. Досадно даже становится, когда священникъ, за обѣднею съ чувствомъ, хотя и напускнымъ, краснорѣчиво проповѣдующій о высокомъ значеніи милосердія, послѣ обѣдни безжалостно отнимаетъ у своего духовнаго сына послѣдній грошъ, когда послѣ поученія своихъ прихожанъ всегда говорить правду, чрезъ часъ-два послѣ этого ихъ же обманываетъ и т. д., и т. далѣе. Совсѣмъ бы тошно было жить въ деревнѣ, если бы хотя изрѣдка не встрѣчались истинно добрые пастыри. Грустно заглянуть въ будущее! Какъ не поймутъ наши батьки, что крестьяне уже перестаютъ быть кроткими и послушными овцами, а начинаютъ критически относиться къ своимъ пастырямъ и замѣчаютъ рознь между ихъ словами и дѣлами?—Новыя вѣянія конца 50-хъ годовъ, несмотря на разныя со стороны начальства преграды, проникли все-таки и въ семинарію и вызвали крайне уродливыя явленія. Семинаристы, не прочитавшіе, кромѣ учебниковъ да профессорскихъ записокъ, ни одной книги, вдругъ стали либеральничать, не понимая совсѣмъ, или понимая превратно самое слово

либерализмъ. Замѣчательно, что у очень многихъ либерализмъ начался съ самаго нелѣпаго, ни на чемъ рѣшительно не основаннаго, атеизма. Десятки семинаристовъ разглагольствовали въ родѣ того, что Христосъ былъ умный человѣкъ, что нѣтъ ни Бога, ни загробной жизни, что таинства выдуманы попами съ цѣлью наживы и пр. глупости. Глупо это было особенно, потому что говорилось съ чужихъ словъ, которыя безъ всякой критики принимались на вѣру, какъ неоспоримыя аксіомы. Такихъ либераловъ нетрудно было убѣдить сегодня въ одномъ, а завтра въ другомъ совершенно противоположномъ, т.-е. не убѣдить, а просто оболтать, ибо объ убѣжденіяхъ тутъ не могло быть и рѣчи. Изъ десятковъ этихъ новоиспеченныхъ атеистовъ было не болѣе 2-3 человѣкъ, которые сдѣлались отрицателями болѣе или менѣе сознательно, не безъ серьезныхъ размышленій. Главная же масса семинаристовъ не принимала никакого участія въ болтовнѣ о разныхъ религіозныхъ вопросахъ, а слѣпо вѣрила, и, строго говоря, индиферентно относилась къ религіи, и, ничтоже сумняся, исполняла ея обряды. Спустя много лѣтъ, мнѣ пришлось встрѣчаться съ нѣкоторыми товарищами, а о другихъ получать свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ. Оказалось, что изъ бывшихъ атеистовъ вышли священники лучшіе, чѣмъ изъ товарищей индиферентныхъ и совершенно непричастныхъ къ вольнодумству.

9. *Сказаніе о моей особѣ.* Наконецъ-то я приблизился ко времени, въ высокой степени знаменательному и вѣчно памятному для меня,—ко времени моего перерожденія или возрожденія духовнаго. Но вѣдь оно совершилось не по мановенію волшебнаго жезла, а постепенно. Поэтому необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Еще до поступленія въ семинарію я прочиталъ очень немало книгъ. Читалъ я безъ руководителя, выборъ книгъ зависѣлъ вполнѣ отъ случая; читалъ и такія книги, которыя превышали мое пониманіе; однимъ словомъ, чтеніе мое было вполнѣ безалаберное. И, однако, оно принесло мнѣ немало пользы, быть можетъ, даже болѣе, чѣмъ можно было ожидать при его безсистемности. Не имѣя руководителя, я, чтобъ добиться какого-либо толку отъ чтенія, долженъ былъ много размышлять, доходить до многаго своимъ умомъ. Это было первою стадіею въ моемъ самообразованіи, и еслибы въ семинаріи я нашелъ достаточно книгъ, и особенно книгъ подходящихъ, то мое самообразованіе пошло бы ровно и постепенно безъ долгихъ перерывовъ и уклоненій въ стороны. Но видно не наступило еще время для моего нормальнаго развитія, а потому и духовнаго возрожденія. Мнѣ пришлось еще долгое время купаться въ грязномъ и вонючемъ болотѣ. При первомъ же знакомствѣ съ семинаріей я увидѣлъ,

что возлагавшіяся мною на нее надежды призрачны, что она, какъ и училище, не отвѣчаетъ неясно копошившимся въ моей головѣ требованіямъ. Но если бы кто-нибудь приказалъ мнѣ отчетливо высказать мои надежды и формулировать мои требованія, то я положительно сталъ бы втупикъ. Смутно скорѣе чувствовалось, чѣмъ сознавалось, что творится что-то неладное, а въ чемъ состоятъ нелады,—для меня было тогда неясно. Очевидно, что чтеніе и размышленіе привели въ движеніе критическую жилку, но до серьезнаго критическаго взгляда на окружающее было еще далеко, да онъ и не подъ силу былъ моему все-таки ребячьему еще уму. Я часто ставилъ себѣ вопросъ: почему семинарія, съ ея профессорами и всѣми ея порядками, не только не удовлетворяла меня, но возбуждала отвращеніе къ себѣ, а между тѣмъ товарищи мои были довольны ею. Пробовалъ было мучившія меня мысли повѣрять нѣкоторымъ товарищамъ, которыхъ я считалъ наиболѣе дѣльными, но и съ ихъ стороны не встрѣтилъ сочувствія; они въ достаточной степени усвоили себѣ философію Панглосса и безропотно мирились со всякими безобразіями. Волей-неволей пришлось замкнуться въ себѣ. Къ окружающей меня средѣ я относился чуть не съ омерзѣніемъ. Я почти пересталъ совсѣмъ готовить уроки изъ нѣкоторыхъ особенно ненавистныхъ предметовъ, да и по остальнымъ учился неровно: то получалъ высшіе баллы, а то и дубины. Внѣшнихъ стимуловъ, побуждавшихъ въ былое время быть поприлежнѣе, теперь налицо не было; до переводныхъ экзаменовъ было далеко; профессора спрашивали урокъ рѣдко, такъ какъ я былъ тогда въ числѣ отпѣтыхъ, т.-е. сидѣлъ въ 3-мъ разрядѣ, куда попалъ совершенно невинно (изъ-за книги казенной, въ которой кто-то вырѣзалъ картинки). А потребность въ саморазвитіи, какъ на зло, въ это время не только инстинктивно чувствовалась, но и отчетливо сознавалась. Выше я говорилъ уже о нашихъ профессорахъ и ихъ преподаваніи. Ясно, что преподносимая ими наука, да еще подъ специфическимъ соусомъ, не могла удовлетворить моей любознательности; доступъ въ библіотеку былъ для меня закрытъ. Меня стало одолѣвать какое-то особое, ненавистное для меня и теперь состояніе духа, которое я и назвать не умѣю; помню только, что оно было очень тяжело. Тогда-то мнѣ удалось въ городѣ завести знакомство, благодаря которому я долго могъ пользоваться хорошими книгами. По странной ироніи судьбы въ это-то именно время новый знакомецъ снабдилъ меня «Героемъ нашего времени» Лермонтова. Нужно ли говорить о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Лермонтовымъ послѣ чтенія разныхъ поученій и проповѣдей? Я просто тогда ошалѣлъ.

Въ томъ состояніи, въ которомъ я находился, мнѣ нетрудно было вообразить себя въ нѣкоторомъ смыслѣ Печоринымъ,—и я корчилъ его. Воображаю, какъ уродливъ, какъ карикатуренъ былъ 14-лѣтній мальчишка, почти незнакомый съ жизнью, или знавшій ее односторонне, въ роли разочароваинаго Печорина. Какъ бы то ни было, мое тяжкое, равнодушное отношеніе къ окружающему благополучно разрѣшилось. А потомъ въ нашу душную атмосферу ворвалась струя свѣжаго воздуха въ лицѣ новаго профессора, вѣчно памятнаго мнѣ А. А. Красовскаго, только что кончившаго Петербургскую академію. Во время ученья въ ней онъ сблизился съ Добролюбовымъ и, конечно, поддался его благотворному вліянію. Многіе изъ насъ были положительно увлечены его хотя и неглубоко ученымъ, но живымъ и искреннимъ словомъ, которое, при мертвяще-рутинномъ преподаваніи другихъ наставниковъ, обаятельно дѣйствовало на насъ и особенно на меня. Усыпительная и безжизненная реторика уступила мѣсто неслыханному прежде курсу русской словесности, правда, очень поверхностному и не рѣшавшему еще касаться новыхъ авторовъ. Контрабаннымъ путемъ изрѣдка только приводилось слышать въ классѣ и отрывки изъ образцовыхъ произведеній, а равно и слабенькій разборъ ихъ. Вмѣсто періодовъ, софизмовъ и хрій, простыхъ и превращенныхъ, Красовскій сталъ давать для сочиненій, какъ недѣльныхъ, такъ и экспромптныхъ темы, касающіяся природы и жизни. Такое вольнодумство сходило ему пока съ рукъ, потому что отецъ его былъ ректоромъ семинаріи, хотя товарищи его и кое-кто изъ начальства и косо посматривали на его новшества. Послѣ же разсказанной выше исторіи съ Пушкинымъ-поганцемъ Красовскому пришлось и совсѣмъ плохо. Его удалили изъ семинаріи не очень деликатно. Къ счастью нашему, да и г. Вятки, отецъ Красовскаго ссудилъ сынка, уже изгнаннаго изъ профессоровъ, капитальцемъ. Капиталу этому Красовскій далъ самое разумное употребленіе: онъ основалъ небывалое еще въ Вяткѣ учрежденіе—публичную библіотеку, которая скоро пріобрѣла огромную популярность. На своемъ новомъ, непроторенномъ еще пути, К—кій встрѣтилъ не мало шиповъ; явились подвохи, нашлись завистники и доносчики, и ему, бѣднягѣ, пришлось вынести немало горя, особенно въ эпоху начавшейся реакціи, т.-е. послѣ 61-го года. К—го возили, допрашивали, сажали въ не очень веселыя мѣста, но, за недостаткомъ уликъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ и не было, отпускали домой. Когда держать библіотеку стало трудно, онъ открылъ типографію, когда же и она оказалась подозрительной, онъ основалъ книжный и писчебумажный магазинъ. Спустя много лѣтъ, меня

потянуло на родину лечить своихъ земляковъ. Едва только я, въ качествѣ врача, устроился на Великой рѣкѣ, какъ тотчасъ же направился въ Вятку повидаться съ своимъ другомъ. Я нашелъ К—го мирно и ни для кого, кажется, необидно торгующимъ купцомъ и арендаторомъ городской земли, на которой онъ устроилъ образцовую сельско-хозяйственную ферму, купленную потомъ земствомъ и благополучно существующую и теперь съ большою пользою для населенія. Казалось бы мирнаго коммерсанта не зачѣмъ было тревожить. Но вышло не такъ. Не разъ его бѣднягу, въ 70-хъ годахъ, тревожили голубые люди съ прокурорами во главѣ, рылись и въ магазинѣ, и на фермѣ, отыскивая какую-то тайную типографію, объ устройствѣ которой мы и не думали. Время тогда было тревожное. Ужъ, кажется, я легальный и политически благонадежный гражданинъ, а все-таки въ это время не избѣжалъ визита голубыхъ гостей, которые съ изысканной любознательностью не только осмотрѣли, но и ощупали, такъ сказать, весь мой домъ и на память о своемъ визитѣ увезли у меня нѣсколько книгъ и моего двоюроднаго брата. Спасибо имъ еще, что не потревожили мою жену, родившую только за нѣсколько часовъ до ихъ прибытія. Умеръ Красовскій холостымъ во время моей службы во Владимірѣ. Вѣчная ему память! Онъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ моему возрожденію.

Памятно мнѣ первое знакомство съ этимъ дорогимъ человѣкомъ. Задалъ онъ намъ недѣльное сочиненіе на тему, мнѣ понравившуюся. Самъ К—ій полюбился мнѣ за его преподаваніе и простое обращеніе, чуждое важности и напыщенности. Надъ сочиненіемъ я постарался, получилъ высшій баллъ, но этимъ самымъ и возбудилъ подозрѣніе К—го; ему думалось, какъ онъ самъ послѣ говорилъ, что сочиненіе написано какимъ-либо ученикомъ старшаго класса, такъ какъ оно было ужъ очень хорошо, а я сидѣлъ тогда хотя и во 2-мъ разрядѣ, но недалеко отъ 3-го. Чтобъ провѣрить меня, К—кій задалъ экспромптъ (который писался не выходя изъ класса) и сомнѣніе его разсѣялось; я получилъ—10. Чрезъ нѣсколько времени дана была какая-то сухая тема для изложенія въ видѣ хріи превращенной, и я получилъ, помнится, только 3. Это озадачило К—каго; онъ наединѣ спросилъ меня: что значатъ такіе крутые скачки въ баллахъ? Я по мѣрѣ разумѣнія объяснилъ ихъ характеромъ темъ; разспрашивалъ онъ меня и о многомъ съ желаніемъ изучить меня, а на прощанье даже пожалъ мнѣ руку, что привело меня въ восторгъ и въ смущеніе: такъ необычно это было у насъ. Знакомство состоялось передъ экзаменомъ. Я перешелъ въ философію, но неважно, ибо только у К—го получилъ высшій баллъ; изъ остальныхъ же

предметовъ отвѣчалъ плоховато. Примѣрно на полгода я потерялъ К—го изъ виду. Затѣмъ, кажется, по болѣзни профессора, К—му поручили временно преподавать намъ логику и психологію. Преподаваніе его было ясно и занимательно; я сталъ исправно готовить уроки не только по этимъ предметамъ, но и по многимъ другимъ. Съ сочиненіями моими повторялась прежняя исторія: были тройки, но больше высшіе баллы. Къ общему нашему сожалѣнію, настоящій профессоръ выздоровѣлъ скоро, а К—кій сталъ опять преподавать риторамъ. Но во время его занятій въ философіи я настолько полюбился ему, что получилъ приглашеніе быть у него на квартирѣ, чѣмъ, конечно, поспѣшилъ съ радостью воспользоваться. Приглашеніе пришлось для меня и особенно кстати; у городского моего знакомаго я перечиталъ почти всѣ книги, а у Красовскаго нашелъ большую и прекрасно подобранную библіотеку. Онъ не только далъ мнѣ книгъ, но, предварительно узнавъ, что я читалъ, составилъ для меня списокъ книгъ, которыя слѣдовало далѣе читать. Мало этого. Онъ самъ привозилъ книги въ семинарію для меня и одного ритора, и хранилъ ихъ до нашего требованія въ кабинетѣ своего отца, ректора, ибо часто ходить къ нему на квартиру было далеко. Я все-таки каждый праздникъ часа 2—3 проводилъ у дорогого учителя въ полезнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ разговорахъ. Хожденіе мое прекратилось лишь тогда, когда, по увольненіи отъ должности, онъ уѣхалъ въ Питеръ хлопотать по поводу задуманной имъ публичной библіотеки. На время отъѣзда онъ часть книгъ, выбранныхъ для меня, оставилъ у одного своего товарища—прекраснаго профессора (не въ нашемъ только классѣ) и сдалъ меня ему, такъ сказать, на руки. Читалъ я хотя и много, но крайне осторожно, чтобъ объ этомъ какъ-нибудь не пронюхало начальство. Замѣчательно, что я учиться сталъ ровнѣе и много лучше, такъ что въ теченіе 2-го года пребыванія въ философіи я сидѣлъ уже въ 1-мъ разрядѣ и, помнится, даже въ первомъ пяткѣ. Ученіе, т.-е. то же зубренье пошло хорошо не потому, чтобъ я полюбилъ наши науки и схоластическіе пріемы ихъ преподаванія, а только потому, что считалъ это противное ученіе необходимымъ для будущаго, такъ какъ тогда я еще не додумался до положенія, что можно быть полезнымъ и безъ поповства. Съ гадкою зубрежкой я не могъ разстаться до самаго окончанія курса въ семинаріи. За исключеніемъ 2—3 профессоровъ всѣ остальные были ярыми противниками разсказыванья уроковъ своими словами. Самъ ректоръ, преподававшій догматическое богословіе, каждый почти классъ, во время выслушиванія уроковъ, выкрикивалъ всѣмъ намъ памятныя слова: стой, ты пропустилъ, или: стой, ты пере-

тасовалъ слова, поправься. И эти выкрикиванія съ буквальною точностью ужъ безъ всякой перетасовки словъ мы слышали отъ него въ теченіе двухъ лѣтъ. Нѣтъ, при такихъ нелѣпыхъ требованіяхъ, безъ зубрежки обойтись было нельзя; предстояла дилемма: или зубри, если хочешь считаться хоть порядочнымъ ученикомъ, т.-е. сидѣть во 2-мъ разрядѣ, или оставайся на два года въ томъ же классѣ, если не хочешь самъ увольненія изъ семинаріи.

Итакъ, я читалъ и зубрилъ, зубрилъ и читалъ, и, наконецъ, перешелъ въ послѣдній классъ, т.-е. въ богословіе, гдѣ мнѣ предстояло, какъ въ реторикѣ и философіи, пробыть два года, а затѣмъ отростить длинные волосы, надѣть рясу и распѣвать: Господи помилуй, отдай полтину. Перешелъ я въ богословіе, надо полагать, въ числѣ первыхъ учениковъ, такъ какъ тотчасъ же по возвращеніи съ каникулъ назначенъ былъ старшимъ въ богословскій номеръ, т.-е. надъ товарищами, что считалось очень почетнымъ и въ то же время представляло немало трудностей. Въ сентябрѣ я былъ возведенъ въ санъ дьячка, или, какъ у насъ выражались, рукоположенъ въ стихарь (такъ называется облаченіе, которое въ церкви надѣваютъ дьяконы и стихарные дьячки). Это посвященіе памятно мнѣ, потому что во время его совершенія послѣдовала милостивая собственноручная расправа его преосвященства надъ моими волосами. Во время облаченія архіерея мнѣ въ этой китайской церемоніи показалось что-то смѣшнымъ, а мою улыбку онъ, вѣроятно, замѣтилъ. Поэтому, когда я благоговѣйно преклонилъ грѣшную главу свою предъ его преосвященствомъ, оно очень больно дернуло меня за волосы и, вмѣсто маленькаго клочка ихъ, выстригло такой пукъ, что у меня образовалась замѣтная плѣшь на головѣ. Отлично помню, что вскорѣ послѣ этого, именно, 1-го октября—въ Покровъ, я, облаченный въ стихарь, дебютировалъ въ качествѣ проповѣдника передъ громадной городской публикой, да еще въ монастырѣ въ присутствіи ректора, гдѣ онъ былъ архимандритомъ. Обыкновенно перворазрядные богословы произносятъ свои проповѣди въ семинарской церкви; только проповѣди, почему-либо особенно понравившіяся профессору, представлялись имъ въ правленіе, которое и удостаивало ихъ высокой чести быть произнесенными въ монастырѣ. И теперь безъ смѣха я вспомнить не могу, какъ я, только что достигшій 17-лѣтняго возраста мальчишка, поучалъ нѣсколько сотъ возмужалыхъ и престарѣлыхъ горожанъ. Предварительно я долженъ былъ репетировать свое произведеніе въ классѣ, и тутъ-то профессоръ научалъ меня мимикѣ, жестикуляціи, интонаціи и разнымъ покусъ-фокусамъ. При одномъ воспоминаніи объ этомъ дебютѣ становится жутко. На пути въ монастырь и

въ церкви сначала я было храбрился, но когда вышелъ на амвонъ и увидѣлъ сотни глазъ, устремленныхъ на меня, то радъ бы былъ тогда, кажется, сквозь землю провалиться. Вмѣсто того, чтобы, какъ водится, перекреститься и произнесть: во имя Отца... я молчалъ, какъ истуканъ. И только когда услышалъ изъ алтаря голосъ: ну начинай же!— тогда я вынулъ свою тетрадь и послѣ нѣсколькихъ тихо произнесенныхъ словъ быстро вошелъ въ настоящій экстазъ. Говорили послѣ, что не только проповѣдь, но и произнесеніе ея будто бы были весьма хороши. Однако, на меня дебютъ подѣйствовалъ такъ тяжело, что я въ послѣдующее время разными способами устранялъ себя отъ произнесенія проповѣдей.

По переходѣ моемъ въ богословіе открылась давно желанная библіотека Красовскаго, изъ которой я безпрепятственно могъ брать любую книгу или журналъ. Чтеніе мое стало съ этой поры систематичнѣе: имъ руководилъ порядочный знатокъ дѣла—самъ К—кій; ему также въ этомъ дѣлѣ помогалъ ссыльный—кандидатъ петербургскаго университета. Перечиталъ я за этотъ годъ цѣлую уйму книгъ, но особенно сильное, неотразимое обаяніе произвели на меня статьи Бѣлинскаго и письма объ изученіи природы Герцена; «Отеч. Записки», въ которыхъ онѣ были напечатаны, и «Современникъ» (тогда отдѣльнаго изданія Бѣлинскаго еще не было) стали моими настольными книгами; изъ-за нихъ я ограничивался пятью часами сна. Никогда уже, ни прежде, ни послѣ,я не испытывалъ такого воодушевленія,такого неудержимаго стремленія къ саморазвитію, какое пробуждали во мнѣ сочиненія этихъ авторовъ. Итакъ, Бѣлинскій, Герценъ, а также разговоры съ Красовскимъ совсѣмъ перекувырнули мое прежнее міровоззрѣніе, которое было, впрочемъ, такъ тускло и хаотично, такъ блистало отсутствіемъ руководящихъ принциповъ и даже самаго скромнаго идеала, что, строго говоря, его нельзя и назвать міровоззрѣніемъ. Однако было бы несправедливо съ моей стороны крушеніе стараго quasi міровоззрѣнія и замѣну его новымъ приписывать только Бѣлинскому, Герцену и К—му. Почва для этой метаморфозы, которую я называю умственнымъ возрожденіемъ, была несомнѣнно подготовлена усерднымъ и толковымъ чтеніемъ массы книгъ и упорнымъ размышленіемъ, какъ по поводу прочитаннаго, такъ и встрѣчавшихся въ жизни явленій. Безъ подготовки врядъ ли бы удалось Бѣлинскому и Герцену свергнуть тѣхъ идоловъ,которымъ я поклонялся такъ долго; да я бы безъ подготовки, пожалуй, и не понялъ бы ихъ. Разъ установилось новое міровоззрѣніе, должны были одновременно съ нимъ измѣниться и взгляды мои на служеніе обществу. Хотя я прежде и не отдавалъ себя яснаго отчета въ томъ, чѣмъ я долженъ

стать по окончаніи курса въ семинаріи, но какъ-то само собою разумѣлось, что сынъ духовнаго лица не долженъ оставлять духовнаго сословія. Давнія традиціи и крѣпко установившійся обычай съ малыхъ нашихъ лѣтъ въѣдались въ насъ; а отступленіе отъ нихъ возбуждало почти ненависть въ духовномъ сословіи къ лицамъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ рѣшившимся замѣнить рясу сюртукомъ. Да и самое семинарское образованіе направлено и поставлено было такъ, что оно годилось только для поповъ и дьяконовъ и совсѣмъ непригодно было для подготовки на какое либо другое служебное поприще. За 6 лѣтъ моего ученія въ семинаріи не было ни одного случая, чтобы семинаристъ добровольно оставилъ свою касту. Только исключеннымъ изъ семинаріи приходилось поневолѣ переходить въ свѣтское званіе и то въ такомъ только случаѣ, если причиною исключенія ихъ была очень дурная аттестація, препятствующая, по взгляду архіерея, принятію ихъ въ духовное сословіе. Исключенные же за тупоуміе, или за неважные проступки пристраивались на дьяконскія или дьячковскія мѣста. Особенно усердно добивались ихъ дьячковскіе сынки, какъ не имѣющіе по рожденію правъ государственной службы и обязанные до перваго чина служить 12 л. Нѣсколько охотнѣе шли въ гражданскую службу неудачники изъ поповскихъ дѣтей. Изъ этихъ-то отбросовъ преимущественно и формировалось пресловутое крапивное сѣмя. Съ прекрасной, пріобрѣтенной еще въ бурсѣ, культурой лицемѣрія и низкопоклонства эти неудачники ловко влѣзали въ души начальниковъ, обыкновенно падкихъ до лести, и ловко устраивали свои темныя дѣлишки. Большая часть мѣстъ становыхъ и даже исправниковъ и окружныхъ начальниковъ отдавалась тогда на кормленіе бывшимъ семинаристамъ—недоучкамъ. И очень многіе изъ нихъ становились виртуозами взяточничества, грабежа и всевозможныхъ плутней, иногда до невѣроятности нахальныхъ. Народъ громко стоналъ отъ этихъ піявокъ, а начальство было довольно, ибо получало отъ нихъ мзду. Въ губернскихъ очеркахъ Щедринъ мѣтко изобразилъ ихъ пакости.

С. И. Сычуговъ

Священная Дружина[1]).

(Изъ дневника ея члена В. Н. Смѣльскаго).

1882 г.

5 января 1882 г. Разсказываютъ, что N N. въ постоянной перепискѣ съ Бисмаркомъ; что сей послѣдній умышленно устроилъ ея бракъ съ N., что въ письмѣ, распечатанномъ графомъ Шуваловымъ, было написано, между прочимъ, о томъ, что надивиться не могутъ за границею, что въ Россіи, подъ руководствомъ Гр. Воронцова-Дашкова и Гр. Шувалова, N. организовалъ какую-то лигу; что лига эта не только зловредна, но даже опасна для членовъ Императорскаго двора, роняетъ достоинство его и т. д. Говорятъ, что одно изъ писемъ отъ Бисмарка вовсе не дошло до NN и попало прямо въ руки X., и что NN. изобличается въ зловредномъ сочувствіи къ нѣмцамъ.

7 января 1882 г. Пришелъ капитанъ Корсаковъ, помощникъ казначея штаба округа. Поскорѣе одѣлся, иду къ Корсакову, и онъ..., нѣсколько помявшись, сказалъ: «Мнѣ еще нужно поговорить съ вами» и, осмотрѣвшись кругомъ, спросилъ: «тутъ кажется, никто насъ не можетъ подслушать?» и затѣмъ началъ: «Уже давно я слышу о тайномъ обществѣ Дружина, и нынѣ изъ достовѣрнаго источника знаю, что и вы состоите членомъ этой Дружины».—«Неправда,—сказалъ я,—я самъ слышалъ, что есть какое-то тайное Общество, но я не состоялъ и не состою членомъ онаго. Я участникъ въ охранѣ Государя, это правда; но о Дружинѣ имѣю самыя смутныя понятія, не знаю членовъ ея и, сколько могу судить, это общество не только не полезно, но даже зловредно, хотя, какъ кажется, еще и не проявило свою дѣятельность ни въ чемъ».—«Нѣтъ», сказалъ Корсаковъ, «оно дѣйствуетъ: недавно въ Гатчинскомъ дворцѣ открыли плотника съ тѣми же

---

[1]) См. Гол. Мин. №№ 1—4.

намѣреніями, какія имѣлъ тотъ, который сдѣлалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ. Кн. Щербатовъ завѣдуетъ дѣлами, но неосторожно. Онъ умный, я его нѣсколько знаю, но очень ненадеженъ въ денежномъ отношеніи».—«Состоитъ ли Щербатовъ въ Дружинѣ, я навѣрное не знаю», заговорилъ я, «объ открытіи какого-то плотника ничего не знаю и ни отъ кого не слышалъ».—«Дружина», продолжалъ Корсаковъ, «полезное учрежденіе, но оно дурно ведетъ свое дѣло. Вамъ надо остерегаться, иначе вы можете пострадать отъ революціонеровъ. У васъ есть бригадиры и разное другое. Мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника. Ваша жизнь въ опасности». — «Повторяю», сказалъ я, «я не состою въ Дружинѣ и не могу состоять въ ней, такъ какъ у меня совершенно обратный взглядъ на крамольниковъ. Мое мнѣніе, что въ Россіи нѣтъ революціонеровъ, а есть буяны изъ голодающихъ, изъ лицъ, созданныхъ неправильнымъ веденіемъ у насъ образованія. Мое мнѣніе—разыскивать революціонеровъ въ видахъ избавленія ихъ отъ нищеты, а не для кары, которая, по моему мнѣнію, уже неумѣстна и есть лишь добавочный поводъ къ усиленію раздраженія. Стало быть, взглядъ мой не согласенъ съ идеею Дружины, и я не могу быть членомъ ея».—«Вашъ взглядъ вѣренъ,—проговорилъ Карсаковъ,—но революціонеры считаютъ васъ ихъ врагомъ. Я бы радъ сообщить многія вѣрныя свѣдѣнія». «Если вы имѣете свѣдѣнія,—сказалъ я,—то вы сообщите ихъ Щербатову, ежели онъ членъ Дружины. Я могу ему сообщить черезъ кого-нибудь (такъ какъ я лично не настолько знакомъ, что могу имѣть съ нимъ свиданія) о томъ, что вы имѣете точныя свѣдѣнія. Но гдѣ устроить ваше съ нимъ свиданіе?»—«Для меня все равно,—проговорилъ Корсаковъ, «у него ли на квартирѣ, адресъ его я могу узнать, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ; но съ тѣмъ, чтобы о свиданіи съ нимъ не знало мое начальство»...

Пошелъ я къ сенатору Никитѣ Кондратьевичу Шмидту и, не заставъ его дома, написалъ ему въ его кабинетѣ записку карандашомъ о разговорахъ моихъ съ Егоровымъ, а сегодня съ капитаномъ Корсаковымъ, при чемъ добавилъ, какова моя судьба: не служа Дружинѣ, быть въ преслѣдованіи крамольниковъ, посягающихъ на мою жизнь, и что многіе крамольники, зная мою прежнюю дѣятельность, не могутъ хладнокровно относиться ко вступленію моему въ Дружину: они помнятъ, какъ страшнаго для нихъ. Безобразова и ему подобныхъ они не тронутъ: понимаютъ, что они имъ ничего не сумѣютъ сдѣлать, что они изъ рукъ вонъ чудачества творятъ, обо мнѣ же они другого мнѣнія и тоже ошибочнаго, такъ какъ я вовсе не сочувствую дѣяніямъ

Дружины, и мнѣнія мои о крамольникахъ далеко не тѣ, какія имѣетъ Дружина....

8 января 1882 г. Поѣхалъ къ Н. К. Шмидту, засталъ его дома въ моментъ его отъѣзда и потому говорилъ съ нимъ недолго. Сказалъ лишь ему, что Корсаковъ—помощникъ казначея штаба округа. Шмидтъ, извиняясь отъѣздомъ, просилъ меня побывать у него въ другое, болѣе свободное, время и при этомъ сказалъ: «Отчасти вы сами виноваты, что многіе изъ революціонеровъ узнали про васъ: вы, вступая въ должность, наприглашали многихъ стороннихъ лицъ». — «Я»? проговорилъ я. «Кто же это разсказываетъ? У меня никого въ канцеляріи не было, кромѣ тѣхъ, которые прежде были, и вообще никого новаго не было изъ числа тѣхъ, которые хотя что-либо знаютъ о Дружинѣ».— «Я уже сдѣлалъ распоряженіе,—сказалъ Шмидтъ,—о внушеніи бригадирамъ быть сдержаннѣе въ болтовнѣ». Когда же я сказалъ, что, по словамъ Корсакова, въ Гатчинѣ открытъ какой-то плотникъ въ родѣ того рабочаго, который сдѣлалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, то Шмидтъ, улыбаясь саркастически, проговорилъ: «Ничего даже и подобнаго не было». При прощаніи я сказалъ Шмидту, что я сообщилъ ему о разсказѣ Корсакова на случай, если что приключится.—«Я постараюсь,—сказалъ онъ,— разузнать объ этомъ.»

11 января 1882 г. Взялъ билетъ II класса до Краснаго Села и, намѣреваясь идти въ вагоны, встрѣтилъ коменданта Штеркъ-фонъ-Гвяздовскаго [1])... Я сѣлъ .во II классъ вагоновъ, а Гвяздовскій въ I классъ, но потомъ онъ перешелъ ко мнѣ въ вагонъ и все время бесѣдовалъ со мною и совершенно согласился съ мнѣніемъ моимъ о зловредности дѣйствій Дружины и необходимости принять мѣры къ обезпеченію нашихъ революціонеровъ, т.-е. голодающихъ, и при этомъ онъ сказалъ: «вы правы, говоря, что на васъ многіе высшіе, мало что смыслящіе въ дѣлахъ полицейскихъ злятся; имъ тяжко слушать правду». О перепискѣ NN. съ Бисмаркомъ молва все усиливается, и, видимо, начинъ имѣютъ отъ гр. Шувалова, получившаго нынѣ флигель-адъютантство за открытіе этого обстоятельства.

12 января 1882 г. Пошелъ я къ генералъ-адъютанту Ѳ. Ѳ. Трепову, который принялъ меня прекрасно, сказавъ: «я уже давно желалъ видѣться съ вами, не разъ вспомнилъ васъ». Онъ внимательно слушалъ разсказъ мой о Дружинѣ, вполнѣ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ, что это учрежденіе не только не полезно, но даже вредно. Съ большимъ вниманіемъ слушалъ чтеніе мое моихъ

---

[1]) Іог. Самойл., комендантъ Краснаго Села, ген.-маіоръ.

записокъ, поданныхъ въ Исполнительный Комитетъ, и по окончаніи сказалъ: «Вполнѣ практическій взглядъ, я самъ того же мнѣнія: нельзя Дружинѣ быть врозь съ полиціею, агенты должны быть при полиціи. Я еще покойному Государю говорилъ, что надо учредить особую Высочайше учрежденную Комиссію для разслѣдованія крамольниковъ по всей Россіи. Пусть посадятъ въ главу сенатора Клушина [1]), человѣка умнаго, энергичнаго, управлявшаго уже большимъ краемъ; въ члены Комиссіи необходимо назначать людей опыта; Комиссія должна имѣть доклады непосредственные къ Государю, а въ помощь ей можетъ быть и «золотая молодежь», которая съ энергіею рвется на пользу государства, но не можетъ самостоятельно дѣйствовать. Я очень радъ, что вы вразумляете ихъ. Конечно, многимъ изъ нихъ не нравится вашъ взглядъ, но ничего, продолжайте такъ же. Это Шмидта изобрѣтеніе, никуда негодное; онъ самъ революціонеръ и виновникъ распущенности бывшаго III Отдѣленія. Ему не нравится вашъ вѣрный взглядъ, я въ этомъ убѣжденъ. У насъ все какъ-то вкривь пошло. Справедливо сказалъ Мантейфель (прусскій фельдмаршалъ), узнавъ, что убили нашего императора: «Александру III, вступя на престолъ, первое, что слѣдовало сдѣлать, это—графа Лориса-Меликова сослать въ Сибирь. Это былъ бы хорошій примѣръ для всѣхъ министровъ». «Говорилъ я, продолжалъ Треповъ, и нынѣшней императрицѣ, что Дружина безполезна, что надо учредить Центральную Высочайше Слѣдственную Комиссію, такъ нѣтъ,—не слушаютъ. Остаются при заведенныхъ порядкахъ. Утѣшаются докладомъ министра: «Пойманъ Кашинъ, 23 лѣтъ, сильный революціонеръ, и т. д.». Дрентельнъ въ моемъ присутствіи сказалъ покойному Государю, что взглядъ мой на учрежденіе Слѣдственной Комиссіи устарѣлый, негодный въ нынѣшнія времена. Онъ лучше знаетъ, и до чего же довелъ! Довелъ до страшной катастрофы. И что только теперь ни дѣлается! . . . . . Государь беретъ Шувалова къ себѣ . . . . . флигель-адъютантомъ. Я знаю Шувалова: онъ ретивый, но молодъ, неопытенъ; онъ лишь, какъ сотрудникъ, въ числѣ «золотой молодежи» можетъ быть при Слѣдственной Комиссіи, а никогда не распорядитель въ столь важномъ дѣлѣ. Санъ-Донато-Демидовъ до нельзя глупъ, но все же онъ лучше князя Щербатова, завѣдомаго вора. Я очень радъ видѣть васъ; заходите ко мнѣ почаще, утромъ и вечеромъ я часто бываю одинъ».... Ѳедоръ Ѳедоровичъ видимо хирѣетъ:

---

[1]) Пав. Ник.; въ 60-хъ годахъ былъ херсонскимъ губернаторомъ.

онъ тяжело встаетъ со стула и, несмотря на это, два раза лично для меня всталъ со стула. Онъ того же мнѣнія о Путилинѣ, что и я, т.-е., что Путилинъ годенъ розыскивать воровъ, а не политическихъ преступниковъ.

15 января 1882 г. .... Ни князь Щербатовъ, ни Шмидтъ не сообщаютъ мнѣ, что и какъ я буду въ Дружинѣ, да, по правдѣ сказать, мнѣ и охоты нѣтъ къ занятіямъ въ Дружинѣ, до тѣхъ поръ, пока общество это будетъ тайное и не измѣнитъ своихъ принциповъ.

21 января 1882 г. Былъ у сенатора Шмидта, принявшаго меня хорошо, т.-е. внимательно. У него я засталъ Цвѣткова, который, увидя меня, сталъ извиняться, что по сіе время онъ не былъ у меня.... Шмидтъ, разговаривая съ Цвѣтковымъ о предстоящемъ политическомъ процессѣ, о Тригони [1]) и другихъ, между прочимъ выразился, что онъ въ большомъ сомнѣніи относительно виновности... При уходѣ Цвѣткова, Шмидтъ, завидя, что и я тоже хочу идти, задержалъ меня, и я по уходѣ Цвѣткова завелъ рѣчь о службѣ Дружины, причемъ не могъ не сказать, что кн. Щербатовъ врядъ ли полезенъ и хотя и умный, но ненадежный человѣкъ въ денежномъ отношеніи. Шмидтъ отчасти согласился съ этимъ, но не очень то развивалъ этотъ разговоръ. Я его просилъ о пріисканіи мнѣ какихъ-либо частныхъ занятій, напримѣръ, казначейскихъ или имъ подобныхъ, такъ какъ я имѣю свободное время, и Шмидтъ не только не сказалъ, что не имѣетъ къ этому возможности, но обѣщалъ похлопотать объ этомъ. На спросъ мой, все ли тихо, благополучно, онъ отвѣтилъ: «не скажу,— еще далеко до благополучія, еще очень неспокойно». Когда я ему сказалъ о городскихъ сплетняхъ о томъ, что зимы нѣтъ изъ-за того,что Государь живетъ на дачѣ и что будто бы NN. въ перепискѣ съ Бисмаркомъ, Шмидтъ сказалъ: «слышалъ я объ этихъ толкахъ и скажу, что публика, не зная отношеній N. къ гр. Шувалову, толкуетъ Богъ знаетъ что. N. вовсе не сердится на Шувалова: напротивъ, когда Шуваловъ вышелъ въ отставку, то онъ продолжалъ бывать у N., мало того, N. недавно самъ былъ у Шувалова на завтракѣ. Напрасно въ публикѣ ходитъ слухъ, что Шуваловъ прочелъ какое-то письмо NN. Ничего этого не было; Шуваловъ лишь заподозрилъ неудовольствіе NN. на него за то, что онъ, ведя опасное дѣло съ революціонерами, какъ бы втравляетъ въ подобныя дѣла ея мужа. И вотъ это-то подозрѣніе, и притомъ не вполнѣ основательное, и побудило его выдти въ

[1]) Мих. Ник., арестованъ 27 февр. 1881 г., былъ судимъ особымъ присутствіемъ Прав. Сената 9—15 февр. 1882 г. (процессъ 20-ти народовольцевъ) и приговоренъ къ безсрочной каторгѣ; послѣ 20-лѣтняго заточенія въ Шлиссельбургѣ былъ сосланъ на Сахалинъ.

отставку вопреки желанію N. Не будь послѣ отставки слишкомъ скорое назначеніе Шувалова флигель-адъютантомъ, не было бы и нелѣпыхъ толковъ въ публикѣ. Разговорясь о бывшемъ начальникѣ охраны, капитанѣ Кохѣ, контуженномъ при взрывѣ бомбы, брошенной подъ ноги покойнаго императора, Шмидтъ сказалъ: «Это одинъ изъ прекрасныхъ офицеровъ; вполнѣ былъ преданъ своему дѣлу; очень любилъ покойнаго Государя и пострадалъ неправильно. Когда я управлялъ III Отдѣленіемъ, то онъ ежедневно являлся ко мнѣ; я ему подробно все разсказывалъ, направлялъ его дѣйствія и указывалъ ему, что и какъ надо было дѣлать въ такихъ-то и такихъ случаяхъ, слушалъ его мнѣнія и способы къ выполненію, и онъ всегда все въ точности исполнялъ. Съ тѣхъ поръ, когда я оставилъ службу по III Отдѣленію, онъ не получалъ ни отъ кого никакихъ наставленій и вовсе ничего не зналъ, что творилось революціонерами. При такомъ положеніи и, желая возможно болѣе охранять особу Государя, идетъ онъ къ директору департамента государственной полиціи Веліо [1]), проситъ его сообщать ему свѣдѣнія и давать наставленія, но въ этомъ получаетъ отказъ, при полной холодности отношенія къ нему. Дѣлать нечего, рѣшается онъ явиться къ гр. Лорису-Меликову, но графъ не только отказалъ ему въ его просьбѣ, но сказалъ: «Вы только суетитесь, ничего обстоятельнаго не дѣлаете. Нечего вамъ приходить ко мнѣ за приказаніями». Послѣ этого могъ ли Кохъ, что-либо сдѣлать по охранѣ императора? Если я его въ чемъ нахожу виновнымъ, то это лишь въ томъ, что ему послѣ подброса бомбы подъ карету императора слѣдовало броситься не къ задержанію Рысакова, котораго уже задержалъ проходившій народъ, а тотчасъ же отстранить на дальнее разстояніе отъ императора все то, что было въ этотъ моментъ вблизи Государя, и воспользоваться для этого шедшими въ это время и взводами солдатъ и кадетъ. И тогда, конечно, не могъ бы послѣдовать второй взрывъ, и это второе лицо, бросившее гранату, было бы оттиснуто отъ близости императора, и жизнь Государя была бы спасена. Кохъ растерялся въ важную минуту, а это большой недостатокъ для начальника охраны». Коха я тоже знаю съ хорошей стороны, что и высказалъ я Шмидту. Разговорясь о бывшемъ здѣшнемъ губернскомъ жандармскомъ офицерѣ полковникѣ Биринѣ [2]), Шмидтъ совершенно согласенъ, что Биринъ мужикъ и вовсе не соотвѣтствовалъ своему мѣсту.

---

[1]) Баронъ Ив. Осип. былъ директоромъ департамента государственной полиціи въ 1880 и 1881 гг., а ранѣе состоялъ долгое время директоромъ почтоваго департамента.

[2]) Ник. Сем., былъ начальникомъ петербургскаго жандармскаго управленія въ 1877 г.

30 января 1882 г. По словамъ Воробьева, князь Щербатовъ сталъ менѣе заниматься; ему надоѣдаютъ дѣла Дружины, и уже онъ подалъ записку, что Дружина не можетъ дѣйствовать единогласно безъ полиціи.

1 февраля 1882 г. ... Шмидтъ по сіе время не сообщилъ мнѣ ничего, несмотря на обѣщанія. Видимо, Шмидтъ самъ идетъ противу меня и показываетъ видъ, что другіе мною недовольны. Ему не нравится, что я не того взгляда, какой онъ имѣетъ; онъ мудритъ, а, по-моему каждое дѣло надо вести открыто, безъ хитрости и лукавства.

17 февраля 1882 г. Цвѣтковъ сказалъ, что у нихъ ничего путнаго не идетъ, что бригадиры, особенно Пахомовъ, даже опасные люди; что мнѣніе мое о Дружинѣ вполнѣ правильное, и онъ это никогда не забудетъ; что нынѣ осужденный къ повѣшенію Клѣточкинъ[1]) былъ опредѣленъ въ бывшее III Отд. Кирилловымъ [2]), по рекомендаціи Кутузовой [3]), бывшей агентши секретнаго Отдѣленія, сильно не нравившейся мнѣ; что по дѣлу Тригони, нынѣ оконченному, присуждены къ повѣшенію 10 лицъ, и въ числѣ ихъ двѣ женщины и тѣ лица, которыя—одно держало запасное взрывчатое вещество при проѣздѣ покойнаго императора въ день катастрофы, а другое, участвовавшее въ убіеніи генерала Мезенцева [4]); и, наконецъ, мнимая жена преступника Кобозева [5]) тоже присуждена къ смертной казни. Клѣточкинъ на судѣ... разсказывалъ о своемъ поступленіи въ III Отдѣленіе, о его ненависти къ оному, о сношеніяхъ своихъ съ Желябовымъ [6]) и другими главными коноводами террористовъ. По словамъ Цвѣт-

---

[1]) Революціонеръ Клѣточниковъ, Ник. Вас. Въ январѣ 1878 г., по рекомендаціи упоминаемой далѣе А. Кутузовой, у которой онъ жилъ на квартирѣ съ цѣлью сойтись съ агентами III отдѣленія, былъ принятъ въ секретные агенты чиновникомъ особыхъ порученій III отдѣленія Кирилловымъ. Въ мартѣ 1878 г. Кирилловъ перевелъ его въ агентурное отдѣленіе при 3-ей экспедиціи III отдѣленія, гдѣ Клѣточниковъ получилъ вскорѣ штатную должность помощника дѣлопроизводителя. Съ упраздненіемъ III отдѣленія онъ перешелъ на такую же должность въ Департаментъ государственной полиціи. Арестованъ 28 янв. 1881 г. и былъ судимъ особымъ присутствіемъ Прав. Сената 9—15 февр. 1882 г.; приговоренъ къ смертной казни, замѣненной каторжными работами; умеръ въ Шлиссельбургской тюрьмѣ въ 1886 г.

[2]) Григ. Григ. О немъ см. ниже, подъ 28 марта 1882 г.

[3]) Анна, вдова жандармскаго полковника. Вс. Н. Смѣльскій зналъ ее и пользовался услугами ее, какъ агента, когда управлялъ секретнымъ отдѣленіемъ С.-Петербургскаго градоначальства въ 1876—1877 гг.

[4]) Н. В., шефъ жандармовъ, убитый 4 авг. 1878 г. С. М. Степнякомъ-Кравчинскимъ.

[5]) Анна Вас. Якимова, принимавшая участіе въ работахъ по подкопу подъ М. Садовую улицу въ 1881 г., подъ видомъ жены Богдановича-Кобозева. Судилась въ процессѣ 20-ти народовольцевъ въ 1882 г.; смертная казнь была замѣнена ей пожизненными каторжными работами. Была сослана на Кару.

[6]) Андр. Ив., извѣстный организаторъ событія 1 марта 1881 г.

кова, бригадиръ Пахомовъ не разъ пивалъ чай съ Клѣточкинымъ, въ дружбѣ былъ, и этотъ Пахомовъ теперь во главѣ по розыску революціонеровъ! Кирилловъ на судѣ давалъ весьма сбивчивыя показанія, многія изъ нихъ опровергнуты Кутузовою.

7 марта 1882 г. Треповъ, между прочимъ сказалъ мнѣ вчера, что недавно видѣлся съ однимъ агентомъ французомъ, прибывшимъ изъ Парижа, и сей послѣдній сказалъ ему, что наши революціонеры нѣсколько затихли, по неимѣнію тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя они имѣли прежде, и что при общемъ безденежьѣ и дороговизнѣ на все они нынѣ получаютъ далеко меньше противу того, какъ это было прежде, но они все-таки не оставляютъ своихъ замысловъ и разсчитываютъ, что опять будутъ имѣть хорошія деньги. Онъ же мнѣ сказалъ, что члены Св. Дружины, въ виду благополучнаго проѣзда императора 1 марта по улицамъ Петербурга, полагаютъ и стараются всюду внушить, что это есть результатъ ихъ дѣйствій, т.-е., какъ выразился Треповъ: «ихъ дѣтской игры». 1 марта были офицеры конной гвардіи и другихъ полковъ, какъ-бы цѣпью по улицамъ слѣдованія Государя, по особому распоряженію командира гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта гр. Шувалова [1]). Треповъ восторгался моему разсказу, что, кромѣ этихъ офицеровъ, было немало по этимъ же улицамъ офицеровъ по собственному почину и желанію, и дѣйствительно они оказали содѣйствіе полиціи по наблюденію за порядкомъ и всѣми лицами, бывшими на улицахъ при проѣздѣ Государя.

10 марта 1882 г. Приходилъ ко мнѣ писарь Воробьевъ и сказалъ, что бригадиры Полеводинъ и Пахомовъ, въ виду обременительныхъ требованій отъ нихъ кн. Щербатовымъ, отказались отъ своихъ должностей, и теперь бригадиромъ остался одинъ Молотовъ и вновь поступившій Полянскій. По словамъ Воробьева, Щербатовъ вотъ уже мѣсяцъ какъ по недолгу, не болѣе $^1/_2$ часа, сидитъ въ канцеляріи, и даже бываютъ дни, что и вовсе не приходитъ. Дѣлъ почти нѣтъ никакихъ, и Цвѣтковъ уже началъ говорить, что ихъ канцелярія скоро вовсе упразднится. Генералъ Ѳедоровъ и Безобразовъ не бываютъ въ канцеляріи Щербатова уже давно, и Ѳедоровъ уже не живетъ на прежней своей квартирѣ.

30 марта 1882 г. Пошелъ я съ визитомъ къ сенатору Никитѣ Кондр. Шмидту, который принялъ меня, толковалъ о старинѣ, о времени бытности его и моей въ Гдовскомъ уѣздѣ, поминали тамошнихъ помѣщиковъ и, когда я уходилъ отъ него, то онъ благодарилъ меня за оказанное мною ему вниманіе, провожалъ

---

[1]) Пав. Андр.

меня до выходной двери и ни слова не сказалъ о дѣлахъ Дружины.

3 апрѣля 1882 г. Цвѣтковъ сказалъ мнѣ, что кн. Щербатовъ, что ни хлопочетъ, ничего толковаго нѣтъ, какъ нѣтъ изъ дѣйствій Дружины; денегъ стали еще болѣе расходовать безплодно, и при томъ такъ, что никто не знаетъ, кто и сколько получаетъ, лишь частныя расписки прикладываютъ къ отчету и больше ничего. Ген.-маіоръ Ѳедоровъ, по словамъ Цвѣткова, состоитъ нынѣ лично при графѣ Игнатьевѣ и занятъ какими-то высшими политическими дѣлами. Цвѣтковъ тоже слышалъ о какихъ-то подкопахъ въ Москвѣ, и вообще, по его словамъ, всюду неспокойствіе, и Дружина не только не приноситъ никакой пользы, но положительно зловредна и всюду вселяетъ деморализацію. Итакъ, мое мнѣніе вполнѣ оправдывается.

15 апрѣля 1882 г. Встрѣтилъ я Цвѣткова, который сказалъ, что кн. Щербатовъ что-то очень скученъ и, какъ кажется, перессорился съ гр. Шуваловымъ, такъ какъ Шуваловъ сталъ во многомъ расходиться съ мнѣніемъ Щербатова. По словамъ Цвѣткова, дѣйствія Щербатова оказываются крайне безплодными, а деньги такъ и расходуются въ большой массѣ и неизвѣстно на что, такъ какъ Щербатовъ самъ куда-то даетъ отчетъ по расходу денегъ, не показывая Цвѣткову никакихъ расписокъ.

24 апрѣля 1882 г. [1]) Левашевъ сказалъ мнѣ, что онъ теперь помощникомъ по Св. Дружинѣ у генерала ..... свиты Брока [2]), принявшаго на себя должность... Генер. Брокъ, что Дружина въ виду крайне большого..... ея денегъ, рѣшено преобразовать въ открытое ....., что вообще дѣла Дружины крайне дурны.

28 апрѣля 1882 г. Встрѣтилъ я Цвѣткова, который остановилъ меня и сказалъ, что ихъ Дружинныя дѣла изъ рукъ вонъ плохи. Кн. Щербатовъ почти не ходитъ въ канцелярію и вообще почти что ничего не дѣлаетъ и уже со многими перессорился.

29 апрѣля 1882 г. С. сегодня встрѣтилъ генералъ-майора Лишина, и сей послѣдній спрашивалъ его, правда ли, что я отчисленъ отъ штаба Округа, и, получивъ отвѣтъ, что нѣтъ, смолкъ. Лишинъ состоитъ въ Дружинѣ и видимо заговорилъ обо мнѣ съ Сергѣемъ для узнанія, скажетъ ли онъ, что я былъ краткое время въ числѣ этого гадкаго общества.

16 іюня 1882 г. Дубовицкій разсказывалъ, что не такъ давно

---

[1]) Запись на этотъ день сохранилась плохо.

[2]) Ник. Петр., тогда генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 2-й гвардейской дивизіи. Впослѣдствіи ему было поручено прочесть гр. П. П. Шувалову письмо гр. Д. А. Толстого на имя гр. Н. Н. Воронцова-Дашкова объ упраздненіи Св. Дружины (*В. Я. Богучарскій*. Изъ исторіи политич. борьбы, 382—383).

на Васильевскомъ островѣ открыто тайное политическое общество, въ числѣ котораго оказался какой-то майоръ гусарскаго полка и одинъ или два морскихъ офицеровъ. Эта компанія открыта и взята по указанію полотеровъ, жандармовъ переодѣтыхъ, вошедшихъ въ составъ этого общества хитростью. Начально арестовано 28 человѣкъ, а затѣмъ еще арестовано разновременно человѣкъ 15. При арестованіи найдено много динамита, прокламацій, и, по слухамъ, это общество есть главный Исполнительный Комитетъ революціонеровъ. Открывателямъ дано въ награду каждому по 5 тысячъ рублей. Ѣхавъ въ конкѣ къ дому, увидалъ я Воробьева, тоже ѣхавшаго въ одномъ со мною вагонѣ. Я подошелъ къ нему и разспрашивалъ о дѣяніяхъ кн. Щербатова. Воробьевъ говоритъ, что теперь у нихъ дѣлъ много, и разныя открытія выпали не на ихъ долю. По его словамъ, Щербатову все болѣе и болѣе даютъ дѣлъ и власть; что бригадиръ Молотовъ княземъ прогнанъ, какъ негодный, а бригадиръ Полеводинъ назначенъ какимъ-то старшимъ и живетъ нынѣ постоянно въ Стрѣльнѣ. С. же говоритъ, что Св. Дружина совершенно распалась. —Я полагаю, что слухъ этотъ умышленно распускается членами Дружины. Эти оболтусы не захотятъ лишать себя хорошихъ денегъ и будутъ всемѣрно доказывать необходимость ихъ существованія, сирѣчь грабить казну. Назначеніе Трепова въ главу высшаго полицейскаго управленія не состоялось, какъ говорятъ, изъ-за того, что въ газетѣ «Минута» была статья, подъ заглавіемъ: Нуженъ ли Треповъ [1]). Въ статьѣ этой указано на незаконное обогащеніе Трепова, о поступкѣ его съ Боголюбовымъ [2]), съ добавкою, что эти два обстоятельства будутъ какъ бы усиленіемъ революціоннаго движенія, ежели состоится назначеніе Трепова. Эта статья напечатана какъ разъ вслѣдъ за вступленіемъ графа Толстого въ должность министра внутр. дѣлъ, и Толстой, несмотря на то, что въ началѣ этой статьи высказывается хвалебный панегирикъ ему, Толстому, воспретилъ изданіе этой газеты на 3 мѣсяца.

31 августа 1882 г. Дельдинъ высказалъ мнѣ о крайней глупости Санъ-Донато-Демидова и его помощника, полковника Кобылина, и о томъ, что ихъ дѣянія по Св. Дружинѣ ничего болѣе

---

[1]) Статья «Нуженъ ли Ѳ. Ѳ. Треповъ?», за подписью Осы, была напечатана въ «Минутѣ» 3 іюня 1882 г.

[2]) Емельяновъ (такова настоящая фамилія Боголюбова), Ал-ѣй Андр. Былъ осужденъ на 15 лѣтъ каторги по дѣлу Казанской демонстраціи въ дек. 1876 г., содержался въ Домѣ предвар. заключенія и 13 іюля 1877 г. былъ наказанъ 13 ударами розги, по приказу Трепова, за то, что не снялъ передъ нимъ шапки. Послѣдствіемъ этого было покушеніе В. Н. Засуличъ на жизнь Трепова 24 янв. 1878 г.

какъ глупость, не только безплодная, но и зловредная. По его словамъ, Демидовъ за границею и вернется оттуда не ранѣе ноября.

11 сентября 1882 г. Сегодня приходилъ ко мнѣ Анкердовичъ и, сказавъ, что онъ теперь служитъ агентомъ у N., просилъ меня, какъ бывшаго его начальника по службѣ моей у Трепова, дать ему свидѣтельство, что онъ при мнѣ, начальникѣ Секретнаго Отдѣленія, служилъ честно и хорошо. Я ему обѣщалъ исполнить его просьбу...; при этомъ онъ вручилъ мнѣ, для образца, свидѣтельства, данныя ему бывшимъ градоначальникомъ Барановымъ и III Отдѣленія чиновникомъ Филиппеусомъ [1]). Анкердовичъ хлопочетъ объ утвержденіи его къ коронаціи въ дворянскомъ достоинствѣ, которое онъ потерялъ, будто бы, по неимѣнію на это документовъ.

12 сентября 1882 г. Сегодня бывъ на Петербургской станціи Балтійской ж. д. передъ отъѣздомъ въ Красное Село, видѣлся съ генералъ-майоромъ кн. Щербатовымъ, завѣдующимъ Петербургскою тайною агентурою. Онъ подошелъ ко мнѣ, поздоровался со мною за руку, не сказавъ ни слова; затѣмъ, ходя по буфету, не разъ взглядывалъ на меня, вызывалъ на разговоръ, но я какъ бы не замѣчалъ этого и не счелъ нужнымъ подходить къ этому проходимцу, не приносящему ничего, кромѣ вреда, для правительства и общества.

18 сентября 1882 г. Пришелъ Анкердовичъ за полученіемъ отъ меня аттестата за время служенія его въ Секретномъ Отдѣленіи С.-Петербургскаго Градоначальства, когда Отдѣленіемъ этимъ я управлялъ. Въ аттестатѣ этомъ я написалъ, что онъ дѣйствительно служилъ подъ моимъ начальствомъ и исполнялъ возлагавшіяся на него порученія съ полнымъ усердіемъ и пониманіемъ дѣла. Анкердовичъ благодарилъ меня за свидѣтельство, находя его прекраснымъ. Онъ со мною говорилъ откровенно; сознался, что только при мнѣ начались основательныя розыски революціонеровъ; что при мнѣ открыты они, и какъ разъ всѣ тѣ, которые совершали адскія преступленія и уже казнены; что во многомъ мѣшали мнѣ жандармы и III Отдѣленіе, за то, что всѣ открытія сдѣланы моимъ Отдѣленіемъ, безъ ихъ пособія; что при мнѣ открыта первая тайная типографія. Анкердовичъ, по его словамъ, состоитъ агентомъ при секретномъ управленіи; что управленіемъ этимъ завѣдуетъ Мелентьевъ, камеръ-лакей Е. В., вѣрнѣе же жена его, Мелентьева, т.-е. та самая, у которой я былъ съ докторомъ Риттеромъ [2]), когда представлялъ

[1]) Конст. Өед.

[2]) Богд. Хр., инспекторъ окружнаго военно-медицинскаго управленія.

В. К. вентиляцію, приспособленную мною для солдатскихъ палатокъ [1]). Эта барыня умная, ловкая и, по словамъ Анкердовича, ведетъ дѣла хорошо и бываетъ у Анкердовича. Анкердовичъ сильно порицаетъ дѣйствія тайныхъ правительственныхъ органовъ, вполнѣ раздѣляетъ взглядъ мой о непригодности этихъ учрежденій, стоящихъ громадныхъ денегъ. Подсмѣивался надъ дѣйствіями кн. Щербатова и гр. Шувалова, равно и надъ бывшею подобною дѣятельностью Санъ-Донато. Анкердовичъ согласенъ, что гораздо лучше имѣть открытую, а не тайную охрану, и, по моему желанію, идею эту онъ хотѣлъ передать Мелентьевой. Пусть она знаетъ о несостоятельности, даже болѣе,—крайней зловредности ея нынѣшнихъ дѣйствій. Я сказалъ при этомъ, что готовъ лично сказать это В. К. для блага правительства и для пользы Государя императора. Про коронацію, по словамъ Анкердовича, уже имѣются прокламаціи, отпечатанныя въ тайной типографіи, журналѣ «Зерно». Нигилисты все еще не умолкли, дѣйствуютъ, и типографія ихъ, повидимому, въ Колпинѣ около какого-то кирпичнаго завода, есть и въ Петербургѣ, но даже и слѣда ихъ не открыто. Безобразовъ, по разсказамъ Анкердовича, уже не занимается политическими дѣлами.

27 сентября 1882 г. С. увѣрялъ меня, что Св. Дружина уже распалась въ бездѣйствіи и князь Щербатовъ, за злоупотребленія по службѣ его въ министерствѣ Путей Сообщенія,

---

[1]) Объ этомъ посѣщеніи подъ 26 апрѣля 1882 г. записано слѣдующее: ...пошелъ я на дворъ дворца в. к. В. А.... Около $10^1/_2$ час. пріѣхалъ тайн. сов. Риттеръ и снова одобрилъ мой вентиляторъ. Утромъ было холодно, такъ что Риттеръ сталъ искать себѣ убѣжище въ какой-либо квартирѣ, и его скорехонько пригласила къ себѣ жена лакея В. К. Мелентьева. Риттеръ зазвалъ меня и Меца къ ней. Мелентьева, видимо, была красивая женщина; она цивилизованная, ловкая, привѣтливая, давнишняя знакомая Риттера. Онъ съ ней очень любезничалъ, и, по его желанію, она разсказала, отчего она послѣ катастрофы, бывшей въ мартѣ, была больна. Она сказала: 1 марта прошлаго года, около $2^1/_2$ час. дня, она была въ комнатахъ князя и именно въ сосѣдней, гдѣ в. к. В. А. съ княгинею въ это время завтракали, по возвратѣ съ развода при Михайловскомъ манежѣ. Мелентьева смотрѣла въ окно, и въ этотъ моментъ она увидала, какъ провозили, всего окровавленнаго Государя. Мелентьева до того ужаснулась, что ее разбилъ параличъ вдоль всей лѣвой стороны ея тѣла, и, несмотря на это, она мигомъ вбѣжала въ столовую князя и, обратясь къ нему, съ рыданіемъ разсказала ему о всемъ, ею видимомъ. Всѣ смутились, князь какъ бы остолбенѣлъ. Мелентьева, видя это, закричала: «Что же Вы? Поѣзжайте!» и это лишь заставило князя мигомъ ѣхать въ Зимній дворецъ. Когда в. к., вернувшись изъ дворца, объявилъ, что Государь умеръ и что, благодаря Мелентьевой, онъ успѣлъ хоть слышать вздохи своего отца и быть при отходѣ его въ вѣчность, то Мелентьева уже лежала въ постели, и в. к. безпрерывно спрашивалъ о состояніи ея здоровья. Мелентьева живетъ въ прекрасной, большой, хорошо меблированной и роскошно убранной квартирѣ. Мужъ ея, по ея словамъ, теперь почти не живетъ съ нею, такъ какъ безотлучно находится при князѣ въ Царскомъ Селѣ или тамъ, куда князь отъѣзжаетъ.

преданъ суду, и дѣло о немъ нынѣ находится на рѣшеніи Правительствующаго Сената.

25 октября 1882 г. Поговариваютъ, что N. писалъ....., что если графъ Шуваловъ (флигель-адъютантъ, полковникъ, дѣятель тайной полиціи) не будетъ удаленъ отъ этой должности, то онъ, N, не вернется изъ-за границы. Что послѣдовало изъ-за этого письма, неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе въ сегодняшнемъ № «Голоса» напечатано, что N. уже ѣдетъ изъ-за границы.

27 октября 1882 г. Пошелъ я съ визитомъ къ сенатору Петру Карловичу Жерве [1])... Онъ мнѣ говорилъ, что генерала-майора кн. Щербатова предали суду Сената за присвоеніе 10 лѣтъ тому назадъ денегъ во время служенія его въ министерствѣ Путей Сообщенія; что Щербатову не миновать строгой отвѣтственности, даже ссылки съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, такъ какъ дѣло о немъ уже было на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта, и Совѣтъ, рѣшивъ о преданіи его суду Сената, выразилъ, что растрату суммъ Щербатовымъ иначе нельзя признать, какъ присвоеніемъ ее себѣ съ корыстною цѣлью. Дѣло это будетъ обсуждаться съ присяжными въ январѣ будущаго года.

2 ноября 1882 г. Я, надѣвъ парадную форму, пошелъ къ генералъ-адъютанту Ѳ. Ѳ. Трепову, который, въ виду бытности у него графини Клейнмихель, не могъ сряду меня принять. Я слышалъ его разговоръ съ графинею: Треповъ порицалъ дѣйствія представителей государственной полиціи по розыску революціонеровъ и пресѣченію ихъ дѣйствій. Онъ говорилъ: «Изловить и предупредить зловредныя дѣйствія одного лица трудно для полиціи и часто невозможно, но когда ихъ цѣлое общество, когда ихъ имена извѣстны, то тутъ уже вини полицію; она должна обязательно всѣхъ ихъ до одного задержать и не допустить ихъ до совершенія извѣстныхъ ей злодѣяній. Не понимаю, что творитъ государственная полиція, и какъ никто на это не обратитъ сурьезнаго вниманія». На эту тему шелъ между ними разговоръ, и графиня, сколько мнѣ казалось, во всемъ раздѣляла мнѣніе Трепова. По уходѣ графини Ѳедоръ Ѳедоровичъ пришелъ ко мнѣ въ залу, внимательно отнесся ко мнѣ и сказалъ, что пріѣхали три доктора (я слышалъ еще до прихода ко мнѣ Ѳ. Ѳ., какъ лакей

---

[1]) Въ 1882 г. въ Департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта дѣйствительно разсматривалось дѣло о преданіи суду кн. Щербатова за преступленія по должности (Опись дѣлъ архива Госуд. Сов., IX, 327); въ 1884 г. тамъ же было дѣло объ оставленіи безъ послѣдствій всеподданнѣйшаго прошенія кн. Щербатова о прекращеніи производившагося о немъ въ Сенатѣ уголовнаго дѣла (Опись, X, 86).

[2]) Бывшій попечитель харьковскаго учебнаго округа, а ранѣе, когда Вс. Н. Смѣльскій служилъ уѣзднымъ начальникомъ въ Вильковишкахъ, Сувалкской губ.,—сувалкскій губернаторъ.

кому-то докладывалъ о пріѣздѣ трехъ докторовъ) на консультацію надъ его дочерью Софьею Ѳедоровною, графинею Нирод, которая столь сильно больна, послѣ недавнихъ родовъ, что уже сегодня причащалась Св. Тайнъ и находится въ крайней опасности, и отъ этого онъ не можетъ со мною потолковать, а между тѣмъ это ему желательно, и потому просилъ меня придти къ нему запросто въ сюртукѣ на этихъ дняхъ между 10 и 12 часами дня.—«Мнѣ нужно,—сказалъ онъ,—побесѣдовать съ вами; я очень радъ, что вы зашли ко мнѣ». Онъ разспрашивалъ, чѣмъ я теперь занимаюсь, говорилъ, что его здоровье хорошо, и при этомъ спросилъ, не знаю ли я что-либо про дѣйствія Охраны и правда ли, что она сама пускаетъ какія-то прокламаціи. На это я отвѣтилъ, что рѣшительно ничего не знаю, что она творитъ, и признаю ея дѣйствія не только не полезными, но вредными, какими-то дѣтскими.—«Это правда,—проговорилъ онъ.—Это все Шмидтъ творитъ» Простясь со мною, Ѳедоръ Ѳедоровичъ пошелъ скучный на консультацію.

7 ноября 1882 г. Жерве сказалъ мнѣ, что кн. Щербатовъ снова оттянулъ судебное дѣло о немъ. Онъ подалъ записку, что въ дѣлѣ этомъ замѣшивается д. с. с. Рошетъ и бывшій товарищъ министра Селифонтовъ [1]), съ разрѣшенія котораго, будто бы, онъ производилъ расходъ изъ тѣхъ денегъ, которыя считаются, будто бы, имъ самовольно взятыми изъ кассы министерства Путей Сообщенія. Словомъ, обдѣлалъ дѣльце такъ, что теперь неизвѣстно когда его дѣло будетъ слушаться Сенатомъ.

17 ноября 1882 г. Пошелъ я къ Трепову и встрѣтилъ на лѣстницѣ отъ Трепова идущаго Путилина, который, увидя меня, спросилъ, гдѣ я служу, и намекнулъ служу ли я въ Охранѣ, на что я отвѣтилъ: «Въ этомъ подломъ учрежденіи? Сохрани Боже! И двухъ недѣль достаточно, что я тамъ былъ». Путилинъ озарился сладостною улыбкою. Когда я вошелъ въ кабинетъ, то Треповъ радушно меня встрѣтилъ и на мой спросъ сказалъ, что дочери его, графинѣ Нирод, лучше, но все еще слаба. Треповъ спрашивалъ меня, не знаю ли я чего-либо про дѣянія Шмидтовской оравы. И, когда услышалъ, что, какъ мнѣ извѣстно, эта орава ничего не раскрыла и кромѣ вреда ничего не творитъ,—«Это правда,—сказалъ онъ.—Ну, а что же дѣлаетъ государственная полиція? Говорятъ, что эта полиція сдѣлала большія открытія, знаетъ всѣхъ революціонеровъ и ихъ затѣи, но не желаетъ ихъ открывать ранѣе совершенія коронаціи. Охрана же говоритъ,

---

[1]) Ник. Ник. Въ первый разъ былъ товарищемъ министра путей сообщенія съ 18 марта 1872 г. по 4 іюня 1880 г.

что она сдѣлала эти открытія. Кто же изъ нихъ правъ? Кому вѣрить?» Затѣмъ я ему сказалъ, что о Грессерѣ[1]) говорятъ хорошо, особенно относительно дѣйствій его послѣднихъ въ университетѣ, а также придерживанія прежнему бывшему въ полиціи порядку. Когда я сказалъ, что Козловъ былъ плохой градоначальникъ и дивлюсь, почему его назначили въ Москву, Треповъ сказалъ: «Это правда: онъ мало годенъ, лѣнивъ; у него все Юнгъ [2]) выдѣлываетъ; онъ его всюду за собою тащитъ. Козлова любитъ Долгоруковъ [3]). Козловъ все ему кланяется, а когда оказалась невозможность Козлова держать въ Петербургѣ, Долгоруковъ выпросилъ его себѣ. Мнѣ самъ Государь сказалъ: Козлова тянетъ Долгоруковъ, оттого я и рѣшилъ назначить его въ Москву». Треповъ, говоря о здѣшней полиціи, проговорилъ: «Въ Москвѣ Юнгъ радѣетъ, а здѣсь бывшій участковый приставъ — Лебедевъ [4]). Что дѣлать, никто не хочетъ самъ работать. Отъ этого и идетъ все чепуха». Треповъ все что-то хочетъ сказать мнѣ, но какъ-то уклоняется и при прощаніи сказалъ: «пожалуйста, приходите ко мнѣ, когда имѣете свободное время».

24 Ноября 1882 г. У Галченкова замѣтилъ я сегодняшній № «Новаго Времени» и о ужасъ! въ немъ напечатана прокламація, какъ бы отъ нигилистовъ, объ образованіи общества по парализаціи дѣйствій террористовъ [5]). Хоть тутъ и есть какой-то подвохъ, но я полагаю, что это дѣло рукъ Шмидта и кн. Щербатова. Я полагаю, что это они сдѣлали эту прокламацію, какъ бы отъ нигилистовъ, для доказательства, что революціонеры еще дѣйствуютъ и что существованіе Св. Дружины еще крайне необходимо, т.-е., по просту, еще нельзя не грабить казну. Такъ и приходятъ мнѣ на умъ слова Трепова, сказавшаго мнѣ уже недѣли 2 тому назадъ, что Св. Дружины составила какую-то подлую прокламацію тайную и разсылаетъ ее по всѣмъ студентамъ и тѣмъ, кто

---

[1]) П. Ап.; петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, затѣмъ градоначальникъ.

[2]) Ник. Кир., полковникъ; состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при Козловѣ.

[3]) Долгоруковъ, кн. Вл. Андр., московскій генералъ-губернаторъ.

[4]) Вѣроятно, Ал-ндръ Петр., бывшій тогда дѣлопроизводителемъ распорядительнаго отдѣленія канцеляріи оберъ-полиціймейстера.

[5]) Въ статьѣ «Политическое шутовство или не мытьемъ, такъ катаньимъ» «Новое Время» напечатало гектографированный циркуляръ Св. Дружены съ краткимъ изложеніемъ основныхъ началъ ея устройства и съ приглашеніемъ къ вступленію въ члены ея. Въ концѣ циркуляра указанъ анаграммою (Н. И. Кіедусъ) адресъ Судейкина. Въ сопроводительной статьѣ «Новаго Времени»выражалось негодованіе противъ «бездѣльниковъ-шантажистовъ», авторовъ циркуляра, и высказывалось предположеніе, что документъ этотъ ничто иное, какъ политическое шутовство. Статья эта послужила ближайшимъ поводомъ къ упраздненію Св. Дружины, состоявшемуся черезъ нѣсколько дней послѣ того (*В. Я. Богучарскій.* Изъ исторіи политич. борьбы, 371—383).

сочувствуетъ революціонерамъ. Такъ вотъ каковы дѣйствія не Святой,а подлой Дружины! Господи!когда исчезнетъ эта Дружина, творящая лишь зло, а не клонящаяся къ дѣйствительной охранѣ Государя и правительственнаго строя?

25 Ноября 1882 г. С. увѣрялъ меня, что напечатанная прокламація, навѣрное, есть дѣянье нигилистовъ, и никогда не выходка Охраны, такъ какъ невозможно допустить такого безсмыслія членовъ Охраны. Но я, понимая гнусность дѣйствій Шмидта и Щербатова, всетаки того мнѣнія, что эта прокламація хотя какъ бы и отъ нигилистовъ, но все же издана по иниціативѣ означенныхъ лицъ, что отчасти подтверждается еще тѣмъ, что она печатана лишь въ «Новомъ Времени», въ газетѣ болѣе полицейской, чѣмъ другія. Недаромъ «Новое Время» такъ и трунитъ надъ этой прокламаціею и Судейкинымъ. Все это лишь сказка, неглубокомысленная подтасовка дѣлъ, полицейская уловка.

8 Декабря 1882 г. Николай Степановичъ Гонецкій, между прочимъ, сказалъ, что въ виду статьи, помѣщенной въ «Новомъ Времени», Государь черезъ генерала Черевина приказалъ министру графу Толстому немедленно упразднить Св. Дружину. Гонецкій сильно негодуетъ на допущеніе подобной безчестной охраны и замѣтилъ: «въ этомъ виновны... Что только дѣлаетъ N.!». Словомъ, Гонецкій все тотъ же честный рыцарь, берегущій и любящій Царя. При уходѣ отъ него онъ сказалъ, что уѣзжаетъ въ Москву въ будущій вторникъ и очень желаетъ, чтобы я до его отъѣзда ежедневно около 11 час. бывалъ бы у него. Гонецкій съ негодованіемъ говорилъ о Шмидтѣ-сенаторѣ и князѣ Щербатовѣ, руководителяхъ Дружины.

28 Декабря 1882 г. С. сегодня повстрѣчался съ свиты Е. В. генералъ-маіоромъ Брокомъ и имѣлъ съ нимъ разговоръ о Св. Дружинѣ. Брокъ сильно защищаетъ дѣйствія этой Дружины и находилъ ихъ добросовѣстными, цѣлесообразными и сказалъ, что, благодаря дѣйствію Дружины, Кропоткинъ арестованъ [1]) и преданъ суду во Франціи; что же касается дѣяній кн. Щербатова, то сознался, что они были безполезны и зловредны.

Впрочемъ Брокъ глупъ, и его мнѣнія ничего не выясняютъ: еще неизвѣстно, какой толкъ будетъ для Россіи, что Кропоткина хотя бы и осудили французы на вѣчную ссылку,—это еще не помога для нашихъ дѣлъ: есть не мало . . . . . ., кромѣ Кропоткина, а, главное, по сіе время не введены тѣ реформы, которыя выжидаетъ весь русскій народъ.

---

[1]) 20 декабря 1882 г.; освобожденъ изъ французской тюрьмы въ 1885 г.

1883 г.

1 Января 1883 г. Изъ разговоровъ съ разными лицами узналъ я, что Государь очень недоволенъ дѣйствіями Св. Дружины—о безчестности этого учрежденія доложено ему сперва министромъ гр. Толстымъ, а потомъ министромъ Набоковымъ [1]),—за что на обоихъ этихъ лицъ очень сѣтуетъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, главный руководитель Дружины.

14 Марта 1883 г. Подошелъ ко мнѣ чиновникъ Цвѣтковъ, бывшій дѣлопроизводитель въ упразднившейся канцеляріи подлой кн. Щербатова. Цвѣтковъ вновь вспомнилъ мою записку о зловредности и низости дѣйствій бывшей Шмитовской подлой организаціи. Цвѣтковъ съ восторгомъ вспоминалъ эту записку и сказалъ: «Вы правы и храбро высказались. Ваше мнѣніе и предсказаніе по сіе время вспоминаются всѣми честными людьми». По словамъ Цвѣткова, ротмистръ Безобразовъ оставилъ полкъ и теперь не у дѣлъ и, конечно, имѣетъ теперь на всю жизнь званіе шпіона. Щербатовъ, по словамъ Цвѣткова, оказался гадиною и деньги на наемъ шпіоновъ расходовалъ,—никому неизвѣстно, какъ и кому были выдаваемы. Сдавалъ Цвѣткову лишь расписки въ полученіи денегъ, но кѣмъ написанныя, неизвѣстно, такъ какъ тѣхъ лицъ, за подписью которыхъ записки, Цвѣтковъ не видѣлъ никогда. Писарь Воробьевъ по сей день еще при Щербатовской упраздненной 4 декабря канцеляріи. Воробьеевъ заканчиваетъ дѣла, и содержаніе по 50 руб. въ мѣсяцъ будетъ получать лишь до начала или половины будущаго апрѣля. Воробьевъ опять хочетъ о чемъ-то меня просить, и Цвѣтковъ сказалъ, что онъ, Цвѣтковъ, доволенъ Воробьевымъ и тоже придетъ ко мнѣ просить меня за Воробьева...

— Щербатовъ такъ дивно велъ дѣла, что всѣхъ перессорилъ, одного съ другимъ...

28 Марта 1883 г. Видѣлся съ Григорьемъ Григорьевичемъ Кирилловымъ (бывшимъ начальникомъ сыскного отдѣленія Петербургскаго градоначальства, а нынѣ находящимся въ отставкѣ и проживающимъ, по его словамъ, въ своемъ имѣніи, въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи). Онъ любезно отнесся ко мнѣ, увѣрялъ, что я нисколько не измѣнился, не состарѣлся (послѣдній разъ я его видѣлъ лѣтъ шесть тому назадъ)... При увольненіи его въ отставку изъ упраздненнаго III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи ему дали пенсію въ 2200 руб. въ годъ, т. е. половинную противу той, какую

---

[1]) Дм. Ник., министръ юстиціи съ 30 мая 1878 г.

ему бы слѣдовало по занимаемой имъ должности, и это за то, что онъ принялъ къ себѣ на службу въ агенты Клѣточникова, оказавшагося однимъ изъ главныхъ политическихъ преступниковъ. Кирилловъ одновременно со мною въ одномъ и томъ же вагонѣ поѣхалъ въ Гатчину къ генералъ-адъютанту Черевину съ какою-то просьбою, какъ онъ сказалъ, но что-то я этому не вѣрю и полагаю, что туда поѣхалъ по какимъ-нибудь секретно-политическимъ дѣламъ. Кирилловъ сильно бранилъ гр. Лориса-Меликова, находилъ его однимъ изъ главныхъ виновниковъ по дѣламъ революціонеровъ, и что этотъ армяшка управлялъ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ руку нигилистовъ, желая достигнуть популярности, чего и достигъ, но съ усиленіемъ смуты въ нашемъ государствѣ. Кирилловъ одинаковаго со мною мнѣнія, что генералы Козловъ и Ѳедоровъ вовсе неспособны къ управленію полиціею и пустые люди; того же мнѣнія онъ и о нынѣшнемъ оберъ-полиціймейстерѣ Грессерѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что, будто бы, передъ приглашеніемъ меня въ бывшую Св. Дружину его спрашивалъ обо мнѣ графъ Шуваловъ. Когда я сказалъ Кириллову, что означенная Дружина есть подлость, что я сразу отказался отъ участія въ ней и подалъ не одну записку о ея непригодности и зловредности, то Кирилловъ ничего мнѣ на это не отвѣтилъ...

8 августа 1883 г. Въ $11^1/_2$ час. пріѣхалъ въ госпиталь министръ двора генералъ-адъютантъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, и нѣсколько до него прибылъ комендантъ. Графа я встрѣтилъ и ввелъ его въ палату, гдѣ находится подполковникъ Чебышевъ [1]), которому сегодня лучше. Графъ любезно относился къ нему, а мнѣ едва кивнулъ головою. Онъ какъ бы высказываетъ мнѣ своимъ ко мнѣ отношеніемъ свое нерасположеніе за то, что я нелестно отзывался о Св. Дружинѣ, имъ созданной. Это все результаты дѣяній ....., сенатора Шмидта.

Обращеніе исполнительнаго комитета «Священной Дружины» къ обществу [2]).

Террористическіе факты, начиная съ выстрѣла Каракозова и кончая такими, какъ катастрофа 1 марта, совершенная наканунѣ призыва общества къ самоуправленію, и убійство Стрѣльникова, произведенное на другой день послѣ помилованія 9 важныхъ государственныхъ преступниковъ, систематически пре-

---

[1]) Л.-гв. Коннаго полка; былъ ушибленъ лошадью на скачкахъ и привезенъ въ Красносельскій военный госпиталь.

[2]) Воспроизводимъ этотъ документъ съ литографированнаго экземпляра, хранящагося въ архивѣ библіотеки московскаго университета. *Ред.*

пятствовали правительству приводить въ исполненіе задуманныя имъ желательныя реформы и вообще привели Россію отъ періода реформы 60 гг. къ настоящей внутренней реакціонной политикѣ. Вслѣдствіе этого борьба съ терроромъ, какъ причиной такого ненормальнаго положенія, становится обязанностью всѣхъ, желающихъ блага своей родинѣ.

На этомъ основаніи общество, образовавшееся для борьбы съ терроромъ и насчитывающее въ своей средѣ значительное число членовъ, предлагаетъ вамъ примкнуть къ дѣятельности этого общества, которая имѣетъ слѣдующія основанія:

1. Борьба должна вестись легальнымъ путемъ, т.-е. Общество посредствомъ своихъ членовъ будетъ разрушать замыслы террористовъ, не прибѣгая къ насилію надъ личностью и такимъ образомъ Общество устраняетъ съ одной стороны напрасную гибель честной молодежи, съ другой надѣется разчистить путь къ возрожденію идейной борьбы за благо человѣчества, тормозомъ для которой является тотъ же терроръ.

2. Члены Общества подраздѣляются на двѣ категоріи—дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ. Первые посвящаются во всѣ безъ исключенія дѣла Общества; члены же сотрудники въ первый періодъ своей дѣятельности посвящаются только въ дѣла, въ которыхъ они должны принимать непосредственное участіе, и знаютъ только одного дѣйствительнаго члена. Время перехода изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные члены не опредѣляется и находится въ зависимости отъ степени принесенной сотрудникомъ пользы и заслуженнаго довѣрія Общества, но и до перехода въ дѣйствительные члены сотрудникъ можетъ проводить черезъ дѣйствительнаго члена свои взгляды вообще, которые и будутъ приниматься Обществомъ въ соображеніе.

3. Общество сохраняетъ имена членовъ и сотрудниковъ въ абсолютной тайнѣ, гарантируя такимъ образомъ ихъ полную безопасность.

4. Всѣ члены и сотрудники пользуются правомъ свободнаго выхода изъ Общества, но обязываются сохранять въ тайнѣ все, извѣстное имъ о дѣйствіяхъ Общества, которое, въ свою очередь, при соблюденіи вышедшимъ членомъ этихъ условій, не имѣетъ права обнаруживать его имени.

5. Сношенія членовъ между собой и сотрудниками происходятъ въ различныхъ каждый разъ условленныхъ мѣстахъ для того, чтобы сношенія эти не были обнаружены.

6. На обязанности Общества лежитъ предоставленіе своимъ членамъ и сотрудникамъ легальныхъ занятій, обезпечивающихъ

имъ средства къ жизни, или Общество выдаетъ изъ общественной кассы денежныя субсидіи, если членъ въ нихъ нуждается.

7. Общество гарантируетъ свободу каждаго изъ лицъ, которое, принимая ранѣе участіе даже въ террористическихъ фактахъ, обяжется честнымъ словомъ не принимать дальнѣйшаго участія въ революціонной дѣятельности. Общество гарантируетъ свободу этого лица, смотря по его желанію, двумя способами: или полученіемъ полной амнистіи, которой Общество надѣется достигать черезъ посредство своихъ связей, или безусловнымъ доставленіемъ, какъ матеріальныхъ, такъ и другихъ средствъ для отъѣзда за границу.

Размѣръ настоящаго обращенія не позволяетъ изложить подробно всѣ мотивы, послужившіе основаніемъ организаціи нашего Общества и всѣ способы борьбы, но въ случаѣ изъявленія вами согласія принять участіе въ этомъ, вы будете тоже посвящены уполномоченнымъ на это членомъ отъ Общества.

Настоящее обращеніе Общество проситъ сохранить въ тайнѣ.

За отвѣтомъ Обществомъ будетъ прислано, но прилагается письменный адресъ, по которому вы можете отвѣчать.

Къ свѣту.

(Изъ жизни людей шестидесятыхъ годовъ) [1].

VII.

Наша мирная совмѣстная жизнь была внезапно нарушена совершенно неожиданно. Однажды въ ноябрѣ, который выдался въ томъ году особенно морознымъ и снѣжнымъ, передъ самымъ обѣдомъ, когда мы были всѣ дома и сидѣли съ Тонею въ дѣтской, кто-то такъ сильно дернулъ за колокольчикъ въ передней, что ребенокъ, сидѣвшій у меня на колѣняхъ, вздрогнулъ и вскрикнулъ отъ испуга.

— Такъ звонятъ только неделикатные люди!—проговорила Тоня и побѣжала открывать дверь. Но она быстро вернулась и, наклоняясь ко мнѣ, прошептала: «Это Аня Ивановская. Кажется такъ же, какъ и я, совсѣмъ переѣзжаетъ къ вамъ». Я невольно взглянула на нее и удивилась блѣдности, мгновенно покрывшей ея всегда румяныя щеки. За нею скоро вошла и Ивановская, наша институтская подруга. Она бросилась обнимать и цѣловать меня, сопровождая свое привѣтствіе восторженными восклицаніями.

— Какъ я рада, что, наконецъ, вижу тебя. Ты знаешь, какъ я тебя люблю! Господи, какъ я къ вамъ рвалась! А, и Василій Ивановичъ! Здравствуйте, дорогой, дорогой Василій Ивановичъ. Дайте мнѣ пожать вашу благородную руку! Вспоминали ли вы меня когда нибудь? «Чего мнѣ вспоминать такую стрекозу?» думаете вы, а я въ восторгѣ, прямо въ восторгѣ, что вижу васъ! Вы оба чудеснѣйшіе люди....

— Будемъ объясняться въ любви послѣ обѣда. На голодный

---

[1]) См. «Голосъ Минувшаго» № 4.

желудокъ это какъ-то неудобно...—сказалъ Василій Ивановичъ.— Мы двинулись въ столовую, и только это остановило на минуту безудержную болтовню Ивановской.

— Гдѣ же ты пропадала? Я тебя не видѣла болѣе полугода!— спрашивала я ее.

— Да вѣдь меня отецъ въ гувернантки сунулъ! Да... сунулъ и по своему обыкновенію противъ моего желанія. Я ему говорю: «Папа, уважающая себя дѣвушка теперь старается примѣнять свои силы къ болѣе плодотворной дѣятельности, чѣмъ гувернантство». Но ему хоть колъ на головѣ теши. Вѣдь онъ невообразимый деспотъ и тиранъ! Къ тому же современные идеалы ему и не по плечу! Ну, что же вамъ еще сказать? Мѣсто, какъ и нужно было ожидать, оказалось прегнусное: изъ меня хотѣли сдѣлать безотвѣтную рабу. Пробыла три мѣсяца, плюнула и уѣхала.

— Странно. Единственный разъ, когда мы были у тебя и видѣли твоего отца, онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе человѣка весьма порядочнаго, неглупаго и горячо любящаго своихъ трехъ дочерей.

— О, онъ знаетъ, какъ и съ кѣмъ разговаривать! Онъ подъѣзжаетъ ко всѣмъ «краснымъ», и самъ желаетъ прослыть человѣкомъ либеральнаго образа мыслей.

—Но такая репутація для чиновника не совсѣмъ удобна. И зачѣмъ ему наше мнѣніе? Мы не поддерживаемъ съ нимъ никакихъ отношеній, и кругъ нашихъ знакомыхъ совсѣмъ не тотъ, что у него.

— Привыкъ ухаживать за своимъ начальствомъ, ну и подлизывается ко всѣмъ.

— Однако нельзя сказать, чтобы ты очень почтительно отзывалась о родномъ отцѣ,—замѣтила Тоня.

— А ты, Тонечка, все такая же паинька, какою была!

— Но теперь-то, гдѣ же вы живете?—спросилъ Василій Ивановичъ.

— Господи!—всплеснула она руками.—Развѣ я не сказала? Вотъ вѣдь какая я разсѣянная! Я разошлась съ отцомъ, совсѣмъ разошлась! Жить съ деспотомъ, который истерзалъ мою душу, я больше не въ силахъ. Я убѣжала отъ него навсегда и совсѣмъ перебралась къ вамъ. Я могла бы поселиться у тетки,—она довольно добродѣтельная старушонка, но невыразимо скучное созданье и притомъ закорузлая реакціонерка и ретроградка. Къ тому же отецъ въ послѣднее время своими жалобами такъ возстановилъ ее противъ меня, что она тоже лѣзетъ теперь ко мнѣ съ своими тошнотворными нравоученіями. Да и съ какой стати я пересе-

лилась бы къ ней, когда могу переѣхать къ вамъ, моимъ милымъ, хорошимъ, чудеснѣйшимъ людямъ?

Вмѣсто того, чтобы поблагодарить ее за выраженныя чувства восторженной любви и такого нагляднаго ихъ доказательства, какъ ея переѣздъ къ намъ, я замѣтила ей: «Право, не знаю, Аня, куда я тебя помѣщу. У насъ нѣтъ не только свободнаго угла въ квартирѣ, но даже дивана, на которомъ я могла бы тебя положить.

— Вотъ пустяки! Стоитъ ли объ этомъ думать! Я могу лечь, куда попало, хотя въ передней. Вѣдь, кромѣ васъ, мнѣ некуда дѣваться.

— Конечно, если это такъ, то мы должны потѣсниться,— возразилъ Василій Ивановичъ.

— Самыхъ деликатныхъ людей возмущаетъ, когда съ ними поступаютъ неделикатно, а васъ, Василій Ивановичъ, и это не можетъ вывести изъ терпѣнія, если вамъ только кто-нибудь скажетъ, что ему некуда дѣваться... хотя бы это было изъ-за взбалмошности! Вотъ попомните мое слово: къ вамъ скоро явится еще новая жилица... Нами двумя дѣло не ограничится. Я лично не считаю возможнымъ болѣе стѣснять васъ, а потому и отправляюсь сейчасъ же отыскивать себѣ комнату,—проговорила Тоня съ пылающими отъ негодованія щеками и встала, чтобы отправиться къ себѣ.

Я знала, что у нея дѣло не расходится съ словомъ и загородила ей дорогу. Я дрожала при мысли, что она, съ которой я такъ сроднилась душой, сію минуту уйдетъ отъ насъ къ незнакомымъ для нея людямъ, уйдетъ изъ-за Ивановской, къ которой я никогда не питала нѣжныхъ чувствъ.—Если ты уйдешь... если даже ты будешь продолжать объ этомъ думать... ты мнѣ причинишь такую боль...—я чувствовала органическое отвращеніе высказывать свои чувства, и эти слова мнѣ пришлось съ силою вытягивать изъ горла, да и то только страхъ, что Тоня сію минуту убѣжитъ отъ насъ, заставилъ меня высказаться.

— Ахъ, Лизочка, развѣ ты не знаешь Тоню? О, я хорошо изучила ее за два года нашей совмѣстной жизни въ пепиньеркахъ. Это холодная натура, которая никого не любитъ, никого не жалѣетъ! Она намекаетъ, что я взбалмошная. Пусть такъ: я не могу и не хочу всегда оставаться въ рамкахъ ея холоднаго, мѣщанскаго разсчета и бездушнаго эгоизма.

— Зачѣмъ вамъ, Антонина Николаевна, уходить, подымать у насъ такую трагедію? Вы знаете, какъ мы всѣ къ вамъ привыкли, какъ всѣ здѣсь любятъ васъ... Но, конечно, если у человѣка нѣтъ пристанища, знакомые должны устроить его у себя. Пересе-

леніе къ намъ Анны Петровны не можетъ помѣшать и вамъ оставаться у насъ.

— Вы бы, Василій Ивановичъ, лучше не разсуждали о такихъ вещахъ. Съ утра до глубокой ночи вы сидите за книгами, поглощены вашими лекціями, статьями и рѣшительно ничего не понимаете въ практической жизни. Имѣете ли вы какое-нибудь представленіе о томъ, какую уйму хлопотъ и неудобствъ вноситъ каждый новый жилецъ въ скромную жизнь такой семьи, какъ ваша? Вы даже не можете сообразить того, что въ вашей квартирѣ немыслимо найти уголокъ, гдѣ можно было бы положить спать хотя на одну ночь еще новую жилицу.

— А вотъ вы сейчасъ будете посрамлены въ вашихъ великолѣпныхъ, всесторонне обдуманныхъ, практическихъ соображеніяхъ!—возразилъ Василій Ивановичъ, совершенно покойно покуривая свою трубочку. Онъ положилъ ее въ сторону и началъ отодвигать столъ къ стѣнѣ, поставилъ два кресла одно противъ другого въ нѣкоторомъ разстояніи, затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Нужно замѣтить, что единственная у насъ свободная комната, не служившая ни спальнею, ни рабочимъ кабинетомъ, была столовая. Эту комнату почти всю цѣликомъ занималъ обѣденный столъ, который кругомъ былъ обставленъ стульями; отъ нихъ до стѣны оставалось не болѣе полуаршина свободнаго пространства, а въ углахъ стояли два кресла.

Василій Ивановичъ возвратился съ гладильною доской и началъ ее вставлять въ разставленныя кресла.—Вотъ вамъ и отличная постель! А, что?—воскликнулъ онъ, поглядывая побѣдоносно на всѣхъ насъ.

Няня, увидавъ, что Василій Ивановичъ тащитъ гладильную доску, такъ заинтересовалась этимъ, что вошла въ столовую.

— Но это еще не все... подождите. Знаю, что въ такомъ видѣ предусмотрительныя хозяйки сейчасъ закричатъ, что стулья загораживаютъ дверь, что нельзя будетъ проходить въ переднюю...— и онъ схватывалъ стулья, которые съ грохотомъ падали на полъ, подымалъ, выносилъ ихъ въ переднюю и ставилъ тамъ другъ на друга...—Ну, что, хорошо? И еще съ какимъ комфортомъ можно устроиться...—наивно-простодушно, какъ ребенокъ, восхищался онъ своимъ произведеніемъ, то отходя отъ него, то возвращаясь къ нему, чтобы поправить неправильно стоявшія кресла.—Обратите вниманіе, какъ все это основательно устроено: съ одной стороны столъ, съ другой—стѣна подпираютъ кресла и не даютъ имъ раздвигаться, а столъ сослужитъ двойную службу: на него можно поставить подсвѣчникъ и все, что требуется.

— А когда барышня будетъ ложиться спать, да пошевелитъ креслами, вотъ она и шмякнется на полъ.

— Что-жъ, и этой бѣдѣ можно помочь!—проговорилъ Василій Ивановичъ и черезъ нѣсколько минутъ принесъ огромную веревку и началъ ее обвязывать вокругъ креселъ.

— Да что же вы дѣлаете, Василій Ивановичъ, смотрите, вы такъ стянули кресла, что гладильная доска порвала уже ихъ обивку!—говорила Тоня съ досадой.

— А все-таки такая кровать будетъ для барышни узка. Да и очень жестко ей будетъ спать на ней. А у насъ нѣтъ ни одного лишняго тюфяка,—заявила няня.

— Ну, это уже совершенные пустяки: въ третьемъ классѣ по желѣзной дорогѣ путешествуютъ еще съ меньшими удобствами. Наконецъ, на доску можно положить какую-нибудь одежду,—упорно отстаивалъ Василій Ивановичъ выгоды своего изобрѣтенія.

— У меня самой найдется кое-что...—проговорила Аня, выбѣжала въ переднюю и вынесла оттуда что-то, обернутое газетной бумагой. Она развязала веревки и вынула роскошнѣйшую дамскую шубу чернобурой лисицы, покрытую великолѣпнымъ чернымъ бархатомъ.

Мы съ Тоней, зная болѣе чѣмъ скромные размѣры жалованья отца Ани и сейчасъ же замѣтивъ, что шуба гораздо длиннѣе, чѣмъ то требовалъ ея ростъ, какъ-то невольно въ одинъ голосъ вскрикнули: «Аня! Да откуда же у тебя такая роскошная шуба?»

— Отъ покойной мамы въ наслѣдство досталась.

— Почему же она досталась тебѣ, а не твоей старшей сестрѣ Катѣ или младшей—Ольгѣ?

— А почемъ я знаю! Досталась, да и только,—съ неудовольствіемъ процѣдила Аня сквозь зубы.

Василій Ивановичъ нашелъ эти разговоры не идущими къ дѣлу. Ему такъ хотѣлось поскорѣе покончить съ своимъ изобрѣтеніемъ и представить его намъ во всемъ блескѣ. Онъ почти вырвалъ изъ рукъ Ивановской шубу съ словами: «Вѣдь это же все устраивается гораздо великолѣпнѣе, чѣмъ я могъ себѣ представить! Вотъ смотрите: одну половину шубы мѣхомъ вверхъ слѣдуетъ разостлать на доскѣ. Воротникъ представитъ мягкую, какъ пухъ, подушку, а чтобы сдѣлать ее выше, можно подсунуть платокъ какой-нибудь или книгу, а другою половиною шубы вы, Анна Петровна, можете накрыться...—Для наглядности и чтобы лучше приноровить шубу къ спанью, онъ мялъ ее безъ всякой пощады, складывалъ на разные лады, причемъ она трепалась по полу, подсовывалъ кулаки подъ воротникъ, не обращая вниманія ни на драгоцѣнный мѣхъ, ни на бархатъ.—И это прекрасно, что у васъ оказалась

такая хорошая шуба! У насъ въ столовой это время что-то очень холодновато. Ну, вы теперь устроены по-царски!

Отвѣтомъ на это былъ залпъ единодушнаго хохота: няня, Тоня и я, мы просто покатывались со смѣха, унимались на минуту, но смѣхъ снова душилъ насъ. Только Аня стояла, не произнося ни слова, хмурая и надутая, а Василій Ивановичъ, поглядывая на меня и Тоню, съ сокрушеніемъ покачивалъ головой.

— Вѣдь ежели бы нашего барина послушалъ, кто его не знаетъ, значитъ такой господинъ, который не можетъ вполнѣ полно постичь его характеръ, онъ навѣрно подумалъ бы, что баринъ нашъ просто шутки шутитъ, а вѣдь онъ, какъ передъ Истиннымъ, все это въ сурьезъ барышнѣ совѣтуетъ...—говорила няня, захлебываясь отъ смѣха.

— А вы обѣ,—говорилъ Василій Ивановичъ съ несвойственнымъ ему озлобленіемъ поглядывая то на меня, то на Тоню,—недалеко отъ нея ушли. Вы наглядно подтверждаете давнишнюю мою мысль, что институтъ такое ядовитое учрежденіе, которое навсегда отравляетъ кровь воспитываемыхъ. Вы обѣ сознательно учитесь, работаете, серьезно смотрите на жизнь, а допотопными взглядами вашихъ прабабушекъ васъ такъ пропитали, что уже никто и никогда не выбьетъ ихъ изъ вашихъ головъ. По-вашему, пусть человѣкъ замерзнетъ, но, Боже сохрани, накрыться красивою шубою: на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на святыню.

— Что дорогую шубу не слѣдуетъ трепать, какъ подстилку, подобными допотопными взглядами проникнуты, вѣроятно, не только институтки... Но относительно этого у насъ съ вами, Василій Ивановичъ, діаметрально противоположные взгляды... А вы мнѣ вотъ что скажите: допустимъ, что для Ивановской вы устроили роскошнѣйшую спальню, ну а третью жилицу, куда же вы положите?

— А вы и тутъ сообразить не можете? Вы—геній практичности и благоразумія! А вотъ этотъ столъ, ну зачѣмъ онъ стоитъ по ночамъ безъ всякаго употребленія? Его можно нѣсколько раздвинуть и превосходнѣйшимъ образомъ выспаться на немъ.

— Ну, я ужъ никогда не стала бы обѣдать за столомъ, на которомъ спятъ!—сказала Тоня.

— Хотя теперь каждый порядочный человѣкъ считаетъ долгомъ упрощать свою жизнь и сокращать свои удобства, но я никогда не видала, чтобы самый бѣдный крестьянинъ спалъ на обѣденномъ столѣ,—замѣтила я.

— Мало ли какіе предразсудки у крестьянъ! Можно подражать только хорошему... А и несчастныя же вы обѣ (это было обращеніе ко мнѣ и Тонѣ)! Много вамъ придется пережить без-

смысленныхъ, ненужныхъ страданій, если вы какъ-нибудь очутитесь въ крайней бѣдности.

Мы не допустили Аню спать на ея драгоцѣнной шубѣ, а бережно повѣсили ее въ шкапъ. Прежде, чѣмъ она улеглась, мы всѣ, даже прислуга, принесли ей, кто подушку, кто пледъ, кто одѣяло. Спать ей было не жестко, но на другой день она говорила, что нѣсколько разъ падала на полъ съ своей импровизированной кровати. Можетъ быть, это такъ и было, но возможно, что она видѣла это только во снѣ. Вообще она любила разсказывать различныя происшествія, которыя какъ-то особенно часто случались именно съ нею. По своему характеру Анна Петровна Ивановская была особа неуравновѣшенная, неустойчивая до полнаго легкомыслія. И съ знакомыми, и съ мало знакомыми она была то смѣлою до безцеремонности, то трусливою до неприличія; она легко поддавалась, какъ дурному, такъ и хорошему вліянію каждаго болѣе ея сильнаго и краснорѣчиваго человѣка, но то и другое быстро соскальзывало съ нея, не зацѣпляясь ни за ея сердце, ни за мозгъ. Красивыя слова и мысли, вычитанныя или услышанныя ею, производили на нее чарующее впечатлѣніе, но она никогда не разбиралась, правильны онѣ или нѣтъ, справедливы или несправедливы, но тотчасъ вводила ихъ въ свои разговоры и разсужденія, иногда даже невпопадъ. Послуживъ ей недолго, эти мысли и слова быстро исчезали изъ ея лексикона, но приносили ей нерѣдко большія непріятности: чужія выраженія, иногда весьма злыя и остроумныя шутки, которыя она пускала въ оборотъ, не называя источника, высказывались ею не для того, чтобы уязвить кого-нибудь, но потому, что онѣ казались ей красивыми и оригинальными, а какія онѣ могутъ имѣть послѣдствія, объ этомъ она никогда не думала.

Влюбчива она была до невѣроятности, то и дѣло мѣняя одинъ предметъ страсти на другой. Уже будучи взрослою дѣвушкой на выпускѣ, когда при новомъ режимѣ въ институтѣ исчезло пресловутое «обожаніе», ей случалось влюбляться въ преподавателя, которому за нѣсколько дней передъ тѣмъ она наговорила дерзости, коробившія ея подругъ. Когда у нея являлся новый «предметъ страсти», она всѣмъ надоѣдала разговорами о немъ и своими восторгами. Ей кричали: «Ахъ ты, сума переметная!», но ее гораздо болѣе выводило изъ себя, когда воспитанницы хоромъ пѣли: «Ахъ, Аннета, что же это?» модулируя эту фразу то въ насмѣшливомъ, то въ угрожающемъ, то въ укоризненномъ тонѣ. Она тогда на всѣхъ кричала, топала ногами, бранилась и кончала рыданіями съ истерическими выкриками. Такою она была, такою и осталась въ то время, когда появилась на нашемъ горизонтѣ.

Ивановская то и дѣло находилась въ какомъ-то возбужденномъ, повышенномъ состояніи: ея чувства, желанія, настроенія, взгляды, понятія о людяхъ, ея симпатіи и антипатіи очень часто мѣнялись. Ее нельзя было назвать ни умной, ни глупой, ни злой, ни доброй. Въ настоящее время ее, вѣроятно, считали бы психопаткою, но тогда этотъ эпитетъ не былъ еще общераспространеннымъ, и тотъ, кто ее близко зналъ, называлъ ее истеричкою.

Мы, подруги Ивановской, находили ея внѣшность эффектною, думали, что она будетъ нравиться. И дѣйствительно, съ перваго взгляда она казалась привлекательною. Она была средняго роста, худощавая, но пропорціонально сложенная, съ тонкою, красивою таліею, съ густыми, черными, какъ воронье крыло, волосами и съ такими же черными, густыми бровями дугой. Но, приглядѣвшись къ ней поближе, въ ея наружности обыкновенно открывали много дефектовъ. Одни говорили, что черты ея лица такъ мелки и что рѣзецъ ея творца такъ мало углубилъ ихъ, что она уже въ среднемъ возрастѣ будетъ представлять стертую монету. Другихъ поражали ея голубые, слишкомъ свѣтлые глаза, лихорадочно блестѣвшіе во время нервнаго возбужденія, а въ болѣе спокойныя минуты не имѣвшіе никакого выраженія, точно они были изъ фарфора, разрисованнаго черезчуръ водянистою голубою краской. Но болѣе всего поражалъ блѣдно-молочный, безъ малѣйшаго румянца, цвѣтъ ея лица, которое рѣзко выдѣлялось изъ рамки черныхъ волосъ, за что съ перваго ея появленія у насъ ее прозвали «мухою въ молокѣ».

Аня переоцѣнивала свои внѣшнія и психическія качества, подозрѣвала каждаго, кто подольше останавливалъ на ней свой взглядъ, что она пронзила его сердце стрѣлой Амура, и начинала съ нимъ кокетничать напропалую, говорить еще болѣе фразисто, чѣмъ обыкновенно, и кончалось тѣмъ, что производила дурное впечатлѣніе.

Наша совмѣстная жизнь приносила и Ивановской, и намъ множество неудобствъ. Неаккуратная и разсѣянная вообще, а тѣмъ болѣе въ нашемъ домѣ, гдѣ она не имѣла собственнаго угла, она всюду разбрасывала свои вещи, безпрестанно умоляла прислугу отыскать ей то одно, то другое. Поздно вставая по утрамъ, она мѣшала намъ пить чай въ столовой и много прибавила хлопотъ и работы служащимъ, которымъ она вообще пришлась не по душѣ. Ни обязанностей, ни занятій у нея не было въ это время: она любила читать и читала, но книга, какъ и всякая работа, скоро ей надоѣдала. Тогда она шла къ кому-нибудь изъ насъ: поговоривъ съ нею нѣсколько минутъ, какъ я, такъ и Тоня (когда дѣло касалось болтовни, Аня забывала антипатію къ ней), отдѣ-

лывались отъ нея чѣмъ-нибудь въ такомъ родѣ: «а ты не читала такой-то статьи? Непремѣнно прочти, очень интересная», и совали ей номеръ журнала. Тогда она отправлялась къ Василію Ивановичу: «Пожалуйста, поговорите со мною», упрашивала она его. Онъ имѣлъ привычку такъ уходить въ свои занятія, что не видѣлъ и не слышалъ, что дѣлается вокругъ. Но когда она повторяла свою просьбу во второй и третій разъ, онъ отрывался отъ своей рукописи, смотрѣлъ на нее непонимающими глазами и какъ-то испуганно спрашивалъ: «Что, что такое случилось? Ахъ, поболтать... Хорошо. Очень радъ!» Онъ быстро вставалъ, набивалъ свою трубку и, покуривая, начиналъ шагать по кабинету. «Пожалуйста, Анна Петровна, говорите, я васъ слушаю»...

— Что же я могу сказать? Вы все знаете обо мнѣ! Я не скрыла отъ васъ, что до сихъ поръ жила при условіяхъ, убивающихъ всякую мысль.

— Но вы достаточно уже имѣли времени, чтобы создать надлежащее содержаніе для своей жизни, обдумать, къ чему васъ болѣе всего влечетъ и начать серьезно и систематично работать въ этомъ направленіи.

— Я не лѣнтяйка. Работаю, но работать съ утра до разсвѣта— слуга покорный... Знаете ли, во что вы превратили свою жизнь? Въ фабрику писанія, въ фабрику чтенія, въ фабрику работы безъ просвѣта и отдыха! Работая такъ, вы скоро разучитесь и думать.

— Нельзя сказать, чтобъ мы работали безъ отдыха: у насъ пріемные дни, и мы сами, хотя правда очень рѣдко, но все же посѣщаемъ знакомыхъ. А что много приходится работать, что же дѣлать? Знаете пословицу: не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ.

Но трубка была уже выкурена, и Василій Ивановичъ садился за свой столъ. «Вы, пожалуйства, продолжайте говорить, Анна Петровна, я буду васъ слушать. Мнѣ нужно только одну строчку дописать». Но какъ только онъ садился въ кресло и наклонялся надъ бумагой, такъ буквально ничего не видѣлъ и не слышалъ, не отвѣчалъ даже, когда Аня о чемъ нибудь спрашивала его, не замѣчалъ и того, что въ ея голосѣ слышались истерическія нотки, что она укоряла его и весь свѣтъ въ индифферентизмѣ по отношенію къ ней и, наконецъ, раздраженная невниманіемъ, хлопала дверью кабинета и выходила.

Однажды я возвратилась изъ школы нѣсколько ранѣе обѣда. Няня объявила мнѣ, что нѣтъ никого дома и что Антонина Николаевна приказала передать мнѣ, что она получила отъ крестнаго письмо и двѣ корзины съ гостинцами, которыя ей передалъ разсыльный. Въ одной изъ корзинъ были банки съ

варенъемъ, предназначенныя для меня, а въ другой—домашнее печенье и пряники для Тони. «Эти четыре банки съ варенъемъ и корзину барышня просила васъ спрятать, а сама уѣхала къ барынѣ, которая все это привезла ей. И подумайте только: когда за барышней захлопнулась дверь, а «она-то» и шасть въ столовую...»

— Кого же это, няня, вы называете «она-то»?—перебила я ее, прекрасно понимая, кого она имѣетъ въ виду.

— Да наша-то новая жиличка.

— Вѣдь вы же называете по имени Антонину Николаевну, а эту барышню должны называть Анной Петровной.

— Развѣ жъ ихъ можно приравнять другъ къ дружкѣ? Антонина Николаевна наша, какъ есть настоящая барышня, умная, дѣловитая, а вѣдь эта же какая-то шальная!

— Прошу васъ, няня, не говорите мнѣ такъ о ней.

— Да какъ же ее такъ не называть? посудите сами: какъ только за нашей барышней захлопнулась дверь, «она» вытянула банку изъ корзины, схватила ложку и ну лакать варенье, какъ кошка молоко. А я ей вѣжливо-превѣжливо говорю: «Какъ же это вы насчетъ варенья не соблюдаете никакой аккуратности? Вѣдь это не каша. Вотъ пообѣдаете, такъ навѣрно къ чаю варенье и будетъ подано». А она мнѣ: «у васъ все размѣрено, все разсчитано по линеечкѣ да по ниточкѣ, а я этого терпѣть не могу!» Ну, и нахлебалась же «она»... больше фунта сразу отхватила....»

— Стоитъ объ этомъ говорить!—и я, чтобы унять потокъ нянииныхъ рѣчей, направилась въ свою комнату.

— Нѣтъ, ужъ какъ хотите, Ел. Ник., а чтобъ не вышло чего, вы ужъ разберите насъ съ нею.

— Кого и съ кѣмъ разобрать?

— Да меня и кухарку Варвару съ Анною Петровною. Прибѣжала это она къ намъ намедни въ кухню и ну насъ упрашивать дать ей взаймы рублей шесть. Какъ ни уговаривала она насъ, какъ ни божилась, что отдастъ на будущей недѣлѣ, а все-таки не уломала ни меня, ни Варвару. Видимъ, что барышня вѣтрогонъ, чего ради намъ деньги наши терять! Ушла. Бѣгаетъ по комнатѣ сердитая такая, къ барину пристаетъ: «Тоска душу мою изсушила»... И безсовѣстная же она: не стыдится даже барина безпокоить, а онъ изъ-за работы по ночамъ не спитъ....

— Чего только вы не наплели, няня! Кончайте же то, что вы начали...

— Такъ вотъ она опять прибѣжала къ намъ, держитъ въ рукахъ два платья, бросила ихъ на Варварину кровать и говоритъ: «Въ долгъ не хотите дать, такъ вотъ я вамъ ихъ продаю по

три рубля за каждое. Давайте шесть рублей, и оба платья ваши. Сдѣланы они мнѣ этою осенью, пятьдесятъ рублей за нихъ дадено, а я вамъ за шесть рублей уступаю. Одѣвала я ихъ не больше, какъ по два, по три раза». Подумали мы, подумали съ Варварушкой и разсудили: лифа-то не годятся для насъ, она ужъ больно щупленькая, а юбки можно приноровить: матерія дорогая. Дали мы ей шесть рублей, да потомъ насъ думка взяла: какъ-бы съ ей какого грѣха не нажить. И рѣшили мы вамъ все разсказать.

— Эти шесть рублей считайте за мной. Черезъ недѣли двѣ-три я или возвращу вамъ эти деньги и передамъ платья Аннѣ Петровнѣ, или ваши деньги останутся у нея, и вы будете дѣлать съ вашею покупкою, что вамъ заблагоразсудится. А до тѣхъ поръ прошу васъ не дотрогиваться до этихъ платьевъ.

Въ эту минуту раздался звонокъ, и я увидала входящую Аню, нагруженную тюричками и корзиночками.

— У, какой собачій холодъ! Совсѣмъ окоченѣла.... а ты бери и наслаждайся....—тараторила она, бросая покупки на столъ и подвигая ихъ ко мнѣ.—Чудеснѣйшіе финики, а здѣсь миндаль, шептала, всѣ сладости, которыя я обожаю! А вотъ это божественныя копченки! У, какъ холодно! Нянечка: не въ службу, а въ дружбу, отыщите мой теплый платокъ, цѣлую горсть сладостей за это получите. А ты, принцесса, почему ни до чего не дотрогиваешься?

— Отчего ты такъ озябла? Вѣдь твое пальто на пуху?

— Что же дѣлать, когда оно меня не согрѣваетъ! Говорила фатеру, чтобы шубу купилъ, ну, да онъ по обыкновенію пожадничалъ.

— А что за нужда была тебѣ сегодня выходить?

— Ну, милая моя, ты никогда не поймешь, что человѣкъ отъ тоски у васъ можетъ ошалѣть! Вотъ я побѣгала по гостиному двору, заглянула въ кое-какіе магазины, прокатилась, ну, и размыкала грусть-тоску.—И она отправилась въ кухню съ своими тюричками и корзиночками и высыпала нянѣ и кухаркѣ въ передникъ и на столъ столько гостинцевъ, что почти опустошила свои сверточки.

Наконецъ, возвратилась Тоня. Вотъ что она намъ сообщила: Елена Павловна Ермолаева съ двумя дѣвочками и съ своимъ мужемъ, который служилъ въ Воронежѣ, жили въ этомъ городѣ, гдѣ обѣ ея дочери 11-ти и 12-ти лѣтъ учились въ частномъ пансіонѣ. Лѣто они проводили въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ своемъ имѣніи, куда къ нимъ изъ Петербурга обыкновенно пріѣзжалъ ихъ сынъ Александръ Петровичъ Ермолаевъ, окончив-

шій курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ юнкерскихъ училищъ. Въ настоящее время онъ офицеръ, человѣкъ лѣтъ 26—27.

Когда Тоня произнесла эту фамилію, она улыбалась и съ крайнимъ удивленіемъ смотрѣла то на меня, то на Василія Ивановича.—Да развѣ вы забыли, что это тотъ самый А. П. Ермолаевъ, который оказался моимъ спасителемъ и рыцаремъ? Это удивительное совпаденіе меня крайне поражаетъ! Неужели, В. И., вы не согласитесь, что это что-то крайне таинственное и непостижимое въ моей судьбѣ?

— Часъ отъ часу не легче! При вашихъ институтскихъ понятіяхъ и бредняхъ вы еще ударяетесь въ мистицизмъ! Только этого и не хватало! А между тѣмъ это подтверждаетъ только одно: вмѣстѣ съ допотопными предразсудками вамъ вбивали еще и суевѣрный страхъ передъ самыми обыденными явленіями.

— А вотъ я,—гордо замѣтила Аня,—не придаю ни малѣйшаго значенія примѣтамъ, меня не одолѣваютъ ни предразсудки, ни суевѣрія.

— Но вѣдь ты ни малѣйшаго значенія не придаешь и здравому смыслу!—насмѣшливо возразила Тоня.

— О чемъ же ты сегодня разговаривала съ твоимъ рыцаремъ? Знаетъ его мать о томъ, что онъ явился твоимъ спасителемъ?—спросила я ее.

— Оказывается, что какъ только онъ услыхалъ отъ матери мою фамилію и о томъ, что она приглашаетъ меня въ качествѣ учительницы къ его сестрамъ, онъ только тогда разсказалъ ей о приключеніи со мной. Вѣдь это тоже говоритъ въ его пользу! У него, значитъ, нѣтъ привычки хвастаться своими подвигами. Когда М-me Ермолаева условилась со мною насчетъ моихъ занятій съ ея дочерьми, она позвала своего сына. Я тутъ только въ первый разъ разсмотрѣла его, какъ слѣдуетъ. Вѣдь тогда я была въ такомъ волненіи, что у меня все было въ туманѣ... Увы, увы, въ этомъ рыцарѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ рѣшительно ничего привлекательнаго. Вѣдь, когда я вспоминала этотъ злополучный инцидентъ, Ермолаевъ всегда представлялся мнѣ не иначе, какъ въ самомъ благородномъ свѣтѣ, сіялъ передо мною своею геройскою доблестью. Можетъ быть, все это такъ и есть, но въ его наружности, въ его словахъ, улыбкѣ, въ манерѣ говорить, однимъ словомъ рѣшительно во всемъ, онъ мнѣ показался такимъ незначительнымъ, такимъ неумнымъ человѣкомъ... Да, полное разочарованіе!

— Почему же Ермолаева именно тебѣ предложила урокъ?

Оказалось, что Ермолаевы хорошо были знакомы съ ея опекуномъ, который нерѣдко посѣщалъ ихъ домъ, и члены этой семьи

очень любили его. Когда умеръ мужъ Елены Павловны, ей пришлось продать имѣніе и переселиться въ Петербургъ. Она желаетъ жить вмѣстѣ со всѣми дѣтьми и отдать дочерей въ гимназію во второй и третій классъ. Вотъ Ермолаева и рѣшила взять учительницу, которая бы подготовляла дѣвочекъ въ гимназію. Она очень рада, что опекунъ Тони, котораго она привыкла считать добросовѣстнымъ человѣкомъ, рекомендовалъ ей свою крестницу, какъ надежную учительницу для ея дочерей. Ермолаева предложила Тонѣ 40 рублей въ мѣсяцъ за три часа ежедневныхъ занятій,—такое вознагражденіе считалось въ то время превосходнымъ. Тоня съ восторгомъ приняла предложеніе. На эти занятія у Ермолаевыхъ она смотрѣла, какъ на великое счастье, свалившееся на нее съ неба. Она сейчасъ же принялась совѣщаться съ В. И. о томъ, что слѣдуетъ ей почитать по разнымъ предметамъ гимназическаго преподаванія, чтобы съ большею подготовкою приступить къ занятіямъ. Она хотѣла немедленно послѣ обѣда отправиться закупать указанныя ей книги, но сильный холодъ и позднее время заставили насъ уговорить ее отложить эту поѣздку до слѣдующаго дня.

— А знаешь ли,—сказала мнѣ Тоня,—я вѣдь на тебя въ большой обидѣ. Я разсчитывала, что ты отнесешься съ восторгомъ къ счастью, которое такъ неожиданно выпало на мою долю, а ты приняла это почти равнодушно. Даже не поболтала со мною объ этой поразительной встрѣчѣ съ Ермолаевымъ. Вѣдь при В. И. нельзя объ этомъ говорить.

— Это правда, Тонюша... Но что же мнѣ дѣлать, когда я до такой степени поглощена теперь Аниными дѣлами. Предчувствую, что она надѣлаетъ намъ много хлопотъ съ своими авантюрами, втянетъ насъ въ какую-нибудь скверную исторію...—и я разсказала о продажѣ Анею платьевъ прислугѣ, о сластяхъ, накупленныхъ на вырученныя деньги, передала ей мой страхъ, что она не сегодня-завтра продастъ свою дорогую шубу, чтобы имѣть деньги на покупку конфетъ, безпокоила меня и мысль о томъ, кому принадлежитъ эта шуба.

— Хотя бы ты съѣздила поговорить о ней съ ея отцомъ, съ сестрами, съ теткой. Это могло бы тебѣ что-нибудь выяснить, заставило бы поговорить съ нею серьезно о томъ, почему она безъ основательной причины, въ чемъ я не сомнѣваюсь, убѣжала отъ отца. А ты относишься ко всему пассивно, но не потому, что ты пассивна по натурѣ, а потому что у тебя ложное представленіе о деликатности, или, короче сказать, ты тряпка и еще тысячу разъ тряпка!

Я не могла протестовать противъ этого, столь нелестнаго обо

мнѣ мнѣнія, потому что находила въ немъ много справедливаго. Къ сказанному объ Анѣ я еще могу прибавить, что ея постоянныя приставанія къ намъ, чтобы мы ее развлекали, казались мнѣ особенно назойливыми, но я не рѣшалась замѣтить ей и относительно этого. Не разогналъ тоску Ани и «вторникъ», на который она возлагала преувеличенныя ожиданія. Она надѣялась потанцовать, но танцы не состоялись, мечтала встрѣтить Ушинскаго, но онъ не пришелъ. Единственнымъ результатомъ перваго собранія у насъ послѣ ея переселенія было то, что панъ Шершневскій всецѣло овладѣлъ ея вниманіемъ. Такъ какъ она просидѣла съ нимъ цѣлый вечеръ, то я и спросила ее, какой матерьялъ она могла найти для разговора съ нимъ.

— Сначала онъ по обыкновенію говорилъ мнѣ комплименты, а затѣмъ прибавилъ: «Вы не знаете, какой я несчастный человѣкъ! Ни одна женщина до сихъ поръ не позволила мнѣ добровольно поцѣловать ее. Будьте же вы моей Эгеріею, моею прекрасною феей, которая первая пожалѣетъ меня!» и онъ сказалъ это съ такою грустью, что я до сихъ поръ не могу этого забыть. Мнѣ такъ стало его жалко... Знаешь, мнѣ кажется, что вы слишкомъ сурово относитесь къ нему.

— Единственное сочувствіе, которое онъ желаетъ вызвать, это, чтобъ женщины его цѣловали. Слѣдовательно и ты отнеслась къ нему безжалостно.

— Вотъ еще! Цѣловаться съ такимъ уродомъ, да еще при всѣхъ! А я вотъ что надумала: не предложить ли ему фиктивный бракъ со мной? Тогда во время бракосочетанія мы должны будемъ поцѣловаться.... Что-же.... въ благодарность за его согласіе, да еще ради такого случая, и только одинъ разъ, я могу дать ему возможность поблаженствовать....

— Аня! Ты просто приводишь меня въ ужасъ! Для того, чтобы осчастливить его своимъ поцѣлуемъ, ты готова вступить съ нимъ въ фиктивный бракъ! Это слушать даже страшно! Я знаю нѣсколько такихъ браковъ, и всѣ они кончались не только очень печально, но въ большинствѣ случаевъ и трагично! Къ тому же вѣдь ихъ заключаютъ вслѣдствіе какихъ-нибудь препятствій со стороны родителей: когда не отпускаютъ дочь учиться, не соглашаются на ея бракъ съ любимымъ человѣкомъ. А ты никогда не говорила намъ ни о чемъ подобномъ...

— Мнѣ необходимъ фиктивный бракъ, чтобы навсегда развязаться съ фатеромъ. Онъ толкнулъ меня на постылое мѣсто гувернантки, онъ и въ другихъ отношеніяхъ можетъ выкинуть что-нибудь подобное. Вотъ я и хочу выйти замужъ, хотя фиктивно,

чтобы навсегда избавиться отъ какого бы то ни было насилія и самодурства съ его стороны.

Жизнь Ивановской у насъ съ каждымъ днемъ все болѣе пугала меня: она у всѣхъ насъ занимала деньги и съ такою же просьбою обращалась къ нашимъ знакомымъ. Однимъ изъ нихъ она говорила, что забыла деньги дома, а ей необходимо поблизости зайти въ магазинъ, другихъ увѣряла, что пришлетъ свой долгъ завтра. Я, наконецъ, рѣшилась сказать, что ей необходимо искать занятій и поговорить объ этомъ съ Ушинскимъ. Она отвѣчала, что постоянно думаетъ, какъ бы ей найти платную работу, но не рѣшалась безпокоить Ушинскаго, а теперь, по моему совѣту, черезъ дня два отправится къ нему.

На другой день послѣ завтрака, когда кромѣ меня никого не было дома, я вдругъ услыхала изъ своей комнаты, какъ кто-то вскрикнулъ. Я бросилась въ столовую и вотъ что увидала: бархатная шуба на черно-бурой лисицѣ была разостлана на столѣ. Ивановская, съ ножницами въ рукахъ, уже отрѣзала отъ нея снизу одного полотнища съ четверть аршина (мѣхъ вмѣстѣ съ бархатомъ). Въ эту минуту неожиданно вошла въ столовую няня Ани, вскрикнула и, съ ужасомъ всплеснувъ руками, оттолкнула ее отъ стола и схватила шубу.

— Пресвятая Богородица! Да что ты, Анночка... И взаправду совсѣмъ рехнулась! Вѣдь это шуба, какъ твоя, такъ и твоихъ сестеръ!

Нужно замѣтить, что няню Ивановской знали всѣ подруги Ани. Она нерѣдко приходила въ институтъ на свиданіе съ нею и оказывала намъ всевозможныя услуги: бросала въ почтовый ящикъ письма тѣхъ изъ насъ, кто не желалъ ихъ показывать классной дамѣ, исполняла наши маленькія порученія относительно покупокъ. Мы всѣ были чрезвычайно признательны ей, и она оставила въ насъ о себѣ одно изъ лучшихъ институтскихъ воспоминаній, какъ о необыкновенно добромъ, миломъ существѣ, безконечно любящемъ свою Анночку.

— Да что же это она съ нами дѣлаетъ!—заговорила няня послѣ того, какъ мы съ нею обнялись и расцѣловались. На одну руку она бросила шубу, а другою вытирала платкомъ катившіяся по щекамъ слезы и сѣла на стулъ возлѣ меня.—Пошла жить къ чужимъ людямъ.... Здѣсь-то вѣдь нѣтъ такихъ ребятъ, чтобы ты могла обучать (обращалась она къ Анѣ). Здѣшняя прислуга разсказала мнѣ, какъ ты имъ продала за шесть рублей свои дорогія платья, а теперь ты къ шубѣ подобралась! Мы только сегодня хватились ее! Папенька утромъ привелъ покупателя на эту шубу и велѣлъ мнѣ показать ему ее. Я туда-сюда, а шубы

нѣтъ какъ нѣтъ. Спасибо, сестрицы надоумили: «навѣрно», говорятъ, «Анночка съ собою захватила». — Анночка, дѣтка моя дорогая!—вдругъ подбѣжала къ ней няня, не выпуская изъ рукъ шубы и обнимая ее другою рукой. Да кто же тебѣ дома чѣмъ поперечилъ? Вѣдь если кто тебя когда и побранитъ, такъ только я одна...

— Ахъ, нянечка,—сквозь слезы проговорила Аня, страстно обнимая и цѣлуя свою няню въ глаза, лицо, хватая цѣловать ея руки, которыя та отнимала.—Ты святая! Ты во всемъ нашемъ домѣ единственно хорошая! Я больше всѣхъ люблю тебя.

— Вѣдь вотъ всѣхъ васъ троихъ вынянчила, всѣхъ растила, за всѣми ночей не досыпала, всѣ вы точно клещами въ сердце мое впились. Стрясется съ вами что неладное, и все мое нутро переворачивается... А все же изъ васъ-то троихъ сестеръ мнѣ тебя жальчѣе всѣхъ... Да чего мнѣ за сестеръ твоихъ изнывать? Катюша—дѣвица разумная, только двумя годиками постарше тебя, а ужъ давно поставила себя по настоящему. Шутка ли сказать, отъ своихъ трудовъ въ хозяйство тридцать рублей каждый мѣсяцъ вноситъ! А въ этомъ году не позволила теткѣ въ гимназію за Олечку платить, все до копеечки сама внесла. На свои трудовыя денежки обуваетъ, одѣваетъ себя и васъ сестеръ, и меня старуху то и дѣло одариваетъ. Да и за Олечку нѣтъ у меня страху: всѣ больно похваливаютъ ее за ученіе, къ родителю своему она почтительна, къ теткѣ внимательна, вижу—вся пошла въ старшую сестру. Вѣдь ты одна у насъ, Анночка, какая-то неудачница, точно въ родѣ какъ шалая какая.... Дѣвица ты взрослая, а сердчишко-то и умъ у тебя ребячьи, что ни часъ—подавай тебѣ новенькое, а разумъ-то плохой, чтобы разсудить, худо то, хорошо ли, чего захотѣлось. И, Господи, Боже мой, до чего ты злосчастная, дѣтка моя родная! Ну, какъ же мнѣ тебя больше всѣхъ не жалѣть? Головушка твоя безпутная, вѣтромъ набитая, сколько мукъ мученическихъ ты еще примешь, сколько горя ты себѣ еще надѣлаешь!—послѣднія фразы няня уже какъ-то мучительно выкрикивала, рыдая, обливаясь горючими слезами.

Я взглянула на Аню, вотъ-вотъ ожидая отъ нея вспышки или рѣзкаго отпора за сказанное. Я думала, что она непремѣнно вскипитъ, отрѣжетъ какую-нибудь дерзость своей нянѣ за ея до невѣроятности простосердечныя и наивныя слова, которыя могли такъ мало польстить самолюбію и тщеславію Ани. А она вдругъ бросилась передъ ней на колѣни, уткнула въ нихъ свою несчастную голову и рыдала.

Только при словахъ этой простодушной, любвеобильной старушки я поняла всю глубину несчастнаго характера Ани. Тотъ,

кто зналъ ее, находилъ, что всѣ свои дикія выходки она считаетъ незаурядными, красивыми, а каждый благоразумный поступокъ—мѣщанскимъ, лишеннымъ поэзіи. Въ такомъ духѣ она постоянно оправдывалась передъ нами въ своихъ безчисленныхъ странностяхъ. Вотъ это-то болѣе всего и раздражало меня и скопляло въ моей душѣ противъ нея порядочный грузъ неудовольствія. Но сцена, только что происшедшая передъ моими глазами, тяжкія рыданія Ани на колѣняхъ передъ нянею краснорѣчиво подсказывали мнѣ, что она отлично знаетъ цѣну своимъ словамъ и поступкамъ. Но ей не дано силы воли и энергіи измѣнить, передѣлать свой характеръ, неустойчивость котораго, вѣроятно, сильно зависѣла отъ истеріи. Всѣ фибры ея души всегда были напряжены, взвинчены или въ конецъ расшатаны; ея выходки не сожалѣніе возбуждали въ насъ, а одно раздраженіе. Только няня, эта полуграмотная старуха, глубоко поняла ее своею чуткою, любящею душою, своею безхитростною мыслью. И вдругъ страстная жалость къ ней охватила мою душу, и я выбѣжала въ другую комнату.

— Да встань ты, не убивайся, дѣтка, никто какъ Богъ: можетъ онъ тебя еще и выправитъ. Скажи ты мнѣ, какая же это въ твоей головенкѣ мыслишка завязла, что ты вдругъ взяла, да и откромсала эдакой кусище отъ дорогой шубы?

— Мнѣ холодно на улицѣ: моя шубка мало грѣетъ. Хотѣла завтра ѣхать къ одному господину работы просить, да боялась замерзнуть.

— И разумъ же у тебя какой плохой! Сама разсуди: ужъ ежели рѣзать рѣшила, такъ отдала бы хорошему портному, онъ бы и обрѣзалъ и подшилъ... А то вдругъ сама! Себѣ передника скроить не умѣешь, а тутъ взялась хозяйничать надъ драгоцѣннымъ мѣхомъ да бархатомъ. Я вѣдь давно тебя ищу: у тетеньки чуть не каждый день справляюсь, къ твоей подружкѣ на Фурштадтскую бѣгала и всюду ношу съ собой пуховый платокъ,—знаю, что ты въ такіе холода всегда мерзнешь. И сюда его притащила. Да поѣдемъ мы съ тобой, Анночка, домой! Чай вѣдь ты чужимъ людямъ давно въ тягость!

— Нѣтъ, нянечка, ни за что! Подумай, что мнѣ отецъ за шубу сдѣлаетъ...

— Ахъ, Анночка, Анночка, вотъ вѣдь какая ты: блудлива, какъ кошка, а труслива, какъ заяцъ! И чего тебѣ папеньку-то опасаться? Не драчунъ онъ, не сквернословъ, и строгости-то въ немъ нѣтъ никакой. А что по головкѣ не погладитъ—это вѣрно. Такъ вѣдь сколько ты ему непріятностей и срамотины надѣлала: въ чужой домъ ни за что, ни про что сбѣжала, а теперь опять съ

драгоцѣнной шубой—дѣтскимъ достояніемъ всѣхъ васъ троихъ сестеръ—ты какихъ дѣловъ надѣлала? Ну, и смирись, проси прощенія. Онъ проститъ: знаетъ, что ты не по своей волѣ чудишь.

Но на всѣ ея уговоры Аня отвѣчала отрицательно.

На другой день утромъ кухарка доложила, что господинъ Ивановскій желаетъ видѣть меня и Василія Ивановича и очень проситъ его принять. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ просилъ позвать его дочь. Я обошла всѣ комнаты и нигдѣ не нашла ее. Вдругъ она выскочила изъ одного уголка, образуемаго открытою дверью, и, чтобы нашего разговора не было слышно въ столовой, потащила меня черезъ коридоръ въ другую комнату. «Скажи отцу, что я не выйду. Изъ моего угла мнѣ отлично слышно все, что вы будете говорить», прошептала она мнѣ на ухо. Когда я передала Ивановскому, что дочь его не желаетъ выйти, онъ сказалъ: «Я хотѣлъ при ней сообщить нѣкоторые факты, относительно которыхъ она могла бы возражать, если бы они были не совсѣмъ точно переданы мною. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что она подслушиваетъ у какой-нибудь двери. Такъ вотъ: двѣ вещи ее особенно сильно раздражаютъ. Считаю себя вынужденнымъ сказать вамъ, что я лишь три послѣдніе года получаю по сто рублей въ мѣсяцъ. При нашей семьѣ въ пять душъ это слишкомъ скромная цифра, чтобы взрослымъ членамъ семьи можно было обходиться безъ работы. Если мы теперь, и особенно прежде, не испытали тяжелыхъ лишеній, то этимъ мы исключительно обязаны заботливости няни. Образованіе я далъ моимъ дочерямъ только благодаря моей родной сестрѣ, а ихъ теткѣ. Получая 90 рублей въ мѣсяцъ вдовьей пенсіи, она болѣе половины ея тратила на уплату въ учебныя заведенія за своихъ племянницъ, а моихъ дочерей. Сама же она до послѣдняго времени жила совершенно по-студенчески. Старшая моя дочь, Катя, окончивъ курсъ консерваторіи, сейчасъ же принялась за уроки и большую часть заработка тратитъ на семью. Мнѣ не пришлось напоминать ей объ ея обязанностяхъ: она сама все разыскала, сама рвалась къ труду. Что же касается Ани, то прошло уже болѣе полугода послѣ окончанія педагогическаго курса, она продолжала говорить о своемъ стремленіи къ свѣту, а сама не двигалась съ мѣста; только тогда я въ первый разъ напомнилъ ей, что пора взяться за дѣло. Я узналъ отъ близкихъ знакомыхъ, что въ одномъ порядочномъ семействѣ, въ пяти часахъ ѣзды отъ Петербурга, требуется гувернантка къ десятилѣтней дѣвочкѣ. Я дѣйствительно настоялъ на томъ, чтобы Анночка взяла это мѣсто, и тогда же замѣтилъ, что это ее крайне раздражило. Анночка не должна оставаться безъ дѣла уже потому, что отъ бездѣлья она особенно

нервничаетъ и чудитъ. Проживъ три мѣсяца гувернанткою, она бросила мѣсто. Хозяйка дома такъ объяснила мнѣ ея уходъ: десятилѣтняя дочка этой дамы вдругъ начала натирать свое лицо клюквой и, когда мать побранила ее за это, сказала: «Анна Петровна каждое утро краситъ свои щеки румянами, чтобы сдѣлать ихъ розовыми.... У меня нѣтъ румянъ, а тоже блѣдный цвѣтъ лица, вотъ я и начала румяниться клюквой». Имѣйте въ виду, что хозяйка дома вовсе не отказывала Анночкѣ отъ мѣста, а замѣтила ей только, что въ качествѣ гувернантки ей совсѣмъ не подобаетъ румяниться, тѣмъ болѣе въ присутствіи своей воспитанницы. Отвѣтомъ Анночки былъ отказъ отъ мѣста. Послѣ этого она прожила дома еще четыре мѣсяца. За день или за два до ея побѣга къ вамъ я замѣтилъ, что ей бы слѣдовало поискать какихъ-нибудь занятій. Такъ какъ она не довольна была мѣстомъ гувернантки, которое я подыскалъ ей, то я просилъ ее искать работу уже самостоятельно. Вотъ это, видимо, такъ ее раздражило, что она, не простившись ни со мной, ни съ сестрами, оставила родной домъ. Катя и Оля, несмотря на множество занятій, все же находятъ время забѣжать иногда къ теткѣ, которая, чтобы дать имъ образованіе, часто лишала себя самаго существеннаго; онѣ играютъ съ нею въ лото, картишки или читаютъ ей что-нибудь. Ихъ тетка въ восторгѣ отъ посѣщеній своихъ племянницъ. Только одна Анночка не находитъ для этого времени, а когда забѣжитъ какъ-нибудь разъ въ мѣсяцъ, и то, когда сестры застыдятъ ее, что она не желаетъ провѣдать тетку, она долго послѣ этого ворчитъ, повторяя, что ей скучно проводить время съ умственно убогою старухою. Когда я однажды услыхалъ это, это было за день или за два до ея бѣгства, я высказалъ ей, насколько жестоко и неприлично съ ея стороны такое отношеніе къ родной теткѣ. Вотъ двѣ причины, которыя могли повліять на то, что Анночка бросила нашъ домъ.

Затѣмъ Ивановскій спросилъ, предполагаетъ ли его дочь окончательно поселиться у насъ, и въ такомъ случаѣ какія она будетъ нести обязанности въ нашемъ домѣ. Этотъ неожиданный вопросъ совсѣмъ переконфузилъ меня. Послѣ продолжительной паузы я отвѣчала, что мы не говорили съ ней ни о чемъ подобномъ, что у насъ нѣтъ никакого для нея дѣла, нѣтъ для нея и особой комнаты, и что она выноситъ у насъ большія неудобства, такъ какъ спитъ здѣсь, въ столовой.

Ивановскій вынулъ восемь рублей и, протягивая ихъ мнѣ, просилъ отдать прислугѣ: шесть рублей на выкупъ платьевъ, а два рубля за то, что они не были использованы ими. Дочери своей онъ просилъ передать, что она можетъ возвратиться домой, когда ей угодно, безъ объясненія причинъ своего бѣгства.

Весь этотъ день Аня ходила мрачная, съ заплаканными глазами и не только ни разу не вспомнила объ «эгоизмѣ» и «консерватизмѣ» отца, но не проронила о немъ ни слова.

VIII.

Дурное настроеніе Ани быстро исчезло: она уже на другой день была весела, какъ птичка, и съ утра щебетала на разные лады о своемъ предчувствіи, что сегодня (это былъ вторникъ) судьба навѣрно пошлетъ ей счастье увидѣть Ушинскаго, «этого геніальнаго, этого необыкновеннаго, этого исключительнаго человѣка». Вѣдь она и жить-то считаетъ возможнымъ только, потому что на свѣтѣ существуетъ такая личность, какъ Ушинскій, «этотъ свѣточъ, это солнышко». Предчувствія не обманули ея.

Въ послѣднее время какъ-то само собой установилось, что по вторникамъ, ранѣе остальныхъ гостей, къ намъ являлись панъ Шершневскій и Николай Александровичъ Маньковичъ: первый, вѣроятно, потому, что не былъ обремененъ занятіями, а послѣдній, чтобы подольше созерцать предметъ своей страсти. Тоня въ разгаръ своей усиленной дѣятельности была такъ погружена въ работу, что рѣдко выходила изъ своей комнаты раньше девяти часовъ, когда собирались уже многіе; поэтому Маньковичъ старался подсѣсть ко мнѣ, чтобы поговорить о Тонѣ. Меня это начинало все болѣе тяготить. Я прекрасно видѣла, что его страсть къ Тонѣ все болѣе усиливалась, а она, попрежнему не выказывая ему ни малѣйшаго предпочтенія передъ другими, съ удовольствіемъ болтала съ нимъ, слушала его разговоры съ гостями, которые онъ обыкновенно велъ очень умно и не безъ юмора, но этимъ все и ограничивалось. Маньковичу отъ времени до времени, вѣроятно, надоѣдало безъ всякаго успѣха добиваться отвѣта на свои чувства, и его настроеніе совершенно мѣнялось: онъ вдругъ терялъ способность удерживаться отъ озлобленія, тяжеловѣсно острилъ, рѣзко или грубовато отвѣчалъ на участливые вопросы, кидалъ даже на Тоню мрачные взгляды. Въ такихъ случаяхъ она избѣгала разговора съ нимъ, выбирала мѣсто, чтобы подальше сѣсть отъ него. Но когда дурное настроеніе проходило, Маньковичъ опять становился прежнимъ—веселымъ и оживленнымъ. Со мною, однако, онъ былъ неизмѣнно добръ, никогда не прохаживался злобно на мой счетъ, напротивъ, всегда старался выставлять мои хорошія качества, которыхъ часто совсѣмъ не было.

Шершневскій сильно не долюбливалъ Маньковича и наши посѣтители объясняли это тѣмъ, что Николай Александровичъ

былъ уменъ, находчивъ, красивъ и нравился женщинамъ, а Шершневскій представлялъ совершенную ему противоположность. Къ тому же привычка Николая Александровича выбирать объектомъ своихъ остроть Шершневскаго немало возмущала послѣдняго, и онъ старался платить ему тою же монетою. Въ этотъ разъ Шершневскій во всеуслышаніе заявилъ, по своему обыкновенію съ непристойною прямолинейностью и грубостью: «Самъ-то Маньковичъ не съумѣлъ добиться благосклонности одной особы, вотъ онъ и обхаживаетъ Е. Н., чтобы она помогла ему въ этомъ своимъ вліяніемъ». Эта фраза, сказанная громко, могла бы надѣлать множество непріятностей, если бы она дошла до ушей Маньковича, но его въ эту минуту случайно вызвалъ къ себѣ въ кабинетъ Василій Ивановичъ.

Еще никого не было, кромѣ обычныхъ посѣтителей, сидѣвшихъ въ моей комнатѣ, когда Тоня вошла со сверткомъ въ рукахъ и, поздоровавшись со всѣми, сказала, обращаясь ко мнѣ: «Уѣзжаю на Фурштадтскую къ Ермолаевымъ отдать дѣтямъ книги. Возвращусь часа черезъ полтора». За нею послѣдовалъ Маньковичъ, немедленно всталъ и Шершневскій, направляясь въ переднюю.

Когда вошелъ Маньковичъ, я спросила его, куда дѣвался Шершневскій.—«Поѣхалъ провожать Антонину Николаевну».

— Почему же онъ, а не вы?

— Шершневскій разжалобилъ ее тѣмъ, что подробно изложилъ, почему ему необходимо ее проводить: онъ отправляется тоже на Фурштадтскую, у него сильно болитъ нога, а нанять извозчика нѣтъ денегъ. Противъ послѣдняго аргумента Антонина Николаевна, видимо, не могла устоять.

Въ эту минуту вошелъ Ушинскій, и къ нему такъ и бросилась Аня: глаза ея разгорѣлись отъ счастья и восторга, и они вдвоемъ прошли въ кабинетъ Василія Ивановича. Когда мы остались только съ Николаемъ Александровичемъ, онъ началъ меня упрашивать, чтобы я ему какъ-нибудь пожертвовала часокъ-другой времени днемъ, когда у насъ не бываетъ постороннихъ и въ отсутствіи Антонины Николаевны. Я отвѣчала ему, что мнѣ не трудно догадаться, о чемъ онъ желаетъ говорить, но онъ напрасно думаетъ, что кто бы то ни было можетъ повліять на Тоню въ дѣлахъ интимнаго характера. Однако онъ такъ настойчиво умолялъ исполнить его просьбу, что я наконецъ согласилась.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, что это за офицеръ, который провожаетъ Антонину Николаевну? Вѣроятно, это вашъ новый знакомый? Я недавно шелъ мимо воротъ вашего дома, когда она съ нимъ подъѣхала... Сколько удалось разсмотрѣть, едва ли онъ

многимъ красивѣе пана Шершневскаго и, судя по внѣшности, не умнѣе его.—При послѣдней фразѣ онъ искусственно разсмѣялся.

— Ради васъ самихъ, Николай Александровичъ, очень прошу васъ, не слѣдите вы за Тоней: она будетъ возмущена этимъ.

— Неужели вы думаете, что я способенъ подсматривать за кѣмъ бы то ни было? Эта встрѣча произошла совершенно случайно, и я такъ торопился, что даже не подошелъ къ ней поздороваться.

Я разсказала ему о происшествіи съ Тоней въ прошломъ году и о роли Ермолаева. Это было съ моей стороны большою ошибкою, такъ какъ къ страсти Маньковича присоединилась ревность, и безъ того уже сильно мучившая его.

Вдругъ въ столовую вбѣжалъ Шершневскій, обозленный, какъ никогда, и началъ что-то выкрикивать во все горло. При первыхъ звукахъ его голоса всѣ торопливо вошли въ столовую.

— Выбросила изъ саней! Кто этому повѣритъ! Образованная дѣвушка, а какъ простая баба, даже можно сказать, какъ самый простяцкій деревенскій мужикъ, толкаетъ своего спутника и такъ больно толкаетъ и пыняетъ въ спину и голову, что у меня свалилась шапка, оторвалась полость, и я, какъ бревно, ввалился въ снѣгъ...

— Кто же причинилъ вамъ всѣ эти непріятности? Кто васъ разобидѣлъ?—спросилъ Ушинскій съ иронической улыбкой на тонкихъ губахъ.

— Такой грубый поступокъ вашей прекраснѣйшей ученицы не могъ меня разобидѣть! А вотъ вы, знаменитый русскій педагогъ, образъ котораго, какъ красное солнышко, горитъ въ сердцахъ его ученицъ, который для нихъ выше Сократа, выше мудрецовъ древности и современности... Какое же это такое воспитаніе, позвольте спросить, вы давали имъ? Или, можетъ быть, вся глубина премудрости вашихъ новѣйшихъ педагогическихъ системъ и должна проявляться въ грубыхъ выходкахъ?

— Вы меня такъ вдрызгъ изничтожили, такъ основательно провалили всѣ педагогическія системы древности и современности, и я такъ былъ пораженъ, что прозѣвалъ фамилію виновницы причиненныхъ вамъ непріятностей.

— Вы говорите,что она непріятности мнѣ причинила? Нѣтъ-съ, извините-съ! Тутъ дѣло идетъ не о пустяковинныхъ непріятностяхъ, а о членовредительствѣ. Своими мужицкими толчками она меня заставила вылетѣть изъ саней: я могъ упасть на камень и раскроить себѣ черепъ, переломать кости, вывихнуть ноги, руки....

— Да нечего вамъ пересчитывать всѣ части вашего тѣла: онѣ видимо, остались цѣлыми и невредимыми,—перебила я его.— Садовская—особа деликатная: если она это сдѣлала, вы значитъ дали для этого серьезный поводъ.

— Какъ, такъ это Антонина Николаевна? Дѣвушка такая благоразумная, благовоспитанная, даже съ свѣтскими манерами! Вотъ ужъ никогда бы не подумалъ, что она способна на такую грубую выходку...—удивлялся Ушинскій.

— И я бы никогда не повѣрила, Константинъ Дмитріевичъ,— сказала Тоня, входя и здороваясь съ нимъ,—что вы можете завинить кого бы то ни было только со словъ обвинителя.

— Что же такое я вамъ сдѣлалъ? Я вамъ говорилъ такіе комплименты, о которыхъ и понятія не имѣютъ всѣ ваши ухажоры вмѣстѣ взятые, всѣ ваши Донъ-Жуаны... Гарунъ-аль-Рашидъ или, чортъ его знаетъ, какой тамъ другой восточный дуракъ, только и умѣли сказать что-нибудь подобное своей Зюлеечкѣ. Такъ вы должны были бы этимъ только гордиться, должны чувствовать признательность ко мнѣ....—совершенно серьезно и запальчиво выкрикивалъ Шершневскій, и его обвислое, лоснящееся лицо раскраснѣлось, какъ кумачъ.

Присутствующіе разразились страшнымъ хохотомъ. «Какъ? Гарунъ-аль-Рашидъ восточный дуракъ?» выкрикнулъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Вы никого не потрясли вашими азбучными свѣдѣніями!— огрызался Шершневскій.

Начали раздаваться звонки, и нѣсколько дамъ и мужчинъ другъ за другомъ входили въ столовую. Вновь прибывшимъ было сообщено о только что происшедшемъ инцидентѣ и о хвастовствѣ Шершневскаго своимъ умѣньемъ говорить дамамъ комплименты. Какъ его, такъ и Антонину Николаевну гости упрашивали познакомить ихъ съ этими комплиментами.

— Что же, я не прочь.... Нисколько не сомнѣваюсь, что никто изъ васъ не слыхалъ ничего подобнаго! Я сравнивалъ ее съ «чарующей весною», съ «распустившимся бутономъ дивной розы»; я говорилъ ей, «что въ моихъ жилахъ при взглядѣ на нее клокочетъ огонь страсти, какъ пылающій костеръ, что она «сама грація, поэзія», что «своею красотою она, какъ молніеносная стрѣла, пронзаетъ мое сердце», что она «божественна и обольстительна, какъ гурія въ раю Магомета», что «ароматъ ея волосъ восхитительнѣе всѣхъ райскихъ благоуханій». Да мало ли что я говорилъ въ минуту экстаза! Ну-ка скажите, кто изъ ея ухажоровъ способенъ высказать ей хотя сотую долю такихъ прелестныхъ, воздушныхъ, поэтическихъ комплиментовъ?—и Шершневскій, самъ

смакуя и упиваясь каждой своей фразой, обводилъ присутствующихъ самодовольнымъ, побѣдоноснымъ взглядомъ.

Его слова были встрѣчены громкимъ хохотомъ и аплодисментами, а Тонѣ со всѣхъ сторонъ кричали, что она безчувственная и неблагодарная.

Пока за столомъ все еще продолжали обсуждать этотъ инцидентъ и подсмѣиваться между собой надъ самодовольствомъ Шершневскаго, нѣсколько человѣкъ уже сидѣли въ сторонкѣ и вели между собою иные разговоры.

Сергѣй Васильевичъ Максимовъ (писатель-этнографъ и путешественникъ по Россіи), дружески хлопнувъ по плечу знакомаго студента, спросилъ его:—Ну, милый другъ, чѣмъ вы теперь восторгаетесь, чему поклоняетесь, что предаете анаѳемѣ? А хорошее времячко мы съ вами переживали еще годика два тому назадъ! Вѣдь я чуть не вдвое васъ старше, а бывало душа такъ и рвется изъ нутра, такъ и хочется крикнуть чуть не полицейскому крючку: «Прочь съ дороги съ грязными лапами! Знаешь ли ты, сѣмя твое крапивное, что мы празднуемъ зарю нашего обновленія? Что яркое солнышко освѣтило всѣ уголки нашей родины?» И всѣ мы ходили тогда пьяными не отъ вина, а отъ счастья, которое безумно рвалось наружу.

— Послѣ возмутительнаго приговора надъ Чернышевскимъ, да еще въ такое реакціонное время, какъ теперешнее, только идіотъ можетъ упиваться подобными фразами,—рѣзко проговорилъ студентъ.

— Правительство несомнѣнно отъ времени до времени наноситъ намъ серьезныя раны. И одною изъ нихъ былъ приговоръ надъ Чернышевскимъ. Но изъ-за этого не можетъ же все пойти на смарку, нельзя же не признавать великаго значенія крестьянской реформы,—говорилъ извѣстный въ то время педагогъ Семеновъ.

— И чего это вы всѣ до сихъ поръ носитесь съ крестьянскою реформою? Я много путешествовалъ по матушкѣ-Россіи,—возражалъ Максимовъ,—и всюду могъ наблюдать одно и то же: положеніе крестьянъ послѣ реформы только ухудшилось. Ихъ экономическая зависимость такъ велика, что не въ чемъ проявиться ихъ личной свободѣ. Крестьянину приходится такъ же унижаться, такъ же раболѣпствовать передъ помѣщикомъ, какъ и во времена крѣпостничества. Промышленность у насъ жалкая, развивается она крайне туго, а земельный надѣлъ крестьянина очень часто состоитъ наполовину изъ болотистой земли, изъ песку или суглинка. Чѣмъ же ему кормиться, какъ не заработкомъ у того же помѣщика, либо у мѣстныхъ кулаковъ, которые, какъ

саранча, набросились теперь на деревню. Вотъ крестьянинъ и кланяется помѣщику земно, чтобъ надрать лыка на свои лапти въ его лѣсу, или ползаетъ передъ кулакомъ и умасливаетъ его. Чуть слово молвитъ безъ раболѣпства, и онъ навсегда лишается заработка и у того, и у другого. Вотъ и выходитъ, что къ зависимости отъ помѣщика присоединилась теперь еще зависимость отъ міроѣда.

— Странно, что многіе такъ ликуютъ и утѣшаютъ себя настоящими и будущими реформами, которыхъ ждетъ та же участь, что и крестьянскую реформу,—говорилъ Николай Степановичъ Курочкинъ.—Обкорнаютъ, урѣжутъ, сократятъ, объяснятъ каждую изъ нихъ такъ, что совершенно сведутъ на-нѣтъ.

Къ нимъ подошелъ Григорій Захаровичъ Елисеевъ (талантливый внутренній обозрѣватель «Современника», писавшій подъ псевдонимомъ Грыцько). Въ то время это былъ человѣкъ уже лѣтъ за сорокъ: фигура импозантная и весьма благообразная, съ густой бородой, съ разметанными волосами, съ проницательно-блестѣвшими глазами изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей, пронизывавшими каждаго, съ кѣмъ онъ говорилъ. Онъ молчалъ, но чрезвычайно внимательно слушалъ: чуть-чуть ироническая улыбка нерѣдко раздвигала его плотно сжатыя губы. Онъ, казалось, наблюдалъ не только за каждымъ, кто что говорилъ, но за внѣшностью и за жестами говорившаго, точно его задачею было запечатлѣть въ своей душѣ не только мысли и слова каждаго, но и его внѣшній обликъ.

— Что же намъ, универсантамъ, дѣлать въ настоящее время, чтобы приносить обществу какую-нибудь пользу? Теперь не прежнія времена, чтобы заботиться только о своей будущей карьерѣ! Воскресныя и элементарныя школы, въ которыхъ мы работали, закрыты, кружковыя собранія для самообразованія строго запрещены; правительство всѣ силы напрягаетъ, чтобы возвратить насъ въ первобытное состояніе...

Въ это время Ушинскій, обходя сидѣвшихъ и подавая на прощанье руку, замѣтилъ студенту:—А вотъ, во избѣжаніе этого, каждый молодой человѣкъ обязанъ самъ учиться поосновательнѣе прежняго и не только для экзаменовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обучать грамотѣ каждаго, съ кѣмъ сталкиваетъ его судьба,—и онъ торопливо направился въ кабинетъ.

— Кажется, знаменитый педагогъ обученіе азбучкѣ считаетъ панацеею отъ всѣхъ золъ!—иронически замѣтилъ Елисеевъ.

Но я не стала слушать дальнѣйшихъ возраженій. Я глубоко уважала и съ большою симпатіею относилась къ Г. З. Елисееву, но меня возмущало поверхностное и легкомысленное отношеніе

ко всѣмъ педагогамъ, каковы бы они ни были, и къ педагогическимъ вопросамъ вообще очень многихъ серьезныхъ и талантливыхъ литераторовъ того времени, къ числу которыхъ принадлежалъ и Григорій Захаровичъ. Къ тому же мнѣ хотѣлось узнать, что будетъ говорить Ушинскій Тонѣ, которую онъ заранѣе просилъ зайти въ кабинетъ.

— Изъ курьезныхъ объясненій Шершневскаго я понялъ только, что онъ наболталъ вамъ много пошлостей. Выслушивать подобныя вещи, конечно, весьма тошнотворно... Но, простите вашего ворчуна-учителя: это еще не причина, чтобы прибѣгать къ некультурному воздѣйствію, выталкивать изъ саней и т. п. Мнѣ кажется, что сама природа вложила въ душу женщины такой инстинктъ, что ей стоитъ только извѣстнымъ образомъ взглянуть на нахала, чтобы указать ему его мѣсто,—хотя по обыкновенію очень живо, но наставительно говорилъ Ушинскій Тонѣ.

— Можетъ быть, для нахала этого и достаточно, но Шершневскій въ то же время и форменный идіотъ,—отрѣзала она.

— Голова у него, кажется, дѣйствительно довольно скудоумная, дряблая и нелѣпая натуришка, но все же я нахожу, что вы и другіе въ вашемъ домѣ слишкомъ презрительно, слишкомъ высокомѣрно къ нему относитесь. Если вы находите его убогимъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, зачѣмъ же вы приглашаете его къ себѣ?

— Зачѣмъ его приглашаютъ?—переспросила Тоня, вспыхнувъ, какъ зарево и горячо заговорила, забывая благоговѣніе, которое мы, ученицы Ушинскаго, питали къ нему. Необыкновенный піэтетъ, который внушалъ намъ къ себѣ нашъ несравненный наставникъ и учитель, заставлялъ насъ всѣхъ нѣсколько стѣсняться съ нимъ. Тоня, какъ и остальныя его ученицы, искренно уважала его, но не вносила въ свои чувства никакой экзальтаціи,—вѣроятно, потому она совсѣмъ и не робѣла передъ нимъ.—Какъ въ этотъ, такъ и въ другіе дома, гдѣ бываетъ Шершневскій,—отвѣчала она,—онъ самъ приходитъ безъ всякаго приглашенія.

— И все-таки за одни дурацкіе комплименты онъ не заслужилъ съ вашей стороны такой кары, которая сильно напоминаетъ дореформенный бытъ нашихъ дворянъ.... Вы вѣдь и сами нѣсколько виноваты: если вы считаете, что пошлость и навязчивость его характерныя качества, зачѣмъ же вы берете его въ провожатые?

— Вы просто хотите меня завинить во что бы то ни стало! Шершневскій на этотъ разъ, какъ и всегда, самъ навязался. Онъ жалобно упрашивалъ меня взять его съ собою, увѣряя, что ему необходимо ѣхать туда же, куда и мнѣ, плакался на то, что у него страшно болитъ нога, что нанять извозчика у него

нѣтъ денегъ... И все это оказалось выдумкою... Наконецъ, онъ смертельно надоѣдалъ мнѣ своими пошлостями, безцеремоннымъ образомъ совалъ свой иосъ въ мои волоса... Я должна сознаться въ еще большей преступности: я чрезвычайно жалѣю, что не надавала ему тысячу пощечинъ, а только вытолкнула изъ саней.

— Ого-го! Да вы дѣвица весьма рѣшительная! Съ такимъ характеромъ и силою воли можно успѣшно вести борьбу не только съ прилипчивыми кавалерами...

— Шершневскій совсѣмъ не идіотъ, но въ послѣднее время онъ дѣйствительно какъ-то опошлѣлъ и опустился,—замѣтилъ В. И.— Инцидентъ съ Антониною Николаевною прекрасно это иллюстрируетъ. И то, что она выкинула его изъ саней, послужитъ ему на пользу.

— Кстати, познакомьте меня съ этимъ субъектомъ, сообщите, гдѣ онъ учился, имѣетъ ли какія познанія, чѣмъ промышляетъ?

В. И. сообщилъ то немногое, что зналъ о немъ. Шершневскій, вслѣдствіе бѣдности долженъ былъ оставить университетъ на третьемъ курсѣ филологическаго факультета. Онъ на-дняхъ просилъ меня подыскать ему какія-нибудь занятія, говорилъ, что знаетъ нѣмецкій, польскій, французскій и латинскій языки, но такъ ли это въ дѣйствительности—неизвѣстно. Какъ только онъ оставилъ университетъ, ему пришлось пробиваться уроками, въ послѣднее время исключительно въ частныхъ пансіонахъ, гдѣ не всегда платятъ даже одинъ рубль за урокъ, а съ этой осени онъ не имѣетъ никакихъ занятій.

— Можетъ быть, онъ и дуритъ отъ бездѣлья,—замѣтилъ Ушинскій.—А компилятивная статья въ послѣднемъ номерѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, составленная довольно толково и подписанная буквою Ш.,—не его ли она?

Чтобы убѣдиться въ этомъ, позвали Шершневскаго. Результатомъ переговоровъ было то, что Ушинскій просилъ его походить къ нему два-три дня, чтобы убѣдиться, можетъ ли онъ исполнять у него нѣкоторыя работы. Шершневскій выдержалъ искусъ, и Ушинскій предложилъ ему у себя столъ и особую комнату, относительно же вознагражденія за трудъ, сказалъ, что оно будетъ опредѣлено черезъ два-три мѣсяца, а теперь онъ можетъ брать по 40—50 р. въ счетъ будущаго жалованья.

Шершневскій черезъ недѣлю-другую совсѣмъ преобразился: его всегдашнее, точно спросонокъ, мрачное и сонное лицо сдѣлалось теперь болѣе одушевленнымъ. Онъ принарядился, припомадился и почистился. Когда онъ въ первый разъ по полученіи мѣста пришелъ къ намъ, мы точно сговорившись заранѣе, зааплодировали ему. Онъ всюду превозносилъ теперь Ушинскаго,

выказывалъ преклоненіе передъ величіемъ его души и его необыкновеннымъ умомъ.—Вы болѣе не ждите отъ меня комплиментовъ,—сказалъ онъ однажды съ важностью, поглядывая на дамъ.—Хотя вы и современныя дамочки, но всѣ на одинъ ладъ: до смерти любите, когда мужчина лебезитъ передъ вами. И хвастаете этимъ другъ передъ другомъ. А Константинъ Дмитріевичъ человѣкъ серьезный: дойдутъ до него ваши сплетни и интриги относительно меня, и пожалуй лишишься у него мѣста.—И онъ сталъ держаться теперь въ обществѣ съ бо́льшимъ достоинствомъ.

Участіе Ушинскаго къ Шершневскому сильно поразило меня. Оно пробудило въ моей душѣ еще бо́льшее благоговѣніе къ моему несравненному наставнику. Что Ушинскій былъ человѣкъ великодушный и личность исключительная—намъ всѣмъ, его ученицамъ, давно было извѣстно. Но я всегда видѣла, что наибольшее вниманіе онъ оказывалъ людямъ болѣе или менѣе способнымъ, талантливымъ, подававшимъ надежды проявить себя чѣмъ-нибудь въ будущемъ, и рѣзко относился къ людямъ глупымъ. Между тѣмъ, передъ нимъ во всемъ блескѣ проявилась пошлость Шершневскаго, но онъ и его вытянулъ изъ бѣдственнаго положенія. Мы всѣ только подсмѣивались надъ Шершневскимъ, а въ душѣ даже презирали его, только одинъ онъ, Ушинскій, протянулъ ему руку помощи. Вотъ кого можно назвать истиннымъ поборникомъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, раздумывала я: стремленіе къ обличенію и къ педагогическому воздѣйствію даже на людей, по своему возрасту давно вышедшихъ изъ-подъ педагогики, эти характерныя качества наилучшихъ шестидесятниковъ, оказываются характерными качествами и нашего дорогого наставника.

Какъ-то Шершневскій забѣжалъ къ намъ днемъ на одну минуту, просилъ вызвать къ нему Ивановскую и, передавая ей книгу, указалъ на нѣмецкую статью въ нѣсколько страницъ, которую Ушинскій просилъ ее перевести. Въ запечатанномъ конвертѣ онъ посылалъ ей 25 рублей за несдѣланный еще переводъ.

— Какъ? Я только вскользь упомянула Ушинскому о томъ, что мнѣ необходимы платныя занятія, и онъ уже вспомнилъ!— кричала Аня. Трудно описать ея восторгъ и экстазъ, великолѣпные эпитеты, которыми она осыпала Ушинскаго.

Когда Аня навосхищалась до хрипоты, когда она обѣгала всѣ комнаты, изливая передъ каждымъ изъ насъ чувства восторга, когда о своей неожиданной радости она пересказала прислугѣ, няня пришла намъ сообщить: «Барышня не въ себѣ: ей надо дать какихъ-нибудь капель!» Я вбѣжала въ кухню, Аня

сидѣла на табуреткѣ, запрокинувъ голову, съ открытымъ ртомъ, точно ей не хватало воздуха, съ посинѣвшимъ лицомъ и истерически хохотала, какъ-то всхлипывая, точно отъ рыданій. Мы уложили ее въ постель. Полежавъ недолго съ компресомъ, она закричала: «Я сейчасъ ѣду къ Ушинскому благодарить его, броситься передъ нимъ на колѣни, цѣловать его руки!» Я отвѣчала, что никуда не пущу ее. Для нея сейчасъ же разложили въ столовой складную постель, уже давно доставленную намъ нашими знакомыми, а мы сами отправились обѣдать въ мою спальню.

Аня проснулась поздно вечеромъ, взяла нѣмецкій словарь, просидѣла за работой всю ночь и нѣсколько дней, два-три раза переписывала ее и подъ предлогомъ, что ей не удаются нѣкоторыя фразы, просила Василія Ивановича поправить ея переводъ. Ему пришлось зачеркнуть почти каждую строчку и подъ нею написать совсѣмъ другое. Аня чистосердечно просила насъ всѣхъ откровенно сказать ей, нести ли ей переводъ съ поправками, или снова переписать его. Мы съ Тонею нашли, что переписывать послѣ поправокъ, сдѣланныхъ другимъ, значило бы обманывать Ушинскаго, а В. И. предоставилъ ей рѣшить этотъ вопросъ, какъ она хочетъ. Она немедленно отправилась къ Ушинскому и представила ему работу съ поправками. Что она говорила съ нимъ, какъ онъ отнесся къ ея работѣ, она намъ не разсказывала, но возвратилась отъ него очень скоро и крайне разстроенная. Я въ это время уже собиралась на урокъ и на лѣстницѣ встрѣтила Шершневскаго. Онъ тутъ же заявилъ мнѣ, что Ушинскій проситъ меня къ себѣ и извиняется, что по болѣзни не можетъ самъ пріѣхать: онъ простудился, и докторъ строго запретилъ ему выходить. Я просила передать, что послѣ урока немедленно явлюсь къ нему.

— Ну, и угораздило же Анну Петровну! Нашла кому дѣлать любовныя признанія... да еще на колѣняхъ! Ушинскому, этому Златоусту, этому проповѣднику, не знающему другихъ страстей, кромѣ страсти распространенія просвѣщенія! Ну, и отчиталъ же онъ ее! Ахъ, ты Боже мой: но если бы такъ то... какая-нибудь дѣвица передо мной... да на колѣняхъ... а, а, ахъ!

Ушинскій лежалъ въ своемъ кабинетѣ совершенно одѣтый и прикрытый пледомъ.

— Почему вы своей подругѣ Ивановской удѣляете такъ мало вниманія?—рѣзко спросилъ онъ меня, какъ только я успѣла поздороваться съ нимъ.

Я отвѣчала, что сдѣлала для нея все, что могла.

— Вы думаете, что, пріютивъ у себя несчастную дѣвушку, вы можете этимъ ограничиться? Относительно ея вы взяли на себя отвѣтственную роль матери, а между тѣмъ не обращаете

ни малѣйшаго вниманія на то, что она совсѣмъ больна. Вы давно должны были показать ее психіатру, а не дозволять душевно-больной дѣвушкѣ разъѣзжать, куда вздумается.

Этотъ упрекъ взбѣсилъ меня своею несправедливостью.

— Я никогда не брала на себя роль ея матери. Это было бы и довольно мудрено: мы съ нею однихъ лѣтъ. Къ тому же никто изъ членовъ, какъ моей, такъ и ея собственной семьи, не смотритъ на нее, какъ на душевно-больную. Мы считаемъ ее просто истеричкой.

— А я вамъ сейчасъ докажу, что она психически больная. Возможно даже, что форма ея душевной болѣзни тяжелая и опасная. Скажите откровенно, давалъ ли я когда-нибудь поводъ вамъ, моимъ ученицамъ, смотрѣть на меня, какъ на мотылька, перепархивающаго съ цвѣтка на цвѣтокъ?

— Господи, что вы спрашиваете, Константинъ Дмитріевичъ,— съ ужасомъ воскликнула я.—Даже институтское начальство, которое на вашу голову взваливало всевозможные ужасы, только въ одномъ этомъ никогда не обвиняло васъ.

— Ивановская же отнеслась ко мнѣ, какъ къ послѣднему пошляку!.. А это что же такое? (онъ вытащилъ злополучный переводъ и помахивалъ листами). Это уже краснорѣчиво доказываетъ, что она и васъ всѣхъ свела съ ума! Я не заказывалъ перевода Василію Ивановичу! И для васъ еще мало этихъ всѣхъ доказательствъ ея невмѣняемости? Неужели для того, чтобы убѣдиться въ ея психозѣ, вамъ нужно, чтобы она выбѣжала на улицу нагишомъ? Усердно прошу васъ завтра же отправиться съ ней къ психіатру.

Если бы я не вспомнила при этомъ разсказа Шершневскаго о томъ, что у Ушинскаго произошло съ Анею, я не вполнѣ поняла бы его слова.

— Къ сожалѣнію, Константинъ Дмитріевичъ, у меня рѣшительно нѣтъ времени возиться съ нею. Я сегодня же отправляю ее къ отцу.

— Какъ, къ ея отцу, который изъ-за какой-то тряпки чуть не убилъ ее?

Я отвѣчала, что если Аня такъ передала ему исторію съ шубой, то она выказала этимъ лишь жестокую несправедливость къ отцу. И я разсказала, какъ было дѣло, и нашъ разговоръ съ Аниным отцомъ.

— Налгать на родного отца, придумать цѣлую исторію, въ которой нѣтъ ни слова правды, да развѣ все это не достаточно подтверждаетъ, что она душевно-больная? Кстати: Василій Ивановичъ просилъ меня доставить ей какія-нибудь занятія въ школѣ или частные уроки. Передайте ему, что я забочусь не

только объ интересахъ нуждающихся въ подобныхъ занятіяхъ, но еще болѣе объ интересахъ учащихся. Школа—не богадѣльня! Я не имѣю нравственнаго права рекомендовать завѣдомо душевнобольную особу.

Дома мнѣ сказали, что Аня все время плакала, и ее пришлось положить на мою кровать. Мы сѣли обѣдать только втроемъ. Я объявила, что немедленно отправляюсь къ Ивановскому и настою на томъ, чтобы онъ сегодня же взялъ отъ насъ свою дочь. Я ждала протеста со стороны В. И. и была удивлена, когда онъ сказалъ: «Да, тяжело съ нею, того и смотри, что попадешься изъ-за нея въ какую-нибудь кутерму!».

Ивановскому я передала всю исторію съ Ушинскимъ и его мнѣніе о болѣзни Ани, упомянула и о томъ, что она однажды проговорилась мнѣ, что не прочь была бы заключить фиктивный бракъ. Хотя изъ этого пока ничего не вышло, но меня чрезвычайно волнуетъ, что она въ концѣ концовъ приведетъ въ исполненіе эту шальную мысль.

Ивановскаго возмутило мнѣніе Ушинскаго о психической болѣзни его дочери, но онъ выразилъ полную готовность взять ее сію же минуту. Раньше, чѣмъ проститься съ отцомъ Ани, я просила его показать мнѣ ея комнату. Она пустовала со времени ея бѣгства къ намъ и оказалась очень уютною, весьма скромно, но комфортабельно обставленною.

Я отправилась къ себѣ съ нянею Ивановскихъ, которая всю дорогу высказывала опасеніе, что ей не удастся убѣдить Анночку возвратиться домой. Но это оказалось совсѣмъ не трудною задачею. Вѣроятно она сама почувствовала, что сдѣлала большую глупость, промѣнявъ свою удобную комнату на безпокойное существованіе у насъ.

Когда мы вошли въ столовую, Аня сидѣла одна и кончала обѣдъ. Она крайне удивилась, увидавъ свою няню. Я сообщила ей, что была у Ушинскаго, но изъ всего разговора съ нимъ передала ей только то, что онъ находитъ необходимымъ для нея немедленно начать леченіе. Но у насъ нѣтъ подходящаго помѣщенія, и потому ей немыслимо оставаться у насъ, тѣмъ болѣе, что ея собственная комната совершенно свободна.

— Это правда, что я въ послѣднее время чувствую себя скверно и что мнѣ безъ собственнаго угла крайне неудобно. Но какъ же отецъ?

— Какъ отецъ?—переспросила ее няня сердито.—А такъ твой отецъ, что совсѣмъ извелся отъ стыдобины, что ты зря болтаешься у чужихъ людей. Вѣдь у нихъ и безъ тебя свои дѣти, свои заботы и тяготы... Да и богачествомъ то они не больно отли-

чаются... И какъ ты, Анночка, не думаешь обо всемъ этомъ? Взаправду ты большая срамница!

— Ну, ну, милая старушенція...—перебила Аня, обнимая ее. —Изъ-за чего же ты кипятишься? Вѣдь я не отказываюсь ѣхать съ тобой! Ѣдемъ хотя сію минуту.

Въ ту же минуту Тоня выскочила изъ своей комнаты со словами: «Нужно скорѣе собирать Анины вещи!» Тутъ какъ тутъ оказалась и наша няня, и мы всѣ принялись перебѣгать отъ одного подоконника къ другому, изъ одной комнаты въ другую и собирали всюду разбросанныя Анины щетки и гребенки и всевозможныя мелочи, осматривали шкапы, вносили въ столовую ея платья. Все было приготовлено къ отъѣзду чрезвычайно быстро, изъ страха, какъ мы потомъ сознавались другъ другу, чтобы она не передумала и не осталась у насъ. Когда мы всѣ стояли уже въ передней и прощались, ея няня, укоризненно покачивая головой, сказала: «Ахъ, Анночка, Анночка! Ты точно малый ребенокъ! До сихъ поръ не знаешь порядковъ!»

— Какіе тамъ еще порядки? Ты опять съ своими наставленіями, навѣки нерушимыми!

— А вотъ какіе порядки: ты больше мѣсяца здѣсь прожила. Прислугѣ ты надѣлала много хлопотъ: должна же ты понимать, что ее слѣдуетъ вознаградить.

Къ нашему изумленію, двадцатипятирублевка, полученная ею отъ Ушинскаго, оказалась въ цѣлости. Со дня полученія этихъ денегъ она никуда не выходила и все время сидѣла за работой. Она вынула двадцатипятирублевую бумажку и съ сердцемъ сунула ее нянѣ. Та отправилась въ кухню и возвратилась съ размѣненными деньгами.—Теперь сказывай, кому изъ господъ сколько задолжала?

Аня начала припоминать, насчитала десятка полтора рублей, а затѣмъ заявила, что не помнитъ, брала ли взаймы еще у кого-нибудь. Тогда няня, подавая мнѣ означенную сумму долга, просила написать ей, какъ только я узнаю, кому еще и сколько осталась она должна.

Послѣ этого я никогда уже болѣе не встрѣчалась съ Анею.

Е. Водовозова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Противъ теченія.

(Памяти В. П. Обнинскаго).

«Жутко жить, когда такіе люди уходятъ», пишетъ мнѣ знакомая москвичка подъ впечатлѣніемъ неожиданной кончины В. П. Обнинскаго. И, несомнѣнно, въ этихъ простыхъ словахъ ярко высказалось то общее настроеніе, которое было вызвано добровольнымъ уходомъ отъ жизни этого крѣпкаго и чистаго человѣка, среди всѣхъ знавшихъ его внутренній свѣтлый обликъ и внѣшнюю кипучую дѣятельность. Именно—жутко... Жутко даже помимо извѣчныхъ, стоящихъ неотступно предъ человѣчествомъ вопросовъ о смыслѣ и цѣнности жизни, о правѣ добровольнаго расчета съ ней, о цѣлесообразности именно такого рѣшенія жизненныхъ противорѣчій и о возможности иного выхода изъ нихъ. Такъ трагически внезапно оборвавшаяся жизнь и свѣжая могила, выросшая на кладбищѣ Донского монастыря, въ особенности остро ставятъ эти вопросы въ силу, какъ будто, очевиднаго противорѣчія между бодрымъ настроеніемъ жизни теперешняго обитателя этой могилы и послѣднимъ аккордомъ этой жизни. Неужели та «сердечная тоска», о которой писалъ покойный въ предсмертныхъ своихъ письмахъ и которая, безъ сомнѣнія, является лишь отголоскомъ нашей сумасбродной дѣйствительности—неужели она можетъ сокрушить даже такой высокій образецъ нравственной выдержки, энергіи и стойкости, какимъ также несомнѣнно былъ покойный? Неужели будущее настолько темно, что даже опытные руководители, убѣжденные и вѣрящіе въ свое дѣло работники этого будущаго, устаютъ въ напрасныхъ усиліяхъ разглядѣть его очертанія за сплошной завѣсой темнаго настоящаго? И неужели противъ этихъ удушливыхъ газовъ современности нѣтъ, не выработано общественной практикой дѣйствительнаго противоядія? Жуткіе вопросы, многихъ смущающіе своей, повидимому, безысходностью, безпощадностью и наготой отчаянной постановки, прозвучавшей въ выстрѣлѣ 20-го марта, унесшемъ одну изъ лучшихъ жизней нашего времени...

Лично для меня эти вопросы являются въ особомъ освѣщеніи, благодаря нѣкоторому привходящему обстоятельству, носящему характеръ почти рокового совпаденія. 20 марта, въ самый день катастрофы, такъ глубоко подчеркнувшей жуткіе вопросы, я получилъ отъ покойнаго Виктора Петровича письмо. Письмо, датированное 17 марта. Обычное милое письмо, полное обаянія того особаго изящества, печать котораго лежала на всемъ обликѣ покойнаго. Письмо, которое ни одной черточкой не напоминало, что въ авторѣ его созрѣло роковое рѣшеніе, въ которомъ ничего нѣтъ отъ смерти, наоборотъ—все отъ жизни: планы, разсчитанные до мелочей, заботливость о чужихъ интересахъ и та тонкая внимательность, которая была такъ характерна для Виктора Петровича въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Оно и сейчасъ предо мной, это письмо, но смыслъ его простыхъ дѣловыхъ строкъ является уже инымъ въ виду, какъ самаго событія, легшаго темной гранью между моментомъ его написанія и полученія въ Кіевѣ, такъ и вопросовъ, поднятыхъ этимъ событіемъ. Теперь оно пріобрѣтаетъ уже смыслъ своего рода, если хотите, политическаго завѣщанія и косвеннаго отвѣта на приведенные выше жуткіе вопросы. Ниже я еще вернусь къ нимъ, а теперь нѣсколько черточекъ изъ жизни Виктора Петровича, обрисовывающихъ его своеобразную привлекательную личность.

Знакомое и раньше имя Обнинскаго сдѣлалось для меня близкимъ еще въ періодъ работъ славной памяти первой Государственной Думы, этого нерукотворнаго памятника парламентскому романтизму и надеждамъ молодой россійской общественности. Къ моменту ея созыва голоса скептиковъ, подъ вліяніемъ исхода выборовъ, почти умолкли; убѣжденіе, что окончилось гнетущее странствованіе по безплодной пустынѣ реакціи и что стѣны россійскаго Іерихона рушились, наконецъ, отъ трубныхъ звуковъ грядущей демократіи, было почти всеобщимъ, надежды на обновленіе открывали почти безбрежные перспективы. При бодромъ, радостномъ настроеніи начали свою тяжелую и отвѣтственную работу народные представители 1-го созыва: впереди предстояла борьба, но исходъ ея казался несомнѣннымъ, несмотря даже на нѣкоторыя весьма неблагопріятныя предзнаменованія. И съ первыхъ же дней существованія Думы работы ея пошли по двумъ параллельнымъ направленіямъ, преслѣдуя цѣли укрѣпленія конституціонныхъ началъ, гражданскаго освобожденія личности и національнаго раскрѣпощенія негосударственныхъ народностей. Въ значительной своей части эта двуединая работа, конечно, совпадала, такъ какъ въ средѣ національныхъ дѣятелей ясно сознавалось, что только при осуществленіи гражданскихъ

свободъ можетъ быть обезпечено и дѣйствительное національное равноправіе. Но не всѣмъ политическимъ дѣятелямъ такъ же ясна была обратная связь—о зависимости благопріятнаго исхода борьбы за гражданскія свободы отъ признанія и проведенія въ жизнь началъ національнаго равноправія. Многимъ казалось, что стоитъ лишь обезпечить конституцію—и сами собой падутъ національное неравенство, гнетъ и притѣсненія; многіе относились отрицательно къ національнымъ требованіямъ, считая, что они вносятъ лишь ненужную рознь въ дѣло единоспасительной политической борьбы и распыляютъ общественныя усилія, необходимыя главнымъ образомъ и прежде всего для борьбы во имя конституціи. Сначала конституція, а все остальное приложится само собой—утверждали представители этого теченія, обѣщая «потомъ», «когда-нибудь» заняться также и національными вопросами, опять-таки въ порядкѣ извѣстныхъ очередей. Нечего и говорить, что для національныхъ дѣятелей такая постановка національнаго вопроса была совершенно непріемлемой. Для нихъ было очевидно, что при этомъ упускалось изъ виду еще Драгомановымъ отмѣченное несовпаденіе конституціоннаго образа правленія съ дѣйствительной свободой національностей, послѣдняя еще не гарантируется одной наличностью конституціи, ибо и парламентъ, составленный централистически, можетъ также пренебрегать интересами отдѣльныхъ народностей, какъ и бюрократическое правительство: налицо вѣдь практика чисто централистическихъ конституцій французскаго типа, сочетавшая демократическія учрежденія съ крайнимъ централизмомъ и пренебреженіемъ къ правамъ и нуждамъ отдѣльныхъ частей государства. При разноплеменномъ составѣ Россіи такая практика, маскируемая притомъ установленіемъ извѣстныхъ очередей для національностей, представляла сугубую опасность. Необходимо было заблаговременно выяснить всю недостаточность чисто-конституціонныхъ увлеченій, поставить на ближайшую очередь національные и областные интересы, защищать и проводить ихъ вмѣстѣ и одновременно съ общеполитическими требованіями. Вотъ почему, съ открытіемъ представительныхъ учрежденій въ Россіи, сейчасъ же образовалась въ Государственной Думѣ многочисленная (120 членовъ) группа автономистовъ, какъ парламентская фракція основаннаго въ 1905 г. союза автономистовъ изъ преставителей, главнымъ образомъ, негосударственныхъ народностей Россіи. Работа фракціи шла быстрымъ темпомъ, и уже спустя двѣ недѣли по открытіи Думы, 11 мая, была принята на общемъ собраніи членовъ фракціи ея программа, утвердившая требованіе государственной децен-

В. П. Обницкій.

трализаціи на принципахъ автономіи отдѣльныхъ народовъ и областей, конечно, на строго демократическихъ началахъ. По сообщенію одного изъ участниковъ фракціи, въ составъ ея къ моменту принятія программы «вступили уже національныя парламентскія группы—украинская, литовская, татарская, эстонсакя, латышская, представители Юго-Зап. и Сѣверо-Зап. Края, Новороссіи; принимаютъ въ немъ участіе и представители казачьихъ областей, (Донск., Уральской), и великороссы, сочувствующіе началамъ автономнаго устройства областей, имѣющихъ, независимо отъ національности ихъ населенія, своеобразныя экономическія, бытовыя и др. условія, сторонники широкаго самоуправленія отдѣльныхъ областей, вошли также делегаты отъ группы представителей Царства Польскаго» [1]). Среди «великороссовъ, сочувствующихъ началамъ автономнаго устройства областей, мы встрѣчаемъ здѣсь и В. П. Обнинскаго.

Намъ неизвѣстно въ подробностяхъ, какое участіе въ работахъ фракціи автономистовъ принималъ Викторъ Петровичъ. Но одно несомнѣнно—что это участіе было моментомъ перелома въ его міровоззрѣніи и всей дальнѣйшей дѣятельности. Вступивъ въ фракцію областниковъ съ извѣстнаго рода лишь теоретическимъ интересомъ къ національнымъ и областнымъ вопросамъ, онъ выходитъ изъ нея, за роспускомъ Думы, уже убѣжденнымъ автономистомъ-федералистомъ, неуклонно проводящимъ свои убѣжденія въ жизни въ доступной ему сферѣ дѣятельности. Общеніе съ товарищами по фракціи, представителями «плебейскихъ», по выраженію Драгоманова, народностей, кровно заинтересованныхъ въ правильной постановкѣ и разрѣшеніи національнаго вопроса, впервые поставило предъ нимъ этотъ вопросъ во всей его широтѣ. Оно же сдѣлало для него ясной связь между національнымъ возрожденіемъ этихъ народностей и ихъ гражданскимъ развитіемъ, давъ такимъ образомъ еще новое основаніе тѣмъ демократическимъ лозунгамъ, къ которымъ примкнулъ покойный. Областникъ превращается въ федералиста. Обнинскій впослѣдствіи не разъ и самъ говорилъ о томъ значеніи, какое имѣло въ его эволюціи отъ областничества къ федерализму пребываніе въ думской фракціи автономистовъ. Высказываясь по одному частному поводу о національномъ вопросѣ въ Россіи, онъ, между прочимъ, пишетъ: «Я интересуюсь украинскимъ вопросомъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ вообще интересоваться національными проблемами. Мнѣ трудно прослѣдить начало этого

---

[1]) *И. Шрагъ*—О союзѣ автономистовъ «Украинскій Вѣстникъ», 1906 г. № 1, стр. 67.

интереса, и какого либо рѣзкаго повода къ его пробужденію я не припоминаю, ибо вся жизнь русскихъ областей есть одинъ длительный, безъ передышки, поводъ къ пробужденію вниманія во всякомъ неслѣпомъ и неглухомъ великороссѣ; впрочемъ, происходя изъ польско-литовскаго рода, я, быть можетъ, сохранилъ, черезъ рядъ осѣвшихъ на Руси поколѣній предковъ своихъ, вмѣстѣ съ кровью, и повышенный интересъ къ судьбами такъ называемаго «некоренного» русскаго населенія. Примкнувъ въ первой Государственной Думѣ къ союзу автономистовъ, я ближе сталъ къ украинскому вопросу, благодаря живому обмѣну мыслей между украинскими депутатами и великороссами [1]). Конечно, сказанное относится не только къ украинскому вопросу, такъ какъ «живой обмѣнъ мыслей» во фракціи автономистовъ происходилъ по всѣмъ національнымъ направленіямъ, равно какъ и общеніе депутатовъ различныхъ національностей, способствовавшее взаимному освѣдомленію и сближенію. Но характерно отношеніе Обнинскаго именно къ украинскому вопросу, ибо этотъ послѣдній вообще можно считать оселкомъ, на которомъ испытывается прочность національнаго безпристрастія, искренности и послѣдовательности. Сколько встрѣчается русскихъ дѣятелей, для которыхъ это испытаніе оказывается роковымъ, и которые, принимая формулу «національнаго самоопредѣленія» для всѣхъ народностей Россіи, сейчасъ же недвусмысленно обнаруживаютъ свое «національное лицо», какъ только дѣло коснется украинскаго вопроса!.. Обнинскій не зналъ компромиссовъ въ этомъ отношеніи и послѣдовательно проводилъ на практикѣ свои убѣжденія, при каждомъ случаѣ выдвигая тѣ требованія, которыя онъ призналъ для себя обязательными въ качествѣ члена фракціи автономистовъ.

Это сказалось сейчасъ же въ позиціи, занятой Обнинскимъ въ Государственной Думѣ. Въ теченіе кратковременной сессіи первой Думы, не считая докладовъ по запросамъ, выступать ему пришлось нѣсколько разъ въ крайне отвѣтственной роли докладчика отъ аграрной комиссіи по боевому вопросу момента—по вопросу урегулированія земельныхъ отношеній въ Россіи. Здѣсь нѣтъ надобности говорить подробно о томъ, какъ ставила этотъ вопросъ первая Дума и какъ эта постановка отразилась на судьбѣ не только депутатовъ перваго созыва, но и вообще представительныхъ учрежденій въ Россіи. Но зато необходимо отмѣтить позицію докладчика, въ словахъ котораго звучалъ

---

[1]) Анкета «Украинской Жизни»,—«Украинская Жизнь», 1912 г. кн. XII, стр. 55.

призывъ не только ставить аграрный вопросъ въ полномъ объемѣ, но и рѣшать его въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, избѣгая одного—всенивеллирующаго шаблона и принимая во вниманіе все разнообразіе національныхъ и областныхъ отличій. Убѣжденный автономистъ говорилъ устами докладчика аграрной комиссіи. Въ засѣданіи 19 мая 1906 г. Обнинскій впервые формулировалъ свою точку зрѣнія. Приглашая Думу «сказать открыто и во всеуслышаніе—вся земля для трудящихся» и признать этотъ принципъ мѣркой всѣхъ мѣропріятій по аграрному вопросу, докладчикъ въ то же время находитъ необходимымъ раздѣлить вопросъ въ отношеніи Великороссіи и остальныхъ мѣстностей имперіи. Земельная реформа, по мнѣнію Обнинскаго, немедленно и непосредственно самой Думой можетъ быть принята только для великорусскихъ областей. Что же касается иныхъ мѣстностей, то «въ рѣшеніи этого вопроса центръ тяжести несомнѣнно переносится на отдѣльныя мѣстности русскаго государства, которыми этотъ вопросъ и долженъ быть рѣшенъ. Мало того, только въ этихъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и можно получить тѣ матеріалы, которые понадобятся комиссіи (аграрной) въ очень близкомъ будущемъ» [1]). И въ заключеніе Обнинскій вноситъ предложеніе, которое не оставляетъ уже сомнѣній относительно того, какъ докладчикъ представлялъ себѣ желательныя и возможныя, по его мнѣнію, отношенія отдѣльныхъ областей на почвѣ земельнаго переустройства. «Итакъ, господа,—заканчиваетъ Обнинскій свою рѣчь,—признавая принципъ, что вся земля должна принадлежать трудящимся, принимая предложенное заявленіе, какъ минимумъ аграрной программы для великорусскихъ губерній и оставляя открытымъ вопросъ аграрной реформы для областей *до тѣхъ поръ, пока онѣ не получатъ строго демократическихъ органовъ самоуправленія*»—Дума должна прежде всего озаботиться установленіемъ «основъ областного самоуправленія» [2]), для чего избрать особую комиссію, которой и поручить разработку даннаго вопроса.

Такимъ образомъ уже въ плоскости аграрнаго вопроса Обнинскій сумѣлъ стать на точку зрѣнія національныхъ «областей», выдвигая въ качествѣ регулятора именно мѣстныя особенности и нужды. Еще ближе къ національному вопросу подходитъ онъ въ тѣ тревожные дни существованія первой Думы, когда началось обсужденіе извѣстнаго правительственнаго сообщенія по аграрному вопросу и когда конфликтъ между народнымъ пред-

[1]) Стенографическій отчетъ, засѣданіе 38, стр. 2000.
[2]) Тамъ же, стр. 504.

ставительствомъ и министерствомъ («властью законодательной и исполнительной») уже достаточно созрѣлъ и всѣмъ казался неминуемымъ. Представляя въ засѣданіи 4 іюля въ качествѣ докладчика проектъ отвѣтнаго сообщенія Думы, Обнинскій сопровождаетъ его слѣдующимъ предложеніемъ: «Мнѣ хотѣлось бы, чтобы это обращеніе дѣйствительно дошло до всякаго земледѣльца, потому что рѣшеніе аграрнаго вопроса одинаково важно, какъ для сѣвера и центральной Россіи, такъ и для далекаго Закавказья и всякихъ мѣстностей, гдѣ живутъ земледѣльцы. Поэтому я съ своей стороны вполнѣ присоединяюсь къ заявленію депутата Топчибашева о томъ, чтобы тѣ экземпляры сообщенія—если Дума приметъ его въ той или иной редакціи,—которые пойдутъ на наши окраины или въ тѣ губерніи, гдѣ русскій языкъ недостаточно понятенъ земледѣльческому населенію, сопровождались тамъ подстрочнымъ переводомъ на мѣстные языки» [1]). Насколько большое значеніе придавалъ покойный своему предложенію, видно изъ того, что онъ повторилъ его и въ засѣданіи 6 іюля, послѣднемъ засѣданіи первой Государственной Думы, еще разъ настаивая на переводѣ думскаго обращенія «на языки тѣхъ мѣстностей, населеніе которыхъ съ русскимъ языкомъ мало знакомо или вовсе незнакомо». И опять таки Обнинскій и въ данномъ случаѣ являлся выразителемъ общаго мнѣнія своихъ товарищей по фракціи автономистовъ. «Защищая въ Гос. Думѣ,—пишетъ онъ впослѣдствіи въ извѣстной намъ уже анкетѣ «Украинской Жизни»,—предложеніе союза автономистовъ о распубликованіи важныхъ государственныхъ актовъ на языкахъ всѣхъ, по возможности, народностей, я имѣлъ случай выяснить свое отношеніе къ роли этихъ языковъ во всѣхъ установленіяхъ, не видя въ ней опасности для государственнаго языка,—въ данномъ случаѣ великорусскаго» [2]).

«Дума народнаго гнѣва» была распущена, не успѣвъ осуществить своихъ предположеній. Одновременно прекратила свое существованіе и фракція автономистовъ, прошедшая такой яркой полосой въ жизни Виктора Петровича. Выброшенный россійской дѣйствительностью изъ стана активныхъ участниковъ представительныхъ учрежденій, занятый, кромѣ того, дѣлами по ликвидаціи своей думской дѣятельности (процессъ выборжцевъ, тюремное заключеніе и т. д.), онъ на нѣкоторое время отходитъ отъ того, что составило впослѣдствіи оригинальный букетъ его дѣятельности. Но уже съ конца 1909 г. онъ опять возвращается

---

[1]) Стенографическій отчетъ Государственной Думы, сессія I, засѣданіе 12, стр. 502.

[2]) «Украинская Жизнь», 1912 г., XII, стр. 56.

къ ней съ тѣмъ, чтобы уже не прерывать своихъ обычныхъ занятій буквально до послѣдняго момента. Въ это время онъ впервые появляется въ Кіевѣ съ вполнѣ опредѣленными намѣреніями.

Я живо помню эту первую свою встрѣчу съ Викторомъ Петровичемъ. Въ квартирѣ тоже покойнаго И. Н. Полторацкаго собралась небольшая группа изъ представителей украинской и русской интеллигенціи, и Викторъ Петровичъ развилъ предъ ними свои планы усиленія въ обществѣ интереса къ національнымъ и областнымъ вопросамъ. Подробно говорить объ этихъ планахъ еще не пришло время, поэтому лишь вкратцѣ отмѣчу, что въ своихъ построеніяхъ онъ исходилъ изъ программы все той же фракціи автономистовъ первой Думы, подчеркивая, что лишь осуществленіе этой программы обезпечитъ разноплеменному населенію Россіи выходъ на настоящую дорогу ничѣмъ не стѣсняемаго развитія. Но прежде необходимо тѣсное общеніе представителей различныхъ національностей другъ съ другомъ и съ извѣстными элементами среди великорусскаго общества, взаимное ознакомленіе и поддержка, которыя должны вылиться также въ опредѣленныя организаціонныя формы. Осуществленіе своихъ плановъ онъ начинаетъ съ Кіева, такъ какъ разсчитываетъ, что именно здѣсь они должны встрѣтить полное сочувствіе и поддержку въ виду традиціоннаго значенія Украины, какъ колыбели федералистическихъ стремленій. Въ оживленной бесѣдѣ, которая неизмѣнно возобновлялась и въ послѣдующіе пріѣзды Виктора Петровича въ Кіевъ, были намѣчены пути, которыми слѣдуетъ идти къ поставленной цѣли взаимнаго ознакомленія и сотрудничества негосударственныхъ народностей Россіи. Викторъ Петровичъ взялъ на себя всю организаторскую работу и, дѣйствительно, развилъ въ этомъ направленіи громадную энергію. Пользуясь своими связями и репутаціей искренняго друга негосударственныхъ народностей, онъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ въ центръ національныхъ движеній въ Россіи, и, вѣроятно, эти поѣздки останутся надолго памятными на мѣстахъ, какъ первая попытка непосредственныхъ сношеній великорусскаго федералиста съ національными представителями того же теченія. Одновременно и среди представителей великорусскаго общества Обнинскій неутомимо ставилъ національные и областные вопросы, возбуждая интересъ къ нимъ и пробивая брешь въ томъ традиціонномъ индеферентизмѣ относительно національной проблемы, какимъ отличаются широкія круги великорусскаго общества. Онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы свести представителей различныхъ націо-

нальныхъ теченій, устраивалъ совѣщанія, былъ центромъ и душей всевозможныхъ литературныхъ и общественныхъ предпріятій, связанныхъ съ тѣмъ же жгучимъ для него вопросомъ національнаго равноправія и децентрализаціи. Созданіе періодическаго органа, въ которомъ систематически освѣщались бы нужды народовъ и областей, было предметомъ постоянной заботы Обнинскаго. Въ половинѣ 1914 г. эта мысль, наконецъ, осуществилась въ видѣ журнала «Народы и Области», оффиціально издававшагося московскимъ «Обществомъ единеніе народностей въ Россіи», но служившаго выраженіемъ взглядовъ прежде всего Обнинскаго и группировавшагося вокругъ него кружка лицъ. Въ передовой статьѣ перваго номера журнала, несомнѣнно принадлежащей перу Обнинскаго, устанавливается прежде всего то положеніе, что «народы Россіи, доселѣ нетронутые ассимиляціей и живущіе въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, всѣ одинаково нуждаются въ справедливомъ разрѣшеніи своихъ стремленій, въ равномъ ко всѣмъ вниманіи и заботахъ законодательныхъ учрежденій». Упомянувъ о недостаточной информаціи, а иногда и враждебныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ національностей, авторъ статьи такъ формулируетъ задачи новаго органа: «мы ставимъ одною изъ своихъ цѣлей и взаимное ознакомленіе народностей Россіи. Намъ представляется, что условія, въ которыхъ должны жить русскія области не мѣшаютъ сплоченію ихъ въ одно мощное цѣлое и что основная задача нашей эпохи далеко не такъ неосуществима, какъ это кажется представителямъ централистическаго направленія. Но времени для подготовки къ этой задачѣ остается все меньше и меньше. Необходимое для этого спокойствіе все быстрѣе исчезаетъ съ нашего горизонта, уступая мѣсто призракамъ и тревогамъ» [1]).

Къ сожалѣнію, дѣйствительность оправдала эти опасенія въ гораздо большей степени, чѣмъ это могъ предвидѣть авторъ приведенныхъ тревожныхъ строкъ. Время для изданія органа, посвященнаго національнымъ вопросамъ, было выбрано въ высшей степени неудачно. Какъ извѣстно, въ іюлѣ того же года вспыхнула міровая война, внесшая еще больше путаницы въ спутанныя и такъ національныя отношенія, выдвинувшая національный вопросъ уже, не какъ далекую теоретическую проблему, а какъ грозный и настоятельный вопросъ текущаго момента. Оглядываясь на время, истекшее съ начала войны, необходимо признать, что Россія оказалась дѣйствительно не подготовленной къ рѣшенію внезапно вставшихъ предъ нею во весь свой

---

[1]) «Народы и Области», 1914 г., № 1, стр. 3.

ростъ задачъ и что мѣсто необходимаго для такого рѣшенія спокойствія заняли старыя привычки и уже не предполагаемыя опасенія, а дѣйствительная опасность. Начатая подъ лозунгомъ «освобожденіе народовъ» война оказалась убійственной именно для этихъ «освобождаемыхъ» народовъ, получающихъ со всѣхъ сторонъ и дружескіе и вражескіе удары, реальная боль которыхъ, конечно, не можетъ быть затушевана газетными деклараціями и краснорѣчивыми обѣщаніями неотвѣтственныхъ политиковъ, не желающихъ даже вникнуть въ смыслъ развертывающихся событій и упрямо цѣпляющихся за иллюзіи и, быть можетъ, красивыя заблужденія, уже въ дребезги разбитыя и опрокинутыя безпощадной дѣйствительностью. Но въ первые дни войны, дѣйствительно, могло казаться, что найдено, наконецъ, цѣлебное средство на національныя раны и что освободительные лозунги не напрасно рѣютъ въ воздухѣ. Въ числѣ людей, поддавшихся гипнозу «насъ возвышающаго обмана», былъ и Обнинскій, искренно повѣрившій, что настоящая война «вернетъ свободу и миръ той группѣ народовъ, которые доселѣ не жили еще полной жизнью». «То, что еще мѣсяцъ назадъ представлялось политической утопіей,—читаемъ въ руководимомъ имъ органѣ,—возстановленіе Польши, объединеніе украинской Руси, возвратъ австрійскихъ сербовъ въ материнское лоно и многое другое—все это облекается въ живыя формы. Стоило только подойти къ сложнѣйшей проблеммѣ нашей эпохи съ честно поднятымъ забраломъ, какъ дѣло оказалось простымъ, всѣмъ понятнымъ и всѣми пріемлемымъ» [1]). Но вскорѣ и самому Обнинскому пришлось убѣдиться на практикѣ, въ Галичинѣ, какую цѣну имѣютъ громкія слова, и собственными глазами увидать, въ какія живыя формы облекаются «политическія утопіи»!.. По крайней мѣрѣ, лично для меня галиційскія впечатлѣнія, которыя передавалъ покойный въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ лицъ, представляли по-истинѣ безнадежную и безотрадную картину, несмотря на то, что разсказчикъ видимо смягчалъ ее, повинуясь владѣвшему имъ тогда всецѣло оптимизму. Необходимо сознаться, что въ это время поколебались было дружескія отношенія Виктора Петровича съ представителями украинской интеллигенціи,—по крайней мѣрѣ онъ полушутливо предупреждалъ пишущаго эти строки, что «намѣренъ ссориться» по поводу того скептическаго отношенія, какое съ первыхъ же дней войны заняли украинцы къ надеждамъ русскаго общества. Ссоръ не вышло—какъ потому, что покойный вообще былъ слишкомъ терпѣливымъ человѣкомъ, такъ и потому,

---

[1]) «Народы и Области», № 3, 4 и 5, стр 5.

что онъ не могъ не видѣть, что дѣйствительность въ сущности оправдывала самый мрачный скептицизмъ, тогда какъ на сторонѣ оптимистовъ были лишь горячее желаніе и болѣе или менѣе неопредѣленныя ожиданія. Но нѣкоторая взаимная холодность и признаки отчужденности, все же начали было проявляться. Впрочемъ, они скоро исчезли,—по крайней мѣрѣ въ личныхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, судьбѣ угодно было преподать этому искреннѣйшему оптимисту весьма чувствительный урокъ: почти на его глазахъ и въ моментъ выясненія взаимныхъ недоразумѣній былъ арестованъ одинъ видный украинскій дѣятель, судьба котораго наглядно подтверждала правильность осторожнаго отношенія къ освободительнымъ иллюзіямъ... Нужно было видѣть въ этотъ моментъ Виктора Петровича, чтобы понять, какой ударъ его благороднымъ мечтамъ былъ нанесенъ грубой рукой расходившейся реакціи! Вѣроятно, этотъ случай сильно расхолодилъ его намѣреніе «ссориться»...

При слѣдующихъ нашихъ встрѣчахъ о «ссорѣ» уже и помину, конечно, не было. Напротивъ, Викторъ Петровичъ снова возвращается къ тѣмъ интересамъ національной жизни, изъ колеи которыхъ временно выбила его разразившаяся надъ человѣчествомъ катастрофа. Опять начались планы возобновленія оборвавшихся нитей, освѣдомленія о національныхъ нуждахъ, совѣщаній для информаціи и разрѣшенія всевозможныхъ частностей національнаго вопроса. Въ февралѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ Обнинскимъ въ Петроградѣ на устроенномъ имъ совѣщаніи изъ представителей различныхъ національностей. Въ его горячей рѣчи слышалась прежняя тревога по поводу неподготовленности русскаго общества къ разрѣшенію національной проблеммы, пробивались горькія нотки на счетъ косности и упорнаго непониманія задачъ момента, проскальзывали опасенія о возможности опозданія съ надлежащимъ рѣшеніемъ. Но въ то же время онъ намѣчалъ планы борьбы съ общественнымъ равнодушіемъ и косностью,—планы, разсчитанные на долгую дѣятельность. О тѣхъ же планахъ была у насъ бесѣда и во время кратковременнаго свиданія въ Москвѣ въ началѣ марта, о тѣхъ же планахъ, но въ совершенно конкретной поставкѣ, говоритъ и полученное мною въ день смерти покойнаго его письмо. Викторъ Петровичъ казался совершенно поглощеннымъ своей обычной дѣятельностью, но гдѣ-то, на днѣ души, уже образовалась трещина, грызла гнетущая пустота и сердечная тоска, которая и привела къ роковой развязкѣ, поставившей такъ ярко жгучіе вопросы о своевременности ухода этого большого и хорошаго человѣка, такъ необходимого именно въ настоящій моментъ господства фразы и позы, красивыхъ словъ и низменныхъ поступковъ.

Думаю, что это противоестественное сочетаніе, органически противное открытой, искренней натурѣ Обнинскаго, было немаловажнымъ моментомъ, склонившимъ, быть можетъ, вѣсы въ сторону рокового рѣшенія. Онъ, котораго я назвалъ бы благороднѣйшимъ рыцаремъ, настоящимъ романтикомъ національнаго вопроса среди русскаго общества, долженъ былъ чувствовать себя въ извѣстной степени одинокимъ даже въ близкой средѣ, всетаки слишкомъ далекой отъ предмета его увлеченія. Позиція Обнинскаго въ національномъ вопросѣ была вынесена далеко впередъ сравнительно съ позиціей тѣхъ «реальныхъ политиковъ» даже прогрессивнаго лагеря, которые никакъ еще не могутъ отдѣлаться отъ привычки раздѣленія націй на великія и малыя, особо покровительствуемыя и такія, которыя «могутъ обождать». Онъ не понималъ этихъ очередей, считая, что «всѣ (народы) одинаково нуждаются въ справедливомъ разрѣшеніи своихъ стремленій, въ равномъ для всѣхъ вниманіи и заботахъ». Но совершенно естественно, что и ему платили съ другой стороны тѣмъ же непониманіемъ, которое служитъ обычнымъ удѣломъ всѣхъ піонеровъ, не укладывающихся въ рамки «общаго взгляда». Это состояніе, весьма близкое къ одиночеству, особенно должно было усилиться въ послѣднее время, когда уже достаточно выяснился крахъ того искусственнаго и фантастическаго «единенія», которымъ усиленно замазываютъ всѣмъ очевидныя и съ каждымъ днемъ разростающіяся трещины. Ему, который искренно, отъ глубины своего рыцарскаго сердца, повѣрилъ освободительной миссіи, въ особенности должно было быть больно, когда обнаружилось, что то, что представлялось ему «честно поднятымъ забраломъ»— оказалось въ дѣйствительности лишь ловкимъ ходомъ въ борьбѣ и привело къ новому взрыву національнаго угнетенія, по своимъ размѣрамъ превосходящаго все, что видѣлъ міръ въ этой области. Не видѣть этого онъ не могъ, но и примириться, закрыть глаза на происходящее или отойти въ сторону—также не могъ. И онъ ушелъ совсѣмъ...

Въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей покойный съ видимымъ сочувствіемъ цитировалъ извѣстныя слова Сенеки: «мудрецъ знаетъ, когда ему нужно умереть». И самъ онъ поступилъ, какъ этотъ мудрецъ римскаго философа. Ему уходъ отъ жизни представлялся своевременнымъ. Но для насъ, вмѣстѣ работавшихъ съ Викторомъ Петровичемъ въ излюбленной имъ области дѣйствительнаго единенія народностей и освѣдомленныхъ о той массѣ труда, заботъ и энергіи, какую онъ отъ души вкладывалъ въ это дѣло—выходъ изъ строя такого работника всегда казался бы преждевременнымъ, а въ особенности въ настоящій

тяжелый моментъ. Слишкомъ много предстоитъ человѣчеству работы на поприщѣ національнаго устроенія и слишкомъ мало здѣсь работниковъ, подобныхъ почившему. И несомнѣнно, что народы и области Россіи еще долгое время будутъ чувствовать себя осиротѣлыми, не слыша убѣжденнаго и бодрящаго истинно рыцарскаго голоса В. П. Обнинскаго.

С. Ефремовъ.

Русскіе солдаты во Франціи въ 1813—14 гг.

(Изъ записокъ арт. оф. А. М. Барановича).

Изъ многочисленныхъ мемуаровъ современниковъ борьбы съ Наполеономъ мы хорошо знаемъ, какъ повліяли и какое впечатлѣніе произвели заграничные походы, нашей арміи въ 1813 — 14 гг. на ея офицерскій составъ, но мы мало сравнительно знаемъ то же самое по отношенію къ простымъ солдатамъ, которые, однако,«также заразились французскимъ ядомъ». Помѣщаемые ниже отрывки изъ безхитростныхъ записокъ артиллерійскаго офицера А. М. Барановича освѣщаютъ именно эту сторону вопроса. Исправляемъ въ нихъ нѣсколько орѳографію и разстановку знаковъ препинанія [1]). *К. Сивковъ.*

1. О стоянкѣ во Франціи.

Въ 1813 г., по замиреніи съ французами, когда нашей артиллерійской ротѣ велѣно было остановиться въ Епернѣ (Эпернэ, на р. Марнѣ), провинціи, славящейся шампанскимъ виномъ, то въ шестинедѣльномъ квартированіи наши солдаты успѣли ознакомиться (такъ[2]), съ хозяевами своею честностью и услугою, что (тѣ) стали употреблять ихъ на работѣ въ виноградникахъ, (для работъ) полевыхъ, при домашнемъ очагѣ, и нерѣдко хозяева, уходившіе на работы, довѣряли ихъ сохраненію всѣ свои имущества, за что ихъ и угощали шампанскимъ виномъ вдоволь, но которое не имѣло вліянія на русскую голову, а лишь, пресыщаясь онымъ, (русскіе солдаты) краснѣли.

---

[1]) Архивъ Историческаго Музея, собраніе Щукина.
[2]) Слова въ скобкахъ вставлены нами (К. С.).

По 6-недѣльномъ отдохновеніи приказано было выступать въ Россію; въ назначенный день по пробитіи сбора всѣ нижніе чины явились въ паркъ съ хозяевами и семействами, и при прощаніи (тѣ) угощали ихъ всѣмъ возможнымъ и пожелали благополучнаго пути; а нѣкоторые хозяева пожелали проводить своихъ постояльцевъ за 17 верстъ на ночлегъ. Тамъ угощали ихъ досыта, съ радушіемъ, и простились. На другой же день, для похода по сбору хотя (солдаты) и явились въ паркъ, но не досчитались семнадцати рядовыхъ, бѣжавшихъ къ своимъ хозяевамъ, уговорившимъ содержать ихъ на своемъ иждевеніи и женить на дочеряхъ[1]). Когда же мы прибыли на границу Россіи, то слышали, что изъ всего войска осталось во Франціи до сорока тысячъ нижнихъ чиновъ, о возвратѣ которыхъ Государь Александръ и просилъ короля Людовика XVIII подъ условіемъ, что возвращающійся въ отечество наказанію не подлежитъ, если добровольно явится въ полкъ на службу или въ домашнее свое семейство, и путевыя издержки Государь пріемлетъ на свой счетъ. Но король не въ состояніи былъ исполнить государеву просьбу за утайкою французами бѣглецовъ, и потому ни одинъ не возвратился. Нашему рядовому солдату, съ руками для всякихъ работъ, легко было найти пріютъ, но офицеру съ ничтожнымъ воспитаніемъ и .... не нашлось бы ни мѣста, ни куска хлѣба, и не слышно, кто бы оставилъ служебный свой постъ въ русской арміи.

II. Плѣненіе войскъ подъ г. Шампъ-о-беромъ.

Въ 1813 году. По окончаніи генеральныхъ битвъ нашей арміи съ войсками Наполеона, и когда, не рѣшаясь дать намъ сраженіе, отдѣльными отрядами приказалъ безпокоить союзныя войска, что намъ еще было неизвѣстно, то нашего корпуса, командуемаго генераломъ Олсуфьевымъ, два пѣшіе полка и часть нашей артиллеріи попали въ ловушки партизановъ. Не зная этихъ посягательствъ, генералъ Олсуфьевъ отдалъ приказъ: такъ какъ корпусъ не встрѣтитъ никакого дѣла съ непріятелемъ по пути къ Парижу, то дозволяется каждой части сниматься съ ночлеговъ, не стѣсняясь во времени, въ какіе часы выступать, а обязуются

---

[1]) Фактъ, дѣйствительно повторявшійся довольно часто. Еще Растопчинъ съ возмущеніемъ писалъ женѣ въ 1814 г.: «Суди сама, до какого паденія дошла наша армія, если старикъ унтеръ-офицеръ и простой солдатъ остаются во Франціи, а изъ конно-гвардейскаго полка въ одну ночь дезертировало 60 человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ и лошадьми. Они уходятъ къ фермерамъ, которые не только хорошо платятъ имъ, но еще отдаютъ за нихъ своихъ дочерей» (*Русск. Арх.*1901, 491. См. также объ этомъ ст. А. С. Лыкошина «Русская армія во Франціи въ IV т.» изданія «Отечественная война и русское общество», изд. Сытина).

(только) приходить въ назначенные имъ ночлеги. Въ этой увѣренности двинулся корпусъ съ ночлега. Въ головѣ шедшій пѣхотный полкъ генерала Полторацкаго, не зная, «что можетъ встрѣтиться (т.-е. случиться) съ нимъ, лишь сталъ проходить поляну, окаймленную лѣсомъ, то внезапно былъ окруженъ подскакавшею изъ лѣса кавалеріею, рубившей наповалъ солдатъ. Въ это мгновеніе генералъ Полторацкій не могъ устроить фрунта и дать отпоръ, и принужденъ былъ сдать себя и полкъ, который отвели за г. Шампъ-о-беръ[1]) для обезоруженія. Такъ ловко французы эту демонстрацію свершили, что ни одинъ изъ плѣненныхъ не могъ укрыться, дабы сзади шедшихъ оповѣстить! Черезъ два часа пѣхотный полкъ генерала Удома, по той же дорогѣ идя, на полянѣ былъ атакованъ, и, хотя генералъ Удомъ успѣлъ свернуть каре, но страшный натискъ кавалеріи на солдатъ испугалъ ихъ, и генералъ съ полкомъ сдался въ плѣнъ. За нимъ слѣдовала наша батарея; также на полянѣ (она была) остановлена набѣжавшею кавалеріею, (кавалеристы) изрубили офицера Манасеина, прислугу четырехъ орудій, и съ полковникомъ Засядко и поручикомъ Черницкимъ (батарея) взята въ плѣнъ. Я же съ товарищемъ, видя это происшествіе, мгновенно скомандовали «назадъ, на передки», и ускакали отъ плѣненія и сзади шедшихъ предостерегли.

Эти два полка съ генералами и штабъ и оберъ-офицерами, составлявшіе числомъ до 1,000 человѣкъ, французы, обезоруживъ, собрали, всѣ вещественности, какую кто имѣлъ, у генераловъ, штабъ- и оберъ- офицеровъ отбирали кошельки съ деньгами, часы, но крестовъ не трогали, говоря между собой: эти имъ даны за заслуги! Но сапоги и шинели не миновали ихъ рукъ. Потомъ, посадивъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ на верховыхъ лошадей, а прочихъ съ нижними чинами шеренгою повели въ Парижъ. Черезъ Парижъ слѣдовали тѣмъ же порядкомъ, по 3 въ ряду, въ виду окружавшаго народа, утѣшающагося съ (по поводу) взятыхъ трофеевъ и побѣды надъ русскими.

Въ Версали назначенъ былъ ночлегъ и туда прибывшій отрядъ плѣнныхъ, остановившись на площади до времени развода по квартирамъ, удивилъ жителей своимъ безпорядочнымъ видомъ: у кого не было сапогъ, рубахи, шинели, портковъ, безъ покрова головы, а тряпками обвязаны,—и тотчасъ принесли чулки, башмаки, штаны, кофты, шляпы, блузы, и одѣли нашихъ солдатъ и офицеровъ такъ забавно, что нельзя было узнать, кто (онъ): французъ или русскій!

На этомъ же ночлегѣ послѣдовалъ приказъ: генераламъ,

---

[1]) Сраженіе подъ Шамповеромъ было 8 февраля 1814 года.

штабъ-и оберъ-офицерамъ получить фильзеруты (?), прогонныя и порціонныя деньги и ѣхать въ г. Пломбіеръ [1]), не стѣсняясь во времени, а лишь прибыть въ назначенный срокъ; нижнихъ чиновъ вести подъ конвоемъ. Куда (т.-е. въ указанный городъ) всѣ прибывши, размѣстились офицеры по квартирамъ, а нижніе чины въ казармахъ. А генералу Полторацкому, какъ старшему, (велѣно было) завѣдывать всею командою и благочиніемъ.

Въ этомъ квартированіи случился эпизодъ, небывалый въ войскѣ и въ лѣтописяхъ исторіи русскихъ войскъ. Полковника Засядко денщикъ, довольно смышленный, вздумалъ изъ-подъ вѣдомства военнаго освободиться и жить по-французски, пользоваться свободою, убѣждая себя, что въ настоящее время (онъ) не находится въ Россіи, подъ грозою, а въ свободной землѣ, Франціи; и въ этомъ намѣреніи совѣщевался съ товарищами, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ. И не ожидая ихъ отвѣта, самъ началъ дѣйствовать, и, пришедъ къ полковнику, сказалъ: «Отпустите меня! Я вамъ долѣе не слуга!»—«Какъ? Ты денщикъ: долженъ служить, какъ тебя воинскій уставъ обязуетъ!»—«Нѣтъ, г. полковникъ, теперь мы не въ Россіи, а въ вольной землѣ, Франціи, слѣдовательно, должны ею (свободой) пользоваться, а не принужденностью!»—«Хорошо! На мѣсто твое я пріищу слугу!»—Объ этой случайности полковникъ Засядко донесъ генералу Полторацкому, а тотъ, выслушавъ, просилъ объяснить эту случайность рапортомъ. Получивъ оный, генералъ Полторацкій тотчасъ нарядилъ Судную Комиссію и денщика отдалъ подъ военный судъ. Комиссія не замедлила рѣшеніемъ его судьбы—обвинила его въ дерзкомъ посягательствѣ сдѣлаться свободнымъ французомъ и въ подговорѣ своихъ товарищей къ сему въ противность воинскихъ законовъ, и потому мнѣніемъ своимъ положила: его, денщика, прогнать черезъ 500 человѣкъ одинъ разъ шпицрутенами, что было исполнено въ виду французовъ, дивившихся нашей дисциплинаріи. И этимъ улучшилась субординація.—Послѣ замиренія флотъ нашу всю эту команду и перевезъ въ Россіи. (Не потому ли между прочимъ, что опасались побѣговъ солдатъ по дорогѣ, подобныхъ выше описанному?—К. С.).

---

[1]) Въ департаментѣ Вогезовъ. (К. С.).

Мемуары Массона о Россіи [1]).

III. Екатерина II и ея дворъ.

Пребываніе шведскаго короля въ Петербургѣ, веселье по этому поводу, униженіе, которымъ оно закончилось, все это несомнѣнно ускорило смерть Екатерины. Шесть недѣль предавалась она утомлявшимъ ее празднествамъ: уже давно хожденіе по лѣстницамъ дворца, одѣваніе, появленіе на минуту стали для нея тяжелой работой, тѣмъ болѣе, что она все еще старалась казаться молодой и здоровой и не хотѣла пользоваться портшезомъ. Зная, какъ ей трудно входить наверхъ, нѣкоторые вельможи съ большими издержками передѣлали свои лѣстницы въ отлогіе скаты, покрытые коврами, для пріема ее на праздникахъ и балахъ въ честь короля: такая любезность, исключительно съ цѣлью облегчить въ своемъ домѣ пріемы Екатерины, обошлась Безбородко въ четыре-пять тысячъ рублей [2]). Къ концу жизни толщина Екатерины дошла почти до уродства: всегда распухшія и часто открытыя ноги ея были похожи на обрубки хорошенькихъ ножекъ, которыми когда-то такъ восхищались. Ставъ ея шутомъ, знаменитый пиратъ Ламбро-Качіони, служившій ей раньше корсаромъ въ Архипелагѣ и введенный къ ней адмираломъ Рибасомъ по протекціи Зубова, захотѣлъ полечить ее. Онъ внушилъ ей, что знаетъ вѣрное средство исцѣлить ея ноги, и сталъ самъ ежедневно ходить за морской водой для холодныхъ ножныхъ ваннъ. Сперва это помогло ей, и она съ Ламбро уже смѣялась надъ совѣтами докторовъ своихъ, но скоро ноги еще

---

[1]) См. Гол. Мин. № 4.

[2]) Пусть русскія свѣтлости и превосходительства, если прочтутъ это, не обижаются, что я ихъ просто называю по именамъ: я хотѣлъ окутать ихъ титулами, какъ пилюли золотомъ, но часто въ тотъ моментъ, какъ я писалъ, господинъ становился графомъ, графъ—княземъ, а князь—свѣтлѣйшимъ, совѣтникъ — генераломъ, а камердинеръ — превосходительствомъ. Все мѣнялось съ такой быстротой подъ творческой дланью Павла, что мнѣ пришлось остановиться на однѣхъ фамиліяхъ.

больше распухли; а безсонныя ночи и постоянная ходьба только ухудшили болѣзнь. Въ тотъ моментъ, когда она узнала объ отказѣ шведскаго короля, и когда ей пришлось распустить дворъ, собранный на торжество обрученія внучки, у ней сдѣлался легкій апоплексическій ударъ. Усилія, которыя она дѣлала въ слѣдующіе дни, чтобы появляться съ обычнымъ выраженіемъ и чтобы не проявлять изводившей ее досады на упрямство *маленькаго короля*[1]), вызвали еще большій приливъ крови къ головѣ. За эти дни ея обычно румяное лицо сдѣлалось краснымъ, даже багровымъ, а недомоганья участились.

Мнѣ бы не слѣдовало упоминать здѣсь о предзнаменованіяхъ и предвѣстникахъ ея смерти: но, какъ увидимъ, чудеса еще сильны въ Россіи, поэтому слѣдуетъ отмѣтить, что въ тотъ день, какъ она съ королемъ ѣхала къ Самойлову, блестѣвшая надъ ея головой звѣзда скатилась съ неба и упала въ Неву. Справедливость требуетъ сказать въ оправданіе зловѣщихъ предзнаменованій, что объ этомъ случаѣ говорилъ весь городъ: одни утверждали, что прекрасная звѣзда знаменуетъ переѣздъ молодой королевы въ Швецію; другіе же шопотомъ и съ дрожью передавали, что это предвѣщаетъ скорую кончину императрицы, потому что тамъ, куда, казалось, упала звѣзда, находится крѣпость и императорская усыпальница. Я говорю съ *дрожью* и *шопотомъ*, потому что въ Россіи рискованно и считается богохульствомъ связывать слова *смерть* и *императрица*.

Вѣрно то, что 4 ноября 1796 г. стараго стиля Екатерина у себя, въ небольшомъ обществѣ, *petit hermitage*, какъ называли тогда, была необыкновенно весела. Съ одного любекскаго корабля она получила извѣстіе, что генералъ Моро вынужденъ былъ уйти за Рейнъ и по этому случаю написала австрійскому послу Кобенцелю весьма шутливую записку[2]). Она очень забавлялась съ своимъ первымъ шутомъ, оберъ-штальмейстеромъ Львомъ Нарышкинымъ, торгуясь и покупая у него разныя бездѣлушки, которыя онъ обычно приносилъ въ карманахъ, и продавалъ ей, подражая странствующему торговцу. Мило пожуривъ его за страхъ, внушаемый ему извѣстіями о смерти, она сообщила о кончинѣ Сардинскаго короля, о которой ее

---

[1]) Шуточное прозвище, которое она дала ему. Еще съ дѣтства принцъ ревниво стремился казаться взрослымъ человѣкомъ, и всячески добивался этого. Разъ двѣ женщины, гуляя въ какомъ-то паркѣ, воскликнули: *Побѣжимъ на дорогу, чтобы посмотрѣть на нашего маленькаго короля.* Обиженный Густавъ крикнулъ имъ: Развѣ у васъ, медамъ, есть другой—большой?

[2]) Она ходила по рукамъ; вотъ текстъ ея: «Спѣшу сообщить превосходительному Превосходительству, что превосходныя войска превосходнаго двора совершенно разбили французовъ».

только что увѣдомили, при чемъ довольно развязно и шутливо говорила объ этомъ событіи. Однако-жъ она удалилась нѣсколько раньше обыкновеннаго, сказавъ, что отъ смѣха у нея сдѣлались легкія колики.

На слѣдующій день она встала въ обычное время и велѣла позвать фаворита, который пробылъ у нея совсѣмъ недолго. Потомъ она окончила нѣсколько дѣлъ съ секретарями и, выславъ послѣдняго изъ нихъ, велѣла подождать въ передней, пока она позоветъ его для окончанія работы. Онъ сталъ ждать; камердинеръ же, Захарій Константиновичъ, разсердившись, что его не зовутъ, и не слыша никакого шума въ комнатѣ, открылъ, наконецъ, дверь и увидѣлъ императрицу, лежащую навзничь между двухъ дверей, ведущихъ изъ алькова въ гардеробную. Она была уже безъ сознанія и недвижима. Побѣжали къ жившему подъ ней фавориту; позвали докторовъ: суматоха и ужасъ вокругъ нея возрастали. Ее положили на матрацъ передъ окномъ; сдѣлали кровопусканіе, промывательное и все, что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, и что произвело обычное дѣйствіе. Она была еще жива: сердце билось, но другихъ признаковъ жизни не было. Видя безнадежность ея состоянія, фаворитъ велѣлъ предупредить графовъ Салтыкова, Безбородко и нѣкоторыхъ другихъ. Каждый изъ нихъ поспѣшилъ послать своего курьера въ Гатчину, гдѣ находился вел. кн. Павелъ: курьеромъ Зубова былъ его родной братъ. Между тѣмъ родные императрицы и весь дворецъ не знали еще о ея состояніи, его скрывали. О ея нездоровіи узнали только въ одиннадцать часовъ, когда она обычно звала великихъ князей, и слухъ о ея болѣзни распространился только въ часъ пополудни, но его передавали другъ другу таинственно, съ робкой осторожностью, боясь скомпрометировать себя. Приходилось наблюдать встрѣчи двухъ вельможъ, прекрасно знавшихъ объ апоплексическомъ ударѣ: спрашивая, отвѣчая, наблюдая, осторожно приближаясь другъ къ другу, оба старались одновременно подойти къ ужасному вопросу и поговорить о томъ, что обоимъ уже было извѣстно; надо хорошо знать дворъ и особенно русскій, чтобы судить о важности такихъ вещей и не находить всѣхъ этихъ подробностей смѣшными.

Между тѣмъ тѣ, кто случайно или благодаря своему положенію первыми узнали о происшедшемъ, поспѣшили извѣстить родныхъ и друзей своихъ, потому что въ моментъ смерти императрицы ожидали страшной революціи въ государствѣ, какъ вслѣдствіе характера вел. кн. Павла, такъ и изъза предполагаемыхъ проектовъ и намѣреній Екатерины. Слѣ-

довательно, было очень важно принять заранѣе предосторожности: поэтому дворъ, а вслѣдъ за нимъ и городъ были въ крайне тревожномъ ожиданіи и волненіи.

Пять или шесть курьеровъ, почти одновременно прибывшихъ въ Гатчину, не застали тамъ великаго князя, отправившагося со всѣмъ дворомъ своимъ за нѣсколько верстъ посмотрѣть постройку заказанной имъ мельницы. Неожиданная вѣсть сильно потрясла его, но неизвѣстно, была ли то радость или горе—противоположности сходятся, и иногда нельзя хорошо разобраться въ характерѣ впечатлѣнія. Онъ быстро оправился, задалъ курьерамъ нѣсколько вопросовъ, распорядился насчетъ своего переѣзда, и меньше чѣмъ въ 3 часа проѣхалъ двѣнадцать миль разстоянія между Гатчиной и Петербургомъ: онъ прибылъ туда съ супругой въ восемь часовъ вечера и засталъ весь дворецъ въ величайшемъ замѣшательствѣ.

Сейчасъ же около него собралось нѣсколько вельможъ и придворныхъ—другіе исчезли. Отъ страха и горя фаворитъ выпустилъ бразды правленія; сановники, безпокоясь о послѣдствіяхъ внезапнаго происшествія, по одиночкѣ устраивали свои дѣла; всѣ придворныя интриги разстроились въ одинъ мигъ и не могли сцѣпиться, какъ спицы колеса со сломанной ступицей.

Павелъ въ сопровожденіи всей семьи явился къ матери, но она не проявила и тѣни сознанія при видѣ собравшихся дѣтей. Безъ всякихъ признаковъ жизни, не двигаясь лежала она на матрацѣ. Вел. кн. Александръ, его супруга и молодыя великія княжны трогательно окружили ее, заливаясь слезами. Великія княгини, придворные кавалеры и дамы, не раздѣваясь, безъ сна, провели цѣлую ночь, ожидая послѣдняго вздоха императрицы; великій князь съ сыновьями каждую минуту подходилъ къ ней, чтобы присутствовать при кончинѣ; но и слѣдующій день прошелъ въ томъ же волненіи, въ томъ же ожиданіи.

Павелъ не былъ слишкомъ огорченъ потерей матери, столь мало его любившей; онъ занялся приготовленіями къ своему вступленію на престолъ. Онъ отдавалъ подробныя приказанія и такъ же заботливо относился къ этому важному событію въ своей жизни, какъ режиссеръ спектакля къ декораціямъ и машинамъ передъ поднятіемъ занавѣса. И дѣйствительно, кажется, что смерть монарха только антрактъ въ комедіи, такъ мало его личность занимаетъ окружающихъ и даже его собственныхъ дѣтей. Екатерина еще дышала, а кругомъ ужъ только и думали о предстоящихъ перемѣнахъ и о ея преемникѣ.

Между тѣмъ покои дворца понемногу наполнялись офицерами, спѣшно прибывавшими изъ Гатчины въ такихъ странныхъ и новыхъ

костюмахъ, что они казались призраками другого вѣка или выходцами съ того свѣта. Горе, страхъ или страданіе было написано на блѣдныхъ и разстроенныхъ лицахъ прежнихъ придворныхъ, удалявшихся одинъ за другимъ, уступая мѣсто новоприбывшимъ. Безчисленное количество экипажей окружало дворецъ и загромождало ведущія къ нему улицы; всякій, кто имѣлъ при дворѣ какое-либо знакомство, проводилъ тамъ весь день, ожидая предстоящихъ событій. Къ тому же выѣздъ изъ города былъ воспрещенъ,—не пропускали ни одного курьера.

Всѣ думали, что Екатерина умерла еще наканунѣ, но что политическія причины заставляютъ скрывать ея смерть. Между тѣмъ она была въ состояніи, похожемъ на летаргію: данныя ей лѣкарства подѣйствовали; она еще пошевелила ногой и сжала руку горничной, *но къ счастію для Павла она совершенно лишилась языка.* Къ десяти часамъ вечера она, казалось, ожила и стала странно хрипѣть. Императорская семья сбѣжалась къ ней, но великихъ княженъ пришлось удалить отъ этого ужаснаго, невиданнаго зрѣлища. Наконецъ, Екатерина испустила жалобный крикъ, услышенный даже въ сосѣднемъ помѣщеніи, и умерла послѣ тридцати семи часовой агоніи. За все это время она не проявляла признаковъ страданія, кромѣ послѣднихъ минутъ, и, казалось,смерть была для нея столь же счастливою, какъ и все царствованіе.

Если иногда думаютъ, что о любви къ государю можно судить по впечатлѣнію, произведенному его смертью, то въ Россіи такого наблюденія сдѣлать никакъ нельзя: развѣ только счесть дворъ за все государство. Всего больше страдалъ тотъ, кто больше всѣхъ терялъ со смертью императрицы, кого эта смерть низвергла съ вершины величія и могущества въ ту толпу, изъ которой его извлекъ фаворъ: его горе было даже трогательно. Молодыя великія княжны, нѣжно любившія свою бабушку, стоявшую къ нимъ ближе собственныхъ родителей, отдали ей дань искренними слезами: онѣ смотрѣли на нее, какъ на свое Провидѣніе, какъ на источникъ всего своего счастья и радостей. Оплакивали Екатерину также дамы и придворные, пользовавшіеся добротой и очаровательной любезностью ея интимнаго общества, молодыя придворныя дѣвицы и кавалеры жалѣли о счастливыхъ вечерахъ въ Эрмитажѣ, о той свободѣ нравовъ и веселья, которыя она умѣла вносить, и которыя они сравнивали съ солдатскими стѣсненіями и страннымъ этикетомъ, внезапно смѣнившимъ ихъ. Умники и остряки содрогались при мысли, что впредь имъ придется уважать людей, которыхъ они осмѣивали и презирали, и подчиняться порядку, который былъ постоянной и безсмѣнной

мишенью ихъ сарказмовъ и остротъ. Горничныя и слуги Екатерины искренно оплакивали добрую, великодушную госпожу свою, которая, благодаря ровному, мягкому нраву и благородному, гордому характеру своему,была выше мелкихъ ежедневныхъ вспышекъ, отравляющихъ домашнюю жизнь. И, дѣйствительно, Екатерина достойна была бы и сожалѣнія, и слезъ, если бы можно было оцѣнивать ее только, какъ мать семейства, принявъ дворецъ—за ея домъ, а всѣхъ придворныхъ—за дѣтей.

И еще у нѣкоторыхъ поблѣднѣвшихъ личностей свѣтилось во взорѣ отчаяніе, но эти не были способны плакать; лица ихъ были скорѣй виноватыя, чѣмъ грустныя, а горе ихъ относилось не къ Екатеринѣ. Я говорю о толпѣ креатуръ фаворита, вѣроломныхъ помощниковъ, подлыхъ придворныхъ,негодяевъ различныхъ положеній и званій, всѣ успѣхи и надежды которыхъ покоились на злоупотребленіяхъ его правленія и на слабости его характера. Въ эту стонущую толпу приходится включить и тѣхъ, кто, принимая участіе въ революціи 1762 г., сыгралъ въ ней роль соблазнителей и палачей; теперь они, казалось, пробуждались отъ долгаго сна, остановившаго ихъ мысли, пробуждались, чтобы предаться ужасу или, можетъ быть, раскаянью.

Что же касается народа, этого пробнаго камня заслугъ монарха, являющагося въ Россіи скотомъ, попираемымъ ногами, какъ мостовая, то ничто не сравнится съ его равнодушіемъ къ происходившему во дворцѣ. Распространились слухи, что цѣны на продукты понизятся, что власть господъ надъ крѣпостными будетъ ограничена и точно опредѣлена; но мы скоро увидимъ, какъ Павелъ опровергъ всѣ эти народные слухи. Столичная знать была въ нѣмомъ ужасѣ. Страхъ и всеобщая ненависть, внушенная великимъ княземъ, какъ будто, пробудили въ этотъ моментъ любовь и сожалѣніе, заслуженныя Екатериною.

Да и какая внезапная перемѣна въ столь блестящей столицѣ и, главное, при столь счастливомъ и изысканномъ дворѣ. Царившія тамъ свобода, непринужденность и галантность смѣнились невыносимыми стѣсненіями. Крики команды, грохотъ солдатскаго оружія, топотъ сапогъ и звонъ шпоръ ужъ раздавались въ покояхъ, гдѣ Екатерина только что заснула вѣчнымъ сномъ. Трауръ женщинъ, наскоро надѣтыя смѣшныя одежды мужчинъ, новый языкъ, который всѣ спѣшили усвоить, и быстро слѣдовавшія перемѣны довели до того, что люди, встрѣчаясь—не узнавали другъ друга, спрашивая—не получали отвѣта и бесѣдуя—не слушали одинъ другого. Подоспѣвшій тѣмъ временемъ Екатерининъ день, такъ пышно праздновавшійся до сихъ поръ, заставилъ всѣхъ съ ужасомъ почувствовать пустоту дворца, съ котораго спало все

очарованіе, и который изъ арены столькихъ празднествъ и удовольствій обращался въ арену смѣшного.

Въ шестьдесятъ лѣтъ Екатерина сохранила еще остатки красоты. Волосы ея были всегда причесаны съ античной простотой и исключительнымъ вкусомъ: ни къ чьей головѣ корона не шла лучше, чѣмъ къ ея. Будучи средняго роста, она была полна; и ни одна женщина ея сложенія не сумѣла бы такъ хорошо и изящно одѣваться. Благодаря веселью и довѣрію, внушаемому ею въ интимномъ обществѣ, она была вѣчно окружена юностью, забавами и играми. Благодаря ея ласковымъ разговорамъ и ея фамильярности, всѣ вхожіе къ ней и присутствовавшіе при ея туалетѣ, чувствовали себя непринужденно; но, какъ только она надѣвала перчатки, чтобы выйти и появиться въ сосѣднихъ апартаментахъ, ея походка и лицо дѣлались совсѣмъ другими. Изъ милой, болтливой женщины она вдругъ превращалась въ величественную и сдержанную императрицу. Тотъ, кто видѣлъ ее тогда въ первый разъ, находилъ, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ составившемуся о ней представленію, и говорилъ: Да, это она, это Семирамида сѣвера! Къ ней, какъ и къ Фридриху Великому, правило: *Praesemtia minuit famam*, не подходило. Въ теченіе десяти лѣтъ видалъ я ее разъ или два въ недѣлю и всегда съ новымъ интересомъ. Вниманіе, съ которымъ я наблюдалъ ее, заставляло меня иногда забывать простерѣться передъ ней вмѣстѣ съ толпой; но благоговѣніе, свѣтившееся въ моихъ взорахъ, льстило ей, навѣрно, сильнѣе. Она ходила медленно, мелкими шагами, держа высоко свой ясный лобъ и часто опуская спокойный взглядъ. Она привѣтствовала кивкомъ, не лишеннымъ граціи и сопровождаемымъ повелительной улыбкой, являвшейся и исчезавшей вмѣстѣ съ поклономъ. Если передъ ней былъ иностранецъ, которому она протягивала руку для поцѣлуя, то она дѣлала это очень вѣжливо, говоря ему нѣсколько словъ о его путешествіи и прибытіи; но тутъ нарушалась гармонія ея лица, на минуту исчезала великая Екатерина, и передъ вами являлась старая женщина: открытый ротъ обнаруживалъ отсутствіе зубовъ, голосъ былъ слабъ, а слова нечленораздѣльны. Въ нижней части лица ея было что-то жесткое и грубое, въ свѣтло-сѣрыхъ глазахъ что-то лживое, а извѣстная складка въ началѣ носа придавала ей немного зловѣщій видъ. Знаменитый Лампи недавно написалъ портретъ ея, довольно похожій, но все же чрезвычайно польстившій ей, тѣмъ не менѣе Екатерина осталась имъ крайне недовольна, замѣтивъ, что онъ не забылъ эту злосчастную, характерную для лица ея, складку. Она заявила, что Лампи придалъ ей слишкомъ серьезное и злое выраженіе. Пришлось

подправлять и портить портретъ, обратившійся теперь въ изображеніе молодой нимфы; только тронъ, скипетръ, корона и нѣкоторые другіе атрибуты даютъ возможность догадаться, что это портретъ императрицы. Впрочемъ эта вещь, какъ его же портретъ теперешней императрицы, заслуживаетъ вниманія любителей [1]).

Что же касается характера Екатерины, думаю, что онъ выяснится изъ ея поступковъ. Царствованіе ея было счастливо и блестяще для нея и двора; но конецъ его былъ особенно гибеленъ для народа и имперіи. Всѣ пружины управленія попортились: каждый генералъ, каждый губернаторъ, каждый начальникъ округа сдѣлался самостоятельнымъ деспотомъ. Мѣста, правосудіе, безнаказанность продавались за деньги: около двадцати олигарховъ раздѣляли между собой Россію подъ покровительствомъ фаворита, они или сами грабили государственные доходы или предоставляли грабить другимъ и оспаривали другъ у друга добычу, захваченную у несчастныхъ. Случалось, что ихъ слуги, ихъ крѣпостные даже въ короткій срокъ достигали значительныхъ должностей и богатствъ. Иной, получая всего триста-четыреста рублей жалованья, увеличивалъ его посредствомъ взяточничества настолько, что строилъ около дворца пятидесятитысячные дома. Екатерина и не помышлявшая разыскивать нечистые источники этихъ эфемерныхъ богатствъ, кичилась, видя, какъ столица украшается у нея на глазахъ и рукоплескала необузданной роскоши негодяевъ, считая ее доказательствомъ благоденствія подъ своимъ владычествомъ. Никогда, даже во Франціи, грабежъ не былъ такимъ всеобщимъ и такимъ доступнымъ. Всякій, черезъ чьи руки шли казенныя деньги на какое-нибудь предпріятіе, нагло оставлялъ себѣ половину и дѣлалъ потомъ представленіе о полученіи добавочныхъ подъ предлогомъ недостаточности отпущенныхъ суммъ: ему опять давали то, что онъ просилъ, или предпріятіе останавливалось. Большіе воры сами участвовали въ дѣлежѣ награбленнаго мелкими и были ихъ соучастниками. Крупный чиновникъ зналъ приблизительно, сколько даетъ секретарю каждая его подпись, а полковникъ безъ колебаній толковалъ съ генераломъ о барышахъ, получаемыхъ имъ съ полка [2]).

---

[1]) Знаменитая мадамъ ле-Брёнъ, бывшая въ Петербургѣ и не добившаяся чести писать Екатерину живой, увидала ее мертвой и написала портретъ по памяти съ помощью воображенія. Набросокъ его я видѣлъ, онъ очень похожъ. Вотъ шутливый совѣтъ, который даютъ мадамъ ле-Брёнъ, чтобы сдѣлать его совершеннымъ: Возьмите, вмѣсто полотна, карту Россійской имперіи; мракъ невѣжества, вмѣсто фона; остатки Польши, вмѣсто драпировокъ; человѣческую кровь, вмѣсто краски, вмѣсто набросковъ—памятники ея царствованія и шесть первыхъ мѣсяцевъ царствованія ея сына—въ видѣ тѣни и т. д.

[2]) Полковникъ былъ полнымъ хозяиномъ своего полка: онъ завѣдывалъ всѣми ротами, входилъ во всѣ мелочи, велъ хозяйство. Русская

Начиная съ самого фаворита и кончая послѣднимъ чиновникомъ, всѣ смотрѣли на государственную собственность, какъ на мачту съ призами, которые надо достать, и бросались на нее съ тѣмъ же безстыдствомъ, съ какимъ чернь бросается на выставленнаго ей быка. Одни только Орловы, Потемкинъ и Панинъ занимали свои мѣста съ извѣстнымъ достоинствомъ: у первыхъ проявились нѣкоторыя способности и огромное честолюбіе; у Панина же было больше достоинствъ: онъ былъ образованъ, любилъ родину и былъ добродѣтеленъ [1]). Вообще же ничто не сравнится съ ничтожествомъ сильныхъ міра сего за послѣдніе годы царствованія Екатерины: лишенные знаній, убѣжденій, возвышенныхъ чувствъ и честности, они не имѣли даже той хвастливой чести, которая такъ же далека отъ истинной честности, какъ лицемѣріе отъ добродѣтели; безчувственные, какъ колоды, лихоимцы, какъ мытари, хищные, какъ лакеи, и продажные, какъ субретки въ комедіяхъ, они были, по истинѣ, сволочью имперіи. Ихъ прихвостни, креатуры, ихъ лакеи и даже родня обогащались вовсе не отъ ихъ щедротъ, а съ помощью притѣсненій, творимыхъ ихъ именемъ, и торговли ихъ кредитомъ: впрочемъ и ихъ самихъ обворовывали такъ же, какъ они обворовывали казну. Всѣ услуги имъ, вплоть до самыхъ низкихъ, оплачивались государствомъ: часто ихъ слуги, шуты, музыканты, личные секретари и даже гувернеры дѣтей получали вознагражденіе изъ какой-либо казенной кассы, бывшей въ ихъ завѣдываніи. Нѣкоторые изъ нихъ покровительствовали талантамъ, уважали достойныхъ людей; но ни тѣ, ни другіе не обогащались около нихъ: они имъ ничего, не давали, не столько изъ жадности, какъ по полному отсутствію склонности къ благо-

---

армія живетъ всегда припѣваючи въ тѣхъ странахъ, гдѣ находится, будь то покоренная, дружеская или вражеская страна—это безразлично: полковники кладутъ почти цѣликомъ въ карманъ суммы, предназначенныя для ея содержанія. Они пускаютъ лошадей въ луга, а солдатъ ставятъ на постой къ крестьянамъ. Ихъ жалованье равняется семи-восьмистамъ рублямъ, а ихъ доходъ—пятнадцати-двадцати тысячамъ. Императрица разъ такъ отвѣтила чиновнику, ходатайствовавшему передъ ней за одного бѣднаго офицера: *Онъ самъ виноватъ, что бѣденъ: вѣдь онъ долго командовалъ полкомъ.* Такимъ образомъ воровство было разрѣшено, а честность считалась глупостью.

[1]) Одинъ его поступокъ особенно великодушенъ, но у него не явилось подражателей. Закончивъ образованіе вел. кн. Павла, главнымъ воспитателемъ котораго онъ былъ, графъ Панинъ кромѣ другихъ наградъ, получилъ отъ императрицы семь тысячъ крестьянъ (8412 д. м. п. *Ред.*), а сотрудники, помогавшіе ему, адъютанты, секретари и др. ничего не получили. Онъ роздалъ имъ пожалованныхъ ему крестьянъ, и я встрѣчалъ нѣсколькихъ офицеровъ, которые до сихъ поръ богаты вслѣдствіе этого благодѣянія. Но этотъ добрый поступокъ не можетъ все же вытѣснить изъ памяти три главныхъ пагубныхъ предпріятія его управленія: обмѣнъ Голштиніи на шесть кораблѐй, которыхъ Данія такъ и не смогла дать; первый раздѣлъ Польши, породившій желаніе захватить и остальное; и воспитаніе Павла, характеръ котораго—сущій бичъ для его родины,—вотъ печальные памятники, имъ оставленные.

творительности. Только ставъ шутомъ, можно было снискать ихъ милость, и, сдѣлавшись мошенникомъ, извлечь изъ этого выгоду.

Поэтому должностными лицами и людьми сильными были въ это царствованіе почти исключительно выскочки. Новые князья и графы роями родились на праздникахъ Екатерины, въ то самое время, какъ во Франціи стремились совсѣмъ отмѣнить титулы. За исключеніемъ Салтыковыхъ, ни одна знатная семья не была въ милости. Нигдѣ въ другихъ странахъ, кромѣ Россіи, въ томъ не было бы бѣды; но для нея это сущее несчастье, потому что тамъ богатая знать—единственный образованный классъ, въ которомъ встрѣчается чувство чести. Къ тому же всѣ эти новые люди оказались такими голодными піявками, что ихъ пришлось накачивать самой чистой кровью государства и пóтомъ народа. Частая смѣна королей не ложится тяжестью на государство, наслѣдующее имъ, но постоянныя смѣны фаворитовъ и правителей, обогащающихся и уносящихъ съ собой его сокровища, несомнѣнно, истощили бы всякую страну, кромѣ Россіи. Сколько милліоновъ пошло на то, чтобы осыпать богатствами одного за другимъ двѣнадцать офиціальныхъ фаворитовъ? Сколько понадобилось, чтобы обогатить и превратить въ вельможъ всякихъ Безбородко, Завадовскихъ, Морковыхъ и многихъ другихъ, настолько многочисленныхъ, что всѣхъ ихъ и не назовешь? Орловы, Потемкины, Зубовы, не стали ли они богаче королей? И даже тѣ, что торговали ихъ подписями и завѣдывали ихъ разнообразными увеселеніями, не стали ли и они богаче самыхъ удачливыхъ торговцевъ Европы? [1]).

Насколько мягкимъ и умѣреннымъ было правленіе Екатерины вблизи ея, настолько же ужаснымъ и произвольнымъ было оно вдали отъ нея. Человѣкъ, которому прямо или косвенно покровительствовалъ фаворитъ, являлся открытымъ тираномъ вездѣ, гдѣ бы ни находился: онъ дерзилъ начальству, давилъ подчиненныхъ и безнаказанно нарушалъ правосудіе, дисциплину и указы [2]).

Эту распущенность и внутреннюю дезорганизацію управленія приходится прежде всего приписать политикѣ Екатерины, а затѣмъ ея слабости; но важнѣйшая ихъ причина лежитъ все же

---

[1]) Передо мной какъ разъ книга подъ заглавіемъ: Жизнь Екатерины II; авторъ вычислилъ въ ней суммы, полученныя фаворитами, но какъ невѣренъ этотъ разсчетъ, насколько онъ ниже дѣйствительности! да и какъ опредѣлить огромныя суммы, обогатившія Орловыхъ, Потемкиныхъ и Зубовыхъ, если эти три фаворита брали изъ казны, какъ изъ собственнаго кармана? *Авт.* См. слѣдующую главу. *Ред.*

[2]) Я хотѣлъ сказать законы, что понятнѣй для слуха и по смыслу,— но я вѣдь говорю о Россіи, гдѣ господствуютъ повелѣнія (указы), а не законы.

въ нравахъ и испорченности націи, и, главнымъ образомъ, двора. Какъ могла женщина совершить то, чего не могли сдѣлать энергичная дубинка и смертоносный топоръ Петра I? Узурпировавъ тронъ и стремясь удержать его, она должна была ублажать своихъ сообщниковъ: они своимъ преступленіемъ купили безнаказанность. Чужестранка въ подвластномъ ей государствѣ, она постаралась слиться съ націей, принявъ всѣ ея вкусы и предразсудки и даже льстя имъ. Екатерина умѣла иногда награждать, но никогда не умѣла наказывать; и, только допустивъ злоупотребленія властью, она смогла удержать ее.

У нея было двѣ страсти, умершія вмѣстѣ съ нею: любовь къ мужчинѣ, перешедшая въ развратъ, и любовь къ славѣ, перешедшая въ тщеславіе. Первая никогда не порабощала ее настолько, чтобы обратить въ Мессалину; но Екатерина часто безчестила свое величіе и свой полъ. По привычкѣ она осталась такою, какою была по темпераменту. Вторая страсть понуждала ее къ похвальнымъ начинаніямъ, рѣдко доводившимся до конца, и къ несправедливымъ войнамъ, давшимъ ей славу успѣха.

Великодушіе Екатерины, блескъ ея царствованія, великолѣпіе ея двора, учрежденія, памятники, войны являются для Россіи тѣмъ же, чѣмъ былъ вѣкъ Людовика XIV для Европы; но личность Екатерины крупнѣе личности этого государя. Французы создали славу Людовика, Екатерина создала славу русскихъ: она не имѣла, какъ онъ, преимущества—царствовать надъ культурнымъ народомъ и съ колыбели быть окруженной великими людьми. У нея было только нѣсколько хитрыхъ дипломатовъ и нѣсколько удачливыхъ генераловъ, но, за исключеніемъ Румянцева, Панина и Потемкина, не было ни одного талантливаго человѣка. Къ числу исключеній не принадлежатъ ни нѣкоторые государственные дѣятели съ умомъ и коварной ловкостью, ни Суворовъ съ своею доблестью и жестокостью, ни талантливый и гибкій Рѣпнинъ, ни вліятельный Зубовъ, ни способный Безбородко, ни усидчивый Николай Салтыковъ.

Я не хочу сказать, что въ Россіи нѣтъ достойныхъ людей; но Екатерина боялась ихъ: они всегда были далеко отъ нея. Изъ этого слѣдуетъ, что все сдѣланное при ней, особенно добро, сдѣлано ею самою. Пусть же картина злоупотребленій и несчастій ея царствованія не омрачитъ личный характеръ этой монархини! Она казалась истинно человѣчной и великодушной; всѣ, приближавшіеся къ ней, испытали это на себѣ, всѣ, близко знавшіе ее, были очарованы прелестью ея ума, всѣ, окружавшіе ее, были счастливы. Несмотря на свои любовныя связи и распущенность она сохраняла всегда внѣшнюю скром-

ность [1]): даже фавориты всегда уважали ее. Ея любовь никогда не внушала отвращенія, а близость—презрѣнія; ее обманывали, обольщали, но никогда не властвовали надъ ней. Слишкомъ несправедливо было бы приписывать притворству такія ея нравственныя качества, какъ энергію, правильность образа жизни, умѣренность, бодрость, постоянство, даже воздержанность. Какъ бы велика она была, если бы ея сердце было столь же справедливо, какъ умъ! Она была менѣе деспотична къ русскимъ, чѣмъ къ себѣ самой: никогда никто не видѣлъ, чтобы она вышла изъ себя отъ гнѣва или проявила неумѣренное горе и радость. Въ ея характерѣ, а тѣмъ болѣе въ поступкахъ, совсѣмъ не было капризовъ, прихотей, мелочности. Я не берусь рѣшить, была ли она, дѣйствительно, великою женщиною, но ее любили [2]).

Ее, съ юности пропитанную развратными принципами, заразой дворовъ, окруженную на тронѣ непроницаемымъ облакомъ лести,слишкомъ строго было бы судить по ея же правиламъ, освѣтивъ сразу факеломъ разума. Будемъ же судить ее, какъ бы судили двадцать лѣтъ тому назадъ, и подумаемъ о томъ, что Россія, какъ народъ, живетъ еще въ эпоху Карла Великаго. Друзья свободы должны, по крайней мѣрѣ, отдать Екатеринѣ дань справедливости, какую разсудительные теологи отдавали великимъ мудрецамъ, не познавшимъ свѣта истины. Преступленія Екатерины были преступленіями ея управленія, но не сердца. Та, духъ которой, казалось, парилъ надъ рѣзней въ Измаилѣ и Прагѣ, у себя,

---

[1]) То что распространялось въ Европѣ о ея распутствѣ, о шампанскомъ и водкѣ, которыми она опьянялась, о гренадерахъ, которыхъ она вызывала къ себѣ, и сотни другихъ вымысловъ—все это чистѣйшая клевета.

[2]) Для эпитафій Екатеринѣ и для подписи подъ ея портретомъ слагались различныя четверостишія; ниже приводимъ самое сильное изъ нихъ и лучше всего характеризующее Екатерину; оно написано двумя русскими и указываетъ на возвышенныя достоинства ихъ ума, сильнаго характера и великодушнаго сердца.

Elle fit oublier, par un esprit sublime,
D'un pouvoir odieux les énormes abus,
Et se maintint par ses vertus
Sur un trône acquis par le crime.

(Гнусной власти страшныя злоупотребленія умомъ великимъ заставила она забыть, и тронъ, добытый преступленіемъ, добродѣтелью своей умѣла сохранить).

Слѣдующее четверостишіе, очень льстиво, но достоинствъ въ немъ не меньше.

Dans le sein de la paix, au milieu de la guerre,
A tous ses ennemis elle dicta la loi:
Par ses talents divers elle étonna la terre,
Ecrivit comme un sage, et régna comme un roi.

(Во время мира, среди войны законъ диктовала врагамъ своимъ; какъ мудрецъ, писала, какъ король, царила и міръ удивила талантомъ своимъ).

при дворѣ, была сама гуманность. Ей нужно было бы несчастье, чтобы проявить болѣе высокія добродѣтели, постоянные же успѣхи оружія испортили ее. Тщеславіе, гибельный соблазнъ всѣхъ женщинъ, погубило и Екатерину; и на ея царствованіи навсегда останется отпечатокъ ея пола.

Но съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на нее, она всегда будетъ въ первомъ ряду среди тѣхъ, кто плѣнялъ міръ своими талантами, могуществомъ, а главное—успѣхомъ. Ея полъ, придавшій особый блескъ проявленнымъ ею на тронѣ достоинствамъ, поставитъ ее внѣ всякаго сравненія въ исторіи, и придется обратиться къ легендарнымъ временамъ Изидъ и Семирамидъ, чтобы найти женщину, которая столько бы выполнила, вѣрнѣе, предприняла великихъ дѣлъ.

Послѣднія десять лѣтъ царствованія довершили ея могущество, славу и, можетъ быть, ея политическія преступленія. Послѣ смерти диктатора европейскихъ монарховъ, Фридриха, этого великаго человѣка, она стала первою среди коронованныхъ особъ. За исключеніемъ Іосифа и Густава, онѣ, всѣ вмѣстѣ, не стоили ея головы; она талантами превосходила другихъ государей настолько же, насколько и пространствомъ своихъ владѣній; и если Фридрихъ былъ ихъ диктаторомъ, то она сдѣлалась деспотомъ. Именно тутъ кончикъ политической нити и попалъ въ руки женщины, дергавшей ее по своему усмотрѣнію; это былъ кончикъ той самой нити, которая заставила бѣдную Европу двигаться, какъ картоннаго плясуна, кончикъ, ускользнувшій изъ рукъ Франціи, и летавшій изъ Берлина въ Вѣну и въ Лондонъ. Огромное сказочное государство, подвластное ей, неизсякаемыя богатства, извлекавшіяся ею изъ первобытной земли и народа, исключительный блескъ ея двора, варварское великолѣпіе вельможъ, громадныя состоянія и царское величіе ея фаворитовъ, славные подвиги ея арміи и гигантскіе планы ея честолюбія—все это внушало что-то вродѣ восторга остолбенѣвшей Европѣ. Государи, которые отказались бы уступать другъ другу, не чувствовали униженія, передавая въ руки женщины власть надъ своими интересами и руководство своими поступками.

Но французская революція, столь погубная для государей, оказалась особенно погубной для Екатерины. Свѣтъ, какъ изъ зловѣщаго кратера, внезапно вырвавшійся изъ лона Франціи, освѣтилъ Россію яркимъ блескомъ молніи: и тамъ, гдѣ видѣли только величіе, славу и добродѣтель, вдругъ узрѣли несправедливость, преступленіе и кровь. Екатерина содрогнулась отъ ужаса и негодованія. Неумолимыми судьями, внезапно ужаснувшими ее, сдѣлались французы, тѣ французы, глашатаи славы, льстивые

и блестящіе историки, которые должны были со временемъ передать потомству чудеса ея царствованія. Мечты ея воображенія вдругъ померкли; все стало ей ненавистно: и Греческая имперія, которую она собиралась возстановить, и законы, которые хотѣла ввести, и философія, которую думала распространить, и искусства, которымъ она покровительствовала. Какъ и многіе другіе коронованные философы, Екатерина любила науки только пока онѣ, какъ ей казалось, способствовали распространенію ея славы. Она хотѣла держать ихъ въ рукѣ, какъ потайной фонарь, пользоваться распространеніемъ ихъ свѣта, по своему усмотрѣнію, и видѣть все, не будучи сама видима; но, внезапно оскорбленная ихъ блескомъ, она рѣшила погасить ихъ. Другъ Вольтера [1]), почитательница Бюффона, ученица Дидро, она постаралась съ этого момента снова погрузиться въ варварство; но напрасно она рѣшила отказаться отъ свѣта—она уснула на лаврахъ, а проснулась на трупахъ: Слава, которую она мнила въ своихъ объятіяхъ, превратилась въ Фурію; и, забывъ всѣ свои принципы и философію, законодательница Сѣвера превратилась сама въ старую Сивиллу. Подлые фавориты старательно внушали ей ужасъ и подозрительность, повсюду ей показывали Брутовъ, якобинцевъ и отравителей. Ея бредъ зашелъ такъ далеко, что она стала въ манифестахъ называть крамольниками и мятежниками и короля, увеличивавшаго свои королевскія прерогативы, и знать, улучшавшую свой образъ правленія; поляковъ она обозвала якобинцами, потому что они не имѣли несчастья быть русскими [2]).

Что сказала бы она, если бы въ спокойную минуту ей показали, что она сама очень ускорила французскую революцію, столь гнусную по ея мнѣнію? А между тѣмъ это фактъ. Она бы не возмутила всей Европы противъ себя и вообще противъ государей, если бы подъ вліяніемъ безумія не бросилась такъ на несчастную Польшу и не замыслила потомъ заговоровъ въ Пруссіи и Швеціи; она бы не заставила прусскаго короля заключить миръ и стать на сторожѣ противъ нея же; она бы не возмутила Испанію, если бы не выступала противъ короля-католика и знати съ тѣмъ же оружі-

---

[1]) Во время революціи Екатерина велѣла убрать изъ своей галлереи бюстъ Вольтера и бросить его куда-то въ уголъ. Когда краснорѣчивый Фоксъ во главѣ оппозиціи помѣшалъ своему правительству объявить войну Россіи, она пожелала имѣть его бюстъ. Когда же Фоксъ воспротивился также войнѣ съ Франціей, она велѣла выбросить этотъ бюстъ, столь чествованный ею за годъ до того.

[2]) Даже американцы стали въ эту эпоху ненавистны Екатеринѣ: она осудила революцію, которою когда-то притворно восхищалась, назвала Вашингтона мятежникомъ и публично заявила, что честный человѣкъ не можетъ носить ордена Цинцината. Ланжеронъ и нѣкоторые другіе эмигранты, имѣвшіе этотъ орденъ, поспѣшили отказаться отъ него, и больше его не носили.

емъ и съ тѣми же ругательствами, которыя употреблялись противъ французовъ. Въ этомъ отношеніи Франція обязана ей памятникомъ: она сдѣлала ненавистными и абсурдными даже для самихъ монарховъ всѣ пріемы ея враговъ; она оказала республикѣ такую же услугу, какъ демагоги своими излишествами и какъ Питтъ своими интригами.

Екатерина не очень-то покровительствовала литературѣ въ своемъ государствѣ; она поощрялась въ счастливое царствованіе Елизаветы, отмѣченное нѣсколькими произведеніями, вполнѣ доказавшими Европѣ, что русскіе могутъ претендовать на славу во всѣхъ областяхъ. Изъ тщеславія Екатерина приказывала покупать библіотеки и коллекціи картинъ; она давала пенсію льстецамъ и льстила знаменитостямъ, которыя могли ее прославить. Она охотно посылала медаль или табакерку нѣмецкому писателю, посвятившему ей какое-нибудь льстивое произведеніе свое, но чтобы ей понравиться, надо было пріѣхать издалека, а чтобы заслужить ея похвалу и главное награду, надо было имѣть уже большую извѣстность; если бы даже геній родился близъ нея, она бы не замѣтила его [1]), и конечно не поощрила бы. Между тѣмъ, завидуя всѣмъ родамъ славы и особенно славѣ Фридриха Единственнаго, какъ писателя, она пожелала и сама прославиться на томъ же поприщѣ: она написала свой знаменитый *Наказъ для составленія новаго Уложенія*, нѣсколько нравственныхъ и аллегорическихъ сказокъ для своихъ внуковъ и множество драматическихъ произведеній и «пословицъ», которыя она заставляла играть въ Эрмитажѣ, требуя, чтобъ ими восхищались. Ея обширная и пустая затѣя собрать нѣсколько словъ на трехстахъ различныхъ языкахъ въ одномъ словарѣ такъ и осталась незаконченной.

Изъ всего написаннаго ею, лучшее, несомнѣнно, письма къ Вольтеру; они даже гораздо интереснѣе писемъ стараго придворнаго философа, продававшаго ей часы, вязавшаго для нея чулки [2]), на сто ладовъ выворачивавшаго однѣ и тѣ же мысли и комплименты и сто разъ повторявшаго ей, чтобы она выгнала турокъ изъ Европы, вмѣсто того, чтобы посовѣтовать даровать русскимъ свободу. Если Наказъ Екатерины доказываетъ широту и мудрость намѣреній, достойныхъ монархини, то письма ея свидѣтельствуютъ объ умѣ, прелести и талантахъ женщины, полной достоинствъ;

---

[1]) Многіе архитектора, художники, скульпторы, механики и другіе талантливые люди, жили и умерли въ неизвѣстности и нуждѣ, только потому что они были русскіе. Ихъ имена, самое большее, встрѣтятся въ какомъ-нибудь описаніи мѣстности или у иностранца-путешественника, отнесшагося къ нимъ страведливѣе, чѣмъ ихъ родина.

[2]) Такъ пишетъ онъ ей въ одномъ изъ писемъ.

приходится только пожалѣть, что она была самодержицей и мужеубійцей.

Когда она опубликовала свой Наказъ [1]), вся Европа огласилась аплодисментами и заранѣе наименовала ее Законодательницей Сѣвера. Екатерина велѣла созвать представителей разныхъ національностей своего обширнаго государства... Рукопись Екатерины убрали въ драгоцѣнную шкатулку и показывали только любопытнымъ иностранцамъ. Учредили нѣчто вродѣ комитета для редактированія законовъ, и когда фавориты или вельможи не знали, что дѣлать съ какимъ-нибудь своимъ любимцемъ или шутомъ, котораго они хотѣли поддержать, ничего не истративъ, то его дѣлали членомъ этого комитета, гдѣ онъ и получалъ жалованье [2]). А между тѣмъ Европа твердила, что въ Россіи есть законы на томъ основаніи, что Екатерина скомпилировала предисловіе къ новому Уложенію и подчинила сто различныхъ народностей общему рабскому строю [3]).

Среди ея пьесъ, исполнявшихся по ея приказанію въ городскихъ театрахъ [4]), есть одна новаго жанра; это ни трагедія, ни комедія, ни драма, ни опера, а смѣсь всего этого подъ заглавіемъ: *О л е г ъ, историческое представленіе*. Эту пьесу играли съ необыкновенной помпой и великолѣпными декораціями на торжествахъ по поводу послѣдняго мира съ Турціей: больше семисотъ человѣкъ выступало на сценѣ. Сюжетъ цѣликомъ взятъ изъ русской исторіи, изображена цѣлая эпоха. Въ первомъ дѣйствіи *Олегъ* закладываетъ Москву, во второмъ (и третьемъ. *Ред.*)—онъ въ Кіевѣ, гдѣ женитъ и возводитъ на княжескій престолъ своего питомца *Игоря*. Старинные обычаи царскихъ свадебъ изображены въ очень пикантныхъ

---

[1]) Извѣстно, что ея Наказъ былъ запрещенъ во Франціи; Екатерина вмѣстѣ съ Вольтеромъ издѣвалась надъ этимъ. И что же! Кто могъ бы подумать, что черезъ двадцать лѣтъ всѣ французскія книги будутъ запрещены въ Россіи, и что полицейскій чиновникъ той же Екатерины конфискуетъ у книгопродавца Гая въ Петербургѣ *Совѣтъ народу Тиссо*, говоря, что народъ не нуждается въ совѣтахъ и что книга эта опасна?

[2]) Авторъ мемуаровъ, между прочимъ, зналъ нѣкоего Митрофана Попова, шута, лицемѣра и толкователя сновъ одной придворной дамы, который былъ членомъ этой комиссіи: онъ никогда ничего не слыхалъ о Наказѣ и не былъ въ состояніи его прочесть!

[3]) Наказъ къ новому Уложенію настолько дословно взятъ у Монтескье и Беккаріи, что г-нъ Ф. Б., взявшійся за его переводъ, нашелъ, что всего лучше прямо списывать текстъ у этихъ знаменитыхъ писателей. Въ этомъ можно убѣдиться по его переводу, изданному въ Лозаннѣ у Грассе. Отъ послѣдняго, человѣка весьма почтеннаго, авторъ и узналъ объ этомъ фактѣ.

[4]) Написаны онѣ по-русски. Считается, что ихъ сочинялъ или по меньшей мѣрѣ исправлялъ г-нъ Державинъ (это невѣрно *Ред.*), секретарь Екатерины, извѣстный и по другимъ своимъ произведеніямъ. Но вѣрно, что около нея никогда не было никого, кто могъ бы написать ей по-французски ея *письма Вольтеру*. Ея секретари этой эпохи, Одаръ и Обри, писали хуже нея; несомнѣнно, она сама является ихъ авторомъ.

сценахъ и въ восхитительныхъ картинахъ національныхъ танцевъ и игръ. Затѣмъ *Олегъ* уѣзжаетъ въ походъ на грековъ; видно, какъ проходитъ онъ съ войскомъ и садится на суда. Въ третьемъ (четвертомъ и пятомъ. *Ред.*) дѣйствіи онъ въ Константинополѣ. Принужденный подписать перемиріе императоръ Левъ принимаетъ героя-варвара съ величайшимъ великолѣпіемъ. Онъ ѣстъ за царскимъ столомъ, а греки, юноши и дѣвушки, хоромъ поютъ ему хвалу и исполняютъ передъ нимъ древне-греческіе танцы. Послѣдняя картина изображаетъ ипподромъ, гдѣ *Олегу* показываютъ олимпійскія игры: въ глубинѣ подымается вторая сцена и передъ дворомъ изображаютъ греческія сцены Еврипида. Наконецъ, *Олегъ* прощается съ императоромъ и вѣшаетъ свой щитъ (щитъ Игоря. *Ред.*) на одну изъ колоннъ, какъ свидѣтельство своего путешествія въ Константинополь и приглашеніе потомкамъ когда-нибудь вернуться туда. Эта пьеса была вполнѣ въ русскомъ духѣ и особенно въ духѣ Екатерины: она изобразила въ ней свои самые завѣтные планы, свою мечту покорить, наконецъ, Турцію подъ шумъ празднествъ мира. Въ сущности это великолѣпный волшебный фонарь, въ которомъ проходятъ различныя картины: но идея изобразить на сценѣ, какъ на картинѣ, великія событія исторіи кажется мнѣ интереснѣе напряженія глотокъ нашихъ пѣвцовъ и любовныхъ интригъ въ нашихъ трагедіяхъ [1]).

Екатерина не любила ни поэзіи, ни музыки и часто говорила объ этомъ: даже въ антрактахъ она не выносила оркестра и обыкновенно не дозволяла ему играть.

Страннымъ казалось такое отсутствіе впечатлительности въ женщинѣ, къ тому же съ такой хорошей организаціей, но этимъ же объясняется безчувственность и жестокость Екатерины, сочетавшаяся въ ней съ умомъ и талантами [2]). Въ Таврическомъ дворцѣ она обѣдала передъ двумя ужасными картинами рѣзни въ Очаковѣ и въ Измаилѣ; съ отвратительной реальностью изобразилъ на нихъ Казанова струящуюся кровь, оторванные трепещущіе члены, ярость убійцъ и конвульсивную агонію жертвъ; подъ пѣніе Гаспарини и Мандини, подъ

---

[1]) «Начальное управленіе Олега. Подражаніе Шекспиру, безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ». Напечатано въ 1791 г. См. «Сочиненія имп. Екатерины II... съ объяснительными примѣчаніями А. Н. Пыпина». Спб. 1901 г. т. II, 259—332. Хоры въ этой пьесѣ написаны Храповицкимъ. *Ред.*

[2]) Среди сатирическихъ изображеній русской императрицы, сдѣланныхъ въ Польшѣ, есть одно, особенно примѣчательное, подъ названіемъ «Пиршество Екатерины». Императрица сидитъ за столомъ. Съ одной стороны нѣсколько казаковъ подносятъ ей окровавленные члены только что зарѣзанныхъ шведовъ, поляковъ и турокъ. Съ другой, какъ бочки въ подвалѣ, выстроены голые молодые люди...

исполненіе Сарти собственныхъ симфоній, ея глаза и воображеніе останавливались на этихъ сценахъ ужаса.

Императрица, сама писавшая комедіи, любившая Сегюра за его умъ, иногда даже слушавшая его стихи и побудившая его написать совершенно республиканскую пьесу «Коріоланъ»; императрица, заставлявшая своихъ старыхъ придворныхъ, главнымъ образомъ гр. Штакельберга [1]) и австрійскаго посла [2]), разыгрывать въ своемъ присутствіи смѣшные фарсы,—эта самая императрица отозвала и лишила милостей своего собственнаго посла за то, что онъ писалъ умныя депеши, сочинялъ французскіе стихи, написалъ трагедію и захотѣлъ прославить свою родину похвальнымъ словомъ и жизнеописаніемъ ея великихъ людей. Я говорю о посланномъ въ Туринъ князѣ Бѣлозерскомъ, достойномъ человѣкѣ, съ большимъ вкусомъ, тратившимъ много денегъ на поощреніе искусствъ и много ума на ихъ изученіе [3]).

Въ царствованіе Екатерины не появилось ни одной книги, могущей стать украшеніемъ Россіи и прославиться въ другихъ странахъ; исключеніе составляетъ путешествіе Палласа, историческія изысканія трудолюбиваго Мюллера и еще нѣсколько работъ по естественной исторіи [4]). Единственныя науки, которыя

---

[1]) Въ интимномъ обществѣ Екатерины много играли въ разныя игры, въ фанты, въ шарады и въ колотушки. Тамъ у нея случалось видѣть старыхъ падагриковъ придворныхъ, силящихся сдѣлать скачекъ, а разъ вел. кн. Константинъ сломалъ тамъ же руку старому гр. Штакельбергу, грубо повозившись съ нимъ и уронивъ его на полъ.

[2]) Вѣроятно, никогда ни одинъ посоль такъ долго и хорошо не уживался при иностранномъ дворѣ, какъ гр. Кобенцль въ Россіи. Еще Марія Терезія послала его туда, и съ тѣхъ поръ всѣ ея преемники оставляли его въ Петербургѣ. У него гнусное, тупое лицо, но онъ обладаетъ умомъ, нравящимся особенно женщинамъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ былъ усерднымъ поклонникомъ красивой княгини Долгорукой, и Екатерина любила его общество. Ставить комедіи и самому играть было его страстью, онъ справлялся съ этимъ очень хорошо: но въ шестьдесятъ лѣтъ онъ сталъ смѣшонъ, начавъ регулярно брать уроки пѣнія; частенько вѣнскіе курьеры, привезя ему извѣстіе о какомъ-либо событіи или пораженіи, заставали его передъ зеркаломъ за разучиваніемъ роли въ костюмѣ графини Эскарбаньесъ или Крупильякъ и т. д. Постоянно плохія извѣстія во время войны не мѣшали ему правильно давать у себя праздники, балы и спектакли. Узнавъ о какой-либо побѣдѣ Бонапарта, всѣ говорили: *Вотъ хорошо: въ субботу у посланника будетъ балъ.* Непріятно пораженная этой драматической страстью, Екатерина разъ сказала: *Вотъ увидите, свою лучшую пьесу онъ приберегаетъ ко дню вступленія французовъ въ Вѣну.*

[3]) Онъ стяжалъ извѣстность, нѣсколькими поэтическими произведеніями, а особенно однимъ своимъ Посланіемъ къ французамъ; автора самого можно принять за француза, и тѣ лавры, *которыми онъ увѣнчиваетъ ихъ, возвращаются къ нему же.* Вольтеръ привѣтствовалъ его льстивымъ письмомъ, гдѣ повторялъ комплиментъ, сдѣланный имъ раньше знаменитому автору посланія къ Нинонъ.

[4]) Нѣкоторые знаменитые въ Германіи писатели, какъ смѣлый и язвительный мыслитель Клингеръ, драматургъ Коцебу, позорящій иногда свой талантъ плагіатами, писали въ Россіи; но они очень остерегались, особенно первый, печатать тамъ свои произведенія. Впрочемъ Коцебу

русскіе съ помощью нѣмцевъ нѣсколько двигали впередъ, это естественная исторія и математика. А между тѣмъ ни одна нація не находится въ болѣе подходящихъ условіяхъ для служенія наукамъ. И въ естественныхъ наукахъ, и въ древней исторіи она должна бы была сдѣлать самыя изумительныя открытія. Развалины двадцати разрушенныхъ городовъ свидѣтельствуютъ, что Туркестанъ и Монголія были когда-то населены просвѣщеннымъ народомъ; памятники, и теперь открываемые тамъ, подтверждаютъ поразительныя мысли Бюффона и Байльи. Подъ разрушеннымъ Аблай-Киттомъ [1]) и въ обширныхъ развалинахъ по берегамъ Иртыша найдены цѣлыя библіотеки. Въ пустынныхъ кабинетахъ академіи гніютъ тысячи рукописей на невѣдомыхъ языкахъ и множество на китайскомъ, калмыцкомъ и манжурскомъ: онѣ бы лучше сохранились подъ развалинами, пока менѣе варварское правительство или народъ откопали бы ихъ.

Лучшая исторія Россіи, безъ сомнѣнія, исторія Левека. Екатерина ненавидѣла, какъ его работу, такъ и произведеніе аббата Шаппа, и много потрудилась надъ справками въ древнихъ хроникахъ, чтобы отыскать какія-нибудь ошибки и погрѣшности у почтенняго историка. И все это, потому что двадцать лѣтъ тому назадъ Левекъ осмѣлился намекнуть, что Екатерина была убійцей Петра III и Ивана (Антоновича). Но заслуга его передъ русскими велика: онъ одинъ своимъ трудомъ, терпѣніемъ и талантомъ, сдѣлалъ немного интересной для иностранцевъ столь непріятную и обособленную исторію, какова исторія Россіи до Петра I [2]). Но кто со временемъ достойно напишетъ исторію Екатерины? Это будетъ какой-нибудь русскій, я даже зналъ одного или двухъ; но чтобы написать, ему придется уѣхать изъ Россіи.

Еще до смерти Екатерины большинство памятниковъ ея царствованія уже обращалось въ развалины: законодательство, колоніи, образованіе, институтъ, фабрики, постройки, больницы [3]),

---

простили его хорошія произведенія, потому что онъ написалъ Лангханса, плохое подражаніе Кандиду, перевелъ произведенія Державина и бѣжалъ въ Парижъ. Исключенія заслуживали бы топографическія и статистическія работы изящнаго Шторха, если бы онъ рѣшился печатать ихъ въ томъ видѣ, какъ писалъ.

[1]) Развалины буддійскаго монастыря и ханской резиденціи въ Семипалатинской области. *Ред.*

[2]) Тотъ, кто захочетъ написать лучше его, вмѣсто того, чтобы критиковать, какъ это сдѣлалъ (Ле-)Клеркъ, долженъ прожить десять лѣтъ въ Россіи, изучить языкъ и нравы, покапаться въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, въ исторіи Татищева, князя Щербатова и особенно въ обширныхъ матерьялахъ, оставленныхъ Мюллеромъ, Бакмейстеромъ и другими.

[3]) Объ одной, основанной Екатериной больницѣ, стоитъ упомянуть, какъ объ очень характерномъ учрежденіи. Она предназначается для пяти-

каналы, города, крѣпости—все начиналось и бросалось, неоконченнымъ. Какъ только въ головѣ ея рождался новый проектъ, она бросала все остальное, чтобы заняться исключительно имъ, пока другая идея снова не отвлекала ее. Она бросила составленіе Нового Уложенія, чтобы изгнать турокъ изъ Европы; послѣ славнаго *Кайнарджійскаго мира*, она, какъ-будто, занялась внутреннимъ устройствомъ, но все было забыто для того, чтобы сдѣлаться царицей Тавриды. Еще разъ возродилась идея возстановленія трона Константина;ее смѣнило намѣреніе унизить и наказать шведскаго короля. Затѣмъ самымъ страстнымъ желаніемъ сдѣлался захватъ Польши, и тутъ второй Пугачевъ могъ бы дойти до самаго Петербурга, а она все же не выпустила бы изъ рукъ добычи. Она умерла, обдумывая новое разрушеніе Швеціи и разгромъ Пруссіи, снѣдаемая яростью при видѣ торжества республиканскихъ идей во Франціи. Такъ она постоянно увлекалась новой страстью, болѣе сильной, чѣмъ предыдущая, и это заставляло ее забывать, какъ цѣлое, такъ и подробности управленія.

Существуютъ медали, выбитыя въ честь многихъ зданій, которыя такъ и не выстроены; къ числу ихъ принадлежитъ мраморная церковь, строящаяся двадцать лѣтъ, нѣкоторыя другія постройки такъ недостроенными и развалились. Петербургъ загроможденъ развалинами нѣсколькихъ обширныхъ зданій, уже разрушающихся, хотя въ нихъ еще никто и не жилъ. Подрядчики и архитектора грабили деньги; а Екатерина, имѣя въ своемъ кабинетѣ планъ или медаль, думала, что предпріятіе закончено, и больше имъ не занималась.

Въ Петербургскомъ альманахѣ перечислены двѣсти сорокъ съ чѣмъ-то городовъ, основанныхъ Екатериной: ихъ было, пожалуй, больше, чѣмъ разорили ея войска; но эти города лишь жалкія деревнюшки, произведенныя ею въ города *именнымъ указомъ*, высочайшимъ повелѣніемъ ея императорскаго величества, приблизительно такъ же, какъ позднѣе Павелъ повелѣлъ называть яхту фрегатомъ [1]). Часто вмѣсто города стоитъ одинъ столбъ, на которомъ обозначено названіе и мѣсто: въ ожиданіи постройки и, главное, заселенія, они фигурируютъ только на картахъ Россіи [2]).

десяти женщинъ, зараженныхъ венерическими болѣзнями. При поступленіи, не спрашиваютъ ни ихъ именъ, ни званія: ихъ лѣчатъ съ величайшей заботой, вниманіемъ и скромностью. Послѣднее слово даже вышито на употребляемомъ ими бѣльѣ.

[1]) Онъ дѣйствительно такъ поступилъ.

[2]) Съ большими расходами велѣла Екатерина выстроить около Царскаго Села огромный городъ Софію; дома въ немъ уже разваливаются, но въ нихъ никогда не жили. Если такова участь города, выстроеннаго у нея на глазахъ, какова же должна быть участь тѣхъ городовъ, ко-

Правда, кн. Потемкинъ велѣлъ настроить настоящіе города и устроить порты въ Крыму: это все очень красивыя клѣтки, но въ нихъ нѣтъ еще птицъ; тѣ же, которыхъ туда заманили, быстро умираютъ отъ горя, если имъ не удается упорхнуть. Русское правительство дѣйствуетъ, какъ угнетатель и завоеватель; а русскіе, какъ воители и опустошители—со времени покоренія Таврида опустѣла [1]).

Эта манія Екатерины многое начинать и ничего не кончать отмѣчена острымъ словцомъ Іосифа II. Во время ихъ путешествія въ Тавриду, торжественно заложивъ первый камень города *Екатеринослава*, она предложила ему заложить второй. Вернувшись, Іосифъ говорилъ: Мы съ русской императрицей въ одинъ день сдѣлали большое дѣло: она заложила первый, а я послѣдній камень цѣлаго города.

Въ Петербургѣ памятниками послѣ нея останутся, пока ихъ не поглотятъ болота, великолѣпная набережная Невы и конная статуя Петра I...

Конечно, идея поставить великаго царя вмѣсто обычнаго пьедестала на крутую скалу, куда онъ вскакалъ, нова и велика, но она очень плохо выполнена. Скала въ двадцать футовъ высоты и въ сорокъ длины, съ безконечнымъ трудомъ перевезенная изъ Финляндіи на берега Невы, была вся покрыта слоемъ древняго мха въ нѣсколько пальцевъ толщины. Ея первобытную форму уничтожили, придали ей правильность, отесали, отшлифовали, уменьшили, по крайней мѣрѣ, вдвое: и теперь это маленькая скала, подавленная большой лошадью, а царь, долженствовавшій *съ высоты ея созерцать свое государство, ставшее болѣе обшир-*

торые она закладывала въ отдаленныхъ, необитаемыхъ мѣстахъ. Самый же смѣшной изъ существующихъ городовъ—несомнѣнно основанная Павломъ Гатчина. Такіе основатели считаютъ людей за аистовъ, которыхъ подманиваютъ, положивъ колесо на крышу или колокольню. Начиная съ великолѣпнаго Потсдама и кончая смѣшной Гатчиной, всѣ эти принудительныя построенія доказываютъ только, что истинные основатели городовъ — культура, торговля и свобода; а деспоты ихъ разрушители; они умѣютъ строить и населять однѣ тюрьмы и казармы.

[1]) Одинъ мой другъ, ученый, путешествовалъ по Тавридѣ для изысканій подъ покровительствомъ правительства. Однажды онъ подъѣхалъ къ жилищу татарина, ведшаго патріархальный образъ жизни. Тотъ пріютилъ его. Замѣтивъ, что хозяинъ грустенъ, мой другъ спросилъ о причинѣ этого.—Охъ!у меня большое горе!—Скажите же, что васъ огорчаетъ?—Русскіе солдаты, находящіеся по сосѣдству, ежедневно приходятъ рубить на дрова мои фруктовыя деревья, которыя кормятъ и осѣняютъ меня; скоро настанетъ день, когда палящее солнце будетъ жечь мою лысую голову.—Да вы пожалуйтесь ихъ начальнику.—Я уже жаловался.—Ну?—Онъ отвѣтилъ, что заплатитъ мнѣ за каждый футъ срубленнаго фруктоваго дерева по 2 рубля *и столько же за все, что еще срубятъ*. Охъ! не нужно мнѣ денегъ: только бы дали спокойно умереть подъ тѣнью деревьевъ, насажденныхъ отцами моими, иначе мнѣ придется послѣдовать за моими несчастными братьями, которые бѣжали съ родины». И слезы текли по бѣлой густой бородѣ старца.

нымъ, чѣмъ было имъ задумано, едва можетъ заглянуть въ первый этажъ сосѣднихъ домовъ [1]). И еще противорѣчіе, Петра I одѣли въ ту самую русскую одежду, которую онъ силой изгонялъ и обрѣзалъ на своихъ подданныхъ. Если бы пьедесталъ былъ пропорціоналенъ статуѣ, получилось бы дивное произведеніе искусства.

Интересно было бы набросать картину Петербурга и его нравовъ во вкусѣ мыслителя Мерсье, описавшаго Парижъ. Но, какъ и всѣ геніальныя произведенія, оно вызвало только плохія подражанія, начиная съ описанія Берлина, сдѣланнаго и дополненнаго Николаи, и кончая описаніемъ Петербурга профессора Георги. Всѣ эти работы съ одной стороны бѣдны идеей и безполезны, а съ другой переполнены мелочными подробностями. Въ томъ же духѣ гр. Ангальтъ описалъ зданіе императорскаго кадетскаго корпуса, главнымъ директоромъ котораго онъ состоялъ; тамъ говорится о количествѣ лѣстницъ, ступеней, перекрестковъ, дверей и печей въ этомъ огромномъ зданіи; всѣ эти свѣдѣнія могли бы пригодиться трубочисту, приставленному слѣдить за печами, но какой толкъ въ нихъ для публики?

Молодой трудолюбивый ученый ливонецъ, г-нъ Шторхъ, написалъ тоже ненужную работу: *Картина Петербурга*; ее не слѣдуетъ смѣшивать съ вышеупомянутыми, но она такъ же похожа на Петербургъ, какъ портретъ, сдѣланный Лампи, похожъ на Екатерину. Она исполнена по-китайски, безъ тѣней, чего боялся и самъ авторъ. Бѣда въ томъ, что Шторхъ не могъ писать ее внѣ Россіи, иначе она была бы совершенной. Онъ посвятилъ свою работу Екатеринѣ, вознаградившей его за льстивое описаніе. Позднѣе онъ попалъ въ немилость за то, что для другой своей работы, писанной по-нѣмецки, избралъ французскій шрифтъ, это—*Статистическія Картины*, дающія очень точныя свѣдѣнія о состояніи Россіи...

Такъ какъ въ Петербургѣ живутъ колоніи различныхъ національностей, то нравы и обычаи его обитателей очень разнообразны. Обыкновенно не знаешь, какой тонъ и какая мода тамъ господствуютъ. Французскій языкъ служитъ связью между различными народностями, но тамъ говорятъ также и на другихъ языкахъ. Если собирается многочисленное общество, то

---

[1]) Д'Орбейль обратился къ Екатеринѣ со стихами, въ которыхъ есть слѣдующее четверостишіе:

C'est par tes soins que le bronze respire
Sur ce rocher de Thetis aperçu,
Et que le tzar découvre son empire
Plus vaste encore qu'il ne l'avait conçu.

(Твоимъ стараньемъ бронза ожила на той скалѣ, что зритъ Ѳетида, и царь увидѣлъ, что страна обширнѣй, чѣмъ его мечта).

говорятъ по очереди на трехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ, но не рѣдкость въ томъ же обществѣ услышать, что греки, итальянцы, англичане, голландцы и азіаты говорятъ на своихъ языкахъ.

Нѣмцы въ Петербургѣ—художники и ремесленники, главнымъ же образомъ портные и сапожники; англичане—сѣдельники и торговцы; итальянцы—архитектора, пѣвцы, продавцы картинъ и т. д., но трудно сказать, что представляютъ изъ себя французы. Большинство мѣняетъ званіе ежегодно; пріѣхавъ лакеемъ, онъ дѣлается учителемъ, а потомъ совѣтникомъ; его видишь то актеромъ, то гувернеромъ, торговцемъ, музыкантомъ, офицеромъ. Нигдѣ такъ ясно не увидишь, насколько французъ непостояненъ, предпріимчивъ, изобрѣтателенъ и способенъ ко всему.

Чтобы узнать нравы и характеръ каждой группы, надо проникнуть въ дома, — на улицахъ живутъ по-русски. У французовъ забавляются шарадами, весело ужинаютъ, поютъ кое-какіе незабытые еще водевили; у англичанъ обѣдаютъ въ пять часовъ, пьютъ пуншъ, говорятъ о торговлѣ; итальянцы занимаются музыкой, танцами, смѣются, жестикулируютъ; ихъ разговоры вертятся на спектакляхъ и искусствѣ; у нѣмцевъ бесѣдуютъ о наукахъ, курятъ, спорятъ, много ѣдятъ и говорятъ другъ другу комплименты во всю; у русскихъ все вперемежку и надо всѣмъ царитъ игра; она—душа ихъ общества и ихъ веселья, но они не чуждаются и другихъ развлеченій. Иностранецъ, особенно французъ, бываетъ изумленъ и восхищенъ, когда, послѣ плаванья вдоль непривѣтныхъ береговъ Пруссіи и послѣ переѣзда черезъ дикія поля Ливоніи, онъ вдругъ среди обширной пустыни попадаетъ въ огромный,великолѣпный городъ, находитъ общество, удовольствія, искусство и вкусы, которые, какъ ему казалось, существуютъ только въ Парижѣ.

При такомъ климатѣ, какъ петербургскій, гдѣ только нѣсколько недѣль радуешься хорошей погодѣ, при такомъ правительствѣ, какъ русское, которое не даетъ заниматься ни политикой, ни этикой, ни литературой, удовольствія общества ограничены и домашнія радости усовершенствованы. Роскошь и изысканныя удобства, пышность и вкусъ помѣщеній, изобиліе и утонченность стола, легкость и фривольность разговоровъ вознаграждаютъ тамъ веселаго человѣка за тѣ стѣсненія, въ которыхъ природа и правительство держатъ его душу и тѣло. Танцы, игры слѣдуютъ другъ за другомъ: каждый день можетъ быть праздникомъ; въ большомъ домѣ онъ встрѣчаетъ произведенія всѣхъ искусствъ и странъ и часто даже въ разгаръ морозовъ сады и весенніе цвѣты.

Царское Село—огромный, мрачный дворецъ, начатый Анной, законченный Елизаветой, использованный Екатериной и покинутый Павломъ. Мѣстность тамъ болотистая, окрестности пустынныя, сады скучные. Памятники, которыми украшала ихъ Екатерина, такая же эмблема ея характера, какъ и петербургскія зданія. Рядомъ съ обелисками, ростральными колоннами и тріумфальными арками, воздвигнутыми въ честь Орловыхъ, Румянцева и русскихъ воиновъ, покорившихъ Архипелагъ и быстро завоевавшихъ Спарту, виднѣются памятники въ честь любимыхъ собакъ; а неподалеку отъ нихъ памятникъ, поставленный ею милому Ланскому, самому любимому изъ ея фаворитовъ и единственному, котораго смерть вырвала изъ ея объятій. Вотъ по истинѣ памятники троякаго рода службѣ, различной, но очень близкой, ибо для самодержицы, навѣрно, тождественны собака, любовникъ и герой...

Недавно Россія была единственной страной, предпринимавшей и выполнявшей удивительныя постройки, подобныя тѣмъ, что восхищаютъ насъ въ древнемъ мірѣ,—въ ней есть рабы, прокормить которыхъ стоитъ недорого, какъ и въ Египтѣ. Вотъ и видишь въ Москвѣ и въ Петербургѣ гигантскія постройки. А между тѣмъ нѣтъ даже шоссе на небольшомъ протяженіи 200 миль для соединенія обѣихъ столицъ; и это одинъ изъ мертворожденныхъ проектовъ Екатерины; то же, что сдѣлано, только загромождаетъ и еще больше портитъ скучную дорогу. Екатерина предпочитала истратить два, три милліона рублей на унылый, мраморный дворецъ для своего фаворита, чѣмъ устроить дорогу, полезную для народа: дорога была для нея вещью слишкомъ обыкновенною [1]).

О Екатерина! ослѣпленный вблизи твоимъ величіемъ, очарованный твоей добродѣтелью, сдѣлавшей только счастливцевъ, плѣненный тысячью достоинствъ, восторгающихъ всѣхъ, я хотѣлъ воздвигнуть памятникъ во славу твою, но пролитые тобою потоки крови мчатся и опрокидываютъ его. Звонъ цѣпей тридцати милліоновъ рабовъ твоихъ оглушилъ меня; несправедливость и преступленіе, царившія именемъ твоимъ, возмущаютъ меня; я ломаю перо и восклицаю: Отнынѣ нѣтъ славы безъ добродѣтели! и пусть преступленіе и несправедливость являются потомству на тронѣ не иначе, какъ увѣнчанныя змѣями Немезиды!

---

[1]) Павелъ и не помышлялъ заканчивать наиболѣе полезныя работы, начатыя его матерью, какъ-то набережная, каналы, дороги, а въ свою очередь строилъ церкви и дворцы, хотя ихъ ужъ и такъ больше, чѣмъ надо, для вмѣщенія всѣхъ величествъ міра и всѣхъ святыхъ рая. Самые же многочисленные, воздвигаемые имъ, памятники, это зданія для военныхъ ученій, казармы, кордегардіи и, главное, караульни. Къ счастью, всѣ эти постройки деревянныя и не протянутъ дольше своего основателя.

Секретные циркуляры.

(Изъ архива земскаго начальника).

Передъ нами нѣсколько секретныхъ губернаторскихъ циркуляровъ, извлеченныхъ изъ архива земскаго начальника. Циркуляры относятся къ разному времени. Изданы они харьковскимъ губернаторомъ, въ нихъ инструктируются земскіе начальники Харьковской губерніи, но содержаніе циркуляровъ, можно сказать, всероссійское, ибо губернаторы и земскіе начальники только промежуточныя звенья одной полицейско-административной системы, начинающейся въ учрежденіи у Цѣпного моста и кончающейся на мѣстахъ въ лицѣ полицейскихъ урядниковъ, волостныхъ старшинъ и стражниковъ. Въ циркулярахъ почти отсутствуетъ мѣстный колоритъ. Это департаментское творчество, только воспроизведенное передаточной инстанціей.

Интересъ лежащихъ передъ нами документовъ заключается въ томъ, что они пріоткрываютъ завѣсу надъ кулисами власти. А тамъ не мало любопытнаго. Тамъ свои думы и переживанія, надежды и тревоги.

Приподнимается, конечно, лишь маленькій краешекъ завѣсы. Десятокъ губернаторскихъ циркуляровъ бросаютъ лишь слабый свѣтъ. Да архивъ земскаго начальника и не то мѣсто, откуда можно было бы извлечь документы крупнаго значенія, но для познанія и характеристики скрытой отъ взоровъ интимной стороны административнаго механизма не лишены интереса и эти подшитые къ наряду губернаторскіе циркуляры.

Первые циркуляры относятся къ 1905 году, дальнѣйшіе—къ послѣдующему времени. Всѣмъ памятны событія той поры. Широко разлилась тогда волна освободительнаго движенія. Происходили земскіе съѣзды. Населеніе, захваченное событіями, бурно реагировало на нихъ. Всюду проявилась потребность въ общеніи, въ познаніи переживаемаго, въ исканіи выхода. Въ

августѣ 1905 г. издается положеніе о Думѣ съ законосовѣщательными функціями въ булыгинской редакціи. Критика и непризнаніе такой Думы. Дальнѣйшія событія, забастовочное движеніе, актъ 17 Октября, политическая борьба, избирательная кампанія, первая Государственная Дума, съ ея извѣстнымъ адресомъ, излагавшимъ народныя требованія и формулировавшимъ программу необходимыхъ реформъ. Тяга народа къ своимъ первымъ избранникамъ, крестьянскіе приговоры и ходоки. Роспускъ Думы и послѣдовавшее крушеніе связанныхъ съ нею надеждъ. Междудумское аграрное законодательство, насажденіе хуторовъ и отрубовъ. Дальнѣйшій курсъ, борьба съ проявленіями всякой общественности, прикрытая формулой: «сначала успокоеніе, а потомъ реформы», крушенія и ликвидаціи, и послѣдующіе безпросвѣтные сѣрые будни общественной подавленности.

Какъ эти событія переживались россійскимъ обывателемъ, это всѣмъ и каждому вѣдомо. Но, какъ они воспринимались въ другомъ лагерѣ?

Въ 1905 году губернаторскіе циркуляры носятъ слѣды существовавшихъ за кулисами власти тревоги и опасеній.

«Въ послѣднее время дѣйствующія въ Россіи организаціи тайныхъ революціонныхъ комитетовъ направляютъ усиленно свою дѣятельность къ тому, чтобы вовлечь крестьянское населеніе въ политическую борьбу, и для достиженія этой цѣли прибѣгаютъ ко всѣмъ доступнымъ имъ средствамъ: широкому распространенію преступныхъ прокламацій, непосредственной пропагандѣ и пр. Такой вредной агитаціи содѣйствуютъ нерѣдко представители земскихъ и общественныхъ организацій—врачи, ветеринары, агрономы, статистики, члены сельско-хозяйственныхъ обществъ и другія лица, которыя, пользуясь авторитетомъ своего общественнаго положенія, распространяютъ среди крестьянъ превратныя толкованія о дѣйствіяхъ правительства, издаваемыхъ имъ законовъ и проч.

Независимо отъ сего, слѣдуетъ опасаться, что и представители земскаго съѣзда въ Москвѣ, а равно лица, имъ сочувствующія, примутъ на себя роль истолкователей въ извращенномъ смыслѣ Высочайшихъ предначертаній, направленныхъ къ усовершенствованію государственнаго благоустройства и улучшенію народнаго благосостоянія.

При этихъ условіяхъ весьма важно, чтобы крестьянское населеніе было ознакомлено возможно скорѣе съ Высочайшимъ манифестомъ 6 Августа и Положеніемъ о Государственной Думѣ

представителями правительственной власти». (Циркуляръ 12 авг. 1905 г.).

Циркуляромъ рекомендуется разъяснять крестьянамъ, какія они получили милости, наравнѣ съ другими сословіями «доводить о всѣхъ своихъ нуждахъ до Царя-батюшки», за всякаго же рода сходбища для обсужденія вопросовъ о государственномъ устройствѣ циркуляръ угрожаетъ карами.

Но вотъ, іюльскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей состоялся и только усилилъ тревогу за кулисами власти. Объ этомъ съѣздѣ такъ повѣствуется въ циркулярѣ:

«Въ началѣ іюля мѣсяца с. г. нѣкоторые земскіе и городскіе гласные различныхъ губерній, а равно и постороннія лица, собрались, вопреки запрещенію правительства, въ Москвѣ, присвоивъ себѣ наименованіе уполномоченныхъ отъ земства и городовъ, а своему собранію—съѣзда земскихъ дѣятелей и городскихъ представителей. Въ своихъ совѣщаніяхъ они обсуждали порядокъ осуществленія возвѣщеннаго Высочайшимъ рескриптомъ 18 Февраля сего года привлеченія «достоинѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Явно извративъ точный и явный смыслъ Высочайшихъ по сему предмету предположеній, направленныхъ къ усовершенствованію государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія, «при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи» и «истиннаго Самодержавія», участники упомянутыхъ совѣщаній признали составленный министромъ внутреннихъ дѣлъ и разсмотрѣнный въ совѣтѣ министровъ проектъ Государственной Думы, получившій нынѣ, 6 сего Августа, Высочайшее утвержденіе, несогласнымъ съ Высочайшею волею, «выработали свой проектъ народнаго представительства по образцу западно-европейскихъ конституцій, на началахъ всеобщей, равной, прямой и закрытой подачи голосовъ. За симъ, собравшіеся рѣшили напрячь всѣ усилія къ осуществленію выработаннаго ими проекта народнаго представительства и вознамѣрились ознакомить съ нимъ населеніе путемъ широкаго распространенія соотвѣтствующихъ воззваній и организаціи въ городахъ, и особенно въ селеніяхъ, собраній для обсужденія этого вопроса, не стѣсняясь никакими распоряженіями правительственной власти».

Далѣе циркуляръ высказываетъ опасеніе, что «пропаганда эта легко можетъ смутить и безъ того взволнованный событіями послѣдняго времени народъ», «ввести населеніе въ заблужденіе, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже вызвать къ себѣ довѣріе» и реко-

мендуетъ «установить тщательное наблюденіе», не допускать собраній и распространенія воззваній, сообщеній, листковъ и т. п.

Къ сожалѣнію, въ имѣющейся у насъ коллекціи циркуляровъ нѣтъ относящихся къ непосредственно слѣдовавшимъ событіямъ. Циркуляръ отъ 8 марта 1906 года излагаетъ указанія министра внут. дѣлъ о необходимости «тщательнаго наблюденія за бывшими въ плѣну въ Японіи нижними воинскими чинами, въ значительной степени подпавшими вліянію революціонной пропаганды». Другой циркуляръ касается «агитаторовъ», которые «убѣждаютъ крестьянъ составлять приговоръ объ исключеніи изъ сельскихъ обществъ чиновъ полицейской стражи, какъ лицъ, отстаивающихъ интересы правительства, а не народа».

Два послѣдующихъ циркуляра относятся ко времени дѣятельности первой Г. Думы. Власти встревожены сочувствіемъ населенія Г. Думѣ и его откликомъ на отвѣтный адресъ, выработанный народными представителями.

«До свѣдѣнія моего доведено, что отвѣтный адресъ Государственной Думы на тронную рѣчь Государя Императора въ день открытія Думы, толкуемый разными агитаторами въ извращенномъ и явно противоправительственномъ смыслѣ, вызываетъ въ средѣ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ стремленіе къ составленію приговоровъ и телеграммъ, въ большинствѣ случаевъ безсознательныхъ, на имя отдѣльныхъ членовъ Думы, съ просьбами ходатайствовать о скорѣйшемъ осуществленіи намѣченныхъ въ адресѣ Думы цѣлей и въ особенности надѣленіи крестьянъ «землею и волею», при чемъ, въ случаяхъ неутвержденія такихъ приговоровъ Земскими Начальниками, крестьяне выбираютъ особыхъ уполномоченныхъ для поѣздки въ Петербургъ и собираютъ имъ на путевыя издержки деньги. Это явленіе, указывая на возбужденное настроеніе крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ всѣ основанія предполагать, что оно умышленно создается злонамѣренными агитаторами путемъ распространенія приложеннаго къ № 5-му газеты «Курьеръ» воззванія депутатовъ отъ рабочихъ Государственной Думы съ цѣлью подорвать авторитетъ правительства». (Циркуляръ 30 іюня 1906 г.).

Рекомендуется выяснить крестьянамъ «всю незаконность воззванія рабочихъ депутатовъ и обращеній къ членамъ Г. Думы въ формахъ приговоровъ».

Другой циркуляръ той же эпохи первой Думы касается «трудовой группы».

«Г. министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что на происходившемъ 10 текущаго Іюня собраніи членовъ трудовой группы рѣшено немедленно организовать во всѣхъ городахъ

европейской Россіи особые комитеты, имѣющіе цѣлью знакомить населеніе съ программой рѣшенія аграрнаго вопроса, выработанной этой группой. Организуемымъ комитетамъ кромѣ того вмѣняется въ обязанность доставлять трудовой группѣ свѣдѣнія о политическомъ настроеніи населенія и исполнять всѣ исходящія отъ нея распоряженія. Въ виду сего и по приказанію господина министра прошу Ваше Высокоблагородіе установить тщательное негласное наблюденіе за организаціей во ввѣренномъ Вамъ участкѣ указанныхъ комитетовъ и въ случаѣ образованія таковыхъ немедленно доносить объ этомъ мнѣ съ поименованіемъ лицъ, входящихъ въ составъ комитетовъ». (Цирк. 24 іюня 1906 г.).

Первая Дума распущена, связь ея съ населеніемъ ликвидирована. Всѣ мѣстные органы власти призваны къ «дружному, своевременному и взаимному содѣйствію» «для борьбы съ пропагандою, волненіями и безпорядками» (Циркуляръ 2 іюля 1906 г.) Предупредительныя мѣры приняты: съ одной стороны, подавленіе, съ другой стороны—противореволюціонное аграрное законодательство. Тревожитъ возможная «усиленная неявка подлежащихъ призыву молодыхъ людей къ отбыванію воинской повинности, особенно подъ вліяніемъ революціонной пропаганды и воззванія бывшихъ членовъ Государственной Думы». Земскіе начальники призываются разъяснять грозящія за неявку кары, а населеніе приглашается «неукоснительно слѣдить за агитаторами и передавать ихъ въ распоряженіе мѣстныхъ властей». Тревожатъ власть и прогрессивныя газеты. Предписывается «принять самыя рѣшительныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшей выписки волостными правленіями газетъ и другихъ періодическихъ изданій противоправительственнаго направленія».

Другимъ правительственнымъ рычагомъ новаго курса, какъ извѣстно, явилось аграрное законодательство, заключавшее въ себѣ разрушеніе общины, захватъ надѣльныхъ земель въ единоличную собственность и насажденіе хуторовъ и отрубовъ. Это—извѣстная ставка на хозяйственно-сильнаго мужичка. Впрочемъ, нѣкоторыя сомнѣнія и тутъ были не чужды на первыхъ порахъ.

Въ циркулярѣ 18 авг. 1906 г. высказываются опасенія, какъ бы одна изъ принятыхъ мѣръ, передача полевыхъ удѣльныхъ земель крестьянскому банку для перепродажи крестьянамъ, не вызвала «распространительнаго толкованія крестьянскимъ населеніемъ», а равно «предъявленія крестьянскихъ требованій о немедленной передачѣ имъ удѣльныхъ земель». Но это только временные страхи. Аграрныя новеллы явились главной, тщательно укрѣпляемой, базой для всѣхъ дальнѣйшихъ боевыхъ операцій. Къ сожалѣнію, въ нашей коллекціи отсутствуютъ тѣ много-

численные циркуляры, разсылавшіеся центральной и мѣстной властью, въ которыхъ разъяснялось, какъ надлежитъ оказывать всяческое содѣйствіе успѣшному осуществленію правительственной аграрной программы. По сему предмету у насъ имѣется циркуляръ болѣе поздняго происхожденія (27 апр. 1909 г.). Онъ касается «агитаторовъ», которые «стараются подорвать въ глазахъ крестьянскаго населенія уваженіе къ закону 9 Ноября 1906 года и всѣми мѣрами стремятся противодѣйствовать выходу крестьянъ изъ общины». Въ этомъ секретномъ циркулярѣ, обращенномъ не къ крестьянамъ, а къ власти, откровенно указывается, въ чемъ съ правительственной точки зрѣнія заключается цѣнность производимаго разрушенія общины: «*выходъ крестьянъ изъ общины является однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ*».

Земскимъ начальникамъ предлагается установить «самое тщательное наблюденіе», а «лицъ, агитирующихъ противъ выхода крестьянъ изъ общины» немедленно передавать уѣздному исправнику.

Нѣсколько циркуляровъ касается вопроса о борьбѣ съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ.

Но власть борется не только съ революціонерами. Въ періодъ «успокоенія» борьба идетъ съ обществомъ. Всякое проявленіе общественности вызываетъ у власти опасеніе. Не только аграрное и рабочее движеніе разсматривается исключительно съ точки зрѣнія опасности для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, но и земства, и города, печать и политическія партіи и даже чиновники берутся подъ подозрѣніе.

«Условія переживаемаго исключительнаго времени приводятъ министерство внутреннихъ дѣлъ къ сознанію своей непремѣнной обязанности быть всесторонне освѣдомленнымъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ въ губерніяхъ и о всѣхъ такихъ явленіяхъ, которыя, при указанныхъ выше условіяхъ, представляютъ особый интересъ и значеніе для правильной оцѣнки положенія имперіи и внушаютъ наиболѣе серьезныя опасенія для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Въ этихъ видахъ и по приказанію господина министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаментѣ полиціи (по 4-му дѣлопроизводству) производится подробная регистрація всѣхъ событій политическаго и общественнаго характера по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) аграрное движеніе, 2) рабочее движеніе и профессіональные союзы, 3) настроеніе въ войскахъ, 4) террористическіе акты, политическія убійства и нападенія на должностныхъ и частныхъ лицъ и грабежи общественныхъ и частныхъ суммъ (экспропріаціи), 5) митинги,

демонстраціи и вооруженныя сопротивленія войскамъ или чинамъ полиціи, 6) вызовы войсковыхъ частей и перемѣщенія послѣднихъ въ предѣлахъ губерніи, 7) направленіе мѣстныхъ органовъ періодической прессы, 8) политическое направленіе въ городскихъ, земскихъ и сословныхъ установленіяхъ, 9) настроеніе интеллигентныхъ слоевъ, поскольку таковое выражается въ политическихъ партіяхъ, 10) настроеніе въ учебныхъ заведеніяхъ и 11) политическая благонадежность должностныхъ лицъ правительственныхъ установленій. Означенная регистрація можетъ имѣть извѣстное значеніе и смыслъ при условіи возможно полнаго а главное—своевременнаго доставленія свѣдѣній по интересующимъ министерство вопросамъ со стороны мѣстныхъ властей». (Циркуляръ 5 февр. 1908 г.).

Наблюденіе и доставленіе свѣдѣній, интересующихъ учрежденіе у Цѣпного моста, о мѣстной печати, земствѣ, городской думѣ, сословіяхъ, партіяхъ, учебныхъ заведеніяхъ, политической благонадежности должностныхъ лицъ возлагается циркуляромъ на земскихъ начальниковъ. Во что же превращается должность земскаго начальника, судьи и администратора, если на него возлагаются также функціи политическаго сыщика? Онъ—дворянинъ и одновременно агентъ наблюденія за своимъ сословіемъ, онъ членъ уѣзднаго съѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдатель за благонадежностью своихъ коллегъ, онъ—земскій гласный и тайный информаторъ департамента полиціи обо всемъ, что дѣлается въ земствѣ, онъ—членъ училищнаго совѣта и попечительныхъ совѣтовъ при учебныхъ заведеніяхъ и одновременно наблюдатель за благонадежностью учащихъ и учащихся, обязанный доносить обо всемъ узнанномъ и слышанномъ. Выше мы видѣли, что на земскаго начальника возлагаются функціи негласнаго надзора, филерство и слѣженіе. Если реакція 80-хъ годовъ создала смѣшеніе судебныхъ и административныхъ функцій, то въ эпоху «успокоенія» созданъ сыщикъ, обладающій функціями судьи и администратора.

Нашъ обзоръ циркулярнаго творчества мы закончимъ упоминаніемъ еще одного циркуляра. Онъ относится уже къ дѣятельности третьей Думы, казалось бы, стоящей внѣ подозрѣній. Но и въ ней была «оппозиціонная трудовая группа». Группа эта, когда въ Думѣ разсматривался законопроектъ о реформѣ мѣстнаго суда, разослала по волостнымъ и сельскимъ управленіямъ вопросные листы «съ тенденціознымъ подборомъ самыхъ вопросовъ». По словамъ циркуляра, эти вопросы касались желательности скорѣйшей реформы мѣстнаго суда, уничтоженія волостныхъ судовъ и суда земскихъ начальниковъ, «дѣятельность коихъ

при этомъ описывается въ весьма нелестныхъ выраженіяхъ», установленія выбора судей по волостямъ при участіи всѣхъ жителей и пр. Любопытно, что уничтоженіе волостныхъ судовъ и суда земскихъ начальниковъ было предусмотрѣно въ самомъ министерскомъ законопроектѣ, и дѣятельность земскихъ начальниковъ описана въ нелестныхъ выраженіяхъ опять-таки въ объяснительной запискѣ къ проекту, составленной—кѣмъ?—самимъ И. Г. Щегловитовымъ, нынѣ лидеромъ россійскаго черносотенства, а власти усматриваютъ въ постановкѣ такихъ вопросовъ «тенденціозность» и предлагаютъ принять мѣры противъ опроса населенія. Оборотная сторона циркуляра, находящагося въ нашей коллекціи, испещрена расписками волостныхъ старшинъ ввѣреннаго участка, что «во ввѣренныхъ имъ волостяхъ распространенія анкеты трудовой группы не было и нѣтъ, а на случай, если таковая окажется, приняты мѣры»,—мѣры, чтобы близко касающійся населенія вопросъ до свѣдѣнія населенія не дошелъ...

Н. Іорданскій.

Силуэты прошлаго.

(Судебно-бытовые очерки).

Рѣчь будетъ идти о мировыхъ судьяхъ четверть вѣка тому назадъ и объ отдѣльныхъ бытовыхъ казусахъ изъ области мировой юстиціи того времени въ юго-западномъ краѣ, гдѣ дѣйствовали и продолжаютъ дѣйствовать судьи по назначенію отъ короны, а не выборные, и гдѣ взаимоотношенія между отдѣльными элементами населенія (евреи, поляки, крестьяне—малороссы) по крайней мѣрѣ въ то время, борьба за существованіе и обычные ея пріемы и способы носили совсѣмъ иной характеръ и оттѣнокъ, чѣмъ въ другихъ, чисто-русскихъ, губерніяхъ.

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду еще и того, что описываемое время,—восьмидесятые года прошлаго столѣтія, было уже временемъ надлома, если можно такъ выразиться, почти всѣхъ коренныхъ началъ новаго суда, ослабленныхъ и въ значительной степени видоизмѣненныхъ цѣлымъ рядомъ введенныхъ въ Уставы 64-го года позднѣйшихъ законодательныхъ новеллъ, вся совокупность которыхъ преслѣдовала почти исключительно одну и ту же цѣль ограничительную для той независимости суда ни отъ какой другой власти въ государствѣ и той полной свободы судейскаго мнѣнія, какія первоначально были поставлены краеугольнымъ камнемъ подъ всѣмъ величественнымъ зданіемъ новаго русскаго судостройства и судопроизводства.—Великій и торжественный судебный праздникъ всеобщаго подъема духа и силъ тогда уже,—увы,—миновалъ; тянулись сѣрыя, неприглядныя будни, и каждый грядущій день вмѣсто прежнихъ надеждъ и упованій для всѣхъ служившихъ судебному дѣлу не за страхъ, а идейно за совѣсть, готовилъ все только новыя и новыя разочарованія...

Печальныя событія 1863 г. въ этомъ краѣ и вся послѣдующая за ними политика репрессій, пристегнувшая къ себѣ уже силою вещей въ качествѣ союзника и судъ, долженствовавшій по самому

существу своему стоять на стражѣ всѣхъ законоположеній ограничительныхъ, успѣли уже къ этому времени (т.-е. 80-е года) въ значительной степени деморализировать и самое населеніе края и, въ особенности, громадное большинство пришлыхъ русскихъ представителей власти разныхъ вѣдомствъ, а въ томъ числѣ, конечно, и судебнаго.

Этимъ, между прочимъ, объясняются и тѣ, зачастую весьма некрасивыя , чтобы не сказать сильнѣе, манипуляціи съ бывшей 30-й ст. Уст. Гр. Суд., которыя продѣлывались здѣсь нѣкоторыми представителями мировой юстиціи и которыя привели къ совершенной отмѣнѣ 21 декабря 1887 г. этого закона, въ существѣ своемъ наиболѣе всего соотвѣтствовавшаго и смыслу и достоинству облеченнаго общимъ довѣріемъ выборнаго мирового судьи, какъ представителя самой близкой къ населенію и уже по одному этому наиболѣе популярной судебной власти въ имперіи.

Статья эта при непремѣнномъ условіи ясно выраженнаго взаимнаго соглашенія сторонъ предоставляла компетенціи мирового судьи разрѣшеніе безапелляціонное и окончательное и притомъ безъ всякихъ процессуальныхъ формальностей и затяжекъ всякаго гражданскаго спора и на всякую сумму «по совѣсти», т.-е. не въ узкихъ рамкахъ 4 и 82 ст. ст. Уст. Гр. Суд., требующихъ, чтобы вопросъ разрѣшался только о томъ, о чемъ просятъ стороны, и только по тѣмъ доказательствамъ, на которыя онѣ сами сослались, а въ тѣхъ предѣлахъ и по тѣмъ соображеніямъ, какія подскажетъ судьѣ его чуткая совѣсть и общежитейское разумѣніе.

Очевидно, что, предоставляя судьѣ безконтрольно (отсутствіе мотивовъ рѣшенія и права обжалованія его недовольной стороной) такое широкое и почти безграничное право регулированія гражданскихъ взаимоотношеній сторонъ по дѣламъ этого рода, законодатель тѣмъ самымъ оказывалъ величайшее довѣріе этому выборному органу судебной власти и подчеркивалъ его значеніе, а потому судьямъ надлежало съ тѣмъ большей щепетильностью и строгой разборчивостью относиться къ каждому подобному ходатайству сторонъ. Но, къ сожалѣнію, судебная хроника юго-западнаго края того времени дала столько печальныхъ примѣровъ такихъ рѣшеній, «по совѣсти», что единственнымъ логическимъ и цѣлесообразнымъ выводомъ изъ этихъ рѣшеній явилось... лишеніе мирового судьи этого почетнаго для него и прямо-таки драгоцѣннаго для добросовѣстныхъ сторонъ въ особенности по сложнымъ и запутаннымъ дѣламъ семейнаго характера всесудебнаго права.

И законодатель не могъ поступить иначе, потому что подъ флагомъ этой самой 30-й статьи постановлялись «по совѣсти»

такія вопіющія рѣшенія, отъ которыхъ страдали на каждомъ шагу интересы и фиска, и закона, и третьихъ лицъ, въ особенности же сиротъ, малолѣтнихъ и многихъ такъ или иначе ограниченныхъ въ правѣ и дѣеспособности подопечныхъ.

Въ одномъ изъ уѣздовъ западнаго края прославился въ этомъ отношеніи одинъ изъ коронныхъ мировыхъ судей, къ которому пріѣзжали судиться «по совѣсти» разныя лица буквально со всѣхъ концовъ Россіи,—изъ Туркестана и Астрахани, изъ Сибири и верховьевъ Волги,—и вовсе не потому, что судья этотъ обладалъ какой-либо особо проникновенной мудростью, опытомъ и глубокимъ знаніемъ жизни, человѣческой души и человѣческихъ отношеній, а по причинамъ и соображеніямъ совсѣмъ иного характера.

Насколько велики были мудрость и «совѣсть» этого мирового судьи, объ этомъ извѣстно не было; но то, что, когда ему пришлось, наконецъ, уйти съ судейской трибуны и стать простымъ обывателемъ, у него оказалось относительно большое состояніе, котораго онъ, по общимъ свѣдѣніямъ, до своего судейства не имѣлъ, это стало извѣстнымъ.

Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что бывали случаи, когда рѣшенія по 30 ст. У. Г. С. постановлялись судьями съ такой вдумчивостью и чуткостью, которыми совершенно парализовалась подчасъ очень хитро скрытая декораціей *притворнаго спора* задняя мысль, явившаяся результатомъ *фактическаго соглашенія* сторонъ и имѣвшая единственной цѣлью противозаконное обогащеніе ихъ за счетъ интересовъ третьихъ лицъ.

Между прочими былъ такой случай этого рода. Къ одному изъ молодыхъ мировыхъ судей края, горячо любившему свое дѣло и всегда служившему ему внѣ всякихъ соображеній правительственной политики, административныхъ вѣяній и карьерныхъ вожделѣній,—явились два еврея, старикъ и молодой, и заявили ходатайство о немедленномъ разсмотрѣніи и разрѣшеніи «по совѣсти» въ порядкѣ 30 ст. У. Г. С. ихъ спора о 63000 р., которые, по утвержденію старика, долженъ былъ ему уплатить молодой въ заключеніе ихъ взаимныхъ счетовъ по казенному подряду, взятому и исполненному на имя одного молодого, но фактически осуществленному при участіи обоихъ.

И костюмъ обоихъ споривших, и манера держать себя, и самый тонъ ихъ рѣчей не оставляли сомнѣнія въ томъ, что оба они принадлежали къ категоріи дѣльцовъ большого масштаба, привыкшихъ ворочать большими суммами и считать барыши не десятками и сотнями, а тысячами рублей.

Изъ объясненій ихъ выяснилось, между прочимъ, что обоихъ зовутъ Борухами и что молодой—зять стараго, женатый на его старшей дочери.

Послѣ первыхъ же объясненій тестя и отвѣтныхъ репликъ зятя судья началъ убѣждаться, что споръ ихъ—мнимый: отвѣтчикъ, возражая, повидимому, противъ каждаго положенія истца, давалъ пространныя объясненія, въ результатѣ которыхъ онъ отрицалъ все несущественное, никакого юридическаго значенія не имѣвшее, и, наоборотъ, признавалъ все главное, на что опиралось каждое отдѣльное требованіе старика.

Въ концѣ-концовъ для судьи уже не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что споръ между тестемъ и зятемъ безусловно фиктивный и что для обоихъ въ одинаковой степени важно, чтобы спорная сумма во что бы то ни стало была присуждена старику и чтобы исполнительный листъ по этому рѣшенію былъ выданъ на взысканіе этихъ денегъ немедленно же.

Очевидно, по этому исполнительному листу необходимо было сейчасъ же наложить арестъ на причитавшіеся уже къ выдачѣ Боруху—зятю изъ казны деньги въ суммѣ сорока съ чѣмъ-то тысячъ рублей, прежде чѣмъ два другихъ фактическихъ компаніона успѣютъ обратить на эти деньги и свои взысканія.

Больше часу стороны состязались передъ судьей, засыпая его разными цифрами, техническими терминами и спеціально коммерческими выраженіями, при чемъ въ самомъ концѣ объясненій зять по поводу какой-то мелкой, не превышавшей трехсотъ рублей, суммы разразился противъ тестя цѣлой негодующей рѣчью, въ которой онъ, съ пѣной у рта, доказывалъ недобросовѣстность старика, злоупотребившаго его довѣріемъ къ себѣ, какъ къ родственнику, и теперь пытающагося содрать съ него кожу.

Старикъ выслушалъ эту обличительную филиппику съ истинно отцовскимъ снисходительнымъ спокойствіемъ и въ заключеніе сказалъ мировому судьѣ:

— Вы, господинъ судья, простите ему эти нехорошія слова и не подумайте о немъ дурно за то, что онъ меня, старика-отца, такъ замаралъ передъ вами, какъ послѣдняго капцана и мошенника... Богъ съ нимъ... У него «копфъ» хорошая, дѣловая: недаромъ онъ, такой еще молодой, ведетъ уже такія большія дѣла, какъ, напримѣръ, этотъ подрядъ съ оборотомъ больше чѣмъ на четыре сотни тысячъ рублей... Но онъ на дѣло разсудительный, какъ старикъ, хорошо знаетъ, когда, что и какъ сдѣлать,—а на людей,—съ кѣмъ и какъ говорить и кому и какой почетъ показать, на это онъ пока еще по своей молодости и неопытности,—изви-

ните меня и не при васъ будь сказано,—немножко... мишигинеръ, какъ у насъ евреевъ, говорится... Ну, то что-жъ?. Поживетъ дольше увидитъ, гдѣ какіе люди бываютъ, тогда и на людей станетъ умнѣе: научится капцана съ пурицемъ не мѣшать... А только я не безпокоюсь: онъ васъ этими своими горячими словами не поймаетъ, и вы намъ дадите справедливый и, какъ у Соломона, мудрый судъ... Богъ съ нимъ. Пускай эти мои безъ малаго триста рублей пропадутъ. Я плакать за ними не буду: вѣдь не чужому они достанутся: пусть я буду думать, что я за своей дочерью Малкой далъ ему не тридцать тысячъ приданаго, а тридцать тысячъ триста рублей. И я буду спокоенъ, что я не потерялъ этихъ трехсотъ рублей. Вы насъ разсудите справедливо... Не даромъ же мы пріѣхали судиться къ вамъ больше чѣмъ за полтораста верстъ, хотя у насъ въ мѣстечкѣ есть и свой судья и даже вовсе не плохой судья... Но только хотя у него голова и больше вашей и уже на половину бѣлая, а у васъ—маленькая и еще совсѣмъ черная, однако, вы сами видѣли и знаете, что у тѣхъ евреевъ, которые въ ярмарокъ гандлюютъ на три—пять рублей,—очень большіе и такіе потертые, что уже стали совсѣмъ бѣлыми, кошельки тоже бываютъ набиты мѣдяками, а у другого въ маленькомъ портмонетѣ даже не видно, что деньги есть, а такъ одни червонцы лежатъ. Ну, такъ которое же дороже: то большое, или это, маленькое?

— Больше вы ничего по дѣлу не имѣете прибавить?—спросилъ мировой судья, приготовляясь писать рѣшеніе.

— Мы вамъ всѣ свои слова сказали,—улыбнулся старикъ и прибавилъ:—теперь мы ждемъ вашего послѣдняго слова, которое примемъ, какъ законъ.

Черезъ десять минутъ судья объявилъ рѣшеніе, по которому онъ, разсмотрѣвъ взаимныя претензіи сторонъ по совмѣстному исполненію ими взятаго на себя однимъ изъ нихъ, Борухомъ Таратутомъ, казеннаго подряда и разрѣшая дѣло по совѣсти въ порядкѣ 30 ст. У. Г.С. согласно обоюднаго ходатайства сторонъ, опредѣлилъ—взыскать съ купца I-й гильдіи Боруха Солодкаго въ пользу купца той же гильдіи Боруха Таратута шестьдесятъ тысячъ рублей, а самое рѣшеніе, какъ вовсе не подлежащее обжалованію, считать вступившимъ въ законную силу съ момента провозглашенія его.

Выслушавши это рѣшеніе, старикъ сказалъ:

— Благодаримъ васъ, господинъ судья, за ваше справедливое рѣшеніе, но только просимъ васъ исправить случайную ошибку въ фамиліяхъ нашихъ, которая, конечно, произошла оттого, что мы оба называемся Борухами, Солодкій—это я, а онъ, мой зять—

Таратутъ. И эти деньги слѣдуютъ съ него мнѣ, а не ему съ меня; а вы, извините, перепутали наши фамиліи и присудили ему съ меня... Такъ вы, пожалуйста, поправьте фамиліи...

— Да кто это вамъ сказалъ, что я ошибся?—возразилъ судья.

— Извините, можетъ быть, вы невѣрно прочитали, а только мы оба слышали, что вы присудили съ меня, Солодкаго, ему Таратуту.

— Совершенно вѣрно,—я такъ и присудилъ,—сказалъ судья, наклоняясь къ столу и глядя на резолюцію.

— Ну, вотъ видите,—усмѣхнулся тесть,—а нужно наоборотъ: я ищу съ него и деньги мнѣ съ него слѣдуютъ...

— А я нахожу, что съ васъ слѣдуетъ зятю получить шестьдесятъ тысячъ... Вѣдь, вы же просили меня разсудить васъ по совѣсти? Вотъ я васъ по своей совѣсти и разсудилъ и вамъ теперь придется уплатить зятю шестьдесятъ тысячъ рублей.

И тесть и зять при этихъ словахъ судьи измѣнились въ лицѣ: старикъ покраснѣлъ, а молодой поблѣднѣлъ.

— Мнѣ съ отца никакихъ денегъ не слѣдуетъ... Я ему долженъ платить...—произнесъ скороговоркой зять.

— Ша!—повелительно сказалъ ему тесть и, подойдя ближе къ столу, произнесъ:

— Вотъ что я вамъ скажу, господинъ судья: не даромъ про васъ всѣ наши евреи по всѣмъ мѣстечкамъ говорятъ, что вы въ въ чужой душѣ, какъ въ книгѣ, читаете... А я все думалъ, что это только такъ, одинъ разговоръ... а теперь уже я и самъ вижу, что это правда. Спасибо вамъ... Намъ не нужно вашего рѣшенія... Разорвите его...

— Что вы говорите, г. Солодкій? Развѣ я могу уничтожить рѣшеніе? Вы въ своемъ ли умѣ?

— А почему нѣтъ? Мы здѣсь у васъ въ кабинетѣ были одни и кто можетъ знать, по какому дѣлу,—гражданскому или уголовному мы къ вамъ приходили? А, можетъ быть, мы просто—зашли къ вамъ по нашему частному семейному дѣлу, чтобы попросить вашего совѣта?!.. Развѣ это не можетъ быть? Вы этотъ листъ разорвите, а мы у васъ никогда не были и ни мы васъ, ни вы насъ никогда и въ глаза не видали.

— Вы, г. Солодкій, очевидно, не понимаете того, что говорите. Я уничтожить рѣшеніе не имѣю права...

— Вы думаете, что я не понимаю, что говорю?—слегка усмѣхнулся уже вполнѣ овладѣвшій собою старикъ.—Нѣтъ, г. судья, я хорошо понимаю и даже очень хорошо понимаю... Вы говорите, что вы не можете уничтожить своего рѣшенія. Я, извините, думаю иначе, потому что вы никакого дѣла еще

не заводили и даже вы еще намъ не дали подписать протокола о томъ, что мы дѣйствительно, просили васъ оба разобрать это наше дѣло по совѣсти... Но это все—ничего: если вы сами не можете уничтожить, такъ мы его уничтожимъ сейчасъ, какъ слѣдуетъ по закону.

И сказавши послѣ этого нѣсколько словъ по-еврейски своему зятю, старикъ официально заявилъ судьѣ:

— Мы вашимъ рѣшеніемъ довольны настолько, что даже окончили дѣло миролюбиво и просимъ его навсегда прекратить.

А зять такимъ же тономъ сказалъ:

— Я отъ тестя по мировой сдѣлкѣ, которую мы сейчасъ съ нимъ заключили на словахъ, когда говорили по-еврейски,— а мы—свои и другъ другу вѣримъ на слово,—полное удовлетвореніе по только что рѣшенному вами дѣлу получилъ и теперь мы оба просимъ васъ это дѣло навсегда прекратить.

Мировой судья ничего не отвѣтилъ на это, но выразительно посмотрѣлъ на обоихъ. Его глаза при этомъ сказали только одно слово, но такое, что, если бы при потерѣ самообладанія оно было произнесено, онъ пересталъ бы уважать самаго себя, какъ судью, который долженъ быть столько же и безстрастнымъ, сколько и проницательнымъ.

Дополнительная резолюція о прекращеніи дѣла навсегда за примиреніемъ сторонъ была, конечно же, написана.

Зять вышелъ изъ кабинета первымъ, а старикъ, очевидно, умышленно замѣшкался и, когда на минуту остался наединѣ съ судьей, сказалъ:

— Г. судья, извините меня за мое слово... Но я—старикъ, вы—молодой и почти во внуки годитесь мнѣ, а потому я вамъ скажу то, что думаю. Вы—хоть молодой такой, но вы—дѣйствительно, настоящій судья, умный судья, потому что умѣете читать въ сердцѣ такъ же, какъ и въ книгѣ. И вѣрьте мнѣ, что, если бы у насъ въ нашемъ краѣ было больше такихъ, какъ вы, судей— то всѣмъ,—и русскимъ, и намъ, евреямъ, жилось бы много лучше, чѣмъ теперь. Мы, евреи, настоящую правду, даже когда она намъ въ чемъ-нибудь мѣшаетъ, и настоящій умъ въ судьѣ умѣемъ цѣнить и уважать даже, можетъ быть, лучше, чѣмъ русскіе... А знаете почему? Потому что намъ и здѣсь, и вездѣ тяжелѣе, и намъ чаще, чѣмъ другимъ, бываетъ и нужно, и выгодно найти настоящую правду. А вѣдь такой, настоящей правды въ судѣ безъ настоящаго, умнаго судьи не бываетъ.

И прежде чѣмъ судья успѣлъ ему что-нибудь отвѣтить, старикъ уже скрылся за дверью.

При какихъ условіяхъ и обстановкѣ должна была происхо-

дить въ то время (80-ые года) работа мировыхъ судей въ юго-западномъ краѣ, въ особенности по дѣламъ уголовнымъ, не трудно будетъ понять, если принять во вниманіе, что полиція въ лицѣ ближайшихъ къ населенію ея представителей,—урядниковъ и становыхъ приставовъ, представляла изъ себя въ громадномъ большинствѣ случаевъ нѣчто совершенно невозможное. Не говоря уже о такихъ заурядныхъ явленіяхъ, какъ всевозможные и постоянные поборы и вымогательства деньгами и натурою съ еврейскаго и польскаго населенія въ краѣ, и о всевозможныхъ укрывательствахъ и попустительствахъ всякихъ преступленій и проступковъ, достаточно будетъ указать, что одинъ изъ урядниковъ, Б., считавшійся въ уѣздѣ лучшимъ и выполнявшій поэтому самыя отвѣтственныя порученія по обнаруженію наиболѣе серьезныхъ преступленій, былъ послѣ многихъ лѣтъ службы изобличенъ въ томъ, что онъ организовалъ и стоялъ во главѣ громадной шайки конокрадовъ, оперировавшей въ трехъ южныхъ губерніяхъ и сбывавшей лошадей въ Сербію и Болгарію. За это преступленіе онъ былъ судимъ и осужденъ.

Другой, считавшійся не менѣе выдающимся по службѣ, урядникъ К., былъ сотрудникомъ и правой рукой извѣстнаго въ свое время въ краѣ еврея аферіста, Хацкеля С., бѣжавшаго впослѣдствіи въ Америку, и принималъ всегда неизмѣнное, дѣятельное участіе по сбыту этимъ мошенникомъ пачекъ простой цвѣтной бумаги подъ видомъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ англійской фабрикаціи и этотъ же самый, весьма внушительный по виду и безукоризненный по выдержкѣ урядникъ, обычно наряжавшійся начальствомъ для сопровожденія губернатора при проѣздахъ его по уѣзду, поддерживалъ несомнѣнныя и близкія связи съ нѣсколькими фальшивомонетчиками. Онъ объ руку съ находчивостью и рѣдкой исполнительностью по службѣ такъ умно и тонко обдѣлывалъ свои частныя преступныя дѣлишки, что изобличить его съ надлежащей полнотой доказательствъ для преданія суду, не взирая на всѣ старанія прокурорской и слѣдственной власти, такъ и не удалось, и дѣло ограничилось лишь удаленіемъ его со службы въ порядкѣ административномъ.

А чины постарше, какъ, напримѣръ, становые пристава, обыкновенно дѣйствовали и проще и откровеннѣе.

Многіе изъ нихъ, будучи назначены, начинали съ того, что объѣзжали всѣхъ помѣщиковъ и поссесоровъ своего стана и всѣхъ евреевъ, фактическихъ содержателей винокуренныхъ заводовъ, и въ любезной бесѣдѣ просто-напросто сами устанавливали размѣръ своего годового оклада по каждому имѣнію, поссесіи или заводу деньгами и натурой (ординаріи), при чемъ все усло-

вленное должно было выплачиваться и доставляться имъ полугодно впередъ.

При этомъ никакихъ обязательствъ въ смыслѣ прямого потворства какимъ-либо особымъ беззаконіямъ на себя вовсе не принималось, а взималась контрибуція лишь за то, что я-де власть предержащая, которая при добромъ желаніи всегда *можетъ* придраться къ чему угодно и въ значительной степени отравить жизнь.

Въ этомъ отношеніи особенно отличился одинъ становой приставъ того времени изъ отставныхъ поручиковъ,—нѣкто Б., который, прибывъ въ свой станъ, уже черезъ три недѣли даже не далъ себѣ труда лично заѣхать, а просто написалъ одному видному мѣстному помѣщику, С. Л., сыну бывшаго предводителя дворянства, когда еще поляки могли занимать эти должности, и брату извѣстнаго въ краѣ врача, письмо дословно слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь.

«Вотъ уже мѣсяцъ почти, какъ я назначенъ и прибылъ въ станъ, а Вы до сихъ поръ еще ничѣмъ не проявили своего существованія... Пора, наконецъ, исправиться.

Готовый къ вашимъ услугамъ Имярекъ».

Когда этотъ помѣщикъ показалъ вышеприведенное посланіе своему пріятелю, мѣстному мировому судьѣ, и тотъ, пораженный столь откровенной наглостью полицейскаго Держиморды высшаго ранга, спросилъ его:

— Что же вы отвѣтили этому нахалу?

— Что?—переспросилъ добродушно толстякъ-помѣщикъ,—а вотъ что: я обернулъ сторублевкой мою визитную карточку, вложилъ ее въ конвертъ съ надписью на немъ «Господину Становому Приставу Б-у» и послалъ ему съ тѣмъ же подателемъ. Что-же другое я могъ сдѣлать?!.

— Позвольте—воскликнулъ судья,—но вѣдь это же грабежъ! Вѣдь это же неслыханное вымогательство!!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ добродушно помѣщикъ. Это только своего рода довѣріе его ко мнѣ, мною, впрочемъ, не оправданное, потому что я его письмо показалъ вамъ, панъ сендзя. Онъ, вѣдь, отъ своего предмѣстника зналъ, что съ моей экономіи ему, какъ приставу, полагается въ годъ триста рублей деньгами, кромѣ ординаріи овсомъ. Вотъ только свинство съ его стороны, что онъ не далъ себѣ труда пріѣхать лично познакомиться... Ну, да это Богъ съ нимъ: пріѣдетъ потомъ.

А съ евреями этотъ приставъ взялъ еще болѣе простую практику. Тутъ ужъ онъ побилъ рекордъ.

Въ его станъ входили два еврейскихъ мѣстечка съ 5—6 тысячами жителей каждое. И вотъ черезъ двѣ недѣли послѣ своего вступленія въ должность этотъ милостивый государь, гремя звонкомъ, прибылъ въ пятницу передъ вечеромъ въ одно изъ нихъ и за часъ до того момента, когда духовный раввинъ долженъ былъ прокричать на базарной площади свое обычное «Гейтъ инъ ди шиль аранъ», онъ съ сотскими и десятскими наложилъ печати на двери синагоги и трехъ-четырехъ молитвенныхъ домовъ мѣстечка.

Поднялся невообразимый гвалтъ. Нѣсколько человѣкъ наиболѣе именитыхъ евреевъ бросились на земскую квартиру, гдѣ ихъ спокойно ожидалъ сей мудрый властитель, и начался самый обыкновенный торгъ.

Приставъ запросилъ 150 рублей за открытіе синагоги и молитвенныхъ домовъ: евреи предложили ему 75 руб., а на сотнѣ рублей стороны къ обоюдному удовольствію покончили дѣло миролюбиво и, честь-честью, приставъ, гремя звонкомъ, отбылъ восвояси, а евреи, закрывъ свои лавки и облачившись въ шабашевые лапсердаки, отправились Богу молиться.

Слово въ слово та же исторія повторилась въ слѣдующую пятницу въ другомъ мѣстечкѣ, но, такъ какъ оно было меньше, то и г. приставъ призналъ справедливымъ помириться съ евреями уже не на сотнѣ рублей, а только на семидесяти пяти.

И только благодаря вмѣшательству мѣстнаго мирового судьи и счастливому случаю проѣзда бывшаго тогда губернаторомъ В. М. Глинки, которому судья лично разсказалъ и о письмѣ пристава къ помѣщику Л. и о нѣсколькихъ его продѣлкахъ, подобныхъ выше описаннымъ,—этотъ въ своемъ родѣ единственный мародеръ отъ полиціи былъ уволенъ въ 24 часа въ отставку.

Господинъ этотъ пробылъ въ станѣ около девяти мѣсяцевъ и, явившись къ мѣсту службы буквально съ однимъ небольшимъ чемоданомъ на почтовой бричкѣ, выѣхалъ изъ своего мѣста жительства въ прекрасномъ рессорномъ фаэтонѣ на собственной парѣ сѣрыхъ и увезъ съ собою прекрасную обстановку и, какъ утверждали близко освѣдомленные люди изъ его же приближенныхъ, нѣсколько тысячъ рублей.

Уѣзжая изъ стана, г. Б-й счелъ нужнымъ откланяться мировому судьѣ и просить помочь ему пройти въ судебные пристава въ томъ же Съѣздѣ Мировыхъ Судей.Нечего прибавлять, конечно, что просьба эта уважена не была.

При такомъ контингентѣ полиціи, состоявшей въ огромномъ

большинствѣ изъ личностей, подобныхъ вышеописаннымъ урядникамъ Б. и К. и приставу Б., можно ли было мировымъ судьямъ вѣрить полицейскимъ протоколамъ и вообще свѣдѣніямъ, исходившимъ отъ полиціи?

И самое населеніе (рѣчь идетъ, конечно, о населеніи мѣстечковомъ еврейскомъ и о полякахъ помѣщикахъ и поссесорахъ, потому что малороссійское населеніе деревень и селъ, подвѣдомое въ своей общественной и повседневной жизни гораздо больше мировымъ посредникамъ черезъ посредство волостныхъ и сельскихъ писарей, чѣмъ полиціи, имѣло съ нею гораздо меньше точекъ соприкосновенія и потому, конечно, терпѣло меньше) такъ привыкло постепенно къ полиціи «пріемлющей», что если случайно гдѣ-нибудь оказывался приставъ или урядникъ, отъ мзды уклонившійся, то на него смотрѣли недовѣрчиво, ждали ежеминутно отъ него всякихъ каверзъ и вообще чувствовали себя неспокойно.

И если проходилъ мѣсяцъ, другой, третій, а приставъ или урядникъ продолжалъ свою систему невзиманія, то пускались въ ходъ всяческія вліянія и интриги, которыя въ концѣ-концовъ приводили къ тому, что такого подъ общій ранжиръ не подходящаго человѣка убирали въ другое мѣсто.

— Зачѣмъ мнѣ такой, который мнѣ только нуженъ, а я ему вовсе не нуженъ?—своеобразно объяснялъ свое настроеніе въ откровенной бесѣдѣ съ мировымъ судьей одинъ старикъ-еврей, очень богатый человѣкъ, содержавшій фактически два винокуренныхъ завода въ уѣздѣ и имѣвшій много другихъ коммерческихъ дѣлъ.—И какая мнѣ отъ него польза, когда я къ нему даже зайти во всякое время не смѣю? Развѣ я могу думать, что онъ будетъ думать о томъ, чтобы мнѣ было хорошо? И развѣ ему не все равно, хорошо ли мнѣ или худо? Вѣдь, ему отъ этого ни тепло, ни холодно, потому что ему самому никакой выгоды отъ моей выгоды и никакой потери отъ моей потери не будетъ: онъ и такъ, и такъ отъ меня ничего не ожидаетъ. А вотъ если бы онъ ожидалъ отъ меня, что я его поблагодарю, когда мнѣ при его помощи хорошо выйдетъ, тогда онъ и на меня смотрѣлъ бы иначе... Нѣтъ, намъ такой не подходитъ, и мы такихъ всегда боимся...

Деморализація шла обоюдная, благодаря съ одной стороны исключительности положенія нѣкоторой части населенія, а съ другой—болѣе широкимъ рамкамъ и границамъ начальственнаго надзора, присвоеннымъ силою вещей полиціи въ этомъ краѣ.

Въ тотъ же станъ, гдѣ девять мѣсяцевъ мародерствовалъ приставъ Б., непосредственно послѣ него былъ назначенъ становымъ приставомъ судебный приставъ Л., получившій это мѣсто

по ходатайству передъ губернаторомъ того самаго мирового судьи, благодаря вмѣшательству котораго былъ убранъ мародеръ Б.—И хотя предшествующій формуляръ г. Л. былъ далеко не совсѣмъ чистъ и безупреченъ, но ходатайствовать за него передъ губернаторомъ судью заставило желаніе исправить свою случайную ошибку столько же, сколько и стремленіе освободить Съѣздъ и судебное дѣло отъ неподходящаго человѣка.

Въ Съѣздъ поступила жалоба на то, что судебный приставъ Л. продалъ завѣдомо чужой лѣсъ за долгъ человѣка, никакого отношенія къ этому имуществу не имѣвшаго, и причинилъ этимъ дѣйствительному собственнику лѣса большіе убытки и убытки непоправимые, такъ какъ взыскатель вслѣдъ за полученіемъ денегъ счелъ благоразумнымъ перебраться на постоянное жительство въ Америку. Одновременно съ жалобой предсѣдатель Съѣзда получилъ еще частныя свѣдѣнія, что приставъ Л. за свое просвѣщенное содѣйствіе будущему американцу получилъ отъ него шестьсотъ рублей.

При обсужденіи этой жалобы въ распорядительномъ засѣданіи Съѣзда провѣрка ея на мѣстѣ была возложена на участковаго мирового судью, который долженъ былъ опросить нѣкоторыхъ указанныхъ въ ней лицъ.

Мировой судья, увлекшись желаніемъ во что бы то ни стало добиться правды, забылъ свою судейскую роль и употребилъ при этомъ пріемъ во всякомъ случаѣ не судебный. Пригласивъ къ себѣ для допроса по этому дѣлу одного старика-хусида (т. е. человѣка, уже отказавшагося отъ всякихъ мірскихъ дѣлъ и посвятившаго себя изученію Талмуда), судья заранѣе положилъ въ ящикъ своего стола нѣсколько горстей чернозема, зная, что хусидъ, если его заставить говорить съ рукой, положенной на «черную землю», скорѣе умретъ, чѣмъ солжетъ, чего бы вопросъ ни касался.

И вотъ, побесѣдовавши нѣкоторое время по интересовавшему его дѣлу со старикомъ съ глазу на глазъ, судья наконецъ долженъ былъ поставить ему прямо вопросъ о взяткѣ, но прежде чѣмъ сдѣлать это, судья какъ бы случайно выдвинулъ ящикъ стола съ черноземомъ и въ тотъ моментъ, когда поставилъ вопросъ:

— Далъ-ли вашъ родственникъ такой-то взятку приставу Л. въ 600 рублей за эту продажу?—онъ быстро взялъ правую руку старика, лежавшую на столѣ, и прижалъ ее къ «черной землѣ» въ ящикѣ, сказавъ:

— Отвѣчая, помните, что ваша рука лежитъ на черной землѣ.

Старикъ при этомъ поблѣднѣлъ и тихимъ голосомъ произнесъ:

— Да, далъ... Но, если бы я зналъ, что вы, судья, такъ меня будете допрашивать, я бы никогда не пришелъ... Пусть бы лучше вы меня оштрафовали.

Увлекшійся до пріема сыска судья невольно покраснѣлъ за свой поступокъ и, желая, сколько можно было, поправить свой невѣрный шагъ, сказалъ:

— Я сознаю, что совершилъ надъ вами нѣкоторое насиліе, но даю вамъ слово, что такимъ путемъ полученное мною показаніе ваше не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій для Л. и о томъ, что вы мнѣ сказали то, что сказали, никто кромѣ меня самого знать не будетъ.

Слово свое мировой судья сдержалъ и доложилъ Съѣзду, что его разслѣдованіе никакихъ опредѣленныхъ и болѣе или менѣе точныхъ результатовъ объ этой взяткѣ не дало, но что создавшееся въ немъ самомъ убѣжденіе не въ пользу судебнаго пристава Л. не только не разсѣялось, а скорѣе укрѣпилось, а потому лучше всего избавиться отъ такаго исполнителя судебныхъ рѣшеній. А такъ какъ Л. неоднократно высказывалъ желаніе получить мѣсто станового пристава и просилъ уже объ этомъ и Предсѣдателя Съѣзда и его, мирового судью, то онъ, судья, приметъ всѣ мѣры, чтобы въ 6-мѣсячный срокъ помочь г. Л. получить желанное.

Случай съ проѣздомъ губернатора и увольненіемъ Б. подвернулся мѣсяца черезъ два послѣ этого и мировому судьѣ удалось избавить станъ отъ Б., но въ то же время и наградить его Л-мъ, хотя, впрочемъ, справедливость заставляетъ прибавить, что если Л. ничѣмъ не отличался отъ десятковъ другихъ становыхъ приставовъ, то во всякомъ случаѣ оказался кроткимъ агнцемъ по сравненію со своимъ предмѣстникомъ и больше мзды обыкновенной, обычаемъ и традиціями установленной, ничего не требовалъ. Въ первое время онъ проявилъ было стремленіе спеціализироваться по дѣламъ о нарушеніяхъ строительнаго устава, но, встрѣтивши въ этомъ отношеніи сильный и, какъ оказалось, непреоборимый отпоръ со стороны мирового судьи и Съѣзда, успокоился и сталъ довольствоваться нормами «урочнаго положенія». Строительный уставъ приставъ Л. облюбовалъ, потому что былъ хорошимъ психологомъ и, наблюдая мѣстную жизнь, подмѣтилъ и понялъ, что для еврея собственный домъ, хотя бы даже это была простая «хибарка», составляетъ краеугольный камень его благополучія. Какъ бы плохи ни были дѣла еврея, какъ бы ничтоженъ ни былъ его еженедѣльный заработокъ,—но, пока у него имѣется

собственнный уголъ и кровъ,—онъ духомъ не падаетъ и чувствуетъ подъ собой почву.—Онъ и голодаетъ со всей своей обыкновенно весьма многочисленной семьей стоически, потому что его все время бодритъ и поддерживаетъ сознаніе собственнаго угла.

— Крыши всѣ одинаковыя и никто не видитъ, кто, что и сколько подъ своей крышей ѣстъ... И пока я себѣ имѣю свою хибарку, никто про меня не скажетъ, что я какой-нибудь капцанъ. Пускай говорятъ: «Хацкелю трудно; ему нѣтъ чѣмъ жить, потому что у него, хвалите Бога, дѣтей много»,—а все же таки капцаномъ меня никто назвать не можетъ, потому что я себѣ свой домъ имѣю и не пойду къ сосѣду въ дверь стучаться, чтобы онъ пустилъ меня къ себѣ переночевать.

Такова обычная жизненная философія даже самаго бѣднаго изъ бѣдняковъ, влачащаго впроголодь свое жалкое существованіе, и пока эта полуразвалившаяся и уже однимъ краемъ крыши почти прикасающаяся къ землѣ хибарка у него не описана и не продана,—бѣднякъ духомъ не падаетъ и стойко борется съ голодомъ и нуждой и, какъ бы ни была бѣда велика и положеніе—безпросвѣтно, онъ не упадетъ безсильно и не перестанетъ бороться, потому что всегда будетъ смотрѣть даже на самую крайнюю свою нужду, какъ на затрудненіе временное, изъ котораго съ помощью Бога онъ вотъ-вотъ выбьется. Но если,—упаси Богъ! у него отняли и этотъ послѣдній оплотъ его бодрости, эту его жалкую и въ буквальномъ смыслѣ гроши стоющую лачужку,—тутъ ужъ онъ дрогнетъ и упадетъ со слезами: пѣсня его спѣта,—«фервалъ ди ганце постройкесъ», онъ «скапцанѣлъ».

Здѣсь, къ слову сказать, евреи за немногими исключеніями влачатъ въ юго-западномъ краѣ самую жалкую и неприглядную жизнь. Имъ и голодно, и холодно и, пожалуй, совсѣмъ бы невозможно было жить, если-бы не частыя мѣстныя ярмарки, которыя однѣ только питаютъ періодически его самого и его многочисленную семью.

Когда еврей выходитъ или выѣзжаетъ на ярмарку, у него почти никогда не бываетъ не только какой-нибудь прямо опредѣленной цѣли, но часто даже и копѣйки денегъ. А между тѣмъ всякій еврей ждетъ не дождется всегда ярмарочнаго дня, потому что такъ или иначе, а онъ ужъ умудрится что-нибудь заработать.

И дѣйствительно: стоитъ только ему смѣшаться съ ярмарочной толпой и понюхать воздухъ, какъ у него уже наклевывается какое-нибудь «дѣло». Здѣсь онъ помогъ другому торговцу обвѣсить мужика на пшеницѣ; тамъ онъ сфакторовалъ панку при покупкѣ нѣсколькихъ сотенъ мѣшковъ; позже опять набилъ цѣну проданной знакомымъ ливерантомъ (лошадиный барышникъ)

хмѣльному мужичку лошади и, словомъ, въ половинѣ дня этотъ расторопный и всюду поспѣвающій фактотумъ ярмарки является уже обладателемъ собственной, поистинѣ усерднымъ трудомъ нажитой, трешницы. А заручившись такимъ капиталомъ, еврей до конца ярмарки непремѣнно умудрится купить и перепродать съ барышемъ не менѣе двадцати корцевъ всякаго рода зерна, а, пожалуй, даже и пару лошадей или тельную корову.

Такимъ образомъ ярмарочная дѣятельность каждаго еврея распадается на два момента: онъ прежде «ярмаркуетъ», т.-е. добываетъ оборотный капиталъ, а затѣмъ онъ «гандлюетъ», т.-е. пускаетъ этотъ здѣсь же добытый основной капиталъ въ оборотъ.

Не повезло еврею на ярмаркѣ на «ганделяхъ»,—онъ возвращается домой только съ плодами своей дѣятельности перваго рода; повезло—и онъ вечеромъ, когда дѣти заснутъ, пересчитаетъ въ присутствіи своей счастливой Ривки учетверенный, а иногда и усемеренный капиталъ оборота. Выигрышъ во всякомъ случаѣ вѣрный.

Такъ было въ описываемые 80-е года прошлаго столѣтія въ юго-западномъ краѣ, такъ, конечно, происходитъ все и теперь, потому что не имѣется рѣшительно никакихъ данныхъ предположить, что въ этомъ отношеніи положеніе вещей могло въ чемъ-нибудь существенно измѣниться. Правда, теперь въ краѣ прошли двѣ новыя линіи желѣзной дороги, но онѣ, вѣроятно, только оживили и омноголюдили эти ярмарки, а кое въ чемъ и увеличили предметы спроса и сбыта.

Итакъ, учтя совершенно правильно значеніе домовъ для мѣстечковаго населенія, вновь назначенный приставъ Л. съ первыхъ же дней своей службы широко развилъ свою дѣятельность по преслѣдованію проступковъ и нарушеній, предусмотрѣнныхъ въ VI—VII главахъ уст. о нак. нал. мир. суд. въ разсчетѣ на то, что евреи примутъ всѣ возможныя мѣры и принесутъ крайнія жертвы для того, чтобы умилостивить его въ этомъ направленіи.

Но разсчетъ его не оправдался, такъ какъ мировой судья безжалостно провалилъ ему первую серію протоколовъ этого рода, а Съѣздъ утвердилъ всѣ эти оправдательные, а если и обвинительные, то съ минимальной мѣрой наказанія, приговоры. Евреи въ свою очередь убѣдились, что «судья не выдастъ, приставъ не съѣстъ» и, конечно, тучныхъ умилостивительныхъ жертвъ на протокольный костеръ приставскаго служебнаго усердія приносить не пожелали, предоставивъ этому костру прогорѣть въ судѣ впустую. Л. заскрежеталъ зубами и, считая кампанію проигранной, рѣшилъ другихъ источниковъ дохода не искать, а удовольствоваться обычными приношеніями, традиціонно установ-

ленными и столь же вѣрными и надежными, какъ двадцатое число каждаго мѣсяца.

Но противъ мирового судьи, лишившаго его вѣрнаго и крупнаго источника дохода, онъ затаилъ злобу, не взирая на то, что этотъ же самый судья доставилъ ему такъ давно и такъ страстно жнланное мѣсто станового. Въ результатѣ черезъ полгода службы этого пристава мѣстный исправникъ получилъ отъ него донесеніе съ надписью «совершенно секретно», которое начиналось словами: «Какъ ни обидно и какъ ни прискорбно мнѣ это, но я почитаю своимъ служебнымъ долгомъ сообщить Вашему Высокоблагородію для дальнѣйшаго съ Вашей стороны направленія, что»... и т. д.

Въ донесеніи этомъ приставъ Л. сообщалъ своему начальству, что мѣстный мировой судья—отъявленный взяточникъ, организовавшій систему взяточничества весьма тонко, и потому-де никакое усердіе полиціи въ цѣляхъ благоустройства и благочинія во ввѣренномъ ему, приставу, станѣ не можетъ дать никакихъ благопріятныхъ результатовъ. А лучшимъ доказательствомъ этого могутъ-де служить десятки оправдательныхъ, или, въ крайнемъ случаѣ, при очевидности нарушеній, смѣшно-обвинительныхъ приговоровъ его о евреяхъ, противъ которыхъ имъ, приставомъ, были возбуждены преслѣдованія за нарушеніе строительнаго устава. Донесенію этому не было дано дальнѣйшаго хода только, потому что оно случайно попало въ руки не самому исправнику, уѣхавшему внезапно въ отпускъ, а его помощнику, исключительному по благородству души и пріемовъ человѣку, попавшему на свое мѣсто совершенно случайно и продержавшемуся на немъ не больше одного года.

При такомъ контингентѣ полиціи, почти сплошь состоявшей изъ личностей, подобныхъ вышеописаннымъ съ небольшими лишь отклоненіями въ ту или другую сторону, мировымъ судьямъ приходилось кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей—служить дѣлу правосудія—вести еще и непрестанную борьбу съ представителями полицейской власти для того, чтобы, сколько возможно, оберегать пріученное уже десятками лѣтъ къ незаконнымъ поборамъ и въ этомъ отношеніи почти безправное населеніе отъ черезчуръ разохотившихся къ легкой наживѣ и переходившихъ всякую мѣру и границы господъ Б-ихъ, Л-хъ и имъ подобныхъ.

И нужно съ грустью о прошломъ сказать, что эта борьба не всегда была удачной для представителей судебной власти въ краѣ. Бывали случаи, когда такихъ слишкомъ упорно ведшихъ борьбу мировыхъ судей безъ всякой просьбы съ ихъ стороны вдругъ переводили, и въ то время, какъ самъ судья изумлялся столь нежданному служебному передвиженію своему, мѣстный исправ-

никъ только таинственно ухмылялся, но... «помалкивалъ въ тряпочку», какъ выразился впослѣдствіи одинъ изъ этихъ господъ начальниковъ уѣзда по поводу перевода одного изъ мировыхъ судей, очень озадачившаго этого судью, изъ юго-западнаго въ сѣверо-западный край. Не по себѣ дерево рубить началъ: подъ меня уже подкапываться сталъ,—проговорился этотъ исправникъ много мѣсяцевъ спустя въ присутствіи вновь назначеннаго на мѣсто переведеннаго.

И хотя это было сказано въ нѣкоторомъ подвыпитіи, но съ очевидной цѣлью назидательной: Дабы не повадно было!..

Во всякомъ же случаѣ борьба эта, если она даже и не оканчивалась полнымъ торжествомъ полицейскихъ противниковъ,—была сопряжена съ очень многими непріятностями и длинной перепиской и заставляла судью переживать весьма часто и весьма несладкія минуты.

Одинъ изъ мировыхъ судей того времени весьма долго хранилъ, какъ удивительный образчикъ по литературности и внѣшней убѣдительности доносъ на него, адресованный въ Соединенное Присутствіе Сената и сообщенный ему въ копіи для дачи объясненій.

Доносъ этотъ былъ подписанъ однимъ мелкимъ шляхтичемъ-поссесоромъ, съ котораго этотъ судья по 3-рублевому иску работника нашелъ справедливымъ присудить пятнадцать рублей судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ; но черновикъ этого доноса былъ написанъ въ квартирѣ станового пристава частнымъ повѣреннымъ П., незадолго передъ тѣмъ лишеннымъ Министромъ Юстиціи въ порядкѣ 406[15] ст. Учр. Суд. Уст. права хожденія по чужимъ дѣламъ на основаніи письма мирового судьи къ Прокурору Палаты, сообщеннаго послѣднимъ въ подлинникѣ Министру, а корректура съ большими дополненіями на поляхъ была продержана рукою самого г. станового пристава.

Доносъ этотъ былъ написанъ такъ блестяще-литературно и съ такой поражающей убѣдительностью по детальности подробностей, указываемыхъ имъ вопіющихъ преступленій мирового судьи, датъ, обстановки, побудительныхъ мотивовъ, при чемъ все это подкрѣплялось ссылками на цѣлую массу свидѣтелей, людей живыхъ, которыхъ-де стоитъ только спросить, чтобы воочію убѣдиться въ глубокой и ни на іоту не преувеличенной правдѣ всего сообщеннаго,—что только благодаря завѣреннымъ Съѣздомъ копіямъ изъ подлинныхъ производствъ въ числѣ около 40 удалось судьѣ опровергнуть документально все написанное.

Доносчики, впрочемъ, перехватили черезъ край: они между прочимъ указывали на одно дѣло, по которому судья-де въ при-

сутствіи многихъ лицъ, случайно оказавшихся тогда у него въ камерѣ, и между ними—полицейскаго сотскаго такого-то, который это обстоятельство можетъ удостовѣрить при допросѣ, разорвалъ и бросилъ въ горѣвшую печь поданный 18-ю осужденными къ аресту по этому дѣлу крестьянами такими-то апелляціонный отзывъ и этимъ преградилъ несчастнымъ путь къ правосудію, заставивъ ихъ подчиниться явно неправосудному приговору своему, постановленному имъ въ угоду пріятеля-помѣщика—поляка.

«Какъ назвать и какъ квалифицировать по уголовному кодексу такое вопіющее дѣяніе судьи, столь грубо попирающаго всякіе законы,—это Правительствующему Сенату лучше знать, чѣмъ мнѣ»,—скромно прибавлялъ юридическій авторъ доноса, услужливо предоставившій свою подпись его фактическимъ авторамъ.

На повѣрку, однако, оказалось, что уже ко времени подачи этого доноса приговоръ судьи по инкриминированному дѣлу не только былъ утвержденъ съѣздомъ Мировыхъ Судей, но касаціонная жалоба на приговоръ Съѣзда была уже разсмотрѣна Уг. Кас. Д-томъ Сената и оставлена безъ уваженія.

Какъ широко была развита въ краѣ въ то время (да не то же ли самое продолжается и теперь?) система доносовъ и до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ доходили ихъ авторы,—лучше всего видно изъ слѣдующаго.

Одинъ мировой судья купилъ на ярмаркѣ въ томъ же мѣстечкѣ, гдѣ находилась его камера, лошадь, при выборѣ которой ему помогали судебный приставъ и мѣстный урядникъ. Мѣсяцевъ черезъ восемь послѣ покупки лошадь эту опозналъ какой-то крестьянинъ одного изъ сосѣднихъ селъ и, явившись къ судьѣ, требовалъ, чтобы судья немедленно же отдалъ ее ему.

Не имѣя никакихъ данныхъ къ тому, чтобы быть увѣреннымъ въ справедливости словъ этого неизвѣстнаго притомъ лично крестьянина, который, что весьма нерѣдко случается, могъ вполнѣ bona fide «вклепаться», т.-е. добросовѣстно ошибиться въ примѣтахъ лошади,—и не допуская къ тому же, чтобы лошадь, такъ близко похищенная, могла быть продана на ярмаркѣ столь гласно черезъ полицейскаго чина мировому судьѣ, судья категорически заявилъ опознавшему, что лошадь эта имъ отчуждена не будетъ, но выдастъ ее онъ потерпѣвшему не прежде, чѣмъ тотъ принесетъ ему копію приговора мѣстнаго мирового судьи (кража была совершена въ сосѣднемъ мировомъ участкѣ), изъ которой было бы видно, что именно эта, находящаяся теперь у такого-то, лошадь была дѣйствительно похищена у претендующаго на нее, а потому она должна подлежать возвращенію. При этомъ судья подробно объяснилъ крестьянину, когда при какихъ обстоятель-

ствахъ и за сколько онъ купилъ спорную лошадь и указалъ ему точно «своего свата», т.-е. продавца, жителя того же мѣстечка.

Крестьянинъ «почухався» и вышелъ, направляясь къ этому «свату», а вслѣдъ за нимъ поторопился выйти изъ канцеляріи судьи, гдѣ происходило объясненіе, и случившійся тамъ и слышавшій весь разговоръ одинъ изъ вѣчныхъ ходатаевъ по дѣламъ, неизмѣнно пребывающихъ въ камерѣ и около камеры и выуживающихъ себѣ добычу мелочью и водкой за написаніе всевозможныхъ прошеній.

Черезъ три-четыре дня послѣ этого кучеръ судьи, войдя утромъ въ конюшню, нашелъ лошадь издохшей, а приглашенный затѣмъ ветеринарный врачъ удостовѣрилъ, что лошадь погибла отъ отравы.

Это обстоятельство не оставило уже сомнѣній въ томъ, что заявленіе крестьянина было справедливымъ, а если даже онъ случайно и «вклепался»,—то, что лошадь во всякомъ случаѣ была не съ чистымъ формуляромъ и что продавецъ ея дальновидно озаботился своевременно избавиться отъ неудобнаго для него вещественнаго доказательства. Въ результатѣ въ прокурорскомъ надзорѣ въ теченіе почти цѣлаго года возникла переписка и производилось негласное дознаніе ни больше, ни меньше какъ о... прикосновенности мирового судьи къ этой кражѣ и вообще конокрадству. О перепискѣ этой мировой судья узналъ случайно изъ вопроса, который ему задалъ при свиданіи бывшій въ то время прокуроромъ Одесской Судебной Палаты, а впослѣдствіи Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, М. Г. Акимовъ: А, кстати скажите,—спросилъ съ добродушной усмѣшкой Прокуроръ Палаты,—закончилась ли, наконецъ, эта надоѣвшая мнѣ переписка по обвиненію васъ въ конокрадствѣ?

Нужно думать, что и эта переписка въ связи съ цѣлой гекатомбой другихъ именныхъ анонимныхъ доносовъ и жалобъ, сыпавшихся, какъ изъ рога изобилія, на этого мирового судью въ Министерство, была причиной того, что покойный Министръ Н. А. Манасеинъ, очевидно полагавшій, что «нѣтъ дыма безъ огня», распорядился назначить ревизію дѣлопроизводства этого мирового судьи (одного только изъ всѣхъ судей округа), которая была поручена бывшему тогда Членомъ Одесской Судебной Палаты, нынѣ покойному Д. Н. Трандафилову.

Ревизоръ добросовѣстно исполнилъ возложенное на него порученіе и въ теченіе семнадцати дней не только просмотрѣлъ всѣ, находившіяся на рукахъ у судьи дѣла, изъ которыхъ многія рѣшенныя—по существу,—но и двѣ—три тысячи дѣлъ, находив-

шихся уже въ архивѣ Съѣзда и, какъ потомъ оказалось, допросилъ нѣсколько десятковъ разныхъ указанныхъ въ доносахъ лицъ.

Въ результатѣ хотя дѣлопроизводство и вообще участокъ были найдены въ блестящемъ порядкѣ, но мировой судья все же былъ переведенъ въ другой округъ на томъ основаніи, что, какъ сообщалось ему конфиденціально, по его винѣ однимъ крестьяниномъ была пропущена 6-мѣсячная давность для предъявленія владѣльческаго иска о яко-бы захваченной богачемъ помѣщикомъ Ч.,—имѣвшимъ въ уѣздѣ около 20000 десятинъ земли и нѣсколько заводовъ,—полудесятинѣ изъ собственной, ненадѣльной земли этого крестьянина. Причина эта была, конечно, только болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ. На самомъ же дѣлѣ истинной причиной перевода —какъ по крайней мѣрѣ былъ въ томъ увѣренъ самъ мировой судья,—были съ одной стороны его близкія пріятельскія отношенія въ частной жизни со многими поляками-помѣщиками уѣзда, а съ другой—большой контингентъ лицъ, противъ него возбужденныхъ и непрерывно писавшихъ на него всевозможныя жалобы, при какихъ условіяхъ Министерство, очевидно, не допускало возможности всегда вполнѣ спокойнаго и безстрастнаго отправленія имъ своихъ судейскихъ обязанностей.

Судья этотъ, какъ потомъ было видно изъ приказовъ, не больше какъ черезъ два года послѣ этого перевода, получилъ повышеніе, что уже само по себѣ показываетъ, что эта ревизія была ему поставлена въ плюсъ, но такъ или иначе, а неудобный для разныхъ мародеровъ отъ полиціи того времени и рыцарей мутной водицы, въ родѣ господъ Б., К., Л., П. и имъ подобныхъ, судебный дѣятель былъ въ свое время убранъ, къ чему всѣ эти господа только и стремились... Доносъ и клевета, эти излюбленныя и надежныя орудія борьбы разныхъ нечистоплотныхъ милостивыхъ государей противъ не ихъ міромъ мазанныхъ, а потому и ненавистныхъ имъ представителей власти судебной, сдѣлали и тогда, какъ и всегда раньше, свое желанное дѣйствіе.

Изъ всего сказаннаго до очевидности ясно, какъ осложнялась и затруднялась въ то время тяжелая и отвѣтственная работа всякаго судьи, который не хотѣлъ оставаться только чиновникомъ, заботящимся лишь о показной сторонѣ дѣлъ и, какъ Фамусовъ, о томъ «чтобъ множество не накопилось ихъ», а потому придерживающимся его добраго обычая: «подписано, такъ съ плечъ долой»,— а смотрѣлъ на свое призваніе и долгъ серьезнѣе и глубже: всегда и вездѣ охранить и сберечь право каждаго, кто-бы онъ ни былъ, и помирить правду закона писаннаго, мертваго, съ правдой жизни дѣйствительной живой. Такой работѣ его мѣшали и сверху и снизу и потому ему приходилось вѣчно лавировать среди сциллъ и харибдъ уклада.

Политическій и національный антагонизмъ самъ собою и силою вещей внѣдрялся въ глубину жизни повседневной и если съ одной стороны,—въ средѣ правящихъ и предержащихъ,—онъ проявлялся, какъ выраженіе государственнаго курса и системы, и въ связи съ этимъ для исполнителей былъ пріемомъ обязательнымъ и карьернымъ, то съ другой,—въ средѣ обывательской,—онъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ неизмѣнно прививаемаго сверху исподволь уже ставшаго привычнымъ шовинизма и потому лучшимъ средствомъ для однихъ, во всемъ закономъ признаваемыхъ и полноправныхъ, поживиться здѣсь и тамъ за счетъ другихъ, только терпимыхъ, а въ сущности почти всегда безправныхъ.

Лучшимъ и весьма яркимъ примѣромъ антагонистовъ этого второго рода, изъ обывателей, вспоминается оргинальная фигура нынѣ уже покойнаго богатаго землевладѣльца, сына въ свое время весьма извѣстнаго лейбъ-медика, камеръ-юнкера К. Онъ всегда и неизмѣнно былъ величайшимъ ненавистникомъ евреевъ, едва терпѣлъ поляковъ, снисходительно мирился съ русскими и обожалъ однихъ только... нѣмцевъ.

Бываютъ люди, и въ существѣ безусловно порядочные, и житейски добрые люди, которые не симпатизируютъ той или другой національности вообще и стараются по возможности съ человѣкомъ данной, нелюбимой, категоріи не имѣть никакого дѣла въ повседневномъ жизненномъ обиходѣ и держаться отъ него подальше. Но эта странно-врожденная несимпатія нисколько не мѣшаетъ имъ расцѣнивать каждаго отдѣльнаго человѣка по его субъективнымъ качествамъ и стоимости и, видя и уважая въ каждомъ человѣкѣ, кто бы онъ ни былъ и на какомъ бы языкѣ ни молился, и ни думалъ, прежде всего человѣка, признавать и уважать общечеловѣческія, а, слѣдовательно, и прежде всего общегражданскія права всѣхъ, принадлежащихъ къ этой лично ими нелюбимой или мало-симпатичной имъ національности.

Но камеръ-юнкеръ К., считавшій самъ себя и желавшій, чтобы и другіе считали его джентльментомъ чистой крови, въ отношеніи евреевъ былъ прямо какимъ-то человѣконенавистникомъ крайней формы. И точно по какой-то насмѣшкѣ судьбы ему принадлежало мѣстечко, заселенное нѣсколькими тысячами евреевъ. И сосѣдомъ его по имѣнію былъ богатѣйшій и даже титулованный еврей, собственникъ громаднаго свекло-сахарнаго завода и полутора десятка тысячъ превосходной сплошь черноземной земли.

Большую часть года К. жилъ въ столицѣ, ссылаясь на то, что у себя въ имѣніи онъ задыхается отъ этого ненавистнаго духа, а имѣніемъ управлялъ его довѣренный, нѣмецъ, вывезен-

ный изъ Курляндіи, который въ хозяйственномъ обиходѣ пользовался только своими же земляками рабочими, такъ-же, какъ и онъ, курляндцами.

Отношенія между «экономіей» и жителями мѣстечка были настолько обостренными, что послѣдніе обычно старались далеко обходить помѣщичью усадьбу, охраняемую цѣлой стаей свирѣпѣйшихъ псовъ, къ которымъ, точно отъ ихъ господина, перешла непримиримая ненависть къ каждому лапсердаку.

Являясь собственникомъ права пропинаціи въ своемъ мѣстечкѣ, К. ни за какія деньги не сдавалъ въ аренду этого права только для того, чтобы заставить евреевъ подъ сурдинку торговать питьями безъ патента и быть за это сажаемыми въ тюрьму, при чемъ за этого рода торговлей зорко наблюдали всѣ низшіе чины полиціи, которымъ была назначена и аккуратно выдавалась премія за каждое открытое нарушеніе этого рода съ каждаго ввергнутаго въ узилище еврея.

Евреи въ мѣстечкахъ въ громадномъ большинствѣ бѣдняки и, кромѣ козъ, никакого скота не имѣютъ. К. распорядился,—а нѣмецъ управлящій строго исполнялъ это приказаніе,—ни за какую цѣну не продавать ни одному еврею ни капли молока и зорко блюсти, чтобы еврейскія козы отнюдь не пользовались экономическимъ выгономъ и пастбищами только для того, чтобы еврейскія дѣти не могли получать здороваго питанія и по возможности въ большемъ числѣ вымирали.

А когда евреямъ его мѣстечка понадобилось мѣсто для устройства кладбища и они обратились къ помѣщику съ просьбой продать имъ для этого $1^1/_2$—2 десятины земли, то К. потребовалъ съ нихъ такую несообразную сумму,—что-то вродѣ 15000 р., — что имъ пришлось купить землю у сосѣдняго владѣльца, — верстъ за 6—8 отъ мѣстечка для того, чтобы было гдѣ хоронить ихъ покойниковъ, пока будетъ разрѣшено ихъ ходатайство о принудительномъ отчужденіи отъ помѣщика необходимаго количества земли для указанной надобности, которое имъ пришлось возбудить въ порядкѣ 575 и послѣд. ст. ст. т. X. ч. I Св. Зак. Гр.

Взаимное расположеніе владѣній камеръ-юнкера К. и титулованнаго сосѣда еврея было таково, что для провоза бураковъ съ громаднаго участка въ нѣсколько тысячъ десятинъ оказывалось необходимымъ пользоваться на разстояніи $1^1/_2$—2 верстъ проѣздомъ чрезъ владѣнія К. Такъ это и дѣлалось съ незапамятныхъ временъ еще при прежнихъ владѣльцахъ обоихъ помѣстій; такъ же продолжалось и теперь. Сокращеніе пути получалось огромное, на много верстъ, и было чрезвычайно выгодно для заводо-владѣльца, такъ какъ значительно удешевляло и ускоряло доставку бура-

ковъ съ поля въ заводъ, а главное—сохраняло процентное содержаніе сахара въ буракахъ, которое тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе бураки изъ почвы поступаютъ въ аппараты завода.

Не зналъ ли раньше объ этомъ К., или просто не обратилъ на это должнаго вниманія, но затѣмъ при одномъ изъ кратковременныхъ наѣздовъ своихъ въ имѣніе онъ вдругъ замѣтилъ и надлежащимъ образомъ учелъ выгоды сосѣда отъ такого пользованія проѣздомъ по его землѣ и... пришелъ въ ужасъ.

— Чтобы я, К., обогащалъ жида?!.. Доннеръ-ветеръ!..

И на другой же день въ самый разгаръ возки бураковъ, когда многія сотни возовъ тянулись уже съ плантацій къ заводу, весь кусокъ дороги, пролегающій черезъ землю К., оказался пересѣченнымъ глубокими рвами и всякій проѣздъ—окончательно закрытымъ.

Сотни возовъ, съ одной стороны нагруженныхъ, съ другой,—отъ завода, пустыхъ, остановились въ начальномъ и конечномъ пунктахъ этой дороги, и положеніе въ хозяйскомъ смыслѣ получилось буквально критическое. Все это произошло верстахъ въ 40—50 отъ камеры мѣстнаго мирового судьи.

Вечеромъ того же дня, очень поздно, когда уже судья собирался ложиться спать, ему доложили, что его проситъ принять по экстренному дѣлу директоръ сахарнаго завода германецъ Э.

— Меня, вчера вернувшагося изъ Берлина, срочной телеграммой мой принципалъ послалъ къ вамъ, господинъ судья, убѣдительно просить васъ сейчасъ ѣхать со мной къ намъ на заводъ, чтобы завтра разсмотрѣть дѣло о перекопѣ дороги камеръ-юнкеромъ К. Простите за безпокойство, но мы несемъ такіе колоссальные убытки, что всякій день промедленія стоитъ намъ буквально многихъ десятковъ тысячъ. Протоколъ объ этомъ будетъ доставленъ вамъ приставомъ завтра утромъ на заводъ и всѣ необходимыя лица будутъ тамъ же, а обвиняемому повѣстку въ теченіе часа вручитъ урядникъ, который будетъ командированъ для исполненія вашихъ распоряженій.

И директоръ подробно разсказалъ обстоятельства дѣла и въ тотъ самый моментъ, когда судья уже собирался сказать просителю, что въ виду экстренности дѣла онъ считаетъ своимъ долгомъ исполнить его просьбу и готовъ сейчасъ же выѣхать съ нимъ,—г. Э., желая вѣроятно обезпечить себѣ исполненіе просьбы, въ заключеніе своихъ доводовъ прибавилъ:

— Я уполномоченъ завтра же вручить вамъ, г. судья, за безпокойство до трехъ тысячъ рублей...

Вся кровь бросилась молодому судьѣ въ голову при такой

незаслуженной обидѣ, но, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобы не забыться, онъ, сохраняя внѣшнее спокойствіе, отвѣтилъ:

— Я уже собирался сказать вамъ, что я сейчасъ же ѣду съ вами, но послѣ вашего оскорбительнаго для меня и какъ для должностного лица, и какъ для человѣка, предложенія,—я васъ покорнѣйше прошу оставить меня въ покоѣ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а просьбу свою съ приложеніемъ, конечно, вашей довѣренности вы можете прислать мнѣ особымъ прошеніемъ. Но я считаю своимъ долгомъ теперь же предварить васъ, что дѣло это, за которое вы позволили себѣ, хотя бы даже исполняя волю пославшаго васъ, предложить мнѣ взятку въ 3000 руб.,—я разберу не раньше, чѣмъ черезъ трижды три мѣсяца.

Директоръ послѣ такого отвѣта сначала было смутился и сталъ доказывать, что онъ по порученію своего принципала сдѣлалъ такое предложеніе, считая естественнымъ отблагодарить его, судью, за большое безпокойство столь далекой поѣздки въ ночное время и за быструю помощь, которая избавила бы заводъ отъ многихъ десятковъ тысячъ убытковъ; что, кромѣ матеріальнаго интереса, въ этомъ дѣлѣ весьма большую роль играетъ уязвленное самолюбіе его принципала, человѣка весьма сановнаго и имѣющаго дружественныя связи съ самыми верхами столицы; что, конечно, если г. судья отказывается отъ принятія этихъ столь охотно и безъ всякой съ его стороны просьбы предложенныхъ ему денегъ, то никто ихъ ему навязывать не можетъ и не станетъ, но во имя своего судейскаго долга онъ все же долженъ исполнить просьбу и завтра же на мѣстѣ разобрать дѣло, чтобы возстановить нарушенное право и т. п. Но судья оставался непреклоннымъ и уже болѣе настойчиво потребовалъ, чтобы г. Э. избавилъ его, судью, отъ своего присутствія.

Тогда г. Э. перемѣнилъ тонъ и съ нѣкоторой угрожающей ноткой въ голосѣ заявилъ:

— Не забывайте, г. судья, что у моего принципала весьма большія связи въ Петербургѣ, колоссальныя связи. Если вы останетесь при своемъ рѣшеніи, то ему придется воздѣйствовать на васъ черезъ Министра Юстиціи и черезъ генералъ-губернатора...

— Хоть черезъ цѣлый Комитетъ Министровъ!—не удержался судья отъ восклицанія и выразительнымъ жестомъ руки пригласилъ просителя оставить его кабинетъ.

На другой день мировому судьѣ съ нарочнымъ былъ присланъ становымъ приставомъ протоколъ о содѣянномъ камеръ-юнкеромъ К. съ просьбой подвергнуть его наказанію по 70 ст. Уст. о Нак. нал. Мир. Суд. съ послѣдствіями по 26 ст. того же Устава и съ особымъ ходатайствомъ пристава, въ виду весьма важнаго

экономическаго значенія перекопанной К. проселочной дороги, существующей для нуждъ населенія уже многіе десятки лѣтъ,—разсмотрѣть это дѣло въ самомъ непродолжительномъ времени.

Но судья сдержалъ данное г. Э. слово. Дѣло это нѣсколько разъ назначалось имъ въ очередь съ другими и не на мѣстѣ, а у себя въ камерѣ, и нѣсколько разъ откладывалось по разнымъ внѣшне-благовиднымъ причинамъ: то оказывался неполученнымъ обратный экземпляръ повѣстки, то надобилось допросить еще нѣсколькихъ свидѣтелей, то, наконецъ, судья внезапно заболѣвалъ, и разборъ назначенныхъ въ этотъ день всѣхъ дѣлъ срывался. Словомъ,—дѣло вылеживалось.

Наконецъ, отъ генералъ-губернатора получилась бумага съ предложеніемъ «по встрѣтившейся надобности» немедленно же доставить ему свѣдѣнія о положеніи дѣла и о причинахъ, задерживающихъ его разрѣшеніе. Въ отвѣтъ на это мировой судья, устроивши себѣ по телеграммѣ кратковременный отпускъ, немедленно же выѣхалъ въ Кіевъ.

Управляющимъ канцеляріей генералъ-губернатора гр. Игнатьева былъ въ то время бывшій товарищъ прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда Е. В. Васильевъ, впослѣдствіи сенаторъ, нынѣ уже скончавшійся, близко знавшій этого мирового судью еще въ самомъ началѣ службы послѣдняго и сохранившій о немъ самыя дружественныя воспоминанія. Это обстоятельство между прочимъ дало мировому судьѣ возможность разсказать ему все дѣло съ совершенной искренностью.

Разсказъ свой мировой судья закончилъ такъ:

— Конечно, я это дѣло могъ разобрать уже двадцать разъ; если бы не хотѣлъ умышленно тянуть его всякими, не скрою отъ васъ, чисто искусственными способами. Теоретически я, быть можетъ, и неправъ, сводя какъ будто свои личные счеты съ заводовладѣльцемъ. Но жизненно и это грубое оскорбленіе меня, какъ судьи и человѣка, и это воздѣйствіе на меня угрозами, приведенное уже въ исполненіе въ виду полученной мною отъ васъ бумаги,—заставляетъ меня остаться при своемъ рѣшеніи—разобрать это дѣло, какъ я это пообѣщалъ предложившему мнѣ взятку г. Э., не прежде истеченія девяти мѣсяцевъ. И я такъ и поступлю, какими бы скорпіонами ни отвѣтили мнѣ за это и Министерство Юстиціи, и генералъ-губернаторъ до увольненія отъ службы и высылки изъ края включительно. Пора же, наконецъ, Евгеній Васильевичъ, кому-нибудь и когда-нибудь доказать на дѣлѣ, что русскаго судью ни купить, ни запугать невозможно. И я намѣренъ все то, что говорилъ вамъ, буквально повторить и генералъ-губернатору, если буду лично имъ принятъ.

Когда на другой день мировой судья заѣхалъ къ Управляющему Канцеляріей узнать о томъ, когда онъ можетъ быть принятъ генералъ-губернаторомъ, Е. В. Васильевъ сказалъ ему:

— Я говорилъ уже съ графомъ объ этомъ дѣлѣ, и онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, чтобы вы не безпокоились личными объясненіями и отвѣтомъ на нашъ запросъ, такъ какъ всѣ нужныя ему свѣдѣнія онъ уже получилъ отъ васъ черезъ меня.

А затѣмъ, перейдя уже въ болѣе интимный тонъ, Е. В. Васильевъ прибавилъ:

— Когда я разсказалъ графу подробно всю исторію этого дѣла, какъ вы ее разсказали мнѣ, у него вырвалось невольно восклицаніе: «Совершенно правильно!.. Я самъ бы поступилъ точно такъ же, какъ и онъ!»

Мировой судья уѣхалъ изъ Кіева совершенно удовлетворенный нравственно. Слово свое онъ сдержалъ до конца: дѣло было разобрано ровно черезъ девять мѣсяцевъ со времени его возникновенія. Къ большой чести заводовладѣльца нужно прибавить, что, когда, года черезъ два послѣ этого, мировой судья уѣзжалъ къ мѣсту новаго служенія, и въ средѣ мѣстнаго дворянства возникла мысль о поднесеніи ему при отъѣздѣ подарка, онъ первымъ подписалъ на это сто рублей.

Все вышеописанное составляло, такъ сказать, ту обстановку, при которой и среди которой приходилось жить и работать въ восьмидесятые года прошлаго столѣтія мировымъ судьямъ юго-западнаго края. Обстановка эта накладывала извѣстный отпечатокъ и нерѣдко такъ утрудняла и осложняла всю эту и безъ того нелегкую и нравственно отвѣтственную работу каждаго судьи, что многіе изъ нихъ,—кто по своей волѣ, а кто и принудительно,—обычно послѣ ревизіи,—должны были уходить изъ края, не будучи въ силахъ бороться со всякаго рода вліяніями и постоянными треніями, создаваемыми взаимодѣйствіемъ всевозможныхъ исключительныхъ положеній и особенностей мѣстнаго уклада и постепенно, со времени недоброй памяти 1863 года, сложившагося порядка вещей.

Анонимные доносы, заключавшіе почти всегда въ себѣ явную клевету и злостный извѣтъ, и всякаго рода жалобы, подписанныя или одними и тѣми-же лицами, спеціально посвятившими себя этого рода симпатичной литературѣ, или именами вымышленными, обычно сопровождали почти каждое рѣшенное мировымъ судьей дѣло, а иногда и каждое сдѣланное по данному дѣлу распоряженіе. А такъ какъ въ Министерствѣ Юстиціи того времени, вѣроятно въ цѣляхъ вящаго и неусыпнаго надзора за дѣятельностью судебныхъ властей всѣхъ ранговъ и положеній, держались си-

стемы непремѣнной провѣрки по существу всякаго такого доноса и всякой жалобы, какъ бы маловѣроятны и лживы они ни казались сами по себѣ уже съ перваго взгляда, по законамъ простого здраваго смысла и логики, то получалось такое положеніе, что въ каждую данную минуту въ краѣ почти не было ни одного мирового судьи, о которомъ бы не производилось одного или нѣсколькихъ негласныхъ дознаній по обвиненію его въ самыхъ серьезныхъ и грязныхъ преступленіяхъ до конокрадства включительно. А это само собой создавало такую ненормальную и всегда неспокойную, полную тревоги и большихъ опасеній за личную судьбу и будущность атмосферу, что всякая правильная работа и безпристрастно-спокойный образъ дѣйствій становились почти невозможными.

Вѣдь громадное большинство служащихъ по судебному вѣдомству состоитъ изъ лицъ внѣ службы совершенно необезпеченныхъ, а потому и при всякихъ условіяхъ, вполнѣ естественно, помышляющихъ о хлѣбѣ насущномъ, и, слѣдовательно, нужно было, чтобы судья отличался особенной твердостью воли, стойкостью убѣжденій и громадной увѣренностью въ себѣ, чтобы всегда сохранить спокойствіе духа и самообладаніе и сумѣть не внести въ свою служебную дѣятельность нѣкотораго чисто личнаго элемента въ цѣляхъ самосохраненія и защиты на случай всякихъ доносовъ и послѣдующихъ за ними негласныхъ разслѣдованій и дознаній.

И не только вся служебная работа судьи, но даже и его частная, интимная жизнь не была свободной отъ всякихъ посторонникъ вмѣшательствъ и не зависѣла всецѣло отъ него самого настолько, что многія ея даже самыя мелкія и въ сущности ни для кого не могущія быть интересными подробности устанавливались и регулировались вліяніями и силами посторонними и совершенно отъ воли и желаній самого судьи и его семьи независѣвшими.

Вновь назначенный судья еще не пріѣхалъ въ мѣстечко, а мѣстный кагалъ уже во всѣхъ подробностяхъ обсудилъ и распредѣлилъ его будущую жизнь и почти всѣ ея условія. Квартиру онъ, если это окажется человѣкъ семейный, долженъ занять у такого-то, а если—одинокій или бездѣтный, то у такого-то; дрова ему будетъ поставлять Сруль Бурштейнъ, мясо—Вова Векслеръ, всю кухонную и хозяйскую провизію—Шмилъ Урманъ, муку, крупу и всякое зерно, а также овесъ и сѣно, если онъ вздумаетъ держать лощадей,—Лейба Бруднякъ; если лошадей держать не будетъ, то всѣ выѣзды его самого и его семьи должны быть въ рукахъ балагулы (извозопромышленникъ) Шулима

Солодкаго, и т. д. до мельчайшихъ подробностей, даже до того, что необходимымъ фактотумомъ при домѣ для исполненія всякаго рода порученій (покупка птицы, масла, посредничество при наймѣ прислуги, поставка ягодъ для варенья и т. п. мелкія услуги) назначалась вдова Хая Янкелева. И что бы ни дѣлалъ мировой судья, какъ бы ни старался устроить и расположить свою жизнь иначе, — онъ оказывался совершенно безсильнымъ измѣнить цѣликомъ или хотя бы только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ этотъ точно предназначенный для него и строго до мелочей распредѣленный modus vivendi.

Въ результатѣ создавалась съ перваго же дня незамѣтная для него самого своеобразная кабала и въ частной жизни и почти всегда въ служебной, и нужно было весьма много проницательности, независимости, знаній и прямо-таки безстрашія, чтобы сумѣть стать господиномъ положенія и подчиняться одной своей волѣ и принципамъ, не идя ни на какія уступки и не вступая ни въ какіе компромиссы, и чтобы не стать нерѣдко игралищемъ въ рукахъ какой-то всепроникающей и всесильной камарильи.

А если еще принять во вниманіе, что въ то время въ мировые судьи въ юго-западный край Министерствомъ назначались и посылались люди не по особому выбору, а все то, что вообще представлялось необходимымъ такъ или иначе размѣстить и устроить, изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, здѣсь и тамъ оказавшихся негодными, неудобными или вообще почему-нибудь не подошедшими ко двору,—то въ связи съ тѣмъ, при какихъ условіяхъ и при какой обстановкѣ этимъ судьямъ приходилось жить и работать,—станетъ весьма ясной и понятной та подчасъ прямо-таки безотрадная общая картина состоянія въ краѣ мировой юстиціи, какъ ближайшей къ населенію судебной власти, которой, казалось-бы, по ея задачамъ и компетенціи надлежало стать всесильнымъ направляющимъ факторомъ жизни этого населенія и всѣхъ ея распорядковъ.

Невольно встаютъ передъ глазами, какъ живыя, фигуры нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей изъ этихъ судей того времени, оставившихъ послѣ себя въ своихъ раіонахъ и далеко даже за предѣлами ихъ долгую и,—увы!—не всегда добрую, не всегда благородную память.

Въ первую голову между прочими вырисовывается многимъ еще памятный мировой судья В.

Побочный сынъ одной весьма высокой особы,—что было до совершенной очевидности ясно по удивительному до смѣшного сходству его и въ чертахъ лица и во всей фигурѣ со своимъ

отцомъ,—этотъ господинъ не только не скрывалъ своего, хотя и весьма высокаго, но по метрикѣ не совсѣмъ легальнаго происхожденія, а, напротивъ, всегда и вездѣ подчеркивалъ его, кичился имъ и открыто говорилъ, что именно это его необычайно высокое происхожденіе ставитъ его въ положеніе совершенно исключительное и дѣлаетъ для него вполнѣ дозволеннымъ все то, о чемъ другіе, люди обыкновеннаго, хотя-бы и весьма сановнаго происхожденія, не смѣли бы даже помыслить и во снѣ.

Женатъ онъ былъ на иностранкѣ весьма титулованной, кажется французской маркизѣ, которая постоянно проживала въ Парижѣ, получая отъ мужа,—какъ это говорилъ по крайней мѣрѣ онъ самъ,—около двадцати тысячъ рублей въ годъ, а онъ служилъ мировымъ судьей и жилъ въ многолюдномъ, но захолустномъ мѣстечкѣ въ теченіе семи-восьми мѣсяцевъ въ году, а остальные 4-5 мѣсяцевъ проводилъ у своей жены и на разныхъ курортахъ Европы, ведя въ то же время тамъ бѣшеную игру въ карты и проживая и самъ не меньше той суммы, которую отъ него получала съ пунктуальной аккуратностью его титулованная супруга.

Содержанія своего по должности,—2700 руб.,— онъ не получалъ фактически, а только расписывался ежемѣсячно на требовательной вѣдомости, отдавая всю эту сумму своему письмоводителю, человѣку съ университетскимъ образованіемъ, долго служившему судебнымъ слѣдователемъ и вынужденному впослѣдствіи за какую-то провинность уйти со службы. За эти деньги письмоводитель-универсантъ обязанъ былъ содержать его эффектно и съ бьющей въ глаза показностью обставленную и декорированную краснымъ сукномъ съ золотымъ позументомъ и кистями камеру, двухъ писцовъ и облаченнаго въ форменную ливрею курьера и исполнять самостоятельно рѣшительно всю письменную работу по участку до изложенія всѣхъ приговоровъ и рѣшеній по дѣламъ въ окончательной формѣ. При этомъ нужно прибавить, что почеркъ письмоводителя былъ весьма схожимъ съ почеркомъ самого мирового судьи, а потому представлялось весьма труднымъ сказать, были ли и краткія резолюціи написаны рукой самого судьи, или также его письмоводителемъ.

Такимъ образомъ, вся работа его по должности ограничивалась исключительно только моментами судебныхъ засѣданій, внѣ которыхъ онъ посвящалъ дѣламъ не болѣе получаса—часа времени въ день, когда онъ принималъ докладъ отъ своего «секретаря» (письмоводителя) и подписывалъ исходящія бумаги. Прошенія отъ публики принималъ и всякія объясненія при этомъ выслушивалъ исключительно одинъ письмоводитель, который по-

этому въ участкѣ именовался не иначе, какъ «помощникъ Мирового Судьи».

Самый разборъ дѣлъ г. В. производилъ довольно своеобразно. Четыре раза въ недѣлю назначалось отъ 20 до 30 дѣлъ въ каждое засѣданіе, и въ 10 час. безъ пяти минутъ утра дверь въ камеру открывалась, а ровно въ 10 ч. выходилъ и садился на свое судейское кресло судья. Онъ немедленно же дѣлалъ перекличку всѣмъ вызваннымъ на сегодня, и всѣ гражданскія дѣла, по которымъ истцы не явились къ этой первой перекличкѣ и не заявили просьбы о разсмотрѣніи дѣла въ ихъ отсутствіи,—немедленно же прекращались, а по тѣмъ, гдѣ такая просьба была заявлена, тутъ же подкладывалась и подписывалась печатная резолюція о признаніи явки истца въ судебное засѣданіе лично или черезъ повѣреннаго обязательной.

Равнымъ образомъ, въ этотъ же первый выходъ прекращались производствомъ и всѣ уголовныя дѣла, подлежащія производству въ порядкѣ частнаго обвиненія, если обвинители по нимъ не явились или вообще запоздали явкой къ этому первому утреннему выходу судьи. Затѣмъ, разобравши 2—3 дѣла такихъ, которыя вообще не могли подлежать прекращенію, судья объявлялъ перерывъ для завтрака и уходилъ. Если погода была хорошая, то ему обычно подавалась верховая лошадь, и онъ ѣхалъ кататься.

Часа черезъ два-три судья снова появлялся на своемъ креслѣ, снова дѣлалъ перекличку, и снова всѣ дѣла, которыя могли быть прекращены по неявкамъ сторонъ и къ этой второй перекличкѣ,—немедленно же прекращались. Снова слѣдовалъ разборъ нѣсколькихъ дѣлъ, которыя такъ или иначе, а должны были быть разсмотрѣны, и снова объявлялся второй, уже обычно болѣе продолжительный перерывъ, во время котораго судья часто уѣзжалъ въ собственномъ экипажѣ въ городъ, отстоявшій отъ его камеры въ 12 верстахъ.

Часовъ въ шесть вечера или около этого времени мировой судья вновь открывалъ засѣданіе, снова перекликалъ, прекращалъ и разбиралъ одно-два дѣла изъ неподлежавшихъ прекращенію и провозглашалъ перерывъ для обѣда, тянувшійся до девяти, а нерѣдко и до десяти часовъ вечера для того, чтобы при послѣднемъ своемъ выходѣ послѣ этого третьяго перерыва найти камеру уже совершенно пустой и прекратить всѣ гражданскія и уголовно-частныя дѣла и отложить остальныя. Это была обычная картина каждаго засѣданія у этого мирового судьи.

Въ средѣ товарищей во время съѣздовъ В. держалъ себя съ одними покровительственно, съ другими пренебрежительно, а старичка Предсѣдателя Съѣзда прямо-таки игнорировалъ. Кромѣ

того, онъ нерѣдко и каждому изъ сослуживцевъ въ отдѣльности, и всѣмъ имъ вмѣстѣ говорилъ приблизительно такъ:

— Я удивляюсь, господа коллеги, какъ это вы можете служить и работать изъ-за такого нищенскаго оклада, который я, какъ вы всѣ хорошо знаете, цѣликомъ отдаю своему письмоводителю. Право, изъ-за такихъ грошей я бы не сталъ даже исходящихъ бумагъ каждый день подписывать.

— Однако же вы-то сами служите?—замѣчали ему на это.

— Ну что-жъ?—усмѣхался онъ.—Служу и буду служить, пока самъ захочу... Да я-то служу не ради этихъ грошей, въ полученіи которыхъ я только расписываюсь, потому что я проживаю около сорока тысячъ рублей въ годъ, если не больше.... Я женѣ своей каждое полугодіе по десяти тысячъ въ Парижъ перевожу, да самъ проживаю почти столько же...

— Откуда же вы ихъ берете?—спрашивали его.

— Откуда?—загадочно улыбался онъ.—Изъ участка, а то откуда же? Иначе для чего я сталъ бы служить?...—И, отвѣчая на общую недовѣрчивую усмѣшку, онъ продолжалъ:

— Конечно, изъ участка... У меня тамъ золотой рудникъ есть, да такой надежный, неизсякаемый... Я его разрабатываю даже не самъ, а сдаю исполу умѣлымъ работникамъ, которые и сами сытно питаются, и меня питаютъ...

И, похлопавши обыкновенно послѣ этихъ словъ по плечу стоящаго ближе къ себѣ коллегу, В. прибавлялъ:

— Только это, батенька, нужно умѣть... Такой рудничекъ не всякій сумѣетъ найти, а, главное, разработать... Для этого нужна, во-первыхъ, особая смѣтка, а, во-вторыхъ и, пожалуй, въ главнѣйшихъ,—нужно еще то, чего у другихъ нѣтъ, а у меня есть: нужна такая, какъ у меня, кровь, которая обережетъ меня на тотъ случай, если кто позавидуетъ моему рудничку и станетъ подъ него подкапываться...

А если кто-нибудь изъ товарищей изъ желанія, прекратить этотъ разговоръ нѣсколько щекотливаго характера произносилъ что-нибудь въ родѣ:

— Да полно, коллега, какой тамъ рудникъ въ участкѣ? Вы просто сами по себѣ, очевидно, богатый человѣкъ, или по женѣ, и служите только, потому что уже втянулись въ дѣло и любите его,—то В. съ циничной прямотой возражалъ:

— Я —богатый человѣкъ? Отнюдь небогатый. Я и служу только для средствъ, такъ же, какъ и вы... Но вамъ служба даетъ гроши, а мнѣ—отъ сорока до пятидесяти тысячъ въ годъ. Какъ и откуда,—это уже вопросъ иной, и учить васъ этому я, конечно же, не стану. А вы, если любопытствуете, постарайтесь сами до-

знаться... Только, откровенно говоря, не стоитъ: ничего изъ этого дѣла не выйдетъ, и любопытство ваше окажется праздным, пожалуй, даже и не совсѣмъ для васъ самого безопаснымъ.

И только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ округѣ, когда В. вынужденъ былъ уйти изъ кадровъ судебнаго вѣдомства, уличенный въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ какимъ-то крестьянамъ, отъ которыхъ онъ взялъ довѣренность съ весьма крупнымъ авансомъ на веденіе дѣла о большомъ участкѣ земли,—было въ концѣ-концовъ установлено, что́ за рудникъ разрабатывалъ онъ, служа въ должности мирового судьи.

Въ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ и творилъ судъ и расправу высококровный В., дважды въ годъ происходили громадныя конскія ярмарки, на которыя пригонялось со всего юга Россіи болѣе тридцати тысячъ лошадей. Viribus unitis мѣстной уѣздной полиціи и судьи В. съ каждой лошадиной головы былъ разъ навсегда прочно установленъ и неупустительно взимался особый ярмарочный сборъ въ три рубля, уплатой котораго собственникъ лошади гарантировалъ себя отъ всякихъ непріятностей, каковъ бы формуляръ лошади ни былъ. И напротивъ того: неуплата этого властями установленнаго сбора всегда неминуемо была сопряжена съ весьма большими непріятностями: такую строптивую лошадь, хотя бы даже она была десять разъ доморощенной у продавца, обязательно «опознавалъ» нѣкто (у полиціи предупредительно всегда было заготовлено съ десятокъ такихъ мнимо-потерпѣвшихъ и яко бы спеціально прибывшихъ на ярмарку для розыска своихъ похищенныхъ лошадей), о чемъ тутъ же составлялся протоколъ, а лошадь, конечно же, отбиралась полиціей у продавца и вручалась подъ расписку на протоколѣ на храненіе или опознавшему, или тому же сотскому, которому хозяинъ часъ назадъ отказался внести сборъ.

Что бы ни произошло дальше,—а дальше могла произойти только многомѣсячная канитель и несомнѣнная порча и изнуреніе лошади хранителемъ, но, словомъ, лошадь отбиралась и, слѣдовательно, проданной или обмѣненной на ярмаркѣ быть не могла, а потому, само собой ясно, много выгоднѣе было внести, въ сущности не Богъ вѣсть, какой ужъ большой, сборъ и гарантировать себя окончательно, нежели такъ или иначе лишиться этой самой иногда очень дорогой лошади. А если еще формуляръ лошади и въ самомъ дѣлѣ былъ не безупреченъ (а такихъ лошадей на подобныхъ ярмаркахъ было, вѣроятно, двѣ трети, если не больше), то тутъ ужъ уплатить сборъ былъ прямой разсчетъ, потому что сборъ этотъ «очищалъ» такую лошадь во всякомъ случаѣ и хотя бы явилось десять истинныхъ хозяевъ этой лошади,—она во вся-

комъ случаѣ оставлялась у владѣльца, заявленія полиціей игнорировались, и претендующему давался совѣтъ идти и жаловаться тому мировому судьѣ, въ участкѣ котораго самая кража совершилась.

Въ первыя двѣ-три ярмарки по поводу этого сбора еще бывали кое-какія тренія и упирательства. Но затѣмъ, когда мотивы и основанія этого для удобства же продавцовъ установленнаго попечительнымъ начальствомъ сбора были, какъ слѣдуетъ, выяснены и поняты,—то онъ началъ поступать почти безнедоимочно. И всѣ были довольны: и геніальный судья, и полиція, и сами продавцы лошадей. И дѣлежъ этого сбора никогда не вызывалъ никакихъ споровъ и недоразумѣній: судья—изобрѣтатель и главный помощникъ, потому что ему въ концѣ-концовъ приходилось санкціонировать то или иное дѣйствіе полиціи, получалъ половину, т.-е. полтора рубля; остальная половина дѣлилась также довольно справедливо: одинъ рубль шелъ на старшихъ чиновъ полиціи, а полтинникъ—на всѣхъ младшихъ, считая въ томъ числѣ и готовыхъ пострадать отъ кражи мнимыхъ потерпѣвшихъ роль которыхъ заключалась въ томъ, что они должны были опознавать всякую не «очищенную» лошадь. Но тайна этого своеобразнаго рудника была разгадана нѣсколько поздно: тогда, когда геніальный золотопромышленникъ, выискавшій и разработавшій его, успѣлъ уже перейти на службу по Департаменту полиціи и вступилъ въ борьбу съ однимъ жандармскимъ генераломъ, окончившуюся не въ пользу этого генерала.

Въ числѣ многихъ и многихъ подвиговъ г. В. о немъ, между прочимъ, разсказывалось очевидцами и слѣдующее:

Предсѣдатель Съѣзда, старичекъ, часто недомогалъ, и въ такихъ случаяхъ на Съѣздѣ по дѣламъ Непремѣннаго Члена приходилось предсѣдательствовать В., какъ старшему. Умѣло или нѣтъ онъ велъ засѣданіе въ смыслѣ дѣла и техники,—объ этомъ исторія умалчиваетъ, но что распоряжался онъ на правахъ предсѣдательствующаго слишкомъ властно, это ясно изъ слѣдующаго факта:

По одному дѣлу, шедшему подъ предсѣдательствомъ В., выступилъ на бѣду свою пріѣхавшій спеціально для этого изъ Харькова уже пожилой и почтенный присяжный повѣренный. Послѣ нѣсколькихъ словъ его рѣчи В. рѣзко замѣтилъ ему:

— Г. присяжный повѣренный, потрудитесь говорить громче и внятнѣе: судъ ничего не слышитъ, а что слышитъ—того не понимаетъ.

— Я, г. предсѣдательствующій, простуженъ: мнѣ прохватило горло въ пути и я почти лишился...

— Потрудитесь не вступать въ пререканіе съ судомъ... Продолжайте вашу рѣчь явственнѣе.

Присяжный повѣренный покраснѣлъ отъ волненія и сталъ продолжать свою рѣчь, но попрежнему довольно тихо: голоса у него почти не было. Черезъ минуту послѣ этого В. еще рѣзче оборвалъ его опять:

— Въ виду неподчиненія вашего моему распоряженію говорить громче и яснѣе и совершенной безполезности такой вашей рѣчи я лишаю васъ слова. Судъ переходитъ къ слушанью слѣдующаго дѣла по иску Имярека съ...

Ошеломленный присяжный повѣренный, приблизившись нѣсколько къ судейскому столу, чтобы быть лучше услышаннымъ, въ это время произнесъ, какъ могъ громко:

— Позвольте, г. предсѣдательствующій...

— Какъ, позвольте? — Вы смѣете останавливать судъ и мѣшать ему въ отправленіи правосудія? Вѣдь теперь уже разбирается не ваше, а слѣдующее дѣло, и вы являетесь въ немъ совершенно постороннимъ лицомъ. Г. Судебный Приставъ, арестуйте сейчасъ же нарушителя и отправьте его подъ арестъ на двадцать четыре часа: вы сейчасъ получите отъ меня письменный приказъ въ порядкѣ 155 ст. Учр. С. Уст. Объявляю на нѣсколько минутъ перерывъ для составленія приказа.

Судъ удалился, а бѣдный присяжный повѣренный, какъ громомъ пораженный, такъ и остался стоять съ открытымъ ртомъ на своемъ мѣстѣ. Онъ отсидѣлъ подъ арестомъ сутки. Потомъ передавали, что ни пространная жалоба его на письмѣ, ни даже личная поѣздка въ Петербургъ не дали никакого результата.

Но объ руку съ типами мировыхъ судей въ родѣ этого В.,—къ чести мирового института нужно, впрочемъ, сказать, составлявшими и въ то время явленіе исключительное, встаютъ въ памяти и другіе, въ сущности съ точки зрѣнія обывательской весьма симпатичные и добродушные и притомъ пользовавшіеся любовью и товарищей и лицъ постороннихъ, но въ то же время такіе, къ которымъ судейская тога подходила во всякомъ случаѣ очень мало.

Въ доброе старое время барской отеческой расправы или въ архаическое время суда подъ дубомъ Мамврійскимъ эти судьи были бы незамѣнимыми: они патріархально чинили бы судъ и расправу, карали бы и миловали, аки добрые и заботливые patres familias'ы, не считаясь ни съ какими законами писанными и разными условными юридическими понятіями и нормами, а руководясь только житейски здравымъ смысломъ, добрыми нравами и устными преданіями отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

И,—кто знаетъ,—не былъ-ли бы такой ихъ судъ болѣе справедливымъ въ существѣ и пригоднымъ для жизни, но, конечно, для жизни иной, менѣе сложной, чѣмъ нынѣшняя, и при иныхъ понятіяхъ и взаимоотношеніяхъ, иномъ укладѣ и строѣ. Но съ точки зрѣнія нашего современнаго судоустройства и судопроизводства эти мировые судьи являлись чѣмъ то въ родѣ какихъ-то мастодонтовъ дебрей, добряковъ-оригиналовъ, а не судей-юристовъ, долженствующихъ мыслить и судить въ рамкахъ строго и точно опредѣленныхъ наукой и закономъ нормъ и понятій.

Однимъ изъ подобныхъ судей этого типа былъ К.

Гигантскаго роста и атлетическаго сложенія, онъ былъ въ своемъ участкѣ человѣкомъ съ вѣсомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ибо вѣсилъ около $9^1/_2$ пудовъ и потому передвигался весьма неохотно и медленно. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находилась и его психика: онъ былъ типичнѣйшимъ тяжкодумомъ и вообще мыслилъ лѣниво, а потому для него острымъ ножомъ были всегда всякія чисто юридическія, какъ онъ выражался, «хитросплетенія словоизвержительныя», когда въ камерѣ появлялся какой-нибудь адвокатъ и начиналъ давать по дѣлу продолжительныя и сложныя объясненія, ссылаясь на цитаты изъ законовъ и Сенатскихъ рѣшеній.

Уже черезъ пять-десять минутъ послѣ адвокатской рѣчи судья начиналъ ерзать на креслѣ и вполголоса, но однако же настолько громко, что стороны слышали, бормоталъ:

— Прямо рѣжетъ!... Конца -краю нѣтъ.. Мели Емеля, твоя недѣля... Ну—ну... Ишь насыпалъ сколько... Вулканъ словоизвержительный...

Адвокатъ отъ такихъ репликъ сначала краснѣлъ и смущался, но дѣлалъ видъ, что онъ ихъ не слышитъ и продолжалъ свои объясненія, стараясь возвышать голосъ, чтобы заглушить эти реплики и сдѣлать ихъ неслышными по крайней мѣрѣ для публики сзади. Но сообразно съ этимъ и бормотаніе судьи раздавалось громче, и тогда, наконецъ, адвокатъ, скомкавши свою рѣчь, умолкалъ.

У судьи изъ его могучей груди вырывался громкій вздохъ облегченія и съ нимъ—что-нибудь вродѣ:—О-о-фъ! А-жъ вспотѣлъ!.. Не языкъ, а дождь!!.

Малороссъ по происхожденію съ замѣтнымъ акцентомъ и придыхательной буквой «г», мировой судья К. обладалъ и чисто малороссійскимъ добродушнымъ юморомъ.

Если судились бабы, обвиняя другъ друга взаимно во всевозможныхъ оскорбленіяхъ, и начинали на судѣ перекоряться,—судья громко восклицалъ:

— Ну, теперечки вже я пропавъ, яхъ собака въ ярморокъ! Ну, бабы, ну, стрекотухи! Охъ, здохли бъ вы обѣ!!

И почти всегда по дѣламъ объ оскорбленіяхъ между женщинами онъ оставлялъ первоначальное обвиненіе безъ всякаго вниманія и даже упоминанія о немъ въ резолюціи, а съ отеческой справедливостью приговаривалъ обѣихъ,—и обвиняемую, и обвинительницу,—къ одинаковому наказанію за нарушеніе общественной тишины,—хотя бы конфликтъ происходилъ въ домѣ при закрытыхъ дверяхъ, или въ полѣ, на работѣ, гдѣ кромѣ нихъ оказался одинъ какой-нибудь случайный прохожій—свидѣтель.

Прочитавши резолюцію, судья обыкновенно приговаривалъ: —Отто вамъ, стрекотухи,—шобъ не герготалы!..

А когда кто-нибудь изъ товарищей или пріятелей указывалъ ему, что въ его рѣшеніяхъ и приговорахъ онъ не приводитъ никогда никакихъ юридическихъ соображеній и ссылокъ на законы, К. добродушно замѣчалъ:

— Э-э-э, друже,—нехай это уже господинъ Сенатъ робитъ. Я сужу по совѣсти, а не по юридистикѣ... Той тамъ аблакатъ гавкалъ, гавкалъ, а я ему: «Не, братъ, брешешь. А я тебѣ:— въ искѣ отказать! Иди погавкай въ Съѣздѣ: тамъ народу больше».

Въ смыслѣ порядочности и самой безукоризненной честности К. былъ кристально-чистымъ человѣкомъ: никакая корысть, никакія карьерныя соображенія не были знакомы его благородной и въ самомъ существѣ своемъ чистой душѣ.

Когда однажды Товарищъ Прокурора въ Съѣздѣ по поводу какого-то его оправдательнаго приговора по «острому» дѣлу, въ исходѣ котораго была весьма заинтересована администрація (кстати сказать отмѣненнаго Съѣздомъ) замѣтилъ:—Ну, батенька, васъ за такіе приговоры и Министерство Юстиціи и генералъ-губернаторъ по головкѣ не погладятъ: вы по такимъ дѣламъ, смотрите, будьте поосторожнѣе,—К. презрительно посмотрѣлъ на говорившаго и рѣзко отвѣтилъ:

— Это только дудаки (дрофы—самцы) въ паньскую дуду дудятъ, а я же буду въ такую дуду дудѣть, какую мнѣ мои тату съ мамою далы. Нехай я уже буду дуракъ, а дудакомъ не буду, бо дуракъ—отъ Бога, а дудакъ—отъ подлости...

Отмѣнившіе его приговоръ судьи и Товарищъ Прокурора, давшій въ этомъ смыслѣ заключеніе, при этихъ словахъ толстяка—малоросса только кисло улыбнулись.

Но и у этого идейно-честнаго человѣка въ узкомъ смыслѣ этого понятія была своя Ахилессова пята: онъ былъ величайшимъ обжорой, но не рядовымъ, обыкновеннымъ обжорой, какихъ можно

встрѣтить на каждомъ шагу, любящихъ много и вкусно поѣсть, а обжорой особеннымъ, обжорой—художникомъ: онъ любилъ не только съѣсть вкусное блюдо, но прежде еще, какъ котъ мышью, поиграть и полюбоваться имъ. Розово-румяная шкурка хорошо зажареннаго поросенка, молочно-сквозное тѣсто варениковъ изъ гречневой муки, янтарный налетъ ухи, мелкая ноздреватость пышно-легкихъ блиновъ—все это приводило гиганта-обжору въ бурный восторгъ и заставляло на время забыть всѣ житейскія невзгоды.

Эту слабость судьи очень многіе прекрасно знали и нерѣдко ею пользовались. Если заводовладѣлецъ или помѣщикъ хотѣлъ, чтобы дѣла его разбирались не въ камерѣ судьи, за 20—30, а иногда и больше верстъ, а на мѣстѣ, стоило только написать по этому поводу мировому судьѣ, если онъ былъ вообще знакомъ съ нимъ,—а съ нимъ были знакомы всѣ почти помѣщики и заводовладѣльцы его участка,—записку и въ концѣ ея прибавить: «А послѣ разбора я буду имѣть честь (или удовольствіе) угостить васъ за обѣдомъ свинячьимъ младенцемъ съ такой шкурочкой, черезъ которую можно смотрѣть, какъ черезъ розовое стекло»,—чтобы быть увѣреннымъ, что разборъ дѣлъ состоится въ ближайшемъ будущемъ на мѣстѣ, хотя бы разверзлись всѣ хляби небесныя и затопили всѣ дороги и переѣзды.

Мировой Судья К. обѣдалъ рано, въ часъ дня, и потому разборъ дѣлъ начиналъ всегда рано, а особенно лѣтомъ,—не позже девяти часовъ утра. Въ камерѣ онъ появлялся обыкновенно въ мягкой ночной рубахѣ, такъ какъ его могучая и довольно короткая шея не выносила крахмальныхъ воротничковъ, и въ какомъ-то долгополомъ, пониже колѣнъ, пиджакѣ вродѣ укороченнаго халата съ юридическими (зелеными) отворотами.

Если дѣлъ было побольше обыкновеннаго, или разборъ ихъ почему-нибудь затягивался, то по мѣрѣ того, какъ часовая стрѣлка камерныхъ часовъ приближалась къ священному обѣденному часу, мировой судья черезъ каждыя пять минутъ начиналъ нервно взглядывать на циферблатъ, ерзать на креслѣ и, вообще, проявлять признаки замѣтнаго безпокойства. Его уже переставало и интересовать, что говорятъ стороны и свидѣтели; онъ думалъ только объ одномъ: какъ бы все это поскорѣе окончилось.—И въ то время, какъ какой-нибудь мѣстный ходатай, Ихель Грунштейнъ или Мордка Цвибакъ, распинался, доказывая, что обвиняемый въ безпатентной торговлѣ питьями соотечественникъ его, Мендель Парадный, отнюдь денегъ не бралъ съ двѣнадцати человѣкъ крестьянъ, распившихъ у него пять бутылокъ водки, а по свойственному ему добродушію и гостепріимству

угощалъ ихъ, какъ добрыхъ знакомыхъ,—мировой судья ничего этого не слышалъ, потому что все время бормоталъ:

— Драли бы васъ всѣхъ собаки съ вашей водкой и угощеніемъ!.. Пропалъ каплунъ, ей Богу, пропалъ: пережарится. Хоть не заказывай!... Не дадутъ, черти, во-время сѣсть за столъ, хоть ты тутъ плачь!... Ну что еще? Довольно, кажется, наговорили!—рѣзко окрикивалъ онъ ходатая, который сдѣлалъ на секунду передышку и готовился приступить къ подробному разбору свидѣтельскихъ показаній, чтобы, какъ дважды два—четыре, доказать явную и завѣдомую ихъ ложность.

— Нѣтъ, я теперь хочу...—начиналъ смущенно ходатай.

— «Я хочу», «я хочу»...—передразнивалъ его окончательно уже потерявшій всякую надежду на скорое окончаніе дѣла голодный мировой судья.—Какое мнѣ дѣло, чего вы тамъ хотите! Вы думаете, что я и самъ уже давно не хочу ѣсть? Вы, вѣрно, не видите, который часъ?

— Конечно, всякій человѣкъ ѣсть хочетъ—смущенно лепеталъ ходатай, считая для себя или, вѣрнѣе, для своего подзащитнаго невыгоднымъ выводить противорѣчіемъ судью изъ себя передъ постановленіемъ приговора.

— Такъ что же тутъ попусту трезвонить?—укоризненно произносилъ судья и, не предоставивъ даже послѣдняго слова стоявшему тутъ же около своего защитника, съежившись, самому обвиняемому, Менделю Парадному, начиналъ писать оправдательную резолюцію, какъ наиболѣе по своей формѣ короткую и не сопряженную съ необходимостью дѣлать справку въ законѣ, да еще писать нѣсколько лишнихъ строкъ о мѣрѣ пресѣченія.

И защитникъ, и обвиняемый, считавшіе уже свое дѣло погибшимъ, услышавъ это счастливое слово «оправданнымъ», вдругъ радостно выпрямлялись. Но на бѣду свою въ тотъ самый моментъ, когда снятая съ судейской широкой груди цѣпь съ грохотомъ падала на столъ, и судья готовъ былъ устремиться къ двери, спѣша къ вожделѣнному каплуну, Мендель Парадный приближался къ судейскому столу и вкрадчивымъ голосомъ произносилъ:

— Ну, а какъ же, господинъ судья, съ моей водкой будетъ? Неужели же она пропадетъ? Вѣдь ея у меня тогда семь съ половиной бутылокъ отобрали...

— Да какого тебѣ еще чорта отъ меня нужно?—вдругъ озвѣрѣвалъ судья.—Оправданъ и проваливай!.. Ты въ тюрьму сѣсть хочешь, что ли?..

— Въ тюрьму?.. Зачѣмъ въ тюрьму? Борони Боже—въ тюрьму.

Нѣтъ, я въ тюрьму не хочу, чтобы я такъ жилъ... А я хочу только, чтобъ мнѣ вернули ту водку, которую...

Пока бывшій подсудимый произносилъ это, адвокатъ сбоку съ умоляющимъ видомъ махалъ ему обѣими руками, чтобъ остановить его во-время.

Судья вдругъ багровѣлъ отъ злости и обращаясь къ торчавшему у печки сторожу, кричалъ:

— Дай ему по шеѣ, треклятому, Ныконе!

Но прежде чѣмъ Никонъ успѣвалъ исполнить распоряженіе окончательно пришедшаго въ изступленіе отъ голода судьи, ни защитника, ни подзащитнаго въ камерѣ уже не было.

Нѣсколько лѣтъ мировой судья К. пробылъ въ одномъ и томъ же участкѣ и, нужно сказать, за все это время на него почти не было жалобъ въ порядкѣ надзора и доносовъ, тогда какъ на его товарищей эта литература сыпалась, какъ изъ рога изобилія. Но патріархальность и, если можно такъ выразиться, своеобразная непосредственность его судейскихъ и судебныхъ пріемовъ, доведенная, кѣмъ слѣдовало, до свѣдѣнія, кого слѣдовало, вызвали, наконецъ, назначеніе ревизіи его дѣлопроизводства, порученной считавшемуся въ то время въ этомъ отношеніи грозой для всѣхъ ревизуемыхъ г. Голубеву.

Узнавши объ этомъ, добродушный гигантъ-судья такъ перетрусилъ, что, немедленно же, сказавшись больнымъ, взялъ отпускъ и бѣжалъ изъ юго-западнаго края къ себѣ на родину для того, чтобы прислать оттуда прошеніе объ отставкѣ, которое было представлено въ министерство и получило тамъ надлежащее разрѣшеніе прежде, чѣмъ въ ревизіонное отдѣленіе поступилъ и былъ заслушанъ отчетъ о ревизіи его дѣлопроизводства.

Но если мировой судья К. былъ патріархально-простодушнымъ добрякомъ, ничѣмъ въ мірѣ не интересовавшимся, кромѣ хрустящей шкурки хорошо поджареннаго поросенка и заботой о томъ, чтобы готовящійся къ обѣду каплунъ, Боже избави, отнюдь не перепрѣлъ,—то другой почти одновременно съ нимъ служившій въ томъ же юго-западномъ краѣ мировой судья* * * былъ болѣе оригинальнымъ и гораздо болѣе,—это выраженіе къ нему будетъ ближе всего подходить,—тенденціознымъ судьей. Это былъ судья-политикъ, въ извѣстномъ настроеніи судья-бретеръ и, увы, судья-пьяница.

Съ хорошими средствами въ молодости онъ нѣкоторое и довольно продолжительное время служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и потому на всю жизнь ужъ потомъ усвоилъ себѣ манеры и проникся тенденціями завзятаго дипломата. Проведя много лѣтъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ, онъ

считалъ себя знатокомъ турецкаго и славянскаго вопросовъ и потому всякое безъ исключенія явленіе, всякій новый законъ, буквально всякій даже самый ничтожный вопросъ разсматривалъ и трактовалъ съ точки зрѣнія русско-славяно-турецкихъ отношеній и интересовъ и ужъ тутъ никакихъ возраженій и противорѣчій не терпѣлъ.

Но ни своихъ личныхъ средствъ, ни дипломатическаго оклада золотомъ для жизни съ подобающей представительностью ему не хватило и онъ, воспользовавшись кое-какими министерскими знакомствами, въ одинъ прекрасный день промѣнялъ мечъ и пальмовую вѣтвь мира на глазную повязку Ѳемиды и съ подобающей пышностью прибылъ въ небольшое еврейское мѣстечко, чтобы возсѣсть на скромное судейское кресло. Изъ остатковъ былого величія онъ не сохранилъ и не привезъ съ собой ничего, кромѣ двухъ прекрасныхъ ковровъ и, дѣйствительно, великолѣпной темнокоричневой венгерки, обложенной превосходнымъ каракулемъ, за которую онъ заплатилъ въ Бухарестѣ бѣшеныя деньги, которою безмѣрно гордился и которую берегъ, пуще глаза, какъ драгоцѣнную реликвію своего незабвеннаго дипломатическаго прошлаго.

Вообще это былъ недурно начитанный и довольно хорошо образованный, а вѣрнѣе хорошо натершійся человѣкъ; но все это, конечно, въ смыслѣ общаго образованія и знаній; юридическаго же багажа ему ни одесскій университетъ, пройденный черезъ пень-колоду, ни дипломатическое служебное прошлое не дали, такъ что судебные уставы въ тотъ первый день, когда онъ возлагалъ на себя пріобрѣтенную имъ въ Петербургѣ послѣ представленія министру юстиціи щегольскую судейскую цѣпь, были ему также близко и основательно знакомы, какъ Талмудъ и Коранъ.

Но и это все еще было бы съ полъ-бѣды: прекрасной и безукоризненно честной души человѣкъ, отзывчивый къ чужому горю и всегда и всякому готовый помочь, весьма неглупый отъ природы, благородный и надежный товарищъ и веселый и живой собесѣдникъ,—онъ и безъ академическихъ и практическихъ широтъ въ юриспруденціи сумѣлъ бы не уронить своего судейскаго званія и достоинства, если бы не коньякъ, финь-шампань не менѣе трехъ, а обычно пять звѣздочекъ, который онъ буквально обожалъ и который истреблялъ въ несмѣтномъ количествѣ всегда и вездѣ, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, ни расходами, ни меньше всего грустными послѣдствіями этой страсти для своего вообще слабаго здоровья и для своего человѣческаго и судейскаго достоинства.

Его работа у себя въ камерѣ была весьма и весьма сносной и, судя только по ней, нужно было бы сказать, что это—добросовѣстный, вдумчивый, трудолюбивый и вообще очень недурной судья, работа котораго хотя и страдала иногда и очень замѣтно отсутствіемъ чисто юридической конструкціи, но въ конечной цѣли своей имѣла одну только защиту всякаго права и милостивозаконную кару всякаго нарушенія и посягательства.

Это объяснялось весьма просто тѣмъ, что за нимъ съ утра и до ночи, какъ нѣкій Ангелъ-Хранитель, буквально ходила по пятамъ его жена, начиная отъ спальной комнаты и до канцеляріи, камеры и другихъ менѣе людныхъ и болѣе укромныхъ помѣщеній включительно, и зорко смотрѣла за нимъ, готовая всякими средствами, даже силою, помѣшать и воспрепятствовать возможному всякую минуту общенію его съ своимъ любимцемъ-коньякомъ.

Поэтому дома ему пить почти не удавалось, и онъ дома обычно бывалъ вполнѣ нормальнымъ, чрезвычайно симпатичнымъ человѣкомъ при всѣхъ своихъ умственныхъ и духовныхъ способностяхъ и дарованіяхъ. Но стоило ему на день, на часъ, иногда даже на нѣсколько минутъ уйти изъ-подъ надзора своей жены, уѣхать на съѣздъ, или въ участокъ—на осмотръ, или допросъ свидѣтелей на мѣстѣ, или, наконецъ, просто выйти одному въ мѣстечко, какъ взглядъ его дѣлался мутнымъ и неопредѣленно направленнымъ въ пространство, выраженіе обычно мягкаго красиваго лица становилось вызывающимъ и свирѣпымъ, голосъ хриплымъ, дыханіе—ускореннымъ и неравномѣрнымъ.

Это уже былъ совершенно другой человѣкъ, ничего общаго, кромѣ внѣшняго контура, съ прежнимъ не имѣвшій. Это былъ разительно-яркій образецъ такого человѣка, о которомъ французы говорятъ: «il a le mauvais vin».—Въ такомъ состояніи и до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не обезсиливалъ, онъ ко всѣмъ и каждому придирался, становился безконечно обидчивымъ по всякому самому ничтожному и въ большинствѣ случаевъ призрачному поводу, готовъ былъ самъ, какъ угодно, до рукоприкладства включительно, оскорбить самаго близкаго и лучшаго друга, несъ всякую околесицу преимущественно дипломатическаго содержанія, но прежде всего и раньше всего ругалъ ни въ чемъ неповиннаго Кобурга!

На съѣздъ онъ обычно пріѣзжалъ въ своей отдѣланной блестящимъ, какъ атласъ, каракулемъ венгеркѣ, которую называлъ не иначе, какъ «бекешкой», направлялся сейчасъ же, судя по времени года и погодѣ, въ садъ или клубъ и уже черезъ полчаса былъ вдребезги пьянъ. Увидѣвши въ такомъ состояніи кого-нибудь

изъ товарищей-сослуживцевъ или знакомыхъ, онъ съ неизмѣнной рюмкой коньяку, пошатываясь, подходилъ и начиналъ приблизительно такую бесѣду:

— Вы думаете, если бы это были не вы, а Кобургъ,—я къ нему подошелъ бы?...Заблуждаетесь... Кобургъ—шантрапа и мразь!.. Неуравновѣшенный авантюристъ!.. Неудачный плевокъ европейской дипломатіи! Что-съ?.. Вы, кажется, сомнѣваетесь? Въ такомъ случаѣ вы сами—политическій младенецъ!.. Я въ этой самой бекешкѣ на гуляньѣ, когда онъ уже готовъ былъ повернуть въ мою сторону, показалъ ему, какъ на ней наложенъ каракуль на воротникѣ сзади... Что-о?.. Вы, кажется, недовѣрчиво улыбаетесь? А вы знаете, почему я ее, эту подлую бекешку, которая мнѣ большихъ денегъ стоила, такъ люблю? Сказать вамъ?.. Потому что я въ ней семнадцать разъ выходилъ къ барьеру! Вы, можетъ быть, желаете сыграть со мной восемнадцатую партію? Я готовъ. Пожалуйте!.. Я готовъ всегда и со всякимъ!.. Конечно, если партнеръ—человѣкъ такой же бѣлой кости и порядочнаго тѣста, какъ и вашъ покорнѣйшій слуга... Я-съ въ конституцію вещества вѣрю, весьма вѣрю... Не сравните же вы, напримѣръ, нашу добрую сивуху съ этимъ благороднымъ по своей консистенціи напиткомъ!.. А? Правъ ли я, спрашиваю я васъ?

И собесѣдникъ обязанъ былъ такъ или иначе реагировать на этотъ вопросъ, потому что, если онъ отмалчивался, это жестоко обижало судью * * *, который усматривалъ въ этомъ молчаніи пренебреженіе къ себѣ.

Но, Боже сохрани, если собесѣдникъ не соглашался, или даже не вполнѣ соглашался съ высказанной имъ мыслью о преимуществѣ коньячной консистенціи передъ водочной и осмѣливался сказать что-нибудь вродѣ того, напримѣръ, что сущность обоихъ этихъ напитковъ, и коньяка и водки, одинакова: и то, и другое—спиртъ.

Судья-дипломатъ отъ такого вольнодумства приходилъ въ ярость и, наступая на собесѣдника почти вплотную, хриплымъ голосомъ кричалъ:

— Что-съ? Что вы сказали? Одинаковая консистенція?? Въ такомъ случаѣ вы—профанъ и невѣжда? Стало быть, по вашему турки и русскіе также одно и то же? Да-съ? Вѣдь и тѣ, и другіе—люди съ двумя руками, двумя ногами и одной головой! Вѣдь и у тѣхъ и у другихъ тѣло, кости и кровь! Вѣдь такъ, кажется?..

И затѣмъ совершенно неизвѣстно, по какимъ эаконамъ мышленія онъ снова и круто возвращался... къ своей бекешкѣ.

— Я вотъ въ этой бекешкѣ приказалъ даже карманы изъ мягкаго сафьяна сдѣлать, потому что они всегда были полны

золотомъ... Вѣдь, всю эту сволочь тамъ приходилось подбодрять этимъ волшебнымъ металломъ... Ну, а теперь всѣ эти прохвосты въ Бухарестѣ, Будапештѣ, Константинополѣ милліонные отели воздвигли, а я-съ... съ вашего позволенія безъ штановъ хожу...

Въ засѣданіяхъ съѣзда онъ обычно дремалъ,—и это было самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать, потому что если опьяненіе съ утра не было доведено до надлежащаго градуса, то тогда онъ по временамъ реагировалъ на происходившее передъ нимъ и мычалъ самыя неожиданныя реплики:

— Послать бы тебя къ Кобургу... Пара пятакъ... Ну, что жъ? Далъ въ морду и квитъ. Скоро, благородно, а, главное,—безапел-ляціон-но. И по-дворянски. Не къ мировому же тащить!..

Въ такіе моменты предсѣдательствующій обыкновенно сжималъ подъ столомъ его ногу, а онъ при этомъ взглядывалъ на предсѣдательствующаго удивленно и, какъ-то безнадежно махнувъ рукой, произносилъ:

— Ну, чортъ съ вами!.. Дѣлайте, что хотите!.. Мнѣ все равно... Я свое мнѣніе высказалъ, а тамъ... въ высокой степени напле-вать!

О какихъ бы то ни было совѣщаніяхъ съ нимъ въ совѣщательной комнатѣ не могло быть, конечно, и рѣчи: онъ былъ всегда невмѣняемымъ.—И такъ происходило обыкновенно сплошь всѣ три дня, въ которые продолжался съѣздъ. А на третій день за нимъ по большей части пріѣзжала жена, которую одну только онъ признавалъ и которой безпрекословно подчинялся даже въ пьяномъ видѣ, и увозила его домой для того, чтобы выдержать его день послѣ этого въ постели. А на пятый день онъ уже вставалъ на видъ нѣсколько помятый, еще болѣе чѣмъ обыкновенно блѣдный, но снова мягкій, отзывчивый, симпатичный.

Въ немъ жило два совершенно разныхъ человѣка, ничего общаго между собой не имѣвшихъ: одинъ, пульсъ котораго бился коньякомъ, былъ способенъ доходить до степени хулиганазадиры самаго отталкивающаго типа; другой,—нормальный человѣкъ,—обладалъ джентльменски-порядочной, кристально-чистой душой и этотъ второй такъ закрывалъ собою перваго, что, не взирая на самыя невозможныя выходки его въ періоды «оконьяченья», на него почти не было жалобъ и доносовъ,—а если и бывали, то при разслѣдованіяхъ случаи, подавшіе поводъ для этихъ доносовъ, такъ окрашивались и сглаживались, что все дѣло кончалось ничѣмъ.

Онъ судействовалъ долго, очень долго, до выслуги полной пенсіи, и только послѣ этого его попросили уйти на покой, въ отставку.

Этому честному и доброму судьѣ и снизу, и сверху прощали

его человѣческую слабость за то, что и онъ самъ въ нормальномъ состояніи былъ готовъ отозваться на всякое чужое горе, простить, защитить, смягчить, облегчить.

Много самыхъ разнообразныхъ типовъ и положительныхъ, и отрицательныхъ видѣлъ юго-западный край въ средѣ мировыхъ судей со времени введенія тамъ мирового института, и каждый изъ нихъ выливался въ ту или другую сторону особенно рельефно именно, потому что и внѣшняя обстановка жизни и, многіе ея внутренніе факторы были въ значительной степени иными, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не касаясь здѣсь совершенно вопроса о томъ, правильно ли или ошибочно было въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія общее направленіе правительственной политики въ юго-западномъ краѣ въ цѣляхъ государственности и являлась ли эта система хорошо обдуманной уступкой государственной необходимости, или она была невѣрнымъ шагомъ, направлявшимъ жизнь совсѣмъ не въ ту сторону, куда бы, во имя общаго блага, это слѣдовало,—надлежитъ просто констатировать, что черезъ весь укладъ мѣстной жизни красной нитью проходило между прочимъ бившее само собой въ глаза стремленіе къ широкой руссификаціи населявшихъ этотъ край народностей.

Однимъ изъ первыхъ пріемовъ этого стремленія было, конечно, изданіе цѣлаго ряда законодательныхъ новеллъ характера ограничительнаго, направленныхъ противъ всего не русскаго, мѣстнаго, и создавшихъ узко-стѣсненное положеніе однихъ и привлегировано-главенствующее положеніе другихъ и, какъ логическое послѣдствіе такого порядка вещей,—часто непримиримую обостренность взаимоотношеній между отдѣльными элементами краевого населенія,—и постояннаго, и пришлаго.

Естественно, получался самъ собой общій разладъ, проявлявшійся при всякомъ мало-мальски подходящемъ случаѣ въ обыденной жизни, умѣрять и ликвидировать который въ сотняхъ конкретныхъ случаевъ приходилось, конечно, суду и судьямъ, и вотъ тутъ-то при совершенной опредѣленности закона въ извѣстномъ тенденціозномъ направленіи особенно труднымъ являлось внушить всегда внутренно озлобленному польскому и еврейскому населенію края, что судъ—только судъ, что онъ стоитъ на стражѣ закона, хотя бы и весьма отяготительнаго, даже суроваго, только потому что это—судъ, призванный беречь и охранять этотъ законъ, доколѣ онъ сохраняетъ силу закона, а вовсе не потому, что это *русскій* судъ.

Если правда, какъ логическій выводъ и явленіе,—едина и вѣчна; если милость, какъ понятіе,—всенаціональна и также по самому существу своему едина для всѣхъ племенъ и народовъ,

то и судъ, зиждущійся только на этихъ двухъ для всего міра и всѣхъ въ мірѣ непререкаемыхъ устояхъ, національнымъ быть не можетъ, или, вѣрнѣе, не долженъ.

Можетъ быть русская пѣсня, русская мощь, русскій обрядъ, русская удаль, русская смѣтка, русскій стиль, наконецъ, русское чувство въ самыхъ обширныхъ и многообразныхъ его проявленіяхъ, и не можетъ, не должно быть *русскаго* суда, потому что правда и ея воплощеніе—справедливость и любовь, какъ первоисточникъ всякой милости, въ самой идеѣ этихъ великихъ понятій національными вообще, а, слѣдовательно, и *русскими* быть не могутъ.

Это—животворящіе факторы цѣлаго міра, а не какой-либо націи, или отдѣльнаго государства.

Этотъ, если можно такъ выразиться, внѣнаціонализмъ суда былъ признанъ всѣмъ христіанскимъ міромъ съ того самаго священнаго дня, когда надъ нимъ, какъ благовѣстъ новой жизни, впервые прозвучали божественно-кроткія слова: «нѣсть эллинъ, нѣсть іудей».

И если сопоставить и примирить жизнь съ закономъ, не уродуя и не насилуя первой и не нарушая второго,—есть первая задача и конечная цѣль всякаго мудраго правительства, то задача суда—неусыпно охраняетъ этотъ законъ, какъ источникъ всякаго права, отъ возможныхъ посягательствъ на него и съ слѣпой справедливостью и всяческой быстротой возстановлять это нарушенное право, не останавливаясь и не задумываясь даже надъ вопросомъ о томъ, чье это право, кто его нарушилъ, ибо... «нѣсть эллинъ, нѣсть іудей».

Къ сожалѣнію, не всѣ мировые судьи и не всегда поступали и могли поступать такъ въ юго-западномъ краѣ въ описываемый періодъ времени: этому мѣшали отчасти неразборчивость въ выборѣ отдѣльныхъ личностей на должности судей и еще больше—ненормальность уклада всей краевой жизни.

С. А. Качіони.

Шекспиръ-актеръ и Шекспиръ-поэтъ.

1564—1616.

Сколько близкихъ намъ образовъ воскрешаетъ одинъ звукъ имени Шекспира! Ромео и Джульета, вспугнутыя пѣніемъ соловья, предвѣстника утра,—Отелло, наклоненный надъ задушенной имъ Дездемоной,—Макбетъ, отшатывающійся отъ духа Банко, и его жена, во снѣ смывающая кровь со своихъ запятнанныхъ рукъ,—несчастный Лиръ, раздавшій свое царство дочерямъ и безпріютно скитающійся по степи среди грозы и бури,—блѣдный Гамлетъ, погруженный въ мрачныя думы о самоубійствѣ среди шумнаго двора и всеобщаго разгула. Кто ихъ не знаетъ, кто не жалѣетъ, кто не любитъ?

23 апрѣля (3 мая) Англія справляла 300-лѣтіе со дня смерти величайшаго своего поэта, и эти поминки нашли свой откликъ во всемъ культурномъ мірѣ. Кто былъ этотъ волшебникъ, который раскрылъ намъ излучины человѣческой души, ея таинственныя тѣни, ея разрушительныя бури? Что пережилъ самъ поэтъ, перевоплотившійся въ многочисленные образы своихъ творческихъ достиженій, и какъ научился онъ понимать людское сердце? Тысячи книгъ написаны на эту тему, и все же личность Шекспира недостаточно еще выяснена, мало того, 400 сочиненій направлены къ доказательству того, что Шекспиръ-поэтъ—миѳъ. А между тѣмъ любовно-бережное отношеніе къ темнымъ вопросамъ въ біографіи Шекспира и методологическій анализъ возникающихъ въ связи съ его творчествомъ сомнѣній позволяютъ намъ оживить нѣкоторыя черты его поблекшаго портрета и заглянуть хотя бы мелькомъ въ святую святыхъ его художественной лабораторіи.

I.

Шекспиръ—драматургъ труппы Бербеджа.

Въ 1574 г. пять актеровъ, среди нихъ Джемсъ Бербеджъ, получили отъ имени королевы разрѣшеніе разыгрывать пьесы всѣхъ видовъ, «какъ для развлеченія ея дорогихъ подданныхъ,

такъ и для ея собственной утѣхи и забавы, когда ей угодно будетъ ихъ видѣть». Черезъ два года Бербеджъ заарендовалъ участокъ земли недалеко отъ Сити и выстроилъ первый въ Лондонѣ театръ, носившій простое названіе The Theatre. Труппа находилась подъ протекторатомъ лорда Лестера.

Какъ развивалась эта труппа, мы не знаемъ, но около 1590 г. въ ней уже подвизаются новыя силы —талантливый сынъ Бербеджа, Ричардъ, «второй Росцій», и молодой провинціалъ, менѣе интересный, какъ актеръ, но зато обладающій способностью исправлять и подновлять старыя пьесы. Это былъ Вильямъ Шекспиръ. Первые годы его пребыванія въ Лондонѣ освѣщаются только двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, имена бродягъ и кутилъ, встрѣчаемыхъ въ обществѣ Фальстафа, сохранились въ полицейскихъ протоколахъ того времени и принадлежали, слѣдовательно, лицамъ, хорошо извѣстнымъ Шекспиру. Во-вторыхъ, позднѣйшая легенда гласитъ, что Шекспиръ помогалъ богатымъ посѣтителямъ театра высаживаться изъ кареты, смотрѣлъ за ихъ лошадьми и получалъ за это на чай. Шекспиръ пришелъ въ Лондонъ пѣшкомъ, полный восторженныхъ надеждъ, но лишенный средствъ и связей. Городъ не щадитъ его, и онъ опускается на дно. Но инстинктъ влечетъ его къ театру. Онъ стоитъ у входа, первоначально безъ цѣли, потомъ находитъ случайный заработокъ. Уже онъ каждый день у театра. Его мысли не могутъ оторваться отъ подмостковъ, и однажды, вѣроятно, неожиданно для него самого, Шекспиръ оказался среди актеровъ, въ качествѣ ли статиста или въ другой роли, мы не знаемъ.

Начиная съ 1590-хъ годовъ, уже ставятся пьесы Шекспира. Къ сожалѣнію абсолютная ихъ хронологія настолько шатка, что точно установить время появленія на подмосткахъ его первыхъ пьесъ не представляется возможнымъ. Но одно несомнѣнно: Шекспиръ началъ свою драматургическую дѣятельность съ историческихъ пьесъ, такъ называемыхъ хроникъ, выражая общее національное воодушевленіе данной эпохи. Англія того времени только что вступала на путь міровой державы. Рѣшающимъ въ этомъ смыслѣ событіемъ была блестящая побѣда надъ Великой Армадой въ 1588 г. Смѣлые мореплаватели по личному почину открывали новые острова и области, кладя основаніе колоніальному могуществу Англіи. Какъ характеренъ Френсисъ Дрэкъ, снарядившій на свой счетъ три фрегата, совершившій плаваніе по Тихому океану и присоединившій къ англійской коронѣ обширный районъ около Санъ-Франциско. «Старая веселая Англія» стала чувствовать свою мощь. Тогда драматическія картины историческаго прошлаго, эпизоды столѣтней войны съ Франціей

или вражды представителей Алой и Бѣлой Розы стали особенно своевременными, и Шекспиръ, вѣрно угадавъ духъ времени, сочинилъ свою трилогію «Генрихъ VI». За ней послѣдовали другія хроники «Ричардъ II» и «Ричардъ III», «Король Джонъ», «Генрихъ IV» и, наконецъ, въ 1599 г. «Генрихъ V».

Несмотря на популярность этихъ пьесъ, настоящее увлеченіе Шекспиромъ началось только съ «Ромео и Джульеты», впервые представленной въ 1592 г. или 1593 г. Это была первая драма Шекспира, вышедшая также изданіемъ in quarto. Она долго держалась въ репертуарѣ, и еще въ 1598 г. писали о томъ, что «Ромео и Джульета» у всѣхъ на устахъ. Послѣдующими тріумфами, какъ для автора, такъ и для создателя главныхъ ролей—Ричарда Бербеджа, стали комедіи «Сонъ въ Иванову ночь» и «Венеціанскій купецъ». Эти три шедевра 90-хъ годовъ выдвинули Шекспира надъ всѣми предшественниками и современниками: никто не достигалъ такого сильнаго напряженія трагическихъ сплетеній судьбы, не чаровалъ такимъ обаяніемъ лѣсной поэзіи, не поражалъ такимъ пестрымъ рисункомъ итальянской жизни.

Въ 1597 г. скончался основатель труппы, Джемсъ Бербеджъ, и владѣлецъ участка, арендованнаго подъ его театръ, не хотѣлъ возобновить контрактъ на прежнихъ условіяхъ. Тогда театральное зданіе разобрали и перенесли на правый берегъ Темзы, въ то время еще почти не заселенный. Зато здѣсь находились спортивныя мѣста, арены для боя быковъ и медвѣжьихъ состязаній, два цирка и множество загородныхъ кабачковъ. Новый театръ выдѣлялся своей архитектурой, имѣя восьмиугольную форму и значительную высоту, чтобы вмѣщать три яруса ложъ. У входа стояла фигура Атланта, держащаго на своихъ плечахъ земной шаръ, почему театръ и получилъ названіе «The Globe» (Глобусъ). Сверху находилась надпись: «Totus orbis agit histrionem» (Весь міръ играетъ комедію). Въ этомъ театрѣ протекла вторая, еще болѣе блестящая дѣятельность Шекспира.

Въ записной книжкѣ базельскаго врача Томаса Платтера, жившаго въ 1599 г. въ Лондонѣ, мы находимъ слѣдующую замѣтку: «21 сентября послѣ завтрака, около двухъ часовъ, я вмѣстѣ со своими знакомыми переѣхалъ на ту сторону рѣки и видѣлъ въ домѣ съ соломенной крышей весьма удачное представленіе въ 15 приблизительно лицъ о первомъ императорѣ Юліи Цезарѣ». Непосредственно за «Юліемъ Цезаремъ» слѣдовалъ «Гамлетъ»—за сценически грандіозной пьесой шла та, которая привлекала таинственностью своего содержанія. Быстро слѣдуютъ другъ за другомъ великія трагедіи—«Отелло», «Лиръ», «Макбетъ», «Антоній и Клеопатра», «Коріоланъ», не говоря уже о сказочныхъ и романтическихъ драмахъ.

При восшествіи на престолъ Якова I труппа Бербеджа удостоилась внѣшняго признанія своего превосходства, получивъ право именоваться «The Kings Players» (Актерами короля). Львиная доля въ заслугахъ труппы принадлежала несомнѣнно Шекспиру. Хотя онъ исполнялъ лишь небольшія роли, напримѣръ, духа убитаго короля въ «Гамлетѣ» или стараго слуги Адама въ драмѣ «Какъ вамъ это понравится», но есть основаніе думать, что Шекспиръ принималъ дѣятельное участіе въ инсценировкѣ своихъ пьесъ. Такъ до насъ дошло свидѣтельство, что актеръ Тайлоръ игралъ Гамлета согласно указаніямъ самого Шекспира. Какія это были указанія, объ этомъ можетъ составить себѣ понятіе всякій, внимательно прочитавшій бесѣду Гамлета съ актерами.

Эта усиленная дѣятельность въ качествѣ драматурга, инструктора и актера, продолжавшаяся около четверти вѣка, должна была подтачивать силы Шекспира и вызвать въ немъ потребность заслуженнаго отдыха. Драма «Буря» сочинена въ качествѣ эпилога къ сценической карьерѣ автора. Само заглавіе символъ—буря жизни позади, и въ душѣ уже Шекспиръ-Просперо вкушаетъ тишину старости. Пока онъ размахивалъ волшебной палочкой, вѣрными слугами ему были свѣтлый духъ Аріэль и воплощеніе земной порочности Калибанъ, теперь же онъ призналъ призрачность земной жизни:

Теперь забавы наши
Окончены. Какъ я уже сказалъ,
Ты духовъ видѣлъ здѣсь моихъ покорныхъ.
Они теперь исчезли въ высотѣ
И въ воздухѣ чистѣйшемъ утонули.
Когда-нибудь, повѣрь, настанетъ день,
Когда всѣ эти чудныя видѣнья,
И храмы и роскошные дворцы,
И тучами увѣнчанныя башни,
И самый нашъ великій шаръ земной
Со всѣмъ, что въ немъ находится понынѣ,
Исчезнетъ все, слѣда не оставляя.
Изъ вещества того же, какъ и сонъ,
Мы созданы. И жизнь на сонъ похожа.
И наша жизнь лишь сномъ окружена.

(Переводъ Н. Сатина).

Не подлежитъ сомнѣнію, что Шекспиръ хотѣлъ закончить свою драматическую дѣятельность «Бурей», но заказъ, исходящій вѣроятно изъ придворныхъ круговъ, написать пьесу по случаю десятилѣтія со дня смерти королевы Елизаветы заставилъ его еще разъ вернуться къ исторической драмѣ. Кажется, Шекспиръ такъ торопился покинуть Лондонъ, что юбилейная пьеса была закончена другимъ лицомъ, вѣроятно, Флетчеромъ. Въ пред-

ставленіи «Генриха VIII», имѣвшемъ мѣсто 29 іюня 1613 г., Шекспиръ уже не участвовалъ. Тогда же случилось большое несчастье. Пьеса обставлялась съ небывалой роскошью. При входѣ короля на маскарадный балъ раздавались пушечные салюты. Отъ послѣднихъ загорѣлась соломенная крыша театра, и въ одинъ какой-нибудь часъ «Глобусъ» былъ превращенъ въ пепелъ. Но человѣческихъ жертвъ не было.

Правда, къ веснѣ «Глобусъ» былъ уже вновь сооруженъ и на сей разъ снабженъ черепичной крышей, но слава его стала меркнуть. Въ 1619 г. скончался Ричардъ Бербеджъ. Еще десятокъ лѣтъ—и ни одного изъ сотоварищей Шекспира не осталось въ живыхъ. Затѣмъ начались гоненія пуританъ на театральныя зрѣлища. Въ 1644 г. по ихъ требованію «Глобусъ» былъ сравненъ съ землей. Теперь на мѣстѣ прежняго «Глобуса» стоитъ пивоваренный заводъ Барклая и Поркинса.

II.

Стиль актера.

Можно считать историко-литературной аксіомой, что выдающіеся драматурги непремѣнно имѣли непосредственное отношеніе къ театру въ качествѣ актеровъ или сценическихъ инструкторовъ—вспомнимъ только Лопе де Вега и Кальдерона, Ибсена и Бьернсона, Гауптмана, Островскаго, но интимнѣе всего сценическая дѣятельность и литературная связаны у Мольера и Шекспира. Вѣроятно, въ этомъ и заключается разгадка ихъ высокохудожественныхъ откровеній.

Кромѣ полутораста сонетовъ и нѣсколькихъ поэмъ, литературное наслѣдіе Шекспира обнимаетъ 36 драмъ, впервые собранныхъ и изданныхъ его товарищами по труппѣ Конделемъ и Гемингомъ въ 1623 г., т.-е. черезъ семь лѣтъ послѣ смерти автора. То обстоятельство, что самъ Шекспиръ не позаботился объ изданіи своихъ драмъ, а также и то, что до насъ не дошло ни одной строки его рукописей, послужило поводомъ къ тому, что стали сомнѣваться въ авторствѣ Шекспира вообще. Но не забудемъ того, что Шекспиръ, будучи пайщикомъ труппы Бербеджа, работалъ совсѣмъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ современный драматургъ. Въ его обязанности входило готовить репертуаръ труппы. Всѣ пьесы, которыя ставились за періодъ времени 1590—1611 г. его труппой (ихъ было около 75), проходили черезъ его руки. Въ зависимости отъ степени интереса, проявленнаго къ нимъ Шекспиромъ, эти пьесы можно разбить на четыре группы: 1) пьесы, только просмотрѣнныя Шекспиромъ и проредактированныя имъ

съ внѣшней стороны; 2) пьесы, въ которыхъ отдѣльныя сцены написаны заново Шекспиромъ, и которыя такимъ образомъ какъ бы получили печать генія; 3) пьесы, представляющія собой радикальную переработку старинныхъ драмъ; 4) пьесы, сочиненныя Шекспиромъ по оригинальному замыслу.

Въ собраніе сочиненій Шекспира вошли только пьесы послѣднихъ двухъ категорій. Издатели, сами выступавшіе во всѣхъ пьесахъ Шекспира, конечно, не ошибались относительно литературнаго его наслѣдія, и если они включили въ свое изданіе именно 36 драмъ, то, очевидно, только эти пьесы и принадлежали его перу. Вторая категорія обнимаетъ около 15 пьесъ, которыя принято называть псевдо-шекспировскими, такъ какъ онѣ иногда приписывались Шекспиру и мѣстами дѣйствительно обнаруживаютъ его мастерскую руку. Но лучшими авторитетами въ вопросахъ о подлинности шекспировскихъ пьесъ намъ должны служить вышеназванные актеры, имѣвшіе, вѣроятно, полное основаніе включить въ свое изданіе такую незрѣлую пьесу, какъ «Титъ Андроникъ», а съ другой стороны, обойти такую, сравнительно недурную драму, какъ «Эдуардъ III».

Но почему же самъ Шекспиръ не издавалъ своихъ пьесъ и гдѣ остались его рукописи? Дѣло въ томъ, что едва лишь пьеса была готова, еще чернила не успѣвали просохнуть на бумагѣ, какъ рукопись попадала въ ту кипучую лабораторію, черезъ которую проходитъ пьеса раньше, чѣмъ увидитъ, выражаясь современнымъ языкомъ, свѣтъ рампы. Режиссеръ, переписчикъ ролей, машинистъ, декораторъ, костюмеръ—всѣ спѣшатъ изучить пьесу. Еще до перваго представленія рукопись такъ истреплется, что суфлеръ навѣрное заказывалъ себѣ свѣжій экземпляръ. Если даже оригинальная рукопись и сохранилась въ архивѣ театра, то не забудемъ, что пожаръ «Глобуса» въ 1613 г. врядъ ли пощадилъ столь легко воспламеняющіяся рукописи. Поэтому весьма вѣроятно, что издатели собранія сочиненій имѣли подъ рукой не подлинный автографъ Шекспира, но болѣе или менѣе надежные списки—можетъ быть тѣ, по которымъ они заучивали свои роли. Во всякомъ случаѣ, текстъ собранія, такъ называемое изданіе in folio, несравненно надежнѣе того текста нѣкоторыхъ пьесъ, который представленъ въ изданіяхъ in quarto. Послѣднія вышли еще при жизни Шекспира, но помимо его воли, воровскимъ способомъ или такъ, что текстъ былъ записанъ во время представленія. Этимъ и объясняются пробѣлы и крайне безграмотное состояніе текста въ изданіяхъ in quarto. «Ромео и Джюльета» была первой пьесой, появившейся на книжномъ рынкѣ въ 1597 г. и переиздававшейся четыре раза, пока Шекспиръ находился въ

Лондонѣ. Если же авторъ самъ воздерживался отъ изданія своихъ пьесъ въ печати, то это можно объяснить лишь тѣмъ, что такое изданіе противорѣчило бы интересамъ труппы. Шекспиръ творилъ для труппы, стоявшей посредникомъ между нимъ и публикой. Шекспиръ настолько чувствовалъ себя актеромъ, что не гнался за читателемъ и не думалъ о потомствѣ, а довольствовался мимолетнымъ успѣхомъ у зрителя-современника.

Въ виду этой преданности Шекспира театру вполнѣ естественно, что въ произведеніяхъ его на каждомъ шагу обнаруживаются такія особенности, которыя обличаютъ въ немъ актера. Возьмемъ хотя бы надпись надъ входомъ въ «Глобусъ» : весь міръ играетъ комедію. Каждый разъ, когда Шекспиръ приходилъ въ театръ, эта надпись стояла передъ его глазами и подъ конецъ такъ врѣзалась въ его память, что онъ невольно повторялъ ее чуть ли не въ каждой пьесѣ. Подробнѣе всего эта мысль развита во II дѣйствіи драмы «Какъ вамъ это понравится». Изгнанный изъ своей страны герцогъ указываетъ своему другу Жаку, облекая свою мысль въ характерную картину о подмосткахъ жизни, что не они одни страдаютъ. Этотъ образъ подхватываетъ Жакъ и описываетъ семь стадій человѣческой жизни—семь ролей, которыя приходится исполнять человѣку на жизненной аренѣ.

Герцогъ.

Вотъ видишь, мы несчастны не одни:
На міровой, необозримой сценѣ
Являются картины во сто разъ
Ужаснѣе, чѣмъ на подмосткахъ этихъ,
Гдѣ мы съ тобой играемъ.

Жакъ.

Міръ—театръ;
Въ немъ женщины, мужчины, всѣ—актеры;
У каждаго есть входъ и выходъ свой,
И человѣкъ одинъ и тотъ же роли
Различныя играетъ въ пьесѣ, гдѣ
Семь дѣйствій есть. Сначала онъ ребенокъ,
Пищащій и ревущій на рукахъ
У нянюшки; затѣмъ—плаксивый школьникъ,
Съ блистающимъ, какъ утро дня, лицомъ
И съ сумочкой ползущій неохотно
Улиткою въ училище; затѣмъ
Любовникъ онъ, вздыхающій, какъ печка,
Балладой жалостною въ честь бровей
Возлюбленной своей; затѣмъ онъ воинъ,
Обросшій бородой, какъ леопардъ,
Наполненный ругательствами, честью
Ревниво дорожащій и задорный,
За мыльнымъ славы пузыремъ готовый
Влѣзть въ самое орудія жерло.
Затѣмъ уже онъ судія, съ почтеннымъ

Животикомъ, въ которомъ каплуна
Отличнаго запряталъ, съ строгимъ взоромъ,
Съ остриженной красиво бородой!
Исполненный мудрѣйшихъ изрѣченій
И аксіомъ новѣйшихъ—роль свою
Играетъ онъ. Въ шестомъ изъ этихъ дѣйствій
Является онъ тощимъ паяцомъ,
Съ очками на носу и съ сумкой съ боку;
Штаны его, что юношей еще
Себѣ онъ сшилъ, отлично сохранились,
Но широки безмѣрно для его
Изсохшихъ ногъ; а мужественный голосъ,
Смѣнившійся ребяческимъ дискантомъ,
Свистъ издаетъ пронзительно-фальшивый.
Послѣдній актъ, кончающій собой
Столь полную и сложную исторію[1]),
Есть новое младенчество—пора
Беззубая, безглавая, безъ вкуса,
Безъ памяти малѣйшей, безъ всего.

(Переводъ П. И. Вейнберга).

Въ зависимости отъ такого взгляда на жизнь человѣка Шекспиръ любитъ изображать людей не просто переживающими то или другое чувство, но играющими ту или другую роль. Гамлетъ и Эдгаръ въ «Лирѣ» изъ чувства самосохраненія притворяются умалишенными. Ричардъ III разыгрываетъ роль благочестиваго святоши, Яго—роль добраго малаго, Макбетъ—роль привѣтливаго хозяина. Настоящій актеръ на тронѣ Ричардъ II: его страсть къ позированію такъ вошла ему въ кровь и плоть, что, когда его уже смѣстили и заключили въ тюрьму, онъ требуетъ зеркало и изучаетъ свое лицо, какъ актеръ, готовящійся къ отвѣтственной роли. Наконецъ, всѣ шуты Шекспира ничто иное, какъ актеры въ жизненной сутолокѣ, и цѣль ихъ—подчеркивать эту сценическую перспективу шекспировскихъ драмъ.

Не только характеры у Шекспира строятся на такой актерской подкладкѣ, но и сама пьеса конструируется, какъ театръ въ театрѣ. Кто не помнитъ введенія въ комедію «Укрощеніе строптивой». Возвратившійся съ охоты лордъ подбираетъ съ дороги лежащаго безъ чувствъ пьяницу, чтобы разыграть съ нимъ комедію, когда онъ придетъ въ себя. Независимо отъ этой затѣи лорда въ его замокъ пріѣзжаютъ и настоящіе актеры, которые для развлеченія пьяницы, изображающаго лорда, и пажа, изображающаго супругу лорда, разыгрываютъ «Укрощеніе строптивой». Виндзорскія проказницы устраиваютъ себѣ маленькія комедіи, гдѣ шутовская роль предоставлена Фальстафу, а мужья ихъ исполняютъ роль фатальнаго случая. Вообще, Фальстафъ большой балагуръ. Какъ онъ великолѣпно разыгрываетъ роль короля-отца, разспрашивающаго принца объ образѣ его жизни. Кресло

[1]) «Исторія» означаетъ тутъ пьесу.

служитъ тропомъ, кинжалъ замѣняетъ скипетръ, а подушка—корону. Но еще раньше въ томъ же кабачкѣ «Кабанья голова» принцъ разыгрываетъ шутку со слугой Францемъ. Вообще, одна изъ особенностей шекспировскаго юмора опредѣляется тѣмъ, что кто-нибудь изъ выведенныхъ лицъ затѣваетъ комедійную шутку, а исполняютъ ее или профессіональные актеры, или актеры-любители, какъ, напримѣръ, ремесленники въ «Снѣ въ Иванову ночь», или лица, не подозрѣвающія того, что съ ними играютъ.

По этому же принципу построена и та пьеса, въ которую Шекспиръ вложилъ больше всего своей личной жизни. Уже мысль сопоставить Гамлета, играющаго роль сумашедшаго, съ актерами и обличить преступленіе при помощи театральнаго представленія—свидѣтельствуетъ о высокомъ мнѣніи автора о сценическомъ искусствѣ. Прочтите совѣты, которые Гамлетъ преподноситъ актерамъ—произносить слова такъ, чтобы они дрожали на языкѣ (trippingly on the tongue), не пилить руками воздуха, сохранять сдержанность и изящество (smoothness), сообразовать дѣйствіе со словомъ и слово съ дѣйствіемъ, не переступать умѣренности природы (the modesty of nature), и вы поймете, что въ авторѣ сказывается актеръ, изучившій теоретически свою профессію до тонкости.

Не только приведенныя выше выраженія, но вообще языкъ Шекспира отзывается сценическимъ жаргономъ. Къ сожалѣнію, объемъ данной статьи не позволяетъ намъ вдаваться въ анализъ подлиннаго текста. Что стиль Шекспира опредѣлился его актерской профессіей, достаточно доказывается и его актерствующими персонажами и его пріемомъ, который можно назвать «театромъ въ театрѣ». Стиль актера въ произведеніяхъ Шекспира является лучшимъ опроверженіемъ тѣхъ фантастическихъ гипотезъ, что Шекспиръ только псевдонимъ или ширма, и что настоящаго автора его драмъ слѣдуетъ видѣть въ философѣ Бэконѣ или лордѣ Рутлендѣ. Нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося англичанина конца XVI и начала XVII вѣка, которому анти-шекспировцы не пытались навязать авторство 36 драмъ, изданныхъ въ 1623 г. Но если ихъ конструкція, нравы дѣйствующихъ лицъ, афоризмы, слогъ носятъ опредѣленный профессіональный характеръ, то выйти за предѣлы актерской среды въ поискахъ автора, не значитъ ли нарушать всѣ законы логики? Не проще ли мириться съ простой догадкой, что Шекспиръ-актеръ также Шекспиръ-поэтъ?

III

Жизнеощущеніе поэта.

Обозрѣвая творчество Шекспира въ хронологической послѣдовательности, нельзя не обратить вниманіе на сгущеніе жизнерадостныхъ и патріотическихъ пьесъ въ первомъ періодѣ и на возникновеніе трагедій, являющихся выраженіемъ пессимистическаго міровоззрѣнія, во второмъ. Единственная трагедія перваго періода (если не принимать во вниманіе незрѣлую пьесу «Титъ Андроникъ» и хроники въ родѣ «Ричарда III»)—«Ромео и Джюльета», вдохновленныя безусловно положительнымъ жизнеотношеніемъ; сравните съ нею трагедію любви второго періода «Отелло», и вы почувствуете, какъ измѣнилось настроеніе поэта на протяженіи десятилѣтія, лежащаго между этими двумя произведеніями. Ромео, превратившійся въ Отелло, потерялъ и патріотическій подъемъ, такъ что Генрихамъ и Ричардамъ перваго періода можно противопоставить лишь позднюю юбилейную пьесу «Генрихъ VIII».

О связи хроникъ Шекспира съ обще-политическимъ подъемомъ англійскаго общества мы уже говорили выше, но первый періодъ его творчества не исчерпывается патріотизмомъ историческихъ пьесъ. Къ послѣднимъ нужно прибавить еще комедіи, дѣйствіе большинства которыхъ происходитъ въ Италіи—«Два Веронца», «Комедія ошибокъ», «Укрощеніе строптивой», «Венеціанскій купецъ» и, наконецъ, трагедію «Ромео и Джюльета». Въ творчествѣ Шекспира даннаго періода Италія вообще занимаетъ столь значительное мѣсто, и авторъ дѣйствительно обнаруживаетъ такое знакомство съ итальянской жизнью даже въ мелочахъ, что возникло предположеніе о поѣздкѣ Шекспира около 1592 г. въ Италію. Никакихъ данныхъ, поддерживающихъ эту гипотезу, мы не имѣемъ, и поэтому правильнѣе будетъ отвѣтить на вопросъ, какое отношеніе Шекспиръ имѣлъ къ Италіи, какъ-нибудь иначе, исходя изъ конкретныхъ автобіографическихъ данныхъ.

«Ромео и Джюльета» та пьеса, гдѣ впервые поэтическій даръ Шекспира распускается во всей красѣ. И это трагедія любви. Что же естественнѣе предположенія, что любовь и вдохновила поэта? Сонеты свидѣтельствуютъ о сильной страсти, пережитой Шекспиромъ. Приведемъ хотя бы 75-й сонетъ въ переводѣ П. В. Быкова:

Ты, другъ, для думъ моихъ, что пища для живыхъ,
Иль вешніе дожди для жаждущихъ полей.
Чтобъ твой покой сберечь, въ борьбѣ я не затихъ,
Воюю, какъ скупецъ, изъ-за казны своей.

Сокровищемъ кичась, страшится онъ порой,
Чтобъ хищникъ-время вдругъ богатства не раскралъ,—
И я то жажду быть наединѣ съ тобой,
То радъ, чтобъ цѣлый свѣтъ мое блаженство зналъ.

Чуть вижу я тебя—насыщена душа,
Отсутствіемъ—томлюсь, чтобъ на тебя взглянуть,
Не вѣдая другихъ блаженствъ, лишь тѣмъ дыша,
Отрадой той, что мнѣ ты проливаешь въ грудь.
Вотъ такъ то я томлюсь, то пресыщенъ теперь,
То пожираю все, то стражду отъ потерь.

Кто была женщина, внушившая Шекспиру эту пламенную страсть, мы не знаемъ, но такъ какъ поэтъ называетъ ее смуглянкой, говоритъ объ ея черныхъ очахъ, сравниваетъ послѣдніе со смоляными факелами, то мы имѣемъ нѣкоторое основаніе считать ее итальянкой. Тогда для насъ сразу стали бы ясны—любовь Шекспира къ Италіи и знаніе имъ итальянской жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Италія являлась бы для Шекспира не просто географическимъ понятіемъ, а страной, которая ассоціировалась бы у него со счастьемъ любви и съ наиболѣе яркими переживаніями его молодости.

Моментъ, когда совершается переломъ въ душѣ поэта, отмѣченъ двумя , тѣсно связанными другъ съ другомъ трагедіями—«Юліемъ Цезаремъ» (1599) и «Гамлетомъ» (1601). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что особо тревожныя общественныя настроенія захватили поэта на рубежѣ столѣтій. Въ это время чувствовалось сильное недовольство въ странѣ. Старѣющая королева становилась своенравной и жадной. Великіе люди первой половины ея царствованія—Берлэ, Дрэкъ, Уольсингемъ и др.—сошли въ могилу. Франція сблизилась съ Испаніей и дала Англіи почувствовать жуткое одиночество. Внутри страны происходила разруха. Тогда невольно стали искать сильнаго человѣка, который могъ бы забрать бразды правленія въ твердыя руки, и остановились на графѣ Эссексѣ, ставшемъ фаворитомъ королевы послѣ Лестера. Въ 1599 г. графъ Эссексъ былъ посланъ въ Ирландію усмирять повстанцевъ. Моментъ казался удобнымъ для заговора противъ Елизаветы. Чуть ли не наканунѣ переворота труппа Бербеджа ставила «Ричарда II», гдѣ изображается смѣщеніе короля. Но заговоръ оказался недостаточно подготовленнымъ—Эссексъ сложилъ голову на плахѣ, его другъ Меррикъ, побудившій труппу ставить «Ричарда II», былъ повѣшенъ. Актеры не подверглись преслѣдованію, но были наканунѣ казни Эссекса приглашены во дворецъ играть комедію.

Помимо общественнаго значенія, заговоръ Эссекса затрагивалъ и личные интересы Шекспира. Родственникъ графа, лордъ Соусемп-

тонъ былъ покровителемъ поэта, которому посвящались отдѣльныя поэмы, напримѣръ, «Венера и Адонисъ». Между знатнымъ аристократомъ и актеромъ врядъ ли существовала та сентиментальная дружба, которую нѣкоторые біографы хотятъ усмотрѣть въ ихъ отношеніяхъ, но, конечно, Шекспиръ не могъ относиться совершенно безучастно къ судьбѣ своего патрона. Черезъ послѣдняго устанавливается близкая связь поэта съ заговорщиками. Лордъ Соусемптонъ за свое участіе въ заговорѣ былъ подвергнутъ пожизненному заточенію въ Тоуерѣ.

Теперь мы понимаемъ жизненное содержаніе «Юлія Цезаря» съ одной стороны и «Гамлета» съ другой. Первая трагедія, какъ бы фанфара, возвѣщающая о совершившемся заговорѣ, вторая—плачъ одинокаго поэта надъ развалинами разрушенныхъ иллюзій. Безпросвѣтный пессимизмъ, основанный на общественныхъ мотивахъ, результатъ пережитой катастрофы. Какъ характеренъ 66-й сонетъ, прекрасно переведенный Ф. Червинскимъ.

Тебя, о смерть, тебя зову я утомленный,
Усталъ я видѣть честь поверженной во прахъ,
Заслугу—въ рубищѣ, невинность—оскверненной,
И вѣрность—преданной, и истину—въ цѣпяхъ.

Глупцовъ, гордящихся лавровыми вѣнками,
И обезславленныхъ, опальныхъ мудрецовъ,
И дивный даръ небесъ, осмѣянный слѣпцами,
И злое торжество пустыхъ клеветниковъ.

Искусство—робкое предъ деспотизмомъ власти,
Безумья жалкаго надменное чело,
И силу золота, и гибельныя страсти.
И благо—плѣнникомъ у властелина Зло.
Усталый, льнулъ бы я къ блаженному покою,—
Когда бы смертный часъ не разлучалъ съ тобою.

Отнынѣ мысль Шекспира чаще всего возвращается къ двумъ вопросамъ—о порочности придворныхъ круговъ и о надвигающемся концѣ своей собственной жизни. Наиболѣе автобіографичнымъ персонажемъ является Гамлетъ, ставшій въ оппозицію ко двору и колеблющійся между местью и желаніемъ покончить съ собой. Гамлетъ на кладбищѣ въ бесѣдѣ съ могильщиками, разсматривающій черепъ бѣднаго Іорика, олицетворяетъ новое настроеніе, столь рѣзко отличающееся отъ жизнеощущенія 90-хъ годовъ. Этотъ пессимизмъ далъ общій тонъ трагедіямъ, гдѣ нѣтъ ни одного жизнерадостнаго аккорда, ни одного бодрящаго призыва къ жизни. Только «Буря» содержитъ примирительныя ноты, но и онѣ не возвращаютъ къ утвержденію бытія, а расплываются въ нирвану.

IV

Стретфордъ.

Стретфордъ, родина Шекспира, является какъ бы символомъ той безвѣстности, изъ которой онъ пришелъ въ Лондонъ и куда онъ опять исчезъ, когда сдѣлалъ свое дѣло. Стретфордъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ арсеналъ, изъ котораго анти-шекспировцы берутъ свои орудія, чтобы уничтожить вѣру въ авторство Шекспира.

Самый смѣлый ударъ, направленный противъ Шекспира-поэта былъ сдѣланъ юристомъ Дернингомъ-Лоуренсомъ, пытавшимся доказать, что Шекспиръ былъ безграмотнымъ. Доказательствами ему служили шесть документовъ, извлеченныхъ изъ судебныхъ архивовъ Стретфорда. Во-первыхъ, имѣющіяся на нихъ подписи Шекспира разнятся другъ отъ друга почеркомъ и орѳографіей, во-вторыхъ, примѣняемые въ нихъ формуляры указываютъ на то, что истецъ (т.-е. Шекспиръ) былъ безграмотнымъ и что подпись по всей вѣроятности сдѣлана рукой писца. Всѣмъ ясно, что если бы эта аргументація оказалась непоколебимой, то авторство Шекспира находилось бы подъ большимъ сомнѣніемъ.

Къ счастью, ларчикъ открывается очень просто. Американецъ Чарльзъ Уоллосъ пересмотрѣлъ около полутора милліона документовъ, относящихся къ концу XVI вѣка и началу XVII, и извлекъ изъ нихъ очень интересныя данныя. Во-первыхъ, оказалось, что Шекспиръ была очень распространенная фамилія не только въ Стретфордѣ, но и во всей Англіи. Носители этой фамиліи писали ее болѣе чѣмъ на 50 разныхъ ладовъ. Но важнѣе всего то, что въ Стретфордѣ и окрестностяхъ жило шесть лицъ, именующихся Вильямомъ Шекспиромъ. Итакъ, Дернингъ-Лоуренсъ въ лучшемъ случаѣ доказалъ, что одинъ изъ этихъ шести Шекспировъ былъ безграмотенъ, но никто не можетъ заставить насъ вѣрить въ то, что это былъ именно нашъ поэтъ. Открытіе Уоллоса устраняетъ изъ біографіи Шекспира много темныхъ пятенъ. Такъ не знали, что дѣлать съ жалобой 1604 г., поданной въ стретфордскій судъ отъ имени William Shexpere на какого-то Филиппа Роджерса за неплатежъ 25 шиллинговъ 10 пенсовъ. Поражала незначительность суммы въ процессѣ, совпавшемъ по времени съ замысломъ «Лира». Дѣйствительно, трудно было себѣ представить, чтобы одна и та же рука набрасывала величайшія по трагизму сцены и въ то же время строчила жалобу въ судъ изъ-за ничтожной суммы. Теперь мы можемъ отложить въ сторону и этотъ документъ съ увѣренностью, что онъ никакого отношенія къ Шекспиру-поэту не имѣетъ.

Разъ уже мы затронули вопросъ о степени образованности

Шекспира, то не лишнее указать на кругъ его книжныхъ интересовъ. Англійскаго перевода «Менехмовъ» Плавта до появленія «Комедіи ошибокъ» Шекспира не существовало, такъ что остается только предположить, что онъ познакомился съ римской комедіей въ оригиналѣ. Его поэма «Венера и Адонисъ», сочиненная подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго эпизода изъ «Метаморфозъ» Овидія, подтверждаетъ знакомство Шекспира съ латинскими авторами. Далѣе Шекспиръ любитъ и прекрасно знаетъ римскую исторію, о чемъ свидѣтельствуютъ его трагедіи «Юлій Цезарь», «Антоній и Клеопатра» и «Коріоланъ», въ которыхъ положительно вѣетъ духъ античности. Этотъ кругъ интересовъ вполнѣ отвѣчаетъ программамъ англійскихъ школъ того времени, когда латинскій языкъ и римскіе авторы стояли въ центрѣ преподаванія. Поэтому то обстоятельство, что Шекспиръ помѣщаетъ Богемію на берегу моря, еще не доказываетъ его невѣжества: программы, составленныя въ эпоху гуманизма, во многомъ отличались отъ современныхъ школьныхъ программъ.

Изъ иностранныхъ языковъ Шекспиръ какъ будто зналъ немного французскій, по крайней мѣрѣ въ «Генрихѣ V» имѣются сцены, комизмъ которыхъ заключался въ смѣшеніи французскаго и англійскаго языковъ. Эти сцены получаютъ свое неожиданное освѣщеніе—съ точки зрѣнія автобіографическаго ихъ значенія—въ судебномъ протоколѣ 1612 г., найденномъ Уоллосомъ. Здѣсь упоминается въ качествѣ свидѣтеля поэтъ Вильямъ Шекспиръ, проживавшій съ 1598 г. на углу Mugwell street и Silver street, на полномъ пансіонѣ у французскаго парикмахера Монжуа (Montjoy). Итакъ, смѣшеніе англійскаго и французскаго языковъ Шекспиръ слышалъ у себя дома за столомъ, гдѣ англичане-пансіонеры встрѣчались съ французами-хозяевами. Теперь ясно также, что Шекспиръ могъ для своего «Гамлета» использовать въ качествѣ источника книгу Belleforest «Historiques Tragiques», которая не была переведена на англійскій языкъ. Наконецъ, находка Уоллоса документально устанавливаетъ то, о чемъ раньше только догадывались, а именно, что Шекспиръ жилъ въ Лондонѣ на холостомъ положеніи, оставивъ въ Стретфордѣ свою семью.

Стретфордъ имѣлъ большое значеніе для Шекспира, не только благодаря школѣ, но и, потому что обезпечилъ ему здоровую юность, полную яркихъ впечатлѣній. Насчитывая въ то время около 1000 жителей, Стретфордъ былъ не столько городомъ въ современномъ смыслѣ, сколько мѣстомъ сбыта для крестьянъ. Отецъ поэта поселился здѣсь, чтобы сбывать сельско-хозяйственные продукты изъ имѣнія дѣда. Торговыя дѣла носили случайный

характеръ: онъ продавалъ мясо, сѣно, шерсть, нѣкоторое время занимался выдѣлкой перчатокъ. Разсказываютъ, что Вильямъ Шекспиръ принималъ участіе въ убоѣ скота. Біографы удивляются и тому, что поэтъ, возвратившись въ Стретфордъ, также продавалъ мясо, сѣно, шерсть... Позорнаго въ такихъ дѣлахъ ничего нѣтъ, а отрицать ихъ возможность, значитъ не доцѣнивать практической жилки Шекспира.

Чудные буковые и дубовые лѣса, нынѣ ставшіе большой рѣдкостью въ Англіи, окружали Стретфордъ. Въ нихъ Шекспиръ впивалъ въ себя лѣсную сказку, воспроизведенную въ комедіи «Сонъ въ Иванову ночь», въ нихъ онъ изучилъ жизнь природы до мельчайшихъ травокъ и букашекъ, въ нихъ онъ пристрастился къ охотѣ, ставшей потомъ постояннымъ мотивомъ его драмъ. Много толковъ вызвало преданіе о томъ, что Шекспиръ былъ уличенъ въ браконьерствѣ и даже сидѣлъ въ тюрьмѣ за этотъ проступокъ. Нужно помнить, что браконьерство въ то время было своего рода спортомъ, которымъ занимались даже оксфордскіе студенты.

Во время одной изъ своихъ охотничьихъ экскурсій 18-лѣтній Шекспиръ встрѣтился съ дочерью однодворца изъ сосѣдней деревни Анной Хезуэ и завелъ съ ней безхитростный романъ, отвѣчающій идиллической обстановкѣ. Что связь повела къ браку, можетъ быть, и не совсѣмъ входило въ расчеты Шекспира. Жена была на восемь лѣтъ старше его и врядъ ли подходила къ нему по образованію. Необдуманный поступокъ всколыхнулъ его дремлющую душу и заставилъ его поставить ребромъ вопросъ о своей будущности: остаться ли ему въ Стретфордѣ въ качествѣ помощника отца, или попытать свое счастье въ столицѣ?—Однажды утромъ Вильямъ Шекспиръ пѣшкомъ покинулъ свой родной городъ, бодрыми шагами направляясь въ Лондонъ.

V

Почему мы любимъ Шекспира.

Когда послѣ смерти Шекспира была составлена опись его имущества, то судебному приставу не пришлось записать ни одной книги. Этого нельзя понимать такъ, что Шекспиръ вообще ничего не читалъ, но онъ несомнѣнно не былъ книжнымъ человѣкомъ въ современномъ смыслѣ слова. Шекспира считаютъ величайшимъ поэтомъ міровой литературы. Но такой отзывъ ничѣмъ не мотивируется. Даже неясно, почему бы Данте уступилъ Шекспиру въ силѣ изображенія или въ многообразіи картинъ человѣческой жизни. Но одно несомнѣнно,—изъ всѣхъ геніевъ словеснаго

творчества Шекспиръ менѣе всего можетъ считаться представителемъ какой-нибудь опредѣленной образованности.

На первый взглядъ это обстоятельство является недостаткомъ, но, разсудивъ, мы поймемъ, что въ этой свободѣ и непосредственности міровоззрѣнія кроется залогъ широкаго успѣха на протяженіи вѣковъ. Дѣйствительно, Данте, явившись выразителемъ опредѣленной культуры—церковно-схоластической, уже ближайшимъ поколѣніямъ Возрожденія сталъ чуждъ и непонятенъ. Шекспиръ же понятенъ безъ всякихъ комментаріевъ всѣмъ, у кого только развито чувство жизни,—независимо отъ возраста, времени и пространства. Шекспиръ чуждъ навязчивой морализаціи, такъ какъ онъ не имѣетъ готоваго міросозерцанія, за которое онъ борется. Шекспиръ не стремится къ афоризмамъ, имѣющимъ абсолютную цѣнность,какъ, напримѣръ, Корнель или Шиллеръ, но часто его діалогъ принимаетъ характеръ бесѣды, лишенной серьезнаго значенія. Словомъ, Шекспиръ смотритъ на жизнь не черезъ призму книги, не подраздѣляетъ людей по усвоеннымъ черезъ книгу литературнымъ типамъ, не судитъ о человѣческихъ достоинствахъ и недостаткахъ по трафаретнымъ рецептамъ.

Ту же свѣжесть обнаружилъ Шекспиръ и въ формальныхъ особенностяхъ своихъ драмъ. Если французскій классицизмъ развивался подъ гнетомъ педантичныхъ эстетическихъ правилъ, разработанныхъ на основаніи поэтики Аристотеля поэтами Плеяды, Малербомъ и Буало, то Шекспиръ руководился лишь сценическими потребностями своего собственнаго театра. Такъ возникъ новый стиль—болѣе элементарный, требующій меньшаго искаженія жизненныхъ матеріаловъ въ противоположность Прокустову ложу трехъ единствъ. Вслѣдствіе этого, Шекспиръ захватываетъ волну жизни полнѣе—великое и малое, горестное и радостное у него обнимаются другъ съ другомъ.

Человѣкъ, воспитанный только на книгѣ, проникается извѣстной кастовой спесью. Онъ увѣренъ въ томъ, что міръ устроенъ по книгѣ, и что человѣкъ долженъ жить также планомѣрно. Людей, уклоняющихся отъ обычныхъ образцовъ, онъ не понимаетъ и часто презираетъ. Шекспиръ—прямая противоположность такой косности. Ирраціональное въ жизни, неуловимое и невѣсомое въ человѣческой душѣ—находятъ свое полное отраженіе въ его твореніяхъ. Поэтому нельзя найти у Шекспира ни одной невѣрной ноты, ни одного надуманнаго мѣста—послѣднія вызываются внесеніемъ раціональнаго толкованія сфинкса жизни. Въ этой наивности Шекспиръ даже превзошелъ Гомеровскія поэмы, гдѣ чувствуется очень опредѣленный укладъ мыслей.

Никто изъ міровыхъ поэтовъ такъ не близокъ намъ, какъ

Шекспиръ. Онъ современнѣе многихъ современныхъ намъ писателей. Потому что у него изображается человѣкъ, какъ таковой, безотносительно къ какой-либо опредѣленной, преходящей образованности. Мысли человѣчества мѣняются, какъ листья на деревьяхъ,—одни спадаютъ, другіе вырастаютъ, но настроенія, чувства и страсти текутъ волнистымъ ритмомъ, постоянно возвращаясь и вновь смѣняясь. Поэтъ эмоціональности по преимуществу, Шекспиръ не можетъ устарѣть, и къ нему болѣе, чѣмъ къ какому-либо другому художнику, примѣнимы слова:

Творецъ, какъ въ первый день созданья,
Твои творенья велики!

К. Тіандеръ.

Воспоминанія В. В. Берви [1]).

XII. Терроризмъ.

Трудно было найти дѣвушку болѣе простодушную, мягкосердечную и добрую, чѣмъ Засуличъ. Если бы кто-нибудь мнѣ сказалъ, что она проглотила живую устрицу, я бы весьма усомнился въ возможности такого фэкта; а если бы кто-нибудь сталъ утверждать, что она съѣла цыпленка, котораго вскормила, то я безъ малѣйшаго колебанія отвергъ бы справедливость такого показанія. У ней на душѣ всегда было такое множество страдальцевъ, что у ней никогда въ жизни, кромѣ долговъ и плохого платья, ничего не бывало; какъ только ей въ руки попадали деньги, она немедленно все раздавала и жила всегда въ долгъ. Горячность ея къ людямъ, которыхъ она уважала за ихъ образъ мыслей, была почти безпримѣрная. Мы видѣлись съ ней только нѣсколько разъ въ жизни, однакоже, услыхавъ, что я нахожусь въ опасности, она прискакала въ шенкурскій уѣздъ и привезла фальшивые виды для моего спасенія; въ такомъ героическомъ средствѣ я даже и не нуждался. Всѣмъ была извѣстна энергія и пылъ, съ которыми она защищала людей противъ эксплуатаціи или обмана. «Надо напустить на него Засуличъ», говорили про человѣка, который поступалъ эгоистично и черство. Засуличъ вцѣплялась въ такого человѣка и не выпускала его до тѣхъ поръ, пока онъ не исправлялъ своихъ дурныхъ поступковъ. Въ жизни своей она была очень несчастлива: всѣ люди, милые ея сердцу, подвергались каторжнымъ работамъ, тюремному заключенію, ссылкамъ; мужъ ея сестры былъ до того

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 2.

измученъ такими истязаніями, что лишилъ себя жизни въ каторжныхъ работахъ. Когда стало выясняться, что политическое движеніе не приведетъ къ цѣли, ею овладѣла безысходная тоска, она была безутѣшна и, подобно многимъ и очень многимъ, не видѣла цѣли въ жизни. Опасались, чтобы она не наложила на себя рукъ. Она узнала о варварскомъ поступкѣ Трепова, о томъ возмутительномъ цинизмѣ, съ которымъ его приказаніе было исполнено, о тѣхъ издѣвательствахъ, которыя позволяла себѣ стража по этому поводу въ отношеніи ко всѣмъ содержавшимся въ тюрьмѣ, о грубыхъ шуткахъ и намекахъ прислужниковъ, которые доводили женщинъ и дѣвушекъ до истерики и обморока. Всѣхъ пересѣкутъ! кричали сторожа, когда заключенные громко выражали свое отчаянье. Засуличъ почти обезумѣла отъ этихъ разсказовъ. И никакой защиты, никаго спасенія! твердила она..... И вотъ, Засуличъ, неспособная видѣть кровь зарѣзаннаго цыпленка, которая рыдала навзрыдъ при видѣ страданій животнаго, рѣшается убить человѣка. Она не рѣшается, она просто дѣйствуетъ подъ вліяніемъ неодолимаго импульса..... Отчаянье политическихъ, сидѣвшихъ въ тюрьмахъ, безвыходное ихъ положеніе, беззащитность отъ гнуснаго глумленія и отъ жестокостей до такой степени заполнили все ея существо, что она ни о чемъ другомъ не могла думать; она сама не замѣтила, какъ выстрѣлила въ Трепова, не замѣтила наглаго обращенія съ нею, которое за этимъ послѣдовало, и опомнились тогда, когда все было кончено. Взрывъ всеобщаго восторга послѣдовалъ въ Россіи, когда разнеслась вѣсть о поступкѣ Засуличъ..... Правительство обладало произволомъ, какого администрація не имѣла ни въ одной цивилизованной странѣ. По самому ничтожному поводу и даже безъ всякаго повода, оно могло арестовать всякаго, кого ему вздумается, держать въ тюрьмѣ, сколько ему желательно, ссылать въ такія мѣста, которыя ужаснѣе внутренностей Африки. По одному своему капризу оно могло разрушить желѣзное здоровье и довести до медленной и мучительной смерти, кого ему угодно: оно могло доводить людей до самоубійства. И всего этого ему было мало, ему нужно было еще деморализовать солдатъ и низшій классъ, привыкшій смотрѣть на образованнаго человѣка съ уваженіемъ, какъ на существо естественно стоящее выше его, слушать его и повиноваться ему; ему нужно было внушать этимъ грубымъ людямъ мысль, что они могутъ глумиться, потѣшаться, сѣчь образованныхъ людей; ему нужно было разнуздывать чернь..... Послѣ долгаго времени въ первый разъ производился правый, самостоятельный и публичный судъ безъ подтасовокъ надъ политической

преступницей. Засуличъ была оправдана, ни одному артисту, ни одному писателю не было сдѣлано такихъ овацій, какими встрѣчена была эта героиня послѣ ея оправданія. Пресса ликовала, администрація пыталась было тайно захватить ее и удалить въ ссылку, но это ей не удалось,—Засуличъ отправлена была за границу....

За первымъ ударомъ послѣдовалъ второй; среди бѣлаго дня публично на улицѣ былъ убитъ Мезенцевъ холоднымъ оружіемъ. Совершившій это дѣло вскочилъ на заранѣе приготовленную пролетку и уѣхалъ, не торопясь, на виду у всѣхъ. Никакіе полицейскіе розыски не помогали...

Мезенцевъ былъ шефомъ жандармовъ. Должность шефа жандармовъ была щекотливая, люди съ возвышенными чувствами устраняли ее отъ себя... Николай старался придать этой должности видъ утѣшителя скорбящихъ: назначая шефа жандармовъ, онъ передалъ ему платокъ, которымъ онъ долженъ былъ утирать слезы вдовъ и сиротъ..... Пытались и другимъ способомъ облагородить эту дѣятельность. Дѣлалось раздѣленіе между жандармами и Третьимъ Отдѣленіемъ. Жандармы—обыкновенная конная полиція, которая преслѣдуетъ всякія преступленія: корчемство, контрабанду и пр. Они, подобно полицмейстерамъ и исправникамъ, имѣютъ сыщиковъ и т. д. Третье же Отдѣленіе—это такое учрежденіе, которое требуетъ отъ служащихъ въ немъ высшихъ государственныхъ способностей. Начальникъ Третьяго Отдѣленія долженъ приводить въ извѣстность настроеніе общественнаго мнѣнія въ странѣ, онъ долженъ былъ быть ближайшимъ совѣтникомъ императора въ дѣлахъ внутренней политики; поэтому онъ и поставленъ былъ выше министровъ. Всѣ эти хитросплетенія ни къ чему не привели; шефъ жандармовъ, какъ былъ, такъ и остался начальникомъ шпіоновъ и ничѣмъ болѣе. Потаповъ думалъ было облагородить это вѣдомство, но ожесточилъ этимъ противъ себя жандармовъ и только; жандармскіе полковники и генералы были слишкомъ неразвиты и бездарны, чтобы разъяснять правительству настроеніе общественнаго мнѣнія. Должность шефа жандармовъ брали на себя и лица, принадлежавшія къ государственнымъ людямъ, но всегда самые безцеремонные между ними, въ родѣ князя Орлова. Князь живо напоминалъ собою знаменитое въ русской исторіи семейство Орловыхъ, къ которому принадлежалъ убійца императора Петра III, похититель изъ Италіи претендовавшей на русскій престолъ княжны Таракановой, сначала имъ соблазненной, а потомъ предательски привезенной въ Петербургъ. Даже знаменитый Муравьевъ до такой степени пре-

зиралъ жандармовъ, что когда къ нему посылали съ рекомендательнымъ письмомъ лицо, которое онъ считалъ негодяемъ, онъ писалъ на боку резолюцію: «можетъ быть принятъ, но только по жандармскому вѣдомству».

Въ то время, когда хожденіе въ народъ было въ полномъ своемъ развитіи, отъ шефа жандармовъ требовались такія дѣйствія, на которыя никто не соглашался, и пришлось обратиться къ такому человѣку, какъ Мезенцевъ. Мезенцевъ сумѣлъ деморализовать даже жандармское вѣдомство. Существовало скандалезное дѣло Мясниковыхъ, гдѣ изъ корыстныхъ видовъ совершались убійства, подлоги и другія преступленія,—это дѣло въ обществѣ называлось дѣломъ Мезенцева. Когда послѣ его смерти стали выгонять лицъ, которымъ онъ покровительствовалъ, то обнаружились чудеса. Одного изъ этихъ бывшихъ жандармовъ я зналъ въ костромскомъ земствѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ былъ другомъ Мезенцева и даже когда-то жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Этого человѣка при мнѣ въ Костромѣ обличали въ томъ, что онъ въ одномъ случаѣ взыскалъ деньги по подложному документу, а въ другомъ присвоилъ себѣ деньги, ввѣренныя ему на храненіе. Муравьевъ своей жестокостью набросилъ мрачную тѣнь на царствованіе Александра II, а Мезенцевъ загрязнилъ его... Нужно было много ужасныхъ смертей, чтобы вызвать эту одну смерть. Съ русскими, уходившими для пропаганды въ народъ, расправлялись очень жестоко, но все-таки не доходили до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ безчеловѣчія, которому подвергались поляки во время ихъ вооруженныхъ возстаній. Послѣ покушенія на Трепова и убійства Мезенцева немедленно дошли до такой же расправы, но и революціонеры стали защищаться оружіемъ. Оказался результатъ совершенно неожиданный. Революціонеры.... не испугались всей надвинувшейся на нихъ силы..... Тогда родилась мысль о возможности исторгнуть такимъ образомъ дѣйствія у правительства конституцію.

Когда революціонеры проявили всю свою силу....., волненіе въ обществѣ во много разъ увеличилось сравнительно съ тѣмъ, какое произведено было хожденіемъ въ народъ. Ихъ средства считали громадными, не сомнѣвались, что подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія въ скоромъ времени разразится революція..... Всѣ либеральные русскіе журналы неустанно пѣли на всѣ лады объ уравненіи крестьянскихъ надѣловъ и платежей, о власти земли и т. д. Даже либерально-чопорный «Вѣстникъ Европы» помѣстилъ на своихъ страницахъ пѣсню о Стенькѣ Разинѣ. Но революція не то, что междуусобная война; такія движенія, какъ революціи 1793 г., 1830 г.

и 1848 г., составляютъ внезапный и единодушный взрывъ народа, ихъ никто не можетъ предвидѣть иногда даже за нѣсколько дней до ихъ наступленія; о томъ, чтобы кто-нибудь ихъ могъ устроить и говорить нечего. Было ясно также, что соціальнаго переворота помимо революціи не будетъ и быть не можетъ..... Другое дѣло конституція..... Изумленнымъ глазамъ исторіи представилось зрѣлище едва ли не безпримѣрное. Какихъ-нибудь двѣсти человѣкъ схватились въ кровавый бой съ правительствомъ могущественной имперіи...

Преслѣдовались всѣ съ необузданной яростью. Пресса стонала; учебныя заведенія стали подвергаться гнету, который не имѣлъ еще для себя примѣра въ прошедшемъ; преподаватели превращены были въ настоящихъ шпіоновъ, они должны были развѣдывать о поведеніи учениковъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы они не посѣщали публичныхъ библіотекъ, дѣлать у нихъ внезапные обыски, читать ихъ письма, появляться внезапно у нихъ на ихъ частныхъ квартирахъ и осматривать все, что у нихъ было подъ замкомъ; если у нихъ оказывались книги либеральнаго содержанія, то безъ церемоніи отбирать ихъ. Имѣть публичныя библіотеки могли только консерваторы. Публиковались длинные списки дозволенныхъ цензурою и въ теченіе многихъ лѣтъ свободно обращавшихся книгъ, которыя нельзя было имѣть въ публичныхъ библіотекахъ. Народное просвѣщеніе бичевалось поминутно новыми стѣснительными законами. Земство сжато было въ такихъ тискахъ что оно даже ничтожнаго писца не могло назначить безъ согласія мѣстной администраціи и всякаго должно было удалять по первому ея слову. Жандармы стали проповѣдывать вновь изобрѣтенную ими теорію. Они увѣряли, что граждане не должны смотрѣть на обыскъ, какъ на нѣчто для себя непріятное, обыскъ можетъ быть у всякаго, даже у жандармскаго полковника, онъ дѣлается вовсе не для того, чтобы уличить человѣка въ преступленіи, а просто для того, чтобы опредѣлить степень благонамѣренности человѣка и его преданности престолу. Преданный престолу и благонамѣренный человѣкъ долженъ быть радъ обыску, прочтеніе тайныхъ его бумагъ обнаружитъ его добродѣтель и возвыситъ его въ глазахъ всѣхъ....

Стали ссылать въ Мезень на полярномъ кругѣ, гдѣ зимою ночь продолжается отъ 22-хъ до 24-хъ часовъ; когда... показалось этого мало,... стали ссылать въ Нарымъ и въ Сургутъ на Оби, гдѣ жители, отъ невозможности подвезти своевременно хлѣбъ, попадаютъ въ такое же отчаянное положеніе, какъ

жители крѣпостей, которыхъ голодомъ принуждаютъ сдаться. Теперь въ разгаръ терроризма всѣ подобныя пытки, отъ которыхъ люди умирали, какъ мухи, казались ничтожными и совершенно недостаточными. Придумали ссылать въ сказочный Обдорскъ, который лежалъ близко къ устью Оби, значительно сѣвернѣе Березова. Обдорскъ, пугающій даже сибиряковъ, рисуется въ ихъ воображеніи, какъ замораживающій человѣка адъ. Сибиряку нужно большое мужество, чтобы рѣшиться туда ѣхать. Тамъ могутъ жить только кочующіе остяки, которые питаются сырой рыбой, люди нашего племени умираютъ тамъ отъ цынги или задыхаются отъ холоду. Даже остяковъ, питающихся сырой рыбой, тамъ всего нѣсколько десятковъ. Несчастные люди тамъ вымираютъ и вновь набираются, загнанные отчаяньемъ, чтобы эксплуатировать мерзлую пустыню. Правительство не остановилось и на этомъ, оно выдумало такой способъ мучить людей, до котораго даже испанская инквизиція не доходила. Людей стали ссылать къ сѣвернымъ дикарямъ, въ такія мѣста, гдѣ о жиломъ домѣ не имѣли и понятія. При страшныхъ сибирскихъ морозахъ, отъ которыхъ птицы замерзали массами на лету, политическіе должны были жить въ юртахъ якутскихъ дикарей; эти жилища дикихъ людей самаго низкаго уровня цивилизаціи не имѣли оконъ, а только отверстія, въ которыхъ вставлены были льдины; согрѣться можно было только у пылающаго очага, во время бури и мятели снѣгъ попадалъ въ юрту и тушилъ огонь; если они погибали отъ неудовлетворенной потребности, о которой дикарь не имѣлъ и понятія, они не могли найти себѣ помощи, такъ какъ ближайшіе ихъ сосѣди изъ политическихъ были отдѣлены отъ нихъ не десятками, а сотнями верстъ..... И кто же подвергался такому обращенію? ..... Чиновники состязались въ изобрѣтеніи новыхъ категорій лицъ, которыхъ можно было отдать подъ надзоръ полиціи. Когда отданы были подъ надзоръ полиціи всѣ, на кого хотя какая-нибудь тѣнь подозрѣнія могла падать, тогда стали отдавать и такихъ, на которыхъ не только никакого подозрѣнія не падало, но о которыхъ было хорошо извѣстно, что они ни въ какія политическія дѣла не мѣшаются и образа мыслей не только самаго умѣреннаго, но даже консервативнаго; такимъ образомъ попадали подъ надзоръ родственники, жившіе подъ одной крышей съ подозрѣваемымъ. Всякій изъ этихъ лицъ могъ быть отправленъ въ ссылку, несмотря на все усердіе, съ какимъ онъ желалъ избавить себя отъ подозрѣній; матерей изгоняли изъ дому, и онѣ оставляли безъ пріюта на улицѣ своихъ дѣтей и малолѣтнихъ внуковъ и все-таки не отстраняли отъ своей головы подозрѣній. При такомъ условіи попадали въ ссылку лица, у которыхъ въ квартирѣ ночевалъ нелегальный, хотя они

объ этомъ ничего не знали и т. д. Если подобное лицо не могло вынести своего положенія и рѣшалось бѣжать, тогда оно прямо отсылалось въ тѣ тундры, о которыхъ я только что говорилъ. По вновь сочиненному закону всякій бѣжавшій изъ ссылки отправлялся послѣ поимки въ Якутскую область..... Несчастныя жертвы, которыхъ терзали и мучили на всѣ лады, не имѣли и тѣни вліянія на тѣхъ, которые дѣйствовали. Онѣ должны были изнывать и погибать отъ неслыханныхъ дотолѣ мученій, оставляя за собою только слезы тѣхъ, которые ихъ любили и которые сиротѣли послѣ ихъ гибели. Всѣ эти мѣры увеличивали число самоубійствъ, и Россія только волновалась и шумѣла.....

XIII. Смерть царя. Оцѣнка положенія.

Неожиданно и крайне удачно Лорисъ-Меликовъ взялъ либеральную ноту.. Чѣмъ былъ Лорисъ-Меликовъ для русскаго общества вообще?—Какимъ-то неизвѣстнымъ генераломъ и больше ничѣмъ. Чѣмъ онъ былъ для либеральнаго общества? Онъ былъ окончательно и вполнѣ чуждъ ему и по духу своему, и по своимъ идеямъ; корней въ этомъ обществѣ онъ не имѣлъ ровно никакихъ. Зналъ онъ, по крайней мѣрѣ, это общество, могъ онъ воздѣйствовать на него своимъ знаніемъ его стремленій?—Объ этомъ обществѣ онъ имѣлъ одно туманное представленіе, онъ былъ вполнѣ неспособенъ проводить политику, которая могла бы воодушевить его и привлечь къ нему. Кромѣ того всякому было извѣстно, что все общество, какъ либеральное, такъ и консервативное, во всемъ этомъ движеніи никакой существенной роли не играло. Оно было просто зрителемъ о двухъ лицахъ; одно лицо, негодующее противъ злоумышленниковъ, обращено было къ императору, императоръ смотрѣлъ на него и не вѣрилъ ему; другое, удивленное и ошеломленное, жадно смотрѣло въ туманную даль и ждало происшествій, чтобы съ ними сообразовать свою дѣятельность. Зналъ онъ ту среду, откуда все это волненіе исходило; зналъ онъ, какъ на нее воздѣйствовать, чтобы достигнуть своей цѣли? Ничего онъ объ этой средѣ не зналъ, даже и тѣни отдаленнаго понятія не имѣлъ. На какомъ же основаніи взялся онъ управлять государствомъ?—А на томъ основаніи, на какомъ всякій русскій генералъ берется за всякое дѣло: «авось кривая вывезетъ».— Прекрасно, но теперь спрашивается: на какомъ основаніи ему дали управлять государствомъ?—Та сфера, которая окружала императора, жила, конечно, въ Россіи, но о русскихъ ровно ничего не знала и не чувствовала потребности знать. Она управляла страною при Александрѣ II-мъ такъ же, какъ управляла при

Николаѣ. Она знала, что для нея очень важно умѣть интриговать при дворѣ; что же касается до страны и ея желаній, то объ этомъ нечего заботиться, развѣ для виду; страна покорится всякой политикѣ. Неожиданно оказалось, что въ странѣ явились люди, которые сумѣли сдѣлаться страшными—сфера растерялась. Она долго вѣрила въ непреложную мудрость Толстого и даже Трепова, но Треповъ споткнулся такъ, что не могъ болѣе встать, а Толстой съ своей проницательностью сталъ возбуждать одинъ смѣхъ. Въ виду новыхъ фактовъ ничего не стоило обличить его невѣжество, онъ долженъ былъ выйти въ отставку, и невѣжество это обрисовалось самыми яркими красками. По выходѣ въ отставку онъ сталъ баллотироваться въ земствѣ и увы—былъ забаллотированъ. Представьте себѣ, что въ Англіи министръ, который долго былъ душою министерства и управлялъ страною, по причинамъ ни въ чемъ и нисколько не марающимъ его чести, устранился отъ политики и пожелалъ занять ничтожную должность по выборамъ общины, напр., члена воспитательнаго совѣта въ городкѣ или въ деревнѣ, которую онъ долго и славно представлялъ во главѣ управленія могущественной Великобританіи—возможно ли, чтобы этотъ городокъ или эта деревня отказали ему принять его въ составъ своего школьнаго совѣта?—конечно, невозможно! Чтобы въ Англіи многіе годы пробыть душою министерства надо обладать рѣдкимъ знаніемъ населенія, его чувствъ и стремленій, и лучше всѣхъ, конечно, такой государственный человѣкъ знаетъ своихъ избирателей. Они долго имъ гордились и теперь сочтутъ для себя за величайшую честь, если онъ пожелаетъ посвятить себя ихъ маленькимъ мѣстнымъ дѣламъ. Въ Англіи не тотъ управляетъ, кому случайно сочувствуетъ императоръ, а тотъ, кому сочувствуетъ общественное мнѣніе. Вотъ почему въ Англіи ненавистный обществу министръ не можетъ считать себя популярнымъ, а въ Россіи это вполнѣ возможно. Толстой могъ вполнѣ обмануться тѣми восторженными пріемами, которые ему дѣлались, когда онъ былъ во власти, и считать себя популярнымъ тамъ, гдѣ онъ былъ ненавистенъ. Онъ былъ министромъ, потому что нравился императору... Лорисъ-Меликовъ сдѣлался великимъ визиремъ и съ первыхъ же шаговъ показалъ, что окончательно не знаетъ, какъ взяться за дѣло. Онъ никого не удовлетворилъ и не способенъ былъ удовлетворить; все осталось попрежнему, и терроризмъ продолжался. Ужасная катастрофа, передъ которой такъ трепеталъ Александръ II-й, наступила: Россію облетѣла телеграмма о смерти государя.

Ударъ былъ сильный, весь цивилизованный міръ обратилъ на него напряженное вниманіе... Но вотъ движеніе вмѣсто

того, чтобы разрастаться и развиваться, стало утихать. Александръ III-й приписалъ такой результатъ своему министру Толстому... Толстой упражнялся въ сугубой жестокости; но мы видѣли уже выше, что такія упражненія не имѣли никакого значенія ни для развитія, ни для упадка движенія. Спрашивается: измѣнилъ Толстой въ чемъ-нибудь тѣ условія, въ которыхъ это движеніе производилось прежде? Дѣлались строжайшія распоряженія насчетъ паспортовъ и видовъ. Для путешественниковъ, никогда ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ не участвующихъ, приставаніямъ и непріятностямъ не было конца; полицейская переписка сильно раздулась отъ новыхъ правилъ. Если вновь прибывшій предъявлялъ свой видъ или отпускъ, то полиція должна была сдѣлать въ томъ мѣстѣ, откуда видъ или отпускъ былъ выданъ, запросъ, дѣйствительно ли эти документы были выданы; домохозяинъ, который не предъявилъ полиціи видъ своего жильца, могъ быть подвергнутъ за это штрафу до 500 рублей. Мѣръ было принято такъ много, и они повидимому въ такой степени закрывали всѣ пути для существованія въ Россіи беззаконнаго вида, что естественно было предполагать, что возможность такого существованія прекратилась. Однажды мнѣ пришлось разыскивать черезъ полицію адресъ необходимаго мнѣ лица. Всѣ мои усилія были напрасны, полиція объ этомъ ровно ничего не знала, хотя лицо было однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ городѣ. «Нашли черезъ кого узнавать адресы—черезъ полицію?!» сказалъ мнѣ тотъ, кто сообщилъ адресъ, «развѣ вы вчера родились, что вамъ неизвѣстно, что русская полиція никогда ничего не знаетъ!»—Меня заинтересовало это: неужели всѣ строжайшія мѣры, принятыя Толстымъ, не измѣнили дѣла?! Оказалось, что въ Россіи теперь, какъ и прежде, въ полиціи прописана и полиціи извѣстна только самая ничтожная часть населенія. Положеніе съ полицейской точки зрѣнія сдѣлалось даже хуже, а не лучше; главное дѣло полиціи, какъ всегда, такъ и теперь заключалось въ томъ, чтобы шарлатанить передъ начальствомъ, чтобы заставлять его вѣрить, что она работаетъ день и ночь и все знаетъ; чѣмъ строже дѣлается начальство, тѣмъ больше времени требуется на шарлатанство и тѣмъ меньше остается на настоящее дѣло. Такое направленіе дѣятельности тѣмъ болѣе естественно для чиновниковъ, чѣмъ строже преслѣдуется обличеніе злоупотребленій печатью, а при Толстомъ такое преслѣдованіе достигло максимума.

XIV. Педагогическая пропаганда. Толстовство.

Въ то самое время, когда исчезла послѣдняя надежда добиться конституціи, я жилъ въ Костромѣ. Упадокъ духа и глубокое

разочарованіе владѣло всѣми. Земство, городская дума чувствовали себя погибающими; говорили о томъ, что послѣдніе слѣды самоуправленія будутъ уничтожены; консерваторы ожесточенно нападали на общину и составляли проекты о томъ, какъ бы выборное сельское и волостное начальство замѣнить унтеръ-офицерами. Распускались слухи, что и земство и городская дума будутъ обращены просто въ орудія для обложенія и сбора податей, которыми будутъ распоряжаться чиновники. Салтыковъ въ одной изъ своихъ сатиръ назвалъ земство учрежденіемъ для луженія госпитальной посуды. Утверждали, что и посуду теперь будутъ лудить чиновники, а земство и дума будутъ только имѣть честь предоставлять имъ для этого деньги въ назначенномъ бюрократами размѣрѣ. Какъ всегда, всѣ безъ исключенія переносили свою судьбу съ робкимъ и деревяннымъ фатализмомъ; не имѣющіе духа ни для того, чтобы защищаться, ни для того, чтобы озлобиться, они и теперь ждали для себя спасенія отъ другихъ, отъ доброй воли правительства или отъ террористовъ, если бы они оказались способными возродиться. Давало имъ правительство—спасибо,—брало, что дѣлать. Правительство могло сдѣлать несправедливость, нанести какую угодно обиду—оно всегда было право. Когда совершенно невинный человѣкъ подвергался жестокой карѣ, его же обвиняли за это. Получившій отъ правительства ударъ всегда былъ виноватъ; повторялась стереотипная, вѣчно одна и та же фраза: «во всякомъ случаѣ съ его стороны была маленькая неосторожность».—Русская пословица о томъ, какъ новгородцы утратили свою свободу: «такали, такали новгородцы, да и протакали», была совершенно забыта. Всѣ отвѣчали на всѣ дѣйствія правительства: «кланяемся и благодаримъ»!—Это «кланяемся и благодаримъ» переставало быть человѣческимъ изреченіемъ, оно превратилось въ автоматическое дѣйствіе. И рядомъ съ этимъ жалкая, робкая, трепещущая надежда окончательно забитаго человѣка: авось терроризмъ воскреснетъ и спасетъ насъ!

Я бралъ съ собою ботаническій опредѣлитель, книгу и сталъ ходить по окрестностямъ. Если бы я сталъ ходить съ ружьемъ, крестьяне не обратили бы на это вниманія, но я ходилъ съ книгой, читалъ на ходу, потомъ садился на камень и разсматривалъ растенія въ лупу. Кругомъ крестьяне работали на поляхъ, въ обѣдъ собиралась ко мнѣ толпа любопытныхъ и начинался разговоръ. Я имъ объяснялъ понятнымъ для нихъ языкомъ о существованіи конституціонной монархіи и демократической республики. Обо всемъ этомъ они, разумѣется, въ первый разъ въ своей жизни слышали. Я показывалъ имъ зависимость просвѣщенія и

благосостоянія народа отъ политическаго его развитія, я проводилъ параллель между благосостояніемъ американскаго и англійскаго рабочаго и ихъ собственнымъ нищенскимъ положеніемъ. Я показывалъ имъ, какой борьбой доставалось эта свобода англичанамъ и американцамъ и почему нельзя ее взять безъ борьбы. Многолѣтняя привычка къ пропагандѣ давала мнѣ возможность быть для нихъ понятнымъ, и тогда они начинали дѣлать мнѣ вопросы; они прекрасно понимали зависимость между рыночными цѣнами на произведенія и ихъ средствами къ существованію въ качествѣ производителей и работниковъ; я долженъ былъ имъ объяснить, какимъ образомъ при условіи такой зависимости и при условіи возрастанія издержекъ на общественныя нужды благосостояніе рабочихъ въ Америкѣ и въ Англіи могло увеличиться до тѣхъ размѣровъ, о которыхъ я имъ говорилъ.

Я жилъ на самомъ выѣздѣ изъ города и почти ежедневно выходилъ въ поле. Тутъ я читалъ свои лекціи соціальной экономіи подъ перекрестнымъ огнемъ практическихъ возраженій со стороны крестьянъ и опытныхъ фабричныхъ рабочихъ. Я удивился, слушая этихъ людей: какія они говорятъ глупости, когда они предоставлены своему невѣжеству, и какія они могутъ дѣлать остроумныя и глубокомысленныя возраженія и замѣчанія, когда ихъ поставить въ условія, гдѣ они могутъ разсуждать съ точки зрѣнія личнаго своего опыта и вѣрнаго наблюденія. Послѣ этихъ бесѣдъ я слишкомъ часто возвращался домой съ убѣжденіемъ, что русскіе несомнѣнно умный народъ, и я не могъ безъ жгучаго чувства вспомнить о томъ, что этотъ народъ погибаетъ отъ эгоизма правительства. Когда я начиналъ свои прогулки въ какомъ-нибудь районѣ, я нерѣдко наблюдалъ,что за мной слѣдили; они опасались съ моей стороны безцеремонности барчука, они смотрѣли, не мну ли я ихъ хлѣбъ, не ломаю ли изгороди, не сажусь ли я покурить около сѣна или соломы. Но когда они видѣли, какъ тщательно я обхожу ихъ поля, какъ заботливо я запираю каждую околицу, черезъ которую прохожу, никогда не трогаю гороху, жадно расхищаемаго прохожими, они успокаивались и говорили мнѣ любезности: видно, говорили они мнѣ, что идетъ человѣкъ, понимающій труды человѣческіе, а не какой-нибудь мужикъ. Всѣ узнавали меня; люди, въ первый разъ видѣвшіе меня, издали махали мнѣ шляпой, подходя оглядывали меня съ ногъ до головы и говорили: «такъ вотъ ты какой».—Понемногу я начиналъ видѣть въ нихъ нѣчто родное и чувствовать къ нимъ привязанность; я ходилъ на прогулки, точно иду къ близкому другу изливать передъ нимъ то, что у меня накипѣло на сердцѣ. Постепенно я расширялъ районъ своей пропаганды; за небольшое вознагражденіе я са-

дился къ крестьянамъ, которые обозомъ возвращались въ отдаленныя деревни, и ѣхалъ съ ними верстъ за пятнадцать или двадцать и тамъ гулялъ такъ же по полямъ.

Въ Костромѣ я разсказывалъ о своихъ прогулкахъ и старался убѣдить въ пользѣ такого образа дѣйствія. Нелѣпо ожидать, чтобы массы людей, никогда не слыхавшія о конституціи или республикѣ, съ перваго слова одушевились такимъ энтузіазмомъ, что готовы были бы жертвовать и жизнію и имуществомъ для достиженія этихъ неизвѣстныхъ имъ благъ и при томъ съ малой надеждой на успѣхъ. Такое условіе неизбѣжно сильно уменьшаетъ дѣйствительность прямой революціонной пропаганды, и вотъ почему сорокалѣтнее, полное энтузіазма и самоотверженія, веденіе пропаганды въ Россіи далеко не дало тѣхъ результатовъ, которые оно должно было бы дать. Если его съ первой минуты не ставить въ опасное положеніе, то всякій крестьянинъ, всякій рабочій съ жадностью будетъ слушать о такихъ пикантныхъ новостяхъ, какъ о существованіи конституціоннаго и республиканскаго управленія; онъ почувствуетъ себя болѣе ученымъ человѣкомъ и будетъ смѣяться надъ невѣжествомъ тѣхъ, кто не обладаетъ его премудростью. Такимъ образомъ основныя свѣдѣнія быстро дѣлаются достояніемъ цѣлыхъ селеній, и одинъ человѣкъ въ теченіе довольно короткаго времени можетъ ознакомить съ ними цѣлый околодокъ. Вскорѣ убѣдились въ справедливости моихъ словъ; на лѣто пріѣхали двѣ студентки и поселились на дачѣ. Однажды онѣ взяли съ собою книгу и вышли въ поле; когда онѣ усѣлись въ тѣни кустовъ, крестьянамъ, работавшимъ вблизи, пришла мысль, что онѣ могутъ принадлежать къ тому же роду людей, къ которымъ принадлежу и я. Они окружили ихъ и старались сначала удостовѣриться въ справедливости своего предположенія, а потомъ вступили въ разговоръ относительно предметовъ, ихъ интересовавшихъ. Студентки убѣдились, что ихъ собесѣдники имѣли болѣе ясное понятіе о конституціи и республикѣ, чѣмъ даже выдающіеся рабочіе, воспитанные революціонерами во время хожденія въ народъ: тогда все вниманіе пропагандистовъ было обращено на соціальную сторону, а политическая сильно хромала. Мнѣ пришлось убѣдиться, что крестьяне умѣли сдѣлать даже нѣкоторое практическое примѣненіе изъ своихъ новыхъ знаній. Когда распространился слухъ, что изъ дворянъ будутъ назначаться губернаторами земскіе начальники, я однажды ѣхалъ на большой лодкѣ, на которой цѣлая толпа крестьянъ возвращалась съ базара; зашелъ разговоръ о новомъ слухѣ. Одинъ изъ крестьянъ высказалъ мнѣніе по этому поводу окрестнаго крестьянства: они находили, что дворянинъ, на-

значенный губернаторомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полезенъ крестьянамъ своимъ управленіемъ и что гораздо разумнѣе было бы предоставить выборъ земскаго начальника самимъ крестьянамъ. Я долженъ былъ вполнѣ одобрить ихъ мысль. Я находилъ, что они уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ выбираютъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ и что давно пора сдѣлать шагъ къ расширенію ихъ самоуправленія и предоставить имъ выборъ земкихъ начальниковъ; при Николаѣ правительство назначало становыхъ, а дворянство выбирало ихъ начальниковъ, т. е. исправниковъ; теперь правительство назначаетъ полицейскихъ урядниковъ, которые непремѣнно будутъ притѣснять крестьянъ, если ихъ непосредственный земскій начальникъ не будетъ избираться крестьянами.

Подобная пропаганда, веденная на одной фабрикѣ не мною, а другими, заслужила себѣ даже честь полицейскаго доноса, изъ котораго однакоже ничего не вышло, такъ какъ никому нельзя воспрещать разговаривать о всѣмъ извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Не надо забывать, что въ Европѣ не было времени, когда бы народъ не былъ болѣе или менѣе знакомъ съ конституціонными и даже республиканскими идеями и съ политической борьбой; такая борьба всегда тамъ существовала, и если тамъ бывали безотрадныя времена, то народъ никогда не утрачивалъ способности вновь воодушевляться идеей подобной борьбы, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько напр. народъ польскій. Въ Россіи же вся масса рабочаго народа никогда и не слыхивала о политической свободѣ и конституціонныхъ и республиканскихъ порядкахъ; народъ и представить себѣ не можетъ существованіе какого-либо другого, кромѣ бюрократическаго управленія. Онъ долженъ былъ сначала узнать что-нибудь о существованіи другихъ системъ, чтобы въ немъ можно было вызвать революціонной пропагандой одушевленіе въ борьбѣ.

Распространялись литографированные и печатные листки Салтыкова и Толстого. Но сказки Салтыкова напоминали, что мы еще не вылѣзли изъ періода сказки и не могли воскресить упавшаго духа, и этотъ орелъ русской прессы погибалъ отъ злобы и тоски въ виду того, что совершалось, и, наконецъ, умеръ злополучной смертью; а Толстой съ его ученіемъ о непротивленіи злу не мало способствовалъ усыпленію общества и поощренію его малодушія; восхищаясь идеей непротивленія злу, оно проглядѣло всѣ мѣры правительства, которыми уничтожились послѣдніе слѣды свободы въ странѣ и окончательно убивалось умственное движеніе. Насколько было бы лучше, если

бы вмѣсто того, чтобы литографировать и печатать подпольныя проповѣди о непротивленіи злу, они печатали бы брошюрки для народа, гдѣ бы понятнымъ для него языкомъ сообщались ему свѣдѣнія о конституціонномъ и республиканскомъ управленіи и о его вліянія на развитіе народнаго благосостоянія... Но общество окончательно утратило охоту къ пропагандѣ въ народѣ и предпочитало забавляться подпольной литературой Толстого. Въ Англіи Толстой былъ бы немыслимъ; если бы въ Англіи, знаменитый писатель и владѣлецъ земли цѣною въ 600.000 рублей сталъ бы проповѣдывать такія ученія, какъ Толстой, то отъ него бы потребовали, чтобы онъ самъ дѣлалъ то, что онъ проповѣдуетъ другимъ, иначе его и читать никто бы не сталъ: арендаторъ не платитъ ему денегъ—онъ долженъ молчать, книгопродавецъ продалъ его сочиненія и деньги взялъ себѣ — онъ долженъ молчать; изъ письма съ деньгами лакей вынулъ деньги, а письмо разорвалъ и бросилъ; Толстой долженъ сказать ему: «тебѣ нужны деньги, на тебѣ чекъ, поди возьми сколько тебѣ надо». — При такомъ условіи и среди совѣстливыхъ англичанъ онъ сдѣлался бы наконецъ нищимъ, а въ Россіи все его имущество растащили бы у него въ одинъ годъ; между тѣмъ извѣстно, что его богатства не только не уменьшаются, но онъ ихъ пріумножаетъ.

Толстой имѣлъ искреннихъ учениковъ, конечно, очень немногихъ, въ томъ числѣ былъ одинъ богатый человѣкъ. Когда его арендаторы замѣтили, что онъ не взыскиваетъ съ неплательщиковъ, они всѣ перестали платить. Онъ жилъ на имѣвшіяся у него деньги, наконецъ и денегъ не осталось, а между тѣмъ ему надо было уѣхать изъ своего имѣнья. Онъ просилъ у своихъ арендаторовъ въ видѣ милости, чтобы они собрали ему денегъ на проѣздъ, но они ему отказали въ этомъ. Дѣтей своихъ, къ отчаянью своей жены, ему пришлось оставить безъ всякаго образованія; онъ находилъ, что въ этомъ дурного ничего нѣтъ, что по ученію Толстого нужно не образованіе, а вѣра. Во время энтузіазма встрѣчались богатые люди, которые дарили свои земли своимъ крестьянамъ, другіе продавали ихъ имъ за полъ-цѣны, а деньги употребляли на революціонную пропаганду; но эти исходили не изъ идеи непротивленія злу, а изъ того убѣжденія, что человѣку подобаетъ жить собственнымъ трудомъ, а не на счетъ труда своего ближняго,—убѣжденія вполнѣ практически осуществимаго и прекраснаго въ своей нравственной основѣ. Толстой премилый человѣкъ, добродушный благотворительный, между богатыми людьми трудно найти равнаго ему по добродѣтелямъ, а все-таки ученіе его заключаетъ въ себѣ лицемѣріе—слово съ дѣломъ у него не сходится, да и сходиться не можетъ.

Деспотизмъ до того деморализировалъ русскихъ, что лицемѣріе вовсе ихъ не возмущаетъ; почти полстолѣтія я участвую въ партіи движенія и все время былъ свидѣтелемъ ужасныхъ послѣдствій этого гнуснаго порока; мнѣ еще съ горечью придется говорить объ немъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Всегда на два лица: говорили одно, а дѣлали совсѣмъ другое, ставили задачи невозможныя и предъявляли къ юношеству требованія самыя несправедливыя, а когда юноша или дѣвушка погибали, гоняясь самоотверженно за выполненіемъ поставленной передъ ними задачи, погибали и кончали самоубійствомъ, тогда виновники ихъ смерти хладнокровно или даже съ порицаніемъ проходили мимо ихъ трупа. Они поступали вполнѣ такъ, какъ русское правительство, которое въ турецкихъ областяхъ вызывало бунтъ, а потомъ оставляло взбунтовавшихся на произволъ турецкой рѣзнѣ, если это имъ было выгодно. Я понимаю, что зло лицемѣрія до такой степени проникло все общество отъ вершины до подошвы, что истребить его очень трудно, но поощрять его ужасно.

XV. Антисемитизмъ.

..... Народныя волненія, которыя начались съ борьбы противъ бюрократіи, въ особенности противъ злоупотребленій полиціи, перешли въ борьбу противъ злоупотребленій фабрикантовъ и капиталистовъ и, наконецъ, пріобрѣли громкую извѣстность въ качествѣ буйныхъ антисемитскихъ движеній. Великая и свободная Польша, въ тѣ времена, когда въ ней реформація пускала корни, пріобрѣла не мало искусныхъ рукъ и интеллигентныхъ людей черезъ переселенія евреевъ; положеніе евреевъ сдѣлалось жалкимъ, когда въ Польшѣ распространился католическій фанатизмъ, а съ водвореніемъ русскаго господства, они стали подвергаться жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Въ Россіи за предѣлами такъ называемаго забраннаго (у Польши) края имъ воспрещалось жить. Но одно время при Александрѣ II имъ дѣлались въ этомъ отношеніи нѣкоторыя послабленія они стали появляться въ Россіи и въ особенности на югѣ. Тутъ они вносили съ собою несомнѣнно полезный элементъ; искусные спекуляторы, они весьма успѣшно конкурировали съ неповоротливыми русскими купцами и понижали для покупателей цѣну произведеній въ торговлѣ; кромѣ того они были очень любознательны и всю свою любознательность сосредоточивали на техническихъ, механическихъ и тому подобныхъ свѣдѣніяхъ; поэтому они не мало способствовали усовершенствованію производства въ Россіи. Купцы, находя въ нихъ для себя опасныхъ конкурен-

товъ, преслѣдовали ихъ всѣми мѣрами, въ особенности чрезъ администрацію. Не только евреи, но армяне и сектанты преслѣдовались купцами съ такимъ же усердіемъ, но противъ евреевъ имъ легче было дѣйствовать, чѣмъ противъ другихъ; вездѣ, гдѣ появлялись евреи, они прежде всего забирали въ свои руки торговлю виномъ, такъ какъ въ Россіи это одна изъ самыхъ выгодныхъ отраслей торговли. Кабакъ былъ главнымъ источникомъ раззоренія для народа, тотъ, кто наживался отъ кабака, могъ быть увѣренъ, что народъ будетъ питать къ нему жгучую ненависть. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреевъ не было, русскіе кабатчики дѣйствовали точно такъ же, какъ евреи, и точно такъ же ненавидѣлись народомъ, но къ нимъ народъ привыкъ. Фабрика, фабричный лабазъ, кабакъ, кулакъ и лѣсникъ были старинными врагами народа, противъ нихъ народъ всегда практиковалъ, да и теперь практикуетъ терроризмъ. Народъ всегда бунтовалъ, да и теперь бунтуетъ противъ притѣсненій фабрикантовъ, точно такъ же, какъ онъ при крѣпостномъ правѣ бунтовалъ противъ помѣщиковъ; жестокіе помѣщики исчезли вмѣстѣ съ рабствомъ, а жестокіе фабриканты существуютъ и теперь; какъ прежде, такъ и теперь изъ мести сжигаютъ ихъ виницы, убиваютъ ненавистныхъ нарядчиковъ и другихъ фабричныхъ начальниковъ; какъ прежде, такъ и теперь мужчинъ, женщинъ и дѣтей бьютъ и хлещутъ плеткой, а потому фабрика, такъ же, какъ при крѣпостномъ правѣ деревня для помѣщика, составляетъ гаремъ для фабриканта и его служащихъ; какъ крѣпостные при крѣпостномъ правѣ, такъ теперь фабричные бунтуютъ, когда гнетъ дѣлается невыносимымъ, и тогда является начальство и начинаетъ сѣчь и мужчинъ и женщинъ безъ разбору, такъ же немилосердно, какъ когда-то сѣкло крѣпостныхъ.

Но въ то время, когда теоррористы взволновали все общество, дѣло нѣсколько измѣнилось; у фабричныхъ явились защитники, о которыхъ до этого не было и помину; адвокаты, увлеченные волненіемъ или заискивающіе популярности, стали оказывать фабричнымъ юридическую помощь; отъ этого районъ волненія нѣсколько расширился, но не на столько, чтобы создать изъ себя выдающееся явленіе. Скоро дѣло пришло въ то положеніе, въ какомъ оно находится и теперь. Въ настоящее время, подражая германскому императору, правительство съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ приняло на себя личину соціалъ-демократа и увѣряло публику, что въ спорахъ между рабочими и фабрикантами оно является безпристрастнымъ судьею; однако-же, когда губернаторъ отправляется пороть рабочихъ, тогда не только вмѣшательство адвокатовъ, но даже вмѣшательство прокуроровъ не допускается изъ опасенія, чтобы законность насъ не погубила.

Нѣкоторыя сдерживающія мѣры, конечно, принимаются противъ жестокихъ фабрикантовъ, точно такъ же, какъ при Николаѣ обуздывались, какъ они, такъ и жестокіе помѣщики; но если бы они не принимались, то Россія наполнилась бы разбойниками, бѣжавшими въ лѣса отъ фабричнаго деспотизма; поджогамъ и убійствамъ не было бы конца.

И такъ рабочія волненія, аграрныя преступленія оставались такими же, какими они были и до и послѣ Игнатьева, но антисемитское движеніе получило совсѣмъ иной характеръ. Наплывъ евреевъ былъ въ Россіи постепенный, а потому никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ не произвелъ; на югѣ же онъ былъ внезапный, югъ былъ слишкомъ близокъ и слишкомъ заманчивъ для нихъ. Отсюда не замедлила произойти тамъ спекулятивная горячка: въ окончательномъ результатѣ народъ выигралъ бы отъ этого. Конкуренція понизила бы цѣны и улучшила бы орудія труда; но кабакъ, захваченный полунищими евреями труболетами, вырвавшимися на свободу изъ мѣстъ, гдѣ ихъ морили голодомъ, испортилъ все дѣло. Тутъ они дѣйствительно доходили до такихъ крайностей, до которыхъ не додумались даже и русскіе кулаки. Капиталисты, которые чувствовали себя въ опасности съ одной стороны отъ конкуренціи евреевъ, а съ другой отъ волненія въ народѣ, были рады натравить одну силу на другую и такимъ образомъ достигнуть своей цѣли и выйти сухими изъ воды. Про Игнатьева говорили, что онъ искусственно изъ личныхъ цѣлей разжигалъ еврейскіе безпорядки, какъ онъ разжигалъ волненія въ Турціи. Никто не можетъ утверждать этого на основаніи фактовъ, но вотъ что не подлежитъ сомнѣнію: политика религіозныхъ и національныхъ преслѣдованій всегда была дойной коровой для чиновниковъ вообще и для государственныхъ людей въ особенности. Салтыковъ въ одной изъ своихъ сатиръ преподноситъ читателямъ бюджетъ взятокъ, уплаченныхъ однимъ преслѣдуемымъ лицомъ; онъ составляетъ болѣе милліона рублей. Взятки при этомъ брались всѣми, начиная отъ самого правительства и кончая лицами въ администраціи вовсе не участвующими. Показано 13.000 рублей, уплаченныхъ правительству на пріемъ какого-то иностраннаго принца, 10.000 рублей дано высокопоставленному лицу, чтобы получить неопредѣленный отвѣтъ «посмотримъ», двѣсти рублей—ямщику за то, что онъ провезъ преслѣдуемаго мимо города, куда онъ не имѣлъ права въѣзжать и гдѣ его караулили чиновники, чтобы его обобрать.

Кто кого научилъ сдѣлать изъ еврейскихъ погромовъ орудіе для антисемитской политики—Игнатьевъ чиновниковъ или чиновники и купцы Игнатьева—я рѣшать не берусь, но антисемитское движе-

ніе произошло этимъ путемъ и процвѣтаетъ до сихъ поръ въ качествѣ жирнаго пирога для преслѣдователей. Всѣ другіе роды народныхъ движеній подавлены были въ зародышѣ съ безпримѣрной жестокостью, а еврейскіе погромы могли развиться достаточно громко, чтобы послужить основаніемъ для антисемитской политики. Тогда движеніе было подавлено, а народъ получилъ утѣшеніе. Игнатьевъ показалъ, что онъ не даромъ былъ въ Турціи и что онъ научился тамъ поступать гораздо искуснѣе, чѣмъ поступали глупые турки.

XVI. Правительство послѣ 1 марта.

Правительство стало придавать себѣ такой видъ, будто оно, не обращая никакого вниманія на волненія и безпорядки, намѣрено твердо итти по пути благодѣтельнаго прогресса. Литература такъ много говорила о неравенствѣ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, что правительство выразило намѣреніе способствовать исправленію зла. Для уравненія платежей сохранившіяся еще обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками были прекращены и принимались другія мѣры, а для уравненія земли долженъ былъ служить крестьянскій банкъ. Я радостно привѣтствовалъ появленіе крестьянскаго банка и въ первостепенныхъ русскихъ журналахъ отпечаталъ рядъ статей, въ которыхъ старался создать юридическое воззрѣніе на дѣло, которое соотвѣтствовало бы духу современнаго соціализма. Я проводилъ идею раздѣленія вещей на вещи частнаго и публичнаго права. Первыя предназначаются для частнаго пользованія, а вторыя исключительно для общественнаго блага. И въ настоящее время существуетъ много вещей публичнаго права, напр., пути сообщенія, крѣпости, гавани, госпитали, школы и т. д. Къ нимъ должны быть отнесены и орудія труда; но, чтобы орудія труда могли сдѣлаться вещами публичнаго права, необходимо, чтобы существовали учрежденія, которыя могли бы распоряжаться ими въ интересахъ общественнаго блага. Несмотря на существованіе соціалъ-демократіи, въ западной цивилизаціи такого учрежденія еще не существуетъ, даже рабочія ассоціаціи учрежденія частнаго, а не публичнаго права. Въ Россіи же такое учрежденіе изобрѣтено народомъ, существуетъ въ теченіе столѣтій и дѣйствуетъ превосходно: то мірскія земли крестьянъ. Оно не признано правительствомъ, надо его признать. Крестьянскій банкъ долженъ покупать земли не въ частную собственность, а обращать ихъ въ земли публичнаго права; онѣ должны служить для уравненія между крестьянами, какъ земель, такъ и платежей.

Когда эти статьи были отпечатаны, я написалъ брошюру для крестьянъ, гдѣ я излагалъ понятнымъ для нихъ языкомъ идею земель публичнаго права и показывалъ имъ, какимъ образомъ они должны пользоваться крестьянскимъ банкомъ. Когда я отдавалъ въ печать свои статьи для образованной публики, онѣ встрѣчали большія затрудненія, цензурныя препятствія были очень велики; я былъ крайне радъ даже и тому, что они появились въ первостепенныхъ и наиболѣе читавшихся журналахъ. Одинъ изъ нихъ, напечатавъ мою статью, сдѣлалъ примѣчаніе, что онъ находитъ мои идеи слишкомъ радикальными и вслѣдъ за тѣмъ напечаталъ статью другого писателя, въ которой онъ въ сущности отрекался отъ моихъ идей..... Когда же я послалъ для напечатанія свою брошюру, тогда оказалось, что правительство строго запретило декретомъ крестьянскихъ банковъ дѣлать публикаціи между крестьянами о существованіи такихъ учрежденій; тѣмъ менѣе могла быть опубликована и распространяема между ними такая брошюра, какъ моя, которая могла дать имъ мысль, что правительство сдѣлало для нихъ слишкомъ мало. Послѣ этого оставалось одно: напечатать ее путемъ подпольнымъ, но отъ этого пришлось отказаться, потому что это могло повредить крестьянскому банку, вмѣсто того, чтобы принести ему пользу.

Дѣло крестьянскаго банка пошло превосходно. По уставу банка онъ имѣлъ право раздавать ссудъ на 5.000.000 рублей въ годъ, между тѣмъ одинъ полтавскій банкъ купилъ земель на 2.000.000 рублей. Потребность въ землѣ и возможность ее покупать была такъ велика у крестьянъ, что сумма 5.000.000 рублей въ годъ оказывалось по сравненію съ нею совершенно ничтожной. Тутъ обличилось съ полной ясностью, какой великій соціальный переворотъ возможно было произвести въ Россіи, если бы введенъ былъ институтъ земель публичнаго права и если бы крестьянскій банкъ былъ въ рукахъ людей, которые дѣйствовали бы съ сознаніемъ величія той задачи, какую они выполняли. Въ то время въ Россіи громадное большинство крестьянъ имѣло еще собственное хозяйство и дѣлало изъ земли гораздо лучшее употребленіе, чѣмъ помѣщики, поступавшіе съ своими землями самымъ безобразнымъ образомъ. По причинѣ запущенности помѣщичьихъ земель, въ особенности внѣ черноземной полосы, земли стоили очень дешево и ихъ покупкою въ рукахъ крестьянъ могло бы сосредоточиться громадное состояніе. Вблизи большого города Костромы я осмотрѣлъ одну землю, купленную крестьянами у помѣщика. Земля считалась никуда негодною, крестьяне заплатили за нее по 4 р. 50 к. за десятину. Черезъ годъ они ее раздѣлили и имъ предлагали уже 4 р. 50 к. аренды въ годъ;

въ теченіе одного года они могли вернуть свой капиталъ; но они не соглашались отдавать ее въ аренду. Въ то время, когда ихъ сосѣди пахали землю, на половину пересыпанную мелкимъ камнемъ, на этой землѣ камня не оказалось, и она могла давать при хорошемъ удобреніи прекрасные урожаи. Полтавская и Екатеринославская губерніи были единственными, гдѣ либеральныя земства позаботились о томъ, чтобы существованіе банка сдѣлалось извѣстно крестьянамъ, и въ Полтавской, сколько мнѣ помнится, они купили 22.200 десятинъ. Населеніе Англіи въ пятнадцать разъ больше населенія Полтавской губерніи: въ какомъ восторгѣ были бы англійскіе сельскіе рабочіе, если бы они могли по соразмѣрности купить въ годъ милліонъ акровъ земли; вотъ что значитъ пріобрѣтать землю тогда, когда она еще дешева! Рядомъ съ крестьянами и фабричнымъ рабочимъ досталась долька: учреждены были фабричные инспекторы, дѣлались распоряженія касательно работы дѣтей и женщинъ, касательно принятія санитарныхъ мѣръ на фабрикахъ....

Среди шума, произведеннаго этими мѣрами, восторженное русское общество и позабыло о конституціи. Къ чему въ самомъ дѣлѣ конституція, къ чему хожденіе въ народъ, энтузіазмъ, терроризмъ, къ чему все это волненіе и безпокойство, когда заботливое правительство такъ успѣшно практикуетъ соціалъ-демократію и оказываетъ народу столько благодѣяній?! Между тѣмъ Толстой сдѣлался всесильнымъ министромъ и дѣло покатилось по совсѣмъ другой колеѣ. Рядомъ съ крестьянскимъ банкомъ учрежденъ былъ дворянскій. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ несправедливо было давать крестьянамъ кредитъ на покупку земли, а дворянъ лишать этого преимущества. Скоро оказалось, что крестьянскій банкъ сталъ чахнуть, а дворянскій быстро расцвѣлъ: въ то время когда крестьяне получали жалкіе милліоны, дворяне нахватали сотни милліоновъ. О снабженіи крестьянъ необходимымъ для нихъ орудіемъ труда, объ упроченіи крестьянскаго хозяйства, объ уравненіи земель и платежей не было болѣе и рѣчи. Дошло до того, что крестьянамъ часто невозможно было купить землю черезъ банкъ иначе, какъ по протекціи вліятельнаго помѣщика. Дѣло вышло наоборотъ. Практика показала, что самыми успѣшными производителями въ сельскомъ хозяйствѣ были крестьяне, а крупные землевладѣльцы оказались плохими и часто никуда не годными хозяевами; поэтому пресса настаивала на томъ, чтобы крестьянскому хозяйству даны были способы развиваться, на уравненіи надѣловъ, на крестьянскомъ банкѣ, на организаціи переселеній...

Толстой успѣлъ убѣдить государя, что конституціонный пылъ въ образованномъ обществѣ быстро остылъ, когда сошли со сцены тѣ двѣсти террористовъ, за которыхъ оно держалось, какъ за свой якорь спасенія. Ловкій придворный, онъ съумѣлъ убѣдить императора, что онъ можетъ осуществить всѣ свои задушевныя мечты. Онъ запѣлъ старую пѣсню, ту самую, которую Лагарпъ пѣлъ Александру I, Нессельроде—Николаю...: все спасеніе Россіи въ императорской власти, ея расширеніе составляетъ прямую его обязанность, если онъ ее выпуститъ изъ своихъ рукъ, она достанется такимъ рукамъ, которыя сдѣлаются необузданными притѣснителями народа. Будучи наслѣдникомъ, онъ заявилъ себя защитникомъ дворянъ, притѣсняемыхъ его отцомъ; онъ можетъ явиться имъ и теперь, и для этого ему вовсе не нужно давать конституціи; онъ укажетъ ему путь вполнѣ дѣйствительнаго покровительства и помимо этой анархической затѣи. Паскевичъ въ одномъ письмѣ, написанномъ Николаю, увѣрялъ его, что если бы онъ, Николай, владѣлъ Европою, то онъ уничтожилъ бы въ ней всѣ конституціонныя идеи, народы поволновались бы немного и успокоились, убѣдившись въ благодѣтельности его деспотизма... Неужели не справедливо, что дворянскій банкъ гораздо заманчивѣе для дворянъ, чѣмъ конституція?! Конституціи они скорѣе боятся, чѣмъ желаютъ, а за дворянскій банкъ они ухватились и руками и зубами, лишь только онъ появился. Они разорятся черезъ него, какъ разорялись при крѣпостномъ правѣ, но тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе они будутъ покорны..... Начались заботы о пріумноженіи дворянскаго землевладѣнія и о томъ, чтобы эти земли посредствомъ маіоратовъ и другихъ хитросплетеній сохранялись въ рукахъ дворянства...

Такое обираніе земель у народа очень скоро стало порождать свои результаты; я могъ напечатать въ «Недѣлѣ» статью, въ которой обращалъ вниманіе на быстрое возрастаніе пролетаріата, въ особенности сельскаго, въ Россіи. Я доказывалъ необходимость привести статистическимъ путемъ въ извѣстность количество пролетаріевъ и приводилъ соображенія, по которымъ число ихъ можетъ быть опредѣлено въ тридцать милліоновъ тамъ, гдѣ оно еще недавно считалось совершенно ничтожнымъ. Были и другія попытки указать на возрастаніе пролетаріата, хотя онѣ и не рѣшались доходить до моей грандіозной цифры. Однако-же всѣ эти начинанія, умѣренныя и неумѣренныя, замяты были въ грязь. Пресса старалась парализировать развитіе пролетаріата и обнищаніе народа другимъ путемъ. Предлагали сдѣлать крестьянскій банкъ орудіемъ для облегченія переселенія. Изъ мірского владѣнія вытекала существенная необходимость въ такомъ употребле-

ніи банка. Въ Соединенныхъ Штатахъ крестьянинъ продаетъ свою землю и съ этимъ капиталомъ отправляется на западъ заводить хозяйство на болѣе широкую ногу; но и при этомъ условіи онъ не можетъ обходиться безъ кредита: нерѣдко онъ покупаетъ свою усадьбу съ полной обстановкой въ кредитъ. Русскій же крестьянинъ, сидящій на мірской землѣ, не можетъ продавать своего надѣла,такъ какъ онъ ему не принадлежитъ, а составляетъ въ сущности землю публичнаго права. Конечно, онъ на новомъ мѣстѣ точно также получаетъ свою землю даромъ, но при обзаведеніи онъ не можетъ обойтись безъ кредита. Подобное употребленіе изъ крестьянскаго банка не только увеличило бы благосостояніе крестьянъ, но и доходы правительства, такъ какъ земли, на которыхъ являлись переселенцы, могли выносить значительно большее обложеніе. Но тутъ замѣшалось одно обстоятельство: переселеніе, выгодное для крестьянъ, было невыгодно для крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовавшихся нищенскимъ положеніемъ обезземеленнаго пролетаріата.....

XVII. Система Толстого.

Толстой находилъ, что нѣтъ надобности, чтобы благодѣянія императора по отношенію къ дворянству ограничивались мѣрами, о которыхъ мы только что говорили; можно итти далѣе, можно расширить ихъ власть. Не въ томъ состояла ошибка Александра II, что онъ далъ дворянамъ возможность занимать должности по земству съ хорошимъ вознагражденіемъ, а въ томъ, что онъ далъ земству нѣкоторую независимость. Общинныя учрежденія, права по выборамъ нужно преслѣдовать вездѣ и всячески, прежде всего сельскую общину. Клевреты Толстого, разъѣзжаясь на лѣто по своимъ деревнямъ, усердно собирали всевозможные факты, которые могли бы служить доказательствомъ негодности и вреда сельской общины, и доносили ему объ нихъ. Такимъ образомъ онъ набралъ достаточно матерьяла, чтобы доложить императору о необходимости взять ее въ опеку. Она была отдана на жертву урядникамъ, составившимъ первое великое изобрѣтеніе Толстого. Урядниками назывались конные полицейскіе, которые помыкали крестьянами, какъ унтеръ-офицеры солдатами. Крестьянство застонало отъ этихъ новыхъ піявокъ, а бюрократы возликовали. Губернаторы на перебой стали домогаться увеличенія штата полиціи и увеличенія ихъ содержанія; города не знали, откуда брать денегъ для насыщенія ихъ ненасытной утробы. И все это подъ предлогомъ революціонной пропаганды, которая уже давно вышла изъ моды, и о которой никто не думалъ среди всеобщаго

царства малодушія. Что дѣлала эта полиція, трудно было сказать: воровства она не прекращала, революціонной пропаганды не было; все ея занятіе заключалось въ томъ, чтобы преслѣдовать другъ друга. Тайная жандармская полиція со своими шпіонами преслѣдовала явную съ ея сыщиками; обѣ были другъ съ другомъ на ножахъ и только тогда мирились, когда вмѣстѣ пьянствовали въ кабакахъ и трактирахъ, за которыми надзирали на счетъ ихъ хозяевъ. А для того, чтобы этимъ хозяевамъ было чѣмъ ихъ угощать, кабаки монополизировались: не всякій могъ учредить кабакъ, а только тотъ, кто получалъ на это привилегію,—цѣны на вино сильно поднялись. Городъ оплачивалъ полиціи жалованье, а жители города взятки, получаемыя отъ хозяевъ заведеній съ излишкомъ, разумѣется.

Чтобы покорить себѣ земство, его предсѣдателей и руководителей стали подкупать служебной карьерой, чинами и орденами. Губернскихъ предводителей дворянства дѣлали губернаторами, предсѣдателямъ управъ давали высокіе чины и звѣзды. Года въ три они всѣ перемѣнили фронтъ, за немногими исключеніями всѣ изъ либераловъ переименовали себя въ консерваторовъ и щеголяли выставкой своихъ орденовъ. Послѣ этого Толстой счелъ возможнымъ нанести земству первый рѣшительный ударъ. Центръ вліянія земства составляли крестьянскія учрежденія и мировой судъ. Непосредственными начальниками надъ выборнымъ сельскимъ и волостнымъ начальствомъ были крестьянскія присутствія, дѣлопроизводство которыхъ было въ рукахъ избираемыхъ отъ земства непремѣнныхъ членовъ. Если кто-либо не исполнялъ требованія полиціи, то полиція не могла распорядиться сама, а должна была жаловаться на него въ мировой судъ, судьи котораго избирались земствомъ. Толстой спѣлъ свою лебединую пѣснь, замѣнивъ все это институтомъ земскихъ начальниковъ. Число членовъ крестьянскихъ присутствій было увеличено, создано было гораздо болѣе мѣстъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, чѣмъ было прежде, но всѣ эти мѣста были по назначенію отъ правительства. За то же всѣ они замѣщались исключительно дворянами или чиновниками изъ дворянъ; другіе классы лишились всякаго вліянія. Дворяне съ жадностью кинулись на новыя мѣста и позабыли не только о конституціи, но и о всякомъ самоуправленіи; близорукіе люди, они продавали свое старшинство за блюдо чечевицы. Толстой торжествовалъ, онъ могъ почитать себя карликовымъ Ришелье; какъ на высокихъ горахъ растетъ карликовая береза, такъ въ суровомъ русскомъ климатѣ могъ вырасти только карликовый Ришелье.

Еще при Александрѣ II-мъ редакторы газетъ и журналовъ превращены были въ правительственныхъ чиновниковъ; отъ усмо-

трѣнія правительства зависѣло сдѣлать редактора богатымъ или разорить его долгами. Черезъ этотъ оригинальный родъ чиновниковъ вся русская пресса попала подъ опеку правительства; оно могло приказать прославить писателя и могло осудить его на полную неизвѣстность. Толстой ввелъ въ этой области существенное усовершенствованіе. Прежде всего онъ сократилъ число предметовъ, которыхъ могла касаться литература, раздѣлилъ и журналы и писателей на привилегированныхъ и обездоленныхъ; однимъ было дозволено многое, что другимъ было строго запрещено. Онъ дозволилъ, напримѣръ, Каткову доказывать, будто бы его врагъ министръ Бунге утаилъ четыре милліона.. однако же, если бы въ отвѣтъ на статьи Каткова кто-нибудь вздумалъ доказывать, что Толстой утаилъ больше его, то и газета была бы уничтожена, и писатели сосланы въ Сибирь. Затѣмъ Толстой доказывалъ, что публика вовсе не интересуется серьезными статьями, она охотно читаетъ одни романы. Ея серьезность напускная, и отъ этой моды она откажется очень легко. Поэтому онъ направилъ дѣло прямо къ прекращенію серьезной литературы и къ ея замѣнѣ романами и повѣстями; беллетристика должна была преобладать въ особенности въ изданіяхъ, читавшихся людьми радикальнаго направленія или интеллигентнымъ пролетаріатомъ. Изъ романовъ и повѣстей подверглись остракизму переводные романы, въ которыхъ описывалась политическая или классовая борьба и рабочія движенія. Во время энтузіазма публика пристрастилась къ этимъ романамъ. Еще тяжелѣе рука администраціи налегла на повѣсти изъ рабочей и крестьянской жизни...

Одушевленная мыслью о соціальномъ будущемъ, научная литература принялась за изученіе общины съ полной научной объективностью, она старалась получить вѣрное и точное понятіе, вмѣсто теоретически мечтательнаго; но лишь только дѣло подвинулось достаточно впередъ, оно было убито новой политикой,— собранныя данныя послужили орудіемъ для ея угнетателей. Та же участь постигла и беллетристическую литературу, вызывавшую въ обществѣ сочувствіе къ труженику. Зависимость соціальной будущности страны отъ ея политическаго режима обрисовалась съ полной яркостью. Литература безцвѣтная и пустая опошляла все и всѣхъ. Начиная отъ воцаренія Александра II-го таланты появлялись на нѣкоторое время на горизонтѣ, пріобрѣтали извѣстность и потомъ сходили со сцены часто прежде, чѣмъ талантъ ихъ успѣвалъ окончательно развиться. Нѣкоторые изъ нихъ должны были бѣжать, напр. Зайцевъ, Соколовъ, Ткачевъ и погибали безплодно за границей; другіе сосланы были

въ Сибирь, напр., Щаповъ, Станюковичъ, третьи просто устранялись и умирали отъ горя, напр., Шашковъ, Демертъ...

Гоненіе на просвѣщеніе было по крайней мѣрѣ настолько же интенсивно, какъ и гоненіе на прессу; въ петербургскомъ университетѣ дошло до того, что ни одинъ изъ уважаемыхъ профессоровъ не соглашался принимать на себя должность ректора. Пришлось назначить на мѣста ректора и инспектора людей, пользовавшихся самой жалкой репутаціей. Даже при императорѣ Николаѣ правительство не доходило до такого униженія; казанскій университетъ, въ которомъ я учился, былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, однако-же безсмѣннымъ ректоромъ этого университета былъ извѣстный всему ученому міру творецъ воображаемой геометріи Лобачевскій. Между назначеннымъ правительствомъ ректоромъ петербургскаго университета Владиславлевымъ и профессорами шла нескончаемая война, возмутившая даже спокойствіе наиболѣе вліятельнаго умѣренно-либеральнаго журнала «Вѣстника Европы»; чтобы охарактеризовать Владиславлева, какъ ученаго, онъ помѣстилъ на своихъ страницахъ выписку изъ его психологіи, которая вызвала гомерическій смѣхъ на всю Россію...

Въ это мрачное время и въ моей судьбѣ произошла перемѣна. Послѣ того, какъ я отправленъ былъ въ ссылку къ полярному кругу, и мнѣ отрѣзана была возможность писать книги, я вынужденъ былъ существовать другимъ литературнымъ трудомъ; я дѣлалъ статистическія работы, писалъ статьи, въ которыхъ излагалъ свои экономическія, соціальныя и политическія идеи. При помѣщеніи этихъ статей я встрѣчалъ постоянно такія же затрудненія, какъ при печатаніи моихъ книгъ. Нѣсколько разъ первостепенные журналы пытались сдѣлать изъ меня своего постояннаго сотрудника, но это не удавалось. Я не могъ иначе писать, какъ извѣстнымъ образомъ, а это могло подходить подъ правительственную мѣрку только въ теченіе тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ минутъ, когда Россіи дозволялось слышать болѣе свободное слово. Лишь только вѣтеръ мѣнялся, я оставался за флагомъ и, написавъ статью, я долженъ былъ искать случая ее помѣстить. Тогда мнѣ помогала та самая правительственная политика, которая меня губила. Правительство заставляло молчать одинъ талантъ за другимъ, оно смѣняло редакторовъ и также часто прекращало и запрещало періодическія изданія; когда журналъ запрещался, на его мѣстѣ появлялся другой. Новому органу нужно было заставить о себѣ кричать, чтобы пріобрѣсти подписчиковъ, и тогда онъ охотно принималъ смѣлыя статьи...

... Нерѣдко журналъ закрывался прежде, чѣмъ статья моя была отпечатана, иногда печатаніе начиналось и прерывалось на половинѣ. Я до сихъ поръ не могу забыть прерванную статью подъ заглавіемъ: «Современная Франція и задачи современной цивилизаціи», въ которой я проводилъ свой взглядъ на образованіе цѣнъ и на соціальныя организаціи. Существовалъ журналъ: «Знаніе», славившійся своей солидной ученостью; когда правительство дѣлало ему первое предостереженіе, оно нашло необходимымъ для успокоенія общества выставить передъ нимъ на показъ цѣлый списокъ преступленій, будто бы совершенныхъ этимъ журналомъ, и доказать этимъ съ одной стороны свое долгое терпѣніе, а съ другой свое уваженіе къ наукѣ и къ общественному мнѣнію. «Знанію» все-таки пришлось прекратить свое существованіе. Въ самый разгаръ терроризма, когда правительство оробѣло и распустило подтянутыя вожжи, одинъ изъ редакторовъ «Знанія», Корабчевскій, сталъ съ большимъ успѣхомъ издавать журналъ «Слово»,... но онъ былъ закрытъ немедленно по вступленіи на престолъ Александра III; тутъ же попалась подъ топоръ и моя статья. Вообще дѣлая предостереженія разнымъ журналамъ, правительство обыкновенно не забывало упоминать и о моихъ статьяхъ, даже о тѣхъ, которыя напечатаны были мѣсяцъ или два ранѣе и прошли благополучно. Перемена псевдонима, которую я иногда употреблялъ, не помогала, статьи мои узнавались по тону и по идеямъ... Я былъ благодаренъ такимъ журналамъ, какъ «Отечественныя Записки» и «Дѣло» за то, что они при первой возможности продолжали печатать мои статьи. Иногда меня и хвалили; я помню двѣ статьи, которыя заслужили отъ редакцій похвалу: одну помѣстили «Отечественныя Записки», другую «Дѣло»,—обѣ изображали недостатки земства. Правительство никогда ничего не имѣло противъ того, чтобы ругали земство, и я долженъ сказать, что отъ такой политики земство улучшалось, а огражденная отъ критики администрація деморализировалась.

По мѣрѣ того, какъ господство Толстого упрочивалось, мое положеніе ухудшалось. Изъ журналовъ, имѣвшихъ большое число подписчиковъ, ни одинъ уже не принималъ живой радикальной окраски; печатать радикальныя статьи и имѣть успѣхъ было вполнѣ невозможно. Все-таки оказывались люди, рѣшавшіяся на періодическія изданія, которыя своимъ появленіемъ совершали, такъ сказать, надъ собой самоубійство. Просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, они должны были прекращаться. Я, разумѣется, спѣшилъ помѣщать въ нихъ какую-нибудь статью. Такъ я помѣстилъ статью въ почтенномъ и самоотверженномъ журналѣ «Устояхъ».—До этого времени, хотя статьи мои встрѣчали при

своемъ помѣщеніи большія препятствія,но разъ статья появлялась въ печати, я немедленно получалъ слѣдующія мнѣ деньги. Только при первомъ моемъ появленіи на литературномъ поприщѣ, въ 1867 г., первая статья моя была не вполнѣ оплачена; съ того времени я жилъ литературнымъ трудомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ и не зналъ, что такое недоплата. Теперь было уже иначе, я писалъ не для журналовъ, богато снабженныхъ денежными средствами, а для такихъ, которые появлялись, вызванные самоотверженіемъ своихъ издателей, и работали на ихъ разореніе; они погибали, и я предпочиталъ погибать съ ними, вмѣсто желанія быть вознагражденнымъ и ускорять тѣмъ ихъ гибель.

Мнѣ пришлось помогать себѣ работами другого рода; мнѣ присланъ былъ обильный матерьялъ для описанія лѣсного дѣла въ Костромской губерніи, и я по заказу исполнилъ эту работу; другую подобную работу составлялъ матерьялъ для оцѣнки земель тверскимъ крестьянскимъ банкомъ и иные заказы въ томъ же родѣ. Въ это время Толстой доискивался источниковъ, откуда партія движенія получаетъ свои деньги, и старался разорять тѣхъ,кто слишкомъ усердно ей сочувствовалъ. У меня неожиданно сдѣланъ былъ обыскъ; причины для обыска не было ровно никакой, даже и предлога не было. Изъ поведенія товарища прокурора, презрительно пожимавшаго плечами, когда глупый жандармскій офицеръ болталъ свою чепуху, я увидалъ только, что министерство юстиціи окончательно лишилось возможности полагать нѣкоторый предѣлъ осуществленію принципа «законность насъ губитъ». Но жандармъ прямо выдавалъ свою тайну, онъ прежде всего и болѣе всего обращалъ вниманіе на мое хозяйство, на тѣ признаки, по которымъ можно было опредѣлить приблизительно, сколько я проживаю. Они нашли, что деньги у меня были въ разныхъ пакетахъ; причина такого размѣщенія заключалась въ томъ шаткомъ положеніи,въ которомъ я находился.Я не могъ беззаботно издерживать то, что получаю; могло пройти долгое, а при несчастныхъ случайностяхъ и очень долгое время, прежде чѣмъ будетъ какое-нибудь поступленіе, а потому я принялъ за правило вскрывать каждый пакетъ только по истеченіи извѣстнаго срока. Но жандармъ истолковалъ дѣло по-своему; по его мнѣнію одинъ пакетъ былъ предназначенъ для житья, а другіе для противузаконныхъ цѣлей, напримѣръ,для пропаганды.Товарищъ прокурора отказался помѣстить это въ протоколъ, и жандарму пришлось ограничиться доносомъ. Съ той минуты наступилъ конецъ моей литературной дѣятельности, и я долженъ былъ поступить на службу въ земство. Въ теченіе всѣхъ 16-ти лѣтъ моей литературной дѣятельности я былъ въ самомъ странномъ положеніи, изъ-за

каждой своей книги, изъ-за каждой статьи я долженъ былъ биться, какъ начинающій писатель; я началъ и кончилъ начинающимъ. То,что я писалъ, производило нерѣдко большой шумъ, но идея всегда, безъ исключенія, оставалась незамѣченной. Изъ-за этого я пилъ горькую чашу, съ отчаяньемъ въ душѣ и безъ всякой надежды я погружался во мракъ забвенія.

XVIII. Послѣдніе годы. Голодъ. Послѣ голода.

Толстой торжествовалъ, но торжество доставалось ему не легко; западни и подвохи окружали его со всѣхъ сторонъ. Все-таки онъ упорно шелъ къ своей цѣли, къ водворенію исключительнаго и безпредѣльнаго господства бюрократіи. Императору онъ ее преподносилъ съ такой перифразой: на всемъ протяженіи русскаго царства должна имѣть вліяніе только власть, назначаемая императоромъ, должна господствовать одна администрація и притомъ такая, которая ставила бы себѣ цѣлью, всѣми средствами проводить систему императора, водворять единообразіе въ управленіи, какъ внутри Россіи, такъ и на ея окраинахъ, Польшѣ, въ Остзейскомъ краѣ, въ Финляндіи, въ средней Азіи и на Кавказѣ. Однако-же онъ такъ и умеръ, не добившись того, чтобы въ совѣтѣ самого императора, въ средѣ министровъ, не было лицъ, которые думали бы объ одномъ—какъ свергнуть Толстого...

Политика для введенія единообразной, чисто бюрократической системы управленія въ Россіи и въ ея окраинахъ составляла дальнѣйшее развитіе политики, создавшей земскихъ начальниковъ. Дворяне, имѣвшіе вліяніе въ земствѣ и на дворянскихъ выборахъ, утрачивали его и ставились отъ правительства въ полную зависимость. То же практиковалось и въ окраинахъ, напр., поляки, служившіе на желѣзныхъ дорогахъ или въ другихъ учрежденіяхъ своей родины, получали повышеніе и переводились внутрь Россіи , на Кавказъ, въ Сибирь, а на ихъ мѣсто назначались русскіе; такимъ образомъ и русскіе поляки получали улучшеніе своего положенія, но окончательно утрачивали всякое вліяніе на общество. Послѣ смерти Толстого самъ императоръ сталъ распространять эту систему далѣе и даже на Остзейскій край, гдѣ явились русскіе чиновники и профессора, замѣнявшіе нѣмцевъ...

Едва ли не самая трудная часть задачи Толстого заключалась въ замѣнѣ суда администраціей; политическая организація безъ суда казалась вещью до такой степени чудовищной, что даже въ Россіи ее признавали невозможной и немыслимой. Пока нападки касались суда присяжныхъ, новая политика чувствовала себя,

какъ рыба въ водѣ, но когда возникъ вопросъ о замѣнѣ самаго суда администраціей, такая затѣя казалась перешедшей всѣ предѣлы человѣческаго здраваго смысла. Однако-же правительство не оробѣло. Подъ предлогомъ усовершенствованія административной ссылки введена была ссылка срочная. Въ прежнія времена административная ссылка не считалась ссылкой, а временнымъ удаленіемъ лица изъ извѣстной мѣстности, чтобы устранить вредное его вліяніе въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; поэтому ссылали безъ срока. Предполагалось, что лицо будетъ возвращено немедленно, лишь только минуетъ опасность. Правительство нашло, что администрація злоупотребляла своимъ правомъ, и безсрочная ссылка была заменена срочной, крайній срокъ составлялъ пять лѣтъ. Общество должно было увидать въ этомъ либеральную мѣру; но разъ ссылали на срокъ, ссылка превратилась въ наказаніе, наложенное, административнымъ порядкомъ; отсюда прямо перешли къ тюремному заключенію на разные сроки по распоряженію администраціи. Восточный деспотизмъ вошелъ во всѣ свои права, рухнулъ послѣдній оплотъ—оплотъ суда. При Николаѣ иногда предавали военному суду; это былъ тотъ судъ комиссій, противъ котораго въ западной цивилизаціи такъ сильно кричали; онъ былъ хуже знаменитаго англійскаго суда звѣздной палаты, но все-таки это былъ судъ и притомъ онъ назначался только въ чрезвычайныхъ случаяхъ по повелѣнію самого государя. Въ обыкновенныхъ случаяхъ судили въ первыхъ двухъ инстанціяхъ выборные судьи. Теперь весь судъ состоялъ изъ лицъ, которые назначались правительствомъ и по произволу имъ смѣнялись; но этимъ не устранялось опасеніе, чтобы законность насъ не погубила, и оказалось необходимымъ замѣнять судъ административнымъ распоряженіемъ. Плодъ созрѣлъ, оставалось имъ воспользоваться...

Государственные доходы и подати росли не по днямъ, а по часамъ. Теперь не было никакихъ препятствій пороть крестьянъ, и вновь испеченные дворяне-чиновники выколачивали изъ нихъ подати и сѣкли ихъ съ усердіемъ прозелитовъ. Стала практиковаться чудовищная система. Писались приговоры о наказаніи розгами такихъ лицъ, для которыхъ идея перенесенія такого наказанія была ужасна, напр., приговаривались крестьяне, пользовавшіеся всеобщимъ уваженіемъ, женщины. Приговоры эти оставлялись безъ исполненія, затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ служили угрозою противъ приговоренныхъ и принуждали ихъ къ безусловному повиненію. Человѣкъ, отъ котораго ожидали слова правды, долженъ былъ молчать и смотрѣть, какъ гибнетъ его общество; дѣвушки, женщины имѣли слабость жер-

вовать своею честью тайно, чтобы спасти ее явно.—Одинъ земскій начальникъ высѣкъ публично восемнадцатилѣтнюю дѣвушку подъ тѣмъ предлогомъ, что семь лѣтъ тому назадъ, когда ей было одиннадцать лѣтъ, она была приговорена къ розгамъ за то, что была поймана на чужомъ горохѣ, а писарь забылъ отмѣтить, что она была наказана ея родителями во исполненіе приговора. Всего ужаснѣе было примѣненіе этой системы къ политическимъ каторжнымъ. Угроза привести въ исполненіе подобный приговоръ по отношенію къ одному изъ политическихъ заставляла цѣлую камеру, сорокъ, восемьдесять человѣкъ, объявить, что они уморятъ себя до смерти, если приговоръ будетъ исполненъ надъ ихъ товарищемъ, и приступить къ исполненію угрозы. Начальство по инструкціямъ изъ Петербурга поступало въ этомъ случаѣ съ утонченной жестокостью: оно тайно слѣдило за голодающими черезъ доктора и только тогда отступалось отъ своего намѣренія, когда видѣло, что дальнѣйшее упорство повлечетъ за собой уже неизбѣжную смерть голодавшихъ.

Страданія политическихъ такъ увеличились, а запуганное общество до того отупѣло, что его ничто не возмущало; еще недавно покушенія на отдѣльныя самоубійства приводили прессу и читателей въ волненіе, а теперь покушенія массами оставлялись безъ вниманія; говорили, о ужасъ! что это средство опошлено частыми повтореніями. До такихъ же чудовищныхъ размѣровъ деморализованы были и судъ и все общество! Оказался возможнымъ слѣдующій случай: Двадцатилѣтняя дѣвушка, мастерица моднаго магазина, пожаловалась въ судъ на то, что она по приказанію содержательницы магазина была высѣчена публично въ присутствіи всего личнаго персонала магазина мужчиною съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ стыдливости и приличія, какія только можно было нарушить по отношенію къ дѣвушкѣ. Защищаясь, содержательница магазина доказывала, что подъ прикрытіемъ администраціи повсемѣстно работницы замѣняются такъ называемыми ученицами, не получающими жалованья и достигшими зрѣлаго возраста. Но такъ какъ работницы безъ жалованья не будутъ работать съ достаточнымъ усердіемъ, то съ ними заключается контрактъ, которымъ содержатель заведенія получаетъ право сѣчь ихъ розгами, когда, какъ и сколько ему угодно. Содержательница магазина доказала, что взрослыхъ дѣвушекъ постоянно сѣкутъ съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ стыдливости и приличія, потому что это дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе. Этотъ случай показалъ, до какой степени бѣдности и нищенства доведенъ былъ рабочій классъ въ Россіи.... Что же сдѣлалъ судъ? онъ призналъ кабальные контракты

установившимся обычаемъ и отдалъ пожаловавшуюся дѣвушку содержательницѣ заведенія на истязаніе! Случай этотъ опубликованъ былъ въ газетахъ, а что сдѣлало общество?.. оно прочло газеты и молчало: вотъ до какого оно доведено было униженія!

Однако-же увы, съ такимъ блескомъ начатое дѣло кончилось неблагополучно. Возвратились всѣ тѣ бѣдствія, которыя посѣтили Россію въ 1848 г. въ самыя мрачныя времена царствованія Николая. Началось съ падежа, а потомъ стали свирѣпствовать голодъ, холера и другія повальныя болѣзни. Спрашивается, откуда они явились?

Освобожденіе крестьянъ и устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ при Александрѣ II оживили промышленность, возвысили народное благосостояніе и до нѣкоторой степени излѣчили раны, нанесенныя гнетомъ николаевскаго деспотизма. Но скоро обратно прогрессивные налоги, составлявшіе суть финансовой системы правительства и возраставшіе съ неимовѣрной быстротой, повернули дѣло на старую колею. Въ теченіе долгихъ лѣтъ совершалось преступленіе обиранія у народа земли... Деспотизмъ фабрикантовъ присоединился къ обезземеленію крестьянъ, и въ окончательномъ результатѣ получилось слѣдующее положеніе: заработная плата была понижена до того, что громадное большинство рабочаго класса не могло потреблять мяса; мясо не имѣло сбыта, цѣны на мясо были несоразмѣрно низки сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ. Кормить скотъ произведеніями пахотныхъ полей было крайне убыточно. То количество скота, которое имѣлось, воспитывалось такимъ образомъ, что оно давало мало удобренія: оно воспитывалось преимущественно крестьянами. Въ теченіе семи мѣсяцевъ скотъ ходилъ въ лѣсахъ и на выгонахъ, въ это время отъ него вовсе не получалось удобренія. Четыре лѣтнихъ мѣсяца онъ питался сносно, а три остальныхъ очень плохо. Пять зимнихъ мѣсяцевъ онъ питался одной соломой и притомъ до такой степени плохо, что онъ спалъ зимнюю спячку, какъ медвѣди или змѣи. Сколько мнѣ извѣстно, въ Англіи о зимней спячкѣ скота и понятія не имѣютъ. Къ веснѣ онъ дѣлался такъ слабъ, что не былъ въ состояніи стать на ноги; приведеніе скота весною въ такое состояніе, при которомъ способность ходить у него возобновлялась, составляло особое искусство. При такомъ режимѣ отъ скота получался минимумъ удобренія. Съ возрастаніемъ населенія количество воздѣланныхъ земель увеличивалось, а удобреніе сравнительно уменьшалось;поэтому неблагопріятная погода давала все болѣе тяжкіе и, наконецъ, ужасные результаты. Въ прежнія времена существовали общественые магазины, въ которыхъ крестьяне съ осени складывали хлѣбъ, а весною разбирали

его для обсѣмененія полей. Эти учрежденія, сдѣлавшіяся патріархальными въ рукахъ схода, были изъяты изъ рукъ общины и переданы въ распоряженіе высшихъ классовъ. Распорядители сбирали съ крестьянъ деньги и покупали на него для нихъ хлѣбъ. Еще въ то время, когда я писалъ по всѣмъ современнымъ вопросамъ, я доказывалъ, что этотъ образъ дѣйствій потому такъ сильно отстаивается, что онъ даетъ распорядителямъ возможность утаивать деньги; образецъ пріемовъ, при этомъ употребляемыхъ, приведенъ былъ мною выше, когда я говорилъ о своей пропагандѣ.

На востокѣ Россіи, гдѣ голодъ былъ всего сильнѣе и гдѣ его центромъ служила Самарская губернія, обстановка была слѣдующая: тамъ встрѣчается прекрасная, плодородная земля но рядомъ съ нею значительныя пространства занимаются вывѣтрившимися каменными породами; тутъ почва состоитъ на половину изъ мелкаго камня и на половину изъ земли. Плоскогорья состоятъ преимущественно изъ вывѣтрившагося камня, на которомъ даже лѣсъ остается низкорослымъ; эти почвы были причиною, что восточная, заволжская Россія всегда страдала отъ сильныхъ неурожаевъ. При освобожденіи крестьянъ помѣщики старались всучить крестьянамъ въ видѣ надѣла именно эти плоскогорья, что имъ удавалось въ значительныхъ размѣрахъ. Затѣмъ началась гонка вліятельнаго и имущаго класса за прекрасными землями съ черноземной почвой, пресса много шумѣла по поводу скандалезнаго расхищенія въ особенности башкирскихъ земель. Это расхищеніе производилось крупными чиновниками съ помощью всевозможныхъ насилій и злоупотребленій. Изъ захваченныхъ земель воздѣлывалась только небольшая часть, крупные чиновники были по большей части абсентеисты, а такъ какъ пріобрѣтеніе земель стоило имъ слишкомъ дешево, то они относились къ своему хозяйству съ большимъ легкомысліемъ и пренебреженіемъ. Отсюда составилась картина происхожденія голода, которая была вѣрна и для прочихъ частей Россіи. Крупные землевладѣльцы производили хлѣбъ преимущественно для вывоза за границу, хлѣбъ сбывался туда, а скотъ не имѣлъ сбыта,воспитывался сравнительно въ ничтожномъ числѣ, и поля плохо удобрялись. Крестьяне воспитывали больше скота, но кормили его только соломой, и та же самая солома шла у нихъ на многія другія нужды; лѣса у нихъ были обобраны, а потому даже въ полосѣ сплошныхъ лѣсовъ солома употреблялась для крышъ и для отопленія домовъ; въ безлѣсныхъ мѣстахъ почти вся солома шла на эти потребности, и для корма скота и удобренія оставалось очень мало. Поэтому неурожай могъ достигнуть неслыханныхъ въ Европѣ размѣровъ и тотчасъ же началъ сопровождаться повальными болѣзнями на людяхъ

и на скотѣ. Такъ какъ хлѣбныхъ запасовъ, прежде бывшихъ въ распоряженіи общинъ, у нихъ теперь уже не было, то оставалось одно: давать имъ помощь извнѣ... Вся раздача была принципіально сосредоточена въ рукахъ чиновниковъ, которые дѣйствовали, какъ всегда, по казенному. Они, конечно, старались... сосредоточить въ своемъ распоряженіи, какъ можно болѣе денегъ; а затѣмъ эти деньги, какъ всегда, расходились понемногу по карманамъ распорядителей. Для бюрократовъ было совершенно безразлично, дойдутъ ли деньги до голодныхъ или нѣтъ; каждый изъ нихъ думалъ: «а вѣдь подчиненные мои разворуютъ эти деньги, если крестьянинъ получитъ даромъ гривенникъ, то онъ съ удовольствіемъ распишется въ рублѣ; а если онъ получитъ въ ссуду пятьдесятъ копеекъ, то онъ съ удовольствіемъ распишется въ двухъ рубляхъ, а затѣмъ еще изъ-за нихъ подъ судъ попадешь,—гдѣ мнѣ за ними услѣдить, надо приберечь что-нибудь на случай бѣды». Кое-что вышло наружу, многое похоронено, но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ. Въ неурожайный годъ было въ Россіи все-таки несомнѣнно достаточно хлѣба для прокормленія населенія, что вполнѣ выяснилось при запрещеніи вывоза за границу; хлѣбъ не имѣлъ сбыта, гнилъ и пропадалъ безъ пользы въ огромныхъ количествахъ. Люди погибали не отъ недостатка хлѣба, а отъ того, что хлѣбъ и люди не могли сойтись между собою, а не могли они сойтись вслѣдствіе той же самой системы управленія, которая произвела голодъ.

Эта система была цѣликомъ направлена къ тому, чтобы держать всѣхъ въ невѣжествѣ и бѣдности и оградить этимъ Россію отъ зловредныхъ конституціонныхъ идей. Изъ крестьянъ выколачивали палками все, что они могли дать, рабочій классъ былъ такъ же бѣденъ отъ такихъ же притѣсненій, масса народа ничего не покупала,—и вотъ теперь, когда наступилъ голодъ, у людей не оказалось ни хлѣба, ни денегъ, ни работы; конечно, было гораздо дороже перевозить хлѣбъ въ Англію, чѣмъ изъ мѣстъ, гдѣ онъ имѣлся, въ тѣ, гдѣ его не было; но въ Англіи весь этотъ хлѣбъ получилъ бы сбытъ, а теперь онъ гнилъ и погибалъ, а все-таки не перевозился къ голодающимъ. У голодающихъ не было денегъ, чтобы его покупать, не было работы, чтобы достать эти деньги, и не было механизма, который могъ бы доставить имъ этотъ хлѣбъ. Бюрократическій механизмъ для этого вовсе не годился. Пріемы его дѣятельности давно извѣстны въ Россіи, онъ никогда не удовлетворяетъ потребности въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ она существуетъ, а всегда только въ тѣхъ, въ которыхъ этого желаетъ начальство. Чиновники говорили: «нынѣ приказано быть голоду», или, что же: «нынѣ голодъ раз-

рѣшенъ».—И тогда писались бумаги и требовалась помощь, но всегда только до тѣхъ поръ, пока начальство не наморщится и не скажетъ: «это слишкомъ».—А разъ сказано «слишкомъ»,—то будь голодъ разголодъ все окажется благополучнымъ. Такъ было и теперь: голодъ поставленъ былъ бюрократіею въ желательныя... мѣрки. Мѣрки эти не соотвѣтствовали дѣйствительности; народъ къ этому привыкъ и поступалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступалъ всегда. Онъ голодалъ не такъ, какъ голодаютъ въ цивилизованномъ мірѣ: тамъ голодаютъ пассивно, а онъ голодалъ активно. Дома нѣтъ хлѣба, мужчины, женщины и дѣти разсыпаются по окрестностямъ, нищенствуя и отыскивая работу. Они шли до тѣхъ поръ, пока или работу находили, или сваливались гдѣ-нибудь отъ болѣзни и умирали. Въ центрахъ промышленности они являлись массами и производили такую давку и конкуренцію, что вызывали безпорядки и драки между пришлыми и мѣстными рабочими въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ такихъ же размѣрахъ они заболѣвали заразительными болѣзнями, тифомъ и холерой. Тогда и образованное общество приходило въ волненіе, требовало мѣръ, и администрація вынуждена была принимать мѣры; первую мѣру составляло то, что пришлыхъ рабочихъ опять высылали на родину. Такимъ образомъ холера, тифъ, оспа и всѣ заразительныя болѣзни разносились голоднымъ народомъ по всей Россіи.

Самую типическую черту этого времени составляло то, что въ мѣстахъ забытыхъ, составлявшихъ большую часть голодавшей Россіи, никакихъ безпорядковъ не было; чиновники тамъ по обыкновенію сѣкли мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, отдавая ихъ въ крѣпостную работу для уплаты недоимокъ, накопившихся на ихъ мужьяхъ и отцахъ. Безпорядковъ не происходило и тамъ, гдѣ народу помогали и гдѣ его лѣчили частныя лица, никогда не обращавшіяся за помощью къ чиновникамъ, а всегда къ самимъ крестьянамъ, которые сами выполняли гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ всѣ санитарныя мѣры. Всѣ безпорядки происходили въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя было обращено вниманіе правительства, и въ особенности тамъ, гдѣ чиновники усердствовали по части санитарныхъ мѣръ. Русскіе врачи пріобрѣли даже нѣкоторую извѣстность тою энергіею, съ которою они проводили санитарныя мѣры, но при этомъ администрація дѣйствовала съ такой безцеремонностью, что и представить себѣ нельзя такого смирнаго народа, который бы при этомъ не взбунтовался; напр., изъ города высылаютъ пришлыхъ рабочихъ, потому что они занесли холеру, ихъ сажаютъ на пароходъ и перевозятъ въ другой городъ, но туда ихъ не пускаютъ, чтобы они не занесли

холеру, и они оставляются безъ крова и пищи на произволъ судьбы. Больные и здоровые хворали и умирали, выброшенные на берегъ, пока жители города не одолѣли своего страха передъ холерою и не стали подходить къ больнымъ съ длинными палками, на которыхъ подавали хлѣбъ способнымъ еще ходить. Берегъ былъ похожъ на поле сраженія, гдѣ днемъ и ночью раздавались раздирающіе душу вопли страждующихъ. Такими причинами порождены были бунты въ Баку, Астрахани и другихъ мѣстахъ. Противъ жестокаго медицинскаго персонала и административныхъ лицъ крестьяне бунтовали такъ же, какъ они когда то бунтовали противъ жестокихъ помѣщиковъ, и ихъ сѣкли съ невѣроятной свирѣпостью, женщинъ искалѣчивали на всю жизнь подъ розгами. Ужасно было видѣть толпы этихъ полуживыхъ людей, когда ихъ послѣ экзекуціи отправляли въ острогъ.

Русскіе подъ Данцигомъ.

(Изъ дневниковъ кн. Д. М. Волконскаго).

Это было сто лѣтъ назадъ. Происходила первая великая европейская война. Только роли были распредѣлены по иному.

Въ «нѣмецкомъ» городѣ Данцигѣ находился французскій гарнизонъ подъ начальствомъ ген. Раппа, а русскія войска, въ союзѣ съ пруссаками, бились за независимость Германіи и осаждали городъ, превращенный Наполеономъ за пятилѣтнее владычество въ первоклассную крѣпость.

Осада началась 22 января 1813 г. и продолжалась ровно 11 мѣсяцевъ. Русскими сухопутными войсками, блокировавшими Данцигъ, начальствовалъ герц. Александръ Виртембергскій; главную силу ихъ составляли ополченія (Калужское, Тульское, Ярославское, Новгородское и Петербургское), т.-е. войска уже второразрядныя. Осада Данцига въ борьбѣ Европы противъ «узурпатора»—лишь небольшой эпизодъ, не имѣвшій существеннаго значенія въ общихъ стратегическихъ дѣйствіяхъ союзной коалиціи. Историки сравнительно бѣгло касаются перепитій, связанныхъ съ осадой, и въ частности характернаго инцидента, имѣвшаго мѣсто при капитуляціи ген. Раппа: Александръ I не призналъ условій капитуляціи, взаимно подписанныхъ герцогомъ Виртембергскимъ и ген. Раппомъ. Этому любопытному, какъ увидимъ дальше, инциденту и посвящается довольно много страницъ въ находящихся въ нашемъ распоряженіи дневникахъ ген.-лейтенанта кн. Димитрія Михайловича Волконскаго, одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ во время блокады—онъ командовалъ тульскимъ ополченіемъ и былъ какъ бы замѣстителемъ герц. Виртембергскаго. Въ 1814 г. осада Данцига была уже описана довольно правдиво другимъ участникомъ блокады—лейтенантомъ бар. В. И. Штейнгелемъ (извѣстный декабристъ) въ книгѣ «Записки касательно составленія и самаго похода санктпетербургскаго ополченія противъ враговъ отечества въ 1812 и 1813 годахъ». Веденные въ то же время дневники кн. Д. М. Волконскаго пролежали подъ спудомъ сто лѣтъ, но,

быть можетъ, зато теперь изъ этихъ каждодневныхъ записей современника мы можемъ извлечь небезынтересные бытовые черты и факты закулисной исторіи, дополняющіе повѣствованіе Штейнгеля и мѣстами существенно измѣняющіе картину, которую обычно рисуютъ наши военные историки.

О личности автора дневника мы здѣсь не будемъ говорить. Намъ представится еще случай вернуться къ нему по поводу другихъ частей дневника, съ которымъ мы хотимъ познакомить читателей «Голоса Минувшаго». Осада Данцига—эпизодъ въ служебной карьерѣ кн. Д. М. Волконскаго; въ предѣлахъ этого эпизода мы и ограничиваемъ пока изложеніе.

Минулъ «славный годъ», когда русскія войска, по выраженію приказа Александра I, даннаго въ дополненіе къ манифестамъ 12 декабря, «разили и карали» «дерзнувшаго вступить въ отечество» наше «лютаго и сильнаго врага». Въ эту годину Волконскій не былъ дѣйствующимъ лицомъ. Прикомандированный затѣмъ къ главному штабу Кутузова, 4 іюля 1813 г. Волконскій былъ назначенъ командиромъ тульскаго ополченія и такимъ образомъ попалъ «на бивуакъ при блокадѣ г. Данцига» уже въ серединѣ осады, когда начинались новыя военныя дѣйствія послѣ заключеннаго перемирія. Его предшественникомъ былъ ген.-маіоръ Миллеръ, въ свое время избранный на эту должность тульскимъ дворянствомъ. Исторія устраненія Миллера служитъ хорошей прелюдіей къ повѣствованію кн. Волконскаго объ осадѣ русскими Данцига. Мы воспользуемся здѣсь для разсказа любопытными офиціальными документами, опубликованными В. И. Черпятовымъ еще въ 1910 г. въ пятомъ томѣ исторіи «Дворянскаго сословія Тульской губерніи» (Матеріалы по ополченію 1812 г.)

Современные отечественной войнѣ манифесты, а впослѣдствіи офиціальныя и офиціозныя реляціи объ этой войнѣ, вплоть до аналогичныхъ повѣствованій въ недавній ея столѣтній юбилей, не скупились на краски для изображенія патріотическихъ подвиговъ и жертвъ, добровольно принесенныхъ благороднымъ сословіемъ на алтарь отечества въ тяжелую годину. Но для безпристрастнаго ока едва ли могутъ быть какія-либо сомнѣнія теперь, что жертвы эти вовсе не были, съ одной стороны, всегда добровольными (для выполненія принятыхъ дворянскими обществами обязательствъ приходилось употреблять довольно реальныя средства побужденія), съ другой—они были подчасъ далеко и небезкорыстными. Сентиментальный флеръ оказался, какъ это почти всегда бываетъ, въ коллизіи съ прозаической дѣйствительностью. Въ частности такъ приходится сказать именно про дворянскія ополченія. Вся тяжесть послѣднихъ легла, конечно,

на крѣпостную массу; значительная часть помѣщиковъ воспользовалась ополченіями, чтобы сбыть худшій, съ точки зрѣнія хозяйственной, элементъ деревни; довольно плохо снабдила ополченцевъ нужнымъ снаряженіемъ и одеждой и не безъ выгоды для себя ликвидировала затѣмъ ополченія путемъ зачетныхъ квитанцій на рекрутовъ[1]). Тульское ополченіе не представляло въ этомъ случаѣ исключенія, какъ явствуетъ изъ многочисленныхъ рапортовъ начальника ополченія ген. Миллера, его преемника кн. Волконскаго и ихъ начальника герц. Виртембергскаго. Послѣдній доноситъ Александру I 26 іюля 1813 г.: «Полки Тульскаго, Калужскаго и Ярославскаго ополченія не имѣютъ *никакого* обоза; имъ хотя назначено было въ каждую сотню по одной повозкѣ и по парѣ лошадей, но оныя отъ губерній *не отпущены*. Артельные котлы имѣютъ(ся) желѣзныя, данныя отъ губерній, изъ коихъ большая часть прогорѣла и ко *употребленію негодна*» («даже и вредны здоровью»—добавляетъ въ своемъ рапортѣ кн. Волконскій), лошади «*не соотвѣтственны*» и конская амуниція *неисправна*»... «Ружья большей частью весьма худы, требуютъ много поправленія и починокъ; суммы же на сіе «никакой не отпущено и слесарей нѣтъ»—рапортуетъ также царю кн. Волконскій. А раньше аналогичныя свѣдѣнія сообщалъ главнокомандующему арміями Кутузову ген. Миллеръ. Такъ, напр., выясняется, что состоящій въ тульскомъ ополченіи егерскій полкъ «по скорости набора имѣетъ въ себѣ большее число такихъ воиновъ, кои за старостію и болѣзнями едва могутъ сносить казачью пѣшую службу, а Егерской никакъ не въ состояніи».

Во время похода всѣ тѣ дефекты, которые были при организиціи ополченія, естественно обострились. Плохо одѣтые, плохо содержимые въ необычайно суровую зиму, какой была въ Россіи зима 1812 года, ополченцы повально болѣли и тысячами выбывали изъ строя, особенно весной, когда начались эпидемическія заболѣванія вслѣдствіе невозможныхъ гигіеническихъ условій; тульское ополченіе не имѣло «ни лѣкаря, ни фельдшеровъ». Упомянутый выше егерскій полкъ,—доноситъ Миллеръ,—«отъ похода въ зимнее время и отъ болѣзней, свирѣпствовавшихъ въ Витебскѣ, гдѣ онъ долгое время квартировалъ, *знатно умалился*, не столько смертными случаями, сколько оставленіемъ людей по лазаретамъ» (потеря въ людяхъ была наполовину). При такихъ условіяхъ начальникъ ополченія долженъ былъ чувствовать себя иногда въ трагическомъ положеніи, не имѣвшемъ выхода, такъ какъ жалобы его тонули въ бюрократическомъ канце-

[1]) См. ст. А. К. Кабанова: «Ополченія 1812 года» въ юбилейномъ изданіи «Отечественная война и русское общество», т. V.

ляризмѣ военнаго вѣдомства. Вотъ характерная иллюстрація, находящаяся въ тѣхъ же матеріалахъ.

«Тульское благородное сословіе для изъявленія вящей ревности и любви къ отечеству», между прочимъ, сформировало конно-артиллерійскую роту. Состояніе ея было крайне печально къ веснѣ, когда она вступила въ походъ «за границу Имперіи». Дѣло въ томъ, что «губернія», удовлетворивъ ополченіе трехмѣсячнымъ содержаніемъ, «не находила себя въ состояніи доставлять дальнѣйшее ей продовольствіе».Тогда комитетъ министровъ постановилъ принять содержаніе всего ополченія на счетъ военнаго департамента. Таково было постановленіе. «Въ то же самое время—доносилъ Миллеръ Кутузову 29 мая изъ Ковно—ополченіе двинулось въ походъ, не получа отъ губерніи уже никакихъ пособій и никакой экстраординарной суммы. Конно-артиллерійская рота ... по скорости образованія, получила старыхъ лошадей, ненадежное вооруженіе и худыя сѣдла, которыхъ и въ началѣ состоящаго числа *налицо не было*». Пополнить и исправить всѣ сіи предметы не нахожу я никакихъ средствъ, по неимѣнію на то *ни одного рубля денегъ*». На границѣ конно-артиллерійская рота (какъ и все ополченіе) оказалась въ критическомъ положеніи: она потеряла половину людей и лошадей «по свирѣпствовавшимъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ болѣзнямъ», осталась безъ офицеровъ, не получала продовольствія и фуража... Миллеръ, основываясь на постановленіи комитета министровъ, проходя черезъ Вильно, просилъ главнаго инспектора всей артиллеріи, бар. Меллера-Закомельскаго, удовлетворить нужды, «безъ чего не можетъ она (т.-е. рота) никакъ продолжать служенія своего, съ каковою либо пользою». Меллеръ-Закомельскій на просьбу отвѣтилъ формально: рота не входитъ въ составъ командуемой имъ артиллеріи, и о постановленіи комитета министровъ онъ «ни откуда никакого свѣдѣнія не имѣетъ». Миллеру остается рапортовать только Кутузову, что «не имѣя въ рукахъ никакихъ... средствъ и не получая оныхъ ни откуда», онъ не имѣетъ возможности содержать свое ополченіе «въ должномъ и соотвѣтственномъ порядкѣ». Приходится удивляться, какъ могъ только ген. Миллеръ при столь «многихъ затрудненіяхъ, проходя разореннымъ мѣстомъ, въ коихъ свирѣпствовали сильные болѣзни», продовольствовать людей и «сохранять по возможности порядокъ» (изъ рапорта кн. Волконскаго Александру I). Ген. Миллеръ слалъ рапортъ за рапортомъ Кутузову, объясняя, что «губерніи»... при формированіи ополченія «имѣли въ виду одну только настоящую и нестерпящую временно нужду вооружить..., не предполагая, что стеченія обстоятельствъ и ходъ

военныхъ дѣлъ» двинутъ его за границу Имперіи. Въ этомъ отношеніи Миллеръ былъ совершенно правъ, такъ какъ въ манифестѣ объ ополченіяхъ совершенно опредѣленно говорилось, что послѣднія будутъ, какъ бы «второй оградой» для защиты «домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ».

Понятіе защиты далѣе расширилось, и оборонительная война превратилась въ наступательную. Едва ли однако реальные интересы Россіи ея требовали. Извѣстно, что Кутузовъ не сочувствовалъ кампаніи 1813 г.—кампаніи уже за предѣлами отечества; онъ зналъ, въ какомъ изнуренномъ состояніи находятся русскія боевыя силы; кромѣ того, по политическимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ сохраненіе власти за Наполеономъ, какъ разъ въ противовѣсъ Пруссіи и Австріи, въ содружествѣ съ которыми или вѣрнѣе въ интересахъ которыхъ развивалась русская внѣшняя политика. Но все-таки странно, что Кутузовъ не давалъ движенія рапортамъ ген. Миллера. И только при преемникѣ Кутузова, Барклаѣ-де Толли, сразу цѣлыхъ «десять бумагъ» ген. Миллера были препровождены Александру I. Канцелярская волокита тѣмъ не менѣе не подвинулась впередъ. Впрочемъ, результатъ одинъ былъ: Миллеръ былъ отставленъ отъ командованія ополченіемъ и на мѣсто его въ маѣ назначенъ кн. Волконскій 3-ій, т.-е. тотъ самый Волконскій, дневники котораго находятся въ нашемъ распоряженіи. Формальнымъ поводомъ отставки Миллера послужило то обстоятельство, что Миллеръ, получивъ троекратное предписаніе «сколь можно скорѣе выступить изъ мѣстъ послѣдняго его расположенія и слѣдовать въ составъ блокаднаго корпуса» герц. Виртембергскаго подъ Данцигомъ, не выполнилъ этого предписанія. Было ли тому причиной негодное состояніе, въ которомъ находилось тульское ополченіе, или что-либо другое, трудно сказать, потому что всѣ бумаги ген. Миллера, его дневникъ, который могъ бы пролить много свѣта на тѣневую сторону кампаніи 1812—13 г.г., погибъ при пожарѣ въ родовомъ миллеровскомъ имѣніи. Въ рапортѣ 31 мая начальнику главнаго штаба, кн. П. М. Волконскому, Миллеръ заявлялъ, что изъ «троекратныхъ повелѣній» онъ не получилъ «ни одного»... Авторъ нашего дневника, принявъ новое назначеніе, какъ мы уже знаемъ, въ рапортѣ государю подтвердилъ все то, что констатировалъ много разъ его предшественникъ. Голосъ кн. Волконскаго былъ услышанъ (вѣроятно, здѣсь сыграла свою роль протекція: Д. М. Волконскій приходился кузеномъ П. М. Волконскому, начальнику главнаго штаба и личному другу государя). Было предписано принять соотвѣтствующія мѣры...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Осада Данцига въ полномъ разгарѣ. Кн. Д. М. Волконскій изо-дня въ день записываетъ факты и свои наблюденія. Не богаты они. Впрочемъ, какое же разнообразіе можетъ быть во время осады. Но одинъ мотивъ красной нитью проходитъ черезъ всѣ записи: это уже извѣстный намъ мотивъ изъ «10 бумагъ» ген. Миллера. 2 сентября кн. Волконскій записываетъ: «недостатокъ въ подводахъ до того, что продовольствія люди не имѣютъ. Герцогъ безпорядкомъ своимъ спуталъ всѣхъ, а пруссаки только что обманываютъ». Черезъ мѣсяцъ, 5-го октября, почти аналогичная запись: «Безпорядокъ въ продовольствіи до того увеличивается, что опасно, чтобы люди и лошади не терпѣли скоро голода. Герцогъ запуталъ всѣхъ своимъ безпорядочнымъ командованіемъ». Проходятъ еще два мѣсяца, положеніе не измѣняется. 1-го декабря Волконскій записываетъ: «Наши терпятъ во всемъ недостатокъ, а паче ополченія. Ко мнѣ прислали изъ виленской комиссіи часть сапоговъ, портупей, сумъ и подкладочнаго холста, а самонужнѣйшее, сукно и рубахи, не прислано, а люди полунагіе; жалко видѣть, а снѣгъ выпалъ, и морозы начинаются». Черезъ двѣ недѣли (14 декабря) уже болѣе грозная запись: «люди терпятъ голодъ, а лошади отъ безкормицы умираютъ». Такую же картину въ ноябрѣ даетъ и бар. Штейнгель въ своей книгѣ: «пусть представятъ себѣ ихъ (т.-е. ополченцевъ), живущихъ въ земляныхъ бивакахъ, нерѣдко отъ дождя заливаемыхъ водою, неимѣющихъ другого прикрытія отъ холоду, кромѣ изорваннаго армяка; почти безъ рубашекъ, безъ обуви; всякую ночь стоящихъ въ колоннахъ или траншеяхъ по колѣно въ водѣ; всегда въ ружьѣ и въ ежечасной готовности къ смерти—и сверхъ того иногда по необходимости одинъ или двое сутки безъ пищи» (II, 121). И другіе участники кампаніи въ такихъ же мрачныхъ краскахъ рисуютъ положеніе дѣлъ. Нѣкто Кузнецовъ получаетъ отъ своего пріятеля, предусмотрительно неподписавшагося, письмо, помѣченное Данцигомъ 25 октября: «газеты и никто тебѣ сего не скажетъ,—пишетъ корреспондентъ,—да признаюсь и я былъ скроменъ еще въ описаніи. Много со мною отказались бы отъ славы входить въ городъ побѣдителями. Дорого покупается честолюбіе міра сего!!»... По высочайшей волѣ письмо это было сожжено, равно какъ и другое аналогичное письмо Штейнгеля [1]).

Герцогъ, назначенный начальникомъ блокаднаго корпуса 11 апрѣля и своимъ «безпорядочнымъ командованіемъ» путающій «всѣхъ», 26 іюля, какъ мы говорили, подтвердилъ рапортъ Вол-

[1]) От. Публ. библ. 1888 г. 176.

конскаго о плохомъ состояніи ополченія. Но герцогъ все-таки стоически относился къ невзгодамъ ополченцевъ. Такъ бар. Штейнгель повѣствуетъ, что «Его Королевское высочество, особенно благоволя къ ополченію и дабы ободрить оное, приказалъ сенатору Бибикову, чтобы наравнѣ съ армейскими полками, ополченія давали поочередно караулъ въ главной квартирѣ. И когда инспекторъ ополченій представлялъ на сіе Его Высочеству, что воины дурно одѣты и весьма оборваны даже, то герцогъ изволилъ отвѣчать словами Собѣсскаго: Какая нужда до того, какъ одѣты тѣ, кои спасаютъ Европу» (II,84)... Но когда наступили морозы, на тѣхъ, кто спасалъ Европу, почесть стоять на караулѣ въ главной квартирѣ, при отсутствіи рубахъ и сапогъ, сказывалась весьма ощутительно. Русскому мужику эпохи 1812—13 гг. были совершенно безразличны тѣ похвалы, которыя воздали потомъ современные поэты величію русскаго духа. Поэты, въ приподнятыхъ тонахъ изображая осаду Данцига:

«Здѣсь клубомъ смрадный дымъ несется,
Тамъ громомъ вся земля трясется,
Весь градъ, какъ Этна, клокоталъ
И адъ собой изображалъ.

утѣшали храброе русское воинство:

«Врагъ падетъ—и храбрыхъ сонмъ,
Свѣжимъ лавромъ увѣнчанный
Съ торжествующимъ челомъ,
Возвратится въ край желанный,
Въ милый край страны родной».

Воинство только и думало о томъ, какъ бы скорѣе возвратиться изъ «ада», куда ввергнуто было во имя спасенія Европы, въ «милый край страны родной». Поэтому первые слухи о мирѣ «всѣ праздну̀ютъ», какъ «побѣду», по словамъ Волконскаго. «Ниспошли, Господи, миръ!—вотъ единственная всѣхъ насъ молитва»—замѣчаетъ Штейнгель въ письмѣ къ Мошкову 22 октября.

Для самого герцога осада Данцига отнюдь не было «адомъ»; это скорѣе пикникъ. Жизнь командующаго состава во время блокады, въ изображеніи кн. Волконскаго, представляетъ рѣзкій контрастъ съ тѣми страницами въ дневникѣ, которыя посвящены голоду и нищетѣ арміи. Для послѣдней недостаетъ «самонужнѣйшаго»: и подводъ нѣтъ, и пруссаки ничего не доставляютъ. Зато обиходъ герцога ни въ чемъ не испытываетъ нужды. Каждую недѣлю, а то и чаще, при главной квартирѣ у него балы, вечера, ужины и маскарады. 5 октября: «былъ я на балѣ у герцога»—записываетъ Волконскій; 8-го—вечеръ, «были дамы и мы играли въ разныя игры»; 14-го—«былъ на балѣ у герцога». 30-го—«вечеромъ былъ у герцога балъ»...

Для герцога всего важнѣе внѣшность. Ему, всѣхъ путающему своимъ безпорядочнымъ командованіемъ, «очень хочется», чтобы ополченія *избрали* его своимъ начальникомъ, хотя бы для проформы: ибо начальники ополченій избираются («яко бы избираются»—добавляетъ въ своемъ официальномъ оправданіи ген. Миллеръ)— это привилегія дворянскаго сословія, формирующаго на «свой коштъ» изъ своихъ крѣпостныхъ ополченія. Комедія выбора продѣлывается. Герцогъ говоритъ камергеру Жеребцову (масону, начальствовавшему новгородскимъ ополченіемъ) о желаніи быть избраннымъ начальникомъ всѣхъ ополченій, «и чтобы о семъ его просили письмомъ». «Написалъ я—говоритъ Волконскій 2 октября—письмо къ Государю, коимъ просятъ ополченія герцога себѣ въ главнокомандующіе, сего ему очень хочется». «Поутру (7-го) подалъ я Герцогу прошеніе Государю, подписанное всѣми пятью начальниками ополченій, чѣмъ онъ былъ безмѣрно обрадованъ». На слѣдующій день по этому случаю и дается вечеръ съ «дамами»...

Такъ изо-дня въ день идетъ блокада Данцига: дневная канонада смѣняется вечерними балами. Крѣпость держится уже девять мѣсяцевъ. Но вотъ 23 октября «привели дезертировавшаго французскаго офицера, который увѣрялъ, что... гарнизонъ въ самомъ худомъ положеніи и что сгорѣли у нихъ магазины и Раппъ встрѣвоженъ, а гарнизонъ весь не болѣе 8000 и уже желаютъ сдаться».

На основаніи этихъ данныхъ 25-го «посланъ былъ парламентеръ съ письмомъ, котораго послѣ многихъ затрудненій приняли, взяли отъ него письмо, и 26 прислалъ Раппъ отвѣтъ, въ которомъ очень учтиво отвѣчаетъ и пишетъ, что успѣхи оружія зависятъ отъ счастія и перемѣнчивы, проситъ увѣдомленія, и повидимому, есть наклонность сдать городъ Данцигъ».

29. «Вечеромъ былъ я у герцога. Онъ читалъ мнѣ свое письмо къ Раппу, коимъ предлагаетъ сдачу, и пишетъ... будто государь приказываетъ его и офицеровъ всѣхъ послать въ пензенскую и оренбургскую губернію, а людей въ Томскъ, если при сдачѣ у него будетъ менѣе 25 дней продовольствія. Весьма странное его письмо, и даже явно лживое кажется, не рѣшитъ Раппъ сдать Данцигъ. Желательно знать, что будутъ отвѣчать ему».

30-го. «Ужиналъ я у герцога. Онъ вечеромъ получилъ отвѣтъ отъ генерала Раппа, что... до сдачи Данцига еще не время... теперь же желаетъ отправить курьера къ Наполеону и, если о семъ нужно условиться, то онъ пришлетъ генерала въ Лангфуръ[1]) о семъ переговорить; увѣряетъ при томъ, данцигскій гарнизонъ никакого постыднаго предложенія о сдачѣ не приметъ.

[1]) Укрѣпленное предмѣстье Данцига.

Между тѣмъ они выбрали самыхъ твердыхъ и отчаянныхъ людей и составили команду до 300 человѣкъ, назвали ихъ les invulnerables или infernales, на нихъ шапки, похожія на нашихъ, и съ ними бросаются каждую ночь... по слухамъ собираются въ Оливу герцога захватить. Однако же ихъ вездѣ отбиваютъ... Герцогъ писалъ къ Раппу и предлагалъ ему прислать генерала для переговоровъ, какъ уже и онъ просилъ, подъ предлогомъ будто для отправленія курьера къ Наполеону».

Герцогу «очень хотѣлось», чтобы Данцигскій гарнизонъ положилъ оружіе. И жизнерадостный герцогъ чувствовалъ, что дальнѣйшая осада съ каждымъ днемъ становится невозможной въ силу плохихъ условій, въ которыхъ находились русскія войска. Но и генералъ Раппъ дѣлалъ только видъ, что у него все благополучно: въ дѣйствительности гарнизонъ дошелъ до полнаго истощенія [1]). Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ т.-е. черезъ мѣсяцъ послѣ перемирія, когда Данцигъ былъ вновь снабженъ провіантомъ, по разсказамъ бар. Штейнгеля, гарнизонъ питался только «лошадиною, и то по большей части вяленою». Обыватели же «питались кошками и даже мышами». Штейнгель рисуетъ такую картину: Раппъ для уменьшенія числа жителей выслалъ 400 бѣднѣйшихъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, но, по строжайшему запрещенію, сдѣланному предварительно отъ герцога, ихъ къ намъ не приняли,— и сіи несчастные принуждены были оставаться между двумя цѣпями, подъ открытымъ небомъ и подъ выстрѣлами, не только пушечными, но и ружейными: безъ крова и пищи, въ ожиданіи ежеминутной смерти отъ сражающихся или отъ голода; они питались единственно кореньями» [2]). «Многіе вскорѣ умерли»— меланхолически замѣчаетъ повѣствователь и прибавляетъ какъ бы въ свое оправданіе: «законъ военный повелѣваетъ быть чувствительну токмо къ точному исполненію приказаній начальника, чтобы тогда не говорилъ сердцу законъ человѣчества»... Въ ноябрѣ провіанта стало еще меньше. «Двѣ женщины—разсказываетъ Штейнгель—обличены были въ торговлѣ человѣческимъ мясомъ, такъ что самъ ген. Раппъ, ужаснувшись сего, приказалъ ихъ разстрѣлять. Соли вовсе не было: ее вываривали даже изъ бревенъ и досокъ разрушеннаго соляного амбара и продавали по 5 и по 6 франковъ фунтъ, что составляетъ на наши деньги 5 руб. ассигнаціями» (Ib. 128) [3]).

---

[1]) Ген. Богдановичъ въ своей исторіи царствованія Александра I повѣрилъ сообщенію «Монитера» 26 января 1813 г., т-.е. вначалѣ осады, что Данцигъ снабженъ провіантомъ на 2 года. (Т. IV, стр. 332).

[2]) Штейнгель I, 120.

[3]) По исчисленію военныхъ историковъ ко времени сдачи изъ 60000 жителей Данцига осталось всего 13000. *Михайловскій-Данилевскій.* Собраніе сочиненій т. VI. Описаніе войны 1813 г. стр. 389.

Совершенно естественно, что при такихъ условіяхъ переговоры должны были быстро наладиться.

2 ноября—записываетъ Волконскій—«пріѣхали ген. Гюделэ и полк. Ришемонъ, переговаривали съ Вильяминовымъ, но герцогъ, сидя въ другой комнатѣ, не утерпѣлъ и самъ взошелъ и съ ними говорилъ. Предлагалъ рѣшительно о сдачѣ города».

«Въ ночь на 5-ое число непріятель аттаковалъ нашу батарею въ Лангфурѣ и съ лѣстницами бросились, имѣя въ резервѣ колонну. НоБогъ помогъ, отбили и на батареи нѣсколькихъ закололи, которые успѣли вскочить. Канонада съ траншей началась и безпрестанно у насъ вездѣ продолжается...

6 и 7 въ ночь наши тревожили непріятеля изъ Лангфура и подходили къ ихъ батареямъ, но нашли ихъ во всей осторожности.

«9-го. Переговоры нѣсколько уже прекратились, а слышно, что Раппъ ломаетъ стволы ружей въ арсеналѣ. Говорятъ также, будто подводитъ мины и хочетъ взорвать части данцигскихъ укрѣпленій въ Вестерминдѣ.—Канонада жестокая продолжается изъ пятипудовыхъ мортиръ, а ядеръ даже свистъ слышенъ отъ меня, такъ близко батареи.

13-го поутру были присланы отъ Раппа ген. Гюделэ и полк. Ришемонъ. Въ ними герцогъ долго говорилъ въ Лангфурѣ и предлагалъ сдать крѣпость 12 декабря [1]) съ позволеніемъ имъ вывести 600 человѣкъ вооруженныхъ и 2 пушки, прочимъ возвратиться и не служить всю войну, требовалъ залогу Вестермандъ и Вестроплотъ, но они предлагали сдаться 1 генваря и дать цыганисбергскіе редуты, пока продолжится перемиріе. Для насъ же нужно имѣть Вестроплотъ, дабы датчане не могли прислать къ нимъ продовольствіе. Увѣдомились мы, что Штетинъ сдался военноплѣнными.

«15-го опять пріѣхали комиссары изъ Данцига... и долго толковали о сдачѣ крѣпости...

«16-го. Ѣздили и наши комиссары... но ничего рѣшительнаго не сдѣлали, они сильно противятся въ капитуляціи помѣстить, что изъ уваженія къ Государю нашему сдаются къ его рожденію къ 12 декабря и еще многія дѣлаютъ затрудненія въ словахъ быть плѣнными, и потому герцогъ, просмотря ихъ предложеніе, посылаетъ къ нимъ завтра опять для переговоровъ»....

«17-го привезли отъ Раппа подписанную капитуляцію его полномочными, а наши перемѣнили нѣкоторыя слова, главные же пункты остались прежніе. Герцогъ былъ очень доволенъ

---

[1]) День рожденія Александра I.

и 18 поутру подписалъ самъ капитуляцію и послалъ къ Раппу, онъ также скрѣпилъ и прислалъ. Поутру наши войска заняли Фарвассеръ и Вестроплотъ, Кругшанецъ и Цыгансбергскіе редуты съ нѣсколькими пушками. Извѣстіе о сдачѣ Данцига всѣхъ чрезвычайно обрадовало, а особенно бѣдныхъ жителей...

«20-го была пальба въ Данцигѣ для коронаціи Наполеона, о чемъ насъ увѣдомили. Былъ также балъ у Герцога»...

Разсказъ кн. Д. М. Волконскаго о предварительной выработкѣ капитуляціи Данцига вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ бар. Штейнгеля. Положеніе обѣихъ сторонъ было таково, что обѣ вынуждены были къ «нѣкоторымъ отступленіямъ отъ своихъ настояній». Для современниковъ картина дѣла ясна и только черезъ много лѣтъ уже подъ перомъ историковъ, она видоизмѣняется. Такъ въ «Русскомъ біографическомъ Словарѣ» въ разсказѣ объ Александрѣ Виртембергскомъ говорится, что «герцогъ полагалъ уже сдѣлать рѣшительный приступъ, какъ *вдругъ* Раппъ, 17 ноября, началъ переговоры о сдачѣ города». Дѣло было, какъ мы видѣли, совсѣмъ по иному.

Капитуляція подписана. Всѣ счастливы, балы учащаются, а Его Королевское Высочество, по великодушію, 20 ноября посылаетъ даже Раппу 40 быковъ, чтобы тотъ «могъ подкрѣпить тощій желудокъ своихъ французовъ, торжествующихъ день вѣнчанія упитаннаго кровью своего властелина». Но общая радость омрачена. Въ дневникѣ Волконскаго записано:

«24-го. Присланъ былъ курьеръ отъ Государя къ герцогу и съ нимъ предписываютъ, чтобы въ случаѣ капитуляціи не позволять данцигскому гарнизону иного договора, какъ плѣнными въ Россію, но герцогъ писалъ, что капитуляція уже заключена, и сего перемѣнить нельзя...

26-го. Герцогъ мнѣ читалъ свой отвѣтъ касательно капитуляціи въ отвѣтъ, чтобы не соглашаться инако, какъ взять весь данцигскій гарнизонъ военноплѣнными и чтобы отослать въ Россію. Съ симъ посланъ ген.-маіоръ Турчаниновъ для объясненія недостатковъ для осады и всѣхъ причинъ»...

Всѣ «нетерпѣливо ожидаютъ» отвѣта. Пріѣзжаетъ для переговоровъ Раппъ, выступаютъ изъ Данцига со знаменами и барабаннымъ боемъ бывшіе тамъ отряды баварцевъ (300 челов.), саксонцевъ и виртембержцевъ (400 челов.), перешедшихъ теперь на сторону коаліціи, между офицерами идутъ дуэли, у герцога по вечерамъ балы. И вдругъ 2-го декабря неожиданное рѣшеніе императора—капитуляція не утверждается. «Никакое уваженіе,—писалъ Александръ герцогу—не можетъ побудить меня отступить отъ принятыхъ мною правилъ. Вновь объявляю Вашему

Королевскому Высочеству Мою непремѣнную волю: не заключать съ Данцигскимъ гарнизономъ иной капитуляціи, кромѣ той, чтобы онъ сдался военноплѣнными. Не утверждаю условій, составленныхъ на другихъ основаніяхъ. Если, какъ вы доносите, осеннее время заставитъ снять осаду и блокировать крѣпость, то на отвѣтственности вашей и вашего корпуса будетъ лежать потеря каждаго орудія. Касательно намѣренія Раппа взорвать укрѣпленія, объявите ему, что, если онъ на сіе отважится, то ко взятію города съ нимъ не вступятъ ни въ какое соглашеніе: *онъ и гарнизонъ будутъ переколоты*» [1]).

Подписывая капитуляцію и настаивая на произведеніи ея 12 декабря «въ день толико вожделѣнный для сердецъ Россіянъ» хотѣли «повергнуть къ священнымъ стопамъ Его (императора) гордый Данцигъ» и тѣмъ заслужить благоволеніе. Вмѣсто того «Данцигскій Герой» получилъ довольно строгое внушеніе. Герцогъ собралъ совѣтъ. «Мы разсуждали о семъ—записываетъ Волконскій—и положили мнѣніе (т.-е. остались при старомъ мнѣніи), описавъ зимнее время, невозможность продолжать осадныя работы..., недостатокъ войскъ и наготу ополченія и прочія причины. Рѣшились ожидать отвѣта на сіе и не прежде рушить капитуляцію, какъ по выходѣ гарнизона изъ крѣпости, если настоятельно сіе приказано будетъ» [2]).

«6-го. Адъютантъ (герцога) Бетхеръ возвратился. Съ нимъ Государь пишетъ къ герцогу, что не можетъ онъ ратифировать капитуляціи, потому что позволено французамъ возвратиться во Францію:.. не должно давать способа усиливать и формировать войска Наполеону... Если Раппъ не согласится, то оставить за собой укрѣпленія къ морю [3]). Герцогъ очень симъ встревоженъ, показывая мнѣ письмо государево, и рѣшился завтра созвать совѣтъ о семъ»... «Однако же былъ балъ, и мы всѣ танцовали»—добавляетъ авторъ дневника.

7-го. «Поутру Герцогъ созвалъ совѣтъ военный. Написали мнѣніе въ подтвержденіе прежняго и рѣшились, по настоятельному повелѣнію Государя, прервать капитуляцію насколь можно позднѣе, дабы, взявъ уже Вейхсельмюндъ и Гольмъ (укрѣпленный островъ) и, узнавъ о числѣ продовольствія въ магазинахъ онаго, 20-го числа объявить Раппу. Хотя и вѣроятно, что мы потеряемъ много, и можетъ быть онъ взорветъ укрѣпленія, но дѣлать нечего, герцогъ хотѣлъ тотчасъ послать мнѣніе Совѣта къ Государю.

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій VI, 389.

[2]) Другими словами Волконскій говоритъ, что на совѣтѣ рѣшено было обмануть Раппа.

[3]) Т.-е. укрѣпленія, взятыя въ качествѣ залога.

Прискорбно для всѣхъ, а паче народу, возобновленіе дѣйствій, герцогу же обиднѣе всѣхъ, что его условіе не исполнятъ».

И герцогъ все думалъ. Подступало 12-ое, т.-е. день церемоніи принятія ключей. Граждане Данцига прислали просить дозволенія устроить иллюминацію въ честь рожденія Александра. А Раппъ (также вопреки капитуляціи) ломалъ ружья, истреблялъ снаряды, топилъ порохъ, чтобы побѣдителямъ досталось меньше. Онъ и не предполагалъ, что условій капитуляціи, подписанныхъ обѣими сторонами, распоряженіемъ императора уже не существуетъ. А герцогъ все колебался: «принять 12-го ключи крѣпости по обстоятельствамъ непріятно, зная, что капитуляція рушится», съ другой стороны опасно, чтобы Раппъ «не узналъ» и не началъ «дѣйствія», да и не хочется отдавать взятыя въ залогъ укрѣпленія. Въ послѣдній моментъ 12-го утромъ герцогъ все же рѣшилъ прервать капитуляцію и послалъ о томъ увѣдомленіе Раппу. Итакъ Раппъ попалъ въ глупѣйшее положеніе, полагаясь на «святость капитуляціи»: онъ самъ уничтожилъ всѣ средства для дальнѣйшей борьбы. Оставалось только играть на благородство и на самолюбіи герцога. Онъ пишетъ, по словамъ Волконскаго, герцогу «письмо, въ коемъ жестоко протестуетъ на несдержаніе капитуляціи и подтверждаетъ, что онъ со своей стороны исполнитъ по ней и выйдетъ 1-го числа ихъ стиля изъ Данцига. Нашъ герцогъ писалъ къ Раппу и отослалъ назадъ письмо его, въ коемъ непристойно относится на счетъ Государя, утверждая, что капитуляція не можетъ быть прервана..... обманомъ. За ужиномъ полученъ рапортъ, что крѣпость Вексельмюндъ оставлена французами, фортъ Наполеонъ и Гольмъ — по капитуляціи; но герцогъ невелѣлъ ничего занимать... и писалъ Раппу, чтобы онъ... подписалъ, что сдается военноплѣннымъ въ Россію. Странное сіе положеніе должно рѣшиться: Раппъ старается удержать капитуляцію, а герцогъ прервать, дабы себя не подвергнуть нареканію».

13-го. «Герцогъ еще писалъ Раппу и предлагалъ прислать генерала, дабы съ нимъ объясниться, тѣмъ не менѣе французы ничего не занимаютъ, и даже часовые, воткнувъ штыкъ въ землю, стоятъ...

Странность нашего положенія тѣмъ непріятнѣе, что даже люди терпятъ голодъ, а лошади отъ безкормицы умираютъ. Подводъ нѣтъ, а продовольствіе получать далеко изъ Дершовы, до 50-ти верстъ, а распоряженія никакого не сдѣлано»...

Наконецъ, русскій военный совѣтъ «рѣшительно» объявилъ Раппу, что, если онъ не подпишетъ измѣненной капитуляціи,

то всѣ французы «лишаются собственности», и ихъ «отправлятъ въ Сибирь». Раппу ничего не оставалось дѣлать, какъ подписать условіе. Это было исполнено 17 декабря: «такимъ образомъ пресѣклись,—добавляетъ въ своемъ повѣствованіи бар. Штейнгель,—всѣ споры ко взаимному удовольствію».

«Осада Данцига,—замѣчаетъ Волконскій,—тѣмъ замѣчательна, что со временъ Петра Великаго русскіе не дѣлали формальной осады». Приходится признать, что исторія съ капитуляціей является столь же по истинѣ замѣчательной страницей въ исторіи военныхъ лѣтописей... Такъ или иначе Данцигъ сданъ.

21-го происходило торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ крѣпость, такъ описываемое въ дневникѣ:

«Въ 10 часовъ французы начали выступать[1]); имъ отдали всю военную почесть, и они положили оружіе на гласисѣ, сіе мѣсто прозывается гробница Россіянъ, потому что Минихъ былъ тутъ отбитъ отъ города, и много тутъ похоронено людей. Потомъ вступили мы въ крѣпость. При первыхъ воротахъ встрѣтилъ герцога Сенатъ или Магистратъ. Говорили рѣчь, п потомъ за Гекторовыми воротами дѣвушки говорили рѣчь [2]) и поднесли ему вѣнки; при магистратѣ поднесли ему знамя городовое, и весь народъ восклицалъ Государя нашего и показывалъ радость, повсюду окна были полны народа и улицы. Когда же войска всѣ прошли,—были мы у молебна нашего при пушечной пальбѣ.—Потомъ были въ ихъ церкви, гдѣ болѣе похоже на театръ и нимало благоговѣнія не примѣтно. Пріѣхали на квартиру герцога около 6-ти часовъ. Обѣдъ былъ большой, за обѣдомъ мальчикъ говорилъ рѣчь и вѣнокъ поднесъ. Вечеру городъ былъ освѣщенъ, и былъ театръ «Титово Милосердіе» съ прологомъ на случай нашего вступленія».

Разоренный городъ, конечно, представлялъ печальное зрѣлище: часть его «превращена въ пепелъ». Кн. Волконскій, назначенный губернаторомъ Данцига, устроилъ подписку «на содержаніе неимущихъ пропитанія, кои по улицамъ... умирали». «Жалостное положеніе» было и больныхъ—замѣчаетъ онъ: въ лазаретахъ «ѣсть нечего». Это не мѣшало баламъ и маскарадамъ, которые даетъ то городъ герцогу, то герцогъ именитымъ гражда-

---

[1]) Всѣ кавалеристы выступили пѣшкомъ, ибо лошади были всѣ съѣдены. (Всего выступило гарнизона около 15000 чел. изъ 30—37.000 бывшихъ вначалѣ) изъ нихъ 6000 поляковъ. У русскихъ во вторую половину блокады было около 39000 челов.

[2]) Привѣтственныя стихи начинались такъ:

«О князь, Герой и побѣдитель
И Данцига великій освободитель,
Вступая къ намъ прими ты въ даръ
Сердецъ къ тебѣ усердный жаръ».

намъ. Театръ также функціонируетъ съ успѣхомъ: то смотрятъ «Жанну д'Аркъ», то «для морали хорошую» комедію о томъ, какъ мужъ, притворившійся дуракомъ, исправилъ развратную жену». Попутно герцогъ и другіе генералы посѣтятъ мѣстную массонскую ложу...

Наконецъ, 20 января возвратился камергеръ Жеребцовъ, посланный къ Александру съ ключами Данцига; «сказывалъ,— записывалъ Волконскій—что былъ милостиво принятъ; герцогу даны (въ аренду) деревни въ Бѣлоруссіи и шпага съ лаврами и надписью «За Данцигъ». Другіе получили только «благоволеніе», хотя и представлены были къ наградамъ. Кн. Волконскій никакъ не могъ понять причины. А между тѣмъ это такъ понятно и такъ характерно для Александра, который не терпѣлъ противорѣчій и, конечно, не простилъ оппозиціи и извѣстной самостоятельности, которыя оказалъ во время осады военный совѣтъ. Кн. Волконскій, несмотря на свои авторитетныя родственныя связи, и впослѣдствіи былъ «пропущенъ» въ спискѣ представленныхъ къ наградѣ. Тульское ополченіе, правда, получило отъ герцога «шесть медалей прусскихъ».

Эпизоды, связанные съ осадой Данцига и разсказанные нѣсколько по новому въ дневникахъ Волконскаго, окончены. Герцогъ получилъ повелѣніе отдать городъ пруссакамъ, ѣхать въ отпускъ въ Петербургъ и распустить ополченія по домамъ. Любопытный штрихъ для исторіи русско-нѣмецкихъ отношеній. Получивъ Данцигъ, пруссаки тотчасъ же оказались въ оппозиціи, «сдѣлались дерзки и даже ненавистны нашимъ», начались «придирки» о «неисправности и разореніи отъ солдатъ въ укрѣпленіяхъ», былъ потребованъ даже возвратъ 67354 талеровъ, затраченныхъ на продовольствіе данцигскаго гарнизона во время лѣтняго перемирія. Однако въ этомъ по высочайшему повелѣнію имъ было «начисто» отказано. Освободители же Данцига отправились по домамъ, «нуждаясь очень въ продовольствіи».

Россіи «мощные сыны», неся «въ рукахъ оливы», отечеству превозглашали: «Европа спасена». У себя же на родинѣ «новымъ крестоносцамъ» по манифесту 30 августа 1814 года было предоставлено «получить мзду свою отъ Бога».

С. Мельгуновъ.

П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій о балканскихъ событіяхъ 1875—1876 гг.

I) Народники «Отечеств. Запис.» о Герцеговинѣ.

Сопоставленія взглядовъ Лаврова и Михайловскаго на балканскія событія 1875—1876 гг. даютъ возможность провести интересную *общественно-политическую* параллель между отношеніемъ передовыхъ демократическихъ дѣятелей къ нынѣшнимъ міровымъ событіямъ и къ тогдашнему конфликту на Балканскомъ полуостровѣ.

Какъ бы ни были маловажны на современный взглядъ событія 1875—1876 гг. [1]), но они поставили передъ передовыми русскими людьми тѣ самыя проблеммы, тѣ же самыя жгучія задачи, какія теперь поставлены міровой войной передъ широкими кругами интернаціональной демократіи.

Лавровъ и Михайловскій заняли по отношенію къ балканскимъ дѣламъ 1875—1876 гг. діаметрально-противоположныя позиціи. Одинъ изъ нихъ, именно Михайловскій, оказался, употребляя современную терминологію,—*пріявшимъ* балканскую войну за освобожденіе, другой же, т.-е. П. Л. Лавровъ, выступилъ ея рѣшительнымъ противникомъ во имя общихъ *интернаціональныхъ* идей. Балканскія событія произвели между Лавровымъ и Михайловскимъ полный расколъ, хотя открыто другъ противъ друга они въ данномъ случаѣ и не выступали. Раньше на ихъ скрытный, но тѣмъ не менѣе очень глубокій, антагонизмъ въ оцѣнкѣ герцеговинскаго движенія почти не обращали вниманія.

---

[1]) Въ 1875 г., въ серединѣ лѣта, началось возстаніе въ Герцеговинѣ, перешедшее вскорѣ затѣмъ въ сербско-турецкую войну и вызвавшее «добровольческое» движеніе въ Россіи.

Балканскія дѣла той эпохи были *первымъ* крупнымъ событіемъ въ сферѣ международной политической жизни всей тогдашней Европы, съ которымъ столкнулось только что начавшееся передъ тѣмъ широкое общественное движеніе въ Россіи. До того времени наша передовая радикальная интеллигенція была цѣликомъ занята частью своими мѣстными, по преимуществу россійскими дѣлами, частью выработкою (въ значительной степени абстрактной) общихъ руководящихъ принциповъ. Какъ ни важны были обѣ эти задачи, но они въ сущности не выводили нашу интеллигенцію изъ предѣловъ чисто *кружковой* жизни, и до Герцеговинскаго возстанія русская интеллигенція народническаго типа не имѣла возможности провѣрить свои отвлеченные принципы на примѣненіи ихъ къ живой практической дѣйствительности.

Нельзя, конечно, сказать, что объ этомъ столкновеніи народниковъ 70-хъ годовъ съ тогдашней практикой жизни, созданной балканскими событіями, ничего не говорилось въ русской исторической литературѣ. На эту тему есть даже спеціальная работа покойнаго В. Я. Богучарскаго: «Русское освободительное движеніе и война за освобожденіе Болгаріи», напечатанная первоначально въ журналѣ «Современникъ», а потомъ, въ нѣсколько передѣланномъ видѣ, вошедшая въ его книгу о народничествѣ 70-хъ гг. [1]). Но, какъ В. Я. Богучарскій, такъ и другіе авторы (Тунъ, Шишко, Кульчицкій, Покровскій) сосредоточивали главное вниманіе не на первомъ періодѣ балканскихъ дѣлъ въ 70-е годы, а на второмъ, на русско-турецкой войнѣ, и на томъ значеніи, которое она сыграла въ исторіи общественнаго движенія тогдашней Россіи. Мы въ этомъ отношеніи поступимъ какъ разъ наоборотъ и сосредоточимъ наше главное вниманіе не на русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., а на герцеговинскомъ возстаніи и, вообще, на всемъ циклѣ событій, разыгравшихся годомъ или двумя раньше, въ лѣто и зиму 1875—1876 гг. Разные хронологически, оба эти періода различаются кореннымъ образомъ и по существу. Второй періодъ характеризуется выступленіемъ на защиту славянъ *государственной* Россіи и охлажденіемъ въ силу разныхъ причинъ русскаго общества къ славянскому дѣлу. Наоборотъ, первый періодъ, совпадающій съ герцеговинскими и сербскими попытками къ освобожденію, отличается сравнительно равнодушнымъ отношеніемъ къ славянамъ со стороны Россіи—оффиціальной,—и тѣмъ болѣе горячимъ сочувствіемъ Россіи—неоффиціальной.

Особенно ярко это сочувствіе къ славянамъ отразилось тогда въ журналѣ «Отечеств. Записки», бывшемъ литературнымъ орга-

[1]) См. «Активное народничество 70-хъ гг.». в. 1912. Изд. Сабашниковыхъ. О балканскихъ событіяхъ, гл. IX.

номъ радикальнаго народничества. Едва началось общественное движеніе на Балканахъ, какъ въ «Отечеств. Запискахъ» стали появляться одна за другой статьи о Герцеговинѣ и Сербіи, неустанно поддерживавшія общественное вниманіе на борьбѣ славянъ за освобожденіе.

Изо всѣхъ этихъ статей, носящихъ по большей части *программный* характеръ и принадлежавшихъ иногда самымъ близкимъ и руководящимъ сотрудникамъ «Отечеств. Записокъ»[1]), особенно значительны слѣдующія: «Воевать или не воевать», анонимныя статьи, принадлежащія, повидимому, Г. З. Елисееву, и замѣтка: «На всемірную свѣчку», написанная, если я не ошибаюсь, Д. Л. Мордовцевымъ.

«Годъ назадъ,—говоритъ въ своей статьѣ Мордовцевъ,—небольшая горсть герцеговинцевъ ушла въ горы, чтобы тамъ отстаивать свою жизнь и свободу. Всему міру извѣстно теперь, что сдѣлала эта горсть героевъ... Но дѣло теперь не въ исторіи; дѣло въ томъ, какъ спасти нѣсколько десятковъ милліоновъ народа, которому не отъ кого ждать помощи и всего менѣе отъ просвѣщенной Европы. *Въ самихъ себѣ народы должны искать спасенія*,—вотъ отвѣтъ на предыдущій вопросъ всѣхъ, чье сердце болитъ за славянскій вопросъ» [2]).

Еще рѣзче это сочувствіе къ славянамъ выразилъ другой, болѣе крупный публицистъ «Отеч. Запис.» и одинъ изъ ихъ редакторовъ,—«мужъ совѣта»,—Гр. Зах. Елисеевъ. Глубоко вѣровавшій въ силу народныхъ массовыхъ движеній, Елисеевъ полагалъ, что народъ на Балканахъ *самъ своими собственными силами*, безъ чьей-либо дипломатической помощи, безъ всякаго союза съ нынѣшними оффиціальными государствами, а лишь при извѣстномъ *невмѣшательствѣ* со стороны ихъ въ ходъ событій, добьется своего освобожденія, надо только развязать ему руки и дать полную свободу для широкаго развитія его иниціативы.

«По ходу герцеговинскаго возстанія, — пишетъ авторъ въ статьѣ «Воевать или не воевать»,—очевидно, что соединенныя силы

---

[1]) Таковы, напр., статьи: «Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ» въ № 11 за 1875 г.: «На всемірную свѣчку» въ № 7 за 1876 г.: «Воевать или не воевать» за тотъ же годъ въ №№ 6 и 9: «Недобитый народъ» тоже въ № 9 за 1876 г.: «Конгрессъ оріенталистовъ въ Петербургѣ», и мн. друг.

[2]) См. «Отеч. Зап.», 1876, кн. 7-ая; курс. мой. Я беру наиболѣе типичное мѣсто изъ статьи, но типичное для всего журнала, а не для автора. Въ остальномъ статья Мордовцева своимъ нѣсколько слащавымъ тономъ не характерна для сотрудниковъ «От. Зап.». О принадлежности статьи именно Д. Л. Мордовцеву говоритъ покойный Д. А. Клеменцъ въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русскихъ Вѣдом.», 1910, № 232; слова: «Даже «От. Зап.» помѣстили у себя горячую статью Мордовцева, звавшую на помощь страдающимъ единоплеменникамъ». Рѣчь идетъ несомнѣнно о статьѣ: «На всемірную свѣчку».

повстанцевъ Сербіи и Черногоріи въ самомъ скоромъ времени раздавили бы Турцію. Стоитъ только разрѣшить Сербіи и Черногоріи поддержать своихъ братьевъ, и, мѣсяца черезъ два—три, славяне общими силами навѣрное уберутъ султана Мурада, и престолъ турецкій будетъ свободенъ» [1]).

Есть только одна сила, кромѣ силы самихъ балканскихъ славянъ, къ которой обращается авторъ, какъ къ естественному и искреннему союзнику повстанцевъ. Это сила общественной поддержки, сила *земской*, народной Россіи:—«Дадимъ волю итти биться вмѣстѣ съ сербами, черногорцами, герцеговинцами противъ турокъ всякому изъ русскихъ, кто имѣетъ къ тому охоту, и дозволимъ свободный вывозъ оружія».—Если мы это сдѣлаемъ, все остальное приложится само собой. Порукой въ такомъ счастливомъ исходѣ славянской борьбы является тотъ взрывъ энтузіазма, съ которымъ русское общество встрѣтило первыя извѣстія о герцеговинскомъ возстаніи. По крайней мѣрѣ такъ думалъ Елисеевъ.

«Когда,—говоритъ онъ,—возстали два миніатюрныя славянскія княжества, Сербія и Черногорія, и вступили въ борьбу съ Турціей за освобожденіе своихъ братьевъ славянъ, тогда встрепенулось и русское общество. Вѣсть о первыхъ, павшихъ въ бою съ турками, русскихъ офицерахъ, о неудовлетворительномъ состояніи сербской арміи, вызвала тысячи добровольцевъ со всѣхъ сторонъ Россіи. Всюду полились пожертвованія на обмундированіе, отправку добровольцевъ, на содержаніе ихъ въ Сербіи, на устройство госпиталей, на докторовъ для нихъ, на помощь раненымъ и разореннымъ. Начался русскій крестовый походъ. Биться съ бусурманомъ за освобожденіе святыхъ мѣстъ, находящихся въ его рукахъ, народъ считаетъ своимъ святымъ дѣломъ. *Если бы русское движеніе оставалось на этой народной почвѣ, то, воюй Сербія съ Турціей пять, десять лѣтъ, она всегда нашла бы богатый источникъ свободной общественной помощи въ Россіи.* На почвѣ народной идеи примирялись всѣ интересы. Русское движеніе за славянское дѣло на этой почвѣ привлекало къ себѣ симпатіи всѣхъ. Ибо, какъ въ сферѣ частныхъ отношеній, такъ и международныхъ, нѣтъ большей любви, а, слѣдовательно, большей нравственной красоты, да еще, кто душу свою положитъ за други своя» [2]).

---

[1]) См. «Отеч. Зап.», 1876, іюнь, стр. 366, 368—369. О принадлежности статьи «Воевать или не воевать» Елисееву видно изъ «Внутренняго Обозрѣнія», «От. Зап.», май 1877 г., стр. 114.

[2]) См. «Отеч. Зап.», дек. 1876 г. «Внутр. Обозр.», стр.264—265. Нужно имѣть, однако, въ виду, что все это говорится Елисеевымъ при ретроспективномъ обзорѣ событій: въ декабрѣ 1876 г. настроеніе Елисеева было не такое, какъ въ декабрѣ 1875 г.

Эти цитаты даютъ уже достаточное представленіе о томъ, какъ было встрѣчено въ средѣ народниковъ «Отечеств. Запис.» герцеговинское движеніе 1875 г. Самое возстаніе, какъ я уже упоминалъ выше, началось лѣтомъ 1875 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ. Носило оно все время чисто партизанскій характеръ, и, несомнѣнно, Елисеевъ переоцѣнивалъ силу герцеговинскаго движенія. По мнѣнію Елисеева получается такъ, что благодаря лишь интригамъ европейскихъ дипломатовъ герцеговинцы не могутъ развернуть всѣхъ своихъ силъ, дабы въ два—три мѣсяца нанести сокрушительный ударъ туркамъ. На самомъ же дѣлѣ, соотношеніе силъ славянскихъ повстанцевъ и турокъ было совсѣмъ инымъ. Сила была на сторонѣ турокъ, и если бы имъ не препятствовали въ данномъ случаѣ европейскіе дипломаты, уже тогда бывшіе настоящими опекунами надъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ, то турки смогли бы быстро подавить возстаніе. Въ спеціальной литературѣ существуетъ даже мнѣніе, что герцеговинское возстаніе на самомъ дѣлѣ было инспирировано австрійскими агентами и питалось денежной поддержкой изъ Вѣны. Извѣстно точно также, что, когда сербская война съ турками, вызванная возстаніемъ въ Герцеговинѣ, нашла отзвукъ въ Россіи и оттуда въ Сербію начался съ 1876 г. притокъ добровольцевъ, о которомъ говоритъ Елисеевъ, то эти добровольцы свободно ѣхали на театръ военныхъ дѣйствій черезъ Будапештъ, т.-е. черезъ Австро-Венгрію. Такъ же шло и обратное движеніе изъ Сербіи въ Россію.

Австрійское правительство являлось, такимъ образомъ, какъ бы пособникомъ боснійскихъ повстанцевъ, позволяя подвозить къ нимъ черезъ свои владѣнія прямыя военныя подкрѣпленія. Это, конечно, странно и непонятно, а еще болѣе страннымъ и непонятнымъ должно было казаться въ то время, когда Австрія, напротивъ, всѣми считалась заклятымъ врагомъ славянской гегемоніи на Балканахъ, да и была таковой на самомъ дѣлѣ. Однако, теперь, заднимъ числомъ, мы очень хорошо знаемъ, чѣмъ собственно объяснялась такая черезъ-чуръ большая терпимость Австріи по отношенію къ герцеговинскимъ повстанцамъ. Объяснялась она именно тогдашней дипломатической позиціей *оффиціальной* Россіи.

Какъ это ни странно, но въ 1875—1876 гг., т.-е. въ то самое время, когда Россія—*неоффиціальная* цѣликомъ стояла на сторонѣ славянъ, Россія оффиціальная и государственная относилась къ нимъ съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ и даже съ полнымъ недоброжелательствомъ. Въ началѣ движенія славяне боролись своими собственными силами, на свой страхъ и рискъ или, иначе говоря, *самопочиномъ*, какъ называлъ ихъ возстаніе М. П. Драгомановъ въ своихъ статьяхъ по славянскому вопросу. Будущая же

освободительница («освободилка») балканскихъ славянъ, Россія—оффиціальная, въ моментъ герцеговинскаго возстанія не только стояла въ сторонѣ отъ начавшагося движенія, но даже, по свидѣтельству вполнѣ авторитетныхъ лицъ,—*«находилась въ совершенной рѣшимости не давать этому дѣлу разрастись до размѣровъ восточнаго вопроса»* [1])...

Такъ обстояло дѣло въ лѣто и осень 1875 г. Черезъ годъ послѣ возстанія оно обострилось еще болѣе въ худшую сторону. Черезъ годъ, лѣтомъ 1876 г., состоялось знаменитое Рейхштатское соглашеніе, признававшее права Австріи на дѣлежъ шкуры еще неубитаго медвѣдя, т.-е. на занятіе ею, въ случаѣ успѣха предположеннаго раздѣла Турціи,—Босніи и Георцеговины, что современемъ, какъ извѣстно, и случилось путемъ извѣстной дивесріи Бисмарка на Берлинскомъ конгрессѣ. Австрія, во время нашей войны съ Турціей, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, оставалась *«нейтральной»* [2]) и за соблюденіе своего «нейтралитета» получила освобожденную нами Боснію и Герцеговину. Политика «нейтралитета» съ тѣхъ поръ сдѣлалась самой выгодной и соблазнительной.

Зная все это, намъ становятся понятными слухи о прямомъ возбужденіи Австріей боснійскихъ и герцеговинскихъ славянъ къ возстанію. Демонстративный характеръ носила такъ же поѣздка Францъ-Іосифа въ 1875 г.по Далмаціи, сопровождавшаяся пріемомъ боснійскихъ делегатовъ. Однако, отъ всего этого до прямой организаціи герцеговинско-боснійскаго возстанія австрійскими агентами на австрійскія деньги все-таки очень далеко. Основныя причины, побудившія возстать герцеговинскаго крестьянина противъ турецкаго ига, лежали во всякомъ случаѣ не здѣсь, а въ соціально-экономическомъ и правовомъ строѣ Босніи и Герцеговины.

II. Герцеговинское возстаніе и Н. К. Михайловскій.

Въ Герцеговинѣ масса народа, порабощенная непосредственно туркамъ или—что было еще хуже—потуреченнымъ славянамъ, принявшимъ исламъ,—являлась массой земледѣльческой. Это была угнетенная и угнетаемая *райя*, обдѣленная всѣмъ, чѣмъ только могло быть обдѣленнымъ подпавшее подъ иго турецкихъ янычаровъ и пашей забитое и загнанное населеніе, по щедрин-

---

[1]) См. посмертныя записки М. Х. Рейтерна, бывшаго въ эпоху балканскихъ событій министромъ финансовъ. «Русская Старина» 1909 г.

[2]) Ср. запись въ дневникѣ гр. Валуева: «съ Австріей есть трактатъ. Правый флангъ прикрытъ». Запись сдѣлана 2 апрѣля 1877 г. наканунѣ объявленія войны Турціи («Соврем.», янв. 913, стр. 73). Правый флангъ былъ дѣйствительно прикрытъ—уступкой Босніи и Герцеговины.

скому выраженію,—«бѣдное всѣми видами бѣдности, а пуще всего *сознаніемъ* этой бѣдности».

У этой «райи» не было земли, такъ какъ земля въ Босніи и Герцеговинѣ на двѣ-трети принадлежала феодаламъ-туркамъ, сплошь мусульманамъ, и герцеговинскому крестьянину, такъ же какъ его русскому собрату, буквально—«некуда было податься», некуда было «выгнать куренка». Обдѣленный землей герцеговинскій «коняга» былъ напротивъ отягощенъ непосильными податями, сданными при томъ на откупъ самымъ безсердечнымъ сборщикамъ налоговъ. Наконецъ, герцеговинецъ всегда былъ лишенъ какой бы то ни было свободы вѣроисповѣданія и права на національное самоопредѣленіе. Все это въ цѣломъ, а не тѣ или иныя интриги, и вызвало герцеговинское возстаніе, которое какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, началось изъ-за незначительныхъ, казалось бы, столкновеній съ сборщиками податей, морально питалось идеей національно-религіознаго освобожденія, а практически вылилось въ требованіе рѣшительныхъ аграрно-соціальныхъ реформъ, въ борьбу за «землю и волю». О стремленіяхъ тогдашнихъ повстанцевъ въ Босніи и Герцеговинѣ лучше всего можно судить по слѣдующимъ словамъ одного изъ современныхъ историковъ, который говоритъ о возставшихъ герцеговинцахъ:

«Въ предъявленномъ ими длинномъ каталогѣ требованій значилось, между прочимъ, что мусульманское населеніе Босніи и Герцеговины (составлявшее тамъ и тутъ около трети, притомъ исламъ исповѣдывали какъ разъ правящіе классы) должно быть обезоружено, что при данной обстановкѣ равнялось превращенію христіанъ въ господствующую часть населенія, а магометанъ въ подчиненную. Это была въ сущности соціальная революція подъ формой религіозной, и значеніе ея подчеркивалось первымъ и основнымъ требованіемъ инсургентовъ: чтобы треть земель, принадлежавшихъ мусульманамъ, была передана въ руки христіанъ, т.-е. отнята отъ помѣщиковъ и передана крестьянамъ. Все это вполнѣ логично вытекало изъ аграрнаго характера возстанія» [1]).

Приблизительно то же самое писалось о Герцеговинскомъ возстаніи современниками, еще въ 1875 г., когда возстаніе только что разразилось. Особенно интересна для насъ въ этомъ отношеніи анонимная статья: «Возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ», напечатанная въ ноябрьской книжкѣ «Отечеств. Запис.» за 1875 г. Совершенно такъ же, какъ новѣйшій русскій историкъ, публицистъ «Отечеств. Запис.» пишетъ о Герцеговинѣ:

---

[1]) Стр. 24, т. VI «Исторія Россіи», изд. А. Гранатъ, ст. М. Н. Покровскаго: «Восточный вопросъ».

«Это возстаніе составляетъ *вопросъ не политическій, а соціальный и аграрный*... Мы читаемъ въ газетахъ ужасы про убійства райевъ, расхищеніе ихъ имущества, насилія ихъ женамъ и дочерямъ, иногда поступки, возмущающія европейца, въ родѣ обвариванія дѣтей кипяткомъ и т. п., но не должно забывать, что все это практикуется не собственно мусульманами, какъ мусульманами, но эксплуататорами, облекающими только свои дѣйствія въ грубыя формы, свойственныя грубому обществу. Греки тоже православные христіане, но они, гдѣ могутъ, помогаютъ насиліямъ, помогаютъ имъ путемъ доносовъ турецкимъ властямъ и католики. Съ другой стороны, бѣдствуютъ не только одни христіане, но также мусульмане, поставленные въ зависимое положеніе. Это даетъ намъ мѣрило основному характеру положенія дѣлъ въ возставшихъ провинціяхъ,—мятежъ не былъ вызванъ политическими, революціонными стремленіями, а направленъ противъ злоупотребленій администраціи и произвола помѣщиковъ» [1]).

Для того, чтобы еще полнѣе охарактеризовать герцеговинское возстаніе и его основное происхожденіе, я приведу еще одну цитату изъ «Записокъ Профана» Н. К. Михайловскаго, такъ какъ его взглядъ на Герцеговину для насъ особенно интересенъ. Вотъ что писалъ онъ о Герцеговинскомъ возстаніи въ іюлѣ 1876 г.:

«По замѣчательной особенности юго-славянскихъ племенъ, все, что рѣзко поднималось надъ уровнемъ этой однородной массы, порывало съ ней всѣ связи заразъ: зародыши юго-славянской буржуазіи почти поголовно потуречены и обращены въ мусульманство. Точно такъ же безобразія греческой духовной іерархіи, иноплеменныхъ, но единовѣрныхъ «владыкъ», равно какъ зачаточной, но уже достаточно гнусной буржуазіи въ сербско-турецкихъ земляхъ держатся опять-таки только турецкимъ владычествомъ. Мусульманскій фанатизмъ ренегата-босняка самымъ тѣснымъ образомъ сплетается съ его исконнымъ положеніемъ феодала, сохраненіе котораго онъ купилъ отступничествомъ. Въ Ирландіи, напр., въ одной изъ несчастнѣйшихъ странъ Западной Европы, есть своя аристократія, свои коренные лендлорды, которые будучи такими же католиками и ирландцами, какъ и большинство коренного населенія, не имѣютъ съ нимъ ничего общаго съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ. Въ экономическомъ и до извѣстной степени въ политическомъ отношеніи

---

[1]) «Отеч. Зап.», 1875, XI, стр. 112, к. мой.—Тотъ выводъ о причинахъ герцеговинскаго возстанія, къ которому приходитъ въ приведенной цитатѣ публицист. «От. Зап.», вполнѣ подтверждается всей современной литературой по балканскому вопросу.

они естественно тяготѣютъ въ англійской аристократіи, тогда какъ въ другихъ остаются тѣсно связанными съ своимъ народомъ. Южные славяне не знаютъ этой раздвоенности и запутанности, этихъ противорѣчій, національное и народное дѣло для нихъ совершенно совпадаютъ. Большинство населенія Турціи представляетъ массу, почти совершенно однородную и въ политическомъ, и въ соціальномъ, и въ религіозномъ, и въ культурномъ отношеніи. Большинство—славяне по національности, христіане по религіи и почти паріи по общественному положенію; слово «райя» обращается въ нашихъ глазахъ въ такое же нарицательное имя, какъ и *парія*» [1]).

Закулисная сторона вопроса для народниковъ 70-хъ годовъ оставалась разумѣется скрытой; чѣмъ вызывался и какъ поддерживался духъ сопротивленія у повстанцевъ они могли и не знать; какую тутъ играли роль дипломатическія интриги европейскихъ государствъ, заинтересованныхъ изъ своихъ видовъ въ поддержкѣ турецкой смуты,—это ускользало отъ взоровъ не только постороннихъ зрителей, но и нѣкоторыхъ государственныхъ людей, казалось бы, посвященныхъ во всѣ тайны секретной дипломатіи, этого истиннаго зла современнаго человѣчества. Не освѣдомленные во всемъ этомъ люди того времени, изъ среды передовой русской интеллигенціи, слишкомъ хорошо видѣли, однако, что, помимо всѣхъ постороннихъ вліяній, у герцеговинцевъ были свои собственныя причины взяться за оружіе. Основа балканскаго движенія въ этомъ отношеніи до такой степени была ясна, такъ понятна всякому постороннему наблюдателю и столь законна даже въ глазахъ людей никогда ни съ какимъ закономъ не справляющихся, что сочувствіе славянамъ со стороны всей Россіи, всего человѣчества было вполнѣ обезпеченнымъ.

Несомнѣнно источники этого подъема у разныхъ общественныхъ группъ были не одинаковы, что отмѣчалось въ свое время многими наблюдателями тогдашней русской жизни. Одни сочувствовали славянамъ, какъ единовѣрцамъ, другіе какъ единоплеменникамъ, третьи, какъ страдальцамъ, которыхъ «припекаютъ, рѣжутъ, жгутъ» [2]). Люди этихъ категорій переживали въ общемъ тѣ же чисто гуманитарныя чувства, которыми руководился Гладстонъ, когда онъ, въ 1875 г., издавалъ свою, прогремѣвшую тогда на весь міръ, обвинительную брошюру противъ турецкаго султана. Были, наконецъ, и такіе сторонники славянскаго дѣла, которые стали на ихъ сторону въ силу своихъ обще-демократиче-

---

[1]) См. соч. т. III, стр. 788, 838. По «Отеч. Зап.», 1876 г., VII, стр. 146 и тамъ же X стр. 235.

[2]) Ср. у Михайловскаго, соч. т. III, стр. 840.

скихъ принциповъ и убѣжденій.—«Ты демократъ и соціалистъ—формулировалъ тогда отношеніе этой категоріи лицъ къ славянскому вопросу Н. К. Михайловскій,—ты сочувствуешь славянамъ, какъ безсословному трудящемуся люду, который не можетъ донести до рта имъ самимъ изготовленнаго куска хлѣба; донести кусокъ полностью до рта значитъ выгнать турку».

Такъ, однако, или иначе, но различные слои русскаго общества сходились въ одномъ сплачивавшемъ ихъ въ нѣчто цѣльное сочувствіи къ славянамъ, въ желаніи имъ полной побѣды надъ ихъ вѣковымъ притѣснителемъ.—«Положимъ,—говоритъ объ этомъ тотъ же Михайловскій,—что по окончаніи, удачномъ или неудачномъ, дѣла, всѣ мы раздеремся, потому что не каждый день встрѣчаются дѣла, допускающія такое единодушіе; но въ эту минуту ничто не мѣшаетъ Ерошенкѣ умирать подъ командой генерала Черняева и Гольдштейну падать вслѣдъ за Кирѣевымъ» [1]).

На такой точкѣ зрѣнія стоялъ тогда (т.-е. въ зиму 1875—1876 гг.) Н. К. Михайловскій, какъ, впрочемъ, и вся редакція «Отечеств. Записокъ», начиная съ Елисеева и кончая Успенскимъ. Для всей этой группы народниковъ изъ «Отеч. Запис.» балканскія событія являлись не простымъ и не ординарнымъ эпизодомъ вѣчно тлѣвшей національной борьбы славянъ съ турками, а началомъ какой-то новой эры. Всѣмъ имъ казалось, что несомнѣнное общественное возбужденіе, охватившее Россію не-оффиціальную, заставившее ее пойти на помощь славянамъ, не можетъ пройти безслѣдно не только для судебъ балканскихъ славянъ, но и для всей нашей жизни. Это было первое настоящее *общественное* движеніе 70-хъ гг., первый призывный звукъ колокола, который однихъ разбудилъ отъ тяжелой вѣчной спячки, отъ обломовскаго сна, а у другихъ поднялъ уже раньше воспрянувшую энергію, и передъ изумленными взорами русскаго общества, всюду видѣвшаго только рогатки и запрещенія, вдругъ сразу встала возможность приложить свои силы къ какому ни на есть, но все-таки новому *народному* дѣлу. Совершилось чудо: привычныя рогатки, сотни лѣтъ стоявшія на пути русскаго интеллигента какъ-то временно стушевались. Какъ бы ни относилась въ душѣ къ герцеговинскимъ и сербскимъ событіямъ оффиціальная Россія, сколь бы она имъ ни отказывала въ своемъ сочувствіи и расположеніи, но открыто высказать свое неудовольствіе желаніемъ славянъ рѣшить *самопочиномъ* восточный вопросъ она все-таки не могла. Положеніе исторической заступницы за братьевъ по крови на Балканахъ

[1]) Тамъ же стр. 841. Ерошенко пошелъ добровольцемъ въ Сербію и былъ убитъ тамъ въ бою съ турками.

связывало ей руки и заставляло молча сносить начавшуюся политическую агитацію въ пользу славянскаго дѣла. Никто не могъ открыто запретить выражать сочувствіе славянамъ, никто не могъ помѣшать выразить это сочувствіе въ той или иной *дѣйственной* формѣ. И вотъ начали то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, то легально, то полулегально, создаваться комитеты, явные и тайные, для организаціи помощи славянамъ. Движеніе быстро росло и постепенно начало захватывать, какъ верхи интеллигенціи, такъ и низы революціоннаго подполья. Очень скоро оно начало выливаться и на улицы, начало принимать *гласныя* формы, и только что скованный русскій обыватель даромъ получалъ возможность хоть немного расправить на волѣ свои члены, глотнуть хоть каплю живой воды обще-народной работы. Наступалъ, казалось, новый моментъ общественной жизни, и все старое отходило куда-то въ глубь прошлаго.

До какой степени глубоко захватывало такое настроеніе людей того времени, лучше всего, кромѣ приведенныхъ уже фактовъ, показываетъ примѣръ Н. К. Михайловскаго. Михайловскій вовсе не обладалъ какимъ-нибудь увлекающимся темпераментомъ, напротивъ, это былъ человѣкъ способный къ большой критикѣ и скептицизму какъ разъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о разныхъ общественныхъ увлеченіяхъ. Не былъ онъ такъ же славянистомъ, а тѣмъ болѣе славянофиломъ по убѣжденіямъ, дѣятельность же такъ называемыхъ славянскихъ комитетовъ вызывала въ немъ всегда ѣдкія насмѣшки, которыми онъ особенно преслѣдовалъ такихъ оффиціальныхъ русскихъ славянофиловъ, какъ, наприм., И. С. Аксаковъ и даже такихъ болѣе лѣвыхъ славянофиловъ, какъ проф. О. Ф. Миллеръ. Съ большой ироніей онъ отзывался также о визитѣ славянскихъ гостей въ 1868 г. въ Россію, о чемъ онъ упоминаетъ въ одной изъ своихъ первыхъ, еще юношескихъ, статей. Словомъ, съ какой бы стороны мы ни подходили къ Михайловскому, мы отнюдь не могли бы найти въ немъ человѣка, предрасположеннаго въ пользу какихъ бы то ни было славянофильскихъ идей. И, однако, съ какимъ подъемомъ и порой даже энтузіазмомъ онъ писалъ о Балканскихъ дѣлахъ 1875—1876 гг.

«На востокѣ опять пожары, кровь и пушечные выстрѣлы,—читаемъ мы въ цитированной выше статьѣ Михайловскаго за іюль 1876 г.,—Богъ знаетъ въ который разъ поднимается измученное славянское населеніе Турціи и пробуетъ добиться элементарнѣйшихъ правъ человѣческаго существованія. *Мы находимся наканунѣ великаго историческаго событія, если славянамъ удастся протискаться на свободу* сквозь сѣть дипломатическихъ тонкостей

и гнилые путы турецкаго владычества, или же наканунѣ одной изъ позорнѣйшихъ страницъ въ исторіи человѣчества, если и теперь «больной человѣкъ» останется владыкой людей здоровыхъ» [1]).

Слова: «мы находимся наканунѣ великаго историческаго событія, если» и пр.,—сказаны Михайловскимъ далеко не случайно. Перечтите публицистическія статьи его за конецъ 1875 и за первую половину 1876 года; пересмотрите хотя бѣгло его очерки «Въ перемежку», «Записки Профана», «Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго» и другія аналогичныя статьи, а равно рецензіи на разныя книги, и вы убѣдитесь, что съ началомъ Балканскаго движенія Михайловскій дѣйствительно связывалъ какія-то очень большія надежды на крупныя событія. И рѣчь тутъ шла у него не только, а можетъ быть и не столько, объ однихъ Балканахъ,—хотя, конечно, онъ о нихъ никогда не забывалъ,—но кромѣ того рѣчь у него шла объ измѣненіи *внутренней* жизни самой Россіи, разбуженной балканскими событіями. Несомнѣнно, въ концѣ 1875 г. и особенно въ первые мѣсяцы 1876 г., Михайловскому казалось, что тотъ общественный подъемъ, который вопреки желаніямъ оффиціальной Россіи создался у насъ, объединивъ въ себѣ самые разнообразные слои народа и интеллигенціи, что этотъ подъемъ при дальнѣйшемъ ходѣ вещей можетъ переродиться въ нѣчто большее, такъ какъ никто изъ участниковъ его, отвѣдавъ сладкаго не захочетъ горькаго, и общество, разъ выбитое изъ колеи обычнаго прозябанія, не возвратится такъ ужъ просто въ старыя оглобли. Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что именно таково было доминирующее настроеніе Михайловскаго за зиму 1875—1876 гг., поскольку мы о немъ можемъ судить по его сочиненіямъ. Позволю себѣ иллюстрировать это еще нѣсколькими цитатами и комментаріями къ нимъ.

«Кн. Шаховская замѣтила, — говоритъ Михайловскій въ одной изъ главъ «Запис. Проф.»,—что запрещеніе молиться у Иверской—невиданное въ Москвѣ дѣло. Да, но гораздо болѣе невиданное дѣло, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ русскихъ городахъ,—эти сотни, даже тысячи людей, толпящихся на вокзалахъ, проникнутыхъ одной мыслью и однимъ чувствомъ (каковъ бы ни былъ ихъ источникъ), громко заявляющихъ свои симпатіи, хотя и совпадающія, повидимому, съ направленіемъ оффиціальной политики, но все-таки отъ нея независимыя. Не обольщая себя надеждою, что при этомъ немедленно всплываетъ наверхъ все дѣйствительно живое въ русскомъ обществѣ, можно было съ волненіемъ и ожиданіемъ прислушиваться къ этому свободному го-

---

[1]) Соч. т. III, стр. 788, іюл. 1876 г.

лосу. Въ самыхъ обстоятельствахъ, вызвавшихъ возбужденіе, было нѣчто такое, что, казалось, должно было гарантировать оживленію извѣстную высоту, чистоту и достоинство» [1]).

Правда, Михайловскій говоритъ здѣсь въ *прошломъ* времени: «не обольщая себя, *можно было* съ волненіемъ прислушиваться». Это во-первыхъ. Во-вторыхъ же, прислушиваясь съ волненіемъ къ этому новому у насъ свободному голосу общественнаго мнѣнія, Михайловскій тогда же, въ силу своего критицизма, отмѣчалъ въ очень рѣзкой формѣ, *на какой подъчасъ шаткой почвѣ создавалось русское общенаціональное объединеніе для помощи славянамъ* [2]). Тѣмъ не менѣе при всѣхъ своихъ оговоркахъ Михайловскій все-таки открыто становился въ ряды *пріявшихъ* балканскую войну 1875—1876 гг., въ ряды лицъ, связывавшихъ съ ея побѣдоноснымъ окончаніемъ большія общественныя надежды не русскаго лишь, но даже *интернаціональнаго* характера.

III. П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, какъ антагонисты.

Наилучшее представленіе объ отношеніи П. Л. Лаврова къ «событіямъ на Балканахъ въ 1875—1876 гг. даетъ его обширная передовая статья: «Русскіе передъ южно-славянскимъ вопросомъ», напечатанная въ № 42 «Впередъ» (къ этому времени органъ П. Л. Лаврова сталъ выходить какъ двухнедѣльное обозрѣніе) отъ 1 октября—19 сентября 1876 г. Статья Лаврова относится, слѣдовательно, какъ разъ къ тому же времени, какъ и цитированныя выше «Записки Профана» Н. К. Михайловскаго, тѣмъ любопытнѣе отмѣтить ихъ коренное разногласіе въ оцѣнкѣ однихъ и тѣхъ же событій. Трудно даже представить, что это пишутъ два единомышленника, до такой степени на разныхъ языкахъ они говорили въ зиму 1875—1876 гг. объ одномъ и томъ же вопросѣ. Между ними въ этомъ отношеніи была такая же пропасть и—главное—они разошлись другъ съ другомъ *по тѣмъ же самымъ* направленіямъ, по которымъ расходятся и въ настоящее время два основныя теченія въ современномъ соціалистическомъ интернаціоналѣ.

---

[1]) См. соч. т. III, стр. 837, октябрь 1876 г. Съ осени 1876 г. отношеніе Михайловскаго къ славянскому движенію значительно измѣнилось, почему онъ тутъ и говоритъ въ *прошломъ* времени.

[2]) Ср. въ очеркахъ «Въ перемежку», т. IV, стр. 288, слова: «Кругомъ всеобщее возбужденіе. Естественно, что наверхъ всплываютъ тѣ, кто возбужденъ сильнѣе или умѣетъ казаться сильнѣе возбужденнымъ, или не встрѣчаетъ препятствій для выраженія своего возбужденія,—тѣ, однимъ словомъ, кто отъ природы или по обстоятельствамъ голосистѣе». Писано въ августѣ 1876 г. Напомню читателю въ поясненіе этихъ словъ, что на почвѣ увлеченія славянскимъ движеніемъ началъ тогда, съ 1875 г., строить свою карьеру, напр. А. С. Суворинъ, только что основавшій въ тотъ моментъ «Новое Время».

«Этотъ разъ,—пишетъ Лавровъ въ самыхъ первыхъ строкахъ своей статьи,—мнѣ опять приходится говорить о болѣзненныхъ явленіяхъ, которыя, по свидѣтельству большинства очевидцевъ, охватили со страшной быстротой почти всю Россію. Друзья, посторонніе свидѣтели и противники укоряютъ «Впередъ» за молчаніе относительно того «славянскаго движенія», которое наполняетъ чуть не всѣ страницы русской дозволенной прессы, соединяетъ правительственныхъ лицъ въ одномъ порывѣ съ вчерашними крѣпостниками и порицателями реформъ; того движенія, которое бросаетъ ежедневно сотни русскихъ волонтеровъ изо всѣхъ классовъ общества и изо всѣхъ лагерей въ Бѣлградъ и на берега Моравы».

«Съ большой неохотой берусь за перо,—продолжаетъ Лавровъ,—чтобы посвятить нѣсколько страницъ вопросу, о которомъ въ настоящую минуту говорить здоровому и трезвому человѣку почти совершенно безполезно, среди повальнаго опьяненія однихъ и притворнаго опьяненія другихъ».

«Какихъ читателей я могу имѣть въ виду въ настоящую минуту»?—спрашиваетъ Лавровъ.—«Неужели настоящихъ, выработанныхъ соціалистовъ? Неужели изъ нихъ есть хотя одинъ, который не понимаетъ, что *всякое увлеченіе, отвращающее вниманіе общества отъ экономической болѣзни въ немъ существующей, есть вредъ для существующаго дѣла*; что всякое сближеніе эксплуатируемаго народа съ его эксплуататорами въ общемъ порывѣ есть помѣха для нашей агитаціи; что для соціалиста братья «единовѣрные» суть только *соціалисты*, братья же «единокровные» суть всѣ страждущіе всѣ подавленные; что для него рѣзня беззащитныхъ болгаръ и насилованіе болгарокъ баши-бузуками есть лишь одинъ изъ эпизодовъ постояннаго и повсемѣстнаго варварства. Всѣ сколько-нибудь разсудительные соціалисты давно дошли до азбучнаго убѣжденія, *что страданіямъ массъ не могутъ помочь войны, которыя передадутъ территоріи изъ одного государства въ другое, не могутъ помочь перемѣны правительственныхъ лицъ, не могутъ помочь измѣненія политическихъ конституцій*; что единственное спасеніе въ экономическомъ переворотѣ, который сдѣлалъ бы работника господиномъ своего труда и устранилъ бы всякую эксплуатацію массъ меньшинствомъ» [1]).

Особенно тутъ характерны подчеркнутыя нами слова: «страданіямъ массъ не могутъ помочь войны, которыя передадутъ территоріи изъ одного государства въ другое, не могутъ помочь перемѣны правительственныхъ лицъ, не могутъ помочь измѣненія

---

[1]) Курс. мой.

политическихъ конституцій», можетъ же помочь только коренная проведенная до конца экономическая реформа. Въ этихъ словахъ и въ этомъ противопоставленіи реформы политической реформѣ экономической весь законъ и пророки народничества 70-хъ гг.

Для Лаврова въ 1875 г. болѣе чѣмъ для кого иного корень всего заключался именно въ *экономикѣ*—или иначе—въ чисто *классовой* борьбѣ. Все, что отвлекаетъ отъ нея, все что становится на ея дорогѣ, что мѣшаетъ ея прямолинейному, свободному развитію, все это должно быть устранено, какъ нѣчто вредное и реакціонное. Лаврова не смущали ни звѣрства баши-бузуковъ, ни гибель десятковъ тысячъ людей, ни ежедневныя насилія надъ дѣтьми и женщинами. Все это для него, забронированнаго совсѣмъ несвойственнымъ ему догматизмомъ, было мелочью, деталями, все это небольшая рябь на вѣчно волнующемся морѣ насилій и эксплуатацій.

Чтобы понять эту точку зрѣнія Лаврова, мы должны здѣсь напомнить одну типичную черту общественнаго движенія 70-хъ гг. Дѣло въ томъ, что для людей того времени, при всемъ ихъ демократизмѣ, а, можетъ быть, даже благодаря ихъ крайнему демократизму,—*національный элементъ въ общественномъ движеніи не представлялъ самъ по себѣ никакой серьезной цѣнности.* Для нихъ національный элементъ такъ же, какъ и элементъ политическій, цѣликомъ поглощался элементомъ соціально-экономическимъ, растворялся въ немъ, благодаря чему борьба національная и борьба политическая тогда совершенно заслонялась борьбой классовой, борьбой экономической.

Замѣчательна въ этомъ отношеніи не только точка зрѣнія Лаврова на славянское движеніе, но и Михайловскаго, такъ оба они при всѣхъ своихъ различіяхъ въ сущности стояли здѣсь рѣшительно на одной и той же *принципіальной* почвѣ, хотя и дѣлали изъ однихъ предпосылокъ діаметрально противоположные выводы. Разумѣется ни Лавровъ, ни Михайловскій, какъ и вообще люди того времени, отнюдь не были противниками неотъемлемыхъ правъ всякаго народа на національное самоопредѣленіе, на свободу культурнаго, политическаго и экономическаго развитія. Въ одной изъ своихъ первыхъ рецензій въ «Отечеств. Запис.» за 1870 г. Михайловскій даетъ въ этомъ отношеніи очень точную формулировку разрѣшенія національнаго вопроса: «живи и жить давай другимъ»,—вотъ, по его словамъ, правило, которымъ долженъ былъ бы руководиться каждый народъ и каждая нація, не желающія впадать въ зоологическій патріотизмъ. Еще рельефнѣе тотъ же взглядъ Михайловскій выразилъ въ «Записк. Проф.», иллюстрируя свои слова какъ разъ примѣромъ балканскихъ дѣлъ.

Онъ говорилъ тутъ, между прочимъ, такъ: «Передо мной лежитъ номеръ сербскаго журнала, на заглавномъ листѣ котораго напечатано: «Отцабина. Кньижевность, наука, друштвени животъ. Свеска за іуль 1875». Очень вѣроятно, что народъ сербскій этой «Отцабины» не читаетъ, но, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, иногда является въ ней нѣчто и для «свинопаса» понятное. Замѣните «отцабину» отечествомъ и этотъ смѣшной на русское ухо дружественный животъ—общественной жизнью и вы положите непреодолимую преграду для распространенія знаній и просто грамотности въ народѣ. Наука, искусство, просвѣщеніе, цивилизація будутъ итти сами по себѣ, народъ—самъ по себѣ, не оплодотворяя другъ друга. Вотъ почему посягательства нѣмцевъ и мадьяровъ на языкъ подвластныхъ имъ славянъ являются дѣйствительно ужаснымъ преступленіемъ» [1]).

Изъ этихъ словъ видно, какъ относились русскіе народники 70-хъ гг. къ правамъ каждаго народа на національное самоопредѣленіе и свободу культурнаго развитія. Они относились къ нимъ съ полнымъ сочувствіемъ, они признавали ихъ цѣликомъ и внѣ свободы національной не мыслили себѣ свободу культурнаго развитія. Однако, относясь къ этимъ правамъ съ принципіальнымъ сочувствіемъ, признавая всю ихъ цѣнность для общечеловѣческаго прогресса, тѣ же народники 70-хъ гг. вовсе не находили нужнымъ браться теперь же за разрѣшеніе такихъ, по ихъ мнѣнію,—*частныхъ* задачъ, когда,—по крайней мѣрѣ такъ имъ казалось,—можно, не рѣшая всѣ эти частныя задачи, не тратя силъ на борьбу національную, или какую иную, покончить сразу *однимъ пріемомъ* со всѣмъ зломъ современнаго міра. Для этого же нужно было, минуя разныя частности, детали, сосредоточить все свое вниманіе на главномъ, на причинѣ всѣхъ причинъ, на первоисточникѣ, именно на *соціальномъ* вопросѣ. Устраните только соціально-экономическій гнетъ, и все остальное приложится, всѣ остальныя проблемы разрѣшатся сами собой, безъ лишнихъ тратъ и безъ особенныхъ усилій.

Что именно такъ разсуждалъ не только Бакунинъ, а и Лавровъ, это мы только что видѣли. Но что иное въ сущности, какъ не такой же самый взглядъ на національное движеніе боснійцевъ проповѣдывалъ рядомъ съ Лавровымъ даже его противникъ во взглядахъ на славянъ и рѣшительный анти-бакунистъ,—Н. К. Михайловскій?

Мы уже видѣли, какъ Михайловскій въ «Записк. Проф.», на ряду съ другими сотрудниками «Отеч. Запис.», тщательно подчер-

---

[1]) См. т. III, стр. 886, январ. 1877. По «Отеч. Зап.», 1877, кн. I, стр. 149

кивалъ второстепенную роль національнаго элемента въ герцеговинскомъ возстаніи. По его словамъ національный элементъ растворялся тамъ почти цѣликомъ въ элементѣ соціально-экономическомъ, при чемъ самъ Михайловскій все свое вниманіе сосредоточивалъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ даннымъ у него анализомъ герцеговинскаго движенія, исключительно на его соціальной и экономической сторонѣ, а отнюдь не на національно-религіозной. Михайловскій зналъ, конечно, и видѣлъ, что герцеговинское движеніе не можетъ быть выдѣлено изъ движенія національнаго. Онъ даже высоко оцѣнивалъ это претвореніе соціальнаго въ національное и національнаго въ соціальное. Но почему онъ такъ поступалъ?—Потому что, совершенно въ духѣ своего времени, и онъ *временами* разсчитывалъ, что, благодаря этому двойственному національно-соціальному характеру боснійскаго возстанія, здѣсь можно будетъ сразу *однимъ пріемомъ* достичь многихъ цѣлей, однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ. Какъ нельзя болѣе полно онъ выразилъ эти надежды въ гл. XXIV «Запис. Проф.», написанной въ октябрѣ 1776 г., одновременно со статьей Лаврова въ № 42 «Впередъ».

«И я, грѣшный профанъ,—говоритъ здѣсь Михайловскій,—возлагалъ надежды на турецко-славянскія событія, и на горячее къ нимъ отношеніе русскаго общества. Не въ томъ, правда, смыслѣ, что изъ этого горячаго отношенія вырастетъ что-нибудь самобытное, національное. Нѣтъ, я просто ждалъ хорошаго, а тамъ самобытно-ли оно будетъ или нѣтъ,—это мнѣ все равно было. Ждать, кажется, можно было. Еще тургеневскій Шубинъ, несмотря на свое легкомысліе, очень вѣрно замѣтилъ, что задача Инсарова очень проста: выгнать турку и баста. Въ этомъ, элементарномъ если хотите, грубомъ требованіи тонутъ всѣ тѣ рубрики и подраздѣленія общественныхъ вопросовъ, къ которымъ насъ пріучила запутанная и сложная европейская исторія. Всякій гнетъ, политическій, соціальный, религіозный, государственный, совмѣщается для южнаго славянина въ «туркѣ» непосредственно или имъ только держится. Строго говоря, здѣсь нѣтъ даже ясно обрисованнаго національнаго вопроса, потому что потуреченный славянинъ, отлично помнящій свое славянское происхожденіе, а иногда даже гордящійся имъ, всегда былъ злѣйшимъ врагомъ единоплеменной райи, гораздо злѣйшимъ, чѣмъ природный турокъ. *При такихъ условіяхъ выгнать турку значитъ рѣшить соціальный вопросъ*».

«Сметите турокъ, и славянинъ останется свободенъ, какъ мало кто свободенъ въ Европѣ. Сметите турокъ и, если послѣ этого останется еще несчастное соперничество различныхъ племенъ,

то внутри каждаго изъ нихъ не останется никакихъ «самобытныхъ» обособленій, никакого соперничества сословнаго, въ томъ смыслѣ, какъ оно извѣстно Европѣ. Для очищенія воды въ нее пускаютъ яичный бѣлокъ, который обволакиваетъ всю муть и грязь и выноситъ ее наверхъ—остается только снять эту массу. «Турка» сыгралъ въ исторіи южныхъ славянъ именно такую роль яичнаго бѣлка: онъ выловилъ, притянулъ къ себѣ всѣ «самобытные» и «инобытные» элементы, способные сосать кровь народа, связалъ ихъ судьбу съ своей судьбой, и если бы не тѣ безчисленныя страданія, цѣною которыхъ купленъ этотъ результатъ, можно было *сказать спасибо «туркѣ», спасибо за сосредоточеніе враждебныхъ народу силъ, за возможность покончить со всѣмъ этимъ однимъ ударомъ».*[1])

Михайловскому казалось, что стоитъ только опрокинуть турецкое владычество на Балканахъ, какъ это сразу, однимъ ударомъ, отразится на соотношеніи силъ далеко не однихъ славянскихъ земель только. Въ зиму 1875—1876 гг. онъ думалъ, что это поведетъ къ самымъ сложнымъ послѣдствіямъ самаго разнообразнаго характера. Прежде всего конечно измѣнится весь ликъ славянскаго міра на Балканскомъ полуостровѣ,—здѣсь выгнать турку значитъ рѣшить соціальный вопросъ. Паріи сдѣлаются хозяевами своей собственной судьбы, и на мѣстѣ общаго гнета и униженія разовьется новый строй, въ которомъ свобода соціальная сольется съ свободой національной и государственной. Образуется совершенно новое государство цѣлое: Соединенные Штаты Балканъ. И въ концѣ своихъ предвидѣній возможныхъ послѣдствій отъ такой перемѣны Михайловскій обращаетъ вниманіе—*«на важность для русскаго народа образованія на мѣстѣ Турціи Славянской Федераціи»*[2]). Къ той же федераціи должно перейти обладаніе такимъ пунктомъ міровой важности, какъ—Дарданеллы.

Разъ на Балканахъ произошелъ бы такой огромный переворотъ, то, какъ это само собой понятно, онъ не могъ бы не отразиться и на ходѣ дѣлъ въ Зап. Европѣ. Изъ западныхъ державъ доминирующую роль играла на Балканахъ въ 70-хъ гг.—Англія, та самая Англія, на долю которой нынѣ выпадаетъ столь крупная роль въ дѣлѣ разрушенія турецкой имперіи, ею же на половину созданной. Въ 1875—1876 гг. у власти въ Англіи стоялъ туркофилъ Биконсфильдъ и на роль Англіи сыпались тогда, особенно въ рус-

---

[1]) По соч. т. III, стр. 837—838, по «Отеч. Зап.», 1876, X, стр. 235—236. Курсив. мой.

[2]) См. соч., т. III, стр. 789. По «Отеч. Зап.», 1876, VII, стр. 147, курс. мой.

ской печати, тысячи проклятій. Михайловскій, однако, занялъ въ этомъ вопросѣ нѣсколько особую позицію.

«Я полагаю,—говоритъ онъ, — что Англія оффиціальная, на которую сыпалось и сыплется столько заслуженныхъ проклятій, была тѣмъ не менѣе вѣрнымъ представителемъ и блюстителемъ интересовъ своей страны, т.-е. Англія, какъ она въ данную минуту существуетъ, Англіи, имѣющей извѣстную соціальную физіономію, которая можетъ съ теченіемъ времени измѣниться, но въ данную минуту совершенно опредѣленна. Англія давно овладѣла турецкимъ рынкомъ и вытѣснила туземную промышленность. Ея фабрикантъ и купецъ—экономическіе владыки Турціи. Поэтому она самымъ кровнымъ образомъ заинтересована въ продолженіи турецкаго или какого-либо подобнаго владычества. «Что Литва, что Русь-ли», что турокъ, что сербъ—ей все равно, если за ней останется рынокъ, если сырье Балканскаго полуострова будетъ попрежнему направляться къ ней и отливать обратно въ видѣ обработанныхъ продуктовъ. Это не капризъ: это—вопросъ о существованіи Англіи, какъ извѣстной комбинаціи соціальныхъ силъ. Закрытіе такого важнаго рынка, какъ турецкій, отзовется на Англіи не финансовымъ только крахомъ, который данъ уже гибелью капиталовъ, вложенныхъ въ турецкія бумаги, а кризисомъ соціальнымъ, и чѣмъ онъ кончится—даже трудно предвидѣть; *во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіемъ соотношенія общественныхъ силъ*».

Заканчиваетъ свои разсужденія Михайловскій такими словами:

«Не помню, въ какой газетѣ прочиталъ я такое разсужденіе, что въ случаѣ европейской войны у Россіи можетъ оказаться совершенно неожиданный союзникъ, именно—внутренній врагъ нашихъ предполагаемыхъ будущихъ враговъ,—рабочій вопросъ. Я очень сожалѣю, что не запомнилъ названія газеты, потому что перенесеніе вопроса на эту почву заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Возможна, конечно, и та комбинація, о которой говоритъ газета; но вѣрно то, *что въ Англіи рабочій вопросъ долженъ съ паденіемъ турецкаго владычества рѣшительно обостриться*».[1])

VI. Программа П. Л. Лаврова въ балканскомъ вопросѣ.

Сопоставляя взгляды П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго на балканскія событія 1875 — 18 76 г.г. мы видѣли, что между ними въ этотъ случаѣ не было ничего общаго, несмотря даже на то, что они оба стояли тогда во многихъ отно-

[1]) Соч. т. III, стр. 839, 840. По «Отеч. Зап.», 1876, X, 236, 237. к. мой.

шеніяхъ на одной и той же принципіальной почвѣ. Для Михайловскаго балканскія событія знаменовали собой наступленіе какой-то новой эпохи въ исторіи человѣчества. Это былъ «прологъ къ прологу» цѣлаго общественнаго переворота, какъ въ русской, такъ и европейской жизни. Герцеговина принимала въ его глазахъ почти такое же значеніе, какое передъ тѣмъ имѣла Парижская Коммуна, этотъ прообразъ грядущаго пробужденія низшихъ классовъ народа. И замѣчательно, что въ литературѣ 70-хъ гг. мы имѣемъ даже прямое сопоставленіе между Парижской Коммуной 1871 года и начавшимся послѣ нея, спустя какіе-нибудь четыре года герцоговинскимъ возстаніемъ. Правда, такое сопоставленіе мы находимъ не у Михайловскаго, хотя именно онъ не разъ отмѣчалъ, что въ русской жизни и литературѣ—«только теперь, со времени франко-прусской войны показалась какая-то рябь. Можетъ быть намъ перепадутъ кое-какія крохи съ чужой трапезы, и мы еще разъ поживемъ».[1])

Крохи дѣйствительно перепали. Франко-прусская война или, вѣрнѣе, «эпилогъ франко-прусской войны», какъ тогда выражались, сыграла въ исторіи общественнаго движенія 70 гг. очень большую роль. Она явилась толчкомъ, поднявшимъ общественную энергію молодого поколѣнія. Поэтому сопоставленіе между нею и герцеговинскимъ возстаніемъ, въ смыслѣ ихъ параллельнаго вліянія въ жизни русской интеллигенціи напрашивается само собой. Коммуна дала толчокъ къ пробужденію общественной энергіи молодого народничества, уже стряхнувшаго къ тому времени кошмаръ реакціи предыдущей эпохи. Герцеговина же послужила, какъ я говорилъ первымъ пробнымъ камнемъ для практическаго приложенія выработанныхъ тогда теоретическихъ программъ. И если не у Михайловскаго или Лаврова, то у Глѣба Успенскаго, писателя не менѣе ихъ характернаго для того времени, мы имѣемъ самое точное указаніе на этотъ ходъ общественной мысли русскаго народничества 70-хъ отъ Парижской Коммуны къ Герцеговинскому возстанію. Пусть въ самомъ дѣлѣ читатель вспомнитъ, что и какъ писалъ Успенскій о Герцеговинѣ въ своемъ автобіографическомъ отрывкѣ изъ заграничныхъ воспоминаній.

«За границей,—говоритъ Успенскій,—я былъ два раза въ 1871 г., послѣ коммуны, при чемъ видѣлъ избитый и прусскими и коммунарскими пулями и бомбами городъ, видѣлъ, какъ приговариваютъ къ смерти сапожниковъ и башмачниковъ; въ другой разъ я проживалъ тамъ подрядъ два года, по-временамъ только пріѣзжая въ Россію. Я мало писалъ объ этомъ, но многому научился,

[1]) См. ст. «О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго» т. IV, стр. 144, апрѣль, 1871 г.

много записалъ добраго въ мою душевную родословную книгу навсегда... Затѣмъ прямо изъ Парижа я поѣхалъ въ Сербію и въ Пештѣ встрѣтилъ *нашихъ*. И объ этомъ я *мало* писалъ, но много передумалъ и навѣки опять-таки взялъ въ свою душевную родословную».[1])

Очевидно въ представленіи Успенскаго всѣ перечисленныя имъ событія, отъ парижской коммуны до поѣздки въ Сербію, располагались въ одной и той же плоскости. На одномъ концѣ 1871 годъ, Коммуна, избитый пулями и бомбами Парижъ, разстрѣлъ коммунаровъ, словомъ, всѣ тѣ впечатлѣнія, которыя Успенскій такъ удивительно передалъ въ своемъ разсказѣ: «Больная совѣсть». На другомъ же поѣздка въ Сербію, встрѣча тамъ съ *нашими*. Кто были эти *наши*? Кого Успенскій называетъ такимъ близкимъ ему интимнымъ словомъ? Мы знаемъ теперь, что въ Пештѣ Успенскій встрѣтилъ русскихъ добровольцевъ-революціонеровъ, ѣхавшихъ въ ту же, какъ и онъ, Сербію. Обо всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ отъ Парижа до Герцеговины Успенскій, по его словамъ, *мало* писалъ, онъ какъ бы *боялся* даже притронуться къ этимъ вспоминаніямъ, какъ мы боимся притрогиваться къ чему-то намъ особенно дорогому, даже святому. Но чѣмъ меньше онъ объ этомъ писалъ, тѣмъ это глубже захватывало его, и было, несомнѣнно, время, когда и для Успенскаго возстаніе въ Герцеговинѣ связывалось съ ожиданіями чего-то крупнаго и большого, какого-то огромнаго историческаго событія, какой-то грани между старой жизнью и грядущей свѣтлой полосой въ исторіи человѣчества. Да, именно, человѣчества, а не только Россіи. Ибо Герцеговина оживила въ немъ радостную сторону 1871-го года, напоминала свѣтлыя страницы великаго въ своей борьбѣ Парижа, но Парижъ для поколѣнія Успенскаго, это не былъ городъ Франціи, это была столица всего человѣчества.

Такъ смотрѣли на герцеговинское движеніе Успенскій и Михайловскій, для Лаврова же подобныя надежды были настоящей политической маниловщиной, простительной для кого угодно, но только не для людей, способныхъ къ критическому взгляду на вещи. Для первыхъ двухъ русскихъ писателей, красѣ и гордости нашей литературы, Герцеговина со всѣмъ, что съ нею было связано на Западѣ и на Востокѣ, сдѣлалась явленіемъ глубоко *прогрессивнымъ*, а для Лаврова, который былъ тоже однимъ изъ сильнѣйшихъ русскихъ умовъ и авторитетнѣйшимъ представителемъ русской соціалистической литературы, та же Герцеговина была признакомъ *реакціоннымъ*. И сопоставленіе ея съ

[1]) Цит. по собранію сочиненій, изд. Маркса, Вып. I, стр. XI. Курс. подлиника.

Парижской Коммуной Лавровъ счелъ бы святотатствомъ, или, по меньшей мѣрѣ, свидѣтельствомъ незрѣлости мысли.

«Въ началѣ боснійскаго движенія,—говоритъ Лавровъ,—находились въ нашихъ рядахъ вѣрующіе, что это движеніе можетъ имѣть соціально-революціонный характеръ. Они должны были въ этомъ разувѣриться». — «Никакіе политическіе идеалы тамъ осуществлены быть не могутъ».

«Никакая нынѣшняя война не можетъ имѣть дѣйствительной цѣлью народное благо»,—категорически еще разъ подчеркиваетъ Лавровъ. Никакая! А, слѣдовательно, и та, которая разрослась изъ Герцеговинскаго движенія, какими бы турецкими звѣрствами оно, или послѣдовавшія за нимъ возстанія славянъ ни вызывались. Есть люди, которые думаютъ иначе. Есть соціалисты, мечтающіе, что отсюда напротивъ возстанетъ родъ людской, возродится новая эра человѣчества. — «Кто добровольно ослѣпляетъ себя самъ настолько, чтобы увлекаться подобными иллюзіями,—отвѣчаетъ на это Лавровъ,—съ тѣмъ разсуждать уже невозможно».—И дальше онъ повторяетъ опять: —«Тѣ, которые хотятъ быть въ своей жизни борцами за какую-нибудь общественную цѣль, за какую-нибудь серьезную идею, должны бы увѣриться, что ни подъ знаменемъ Милана и Черняева, ни въ союзѣ съ ними, никакая идея осуществлена быть не можетъ; что кровь увлеченныхъ славянъ льется въ данную минуту во имя инстинктовъ массъ, а не во имя ихъ блага, во имя интересовъ нѣсколькихъ личностей, а не во имя интересовъ народа. Истинный соціалистъ съ грустью смотритъ на эту эпидемію и ждетъ, чтобы пришелъ часъ *его* дѣла».[1])

«Нынѣшняя національно-религіозная война,—пишетъ П. Л. Лавровъ,—неизбѣжно сблизитъ между собою среди южныхъ славянъ классы экономическихъ и государственныхъ эксплуататоровъ съ массами, ими эксплуатируемыми. Политическіе вопросы заслонятъ и отложатъ на неопредѣленное время вопросы экономическіе. Если война кончится въ пользу славянъ, то послѣ ея окончанія придется начинать чуть не съ начала дѣло Светозара Марковича и его товарищей. Конечно, оно окончательно должно восторжествовать, но всякій, идущій теперь биться на берега Моравы и Дрины, если онъ человѣкъ разсуждающій, долженъ сказать себѣ, что онъ своими силами содѣйствуетъ процессу временнаго *ослабленія* демократической пропаганды среди южныхъ славянъ и отложенія на болѣе *дальнее* будущее счастья для нихъ».

«Южные славяне,—продолжаетъ Лавровъ,—подданные Милана

[1]) См. «Впередъ» № 42, 1876 г., октябрь, стр. 595—598. Курс. подлинника.

или Франца Іосифа могутъ, независимо отъ границъ образовать для народной пропаганды и организаціи плодотворную почву, которая вызвала бы въ надлежащую минуту народное движеніе въ чисто соціалистическомъ духѣ во всѣхъ юго-славянскихъ земляхъ; это движеніе подало бы руку соціалистамъ Австріи, Венгріи и Россіи, которые парализовали бы усилія своихъ правительствъ подавить славянскихъ соціалистовъ юга силами другихъ національностей. Когда же южно-славянскіе дѣятели разрѣшили бы *свои* задачи, они могли бы совершенно успѣшно понести на югъ своимъ братьямъ, еще не освобожденнымъ отъ турецкаго ига, вооруженную проповѣдь независимости отъ всякаго политическаго и всякаго экономическаго ига».[1])

Развивая свою интернаціональную точку зрѣнія на балканскія событія, Лавровъ, между прочимъ, ссылается, какъ мы видимъ, на «дѣло Светозара Марковича», торжество котораго замедлится, если славяне бросятся на борьбу съ турками за свое національное освобожденіе.

Но сербскій соціалистъ-интеллигентъ Светозаръ Марковичъ, воспитавшійся на русской соціалистической литературѣ 60-хъ г.г., въ особенности на Чернышевскомъ, никакъ не былъ въ этомъ случаѣ солидарнымъ съ точкой зрѣнія Лаврова. Какъ разъ въ 1875 г. въ газетѣ «Освобожденіе» онъ пытался — «*связать зарождавшуюся тогда на Балканахъ національную революцію съ революціей соціальной*»[2]) и предвидѣлъ, или хотѣлъ видѣть на развалинахъ турецкой имперіи образованіе новаго государства,—«свободную и сильную Балканскую федерацію». Иначе говоря, Светозара Марковича воодушевлялъ тотъ самый идеалъ и тѣ самыя надежды, какія воодушевляли, напр., въ «Запискахъ Профана», русскаго интеллигента-народника и тоже соціалиста Н. К. Михайловскаго. Совпаденіе въ ихъ оцѣнкѣ событій 1875—1876 гг. намѣчается несомнѣнно полное, и Светозаръ Марковичъ такъ же мало могъ бы видѣть задержку для своего дѣла со стороны «всякаго идущаго биться на берега Моравы и Дрины», какъ мало могъ бы протестовать противъ зарождающагося національно-соціальнаго теченія на Балканахъ тотъ же Михайловскій. Оба они, и Светозаръ Марковичъ, и Михайловскій мечтали видѣть перерожденіе національной революціи въ соціальную. Оба они стремились къ созданію свободной и сильной Балканской федераціи. Оба они, наконецъ, думали, что балканскіе славяне *сами*

---

[1]) См. «Впередъ» № 44, 1876 г. октябр., ноябрь., стр. 665, курс. подл.

[2]) См. ст. В. Викторова-Топорова «Светозаръ Марковичъ» (Страница изъ исторіи общественныхъ движеній въ Сербіи) «Голосъ Минувшаго», март. 1913 г. Цит. мѣсто на стр. 46. к. мой.

своими силами разрѣшатъ эту задачу, если только—«имъ удастся протискаться сквозь сѣть дипломатическихъ тонкостей», опутавшихъ, какъ кандалами ихъ самодѣятельность.

Итакъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, славяно-сербская война сразу расколола русское общественное движеніе на два лагеря. Въ одномъ «*пріявшемъ* войну» оказался въ зиму 1875—1876 гг. авторитетнѣйшій соціологъ и публицистъ той эпохи—Н. К. Михайловскій, бывшій уже въ то время авторомъ «Борьбы за индивидуальность»; въ другомъ же мы съ самаго начала видимъ импозантную фигуру П. Л. Лаврова, только что передъ тѣмъ выпустившаго въ свѣтъ первую часть своего огромнаго труда: «Опытъ исторіи мысли». Ворвавшись на арену исторіи, какъ новый никѣмъ не ожидавшійся фактъ, герцеговинское возстаніе послужило первой *конкретной* пробой для *практическаго* приложенія выработанныхъ обоими названными теоретиками народническаго соціализма исходныхъ положеній. И совершая эту конкретную пробу практическаго приложенія своихъ идей они рѣзко разошлись въ противоположныя стороны. Каждый изъ нихъ выработалъ свою «утопію», но «утопіи» эти были разныя.

Для Михайловскаго въ Герцеговинѣ началась заря новой жизни. Правда, сама по себѣ національная борьба славянъ не особенно подкупала его въ свою пользу. Онъ не разъ говорилъ, что чисто національныя движенія обычно отодвигаютъ на задній планъ разрѣшеніе вопросовъ соціальныхъ[1]). Но въ этомъ случаѣ національное какъ бы сочеталось съ соціальнымъ и Михайловскому, такъ же какъ такимъ его соратникамъ, какъ Успенскій, казалось несомнѣнно, что это сочетаніе элемента соціальнаго съ національнымъ можетъ повести къ самымъ рѣшительнымъ перемѣнамъ въ соотношеніи общественныхъ силъ на всемъ континентѣ Европы. Это была «утопія». Событія ее въ то время не оправдали и, однако, она не умерла.

Обратимся теперь опять къ Лаврову.

Отринувъ активное участіе въ герцеговинскомъ движеніи, Лавровъ не сталъ уклоняться отъ рѣшенія вопроса: *что же дѣлать?* Онъ сказалъ намъ то же самое, что говорятъ и теперь; т.-е., что сербско-герцеговинское движеніе не есть борьба за національное освобожденіе, а борьба капиталистовъ и дворянъ между собой за власть надъ народами и націями. Онъ сказалъ кромѣ того, что періодъ національныхъ войнъ уже прошелъ, онѣ стали теперь анахронизмомъ и тотъ, кто считаетъ себя разсудительнымъ и послѣдовательнымъ соціалистомъ, долженъ бороться за освобожденіе не національное, а соціальное.

---

[1]) Ср. напр. «Зап. Проф.», гл. XVI, стр. 603—604.

V. Балканскія событія и кризисъ политическихъ идей русскаго народничества.

Параллель между П. Л. Лавровымъ и Н. К. Михайловскимъ, осталась бы далеко неполной, если бы мы не коснулись отношенія обоихъ этихъ писателей еще къ одному очень важному пункту,—именно къ *волонтерству*. Славянскую борьбу съ турками за 1875—1876 гг. ничто такъ не характеризуетъ, какъ наличность волонтеровъ въ регулярныхъ арміяхъ, и притомъ волнотеровъ изъ чисто народной, даже прямо *соціалистической* среды.

Въ моментъ балканскихъ событій 75—76 годовъ, судя по первому впечатлѣнію, прежде всего, соціалистическое волонтерство на помощь славянамъ встрѣтило страстный и рѣшительный отпоръ и протестъ со стороны того же П. Л. Лаврова, и что особенно интересно отмѣтить,—какъ разъ въ этомъ пунктѣ произошло, *повидимому*, серьзное совпаденіе въ настроеніи съ одной стороны Лаврова, а съ другой оставшихся «на славномъ посту» въ Россіи народниковъ радикаловъ. Занявъ рѣзко отрицательную позицію по отношенію къ волонтерству, страстно нападая на него, Лавровъ выдвинулъ въ защиту своей точки зрѣнія аргументы, которые мы и теперь отнюдь не можемъ считать вполнѣ для насъ безразличными. Ярко и сильными штрихами Лавровъ нарисовалъ въ своемъ журналѣ, въ извѣстной уже намъ статьѣ, картину безнадежно унылой жизни русскаго общества передъ тѣмъ, какъ возгорѣлось славянское движеніе.

«Конечно,—говоритъ Лавровъ,—для пустой и безцвѣтной русской жизни, борьба славянъ съ турками—героическая эпопея. Русскій человѣкъ привыкъ всю жизнь тратить на заботу о кускѣ хлѣба или о наживѣ, на мелкое огражденіе себя противъ мелкихъ враговъ, или на пустыя интриги изъ-за чина и мѣста; онъ привыкъ итти въ битву противъ венгерцевъ и поляковъ, потому что начальство приказало, потому что выслужиться можно, безъ всякаго сознанія изъ-за чего ведутъ бой; и вдругъ ему представляется возможность, при той-же самой обстановкѣ, участвовать словомъ, мыслью даже дѣломъ въ человѣческомъ возбужденіи, въ борьбѣ за широкій общественный вопросъ. Совершенно понятно, что онъ упивается этимъ проблескомъ человѣчности въ своей скотской жизни; совершенно понятно, что онъ искренне хочетъ быть человѣкомъ съ людьми, борющимися за человѣчный вопросъ; онъ искренне воображаетъ себя участникомъ въ человѣчномъ дѣлѣ».

«Не будучи въ состояніи сами переживать политическихъ и общественныхъ движеній, русскіе жаждутъ и теперь переживать ихъ воображеніемъ. Рабы упиваются въ мысли разсказами

о чужомъ порывѣ къ свободѣ; наиболѣе пылкія единицы готовы пойти въ ряды гарибальдійцевъ, коммунаровъ, славянъ, лишь бы участвовать въ чемъ-нибудь похожемъ на историческую жизнь, которой они такъ вполнѣ лишены у себя дома. И это относится не только къ интеллигенціи».[1])

Словомъ, въ увлеченіи русскаго общества славянскимъ вопросомъ Лавровъ видѣлъ чуть ли не одно проявленіе *стаднаго чувства*, массовую психическую заразу, а на фундаментѣ стаднаго чувства, какъ извѣстно, нельзя основать ничего прочнаго. Несомнѣнно въ этихъ страстныхъ нападкахъ Лаврова на русскую интеллигенцію было много вѣрнаго. Тутъ у него сорвалось съ негодующаго пера не мало горькой и печальной правды для насъ. И не одинъ только Лавровъ обращается тогда съ предостерегающими указаніями по адресу русской интеллигенціи. Не одинъ онъ замѣчалъ нѣчто непрочное въ томъ *общенаціональномъ подъемѣ*, который тогда нами переживался. Я упоминалъ уже, что нѣчто подобное лавровскимъ указаніямъ дѣлалъ, и даже нѣсколько раньше, опережая его, Михайловскій отъ лица Темкина, героя очерковъ «Въ перемежку». Чтобы показать до какой рѣзкости доходилъ тутъ Михайловскій я позволю себѣ привести большой отрывокъ изъ его очерковъ, имѣющій далеко не одинъ только историческій интересъ.

«Не для того, чтобы трактовать о событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ,—куда ужъ мнѣ! а только, чтобы показать, до чего можетъ простираться наша черствость, я—пишетъ Михайловскій—загляну на минутку въ это море убійствъ и благороднѣйшихъ чувствъ, пожаровъ и краснорѣчивѣйшихъ воззваній...

«Написалъ нѣсколько строкъ и вычеркнулъ: слишкомъ ужъ черство выходитъ, до нецензурности черство. А между тѣмъ клянусь вамъ, я желаю побѣды славянамъ сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ тѣ милыя и добрыя дамы, которыя ходятъ съ кружками по вагонамъ желѣзныхъ дорогъ; сильнѣе, сознательнѣе и чище, чѣмъ многіе газетные риторы, которые вдругъ поголовно обратились въ благороднѣйшихъ жрецовъ свободы. Нѣтъ, это въ сторону. Но все-таки хоть для того, чтобы дать вамъ матеріалъ хоть нѣкоторый для сужденія о нашей черствости, я сообщу вамъ вопросъ, который теперь неотвязно, мучительно преслѣдуетъ меня. Кругомъ всеобщее возбужденіе. Естественно, что наверхъ всплываютъ тѣ, кто возбужденъ сильнѣе, или умѣетъ казаться сильнѣе возбужденнымъ, или не встрѣчаетъ препятствій для выраженія своего возбужденія—тѣ, однимъ словомъ, кто отъ

[1]) См. «Впередъ», № 42, стр. 593, 594.

природы или по обстоятельствамъ голосистѣе. Россія есть прекрасная страна, въ которой, однако, много прохвостовъ, какъ и во всякой, впрочемъ странѣ. Прохвосты тоже всплываютъ наверхъ. И меня чрезвычайно занимаетъ вопросъ, куда всѣ они дѣнутся, когда историческая волна, такъ или иначе, покончитъ съ турецко-славянскими событіями. Останутся ли они на поверхности, придавая ей свой цвѣтъ и запахъ, или исчезнутъ въ пучинѣ. Вопросъ чрезвычайно черствый и, такъ сказать, несвоевременный, но все-таки любопытный. Приходилъ ли онъ вамъ въ голову или нѣтъ, и какъ вы его разрѣшили, если приходилъ,—этого я не знаю. Я только къ тому, что при всей нашей любви, намъ приходятъ иногда въ голову жесткіе вопросы, за что на насъ и косятся. Оно и понятно. Стоитъ человѣкъ на площади и кричитъ «ура». Проходитъ другой человѣкъ и говоритъ: кричать-то ты кричи, а дай-ка я пересмотрю твои сто ризокъ. Жестокій человѣкъ, неделикатный человѣкъ, энтузіазма и картинности не понимаетъ» [1]).

Это было написано Михайловскимъ въ августѣ 1876 года. И чѣмъ дальше тѣмъ все рѣзче и рѣзче начинаются слышаться такія ноты въ его публицистикѣ. Въ октябрѣ 1876 г. онъ, какъ это мы уже знаемъ, о своихъ увлеченіяхъ славянскимъ движеніемъ говоритъ не иначе, какъ въ *прошломъ* времени.

«Простительно было ждать,—какъ бы оправдывается тутъ Михайловскій,—и я ждалъ. Я упустилъ изъ виду физическій законъ, по которому солнечный лучъ, встрѣчая среду болѣе плотную, чѣмъ воздухъ, отклоняется, преломляется. Я упустилъ изъ виду элементъ спекуляціи. Вмѣсто того, чтобы дѣлать простое и прямое дѣло, поставленное передъ нами исторіей, мы стали спекулировать. Пристраиваясь къ какому-нибудь предпріятію, спекулянтъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, не осуществленіе его, а тѣ побочныя, не относящіяся прямо къ предпріятію и часто мѣшающія ему выгоды, которыя можно сорвать *на пути* къ осуществленію и вообще внѣ его» [2])

Среди представителей такихъ спекулянтовъ на славянскомъ дѣлѣ очень скоро выдвинулось тогда «Новое Время», только что передъ тѣмъ основанное А. С. Суворинымъ, въ то время еще большимъ либераломъ. Какъ показываетъ самое названіе газеты, Суворинъ предполагалъ издавать передовой органъ *новаго времени*. Одно время сотрудничать у него предполагали даже Салтыковъ и Некрасовъ, отказался только,—по словамъ самого Суворина,—

---

[1]) См. т. IV, стр. 288—289.
[2]) См. соч. т. III, стр. 841, курс. подл.

Михайловскій.[1]) Какъ очень ловкій журналистъ, Суворинъ въ 1875—1876 гг. хорошо учелъ настроеніе общества и понялъ, что на славянскомъ движеніи можно получить—«большій барышъ, чѣмъ съ мѣста квартальнаго». Очень скоро, однако, Суворинъ окончательно растерялъ всѣ свои либеральные принципы, поскольку они у него еще оставались, и превратился въ настоящаго «Ивана Непомнящаго» русской литературы. Въ «Дневникѣ и перепискѣ Ивана Непомнящаго», именно, Суворину посвящено Михайловскимъ послѣднее письмо его героя къ Иванушкѣ-Дурачку. Написано оно въ мартѣ 1877 г., наканунѣ объявленія русско-турецкой войны, окончательно передавшей дѣло освобожденія славянъ изъ рукъ Россіи-общественной въ руки Россіи-государственной.

«Теперь Иванушка,—обращается Иванъ Непомнящій къ Иванушкѣ-Дурачку,—поговоримъ о «Новомъ Времени». Это тоже мой псевдонимъ, ежедневный, политическій и литературный псевдонимъ Ивана Непомнящаго. Началъ я съ откровеннаго заявленія, что буду держаться откровеннаго направленія. Когда герцеговинское возстаніе уже разрослось, я все еще откровенничалъ на счетъ будуаровъ кокотокъ, заглядывалъ по временамъ на биржу и острилъ надъ генераломъ Черняевымъ. Но вдругъ я получилъ просіяніе своего ума и воскликнулъ:

Громъ побѣды раздавайся
Веселися, храбрый россъ.

Подхватили и другіе, а хоръ музыкантовъ лейбъ-гвардіи шампанскаго полка только того и ждалъ. Музыка грянула и подъ ея торжественные звуки, торжественно и вмѣстѣ съ тѣмъ весело, пара за парой двинулся полонезъ. Впереди разумѣется были генералы, потомъ полковники. Но и мы съ тобой были не изъ послѣднихъ. Какъ два мѣднолобые, то бишь мѣднолатые Аякса,

Мы шли.
Величаво, шли...

Откровенно говоря, впрочемъ, не очень величаво; разнообразно больше. Мы и до сихъ поръ идемъ, но, такъ какъ полонезъ очень затянулся, то идемъ довольно лѣниво, устали, особенно я, потому что много колѣнцевъ, сверхъ положенія выкидывалъ. Повѣсть о томъ, какъ и почему забылъ я во время этого шествія, можетъ быть поучительна, но слишкомъ ужъ длинна. Да и ты

---

[1]) См. воспоминанія А. С. Суворина о Некрасовѣ въ «Новомъ Вр.» за 1877 г. Перепечатана въ книгѣ Ч. Вѣтринскаго «Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ». М. 1911 г. Ср. особенно прим. на стр. 177.

за послѣднее время отставать сталъ, должно быть понимать началъ. Я только о томъ, чего ты во всякомъ случаѣ не доглядѣлъ».[1])

Не доглядѣлъ же Иванушка-Дурачекъ какъ разъ тѣхъ спекуляцій, которыми было искажено все дѣло славянскаго освобожденія. Начали мы его съ громкихъ словъ о нашей безкорыстной помощи возставшимъ сербамъ и герцеговинцамъ, а затѣмъ въ дѣло стали вмѣшиваться, какъ выражается Михайловскій, «то ключи, то проливы», хотя Иванъ Непомнящій и очень краснорѣчиво распространялся на тему: «Мнѣ лично Константинополя и проливовъ тамъ вовсе не нужно, они нужны Россіи», и пр.

Я не стану продолжать дальнѣйшее разсмотрѣніе этой темы. Не стану приводить тутъ и аргументацію Михайловскаго, съ которой онъ выступаетъ и противъ «ключей» и противъ «проливовъ». Это завело бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ той эпохи, которой мы теперь заняты. Я ограничусь тѣмъ, что мною уже сказано выше. Прибавлю лишь, что въ то же время, начиная со второй половины 1876 г., такую же точно эволюцію по отношенію къ славянскому вопросу совершили другіе два сотрудника «Отеч. Запис.»,—Г. З. Елисеевъ и Г. И. Успенскій. Первый въ своихъ «Внутреннихъ Обозрѣніяхъ», второй въ «Письмахъ невоеннаго человѣка» изъ Бѣлграда, напечатанныхъ въ декабрѣ 1876 г. и январѣ 1877-го. Вся эта полоса въ тогдашней журналистикѣ знаменовала собою полный разрывъ радикальнаго народничества съ *общенаціональнымъ подъемомъ* предыдущей зимы. На какой почвѣ произошелъ разрывъ, намъ это тоже понятно изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Дѣло было, конечно, не въ однихъ спекулянтахъ, пристроившихся къ славянскому вопросу,—безъ нихъ не обходится ни одно широкое общественное движеніе. Гораздо болѣе опасной являлась та *повальность* общаго увлеченія, которую отмѣчали и Лавровъ, и Михайловскій. Освободившись неожиданно для себя отъ разныхъ рогатокъ и запрещеній, общественная энергія сразу направилась въ то время по линіи наименьшаго сопротивленія,а не по линіи наибольшей потребности. Для нея важно было, что, наконецъ-то, находился выходъ и выходъ чрезвычайно благородный для накопившихся силъ. Ради этой возможности дать выходъ неиспользованнымъ исторіей силамъ стала скоро теряться изъ виду та основная *цѣль*, ради которой и началось все движеніе. Постепенно сталъ исчезать изъ виду первоначальный лозунгъ чисто *освободительной* борьбы, замѣняясь разными посторонними задачами, встрѣченными «по пути» и начисто уничтожа-

[1]) Соч. т. II, стр. 880—886. По «Отеч. Зап.». цит. мѣсто на стр. 151—152 кн. 3-ей за 1877 г.

вшими прежнія. Какъ во снѣ фараона, такъ и здѣсь тощія коровы эгоизма и своекорыстія пожирали коровъ тучныхъ, и война освободительная превращалась въ войну завоевательную. Основная же масса интеллигентной толпы не разбиралась въ этомъ, она частью по недоразумѣнію, частью сознательно, лишь прикрывая свои спекуляціи прежними демократическими лозунгами, покорно, а порой съ энтузіазмомъ, шла за событіями...

Съ другой стороны былъ замѣчателенъ слѣдующій фактъ. Тамъ, гдѣ у русскаго интеллигента находилось подъ руками *свое* удовлетворяющее его дѣло, тамъ люди не спѣшили ѣхать ни въ гарибальдійцы, ни въ коммунары, ни къ славянамъ, а оставаясь на своемъ посту продолжали разъ начатую ими и по ихъ мнѣнію очень нужную и крайне отвѣтственную работу. Чрезвычайно любопытный эпизодъ въ этомъ отношеніи мы находимъ въ воспоминаніяхъ М. Ф. Фроленко[1]) какъ разъ объ эпохѣ 1875—1876 гг.

«Но вотъ,—разсказываетъ онъ,—начинается черногорское или герцеговинское возстаніе. Кравчинскій и другіе русскіе эмигранты ѣдутъ туда. Кравчинскій пишетъ письмо, посылаетъ Аксельрода за новобранцами и кстати проситъ заѣхать въ Николаевъ, найти тамъ меня и пригласить въ Герцеговину. Ѣхать въ Герцеговину я отказался, у насъ въ то время происходило чигиринское движеніе, я и полагалъ, что вмѣсто Герцеговины слѣдуетъ ѣхать въ Чигиринъ. Изъ николаевцевъ въ Герцоговину собирался одинъ, но такъ и не двинулся съ мѣста. Въ Чигиринъ изъ насъ тоже никто не отправился, но зато составился новый планъ дѣйствій».

Фроленко и его товарищи отказались ѣхать въ Герцеговину. Почему? Потому что они не сочувствовали герцеговинскому движенію? Нѣтъ, не поэтому, а потому что они предпочитали въ Чигиринѣ имѣть свою Герцеговину, вмѣсто того, чтобы въ Герцеговинѣ искать свой Чигиринъ. «У насъ есть свое дѣло», отвѣтили они, по словамъ того же М. Ф. Фроленко посланцу изъ-за границы,—и остались на своемъ посту.

Рядомъ съ этимъ фактомъ я позволю себѣ поставить еще одинъ малоизвѣстный литературный эпизодъ. Для насъ онъ тѣмъ болѣе важенъ, что я возьму его изъ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго, противника Лаврова по взглядамъ на балканскія событія. Мы увидимъ сейчасъ, что между Лавровымъ и Михайловскимъ, при всемъ различіи ихъ взглядовъ на Герцеговину, было и кое-что общее.

---

[1]) Напечатаны въ сб. «О минувшемъ». СПБ. 1909, стр. 234—287 Ср. такъ же статью того же автора въ кн. XI «Современ». за 1913 г., стр.78. 104.

Въ «Отечеств. Записк.» за іюль 1876 г. была, между прочимъ, напечатана упоминавшаяся мною XXII глава «Запис. Профана», не вошедшая впослѣдствіи ни въ одно изъ собраній его сочиненій, глава чисто полемическая. Какъ чисто полемическое произведеніе она и была, несомнѣнно, выброшена впослѣдствіи Михайловскимъ изъ отдѣльныхъ изданій его работъ. Однако, читатель къ этой главѣ не можетъ отнестись такъ же, какъ къ ней отнесся слишкомъ ужъ строгій къ самому себѣ авторъ. потому,что среди полемики ввы брошенной главѣ«Запис.Профана» вкраплено нѣсколько фразъ чрезвычайно цѣнныхъ для характеристики общественнаго настроенія средины 70-хъ гг. Рѣчь тамъ идетъ объ одной дѣвушкѣ-нигилисткѣ, на поведеніе которой, по какому-то недоразумѣнію, обрушился въ «Недѣлѣ» съ большимъ негодованіемъ «Провинціальный философъ»[1]). Людей, подобныхъ русской «нигилисткѣ» онъ назвалъ тамъ,—«мучными червями, не имѣющими руководящей ниточки жизни». На эти нападки и отвѣчаетъ Михайловскій.

«Я вамъ вотъ что скажу,—возражаетъ онъ «Провинціальному философу»—мучные черви, какъ слышно рвутся теперь въ Сербію. Это такъ естественно въ людяхъ, умѣющихъ умирать за други своя. Но если тотъ мучной червь, который возбудилъ негодованіе въ профессорѣ и философѣ, не рвется, не ѣдетъ,—*такъ значитъ такъ и нужно, значитъ онъ нужнѣе здѣсь:его руководящая ниточка безошибочна*, и не намъ съ «Провинціальнымъ философомъ» давать ему совѣты».

И затѣмъ Михайловскій обращается непосредственно къ той «нигилисткѣ», изъ-за которой у него произошло столкновеніе съ «Недѣлей». «Иди, дѣвушка, своей дорогой и имѣй великодушіе не поминать насъ лихомъ».[2])

Оба эти примѣра даютъ намъ право сказать, что, очевидно, далеко не всѣ—«наиболѣе пылкія единицы готовы были у насъ пойти—какъ говоритъ Лавровъ—въ ряды гарибальдійцевъ, коммунаровъ, славянъ, лишь бы участвовать въ чемъ-нибудь, похожемъ на историческую жизнь, которой мы такъ вполнѣ лишены у себя дома». Кое-что къ этому времени создалось и у насъ дома. Правда, это кое-что было не велико, это были лишь маленькіе зародыши, обѣщавшіе, однако, широкое развитіе въ будущемъ. Правда также, что для посторонняго взгляда не было замѣтно, особенно въ моментъ повальнаго увлеченія славянскимъ движе-

---

[1]) Подъ этимъ псевдонимомъ писалъ тогда въ «Недѣлѣ» Н. В. Шелгуновъ.

[2]) См. «Отеч. Зап.», № 7 за 1876 г. стр. 174—175. Курс. мой. Цитированное мѣсто тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно относится ко времени еще полнаго увлеченія со стороны Михайловскаго славянскимъ движеніемъ.

ніемъ, что гдѣ-то тамъ подъ спудомъ «гнусной расейской дѣйствительности» начинали уже пробиваться ростки грядущей новой жизни. Получалось даже напротивъ такое впечатлѣніе, что *вся* безъ исключенія Россія спала мертвымъ сномъ и была разбужена только славянскими событіями, въ которыхъ и приняла лихорадочное участіе, а до того у насъ ровно ни въ чемъ не проявлялась живая душа русскаго народа. Разумѣется это было далеко не такъ и попытку опротестовать такое мнѣніе мы находимъ еще въ очеркахъ Михайловскаго «Въ перемежку» [1]), въ ихъ заключительной части, написанной уже въ іюнѣ 1877 г., послѣ начала русско-турецкой войны, когда главную роль въ помощи славянамъ стали играть не общественная, а *государственная* Россія.

Конечно, Михайловскій былъ правъ,—далеко не вся Русь спала сномъ непробуднымъ, и мы это только что видѣли на примѣрахъ М. Ф. Фроленко и дѣвушки-нигилистки. Ихъ обоихъ балканскія событія вовсе не застали, какъ огромное большинство русскаго общества, спящими сномъ непробуднымъ. Они могли сочувствовать славянамъ и безусловно имъ сочувствовали.

Возможно, и даже навѣрное, что и Фроленко и дѣвушка-нигилистка при нѣсколько иныхъ условіяхъ сами бы оказались на берегахъ Моравы и Дрины, въ рядахъ сербскихъ и герцеговинскихъ повстанцевъ. Но при всемъ ихъ сочувствіи къ славянамъ они не забывали, что у нихъ кромѣ того есть еще здѣсь внутри Россіи, въ средѣ русскаго народа *свое* собственное дѣло, требующее ихъ личнаго присутствія, такъ какъ никто иной о немъ не станетъ заботиться. Не забывали они такъ же, что въ борьбѣ славянъ съ турецкимъ гнетомъ главную роль играла въ ихъ глазахъ не сама война, а ея освободительные мотивы и цѣли. «Надо быть большимъ романтикомъ или маленькимъ философомъ, чтобы въ самой войнѣ, какъ войнѣ,—писалъ тогда Елисеевъ,—находить какое-нибудь нравственное обновленіе для общества» [2]). Не въ самой войнѣ, какъ войнѣ, находили нравственное обновленіе и люди 70-хъ гг., «пріявшіе войну». Дѣло было не въ ней, а въ тѣхъ лозунгахъ, подъ которыми она велась, въ тѣхъ результатахъ для измѣненія

---

[1]) См. томъ IV соч., стр. 368, слова: «Теперь, когда наши добровольцы уже совершили свои подвиги въ Сербіи, а наши войска еще совершаютъ подвиги въ Европѣ и Азіи, на сушѣ и на водѣ, многіе радуются, что вотъ, дескать, внѣшній толчокъ насъ разбудилъ, вызвалъ новыя чувства, новыя мысли, новыя стремленія, а то, дескать, вся Русь спала сномъ непробуднымъ. «Вся Русь»—это слишкомъ сильно сказано. Увѣряю васъ она не вся спала, и вамъ стоитъ только немного повдумчивѣе осмотрѣться, чтобы увидѣть, что бодрственная жизнь шла и идетъ своимъ чередомъ. Вы ея не замѣчали— тѣмъ хуже для васъ: вы пропустили много любопытнаго, занимательнаго и поучительнаго».

[2]) См. «Внутреннее Обозрѣніе» въ «Отеч. Зап.» за май 1877 года, стр. 116.

общественныхъ отношеній, къ которымъ она могла привести. И если бы оказалось, что лозунги ея на самомъ дѣлѣ вовсе не тѣ, которые за нею первоначально предполагались, а равно, если бы намѣтились совсѣмъ иные, чѣмъ первоначально результаты начатой борьбы, то очевидно для всѣхъ защитниковъ ея должна была бы настать полоса большихъ разочарованій, большого кризиса освободительныхъ идей.

VI. Прежнее волонтерство.

Главная масса передовой тогдашней интеллигенціи смотрѣла на герцеговинское возстаніе приблизительно такъ, какъ на него смотрѣлъ Н. К. Михайловскій.

Этотъ мотивъ несомнѣнно былъ тогда доминирующимъ въ средѣ передовой интеллигенціи. Да и не могло быть иначе, когда на Балканахъ поднялся *самъ народъ* и поднялся на борьбу за свою землю и волю? Среди сторонниковъ балканскаго движенія мы находимъ, напр., столь крупнаго представителя активнаго народничества 70-хъ гг., какъ А. И. Желябовъ. Любопытныя свѣдѣнія о его отношеніи къ Герцеговинѣ оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ М. П. Драгомановъ.

По словамъ Драгоманова, Желябовъ въ 1875 г., лѣтомъ, входилъ въ составъ полугласнаго комитета, который занимался собираніемъ денегъ и отправкою волонтеровъ въ Герцеговину. Это было за годъ до оффиціознаго черняевскаго похода. Самъ Желябовъ въ то время числился уже привлеченнымъ къ дѣлу о пропагандѣ въ 33-хъ губерніяхъ, но былъ оставленъ до суда,—впослѣдствіи, такъ называемый процессъ 193-хъ,—на свободѣ. Двое сербовъ, трое украинцевъ, одинъ полякъ и Желябовъ, таковъ былъ, по словамъ Драгоманова, составъ вышеупомянутаго комитета [1]).

Другой примѣръ, аналогичный примѣру Желябова, передаетъ Дебагорій-Мокріевичъ, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ Викторомъ Малинкой, тоже очень крупнымъ дѣятелемъ 70-хъ гг., хотя и не столь популярнымъ, какъ Желябовъ. «Когда я съ нимъ познакомился,—вспоминаетъ Дебагорій-Мокріевичъ,—онъ увлеченъ былъ въ ту минуту болгарскимъ освободительнымъ движеніемъ отъ турецкаго ига и все время возился съ болгарами, проживавшими въ Одессѣ. Насколько мнѣ извѣстно среди нихъ былъ и Стамбуловъ,—впослѣдствіи болгарскій президентъ

---

[1]) См. «Сочиненія», т. II, стр. 434—435. Цитировано также у Богучарскаго, см. «Активное народничество», стр. 288—289.

министръ и милліонеръ,—тогда же бѣдный юноша, не имѣвшій во что одѣться» [1]).

Можно было бы привести и еще нѣсколько аналогичныхъ фактовъ [2]). Правда, все это, такъ сказать, иллюстраціи частнаго характера. Но, во-первыхъ, эти частныя иллюстраціи касаются такихъ крупныхъ фигуръ, какъ Желябовъ или Малинка, а, во-вторыхъ, у насъ есть и суммарныя характеристики добровольческаго движенія на Балканы. Однимъ изъ такихъ свидѣтельствъ является корреспонденція въ № 44 «Впередъ», сообщающая рядъ фактовъ о движеніи волонтеровъ на Балканы. Мы знаемъ, какъ относился самъ редакторъ «Впередъ» П. Л. Лавровъ къ волонтерскому движенію,—онъ былъ его противникомъ. Относясь отрицательно къ волонтерамъ Лавровъ задавался, однако, вопросомъ: «насколько движеніе это затронуло ряды той молодежи, въ которой соціалисты вербуютъ своихъ приверженцевъ» и насколько поэтому они, соціалисты—«должны пріостановить или видоизмѣнить свою дѣятельность въ виду совершающихся событій»? Лавровъ ставилъ такой вопросъ съ несомнѣнно тревожнымъ чувствомъ и въ виду этого становятся особенно любопытными тѣ факты, которые онъ счелъ нужнымъ опубликовать на страницахъ своего журнала.

«Здѣсь ждутъ,—пишетъ П. Л. Лаврову его петербургскій корреспондентъ отъ 28 сент.—10 окт. 1876 года,—и ждутъ съ нетерпѣніемъ, чтобы вы высказались подробнѣе и опредѣленнѣе по поводу движенія волонтеровъ отсюда въ Сербію. Это движеніе приняло было такіе широкіе размѣры и возбудило такой энтузіазмъ, что не встрѣчало въ началѣ ни оппозиціи, ни даже критики; только спустя нѣкоторое время часть молодежи стала

---

[1]) Воспоминанія. Вып. II, стр. 224.

[2]) Ср., напр., въ очеркахъ «Въ перемежку» Н. К. Михайловскаго разсказанную имъ тамъ біографію Ник. Дм. Далматова.—«Родился въ 1842 г., отъ состоятельныхъ родителей-помѣщиковъ. Служилъ на военной службѣ. Гуманность и доброе отношеніе къ нижнимъ чинамъ снискали ему искреннюю любовь послѣднихъ. Вышелъ въ отставку въ чинѣ подпоручка. Въ 1859 году онъ получилъ по духовному завѣщанію 1000 дес. земли съ соотвѣтствующимъ числомъ крестьянъ. Не заключая никакихъ условій Ник. Дм. отдаетъ крестьянамъ волю и отдаетъ имъ всю землю. Услыхавъ, что подготовляется болгарское возстаніе (въ концѣ 60-хъ годовъ) отправился черезъ Одессу въ Болгарію. Въ Одессу онъ прибылъ уже безъ копейки. Прибывъ на мѣсто получилъ командованіе однимъ изъ отрядовъ, но возстаніе не состоялось. Вернулся въ Россію. Поступилъ слесаремъ въ конотопскую жел.-дор. мастерскую. Здѣсь его застало герцеговинское возстаніе. Онъ немедленно поѣхалъ туда и въ сраженіи подъ Карагуевацомъ 8(20) января былъ убитъ».—«Вотъ, милостивые государи, фигура,—пишетъ Михайловскій, разсказавъ жизнь Далматова.—Красивая фигура. Конечно, это еще не фигура, а только остовъ, скелетъ, формулярный списокъ. Пусть художникъ одѣнетъ его плотью, пусть онъ реставрируетъ его жилы и погонитъ по нимъ горячую алую кровь, пусть разгадаетъ его душу и разскажетъ, какъ и что двигало Далматова; пусть художникъ сдѣлаетъ это—«и вы должны будете преклониться предъ красотою этого образа». См. сочиненія, томъ IV, стр. 273, писано въ маѣ 1876 года.

относиться ко всему движенію болѣе скептически.—Что касается мотивовъ, изъ-за которыхъ ѣдутъ волонтеры, то они, разумѣется, самые разнообразные. Изъ моихъ личныхъ наблюденій могу сообщить слѣдующее.

Отставные солдаты, особенно старые, ѣдутъ просто изъ желанія «побить турку»; другіе ѣдутъ возмущаясь звѣрствами турокъ; немаловажную роль играетъ, конечно, религіозный элементъ.—Изъ офицеровъ я знаю такихъ, которые поѣхали изъ-за сочувствія къ славянскому дѣлу. Но есть между ними и люди вполнѣ *наши* по чувствамъ и убѣжденіямъ, которымъ невыносима была обстановка, среда и дѣятельность, въ которой они вращались и участвовали, но которые, однако же, не имѣли достаточно силы, чтобы выйти изъ нея на настоящую дорогу; и вотъ они бросились въ Сербію, разсчитывая, что тамъ они принесутъ хоть какую-нибудь пользу, такъ какъ по ихъ словамъ, пока южные славяне не освободятся отъ турокъ, вся ихъ энергія, всѣ силы будутъ направлены на это освобожденіе, въ ущербъ могущему развиться, при ихъ независимости, соціальному движенію.

Студенты ѣдутъ отчасти изъ сочувствія къ славянскому дѣлу, отчасти изъ-за либеральныхъ принциповъ «освобожденія подавленныхъ народовъ», а въ большинствѣ случаевъ просто отъ нравственнаго утомленія, невыносимости жизни при окружающихъ условіяхъ и при недостаткѣ энергіи къ борьбѣ.

Рядомъ со всѣми вышеисчисленными лицами отправилось на войну нѣкоторое количество людей, просто вслѣдствіе невозможности знать и слышать о тѣхъ звѣрствахъ, какія совершаются турками, не участвуя въ борьбѣ противъ нихъ; но есть нѣсколько лицъ и такихъ, отъѣздъ которыхъ слѣдуетъ считать съ ихъ стороны преступленіемъ по отношенію къ своему дѣлу; въ числѣ такихъ лицъ есть люди, дѣйствовавшіе болѣе или менѣе долго непосредственно въ народѣ.

Есть и такіе, которые говорятъ, что ѣдутъ туда въ надеждѣ, что они сойдутся тамъ съ такими же людьми, тамъ научатся организаціи и пріобрѣтутъ боевую опытность, что пригодится имъ при возвращеніи на родину.

Во всякомъ случаѣ такихъ людей приходится считать не отдѣльными единицами, а цѣлыми кружками.

Наконецъ, поѣхала и нѣкоторая доля людей, совсѣмъ не повинныхъ ни въ славянофильствѣ, ни въ нравственной неудовлетворенности, ни въ чемъ-либо подобномъ; это просто люди, которымъ представилась возможность не умереть съ голоду, хотя бы изъ-за этого пришлось подставить лобъ подъ турецкія пули» [1]).

Изо всѣхъ этихъ категорій для насъ наиболѣе интересна та группа лицъ,—«отъѣздъ которыхъ—по мнѣнію автора корреспонденціи—слѣдуетъ считать преступленіемъ». Въ 70-хъ гг. эмигранты дали гораздо болѣе значительный процентъ волонтеровъ, чѣмъ ихъ единомышленники по сю сторону границы. Вспомнимъ хотя бы, какъ говоритъ М. Ф. Фроленко въ вышеприведенномъ отрывкѣ: «Но вотъ начинается Герцеговинское возстаніе. *Кравчинскій и другіе эмигранты ѣдутъ туда*».

П. Л. Лавровъ правильно указывалъ источникъ психологическаго стремленія русскаго интеллигента то въ ряды гарибальдійцевъ (туда, между прочимъ, направлялся въ 60-хъ гг. такой исключительно крупный человѣкъ, какъ Г. А. Лопатинъ), то въ ряды коммунаровъ, то на помощь славянамъ, съ цѣлью въ послѣднемъ случаѣ, «выгнавъ турку», разрѣшить соціальный вопросъ *однимъ ударомъ*.

---

[1]) См. «Впередъ», № 44, стр. 664—666. Ср. съ этимъ стр. 286—294 книги Богучарскаго «Активное народничество».

Волонтеры прошлаго разсчитывали, что борьба за славянское освобожденіе приведетъ къ полному перевороту общественныхъ отношеній, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ Европы. Главнымъ врагомъ на Балканахъ у славянъ была турецкая власть, на которую опирались всѣ эксплуататоры и угнетатели народа. Главной опорой національнаго движенія считался самъ народъ, трудящаяся и обремененная масса. Поднимите этотъ народъ и Герцеговина превратится въ новую Парижскую Коммуну,—вотъ во что первое время, въ зиму 1875—1876 гг., вѣрили наши народники и что они выразили устами Успенскаго. Но изъ сочиненій того же Успенскаго мы знаемъ, какъ эта вѣра разбилась на практикѣ. Волонтеры шли въ Сербію съ дѣтской вѣрой, что они борятся за чисто народное дѣло, за освобожденіе балканскаго мужика отъ власти «чумазаго», вышло же, что они боролись въ сущности не за свободу, а за установленіе на Балканахъ самыхъ настоящихъ буржуазныхъ порядковъ или, какъ объяснилъ Успенскому бывшій волонтеръ Долбежниковъ,—«*за сви-ни-ну*»,—«за право безпошлинно вести въ Австрію баранью шкуру».

«Я сказалъ,—продолжаетъ Успенскій передавать свой разговоръ съ Долбежниковымъ,—что не понимаю его, и Долбежниковъ пустился самымъ подробнѣйшимъ образомъ разъяснять мнѣ свой взглядъ на сербскую войну. Сербскимъ купцамъ оказывалось нужнымъ отдѣлаться отъ торговыхъ трактатовъ, которые до сихъ поръ заключала съ сосѣдними державами Турція, какъ опекунша Сербіи; трактаты эти были до сихъ поръ такіе, что сербскимъ капиталистамъ нельзя было дать ходу своимъ капиталамъ; нельзя было имѣть фабрикъ, заводовъ, нельзя было выдѣлывать кожъ. Можно было торговать сырьемъ, которое возвращалось въ Сербію выдѣланнымъ продуктомъ и стоило втрое дороже» [1])...

Разумѣется, Успенскій прекрасно зналъ, что далеко не *все* дѣло вышло изъ-за свинины. Въ письмахъ невоеннаго человѣка изъ Бѣлграда онъ такъ и говоритъ: «вся эта масса войниковъ за вѣру или за право безъ пошлины вести въ Австрію баранью шкуру», и пр. были, значитъ не только войники за баранью шкуру, а и войники за вѣру, за чисто народное дѣло. Но это, съ другой стороны, не могло всецѣло вытравить изъ его сознанія мысли, что на Балканахъ въ средѣ самихъ славянскихъ народовъ наростала уже *собственная буржуазія*, не опиравшаяся, а находившаяся въ антагонизмѣ съ турецкимъ игомъ. Это было *новымъ* фактомъ для радикальнаго народничества 70-хъ гг. и очевидно при наличности такихъ непредусмотрѣнныхъ имъ первоначально

[1]) См. разсказъ «Не воскресъ». «Отеч. Зап.», февраль. 1877 г. стр. 289—290. Долбежниковъ лицо, конечно, вымышленное, но очень типичное.

обстоятельствъ осложнялась вся ихъ балканская программа дѣйствій. Рѣшить теперь *однимъ ударомъ* соціальный вопросъ становилось невозможнымъ. Еще больше то же самое обнаружилось во второй періодъ славянской борьбы за освобожденіе, въ эпоху русско-турецкой войны 1877—1878 гг., о чемъ мы съ полной ясностью узнаемъ изъ замѣчательной статьи Н. К. Михайловскаго: «Житейскія и художественныя драмы», составляющей логическое продолженіе разсказа Глѣба Успенскаго «Не воскресъ».

«Русское начальство въ Болгаріи,—говоритъ Михайловскій о современныхъ ему житейскихъ и художественныхъ драмахъ,—съ знаменитымъ княземъ Черкасскимъ во главѣ, боится или, вообще, по какимъ-то темнымъ соображеніямъ не хочетъ вооружить освобождаемый народъ и, слѣдовательно, сразу налагаетъ на него тяжелое иго насилія и недовѣрія. То же самое начальство оказываетъ большое расположеніе къ отвратительной болгарской буржуазіи, къ народнымъ піявкамъ чорбаджіямъ, сторонится отъ молодыхъ интеллигентныхъ силъ страны изъ боязни революціи и цѣпляется за себялюбивое и тупое старье».

Статья, «Житейскія и художественныя драмы», написана въ январѣ 1879 г. Сравните же ее со статьями Михайловскаго за зиму 75—76 гг. и вы поймете, какой огромный путь сдѣлала въ этотъ столь краткій промежутокъ времени общественно-политическая мысль русскаго народничества. Тогда, въ моментъ герцеговинскаго возстанія русское народничество почти все свое вниманіе сосредоточивало, говоря о балканскихъ дѣлахъ, на чисто *соціальныхъ* проблемахъ, оставляя въ тѣни проблемы національныя и проблемы политическія. Тогда даже такой коренной противникъ народническаго бакунизма, какъ Михайловскій, сводилъ всѣ балканскія проблемы къ разрѣшенію соціально-экономическаго вопроса, вмѣстѣ съ которымъ «*однимъ ударомъ*» уничтожились бы и остальные источники бѣдственнаго положенія балканскихъ славянъ. Теперь же въ январѣ 1879 г., продолжая эволюцію политической мысли, начатую имъ за два года передъ тѣмъ, съ осени 1876 г., Михайловскій совершенно мѣняетъ прежнюю постановку своихъ задачъ. Наиболѣе рѣзко это проявилось въ той же статьѣ «Житейскія и художественныя драмы» на обращеніи Михайловскаго къ одному изъ отечественныхъ «освободителей» славянъ съ такими негодующими словами:—«Дѣйствительность отрезвила его. Дѣйствительность сказала ему: не вамъ освобождать и спасать, не вамъ, рабамъ своего брюха, своей фантазіи, низменнѣйшихъ инстинктовъ, рабамъ во всѣхъ смыслахъ слова. Врачу исцѣлися самъ, переродитесь сами прежде, чѣмъ перерождать другихъ».

Поясняетъ также Михайловскій въ своей статьѣ въ чемъ онъ видитъ сущность такого перерожденія. Вотъ, именно, что онъ говоритъ тамъ:—«Уже поведеніе русскихъ добровольцевъ въ Сербіи значительно испортило то розовое настроеніе, въ которомъ находилось общество. Нагайка и военный геній Скалозуба, «родные человѣчки» Фамусова, безпардонное вранье Репетилова и Загорѣцкаго, весьма быстро показали себя. Все это было намъ привычно у себя дома и при обыкновенномъ теченіи нашихъ дѣлъ и дѣлишекъ. Но на подкладкѣ освободительной миссіи все это отливало такими отвратительными пятнами, представляло такой поразительный контрастъ съ задачами освобожденія и спасенія народовъ, что было отъ чего «въ отчаяніе притти». Процессъ освобожденія Болгаріи не внесъ ничего успокоительнаго въ это отчаяніе: напротивъ, передъ персонажами «Горя отъ ума» только еще большіе горизонты раскрылись, вслѣдствіе чего и дѣятельность ихъ стала шире. Она такъ нагло высовывалась въ глаза впередъ, такъ безстыдно била по глазамъ, что интеллигентная толпа потребовала кары, хотя примѣрной, литературной. Ей кажется, что если казнить Петра и Ивана или посадить на ихъ мѣсто Кузьму и Демьяна (это вѣдь безсребренники) такъ дѣло будетъ въ шляпѣ. Ей не приходитъ въ голову, что дѣло совсѣмъ не въ Петрѣ и Иванѣ, а въ цѣлой системѣ, въ совокупности и возможности Петровъ и Ивановъ, Фамусовыхъ и Скалозубовъ. Интеллигентная толпа упускаетъ изъ виду, что освобождать и спасать народы совсѣмъ не такъ легко, что, при данной системѣ, Петръ и Иванъ *должны* выступить впередъ, а Кузьма и Демьянъ или сами не пойдутъ или ихъ не пустятъ, или они инчего не подѣлаютъ» [1]).

Цитаты, приведенныя только что изъ сочиненій Михайловскаго и Успенскаго позволяютъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Несомнѣнно Лаврову, возстававшему противъ волонтерства, казалось, что оно представляетъ собою какъ бы *примиреніе* со старымъ порядкомъ. О какомъ, однако, примиреніи могла итти рѣчь тамъ, гдѣ людямъ, пусть неосновательно, но вполнѣ искренно казалось, что исполняются ихъ лучшія грезы о рѣшительномъ измѣненіи въ соотношеніи общественныхъ силъ, что занимается заря коренныхъ соціальныхъ реформъ. Они могли ошибаться въ этомъ, могли разочароваться въ томъ, во что вѣрили, но и это не помѣшало бы имъ чувствовать себя все время людьми прежняго закала и прежнихъ идеаловъ. Разочарованіе заставило бы ихъ только измѣнить сообразно потребностямъ времени направленіе своей

---

[1]) См. послѣднія цитаты на стр. 681, 679, 670 т. IV. Курс. подлин.

дѣятельности, еще болѣе усиливъ ея энергію. И мы знаемъ, что нѣчто подобное въ 70-хъ гг., на протяженіи отъ 1875 до 1879 гг. дѣйствительно случилось. Турку тогда выгнали, но соціальный вопросъ этимъ не разрѣшили. Положеніе дѣлъ оказалось гораздо болѣе сложнымъ, и вмѣсто переворота общественныхъ отношеній на Балканахъ русской интеллигенціи пришлось пережить полный переворотъ въ своихъ собственныхъ политическихъ воззрѣніяхъ. Въ литературѣ онъ отразился тогда у Глѣба Успенскаго разсказомъ «Не воскресъ», а у Михайловскаго переходомъ отъ послѣднихъ главъ «Записокъ Профана» къ статьѣ: «Житейскія и художественныя драмы», а нѣсколько позже къ «Политическимъ письмамъ соціалиста»...

Не произойдетъ ли чего-нибудь подобнаго и въ наше время? Кто знаетъ? Очень часто въ исторіи потокъ общественной энергіи выбираетъ себѣ совсѣмъ не то русло, на которое мы первоначально стараемся его направить. Очень часто, мѣняя свое направленіе, онъ и насъ заставляетъ иначе координировать свои силы. И обыкновенно въ такихъ случаяхъ только-что поднявшіяся волны общественнаго возбужденія и силы, вызванныя на арену исторіи въ первой стадіи движенія, съ еще большимъ напоромъ бросаются по новому руслу соціальной борьбы. Именно такъ было въ 70-хъ гг., возможно, что такъ будетъ, мы бы сказали: такъ должно быть, и теперь. Исторія порой не только повторяется, но, повторяясь, она обновляется, въ ней не пропадаетъ даромъ ни одно истинно-жизненное усиліе, и законъ неиспользованныхъ силъ компенсируется закономъ сохраненія энергіи, разъ затраченной на достиженіе истинныхъ благъ человѣчества.

Евгеній Колосовъ.

Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи.

Мемуары Як. Аренберга.

Iohan Iakob Ahrenberg родился въ 1847 г. въ Выборгѣ, гдѣ его отецъ былъ виднымъ педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Выборгъ въ то время былъ въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь, разноязыченъ и представлялъ собой неопредѣленный типъ полунѣмецкаго, полуобрусѣвшаго города. Эта космополитичность среды наложила свой отпечатокъ и на будущаго писателя.

Въ 1866 г. Аренбергъ сталъ студентомъ университета, а черезъ четыре года, слѣдуя влеченію своего таланта, поступилъ въ Академію искусствъ въ Стокгольмѣ. Аренбергъ много путешествовалъ, преимущественно по Франціи и Италіи, а свои архитектурные проекты и акварели выставлялъ въ Петербургѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ и пр. Съ 1877 г. онъ состоялъ архитекторомъ при Главномъ управленіи общественныхъ построекъ въ Гельсингфорсѣ. Цѣлый рядъ общественныхъ зданій въ Финляндіи (лицеи въ Таммерфорсѣ и Выборгѣ, церкви въ Кристинестадѣ, Ганге, Каянѣ, Кексгольмѣ) построены по его планамъ. Большая заслуга принадлежитъ Аренбергу въ реставраціи старинныхъ памятниковъ финляндскаго зодчества—замковъ въ Выборгѣ и Обу, а также и собора въ послѣднемъ городѣ. Въ качествѣ архитектора Аренбергъ былъ устроителемъ финляндскаго отдѣла на выставкахъ—въ Москвѣ 1882 г., въ Копенхагенѣ 1888 г. и Петербургѣ 1890 г. Наконецъ, къ области искусства относится еще его изданіе финскихъ народныхъ узоровъ—«Finsk ornamentik» (1878—82).

Живой темпераментъ привелъ Аренберга и въ журналистику, а черезъ послѣднюю—въ художественную литературу. Началъ онъ съ путевыхъ замѣтокъ, перешелъ къ описательнымъ очеркамъ своей болѣе тѣсной родины—Восточной Финляндіи, испыталъ свои силы въ области общественнаго романа и на закатѣ дней своихъ создалъ шести-томный мемуарный трудъ о «Людяхъ, которыхъ я зналъ». Изъ описаній той части Финляндіи, которая, отчасти изъ-за своей отдаленности отъ старинныхъ культурныхъ центровъ (Обу, Борго и др.), отчасти изъ-за развращающаго вліянія русскаго владычества въ XVIII столѣтіи, отстала въ

культурномъ отношеніи и сохранила много чертъ старинныхъ суевѣрій, наиболѣе замѣчательны сборникъ разсказовъ «Hemma» (На родинѣ, 1887), «Östevut» (На востокѣ, 1890) и «Från Karelen» (Изъ Карелiи, 1894). Сюда же относятся и повѣсти «Hihuliter» (1889), содержащія очеркъ сектантскаго движенія лестадіанизма [1]) въ Финляндіи, и «Stockjunkaren» (Сплавщикъ лѣса, 1892).

Среди общественныхъ романовъ Аренберга наибольшій интересъ представляетъ собой «Familien pa Haapakoski» (Семья въ Хапакоски, 1892), переведеннный также на русскій языкъ. Въ этомъ романѣ полнѣе всего разработана любимая тема Аренберга—поступленіе финляндца, представителя стариннаго шведскаго рода, на военную службу въ Россіи, его увлеченіе русской барышней и постепенное обрусѣніе. Та же тема легла въ основу и другихъ романовъ Аренберга—«Anor och ungdom» (Предки и молодость, 1891) и «Vår landsman» (Нашъ землякъ, 1897). Вплоть до 1899 г., когда русская политика стала систематически разрушать правовой порядокъ Финляндіи и начала съ того, что раскассировала финляндское войско, пролившее свою кровь подъ Горнымъ Дубнякомъ и совершившее переходъ черезъ Балканы бокъ-о-бокъ съ русскими войсками, финляндцы охотно отдавали своихъ дѣтей въ Фредриксгамскій кадетскій корпусъ, и особенно шведскіе дворянскіе роды гордились тѣмъ, что ихъ сыновья выдвигались на русской военной службѣ. Тогда тема Аренберга соотвѣтствовала дѣйствительности. Теперь Фредриксгамскій корпусъ закрытъ, а естественное обрусѣніе, столь проникновенно описанное Аренбергомъ, пріостановилось.

Самъ Аренбергъ съ большой симпатіей относится къ Россіи и былъ въ свое время однимъ изъ лучшихъ въ Финляндіи знатоковъ русской исторіи и литературы. Дѣти его должны были съ большимъ вниманіемъ изучать русскій языкъ. Если не ошибаемся, одинъ изъ его сыновей, будучи офицеромъ, погибъ въ русско-японской кампаніи. Съ особенной любовью Аренбергъ въ своихъ мемуарахъ останавливается на финляндцахъ, вложившихъ свою лепту въ общерусское культурное дѣло, напр. на Фуруельмѣ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ Аляски. Съ другой стороны, Аренбергъ неоднократно упрекаетъ своихъ земляковъ за недостаточное знаніе Россіи и за ихъ пренебрежительное отношеніе къ русскому народу, неимѣвшему еще возможности развернуть свои несомнѣнныя дарованія.

Въ Стокгольмѣ Аренбергъ лично познакомился съ графомъ Гобино и подпалъ подъ вліяніе его теоріи о превосходствѣ сканди-

[1]) Ларсъ Леви Лестадіусъ (1800—61), шведскій пасторъ и миссіонеръ въ скандинавской и финской Лапландіи.

навско-германской расы. Впечатлѣнія дѣтства, сводящіяся къ тому, что всѣ—шведскій интеллигентъ, русскій чиновникъ, нѣмецкій помѣщикъ съ одинаковымъ презрѣніемъ относились къ финскому крестьянину, какъ бы оправдывали теорію Гобино въ глазахъ Аренберга и вызвали тотъ соціальный дальтонизмъ, который замѣтно нарушаетъ объективность изложенія фактовъ, касающихся демократическаго движенія въ Финляндіи. Мысль о томъ, что шведская раса въ Финляндіи вымираетъ, стала навязчивой его идеей и мѣшала ему относиться справедливо къ національнымъ потребностямъ финской расы. Такимъ образомъ, Аренбергъ представитель той поры, теперь уже пережитой, когда общей формулы двухъязычнаго политическаго организма въ Финляндіи еще не существовало. Но относясь вполнѣ сознательно къ особенностямъ его міросозерцанія, потомство признаетъ его неутомимую дѣятельность на пользу родного края и высокопросвѣщенный образъ его мыслей.

Изъ мемуаровъ Аренберга мы ниже печатаемъ въ переводѣ на русскій языкъ четыре очерка, посвященные лицамъ, стоявшимъ во главѣ нашей финляндской политики. Изъ нихъ Адлербергъ и Денъ относились къ Финляндіи благожелательно и являются какъ бы образцами правителей добраго стараго времени, гр. Гейденъ—типъ аггрессивно-настроеннаго генералъ-губернатора, а Оболенскій, на долю котораго выпала трудная задача стоять во главѣ Финляндіи въ 1905 г., съумѣлъ во-время отказаться отъ азіатскихъ пріемовъ правленія и предотвратить кровопролитіе въ критическую минуту. Очерки эти чрезвычайно важны для новѣйшей исторіи Финляндіи, но и русскій читатель найдетъ въ нихъ много любопытныхъ чертъ до революціоннаго бюрократическаго строя.

К. Т.

I. Николай Адлербергъ [1]).

Когда мы, пережившіе роковое время послѣ 1899 года, видѣвшіе все безправіе, всѣ тревоги, слезы, всю ту кровь, которыя принесло съ собою правленіе генералъ-губернатора Бобрикова,—когда мы возвращаемся мыслію къ тѣмъ временамъ, когда графъ Адлербергъ держалъ у насъ бразды правленія,—мы не можемъ удержаться отъ доброй улыбки.—Это было то время, когда Гельсингфорсъ былъ еще небольшимъ городомъ, въ которомъ всѣ

---

[1]) Родился въ 1819 г., кончилъ Пажескій корпусъ въ 1837 г., участвовалъ въ кавказскихъ походахъ и въ Крымской кампаніи, былъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи 1866—1881 г. и скончался въ 1892 г. К. Т.

знали другъ друга;... когда всѣ были идеалистами, питали возвышенныя и великія мысли обо всемъ и особенно о своей родинѣ и о финскомъ народѣ,—да, это было мирное, доброе время, и самъ генералъ-губернаторъ, правившій страной, былъ миролюбивый и добрый человѣкъ. Но вотъ что замѣчательно: для осуществленія того, что лучшіе изъ русскихъ сами называютъ «истинно русскимъ дѣломъ», этотъ миролюбивый человѣкъ сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ всѣ его предшественники и послѣдователи, вмѣстѣ взятые, не исключая и суроваго Бобрикова. Но объ этомъ послѣ.

У крестьянина Расмуса, въ деревнѣ Свебю, въ провинціи Вермландѣ, въ четвертомъ колѣнѣ родился сынъ Олофъ, который въ 1638 г. поступилъ въ Упсальскій университетъ и по мѣсту своего происхожденія получилъ фамилію Свебиліусъ. Онъ вышелъ въ священники и достигъ высокихъ степеней іерархической лѣстницы: онъ былъ докторомъ теологіи, придворнымъ проповѣдникомъ, королевскимъ духовникомъ, епископомъ и, наконецъ, архіепископомъ. Онъ до конца оставался другомъ и наперсникомъ короля Карла XI. Когда король скончался, онъ короновалъ его сына, Карла XII, и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Кроткій, добрый и всѣми уважаемый при жизни, онъ мирно скончался, не доживъ до крушенія Великой Швеціи, и съ большими почестями былъ погребенъ въ соборной церкви города Упсалы.

Въ Швеціи епископъ, а еще болѣе архіепископъ, считался наравнѣ съ дворянами, его дочери назывались барышнями, а сыновья его обыкновенно возводились въ дворянское достоинство.

Сыновья Свебиліуса, въ память своей матери, которая была дочерью чиновника Гюлленадлера, недавно вышедшаго въ дворяне, и по любимому въ семьѣ имѣнію Бергъ, получили фамилію Адлербергъ. Уже сынъ подписывался Адлербергъ Вердеръ. Внукъ, Густавъ Фредрикъ, начальникъ выборгской инфантеріи, женатый на своей двоюродной сестрѣ Аннѣ Маріи Баггехувухъ, съ помощью своей энергичной и даровитой жены, вывелъ свой родъ изъ рядовъ провинціальнаго дворянства и далъ ему болѣе блестящее положеніе. Анна Марія Баггехувудъ была свѣтская образованная женщина, начальница Смольнаго института, dame d' honneur ордена Св. Екатерины. Ей удалось связать судьбу своего сына Густава Фердинанда Владиміра съ судьбою великаго князя Николая Павловича, и, когда этотъ послѣдній неожиданно сдѣлался императоромъ, то другъ его юности сталъ министромъ Двора и Удѣловъ и былъ возведенъ въ графское достоинство.

Густавъ Фердинандъ, родившійся въ Выборгѣ и женатый на Маріи Нелидовой (первая русская въ ихъ родѣ), остался въ лонѣ лютеранской церкви, между тѣмъ какъ сынъ его Николай, какъ говорятъ, противъ воли отца, еще въ молодые годы, состоя въ званіи пажа при будущемъ императорѣ Александрѣ II, перешелъ въ православіе.

Николай Адлербергъ, кажется, самъ говорилъ, что необычайный блескъ и красота богослуженія, древнія церковныя пѣснопѣнія во время торжествъ и церемоній православной церкви приводили его въ такое восхищеніе, что онъ почувствовалъ себя вынужденнымъ покинуть вѣру своихъ отцовъ. Тотъ, кто внимательно читалъ его «Путешествіе по Востоку», можетъ вѣрить этому. Это было нѣчто такое, что захватило все его существо, всю его жизнь. Великолѣпіе, блескъ, эстетическій элементъ, кромѣ того, наклонность къ романизму—все это, вмѣстѣ взятое, привело его къ новой вѣрѣ, подобно тому какъ такія же внѣшнія и внутреннія силы обратили Овербека и т. наз. назарянъ къ католицизму. Религіозное чувство Адлерберга (объ этомъ свидѣтельствуетъ каждая страница въ его книгѣ) исполнено огня, его вѣра въ непререкаемую истину житій святыхъ также глубока и горяча, какъ и наивна. Онъ обладаетъ этой свойственной мистикамъ способностью самовнушенія, которое у гробницъ святыхъ, виѳлеемскихъ яслей, на Голгофѣ и вообще повсюду, гдѣ имѣются тѣ же условія, погружаетъ или, если хотите, возвышаетъ его въ состояніе экстаза.

Въ іюнѣ 1866 г. вновь назначенный генералъ-губернаторъ на пароходѣ «Графъ Бергъ» прибылъ въ Финляндію. Первый его визитъ былъ сдѣланъ Выборгу, гдѣ его съ торжествомъ встрѣтили городскія власти. Объ этомъ посѣщеніи вновь назначенный правитель канцеляріи Эрнъ, маститый бургомистръ Выборга, разсказывалъ мнѣ слѣдующій небольшой эпизодъ.

Густавъ Фредрикъ Адлербергъ и его супруга Анна Марія Баггехувудъ погребены на старомъ кладбищѣ въ Нейцитніеми въ Выборгскомъ предмѣстьѣ. Когда новый генералъ-губернаторъ сошелъ съ парохода, Эрнъ повелъ его къ этой могилѣ.

Несмотря на свою простоватую внѣшность и манеру, Эрнъ въ глубинѣ души былъ все-таки тонкій дипломатъ. Онъ велѣлъ починить и украсить цвѣтами довольно-таки запущенный мавзолей Адлербергъ и позаботился приготовить великолѣпный лавровый вѣнокъ съ лентой графскихъ цвѣтовъ.

— «Какъ видите, графъ, вы прибыли въ страну своихъ отцовъ», сказалъ Эрнъ своему начальнику, когда тотъ задумчиво возлагалъ вѣнокъ на могилу дѣда и бабки.

Графъ Адлербергъ былъ тронутъ этими словами и сказалъ Эрну:—«Я вижу это, и вамъ, милостивый государь, надлежитъ напомнить мнѣ объ этомъ, въ случаѣ если бы я когда-нибудь, чего, Боже упаси, это забылъ».

Этимъ небольшимъ актомъ вниманія и съ этого дня Эрнъ, по его собственному мнѣнію, снискалъ себѣ благосклонность гр. Адлерберга.

* * *

Прежде чѣмъ продолжать свои воспоминанія о гр. Адлербергѣ, мнѣ хотѣлось бы сказать здѣсь нѣсколько словъ о его супругѣ. Графиня Амалія Адлербергъ по своему происхожденію была княжеской крови, чего она отнюдь не скрывала. Отецъ ея, гр. Лерхенфельдъ, женатый на княгинѣ Бассенгеймъ, страстно влюбился въ принцессу Мекленбургскую [1]), супругу князя Турна и Таксиса, и отъ этого нелегальнаго брака родилась дочь, долгое время носившая просто имя мадемуазель Амели, пока, наконецъ, получила законное право носить имя отца, и стала графиней Лерхенфельдъ. Она была одною изъ самыхъ блестящихъ красавицъ своего времени, и портретъ ея, писанный знаменитымъ въ ту пору Т. Штилеромъ, находится въ извѣстной галлереѣ красавицъ въ королевскомъ замкѣ въ Мюнхенѣ. Мадемуазель Амели довольно рано вышла замужъ за русскаго дипломата, барона Крюденера, впослѣдствіи министра въ Стокгольмѣ. Этотъ послѣдній—кстати сказать, онъ былъ однорукъ—не игралъ сколько-нибудь замѣтной роли въ Стокгольмѣ. Дочь ихъ вышла замужъ за французскаго дипломата Фонтенилья, дочь котораго Елена (Линдеръ) послѣ смерти родителей росла въ Гельсингфорсѣ. Исторія о томъ, какъ баронесса Крюденеръ сдѣлалась графиней Адлербергъ, своего рода романическая поэма. Графъ увидѣлъ ее въ Берлинѣ и страстно влюбился. Какъ человѣкъ въ высшей степени религіозный и всю жизнь находившійся подъ вліяніемъ романтическихъ идей, онъ рѣшилъ совершить путешествіе ко Гробу Господню, чтобы обрѣсти покой своему сердцу, раздираемому страстію. Онъ отправился въ Іерусалимъ, и все произошло почти такъ, какъ во время паломничества въ Кевларъ; какъ и тамъ онъ молился:

Излечи больное сердце,
Буду я ложась, вставая,
Пѣть съ горячею молитвой:
Слава, Дѣва Пресвѣтая!

(Переводъ П. И. Вейнберга).

---

[1]) Сестра королевы Луизы Прусской.

Молитва его была услышана: когда Адлербергъ опять увидѣлъ свою возлюбленную, она была уже вдовой. Вѣрный данному обѣщанію, съ супругой, которая кстати сказать была на десять лѣтъ старше его, и сыномъ онъ снова отправился въ Палестину, чтобы пропѣть тамъ свое «gelobt seist du Marie». Именно къ этому путешествію и относится книга гр. Адлерберга, очень популярная въ семидесятыхъ годахъ, но не вполнѣ справедливо оцѣненная.

Графъ и графиня Адлербергъ въѣхали въ предназначенное для нихъ помѣщеніе въ Гельсингфорсѣ, которое никогда не содержалось въ такомъ образцовомъ порядкѣ, какъ въ ихъ время, и до этого времени никогда не отдѣлывалось съ такимъ истинно-артистическимъ вкусомъ, какъ тогда. Укажу, напр., на хорошо извѣстную гельсингфорскимъ старожиламъ ярко расцвѣченную въ турецкомъ вкусѣ курительную комнату, т. наз. золотую гостиную, и мн. др. Выходы графской четы отличались пышностью и, выражаясь высокимъ канцелярскимъ слогомъ, были исполнены благоволенія. Высокія особы охотно появлялись въ блестящихъ мундирахъ и яркихъ туалетахъ, сопровождаемые адъютантами и окруженные штатомъ аккредитованныхъ особъ съ ихъ женами и дочерьми. Графиня въ особенности обладала искусствомъ показывать себя во всемъ своемъ блескѣ на благотворительныхъ вечерахъ, любительскихъ спектакляхъ и концертахъ.—У нея были замѣчательныя музыкальныя способности, и она основательно изучила классическую музыку. Лично мнѣ не удалось ближе познакомиться съ графиней,—для этого недоставало двухъ необходимыхъ условій: свободнаго времени и знанія карточной игры, такъ какъ я никогда не пошелъ дальше умѣнья разбираться въ «Черномъ Петрѣ» и «Мельникѣ» [1]). Одинъ разъ мнѣ пришлось присутствовать при ея игрѣ—и о ужасъ! она самымъ немилосерднымъ образомъ нюхала табакъ. На карточномъ столѣ лежала цѣлая кипа носовыхъ платковъ...но, можетъ быть, довольно объ этомъ.

Еще два слова о благотворительности графини Адлербергъ: она стоитъ того, чтобы поговорить о ней. Извѣстно, что т. наз. «матеріальный принципъ» играетъ очень важную роль въ католическомъ вѣроученіи; это ученіе о возможности для человѣка добрыми дѣлами способствовать искупленію своихъ грѣховъ предъ лицомъ Божіимъ. Этотъ принципъ, въ значительной степени обусловливающій то показное благочестіе, въ которомъ лютеране обвиняютъ католиковъ, является однимъ изъ главныхъ стимуловъ къ широкой благотворительности въ католическихъ странахъ и семьяхъ... Въ большихъ католическихъ домахъ у карди-

---

[1]) Простѣйшіе виды карточной игры.

нала де-Боншозъ, маркиза Пуччи—я не одинъ разъ наблюдалъ эту католическую форму благотворительности. Она пріурочена къ опредѣленнымъ часамъ дня, опредѣленнымъ временамъ года и подчинена извѣстнымъ традиціоннымъ принципамъ въ различныхъ семьяхъ. Такъ было, вообще говоря, и въ семьѣ Адлерберга. Но встрѣчались и исключенія. Вотъ что я самъ видѣлъ и слышалъ.

Въ одинъ зимній день, когда на дворѣ трещалъ морозъ, случился пожаръ въ одномъ бѣдномъ семействѣ со множествомъ дѣтей, гдѣ-то въ «Треугольникѣ». Семья пріютилась въ надворныхъ строеніяхъ; извѣстіе о несчастномъ случаѣ пришло въ генералъ-губернаторскій домъ въ то время, когда мы сидѣли за завтракомъ. Со слезами на глазахъ графиня воскликнула: «Бѣдные дѣти! Въ этотъ морозъ! Намъ нужно послать имъ что-нибудь теплое». И намъ, гостямъ, пришлось поспѣшно завертывать въ бумагу чулки и другія шерстяныя вещи, готовить судки съ теплой пищей, которая была послана дѣтямъ. Когда ей сказали, какъ прекрасна ея немедленная отзывчивость, она отвѣтила: «Собственно говоря, это простой эгоизмъ. Я ненавижу здѣшній морозъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, онъ замучилъ меня. Я стараюсь вырвать у моего врага нѣсколько жертвъ—только и всего».

Нынѣ столь знаменитый писатель Андерсъ Рамзай, тяжко больной, лежалъ въ клиникѣ и долженъ былъ подвергнуться опасной операціи. За обѣдомъ зашелъ разговоръ о больномъ. Одинъ говорилъ, что онъ при смерти, другой оспаривалъ, прибавляя, что, если бы онъ могъ соблюдать вегетаріанскую діету, то былъ-бы внѣ опасности. Графиня обратилась къ одному изъ гостей, носившему ту же фамилію: «Вы можете сказать намъ, въ какомъ онъ положеніи».—«Я,—отвѣчалъ тотъ, задумавшись: я даже не слыхалъ, что онъ боленъ».

На столѣ стояла большая, наполовину опорожненная ваза съ фруктами. Графиня позвала служителя, собственноручно завернула вазу въ салфетку и послала ее въ больницу съ ласковымъ привѣтомъ незнакомому ей больному и запросомъ къ врачу о его состояніи.

Если-бы читатель подумалъ, что въ этихъ случаяхъ правая рука знала, что дѣлаетъ лѣвая, то я могъ бы разсказать о помощи, оказанной истинно нуждающимся,—помощи, источникъ которой сталъ извѣстенъ лишь по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ; она была оказана графинею. Изъ всѣхъ генералъ-губернаторшъ Финляндіи только ея имя связано съ благотворительнымъ фондомъ, который еще и донынѣ посильно облегчаетъ нужду и лишенія въ нашей доброй столицѣ. Такимъ обра-

зомъ, не только «матеріальный принципъ» побуждалъ ее къ дѣламъ милосердія—у нея было теплое, отзывчивое сердце.

Гр. Адлербергъ явился къ намъ, кажется, съ высокимъ представленіемъ о власти и величіи своей собственной и своего августѣйшаго повелителя. Это не могло прійтись по вкусу нашему демократическому духу и только что пробудившемуся національному самосознанію. Первые годы его пребыванія здѣсь были наполнены разнаго рода непріятностями, спорами и студенческими скандалами. Чтобы живущее нынѣ поколѣніе могло имѣть понятіе о томъ, чѣмъ вызывались эти мелкія непріятности, приведу слѣдующій небольшой эпизодъ.—2 октября 1866 г. состоялось торжество открытія Шведскаго театра, на которомъ большой смѣшанный хоръ исполнялъ отрывки изъ «Принцессы Кипрской» и «Охоты короля Карла» Пасіуса. Предполагалось, что послѣ непонятнаго, но торжественнаго пролога Сигнеуса, произнесеннаго девятнадцатилѣтнимъ финско-шведскимъ артистомъ Викторомъ Салиномъ, будетъ исполненъ финляндскій гимнъ «Нашъ край». Хоръ съ Пасіусомъ во главѣ, стоялъ наготовѣ за занавѣсомъ, такъ близко къ послѣднему, что—по словамъ Пасіуса—«не было мѣста для его дирижерской палочки»; декламаторъ стоялъ передъ занавѣсомъ. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ кончаетъ, и занавѣсъ долженъ подняться для пѣнія, приходитъ приказъ отъ генералъ-губернатора: воспрещается пѣть «Нашъ край», если не будутъ пѣть или играть русскій гимнъ. Объ этомъ послѣднемъ мы въ то время ничего не знали, едва ли даже кто слыхалъ его въ Финляндіи. Мы, пѣвцы и пѣвицы, были сильно взволнованы. Пасіусъ былъ золъ, какъ паукъ; онъ поперемѣнно то успокаивалъ насъ, то самъ раздражался. «Занавѣсъ!» послышался крикъ, и, такъ какъ занавѣсъ не поднимался, то бравые братья Дункеръ предложили просто-на-просто поднять его самимъ. Десятки рукъ уже схватились было за тяжелый нижній рычагъ, но ассесоръ Х. Хеккертъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ театраловъ того времени, закричалъ: «Нельзя—занавѣсъ разорвется, и это сочтутъ за самоуправство».

— «Пойдемте въ зрительный залъ и будемъ пѣть тамъ»,—скомандовалъ намъ чей-то голосъ—насколько помню этотъ лозунгъ далъ Карлъ Колланъ. Черезъ запутанные ходы всѣ двинулись къ директорской ложѣ, гдѣ самъ І. В. Снельманъ [1]) отворилъ

---

[1]) Іоханъ Вильгельмъ Снельманъ философъ, публицистъ и государственный дѣятель (1806—81). Главнѣйшіе его ученые труды «Die Idee der Persönlichkeit» (1840) и «Läran om staten» (Ученіе о государствѣ, 1842). Съ 1843 по 49 г. С. издавалъ рядъ газетъ, изъ которыхъ «Saima» была закрыта генералъ-губернаторомъ. Въ 1852 г. С. былъ назначенъ профес-

намъ дверь. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что онъ излилъ свой гнѣвъ на всѣхъ насъ и особенно на свою дочь Ханну. Я могу говорить только то, что я видѣлъ и что помню. Его милая пылкая дочь Ханна съ рѣшительнымъ видомъ шла рядомъ со мною въ первыхъ рядахъ; отецъ стоялъ у дверей на лѣстницу и имѣлъ довольный видъ. Мы вышли въ партеръ и прокричали оглушительное ура. Энтузіазмъ былъ необыкновенный—публика и самъ генералъ-губернаторъ встали со своихъ мѣстъ. Въ этотъ самый моментъ губернаторъ Валленъ подозвалъ къ себѣ двухъ-трехъ пѣвцовъ—онъ хотѣлъ, чтобы они пошли къ генералъ-губернатору, въ его ложу—и сказали нѣсколько успокоительныхъ словъ. Вызванные не могли идти, такъ какъ не говорили ни по-французски, ни по-нѣмецки. Поблизости сидѣлъ юный баронъ ***. Онъ говорилъ на обоихъ языкахъ, и послѣ оживленнаго спора онъ, отроду не пропѣвшій ни одной ноты, вмѣстѣ съ четырьмя другими молодыми людьми, во главѣ съ сенаторомъ Траппомъ, отправились къ генералъ-губернатору. Молодые люди не сказали ни слова, а баронъ, Валленъ и правитель канцеляріи Эрнъ горячо говорили о «la vivacité de la jeunesse, jugendlicher Enthusiasmus» и т. д. Его сіятельство проглотилъ обиду: «Es war ein Missverständnis» [1]).

Въ студенческіе годы мнѣ случалось видѣть и даже говорить съ гр. Адлербергомъ въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ, въ болѣе же тѣсныя сношенія съ нимъ я вошелъ весною 1876 года. Я пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Гельсингфорсъ и остановился въ гостиницѣ «Societetshuset». Швейцаръ сказалъ мнѣ, что меня спрашивалъ адъютантъ генералъ-губернатора. Я подумалъ, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, но на другой день ко мнѣ дѣйствительно явился адъютантъ, ротмистръ Владиміръ Шлезинъ, чрезвычайно элегантный и искусившійся въ дѣлахъ міра сего полякъ изъ Литвы, извѣстный всему тогдашнему Гельсингфорсу своей изнѣженностью, своей страстью къ стариннымъ кружевамъ, мебели, портретамъ и серебру. Другими словами, это

сомъ «морали и систематизаціи наукъ» (такъ тогда называлась вновь открываемая каѳедра философіи). Въ 1863—68 г. С. вступилъ въ сенатъ въ качествѣ шефа финансовъ и сыгралъ крупную роль въ проведеніи монетной реформы въ Финляндіи. Въ 70-ыхъ годахъ С. былъ членомъ всѣхъ сеймовъ и принималъ участіе въ разработкѣ важнѣйшихъ законопроектовъ, напр. о воинской повинности. Финская партія видитъ въ немъ своего родоначальника. *К. Т.*

[1]) Молодежь, очевидно, не желала подчиниться распоряженію устроителей, которые рѣшили совсѣмъ отказаться отъ пѣнія хора, разъ не могло быть выполнено желаніе генералъ-губернатора. Сперва пытались поднять занавѣсъ, а потомъ отправились въ зрительный залъ съ цѣлью демонстрировать, но демонстрація вылилась въ столь неопредѣленную форму, что приближенные сочли возможнымъ представить все случившееся какъ «юношеское увлеченіе», а гр. Адлербергъ сознался, что все было «недоразумѣніе». К. Т.

былъ ревностный собиратель всего того, что короче называется древностями. Впрочемъ, у него была та хорошая черта, что, хотя онъ и подшучивалъ надъ простотой нашихъ нравовъ и надъ нашими мужицкими манерами, но въ глубинѣ души отлично насъ понималъ и съ уваженіемъ относился къ тому, что было цѣннаго въ культурной жизни тогдашней Финляндіи. Раньше мы съ нимъ были мало знакомы, что однако не мѣшало ему встрѣтить меня, какъ стараго знакомаго. Послѣ очень деликатнаго, чтобы не сказать лукаваго допроса, касавшагося моего прежняго мѣстожительства, откуда и куда я ѣду, онъ передалъ мнѣ приглашеніе на обѣдъ къ генералъ-губернатору и просилъ захватить съ собою мои этюды и эскизы.

То и другое было какъ нельзя болѣе не кстати. Этюды мои находились у одного родственника, жившаго на окраинѣ города въ Крунухагенѣ, а самъ я собирался итти на маскарадъ въ Студенческій домъ, чтобы интриговать свою старинную пріятельницу Иду Базилье, которая въ этотъ день должна была выступить тамъ въ костюмѣ Титаніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ салонѣ Эраръ, въ Парижѣ, она представила меня автору «Миньоны» Амбруазу Тома, и я уже предвкушалъ удовольствіе поговорить съ ней о... да обо всемъ томъ, что обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ, когда мы молоды.

Но ротмистръ и слышать не хотѣлъ возраженій. Онъ сейчасъ же послалъ за портфелями и обѣщалъ устроить такъ, что послѣ обѣда я найду домино въ его небольшой холостой квартирѣ при генералъ-губернаторскомъ домѣ. Между прочимъ, онъ сказалъ, что они всѣ отправятся на маскарадъ; «всѣ» обозначало въ данномъ случаѣ всѣхъ молодыхъ людей, приглашенныхъ къ обѣду.

Въ виду такого энергичнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ любезнаго натиска, мнѣ ничего не оставалось, какъ капитулировать. Я отправился къ ротмистру Шлезину, жившему во флигелѣ генералъ-губернаторскаго дома, въ очаровательной, залитой солнцемъ квартиркѣ. Не много такихъ квартиръ видалъ я въ Финляндіи. Старые великолѣпные шкапы въ стилѣ ренессансъ изъ Хоутшера и Паргаса, зеркала, столы и стулья въ стилѣ рококо изъ окрестностей Хоухо и Ліуксалы, прекрасныя старинныя вышивки по шелку, свадебное одѣяло изъ финской усадьбы въ Итисѣ, двѣ этажерки, уставленныя ящичками, художественно расписанными эмалью по мѣди. Все это были les beaux restes отъ времени шведскаго владычества, оставленные, забытые и затѣмъ разнесенные по бѣлому свѣту при выселеніи старыхъ дворянскихъ, духовныхъ и чиновныхъ родовъ во время Великой Сѣверной войны и войны 1808—09 годовъ. Можно сказать, что никто въ Гельсингфорсѣ

не интересовался въ это время старинной мебелью; всѣ безусловно предпочитали русскій товаръ съ фабрики Петрова; другое дѣло ротмистръ Шлезинъ—онъ зналъ цѣну этимъ вещамъ, у него былъ вкусъ, пониманіе искусства и были средства. Это была прекрасная коллекція, въ полномъ смыслѣ слова—такъ какъ при выборѣ вещей онъ интересовался не ихъ рѣдкостью, красотой, и эту колекцію онъ въ теченіе многихъ лѣтъ частями посылалъ въ свое имѣніе близъ Вильны; это имѣніе въ то время было въ рукахъ его брата и теперь принадлежитъ ему самому. Тамъ находятся портреты Лундберга, Паша, Арреніуса и ихъ современниковъ.

Когда время подходило къ семи часамъ вечера, мы отправились къ графу, и я былъ ему, ужъ не помню, въ который разъ представленъ. Графу Адлербергу въ это время было всего 57 лѣтъ, но несмотря на всѣ косметическія средства, несмотря на всѣ старанія держаться молодцомъ, было очевидно, что ему не подъ силу носить бремя своихъ лѣтъ. Въ 1871 г., во время поѣздки по восточной Финляндіи, въ Варкаусъ съ нимъ случился ударъ, и слѣды его были еще замѣтны. Онъ былъ молчаливъ и говорилъ съ нѣкоторымъ напряженіемъ. Между тѣмъ онъ любилъ слушать разговоръ за столомъ. Къ графу Адлербергу нерѣдко были приглашаемы А. фонъ Беккеръ, Я.Мунстерьельмъ, впослѣдствіи также А. Эдельфельтъ и я. Блюда и вина были божественны. Самъ Брилья-Саваренъ не могъ бы придраться къ соусамъ. Поварами управлялъ самъ графъ. Салаты онъ приготовлялъ собственноручно съ необычайной заботливостью и радовался, если кто просилъ лишнюю порцію... Къ столу являлись всегда въ парадномъ платьѣ и шли къ нему чуть ли не церемоніальнымъ маршемъ. «Въ этомъ домѣ кушаютъ съ благоговѣніемъ»,—говорили обыкновенно адъютанты.

Если кто-нибудь бралъ щепотку соли, двѣнадцать паръ глазъ съ безпокойствомъ слѣдили за тѣмъ, чтобы крупинка роковой приправы не высыпалась на скатерть [1]). Во время одного обѣда случилось неслыханное несчастіе: три свѣчи, горѣвшія въ канделярбахъ на окнѣ, не были потушены—потомъ оказалось, что это было сдѣлано нарочно, а это былъ очень дурной знакъ. Зато, когда какой-то несчастный служитель облилъ соусомъ сіяющій графскій эполетъ, то его сіятельство принялъ это болѣе спокойно, такъ какъ объ этомъ несчастіи ничего не было сказано ни въ большомъ ни въ маломъ кодексѣ примѣтъ, оно не было предусмотрѣно. Главной прелестью и украшеніемъ обѣда была

[1]) Въ книгѣ графа «Voyage en Orient», на страницѣ 15 читаемъ: «Нашъ драгоманъ выказалъ непозволительную наивность: онъ опрокинулъ солонку на обѣденномъ столѣ».

сама графиня, настоящая красавица съ царственнымъ видомъ и, когда хотѣла этого, дѣйствительно человѣкъ съ душой въ лучшемъ смыслѣ слова. За обѣдомъ я имѣлъ случай разсказать небольшой эпизодъ, случившійся со мною за годъ передъ тѣмъ, во время большого съѣзда студентовъ сѣверныхъ странъ въ 1875 г. въ Упсалѣ, въ которомъ финляндскіе студенты впервые получили право участвовать.

Въ это время я находился въ стобашенномъ городѣ Павіи. Въ студенческомъ общежитіи Ghislegieri я познакомился съ двумя очень образованными университетскими преподавателями и былъ ими приглашенъ на импровизированный студенческій праздникъ. Слухъ о братскомъ торжествѣ сѣверныхъ университетовъ проникъ и сюда, и одинъ изъ моихъ новыхъ пріятелей предложилъ тостъ за Гельсингфорскій университетъ. Въ своей рѣчи онъ выложилъ всѣ свои знанія о сѣверѣ, упомянулъ о его великихъ людяхъ: Gustavus Adolfus, Carl dodeci, Berzelius, Linné и il conte di Adlerberg.—Этотъ небольшой эпизодъ казался чрезвычайно забавнымъ и лестнымъ нашему хозяину, и онъ съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ, что въ Петербургѣ долго колебались, дать ли разрѣшеніе финляндскимъ студентамъ, но что онъ, гр. Адлербергъ, увѣрилъ, что студенты будутъ держать себя лояльно, и онъ былъ правъ. Прибавлю теперь то, о чемъ я умолчалъ на обѣдѣ: когда я спросилъ моего итальянскаго ритора, какъ это онъ напалъ на имя гр. Адлерберга, тотъ отвѣчалъ: «Я нашелъ его въ спискѣ пріѣзжихъ».—Генералъ-губернаторъ Финляндіи въ это время проѣзжалъ черезъ Миланъ и Павію на Ривьеру или обратно, и ученый воспользовался и его именемъ и его особой въ своей небольшой, но блестящей рѣчи.

Послѣ обѣда графъ разсмотрѣлъ содержимое моего портфеля, и было рѣшено, что, когда я опять пріѣду въ Финляндію, я буду давать ему уроки живописи....

На мой вопросъ, гдѣ онъ почерпнулъ основныя начала искусства живописи, онъ назвалъ нѣсколько французскихъ именъ; въ данное время его учителемъ былъ Яльмаръ Мунстерьельмъ, и подъ его руководствомъ онъ написалъ нѣсколько панно, натюръ-мортовъ и пейзажей виллы «Аркадія» близъ Варшавы; они были, говоря по правдѣ, неважны. Мои уроки были не часты и прежде всего непродолжительны. Тотъ, кто самъ этого не видалъ, не можетъ имѣть никакого представленія о томъ, сколько работы у финляндскаго генералъ-губернатора. Доклады въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, депутаціи, представленія военныхъ чиновъ, пріемы, церемоніи и благотворительность занимаютъ у него весь день. Въ домѣ Адлерберга велся особый журналъ, въ которомъ

весь день былъ распредѣленъ на получасы и четверти, при чемъ соблюдался строжайшій порядокъ и тактъ. Скажутъ: какая же это работа? Но въ повседневныхъ трудахъ правителя страны довольно трудно провести границу между работой чисто регулирующей и работой производительной. Чѣмъ больше онъ придерживается первой, тѣмъ лучше. Если же онъ, подобно Закревскому, Бергу или Бобрикову, начнетъ заниматься деталями, то ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ.

Первый художественный трудъ, исполненный гр. Адлербергомъ, былъ довольно курьезнымъ. Подъ вліяніемъ своего перваго религіознаго увлеченія, какъ неофитъ, онъ собралъ средства на построеніе православной церкви въ каменистой Аравіи, въ небольшой деревушкѣ Керакъ. Какъ хорошій хозяинъ и аккуратный человѣкъ, не довѣряя восточному духовенству, онъ поставилъ епископа Петра подъ строгій контроль въ дѣлѣ расходованія суммъ и возведенія постройки. Это привело къ столкновеніямъ съ святымъ мужемъ, слѣдствіемъ которыхъ было то, что во время второго путешествія въ Святую землю графъ не посѣтилъ своей церкви, а удовольствовался тѣмъ, что принялъ отъ духовенства вырѣзанную изъ оливковаго дерева модель храма. Эту модель мы и срисовали теперь и писали на фонѣ красиваго восточнаго пейзажа; это послѣднее было достигнуто тѣмъ, что въ основу былъ положенъ одинъ изъ моихъ эфесскихъ этюдовъ. Это замѣчательное произведеніе искусства графъ воспроизвелъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разослалъ своимъ братьямъ и сестрамъ во Христѣ, принимавшимъ участіе въ святомъ дѣлѣ въ каменистой Аравіи. Можно сказать, что большая часть нашей живописи была такого рода.

Для акварельной живописи, какъ извѣстно, требуется вода, лучше всего въ небольшихъ чашкахъ. Разъ, когда такихъ чашекъ не оказалось, я сгоряча хотѣлъ взять большую чашку, изъ которой, какъ мнѣ показалось, кто-то только что пилъ шоколадъ. Она стояла поблизости на этажеркѣ. Но мнѣ нельзя было сдѣлать этого по нѣкоторымъ причинамъ. Изъ нея три года тому назадъ пила шоколадъ красавица—актриса Тенгмаркъ. Чашка стояла нетронутая, въ томъ видѣ, въ какомъ она была, когда къ ней прикасались пурпуровыя губки красавицы.

Позднѣе мнѣ пришлось имѣть дѣло съ графомъ Адлербергомъ по одному вопросу, который онъ принималъ очень близко къ сердцу: я имѣю въ виду вопросъ о русскомъ театрѣ въ Гельсингфорсѣ. Въ торжественной новогодней рѣчи, опубликованной во «Всеобщей финляндской газетѣ» (4 января 1881 г.), рѣчи, которая касалась покушенія на императора Александра II въ

Зимнемъ дворцѣ, смертныхъ случаевъ среди членовъ сената, таможенныхъ вопросовъ и т. д., онъ говорилъ и по вопросу о театрѣ.

Тотчасъ же по прибытіи въ Финляндію онъ замѣтилъ, что русская національность тамъ растворилась въ финской, либо въ шведской. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться господствующимъ въ странѣ классомъ, она на самомъ дѣлѣ очутилась въ подчиненномъ положеніи. Такому порядку вещей онъ, «какъ русскій человѣкъ», хотѣлъ бы положить предѣлъ или, по крайней мѣрѣ, добиться болѣе правильнаго положенія по отношенію къ нашей культурѣ. Будучи умнѣе Бобрикова, онъ не желалъ угнетать мѣстныя народности, а только возвысить русскую національность.

По этому вопросу, который онъ въ свое время, въ полномъ обладаніи своихъ умственныхъ способностей, вѣроятно, тщательно обдумалъ, теперь онъ говорилъ стереотипныя фразы, которыя, какъ это бываетъ у старыхъ людей, повторялись по нѣсколько разъ. Путемъ воспитанія, образованія и облагороженія русское общество должно быть поднято на надлежащую высоту, чтобы оно само собой пріобрѣло руководящую роль въ странѣ. Казалось бы, разумная программа, которая однако же не помѣшала упомянутымъ выше преемникамъ его и ихъ приспѣшникамъ называть гр. Адлерберга «un fainéant, un nigand» и т. п. Школа и театръ были тѣми рычагами, съ помощью которыхъ онъ желалъ поднять умственный уровень русскихъ людей въ нашей странѣ. Школа впослѣдствіи досталась на долю моему знаменитому коллегѣ, Ф. А. Шестрему, мнѣ пришлось заняться театромъ.

Мнѣ часто приходилось по практическимъ вопросамъ имѣть дѣло съ русскими—на разнаго рода выставкахъ, при архитектурныхъ постройкахъ,—и я долженъ сказать по правдѣ, что никогда не видалъ я такихъ непрактичныхъ людей, какъ именно русскіе. Все то, что, кажется, лежитъ передъ глазами, они тщательно обходятъ и избираютъ самые неожиданные, самые странные пути. Наиболѣе бросающійся въ глаза дефектъ,—это неслыханная затрата силъ: въ дѣло употребляется гораздо больше, чѣмъ нужно; неимовѣрное количество бумаги, въ формѣ инструкцій, раппортовъ, проектовъ и, Богъ вѣсть, чего еще, сопровождаетъ подчасъ самую простую архитектурную задачу. Гр. Адлербергъ задумалъ построить театръ въ нашей прекрасной столицѣ, и по русскому обычаю образована была комиссія, членами которой были, кажется, всѣ русскіе генералы и полковники Гельсингфорса. Въ вопросахъ архитектуры они абсолютно ничего не знали, за исключеніемъ военныхъ инженеровъ, которые знали немного. Самъ гр. Адлербергъ былъ предсѣдателемъ комиссіи. Членами

по его ходатайству были назначены служащіе въ дворцовомъ управленіи. Кирпичъ и гранитъ комиссія должна была получить даромъ изъ крѣпости Бомарсундъ. Такъ какъ этотъ кирпичъ нужно было добыть изъ старыхъ, затвердѣлыхъ стѣнъ крѣпости, погрузить на суда и доставить въ Гельсингфорсъ, то онъ обошелся приблизительно въ 100 марокъ за тысячу, не говоря уже о томъ , что нѣсколько баржей сѣли на мель или потерпѣли аварію, что на цѣлый годъ замедлило работу. Чертежи были заказаны инженерному правленію въ Свеаборгѣ. Зданіе строилъ инженеръ Кашперовъ и, когда оно, наконецъ, было подведено подъ крышу, безъ штукатурки и декорацій, оно стоило большихъ денегъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (устройство сцены, фойе и т. д.) было никуда негодно.

Гр. Адлербергъ былъ крайне недоволенъ всей постановкой технической части и въ одинъ прекрасный день послалъ ко мнѣ правителя своей канцеляріи Лерхе съ вопросомъ, не пожелаю ли я дать свое заключеніе о постройкѣ. Мое заключеніе было не въ ея пользу.

Военные инженеры съ негодованіемъ оспаривали его, и результатомъ было то, что я аппеллировалъ къ Гуго Гропіусу, извѣстному декоратору и знатоку театральнаго дѣла въ Берлинѣ. Такъ какъ ему во всякомъ случаѣ нужно было пріѣхать по коекакимъ дѣламъ, то рѣшено было пригласить его въ Гельсингфорсъ. Правителю канцеляріи Лерхе и мнѣ было поручено заняться этимъ вопросомъ и пріемомъ Гропіуса, и двѣ недѣли спустя явился великій мужъ, одинъ изъ дѣйствительно умныхъ и веселыхъ нѣмцевъ, когда-либо мною видѣнныхъ. Онъ былъ также папашей или дядюшкой двухъ - трехъ лучшихъ томовъ журнала «Fliegende Blätter», основанныхъ его отцомъ. Адлербергъ самъ, его инженеры, Гропіусъ и вашъ покорнѣйшій слуга, въ качествѣ «прокурора», обошли злополучную постройку, и въ тотъ же день, послѣ роскошнаго обѣда, устроено было большое собраніе комиссіи въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, на которомъ Гропіусъ выступилъ со своей критикой.

Адлербергъ, предсѣдательствовавшій на собраніи, съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ великаго оракула, и, когда Гропіусъ кончилъ, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Und was ist jetzt zu machen?»—«Das Haus von neu an wieder zu bauen»,— отвѣчалъ Гропіусъ коротко и спокойно.

— «Das habe ich von Anfang schon gesagt»,—возразилъ комендантъ Чепурновъ.[1])

[1]) Что же намъ теперь дѣлать?—Начать строить домъ сызнова.— Это я сказалъ съ самаго начала.

Инженерный полковникъ всталъ и пробормоталъ что-то по-русски о томъ, что онъ не архитекторъ, что онъ взялся сдѣлать чертежи только потому, что ему было такъ приказано. Въ концѣ-концовъ онъ просилъ разрѣшить ему отказаться отъ этого дѣла. Черезъ два года онъ и многіе изъ его товарищей, за злоупотребленіе при казенныхъ постройкахъ въ Финляндіи, были сосланы, сколько помнится, въ Оренбургскую губернію. Собраніе очутилось въ крайне непріятномъ положеніи.

Чтобы поднять настроеніе, я вернулся къ главному вопросу и указалъ, что знаменитый знатокъ театра г. Гропіусъ судитъ о дѣлѣ по широкому берлинскому масштабу. По моему мнѣнію, не было надобности дѣйствовать такъ радикально. Конечно, невозможно углубить сцену, сблизить ярусы; но можно поднять фойе, построить лѣстницы и т. д. Съ терпѣніемъ и тридцатью тысячами марокъ можно было бы многое сдѣлать. Гропіусъ также пошелъ на уступки и все кончилось лучше, чѣмъ можно было надѣяться.

Когда мы разошлись вечеромъ, ко мнѣ пришелъ ротмистръ Шлезинъ. Онъ питалъ горячую и глубокую, почти сыновнюю дружбу къ семьѣ Адлерберга и сказалъ, что le bon vieux совершенно обезкураженъ этимъ театральнымъ скандаломъ. Если бы я могъ провести это дѣло такъ, чтобы графу не нужно было просить дополнительной ассигновки, то это было бы истиннымъ счастьемъ. «Позаботьтесь о томъ, чтобы нѣмецъ не жаловался понапрасному, угостите его хорошенько и идите со счетами къ правителю канцеляріи Лерхе».

Я буквально исполнилъ слова ротмистра и въ тотъ же вечеръ повелъ Гропіуса въ Societetshuset. По дорогѣ онъ разсказалъ, что зналъ одного финляндскаго художника; имя его онъ забылъ, «aber es war ein dicker toller Kerl». Онъ говорилъ по-нѣмецки такъ, что можно было лопнуть отъ смѣха. Когда мы пришли въ Societetshuset, Гропіусъ воскликнулъ: «Da sitzt er ja. Das alte Ferkel». Это былъ Лёвгренъ. [1]) Пошли привѣтствія, брудершафты и веселье, которое росло наравнѣ съ винными парами. Послѣ того какъ мы добрый часъ говорили о Mahlkasten и всевозможныхъ кнейпахъ прекраснаго Дюссельдорфа, Лёвгренъ повернулся ко мнѣ и съ пресерьезной миной спросилъ: «Послушай: кто такой этотъ полоумный?» Я подумалъ, что онъ шутитъ; но, когда я назвалъ фамилію, онъ сталъ горячо увѣрять, что онъ не знаетъ

---

[1]) Эрикъ Іоханъ Лёвгренъ (1825—84), художникъ, стяжавшій себѣ большую извѣстность своими портретами и историческими картинами, былъ чрезвычайно популяренъ въ Гельсингфорсѣ какъ пріятный собесѣдникъ и типичный представитель артистической богемы, что вполнѣ оправдываетъ выраженія Гропіуса «толстый шальной парень» и «старый поросенокъ». К. Т.

этого человѣка; но «это чудесный малый, мы долго будемъ съ нимъ вмѣстѣ».

Съ Гропіусомъ была составлена подробная смѣта, и работа по театру поручена мнѣ. Съ этого времени у меня были частыя и долгія совѣщанія съ графомъ Адлербергомъ. Онъ пожелалъ видѣть всѣ чертежи. Объ отдѣлкѣ ложъ онъ всегда говорилъ одно и то же: Es muss nicht wie eine Pastete aussehen»; это загадочное изрѣченіе ротмистръ Шлезинъ объяснялъ такимъ образомъ, что все должно быть въ стилѣ Людовика XVI, орнаменты возможно болѣе рельефными, почти свободно выступающими, цвѣта—розовый и селадонъ....

Работы по театру, наконецъ, были закончены. Богъ свидѣтель—это было одно штопанье съ начала до конца. Меня все—таки радовало то, что мнѣ удалось привлечь къ своей работѣ Северина Фалькмана, глубоко сокрушеннаго извѣстной критикой Ф. Берндтсона; онъ исполнилъ фигуры въ плафонѣ и находилъ большое удовольствіе въ этой незначительной работѣ. Когда Адлербергъ увидѣлъ парящихъ наверху геніевъ, онъ спросилъ меня, кто ихъ сдѣлалъ; на мой отвѣтъ, что это сдѣлалъ г. Фалькманъ, онъ сказалъ: «Я такъ и думалъ: они всѣ похожи на Брумеровъ, а это—его идеалъ».[1])

Изъ финскихъ художниковъ Адлербергъ первое мѣсто отводилъ безусловно Я. Мунстерьельму, восхваляя всегда его «тонкій и изящный колоритъ». Насколько мнѣ извѣстно, Адлербергъ единственный изъ генералъ-губернаторовъ, покупавшій произведенія финляндскихъ художниковъ. Во время большой выставки 1876 г. онъ былъ совершенно въ своей сферѣ; онъ былъ достойнымъ представителемъ нашей страны и покровительствовалъ художникамъ, указывалъ, чьи произведенія слѣдовало покупать, и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ассигнованныя суммы своевременно выдавались господамъ художникамъ, что было весьма важно.

Онъ желалъ покровительствовать не только искусству, но и наукѣ. Любезность, которую онъ обнаружилъ, когда принимали А. Э. Норденшельда, была поразительна. На визитъ знаменитаго путешественника онъ отвѣчалъ по всѣмъ правиламъ высшаго тона. Когда давался праздникъ въ честь Норденшельда въ Рыцарскомъ домѣ, онъ строго наказалъ, чтобы ему дали знать, когда явится Норденшельдъ: онъ хотѣлъ, «хотя только какъ участникъ», быть на своемъ мѣстѣ раньше гостя и привѣтство-

---

[1]) Северинъ Габріэль Фалькманъ (1831—89), художникъ, подвизавшійся, главнымъ образомъ въ области декоративнаго искусства. Его сестра вышла замужъ за общественнаго дѣятеля А. В. Бруммера, на котораго и намекнулъ гр. Адлербергъ. К. Т.

вать его тотчасъ послѣ хозяевъ. «Онъ (Норденшельдъ) *нашъ*, онъ—одинъ изъ величайшихъ сыновъ *нашей страны*»,—говорилъ онъ не безъ гордости. Онъ ввелъ у насъ и хотѣлъ поддерживать придворный этикетъ «pour adoucir, embellir et subtiliser les moeurs» [1]) въ этой отдаленной отъ всего свѣта и плебейской странѣ.

* * *

Людьми, которые за время генералъ-губернаторства Адлерберга задавали всему тонъ, были прежде всего Робертъ Исидоръ Эрнъ и баронъ И. М. Норденстамъ. Что Эрну въ данномъ случаѣ принадлежало первое мѣсто, не подлежитъ сомнѣнію. Этому способствовало прежде всего, помимо солидной разсудительности и его юридической проницательности, также его мягкая, проникнутая спокойнымъ юморомъ натура и его ровный характеръ. Онъ умѣлъ забавно пошутить, сдѣлать кстати остроумный намекъ, притомъ, какъ онъ самъ выражался, «на четырехъ съ половиной языкахъ»: шведскомъ, французскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и нижне-нѣмецкомъ. Ревностный читатель новеллъ Рейтера, задолго до того какъ онѣ вышли въ переводѣ на нашъ языкъ, онъ презабавно передавалъ комическіе идіотизмы нижне-нѣмецкаго нарѣчія...

Когда газетная полемика была въ полномъ разгарѣ, партійная борьба разросталась, и гр. Адлербергъ, подобно своимъ предшественникамъ, раздѣлявшій мнѣніе прусскаго министра Шуленбурга—«Ruhe ist die erste Bürgerpflicht» [2]), начиналъ терять терпѣніе, то никто другой, какъ Робертъ Эрнъ являлся со словами успокоенія. Часто посѣщая въ это время милую и утончено образованную семью Эрна—я могъ непосредственно наблюдать дружескія отношенія между этими двумя людьми и убѣжденъ, что ни одно важное общественное дѣло не обсуждалось безъ участія Эрна, и рѣдко какое дѣло рѣшалось вопреки его мнѣнію. Между тѣмъ вліятельное положеніе Эрна едва было замѣтно. Человѣкъ въ высшей степени скромный, онъ держался въ сторонѣ. Онъ довольствовался тѣмъ, что дѣлалъ, что могъ, предоставляя славу тѣмъ, кто ее любилъ.

Такимъ же надежнымъ совѣтникомъ графа былъ Норденстамъ, который, однако, не былъ такъ близокъ къ нему. Изящный офицеръ, умный, холодный, съ сатирической жилкой, онъ былъ на болѣе оффиціальной ногѣ со своимъ начальникомъ, чѣмъ первый. Вообще, это былъ человѣкъ, съ которымъ нельзя было шутить,

---

[1]) «Чтобы смягчить, облагородить и утончить нравы».
[2]) Спокойствіе—главная обязанность гражданина.

который никого не боялся. Мнѣ извѣстенъ слѣдующій маленькій случай, очень характерный для обоихъ.

Я давалъ урокъ акварельной живописи. Гр. Адлербергъ снялъ свои аксельбанты и разстегнулъ суртукъ. Только что мы принялись за работу, какъ вошелъ адъютантъ. «Ваше превосходительство, баронъ Норденстамъ съ депутаціей проситъ принять его».

— «Попросите ихъ войти и подождать»,—былъ отвѣтъ.

Мы какъ разъ прокладывали кобольтомъ голубое лѣтнее небо, а эта краска, какъ извѣстно, очень капризна. Едва мы успѣли сдѣлать полдороги по нашей небесной лазури, какъ ворвались оба адъютанты, и о небо! какая тутъ произошла суматоха: баронъ Норденстамъ не могъ ждать. Онъ явился съ депутаціей отъ сословій, какъ представитель государственной власти и т. д. Мы всѣ бросились помогать—кто пристегивалъ аксельбантъ, кто надѣвалъ поясъ; его превосходительство самъ застегнулъ сюртукъ, оправился, принялъ молодцеватый и торжественный видъ, выпрямился и вышелъ къ депутаціи.

* * *

Адлербергъ получилъ право пользоваться конюшнями императорскаго дворца. Отъ ветхости зданіе дало осадку, а на стѣнахъ лицевой стороны появились большія трещины. Конюхъ жаловался хозяину, и строительное вѣдомство получило приказъ отремонтировать зданіе. Но годъ спустя повторилась та же исторія, начались новыя жалобы, и графъ выходилъ изъ себя. Сначала мнѣ пришлось выдержать бурю,но такъ какъ мнѣ абсолютно не было никакого дѣла до этого, то пригласили дворцоваго интенданта—это былъ баронъ Норденстамъ; ему предстояло узнать, чья тутъ была вина. Въ концѣ-концовъ пришла оффиціальная бумага, въ которой было сказано, что «ремонтъ производился, по обыкновенію, подлежащимъ лицомъ».

— «Nun, was hat man den Herrn «подлежащее лицо» gesagt?[1]), спросилъ графъ.

— «У насъ ваше превосходительство, когда кто-нибудь сдѣлалъ глупость, то вину сваливаютъ всегда на подлежащее лицо, и я съ своей стороны замѣтилъ, что подлежащее лицо всегда мертвое».

На этотъ разъ дѣло дѣйствительно было такъ, потому что архитекторъ, руководившій работами, недавно умеръ. Впрочемъ онъ не былъ виноватъ: стѣна безнадежно плоха,—она и теперь, тридцать лѣтъ спустя, все въ такомъ же состояніи.

---

[1]) Ну что же было сказано господину «подлежащее лицо»?

* * *

Іоханъ Вильгельмъ Снельманъ былъ для Адлерберга не очень-то пріятнымъ лицомъ. Въ эпоху великаго общественнаго пробужденія онъ сталъ членомъ сената, гдѣ его большія доблести заслонялись мелкими слабостями и гдѣ его властолюбивыя замашки школьнаго учителя очень смущали многихъ изъ его коллегъ, особенно Антеля и барона фонъ-Борна. Его близкая связь съ позиціей quand même, даже во время его сенаторства, дѣлала его отношенія съ товарищами часто невыносимыми, всегда натянутыми. Кромѣ того, начальникъ лѣсного вѣдомства авъ-Форселлесъ и особенно его товарищъ баронъ Вреде были его ярыми противниками.

Между тѣмъ всѣхъ этихъ лицъ можно было часто видѣть въ домѣ Адлерберга, и вокругъ имени Снельмана, такъ сказать, все время стоялъ шумъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго. Кстати сказать, и пресса позаботилась о томъ, чтобы шумъ этотъ не прекращался. И вотъ, когда по вопросу о желѣзной дорогѣ Рійхимяки —С.-Петербургъ, о руководствѣ ея технической и финансовой частью Снельманъ во чтобы то ни стало хотѣлъ поставить на-своемъ, даже вопреки волѣ генералъ-губернатора, война разразилась, и Снельманъ получилъ отъ гр. Адлерберга письменное предложеніе подать въ отставку. Графъ пожелалъ, чтобы письмо было скрѣплено подписью Эрна, но Эрнъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло. «Онъ уже давно упалъ бы съ высоты, если-бы Орелъ[1]) не держалъ его своими крѣпкими когтями»,—сказалъ Вреде авъ-Форселлесу. Эти слова заинтересовали меня, и одинъ разъ я спросилъ Эрна, въ чемъ тутъ дѣло. Онъ отвѣчалъ: «Да, въ то время я былъ правителемъ канцеляріи у Адлерберга, и мнѣ казалось, что лучше, если оппозиція находится внутри сената, а не внѣ его: тогда ее можно, по крайней мѣрѣ, держать въ извѣстныхъ границахъ; но Снельманъ до невозможности неколлегіаленъ».

Еще спустя долгое время послѣ того, какъ Снельманъ оставилъ сенатъ, въ графскомъ домѣ можно было услышать недружелюбныя сужденія о немъ, конечно, не отъ самого графа, который былъ, какъ уже сказано, несловоохотливымъ. Насколько я понимаю, онъ смотрѣлъ на Снельмана сверху внизъ съ высоты своего придворнаго сана и своего положенія въ Финляндіи, которое онъ цѣнилъ высоко.

Отъ времени до времени можно было слышать, какъ онъ говорилъ: «er ist ein Professor». Это значило, что онъ считалъ его теоретикомъ, не знающимъ практики политическаго искусства и год-

---

[1]) Эрнъ (örn) значитъ по-шведски «орелъ».

нымъ только на то, чтобы выступать съ научными доказательствами того, что въ дѣйствительности произошло или должно было произойти. Наоборотъ, графиня, болѣе импульсивная и питавшая исключительную злобу противъ Снельмана, не скупилась на комплименты. Однажды, когда рѣчь зашла о немъ, она громко сказала своему вѣрному и доброму другу, совѣтнику канцеляріи Л. Геймбюргеру, вѣроятно, не понимая всей сути своихъ словъ: «Der Karnikel hat selbst angefangen»[1])—ходячее мюнхенское выраніе, которое въ устахъ знатной дамы звучало особенно рѣзко. Совѣтникъ канцеляріи Геймбюргеръ принадлежалъ къ числу ея ревностнѣйшихъ партнеровъ и часто бывалъ въ домѣ. Финнъ по происхожденію, но мастеръ по части всевозможныхъ нѣмецкихъ остротъ и фольклора, онъ объяснилъ мнѣ значеніе вышеупомянутаго изрѣченія.

Какой-то охотникъ проходилъ съ своей собакой мимо человѣка, который продавалъ кроликовъ. Собака загрызла одного изъ кроликовъ и продавецъ возбудилъ процессъ. Охотникъ въ качествѣ свидѣтеля вызвалъ одного мюнхенскаго чернорабочаго, который подъ клятвой увѣрялъ, будто онъ видѣлъ, что кроликъ первый напалъ на собаку, и что собака умертвила кролика изъ чувства самосохраненія. Причина раздраженія графини противъ Снельмана, была, конечно, пустячная. Какъ жена министра, она пользовалась въ Стокгольмѣ правомъ безпошлиннаго провоза туалетовъ, винъ и пр. Она претендовала и здѣсь на тѣ же привилегіи, да еще на безпошлинный провозъ свѣчей и нѣкоторыхъ предметовъ, относящихся къ католическому культу. Таможенное начальство направило ее къ завѣдующему финансовой частью Снельману, который отказалъ въ ея ходатайствѣ. При этомъ онъ, говорятъ, сказалъ: «За этой католической дамой нуженъ глазъ да глазъ», и эта фраза сплетниками была передана ей.

Столь же ревностная католичка, какъ мужъ ея былъ православный, графиня Адлербергъ уже въ 1872 г. добилась открытія католической школы въ Гельсингфорсѣ. Средства на нее были собраны среди католиковъ въ Финляндіи и за ея предѣлами, въ томъ числѣ не менѣе 16000 имперскихъ марокъ отъ баварскихъ католиковъ. Ея прозелитское рвеніе зашло такъ далеко, что въ дѣло долженъ былъ вмѣшаться ея супругъ. И лютеранское и православное духовенство жаловались на пропаганду, которая шла въ школѣ. Сенаторъ Антель, который послѣ операціи лежалъ въ Стокгольмѣ въ томъ отелѣ, гдѣ я жилъ, и съ которымъ я одно время ежедневно встрѣчался, разсказывалъ, что въ концѣ-концовъ ему пришлось

[2]) «Кроликъ самъ началъ»—народный оборотъ рѣчи въ смыслѣ «унтеръ-офицерская вдова сама себя высѣкла».

улаживать это дѣло между двумя супругами, т.-е. сообщить графинѣ о томъ, какъ нашими законами рѣшается вопросъ объ ея учрежденіяхъ. «Это была тема—говорилъ онъ—достойная высокой французской комедіи; православный русскій и нѣмка-католичка оспаривали другъ у друга дѣтскія души финскихъ и шведскихъ лютеранъ». Съ какимъ достоинствомъ и торжественностью взывали оба къ вѣрѣ, совѣсти, законамъ, свободомыслію и вѣротерпимости. Миръ былъ заключенъ на условіяхъ status quo ante. Дѣло было очень запутанное въ экономическомъ и юридическомъ отношеніи, такъ какъ 16000 марокъ были даны условно, и все церковное и школьное предпріятіе было построено на юридически непрочныхъ и даже недопустимыхъ у насъ началахъ. Католическая школа можетъ существовать у насъ только въ формѣ домашней школы [1]).

* * *

Когда думаешь о теперешней свободѣ печати и правѣ устройства демонстрацій и вспоминаешь времена Адлерберга, то приходится сказать, не обинуясь, что онъ былъ реакціонеръ; если же, наоборотъ, принять въ соображеніе условія того времени, т. е. 70—80-хъ годовъ, то приговоръ будетъ болѣе мягкій. Фактъ тотъ, что онъ не любилъ прессы. У меня былъ съ нимъ комическій случай, подтверждающій это. Какъ архитекторъ, я былъ назначенъ руководителемъ работъ въ финляндскомъ отдѣлѣ на Парижской выставкѣ 1878 года. Около этого времени я писалъ кое-что въ газетахъ, перо мое пришлось по вкусу публикѣ, и этимъ хотѣлъ воспользоваться редакторъ «Финляндской Всеобщей газеты» [2]), г. Насокинъ. Онъ чуть ли не хотѣлъ заставить меня писать корреспонденціи въ оффиціальной газетѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ просилъ генералъ-губернатора объ увеличеніи моего гонорара въ Парижѣ; но генералъ-губернаторъ съ отеческой заботливостью взялъ меня подъ свою защиту и, полный доброжелательности, сказалъ мнѣ, что ему не хотѣлось бы участвовать въ привлеченіи молодого человѣка къ газетному писательству—«это значило бы испортить всю его карьеру».

Онъ самъ мнѣ разсказалъ обо всемъ, и, когда я замѣтилъ, что я въ этомъ отношеніи уже испорченный молодой человѣкъ, что давно уже пишу въ газетахъ, онъ сказалъ послѣ небольшой паузы:

---

[1]) Относительно денегъ, собранныхъ въ Баваріи, кажется, было условлено такъ, чтобы онѣ были возвращены немедленно, въ случаѣ если не будутъ употреблены на школу.

[2]) Finlands allmänna tidning, основанной въ 1820 г.

— «Aber doch nicht in Morgonbladet» [1]).

Когда я на это отвѣтилъ: «нѣтъ, въ Dagbladet», онъ многозначительно посмотрѣлъ на меня.

— «Да, это лучше; редакторъ настоящій джентльменъ и бывшій гвардейскій офицеръ».

Передо мной лежитъ письмо отъ одного изъ его прежнихъ адъютантовъ, которое прекрасно свидѣтельствуетъ объ уваженіи, которое онъ питалъ къ дѣятельности представителя оппозиціонной печати Роберта Лагерборга [2]). Однажды, когда дѣло касалось вопроса объ одномъ крупномъ экономическомъ законопроектѣ, для котораго трудно было образовать вполнѣ подходящую комиссію, графъ шутя сказалъ мнѣ: «Пошлите его sub secreto кому-нибудь, кто знаетъ Лагерборга; онъ изложитъ все дѣло въ своей газетѣ—онъ стоитъ цѣлой комиссіи». Онъ часто также сердился на Лагерборга за его «Regierungssueht»; но его сердили, собственно, не большія статьи, но, главнымъ образомъ, хроника и мелкія извѣстія. Видѣть въ газетахъ свое собственное имя онъ терпѣть не могъ.

Напротивъ, «Morgonbladet» былъ его bête noir. На «Dagbladet» онъ могъ разсердиться за безтактныя замѣтки о его путешествіяхъ, его обѣдняхъ, хожденіи по церквамъ и парадамъ; но «Morgonbladet»! Достаточно было только назвать это ненавистное имя, чтобы привести его въ дурное расположеніе духа. Я лично убѣжденъ, что часто злобныя статьи этой газеты были причиной его прискорбнаго рѣшенія возстановить цензуру.

Слишкомъ лояльный для того, чтобы держаться римской политики divide et impera—принципъ, которымъ оба его преемника пользовались съ чисто макіавеллистической ловкостью, онъ никогда не эксплоатировалъ партійной борьбы. Одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему лицъ пишетъ мнѣ: «Онъ никогда не слушалъ сплетенъ и держался того взгляда, что глава правительства не долженъ принадлежать ни къ какой партіи. Болѣе благороднаго и неподкупнаго характера я не встрѣчалъ». Я охотно вѣрю этой прекрасной аттестаціи, но при этомъ нужно замѣтить, что искушенія пользоваться финской партіей не было никакого, такъ какъ партія въ это время еще не была сорганизована.... Гдѣ слѣдовало искать его симпатій, въ этомъ не было сомнѣнія. Ему очень нравилась Швеція.

---

[1]) «Но не въ «Утренней Газетѣ»?

[2]) Въ 1862 г. была основана главная оппозиціонная газета Финляндіи «Helsingfors Dagblad», при самомъ дѣятельномъ участіи Роберта Лагерборга (1835—82). Сперва онъ былъ секретаремъ редакціи, а потомъ и главнымъ редакторомъ этой газеты, потерявшей свое значеніе со смерти Лагерборга. К. Т.

Объ этомъ онъ самъ говорилъ: «кровь гуще воды»; онъ чувствовалъ себя заодно съ шведскимъ элементомъ, какъ ни напиралъ онъ на то, что онъ православный, русскій человѣкъ. Финскій элементъ у насъ интересовалъ его только какъ курьезъ, съ точки зрѣнія этнографіи и народнаго искусства. Онъ постоянно покупалъ карельскіе серебряные подносы, ткани и образчики самобытной финской культуры и раздавалъ ихъ своимъ друзьямъ при дворѣ и за границей. О тогдашнихъ руководителяхъ финской партіи онъ мнѣ говорилъ: «Говорятъ, что всѣ они плохо знаютъ финскій языкъ, что они неважные стилисты, что литературный языкъ еще долженъ подвергнуться обработкѣ, и это мнѣ кажется вполнѣ естественнымъ: вѣдь всѣ они шведы—всѣ, кто что-нибудь значитъ, какъ Снельманъ и Форсманъ, или даже нѣмцы,какъ Кронъ».

Я объяснилъ ему, что и Крона нужно считать за шведа, потому что дѣдъ его большую часть своей жизни прожилъ со шведскимъ паспортомъ въ Петербургѣ; онъ былъ шведскій подданный, родился въ Помераніи, когда она принадлежала Швеціи. Графъ покачалъ головой: «sonderbare Verhältnisse bei uns» [1])—и просилъ меня сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету.

Прощаніе графа Адлерберга съ Финляндіей было трогательно. Всѣмъ и каждому онъ говорилъ, что ему горько оставлять Финляндію. Въ самой странѣ это событіе понималось, какъ предзнаменованіе того, что наступавшія новыя времена грозили быть тяжелыми. Во всѣхъ прощальныхъ рѣчахъ прежде всего звучалъ этотъ мотивъ и подчеркивалась эта нота. Вопреки всякому вѣроятію, столичному обществу, которое искало выхода своимъ чувствамъ и хотѣло выразить свою благодарность отъѣзжающему съ явнымъ намекомъ по адресу тѣхъ и того, кто и что шли на смѣну, удалось устроить прощальный банкетъ въ честь генералъ-губернатора и его супруги. Въ этомъ банкетѣ, происходившемъ въ Брунспаркѣ въ прекрасный лѣтній день, принимали участіе лица всѣхъ сословій и состояній, представители университета, печати, художники и военные. Губернаторъ баронъ фонъ Альфтманъ говорилъ привѣтственную рѣчь, за которой слѣдовала горячая рѣчь статскаго совѣтника В. Лагуса. Оба оратора были сильно взволнованы, гости еще болѣе. Графъ Адлербергъ, который едва могъ владѣть собой, отвѣчалъ на рѣчи и откровенно признавался, что время пребыванія его въ Финляндіи для него незабвенно уже потому, что, по совѣсти говоря, здѣсь онъ лояльно трудился въ интересахъ мира и что и впредь онъ всегда будетъ отстаивать тѣ принципы, за которые онъ здѣсь боролся.

[1]) «Странныя у васъ дѣла».

Послѣ обѣда подъ оглушительное пѣніе «es lebe Hoch du Landesgraf» виновниковъ торжества подняли на золотомъ стулѣ и обнесли кругомъ зала, при звукахъ Бьернеборгскаго марша.

Августъ Шауманъ, мой сосѣдъ за столомъ, во время этой церемоніи, задумчиво погладилъ свою великолѣпную, въ стилѣ ренессансъ, бороду и сказалъ: «Да, кто бы могъ подумать это, когда онъ впервые явился къ намъ и кстати и некстати воевалъ съ нашими патріотическими пѣснями; а все таки»... И онъ началъ напѣвать:

«Выпьемъ за того,
кто правитъ нашей страной;
онъ человѣкъ съ головой,
нашъ Адлербергъ».

Эти стихи, сочиненные поэтомъ Элисомъ Оскаромъ Стенбергомъ изъ Западной Финляндіи и часто исполнявшіеся въ то время, какъ припѣвъ къ пѣснѣ Бельмана, вызвали очень веселое настроеніе въ той части стола, гдѣ мы сидѣли.

Торжество, рѣчи, тосты и бурное сердечное прощаніе произвели на многихъ дурное впечатлѣніе, даже въ высшихъ сферахъ. Какъ характерную черту той вѣроломной политики, которая здѣсь велась, упомяну, что шефъ жандармовъ донесъ о рѣчи генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ. Тотъ самый человѣкъ (его фамилія Т-нъ), который былъ принятъ, какъ другъ, въ графскомъ домѣ, уже раньше однажды донесъ на него, хотя доносъ тогда попалъ въ руки всемогущаго министра двора, графа Александра, брата Адлерберга.

Передо мной лежитъ письмо, написанное лицомъ, которое было связано съ графомъ вѣрной и продолжительной дружбой,— лицомъ, которое и понынѣ чтитъ его память. Этому лицу графъ писалъ, что онъ глубоко тронутъ симпатіей, которую финляндцы выказали ему при его отъѣздѣ; большія толпы народа провожали его до станціи, чтобы сказать ему послѣднее прости. Когда на ауденціи у императора АлександраIII онъ говорилъ о томъ расположеніи, которое финляндцы выказали ему при его отъѣздѣ, и что они провожали его, императоръ спросилъ: Досюда? Эта шутка чрезвычайно не понравилась графу, и онъ спрашивалъ себя, была ли это иронія, разсѣянность или что-нибудь еще хуже.

Въ Петербургѣ онъ увидѣлъ, въ какомъ положеніи была страна. Весь дворъ еще былъ полонъ тревоги и страха послѣ ужасной смерти Александра II. Новые люди еще не пришли, старые еще не пали, все было окутано туманомъ и тьмою. Вѣрно было только то, что пала княгиня Юрьевская (Долгорукая), состоявшая въ морганатическомъ бракѣ съ Александромъ II, а съ нею вмѣстѣ

палъ и министръ двора Александръ Адлербергъ. На свою бѣду, министръ двора, послѣ долголѣтней ожесточенной борьбы за первенство у покойнаго государя, какъ разъ незадолго до его смерти помирился съ княгиней, которой было совершенно немыслимо оставаться при новомъ Дворѣ. Адлербергъ, правда, еще сохранилъ на нѣкоторое время портфель; «но у меня только обложки, дѣла же всѣ у Воронцова-Дашкова», говорилъ онъ шутя своему брату. Въ это же время генералъ-губернатору Адлербергу пришлось услышать, что русское дѣло нисколько не подвинулось за время его управленія Финляндіей,—приходилось поворотить на другой галсъ. По поводу всѣхъ этихъ прискорбныхъ фактовъ графъ Адлербергъ написалъ вышеупомянутому довѣренному лицу слѣдующія замѣчательныя слова: «Они думаютъ, что смогутъ обрусить Финляндію, но это имъ никогда не удастся». Брату своему онъ сказалъ: «Я достаточно долго жилъ въ этомъ краѣ, чтобы сказать, что руссификація его—полная невозможность».

Предсѣдатель гельсингфорскаго магистрата Л. Линделевъ всего удачнѣе выразилъ настроеніе финляндскаго общества при отъѣздѣ гр. Адлерберга. На прощальной ауденціи онъ сказалъ, что графъ всегда поддерживалъ права и интересы Финляндіи, что онъ умѣлъ уважать историческія традиціи, которыя дороги намъ и составляютъ основу нашего общественнаго строя, и что этого достаточно, чтобы объяснить тѣ искреннія симпатіи къ нему, которыя обнаружились повсемѣстно въ эти дни.

Графъ Адлербергъ уѣхалъ, сопровождаемый большой толпой народа; послѣдними словами, обращенными имъ къ тѣмъ, кто стоялъ ближе всѣхъ къ нему, было сердечное «спасибо» и увѣреніе, что всякій финляндецъ будетъ желаннымъ гостемъ въ его новомъ домѣ въ Тегернзэ.

* * *

Во время обширныхъ приготовленій къ посѣщенію императоромъ Александромъ III лагерей въ Вильманстрандѣ въ 1885 г., было констатировано, что придворные экипажи были слишкомъ тяжелы и громоздки для улицъ и пригорковъ Выборга и Вильманстранда. Въ виду этого одному изъ служащихъ конюшеннаго вѣдомства предписано было ѣхать въ Берлинъ, чтобы пріобрѣсти тамъ нѣсколько подходящихъ легкихъ экипажей. Вскорѣ послѣ этого я получилъ приказъ явиться туда же съ планами этихъ городовъ, на которыхъ были отмѣчены всѣ пути слѣдованія августѣйшихъ особъ. Я тотчасъ же отправился и остановился въ одномъ изъ лучшихъ отелей Берлина. Коридорный говорилъ

по-шведски, зналъ мою фамилію и, по его увѣренію, не разъ прислуживалъ мнѣ въ Гельсингфорсѣ; между прочимъ, онъ прибавилъ: «Здѣсь у насъ еще есть одинъ изъ гельсингфорскихъ жителей, бывшій финляндскій генералъ-губернаторъ гр. Адлербергъ». Помня радушныя слова графа при прощаньи, что каждый финляндецъ будетъ для него желаннымъ гостемъ, я пожелалъ повидаться съ моимъ бывшимъ ученикомъ; я послалъ свою карточку и былъ тотчасъ принятъ. Каково же было мое удивленіе! Передо мной стоялъ совершенно чужой человѣкъ, къ тому же, повидимому, очень больной. Я извинился, указавъ причину своего посѣщенія, цѣль моей поѣздки въ Берлинъ и что значитъ для меня его имя. Больной замѣтно оживился. «Итакъ, опять мы въ Финляндіи»,—были его первыя слова. Послѣ этого онъ отрекомендовался, какъ братъ бывшаго финляндскаго генералъ-губернатора гр. Александръ Владиміровичъ. Онъ былъ радъ мнѣ, хотѣлъ непремѣнно поговорить со мной и пригласилъ къ завтраку. «Вы исполняете актъ человѣколюбія, оставаясь у меня. По дорогѣ въ Мюнхенѣ я захворалъ и много дней не выходилъ ». Я принялъ его любезное приглашеніе и, правду сказать, мнѣ не пришлось раскаиваться, что я даромъ потратилъ время.

Едва ли можно представить себѣ двухъ людей болѣе непохожихъ другъ на друга, чѣмъ братья Адлерберги. Осанка, выраженіе лица, манера говорить—все было у нихъ различно. Гр. Николай былъ молчаливый, вялый и меланхолическій романтикъ, съ слезливымъ взоромъ и чувствительнымъ сердцемъ; гр. Александръ одинъ изъ самыхъ живыхъ, общительныхъ и словоохотливыхъ людей, какихъ я въ то время встрѣчалъ. Для него, въ данный моментъ опальнаго временщика, почти изгнанника, одинокаго, больного, было живѣйшимъ удовольствіемъ поговорить о тѣхъ временахъ, когда и онъ былъ чѣмъ-то. Къ тому же, онъ обладалъ предательской способностью хорошо говорить—способность, которая всегда заводитъ говорящаго дальше, чѣмъ онъ самъ того желаетъ. Я помню одну изъ его фразъ, потому что это было, такъ сказать, вступительное слово къ его рѣчи: «Тотъ, кто при дворѣ хочетъ почивать на лаврахъ, безошибочно замѣтитъ, что его разбудитъ самая вѣрная изъ всѣхъ сидѣлокъ—мадамъ Зависть». Казалось, больному становилось легче подъ наплывомъ воспоминаній и въ пылу разговора. Щеки его порозовѣли, и теплый взглядъ его умныхъ глазъ оживился. Я не записалъ того, что онъ говорилъ. Одно я могу сказать съ достовѣрностью: онъ смотрѣлъ пессимистически на то, что происходило въ Россіи (это и понятно въ его положеніи), и на мой вопросъ, кто былъ тотъ всесильный человѣкъ, который оттѣснилъ семью Адлербер-

говъ, я получилъ отвѣтъ: «Я скажу вамъ это». Онъ всталъ, подошелъ къ этажеркѣ, заваленной газетами и брошюрами, вынулъ одну газету и положилъ ее передо мною. «Voila l' homme de l' avenir»[1]) сказалъ онъ, указывая на портретъ Константина Петровича Побѣдоносцева. «Этотъ человѣкъ не любитъ католиковъ, еще меньше того лютеранъ, балтовъ же и финновъ онъ терпѣть не можетъ». Половину всего недолгаго времени, которое я провелъ въ Берлинѣ, я посвятилъ больному, и онъ былъ мнѣ благодаренъ за это. Часто потомъ вспоминалъ я этого симпатичнаго, умнаго и живого человѣка, съ свѣтлымъ, чисто шведскимъ взглядомъ на жизнь и съ этой врожденной жилкой, которая дѣлала его grand seigneur, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Опираясь на его слова, я съ своей стороны узналъ руку К.П. Побѣдоносцева и въ дѣлѣ съ покупкой Ординымъ имѣнія въ Финляндіи, и въ его необъяснимомъ придворномъ званіи, и въ его такъ называемыхъ историческихъ трудахъ, и въ открытіи православной епархіи въ Кареліи, въ неожиданной отставкѣ генералъ-губернатора, короче, во всемъ томъ, что было сдѣлано намъ на бѣду.

Два года спустя мнѣ пришлось войти въ личныя сношенія съ этимъ восточнымъ Лойолой, и я понялъ антипатію гр. Александра Адлерберга[2]) къ этому человѣку, которую я вполнѣ раздѣлялъ съ нимъ. Это былъ подлый человѣкъ (да проститъ мнѣ Торъ Ланге[3]), я не могу подобрать другого слова, даже прочитавъ, статью о немъ Тора Ланге, представляющую его дѣвственно чистымъ. Но одно меня радуетъ, когда думаю о К. П. Побѣдоносцевѣ, этомъ бичѣ Святѣйшаго синода: въ моей борьбѣ съ этимъ могущественнымъ человѣкомъ ему суждено было потерпѣть пораженіе. Но это другая исторія.

* * *

Оба брата Адлерберга послѣ своего паденія жили большею частію въ Германіи; гр. Александръ умеръ уже въ 1888 г. въ Мюнхенѣ. Петербургское высшее общество вздохнуло съ облегченіемъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что послѣ него не осталось никакихъ мемуаровъ, потому что у него было тонкое и ѣдкое перо и глубокое знаніе интимной стороны русской жизни. Гр. Николай скончался въ Рождество 1892 г. въ своей виллѣ Тегернзэ. Его суп-

---

[1]) Вотъ человѣкъ будущаго.

[2]) Въ мемуарахъ княгини Юрьевской есть интересныя подробности объ этомъ когда-то всесильномъ министрѣ двора.

[3]) Торъ Ланге, датскій консулъ и видный московскій негоціантъ, женатый на близкой родственницѣ Побѣдоносцева. Этотъ же Ланге былъ и преподавателемъ Лазаревскаго Института и воспитателемъ Катковскаго Лицея.

руга, скончавшаяся раньше, погребена на католическомъ кладбищѣ близъ Тегернзэ. Вдовецъ построилъ часовню надъ прахомъ своей жены и получилъ разрѣшеніе быть погребеннымъ въ той же часовнѣ, хотя и былъ православный. Послѣдніе годы своей жизни, когда позволяла погода и здоровье, онъ все время проводилъ здѣсь, окруженный портретами, письмами и сувенирами своихъ усопшихъ друзей. Прибавимъ къ этому, что гр. Адлербергъ, такъ же какъ его облеченный высокимъ довѣріемъ современникъ и близкій человѣкъ баронъ Норденстамъ (умеръ въ 1882 г.), употребили послѣдніе годы своей жизни на то, чтобы отобрать у старѣющихъ друзей и у наслѣдниковъ тѣхъ изъ нихъ, которые уже умерли, все, что было имъ написано, до послѣдняго лоскутка, съ тѣмъ чтобы... уничтожить все это.

Насколько сильно онъ былъ привязанъ къ Финляндіи, видно еще изъ того, что онъ думалъ приготовить себѣ усыпальницу въ нашей странѣ. Въ связи съ этимъ мнѣ было поручено съѣздить въ Выборгъ и осмотрѣть мѣсто, гдѣ были погребены его дѣдъ и бабка. Вопросъ о фамильномъ склепѣ остался открытымъ.

Мой окончательный приговоръ о гр. Адлербергѣ такой: онъ не былъ выдающимся человѣкомъ, ни геніемъ, ни государственнымъ дѣятелемъ. Но здѣсь нѣтъ нужды приводить слова Уксеншерна: «Сынъ мой, если бы ты зналъ, какъ мало нужно ума, чтобы управлять міромъ»; гораздо болѣе подходитъ къ нему то, что сказано въ Эддѣ и въ народной пословицѣ: «мудръ тотъ, кто слушается добрыхъ совѣтовъ». Будучи по своему общественному положенію, наклонностямъ и воспитанію ярымъ консерваторомъ, онъ однако былъ способенъ къ развитію. Если исключить нынѣ здравствующаго, всѣми глубоко уважаемаго генералъ-губернатора [1]), то ни одинъ изъ этихъ представителей власти съ 1809 г. не понималъ идеи конституціонализма такъ, какъ онъ. Онъ строго охранялъ прерогативы своего августѣйшаго повелителя и друга, но понималъ, что даже всесильная власть въ нашей странѣ имѣетъ свои границы. Онъ умѣлъ смотрѣть на русское дѣло въ Финляндіи также и съ нашей точки зрѣнія. Изъ всѣхъ контръ-гардовъ, окоповъ и волчьихъ ямъ, сооружаемыхъ другими генералъ-губернаторами, мало что сохранилось; большая часть была сметена за время отъ 16 іюня 1904 до ноябрьскихъ дней 1905 г.; но какъ сказано, кроткіе наслѣдуютъ землю: отъ временъ миролюбиваго, гуманнаго, образованнаго Адлерберга остается неприкосновеннымъ лучшее, что сдѣлано для обезпеченія русской культуры—школа и театръ. И это его личная заслуга; когда «Новое Время»

---

[1]) Николай Николаевичъ Герардъ.

(уже самое названіе этой газеты есть ложь) неистово позоритъ память Адлерберга, то не мѣшаетъ напомнить объ этомъ.

Какъ человѣкъ, онъ былъ очень и предупредителенъ и любезенъ. Онъ много путешествовалъ и былъ болѣе начитанъ, чѣмъ вообще мнѣ приходилось это наблюдать среди русскихъ людей его круга. Онъ могъ выходить изъ себя, раздражаться, но никто никогда не видалъ и не слыхалъ, чтобы его досада и неудовольствіе выражались въ такихъ словахъ, какія обыкновенно употреблялъ одинъ изъ его преемниковъ. Укажу только на одно словечко «нахальный»; вы его не встрѣтите нигдѣ во всей его корресподенціи, между тѣмъ какъ это самое слово, точно грязная и назойливая навозная муха, встрѣчается на каждомъ шагу какъ въ оффиціальной, такъ и въ частной перепискѣ Бобрикова. Графъ Адлербергъ былъ лояленъ. «Si je m'attache à quelqu'un c'est pour la vie»[1]), пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, и эта фраза, которою такъ злоупотребляютъ, въ его устахъ—сама истина. Въ немъ было сильно развито чувство изящнаго, онъ любилъ и зналъ толкъ въ портретахъ, медаляхъ и архитектурѣ; у него былъ трезвый и простой вкусъ. Онъ обладалъ нѣкоторыми литературными навыками и вкусомъ. Письма его были законченными произведеніями, и одинъ изъ его корреспондентовъ говоритъ: «Онъ былъ мастеръ по части изысканныхъ фразъ». Въ его неказистой въ извѣстныхъ отношеніяхъ книгѣ встрѣчаются картины изъ путешествій въ Дамаскъ, описанія захода солнца въ пустынѣ, утреннихъ и вечернихъ мотивовъ востока, исполненныя съ такою живостью, такъ ярко оригинально, что я и донынѣ ихъ помню, хотя читалъ это тридцать лѣтъ тому назадъ [2]).

Въ біографіи Снельмана, написанной Т. Рейномъ, гдѣ довольно таки сильно достается Адлербергу и гдѣ второстепенныя лица, можетъ быть, ненамѣренно, представлены менѣе значительными, сравнительно съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ монографіи, говорится о гр. Адлербергѣ нѣчто такое, что представляется мнѣ невѣрнымъ (по крайней мѣрѣ, если брать слова въ ихъ буквальномъ значеніи). Правда, что онъ былъ неравнодушенъ къ женщинамъ; но всѣ, кто его зналъ,кто его близко наблюдалъ,тѣ изъ его писемъ, которыя попадались мнѣ на глаза,—единодушно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ старый романтикъ. Нѣкоторая мягкость и слезливость, въ духѣ Жанъ Поля, мечтательность, чуждая активности и смѣлости, нѣжная меланхолія, la tristesse douce—были настоящимъ раемъ для его души; въ проти-

---

[1]) Если я привязываюсь къ кому-нибудь, то на всю жизнь.

[2]) Книга озаглавлена: En Orient. Impressions et réminiscences. (St. Petersburg, 1867).

воположность дѣятельнымъ людямъ его времени, которымъ будущее представлялось въ какомъ-то лазурномъ блескѣ, ему оно казалось мрачнымъ, между тѣмъ какъ прошлое рисовалось прекраснымъ, окутаннымъ какимъ-то розовымъ флеромъ. Было что-то платоническое въ его увлеченіи женщинами, что, надо сказать, придавало нѣсколько комическій оттѣнокъ личности почтеннаго старца, но что не имѣло ничего общаго ни съ донжуанствомъ, ни тѣмъ болѣе съ ловеласничаньемъ. Его недостатки были слѣдующіе: нѣкоторая клерикальная узость, большая любовь къ гастрономіи и инертность, которая иногда заходила слишкомъ далеко, но прежде всего узкій взглядъ на народную жизнь, какъ слѣдствіе аристократическихъ предразсудковъ, что мѣшало ему понимать всю глубину и значительность политической и духовной жизни, таящейся въ народныхъ массахъ; конечно, онъ инстинктивно чувствовалъ ее, но по указанной причинѣ не понималъ въ тогдашнемъ фазисѣ ея развитія.

Слова его брата, сказанныя мнѣ: «наступитъ время, когда мы, финляндцы, дорого бы дали, чтобы вернуть его къ намъ»— оправдались и, можетъ быть, еще и теперь остаются въ силѣ, и ихъ можно считать настоящимъ похвальнымъ словомъ.

Изъ всей семьи Адлерберга остается въ живыхъ неженатый нынѣ[1]) тяжко больной сынъ, проживающій въ Тегернзэ, въ Баваріи. У него имѣются письма отъ Армфельта, Пальмрута, Шернваль-Валлена и мн. др. Эта колекція писемъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для того періода исторіи Финляндіи, когда его отецъ жилъ и дѣйствовалъ въ нашей странѣ.

Пер. со шведскаго подъ ред. *К. Ѳ. Тіандера.*

[1]) Такъ какъ статья Аренберга вышла въ свѣтъ въ 1907 г., то «нынѣ» относится къ данному времени.

Нѣчто изъ прошлаго.

(Изъ воспоминаній бывш. цензора).

I. Въ Петербургѣ.

Я началъ службу въ петербургскомъ комитетѣ иностранной цензуры въ 1886 году.

Въ то время составъ комитета иностранной цензуры блисталъ извѣстными литературными именами. Предсѣдателемъ комитета былъ А. Н. Майковъ, цензорами—Я. П. Полонскій, извѣстный въ то время романистъ графъ Саліасъ, А. С. Любовниковъ, извѣстный своими переводами съ иностранныхъ языковъ.

А. Н. Майковъ—сѣденькій, небольшого роста старичокъ, всегда спокойный, тихій,—являлся въ комитетъ обыкновенно разъ въ недѣлю на засѣданія. Онъ тихо, безшумно проскальзывалъ въ кабинетъ старшаго цензора А. С. Любовникова, завѣдывавшаго англо-французскимъ отдѣленіемъ, и только его тихій голосъ: «здравствуйте, господа» заставлялъ насъ, сослуживцевъ, поднимать головы и отвѣчать на привѣтствіе предсѣдателя.

Полную противоположность А. Н. Майкову представлялъ собою Я. П. Полонскій. Какъ сейчасъ помню грузную фигуру Якова Петровича, его мощный, нѣсколько грубый голосъ, его добродушную улыбку.

Аполлонъ Николаевичъ положительно терялся на засѣданіяхъ комитета въ присутствіи вѣчно шумливаго, постоянно что-нибудь или кого-нибудь громящаго Якова Петровича.

Яковъ Петровичъ, какъ и всѣ цензоры, не завѣдывавшіе отдѣленіями въ комитетѣ, являлись къ намъ одинъ разъ въ недѣлю на засѣданія, на которыхъ коллегіально разсматривались ихъ рапорты по прочитаннымъ ими иностраннымъ книгамъ.

Появленіе Якова Петровича въ комитетѣ обыкновенно привлекало къ себѣ общее вниманіе. Несмотря на отдаленность нашего отдѣленія отъ швейцарской, мы уже слышали мощный голосъ Якова Петровича, когда онъ только еще снималъ съ себя пальто или шубу и бесѣдовалъ съ курьеромъ Павломъ. Затѣмъ съ шумомъ раскрывалась дверь, и Яковъ Петровичъ, постукивая костылемъ (вслѣдствіе костоѣда на ногѣ), басилъ: «здравствуйте, господа», и на ходу уже разсказывалъ что-нибудь, нарушая тишину и спокойствіе, царившія обычно въ комитетѣ.

И мы, сослуживцы, не ограничивались простымъ отвѣтомъ на привѣтствіе Якова Петровича, а какъ-то невольно срывались съ мѣстъ и спѣшили къ нему пожать руку и послушать его разсказъ.

Какъ я уже говорилъ, Яковъ Петровичъ вѣчно что-нибудь или кого-нибудь разносилъ и громилъ, хотя это не мѣшало ему быть очень добродушнымъ и отзывчивымъ человѣкомъ. При каждомъ появленіи въ комитетъ онъ находилъ сообщить намъ что-нибудь интересное, говорилъ о какомъ-нибудь фактѣ или явленіи русской или иностранной жизни, вычитанномъ имъ въ газетахъ или почерпнутомъ изъ какого-либо иного источника и составлявшемъ злобу дня,—и тутъ уже доставалось отъ Якова Петровича на орѣхи кому слѣдуетъ,—кто бы онъ ни былъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы слышали голосъ Якова Петровича уже изъ другихъ отдѣленій комитета, а затѣмъ онъ гремѣлъ въ залѣ засѣданій, во время разсмотрѣнія цензорскихъ рапортовъ о прочитанныхъ книгахъ.

Въ качествѣ цензора Яковъ Петровичъ былъ большимъ сторонникомъ свободы обращенія въ русскомъ обществѣ произведеній иностранной литературы. И его рапорты о прочитанныхъ книгахъ очень рѣдко кончались стереотипнымъ заключеніемъ: «Въ виду всего этого, я нахожу, что означенное сочиненіе слѣдуетъ запретить къ обращенію въ Россіи». Такого же свободнаго взгляда держался онъ и въ отношеніи выдачи запрещенныхъ книгъ по прошеніямъ.

«Выдать»—гудѣлъ обыкновенно голосъ Якова Петровича.

* * *

Скоро мнѣ пришлось познакомиться съ Я. П. Полонскимъ ближе, въ обстановкѣ его частной жизни. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство.

Одинъ изъ моихъ родственниковъ имѣлъ нотаріальную контору въ Кривомъ Рогѣ. Въ то время Кривой Рогъ только что пробуждался отъ сна, и въ немъ начинала закипать промышленная

дѣятельность. Это сравнительно незначительное до тѣхъ поръ мѣстечко Херсонской губерніи быстро превращалось въ крупный промышленный пунктъ. Туда наѣхали иностранцы—предприниматели, инженеры, техники, появилась масса рабочихъ. Правильная разработка залежей мѣдной руды, каменнаго угля и т. п. началась именно въ описываемое время.

Мой родственникъ по занимаемому имъ положенію въ мѣстечкѣ имѣлъ возможность близко наблюдать промышленную жизнь Криворожья и ея закулисныя стороны. Однажды я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ меня предать гласности прилагаемую корреспонденцію, заключавшую въ себѣ разоблаченія неблаговидныхъ продѣлокъ нѣкоторыхъ лицъ, причастныхъ къ промышленному міру Криворожья.

Въ то время, гайдебуровская «Недѣля» спеціально обслуживала провинцію, и у меня сразу явилась мысль направить корреспонденцію въ эту газету. Кстати, Я. П. Полонскій былъ близокъ съ П. А. Гайдебуровымъ и даже принималъ участіе въ редакціи «Недѣли». При первомъ же удобномъ случаѣ я разсказалъ Якову Петровичу о присланной мнѣ корреспонденціи и просилъ его содѣйствія. Онъ, видимо, заинтересовался ея содержаніемъ въ моемъ краткомъ пересказѣ.

— Заходите сегодня вечеромъ ко мнѣ, поговоримъ,—сказалъ Яковъ Петровичъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, я отправился къ Полонскому.

Онъ жилъ тогда на М. Итальянской.

Войдя въ небольшой, скромный и очень уютный кабинетъ, я увидѣлъ Якова Петровича сидящаго въ мягкомъ креслѣ, а противъ него какого-то господина, который что-то горячо доказывалъ хозяину.

— Очень пріятно, садитесь,—сразу загудѣлъ басъ Якова Петровича.—Знакомтесь: Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ, мой сослуживецъ.

— Мнѣ уже говорилъ Яковъ Петровичъ о васъ, —сказалъ Гайдебуровъ.—Дайте-ка вашъ матеріалъ.

П. А. Гайдебуровъ прочелъ вслухъ корреспонденцію и проговорилъ:

— Непремѣнно напечатаемъ. А вотъ что, не можетъ ли вашъ родственникъ принять постоянное участіе въ газетѣ? Тамъ долженъ быть цѣнный матеріалъ. Я обѣщалъ написать объ этомъ въ Кривой Рогъ.

Затѣмъ начался общій разговоръ, въ которомъ, между прочимъ, шла рѣчь о какомъ-то земствѣ и въ частности о дѣйствіяхъ пред-

сѣдателя земской управы, которыя Гайдебуровъ собирался предать гласности въ своей газетѣ.

Я помню, что Яковъ Петровичъ не соглашался въ частностяхъ съ П. А. Гайдебуровымъ, требуя въ иныхъ мѣстахъ болѣе рѣзкихъ выраженій, и его голосъ гремѣлъ, какъ іерихонская труба, при чемъ онъ не стѣснялся въ надѣленіи различными эпитетами провалившагося земца.

Послѣ этого я сталъ бывать у Якова Петровича по приглашенію или же заходилъ къ нему, чтобы передать присылаемыя изъ Кривого Рога корреспонденціи. Впрочемъ, спустя нѣкоторое время я относилъ ихъ непосредственно въ редакцію «Недѣли», гдѣ заставалъ обыкновенно Гайдебурова за просмотромъ газетнаго матеріала.

Въ кружкѣ, собиравшемся у Якова Петровича, чувствовалось уютно, непринужденно. Было сразу замѣтно, что туда приходили люди не съ тѣмъ, чтобы повліять на печать, представители которой были непремѣнными участниками этихъ собраній, а для того, чтобы откровенно и горячо высказывать свои мнѣнія и взгляды на совершаюшіяся событія.

* * *

Высоко поднявшая въ 80-хъ годахъ голову реакція не могла, конечно, не возбуждать недовольства въ русскомъ обществѣ, которое, не имѣя возможности явно выражать свои чувства, ограничивалось обсужденіемъ положенія вещей въ тѣсныхъ, замкнутыхъ кружкахъ, въ которыхъ сочинялись и затѣмъ разносились по Петербургу различные анекдоты, памфлеты и эпиграммы на злобу дня.

Въ этихъ эпиграммахъ отводило себѣ душу русское общество той эпохи.

Большимъ успѣхомъ пользовалась, между прочимъ, слѣдующая очень удачная эпиграмма на обновленіе министерства.

Большой сумбуръ россійскихъ дѣлъ
Толстой исправить захотѣлъ,
Въ помощники правленья своего
Онъ взялъ Заику [1]), Плеве, Дурново.
Что жъ? И при немъ Россія не толстѣетъ,
Заикается, плюется и дурнѣетъ.

Кромѣ различныхъ эпиграммъ, каламбуровъ, анекдотовъ, по рукамъ въ Петербургѣ ходили сценки и цѣлыя комедіи, ко-

[1]) Директоръ д-та общихъ дѣлъ м-ва вн. дѣлъ.

торыя, конечно, не только не увидѣли свѣта рампы, но и не понюхали типографской краски.

Одно время мишенью для эпиграммъ и каламбуровъ служилъ тогдашній директоръ департамента полиціи П. Н. Дурново. Особенную пищу острякамъ дала извѣстная исторія съ письмами посланника,—исторія, прервавшая на время карьеру П. Н. Дурново.

Осенью 1890 г. тогдашними министрами былъ предпринятъ объѣздъ страны съ цѣлью ознакомленія на мѣстахъ съ положеніемъ дѣлъ. Въ бюрократическихъ кругахъ этой поѣздкѣ придавали большое значеніе, и сами министры были искренно убѣждены, что они дѣлаютъ большое, полезное дѣло.

Но русское общество и независимая печать скептически отнеслась къ этой затѣѣ, стоившей казнѣ громадныхъ денегъ.

Дѣйствительность не замедлила оправдать этотъ скептицизмъ.

Результаты поѣздки министровъ нашли себѣ описаніе въ стихотвореніи: «Всероссійское эхо послѣ объѣзда министровъ».

Что, у васъ министры были?—были.
Ваши нужды разсмотрѣли?—ѣли.
Какъ же съ ними поступили?—пили.
Справедливо и умно-ль?—ноль.
Вышнеградскій [1]) пріѣзжалъ?—жалъ.
Кризисъ общій разобралъ?—бралъ.
Чѣмъ же конченъ разговоръ?—воръ.
Какъ нашли вы контролера [2])?—ера.
Въ просвѣщенье есть успѣхъ?—эхъ.
А въ хозяйствѣ и лѣсахъ?—ахъ.
Развѣ такъ Островскій [3]) плохъ?—охъ.
О Ванновскомъ [4]) какой слухъ?—ухъ.
Сдѣлалъ ли что Гюббенетъ [5])?—нѣтъ.
Такъ все вышло ерунда?—да.
Ждете снова на весну ихъ?—ну ихъ.
Стоило же принимать ихъ?—мать ихъ.
Что вы?... Цыцъ! кричи ура!—ура!

Послѣдующіе годы, какъ извѣстно, ознаменовались у насъ неурожаями, голодовками, эпидеміями холеры и т. д.

---

[1]) Министръ финансовъ.
[2]) Т. И. Филипповъ.
[3]) Министръ государственныхъ имуществъ.
[4]) Военный министръ.
[5]) Министръ путей сообщенія.

II. Въ Кіевѣ.

Въ 1892 году я былъ назначенъ въ Кіевъ цензоромъ по иностранной цензурѣ и спустя нѣкоторое время помощникомъ отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ (теперь инспектора по дѣламъ печати), которымъ тогда состоялъ знаменитый въ своемъ родѣ Б. М. Юзефовичъ.

Въ то время генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края былъ графъ А. П. Игнатьевъ, командующимъ войсками кіевскаго военнаго округа М. И. Драгомировъ, начальникомъ жандармскаго управленія В. Д. Новицкій, губернаторомъ Л. П. Томара, полиціймейстеромъ Живоглядовъ.

Вращаясь въ кіевскомъ обществѣ и сталкиваясь съ нѣкоторыми изъ этихъ лицъ по службѣ, я успѣлъ изучить ихъ какъ въ служебной, такъ до извѣстной степени и въ ихъ частной жизни, что даетъ мнѣ возможность дать имъ болѣе или менѣе вѣрную характеристику.

Чаще всего мнѣ пришлось сталкиваться по служебнымъ дѣламъ съ гр. А.П. Игнатьевымъ и позднѣе съ М. И. Драгомировымъ, когда знаменитый генералъ, въ виду ухода графа, принялъ на себя постъ кіевскаго генералъ-губернатора.

Дѣло въ томъ, что Б. М. Юзефовичъ нѣсколько разъ въ году, особенно лѣтомъ, дѣлалъ себѣ отдыхъ, уѣзжая то въ Петербургъ, то въ свое имѣніе въ Полтавской губерніи. Кромѣ того, я часто получалъ отъ него записки съ просьбой прочесть за него мѣстныя газеты (на моей обязанности лежало чтеніе рукописей).

У меня сохранилась одна изъ такихъ записокъ, присланная мнѣ Б. М. Юзефовичемъ, слѣдующаго содержанія:

«Многоуважаемый Николай Георгіевичъ. Вамъ рѣшительно не везетъ. Только что умеръ Н. П. Гессе [1]), и семья прислала за мной, чтобы помочь ей въ необходимыхъ распоряженіяхъ. Поэтому и сегодня приходится Вамъ читать газеты. Завтра у меня вечеромъ свадьба и въ понедѣльникъ обѣдъ, такъ что эти три дня Вамъ опять придется потрудиться. Извините, но какъ видите, все случаи экстренные».

Оставаясь часто за Б. М. Юзефовича, я долженъ былъ по цензурнымъ дѣламъ являться съ докладомъ къ генералъ-губернатору.

До 1897 г. постъ кіевскаго генералъ-губернатора занималъ гр. А. П. Игнатьевъ, братъ министра внутреннихъ дѣлъ Н. П. Игнатьева.

Не отличаясь особенными административными способностями

---

[1]) Бывшій кіевскій губернаторъ.

и блестящимъ умомъ, гр. А. П. Игнатьевъ обладалъ всѣми качествами дипломата, одно изъ которыхъ, какъ извѣстно,—и, кажется, самое главное,—заключается въ умѣніи скрывать свои мысли и обѣщать и не исполнять.

Этими дипломатическими способностями гр. А. П. Игнатьевъ обладалъ въ совершенствѣ. На пріемѣ графъ встрѣчалъ просителей съ обворожительной улыбкой, выслушивалъ ихъ очень внимательно, неукоснительно обѣщалъ имъ свое полное содѣйствіе, и удовлетворенный проситель уходилъ отъ графа въ восхищеніи. Но всѣ эти обѣщанія оставались обыкновенно лишь обѣщаніями.

Впрочемъ, кіевляне знали отлично графа и его привычки, и когда какой-либо провинціалъ разсказывалъ въ восхищеніи о сдѣланномъ ему у графа пріемѣ, его спрашивали: «Ну, и что же, графъ обѣщалъ вамъ?» и, получивъ утвердительный отвѣтъ, говорили: «Ну, значитъ ничего не сдѣлаетъ».

Время управленія гр. А. П. Игнатьевымъ юго-западнымъ краемъ нельзя причислить къ сколько-нибудь удачнымъ страницамъ исторіи этого края. И въ этомъ отношеніи гр. А. П. Игнатьевъ слѣдовалъ своей привычкѣ—обѣщать и не исполнять, начинать и не доводить до конца начатаго дѣла. Такимъ образомъ, были погребены въ нѣдрахъ его канцеляріи цѣлые ворохи проектовъ, и многіе жгучіе для края вопросы, какъ, напримѣръ, межевой вопросъ, вопросъ о черезполосицѣ и регулированіи земледѣльческихъ отношеній, остались неразрѣшенными.

Отношенія между гр. А. П. Игнатьевымъ и командующимъ войсками М. И. Драгомировымъ были въ значительной степени обостренныя, и по этому поводу въ Кіевѣ то и дѣло ходили слухи, передававшіе о столкновеніяхъ на служебной почвѣ между двумя высшими представителями власти въ краѣ.

И это было вполнѣ понятно. Гр. А. П. Игнатьевъ и М. И. Драгомировъ—это были двѣ противоположности, двѣ величины, которыя нельзя мѣрить одной мѣркой или подогнать подъ одинъ масштабъ: двѣ фигуры, одинаково крупныя по внѣшности и совершенно различныя по своему внутреннему содержанію.

Гр. А. П. Игнатьевъ былъ настоящимъ царедворцемъ, дипломатомъ по натурѣ, но человѣкомъ, лишеннымъ иниціативы и твердой воли и вовсе не созданнымъ для административной дѣятельности.

М. И. Драгомировъ былъ, наоборотъ, человѣкомъ открытымъ, прямымъ, подчасъ до рѣзкости, простымъ въ обращеніи съ каждымъ и прекраснымъ администраторомъ съ широкимъ кругозоромъ. Между прочимъ, его очень любили солдаты, о которыхъ онъ, дѣйствительно, много заботился, чего нельзя сказать объ

офицерахъ, которымъ онъ часто и лично, и въ приказахъ напоминалъ объ ихъ долгѣ, вообще, и въ частности, по отношенію къ нижнимъ чинамъ. Особенно преслѣдовалъ онъ рукоприкладство и строго каралъ за это виновныхъ.

Въ 1897 г. М. И. Драгомировъ, въ виду ухода А. П. Игнатьева, принялъ на себя и постъ начальника юго-западнаго края. Здѣсь онъ показалъ себя хорошимъ администраторомъ и энергично принялся за разработку мѣстныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и чиншевого.

Вокругъ имени Михаила Ивановича Драгомирова постоянно сплетались различные анекдоты, разсказы изъ его личной, общественной и служебной жизни, создавались цѣлыя легенды.

И тѣ, которые знали Михаила Ивановича лишь по анекдотамъ и разсказамъ о немъ, тѣ, кто не соприкасался съ нимъ лично, не сталкивался съ нимъ на почвѣ серьезныхъ отношеній, напримѣръ, по службѣ, составляли себѣ о немъ понятіе, какъ о какомъ-то чудакѣ, оригиналѣ и даже просто оригинальствующемъ, о подражателѣ Суворову и т. п. Въ дѣйствительности, это не такъ.

Собственно говоря, были два М. И. Драгомирова. Одинъ въ обществѣ,—въ дворянскомъ собраніи, на оффиціальныхъ обѣдахъ, во время благотворительныхъ пароходныхъ прогулокъ по Днѣпру. Другой въ своемъ служебномъ кабинетѣ, на пріемѣ оффиціальныхъ и другихъ лицъ, на засѣданіяхъ и т. д.

Въ обществѣ М. И. Драгомировъ былъ незамѣнимымъ, остроумнымъ собесѣдникомъ. Его мнѣнія, сравненія, подчасъ ѣдкія остроты, его афоризмы дѣлались немедленно достояніемъ кіевскаго общества, которое, кстати сказать, очень любило и уважало знаменитаго генерала.

Насколько противоположны были взгляды и характеры двухъ высшихъ представителей власти въ краѣ того времени, можно видѣть изъ ихъ отношенія къ гласности и печати.

Въ то время какъ гр. Игнатьевъ относился къ печати нетерпимо, почти враждебно, былъ мелоченъ и придирчивъ при докладахъ цензоровъ, М. И. Драгомировъ любилъ и уважалъ печатное слово, всегда спокойно и внимательно выслушивалъ ихъ доклады и клалъ лаконическія резолюціи, нерѣдко поражавшія самихъ докладчиковъ своею справедливостью и либерализмомъ,—я говорю поражавшихъ, такъ какъ, по правдѣ говоря, цензора не привыкли къ справедливымъ и *правдивымъ* резолюціямъ генералъ-губернаторовъ и, вообще, высшихъ должностныхъ лицъ.

Чтобы характеризовать отношенія къ печати кіевскихъ генералъ-губернаторовъ гр. А. П. Игнатьева и М. И. Драгомирова, приведу нѣсколько фактовъ.

Однажды, это было въ 1894 или 1895 году, на Бибиковскомъ бульварѣ передъ тюрьмой произошла уличная демонстрація, не помню теперь по какому поводу,—демонстрація довольно крупныхъ размѣровъ, вызвавшая вмѣшательство не только полиціи, но и воинскихъ частей. Объ этомъ, конечно, зналъ и говорилъ весь городъ. И когда мнѣ редакціями мѣстныхъ газетъ «Кіевлянинъ», «Кіевское Слово» и «Жизнь и Искусство» ночью были присланы на предварительную цензуру гранки, въ которыхъ заключалась и хроническая замѣтка о демонстраціи, она была, конечно, пропущена въ печати.

На другой день утромъ я былъ вызванъ къ А. П. Игнатьеву. Генералъ-губернаторъ былъ крайне недоволенъ оглашеніемъ въ газетахъ этого факта и очень внушительно увѣрялъ меня, что ничего подобнаго не было, что это просто «измышленіе газетчиковъ», по его словамъ. Но тонъ графа говорилъ иное. Онъ говорилъ: «Да, да, это было, но пропускать-то въ газетахъ этого не слѣдовало».

Вообще, гр. А. П. Игнатьевъ не долюбливалъ гласности и не симпатизировалъ печати, и отъ него часто исходили распоряженія не пропускать въ мѣстныхъ газетахъ то того, то другого.

Совершенно другимъ являлся въ этомъ отношеніи М. И. Драгомировъ. Просвѣщенный человѣкъ, самъ публицистъ по призванію (его статьи, какъ извѣстно, печатались не только въ русскихъ журналахъ, но и въ иностранныхъ, какъ, напримѣръ, въ «Revue des deux mondes» и др.), Михаилъ Ивановичъ относился къ печатному слову внимательно, допуская широкую гласность.

Вступивъ въ управленіе юго-западнымъ краемъ послѣ ухода гр. А. П. Игнатьева, М. И. Драгомировъ энергично взялся за разработку мѣстныхъ вопросовъ, давно уже требовавшихъ своего разрѣшенія, найдя себѣ прекраснаго помощника въ лицѣ правителя дѣлъ своей канцеляріи.

А. Н. Молчановскій, ставшій при М. И. Драгомировѣ правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора, былъ очень интересная личность. Онъ имѣлъ «прошлое»: будучи студентомъ, былъ замѣшанъ въ одной исторіи, считался и послѣ этого «краснымъ», былъ, кажется, даже въ ссылкѣ, вообще имѣлъ репутацію либерала. Однако все это не помѣшало М. И. Драгомирову назначить его правителемъ своей канцеляріи. Со свойственной ему принципіальностью М. И. Драгомировъ замѣтилъ недюжинныя способности Молчановскаго, его честные взгляды, его стойкость въ убѣжденіяхъ и скоро выдвинулъ его въ свои сотрудники.

Надо отдать справедливость, покойный Молчановскій оказался однимъ изъ лучшихъ правителей канцеляріи кіевскаго

генералъ-губернаторства и съ его именемъ связано много преобразованій въ юго-западномъ краѣ. Между прочимъ, онъ много работалъ надъ чиншевымъ вопросомъ, за разрѣшеніе котораго энергично принялся новый генералъ-губернаторъ. Покойный Молчановскій много дѣлалъ для мѣстной печати и «униженныхъ и оскорбленныхъ», являясь постояннымъ ходатаемъ за нихъ передъ М. И. Драгомировымъ, съ которымъ онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. О случаяхъ представительства Молчановскаго передъ М. И. Драгомировымъ могутъ немало разсказать редакторы и сотрудники кіевскихъ газетъ того времени.

Между прочимъ, начальникъ края обратился въ цензуру съ просьбой представлять ему для ознакомленія гранки со статьями и замѣтками, касающимися чиншевого вопроса, игравшаго такую важную роль въ земской жизни юго-западнаго края. Скоро мнѣ представился случай доложить М. И. Драгомирову статью о чиншевомъ вопросѣ, предназначенную для напечатанія въ «Кіевлянинѣ», автора которой теперь не помню [1]). Эта статья, касаясь сущности вопроса, заключала въ себѣ также свѣдѣнія о предпринимаемыхъ начальникомъ края мѣрахъ.

М. И. Драгомировъ сталъ внимательно прочитывать переданную мною гранку съ этой статьей и, дѣлая попути вслухъ разныя замѣчанія, вносилъ труда свои поправки. Закончивъ чтеніе статьи и возвращая мнѣ гранки, онъ сказалъ:

— По-моему тутъ есть неправильности. Переговорите съ редакціей, можетъ быть, авторъ согласится съ моими замѣчаніями. А нѣтъ, пускайте такъ. Это ихъ право. Это ихъ дѣло.

Статья была помѣщена въ «Кіевлянинѣ» въ исправленномъ М. И. Драгомировымъ видѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, при встрѣчѣ съ завѣдывавшимъ тогда редакціей «Кіевлянина», нынѣ покойнымъ, М. М. Ващенко-Захаренко, я узналъ, что авторъ статьи призналъ поправки Драгомирова цѣлесообразными и согласился на напечатаніе своей статьи въ исправленномъ имъ видѣ.

Однажды въ гранкахъ, представленныхъ редакціями мѣстныхъ газетъ въ цензуру, мнѣ попалась замѣтка о томъ, что на полигонѣ за Днѣпромъ три крестьянина нашли бомбу, которая взорвалась, при чемъ разорвавшимся снарядомъ всѣ трое были убиты. Въ силу имѣвшагося въ цензурѣ циркулярнаго распоряженія главнаго управленія по дѣламъ печати, такого рода свѣдѣнія не могли стать достояніемъ гласности безъ разрѣшенія высшей военной власти, и обыкновенно такіе случаи, волею судебъ, замалчивались.

---

[1]) Кажется, г. Рева.

Пришлось ѣхать къ М. И. Драгомирову.

Противъ обыкновенія Михаилъ Ивановичъ находился въ повышенномъ, нервномъ настроеніи. Конечно, ему было уже извѣстно объ ужасной катастрофѣ на полигонѣ. Пробѣжавъ замѣтку, онъ произнесъ отрывисто:

— Печатайте. Это фактъ. Это наша ошибка, наша ошибка...

Онъ всталъ изъ-за стола и, нахмурившись, началъ ходить по кабинету.

Случай на полигонѣ надѣлалъ въ городѣ много шума. Недоброжелатели М. И. Драгомирова, а ихъ у него тоже было достаточно, раздули эту исторію, разнося по городу слухи, что это не первый случай подобнаго рода и т. д. Михаилъ Ивановичъ получилъ изъ Петербурга непріятность и, какъ говорили, хотѣлъ даже уходить. Впослѣдствіи стало извѣстно, что М. И. Драгомировъ произвелъ по этому случаю тщательное разслѣдованіе и сдѣлалъ, гдѣ слѣдовало, рѣшительную чистку, какую только онъ умѣлъ дѣлать.

М. И. Драгомировъ отличался простотою и скромностью. Приведу такой примѣръ.

Въ 1898 г. (впрочемъ, годъ вѣрно не помню) исполнилось 30-лѣтіе его службы въ генеральскихъ чинахъ. По этому поводу въ мѣстныхъ газетахъ появились біографическія и другія статьи. Появленію этихъ статей предшествовали слѣдующія обстоятельства.

Наканунѣ, забравъ представленныя редакціями гранки съ этими статьями, я, на основаніи имѣвшагося распоряженія, такъ какъ дѣло касалось личности начальника края и командующаго войсками, отправился къ М. И. Драгомирову. Михаилъ Ивановичъ сталъ читать гранку «Кіевскаго Слова» со статьею, гдѣ излагалась біографія юбиляра [1]).

Когда онъ дошелъ до мѣста: «М. И. Драгомировъ считается однимъ изъ первыхъ въ Европѣ тактиковъ», онъ произнесъ лаконически:

— Это слишкомъ,—и вычеркнулъ эту фразу.

Далѣе изъ строкъ: «Генералъ М. И. Драгомировъ является самымъ блестящимъ и вѣрнымъ представителемъ современной русской военной школы» были вычеркнуты слова «самымъ блестящимъ». Остракизму были подвергнуты и нѣкоторыя другія фразы, въ которыхъ восхвалялись тѣ или иныя качества Михаила Ивановича.

---

[1]) Эта гранка сохранена въ редакціи. По этой гранкѣ цитируется дальнѣйшее.

Чтеніе и вычеркиваніе различныхъ мѣстъ изъ своей біографіи М. И. Драгомировъ пересыпалъ, по обыкновенію, лаконическими и мѣткими замѣчаніями. Закончивъ чтеніе гранки «Кіевскаго Слова», онъ произнесъ своимъ глубокимъ басомъ:

— Остальное уже сами прочтите и, пожалуйста, сдѣлайте соотвѣтствующія исправленія. Такъ не надо. Это лишнее.

Такъ подъ цензурой начальника юго-западнаго края М. И. Драгомирова появились въ кіевскихъ газетахъ біографическія статьи по поводу 30-лѣтія службы въ генеральскихъ чинахъ генерала М. И. Драгомирова.

Въ то время, какъ гр. А. П. Игнатьевъ былъ ярымъ націоналистомъ и враждебно относился къ инородцамъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ, М. И. Драгомировъ проявлялъ, наоборотъ, полную терпимость и для него не существовало различія религіи и національности. Его даже обвиняли въ дружбѣ съ евреями и указывали на его близость къ братьямъ Бродскимъ. Недоброжелатели и враги М. И. Драгомирова, бывшіе клевреты гр. Игнатьева, указывали также на его украинофильство, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень друженъ съ яркими представителями тогдашняго украинофильства П. И. Житецкимъ, преподавателемъ коллегіи Павла Галагана, съ которымъ нерѣдко можно было его встрѣчать на улицахъ Кіева.

П. И. Житецкій, извѣстный своими литературными трудами, глубоко просвѣщенный человѣкъ, былъ свѣтлою личностью, вокругъ которой группировались тогда сознательные элементы украинофильства. Имя и личность Житецкаго были хорошо знакомы кіевлянамъ, среди которыхъ онъ пользовался большими симпатіями и уваженіемъ. Немудрено, конечно, что М. И. Драгомировъ близко сошелся съ человѣкомъ, который такъ подходилъ къ нему по своему характеру и воззрѣніямъ.

Однимъ изъ недоброжелателей М. И. Драгомирова являлся бывшій въ то время начальникомъ жандармскаго управленія въ Кіевѣ В. Д. Новицкій. Особенно много шума надѣлалъ въ Кіевѣ доносъ этого жандармскаго генерала относительно времяпрепровожденія М. И. Драгомирова и знаменитый отвѣтъ послѣдняго на запросъ по этому поводу изъ Петербурга.

Въ общемъ, надо сказать правду, М. И. Драгомировъ значительно выдѣлялся своею личностью среди другихъ оффиціальныхъ лицъ того времени, изъ которыхъ въ положительномъ смыслѣ можно отмѣтить лишь бывшаго нѣкоторое время при немъ кіевскимъ губернаторомъ Ф. Ф. Трепова и правителя дѣлъ канцеляріи генералъ-губернатора.

Остальныя оффиціальныя лица въ періодъ времени съ 1890

по 1901 годъ, когда мнѣ пришлось наблюдать кіевскую жизнь, какъ то: кіевскій губернаторъ Л. П. Томара, вице-губернаторъ Баумгартенъ, жандармскій генералъ В. Д. Новицкій, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, впослѣдствіи попечитель кіевскаго учебнаго округа, городской голова Сольскій, предводитель дворянства кн. Н. В. Репнинъ, полиціймейстеръ Живоглядовъ и др., прошли передъ глазами кіевскаго общества—одни въ совершенно безцвѣтномъ видѣ и не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ исторіи города и края, другіе—въ неблагопріятномъ свѣтѣ, и если оставили слѣды своей дѣятельности, то довольно отрицательнаго свойства.

* * *

Говоря объ оффиціальныхъ лицахъ Кіева того времени, я считаю нелишнимъ остановиться нѣсколько дольше на личности Б. М. Юзефовича, игравшаго впослѣдствіи столь замѣтную роль среди кіевскихъ союзниковъ.

Я не буду останавливаться на его личной жизни и касаться ея интимныхъ сторонъ, о которыхъ такъ много говорили въ то время въ кіевскомъ обществѣ и которыя не такъ давно такъ ясно выявились въ извѣстной исторіи съ воспитанниками кіевскаго кадетскаго корпуса, ставшей, какъ извѣстно, достояніемъ всей русской печати. Я коснусь здѣсь дѣятельности Б. М. Юзефовича, какъ цензора.

По убѣжденіямъ Б. М. Юзефовичъ былъ въ полномъ смыслѣ слова реакціонеръ, ярый крѣпостникъ, убѣжденный сторонникъ абсолютизма. Онъ отличался своенравнымъ, упрямымъ характеромъ и былъ нетерпимымъ къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ.

Какъ цензоръ, онъ ни на іоту не отступалъ отъ буквы закона, строго придерживался циркуляровъ, которымъ въ цензурномъ вѣдомствѣ нѣсть числа, и, вообще, въ отправленіи своихъ цензорскихъ обязанностей былъ plus royaliste que le roi.

Отношеніе Б. М. Юзефовича къ мѣстной печати было болѣе чѣмъ оригинально. Онъ чувствовалъ себя по отношенію къ мѣстнымъ газетамъ полнымъ хозяиномъ, неограниченнымъ самодержцемъ, издавая собственныя предписанія, навязывая авторамъ статей свои мысли и заставляя ихъ говорить своимъ языкомъ.

Б. М. Юзефовичъ—исключительное явленіе въ цензурномъ мірѣ, мнѣ кажется, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ

Оригинальнѣе всего въ цензорскихъ пріемахъ Б. М. Юзефовича была его страсть къ полемикѣ, которую онъ постоянно и съ рѣдкою настойчивостью велъ на поляхъ гранокъ, представляемыхъ ему для просмотра редакціями газетъ.

На поляхъ гранокъ Б. М. Юзефовичъ давалъ просторъ своимъ полемическимъ наклонностямъ и не стѣснялся въ этомъ отношеніи ни лицами, ни учрежденіями. Онъ полемизировалъ съ редакціями, съ авторами статей, съ авторами писемъ въ редакціи, съ различными учрежденіями... Гранки съ газетными матеріалами, попавшія въ руки Юзефовича, были обыкновенно испещрены поправками, измѣненіями, купюрами, различными замѣчаніями, при чемъ онъ не скупился на рѣзкія выраженія и опредѣленія по адресу авторовъ статей и различныхъ фактовъ и явленій, особенно мѣстной жизни.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія его полемика съ управленіемъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, управляющимъ которыхъ былъ тогда инженеръ Бородинъ, которая перешла уже въ самую газету. Поводомъ къ этой полемикѣ послужило слѣдующее обстоятельство. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ по желѣзной дорогѣ Юзефовичу не понравилось устройство пассажирскихъ вагоновъ, и онъ помѣстилъ по этому поводу въ «Кіевлянинѣ» письмо въ редакцію, гдѣ излагалъ свой планъ устройства вагоновъ, при чемъ тутъ же былъ изображенъ рисунокъ внутренняго вида вагона, изобрѣтеннаго цензоромъ. Полемика эта продолжалась довольно продолжительное время и достаточно утомила и редакцію, и читателей, пока Юзефовичу не благоугодно было прервать ее, оставивъ за собою послѣднее слово. Такъ онъ поступалъ всегда въ гласной полемикѣ, въ которой онъ также любилъ выступать время отъ времени.

Представители редакцій мѣстныхъ газетъ «Кіевлянина» Д. И. Пихно и М. М. Ващенко-Захарченко и «Кіевскаго Слова» А. Я. Антоновичъ и Баженовъ, завѣдывавшій тогда редакціей и впослѣдствіи принявшій на себя обязанности редактора оффиціозной «Финляндской Газеты», страшно возмущались дѣйствіями цензора Юзефовича, часто сѣтовали мнѣ на отношеніе его къ печати, грозили жалобами, но дальше этого не шли,—настолько были сильны связи у Б. М. Юзефовича въ оффиціальномъ мірѣ.

Я помню, завѣдывавшій въ то время редакціей «Кіевлянина» М. М. Ващенко-Захарченко не разъ говорилъ мнѣ, что собираетъ гранки съ помѣтками Юзефовича и рано или поздно предастъ гласности его цензорскую дѣятельность. Но время шло, а разоблаченія М. М. Ващенко-Захарченко не появлялись въ печати, несмотря на то, что для этого представлялись вполнѣ удобные моменты.

Вообще, цензорская дѣятельность Б. М. Юзефовича должна быть памятна кіевской печати какъ по своей оригинальности, такъ и по деспотическому отношенію къ печатному слову и гласности.

Въ 1898 или 1899 году (точно не помню) Б. М. Юзефовичъ уступилъ мѣсто цензора Д. П. Бутовскому, впослѣдствіи инспектору типографій въ Петербургѣ.

Бросая въ настоящее время бѣглый взглядъ на цензурную дѣятельность Б. М. Юзефовича, я невольно задаю себѣ вопросъ: что было бы съ нимъ, если бы онъ продолжалъ состоять цензоромъ въ 1905 г., когда была провозглашена свобода печати и когда таковая, правда очень короткое время, дѣйствительно получила право гражданства, и какъ реагировалъ бы онъ на это событіе?

Будучи въ отставкѣ, онъ перенесъ свою печальной памяти цензурную дѣятельность на общественно-политическую арену и въ «союзѣ русскихъ людей» нашелъ исходъ своимъ вожделѣніямъ, занявъ тамъ видное, подобающее ему мѣсто.

III. Въ Одессѣ.

Въ концѣ 1900 г. я былъ переведенъ на службу въ Одессу.

Въ то время одесскимъ градоначальникомъ былъ гр. П. П. Шуваловъ. Благодаря своимъ обширнымъ связямъ въ Петербургѣ, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинымъ, П. П. Шуваловъ чувствовалъ себя вполнѣ независимымъ и дѣйствовалъ, какъ полный хозяинъ города. Въ время его управленія полицейскій режимъ достигъ своего полнаго расцвѣта. Всѣ стремленія, всѣ помыслы графа были направлены на одну цѣль—искорененіе крамолы. Въ этомъ градоначальникъ видѣлъ главную свою задачу. И немудрено поэтому, если городъ притихъ, ушелъ въ себя, общественная жизнь замерла, печать почти не подавала голоса.... Но глухая затаенная борьба шла. Особенныя усилія въ этой борьбѣ были направлены гр. Шуваловымъ противъ городского самоуправленія и мѣстной печати.

Тогдашняя одесская городская дума, съ городскимъ головой Зеленымъ, причиняла ему немало хлопотъ и заботъ и доставляла довольно обильный матеріалъ для его административнаго рвенія. Само собою разумѣется, что городской голова Зеленый значился въ «крамольномъ» спискѣ Шувалова. Борьба графа съ одесскимъ городскимъ самоуправленіемъ отражалась, конечно, на всѣхъ сторонахъ жизни города и, несмотря на всѣ усилія городского головы Зеленаго и его единомышленниковъ въ думѣ, значительно тормозила его дальнѣйшій ростъ и развитіе.

Что касается мѣстной печати, то гр. Шуваловъ всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами и способами старался обуздать ее, обезцвѣтить, привести ее подъ одинъ ранжиръ «благо-

намѣренности». Особенно возстановленъ былъ графъ противъ редакціи «Одесскихъ Новостей», которую онъ называлъ не иначе, какъ «жидовскимъ гнѣздомъ». Его завѣтною мечтою было искоренить это «гнѣздо», стереть съ лица земли одесской ненавистный ему печатный органъ.

Но при всей полнотѣ власти, при всемъ своемъ могуществѣ гр. П. П. Шуваловъ, несмотря ни на какія ухищренія, ничего не могъ сдѣлать въ этомъ направленіи, такъ какъ между нимъ и печатью стояла предварительная цензура, черезъ горнило которой проходила и очищалась отъ «всякой скверны» вся мѣстная печать, въ томъ числѣ и періодическая. Вѣдь предварительная цензура, снабженная кромѣ устава о цензурѣ и печати, цѣлыми потоками всевозможныхъ циркуляровъ и распоряженій мѣстной власти, казалось бы, вполнѣ гарантировала цѣломудріе печати и всякія посягательства съ ея стороны на нарушеніе государственнаго порядка и спокойствія. Что касается направленія той или иной газеты, то въ этомъ отношеніи зачастую была безсильна цензура. Во всякомъ случаѣ, и за «направленіе» отвѣтственность лежала также на ней.

Несмотря, однако, на это, гр. П. П. Шуваловъ всѣми способами домогался достиженія своей цѣли,—добиться закрытія «Одесскихъ Новостей».

Въ то время обязанности цензора по внутренней цензурѣ въ Одессѣ исполнялъ командированный изъ Петербурга цензоръ д. ст. сов. П. И. Воршевъ, который часто уѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ у него оставалась семья. Мнѣ, какъ помощнику цензора, приходилось въ такихъ случаяхъ исполнять его обязанности.

Однажды я получилъ отъ гр. Шувалова приглашеніе явиться къ нему по дѣламъ цензуры. Обративъ мое вниманіе на одну изъ статей, помѣщенныхъ въ текущемъ номерѣ «Одесскихъ Новостей», которая, по его мнѣнію, была нецензурна, графъ заговорилъ о направленіи этой газеты, о томъ, что къ ней цензура должна относиться болѣе строго, такъ какъ, вообще, онъ находитъ вреднымъ ея направленіе и т. д.

— Мнѣ бы очень хотѣлось добиться закрытія «Одесскихъ Новостей», сказалъ откровенно гр. Шуваловъ. И это можно было бы устроить такимъ образомъ: болѣе или менѣе острую статью не вычеркивайте, когда она будетъ представлена вамъ на просмотръ,— пусть напечатаютъ; а затѣмъ, когда вамъ вернутъ гранки для провѣрки, зачеркните въ нихъ напечатанную статью. Если такимъ образомъ продѣлать нѣсколько разъ, можно сдѣлать куда слѣдуетъ представленіе о томъ, что редакція не подчиняется

требованіямъ цензуры и печатаетъ, вопреки ея запрещенію. Понимаете?

Эти слова графа, помню, произвели на меня такое ошеломляющее дѣйствіе, что я нѣкоторое время не могъ выговорить ни слова.

— Ваше сіятельство, но это, вѣдь, было бы подлогомъ.... это....

Графъ не далъ мнѣ договрить. Онъ вскочилъ съ своего кресла и, уставившись на меня, почти закричалъ:

— Какъ, подлогъ? Для государственныхъ цѣлей нѣтъ подлоговъ!

И быстро вышелъ изъ кабинета, оставивъ меня одного. Мнѣ оставалось только отретироваться.

Въ этомъ разговорѣ съ гр. П. П. Шуваловымъ меня поразила и циничная откровенность этого администратора, и его освѣдомленность относительно дѣлопроизводства въ цензурѣ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство, какъ я узналъ потомъ, объяснялось тѣмъ, что предсѣдатель одесскаго комитета цензуры иностранной, А. Н. Егоровъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ градоначальникомъ. Тогда комитетъ цензуры иностранной и канцелярія отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ находились въ одномъ помѣщеніи, и между предсѣдателемъ А. Н. Егоровымъ и отдѣльными цензорами, за исключеніемъ бывшаго ранѣе цензоромъ О. К. Ламкертомъ, нынѣ директоромъ петербургскаго телеграфнаго агентства, постоянно происходили тренія. Эти тренія особенно усилились и пріобрѣли острую форму со времени назначенія исп. об. отдѣльнаго цензора въ Одессѣ П. И. Воршева, который установилъ независимость цензора отъ предсѣдателя комитета, при чемъ даже дверь, соединяющая комитетъ съ канцеляріей цензора, была заперта и заставлена шкафомъ.

Возвращаясь къ моему разговору съ гр. П. П. Шуваловымъ, долженъ сказать, что, какъ я узналъ впослѣдствіи, аналогичное предложеніе на счетъ «Одесскихъ Новостей» было дѣлано одесскимъ градоначальникомъ и бывшему до П. И. Воршева отдѣльнымъ цензоромъ въ Одессѣ И. Ф. Федорову, который долженъ былъ уйти изъ Одессы.

Послѣдствія моей «бесѣды» съ графомъ П. П. Шуваловымъ оказались и для меня не особенно благопріятными. Спустя нѣкоторое время мнѣ предложено было подать прошеніе объ отставкѣ. Я пробовалъ защищаться, просилъ Петербургъ дать мнѣ возможность объясниться, чтобы реабилитировать себя. На эту просьбу былъ полученъ лаконическій отвѣтъ: подать немедленно прошеніе объ отставкѣ, иначе послѣдуетъ увольненіе по третьему пункту. Къ сожалѣнію, этотъ пунктъ устава службы граждан-

ской, дающій возможность начальству безапелляціонно расправляться съ неугоднымъ ему подчиненнымъ, продолжаетъ существовать и по настоящее время.

При предложеніи мнѣ подать въ отставку мнѣ не было предъявлено, конечно, никакихъ обвиненій и не указано никакихъ мотивовъ. Однако же, впослѣдствіи мнѣ удалось узнать, что мѣстная администрація, въ лицѣ гр. П. П. Шувалова, донесла въ министерство внутреннихъ дѣлъ о моей неблагонадежности и между прочими аргументами указала на то, что я, вмѣстѣ съ письмоводителемъ цензора Андреевымъ, пользуясь близостью къ комитету цензуры иностранной, снабжалъ заграничными нелегальными изданіями учениковъ и ученицъ зубоврачебной школы Марголина, которая, кстати сказать, считалась П. П. Шуваловымъ однимъ изъ «гнѣздъ революціи» въ Одессѣ.

Въ 1903 г. графа П. П. Шувалова смѣнилъ [1]) на посту одесскаго градоначальника Д. Б. Нейдгардтъ, при которомъ, хотя и не въ такой степени, продолжалъ царить въ Одессѣ полицейскій режимъ и городъ былъ погруженъ въ тотъ же мракъ насилія и произвола.

Какъ курьезъ, отмѣчу, что пишущій эти строки, отмѣченный гр. П. П. Шуваловымъ, какъ неблагонадежный и опасный и уволенный со службы чуть ли не по 3-му пункту, въ концѣ 1903 г. получилъ назначеніе отдѣльнаго цензора по внутренней цензурѣ (теперь инспектора по дѣламъ печати) въ Ростовъ на Дону.

IV. Въ Ростовъ-на-Дону.

Я пріѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону въ концѣ декабря 1903 года, когда городъ пережилъ уже «зубатовщину» и когда въ воздухѣ что-то чувствовалось,—назрѣвали новыя, великія событія. Началась японская война.

Всѣ находились въ сильномъ напряженіи, и каждая вѣсть съ театра войны подхватывалась на лету и быстро распространялась по городу. И нерѣдко незначительное сравнительно событіе пріобрѣтало въ пересказѣ обывателей чудовищныя формы. Это нервное настроеніе передавалось и администраціи, подозрительность которой въ отношеніи, напримѣръ, мѣстной печати, въ отношеніи того, «что можно и чего нельзя» достигала гомерическихъ размѣровъ. Кстати сказать, во время японской войны спеціальной военной цензуры не существовало и продолжала функціонировать предварительная цензура, какъ въ мирное время. На этой почвѣ происходило немало недоразумѣній и даже

---

[1]) Гр. Шуваловъ былъ назначенъ по коннозаводству, а затѣмъ получилъ постъ градоначальника въ Москвѣ, гдѣ былъ убитъ черезъ нѣкоторое время.

столкновеній между цензоромъ и мѣстной администраціей. Иногда дѣло доходило и до курьезовъ.

Яркой иллюстраціей нервнаго и напряженнаго состоянія ростовской администраціи и общества можетъ служить слѣдующій эпизодъ, запечатлѣвшійся въ моей памяти.

Послѣ гибели адмирала Макарова, командующимъ тихоокеанской эскадрой былъ назначенъ адмиралъ Скрыдловъ. По этому случаю въ № 17 приложенія къ «Приазовскому Краю» отъ 11 апрѣля 1904 г. былъ помѣщенъ его портретъ. Казалось бы, что можно было найти нецензурнаго въ портретѣ адмирала? Однако же, въ то напряженное, нервное время нецензурное въ этомъ портретѣ было все же усмотрѣно. И гдѣ же? Въ бородѣ адмирала. Многіе усмотрѣли на бородѣ Скрыдлова изображеніе человѣческаго лица, и именно лица японца. Дальше-больше, и нашлись лица, которыя увѣряли, что это не болѣе, не менѣе, какъ портретъ японскаго адмирала Того.

Скоро весь городъ только и говорилъ объ этомъ, и начались разныя догадки и предположенія. На это обстоятельство обратила вниманіе и мѣстная администрація въ лицѣ бывшаго ростово-нахичеванскаго полиціймейстера И. П. Колпикова (градоначальства въ Ростовѣ тогда еще не было). Портретъ Того на бородѣ русскаго адмирала,—это, конечно, профонація, насмѣшка, пасквиль, оскорбленіе вообще Россіи! И чего смотрѣлъ цензоръ, на предварительное разсмотрѣніе котораго представляется весь газетный матеріалъ!

Полиціймейстеръ Колпиковъ обратился по этому поводу ко мнѣ съ просьбой разъяснить ему случай съ бородой адмирала,—обратился, конечно, частнымъ образомъ, такъ какъ отдѣльные цензора подчинялись только главному управленію по дѣламъ печати. Я объяснилъ ему, что хотя также замѣтилъ на бородѣ адмирала очертанія какъ бы лица, но не придаю этому какого-либо значенія и тѣмъ паче не усматриваю въ этомъ какого-либо злого умысла со стороны редакціи «Приазовскаго Края» (администрація склонна была думать такъ).

— По моему мнѣнію,—сказалъ я полиціймейстеру,—это просто случайное расположеніе волосъ и тѣней отъ нихъ на бородѣ адмирала, которое и производитъ впечатлѣніе лица. Во всякомъ случаѣ, я не нахожу никакихъ основаній къ возбужденію изъ этого какого-либо вопроса.

Однако же дѣло на этомъ не кончилось. Полиціймейстеръ счелъ долгомъ сдѣлать объ этомъ представленіе своему начальству, бывшему войсковому наказному атаману войска донского К. К. Максимовичу, и заварилась каша. Ко мнѣ послѣдовалъ запросъ со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати. Я долженъ

былъ потребовать изъ редакціи клише портрета адмирала Скрыдлова для представленія въ главное управленіе и съ своей стороны дать объясненіе. Въ концѣ концовъ дѣло свелось къ тому, что главное управленіе присоединилось къ моему толкованію, хотя и нашло въ бородѣ адмирала Скрыдлова нѣчто похожее на изображеніе лица, и предписало мнѣ вернуть клише по принадлежности.

Несмотря, однако же, на самостоятельность въ то время цензуры и независимость ея отъ мѣстной администраціи (если не считать войскового наказнаго атамана, какъ начальника края), послѣдняя, въ лицѣ ростово-нахичеванскаго полиціймейстера И. П. Колпикова, пыталась проявлять свое «усмотрѣніе», не смущаясь тѣмъ, что войсковой наказный атаманъ, тогда генералъ-отъ-кавалеріи К. К. Максимовичъ, былъ, вообще, очень корректенъ и никогда не злоупотреблялъ своей властью.

Я помню такой случай.

Лѣтомъ 1904 г. было получено извѣстіе объ убійствѣ министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Такъ какъ это извѣстіе было получено вечеромъ послѣ выхода газетъ, редакція выпустила отдѣльныя телеграммы. Вскорѣ послѣ выпуска этихъ телеграммъ мнѣ сообщили изъ редакціи о томъ, что полиціймейстеръ распорядился о конфискованіи телеграммъ и что по улицамъ, въ садахъ, въ клубахъ, въ кіоскахъ полиція отбираетъ ихъ у разносчиковъ и чуть ли не у публики.

Почти одновременно обратился ко мнѣ по телефону и полиціймейстеръ съ заявленіемъ, что онъ находитъ неудобнымъ сообщать объ убійствѣ министра въ экстренныхъ телеграммахъ и что, дескать, газеты могутъ подождать съ этимъ извѣстіемъ и до завтра.

— Во-первыхъ, — отвѣтилъ я ему,—агентскія телеграммы могутъ быть печатаемы безъ предварительной цензуры. Во-вторыхъ, на выпускъ ихъ въ свѣтъ мною выданъ установленный закономъ билетъ. Вообще же я нахожу вмѣшательство администраціи въ область мѣстной цензуры совершенно неумѣстнымъ.

Я категорически потребовалъ отмѣнить конфискацію телеграммъ, выпущенныхъ редакціями газетъ, что полиціймейстеромъ и было сдѣлано.

Съ учрежденіемъ въ Ростовѣ градоначальства административное «усмотрѣніе» въ области печати стало замѣтно проявлять себя и съ каждымъ годомъ все болѣе усиливалось, при чемъ одно время дошло до того, что отдѣлъ происшествій просматривался сначала полиціймейстеромъ. Отдѣлъ этотъ, конечно, такъ урѣзывался, что, прочтя мѣстныя газеты, можно было подумать, что въ городѣ «все обстоитъ благополучно».

Н. Мардарьевъ.

Рѣчь Александра II, сказанная 30-го марта 1856 г. московскимъ предводителямъ дворянства.

Поводомъ къ рѣчи Александра II московскимъ предводителямъ дворянства, по сказанію современниковъ, послужилъ докладъ московскаго ген.-губ. гр. Закревскаго, во время пребыванія государя въ Москвѣ, о томъ, что въ народѣ и между дворянствомъ распространился волнующій ихъ слухъ о готовившемся освобожденіи крестьянъ, и просьба его принять депутатовъ отъ московскаго дворянства съ цѣлью его успокоенія[1]). Но такіе слухи не менѣе тревожили и самого Закревскаго, сторонника существовавшихъ крѣпостныхъ порядковъ, какъ это усматривается изъ интимной его переписки съ государственнымъ секретаремъ В. П. Бутковымъ въ началѣ новаго царствованія. Уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1856 г. онъ писалъ: «вотъ уже две недѣли какъ здѣсь разнесся слухъ объ освобожденіи крестьянъ изъ падатнаго (sic!) состоянія, которые привезены изъ Петербурга, и что положеніе о семъ разсматривается уже въ Государственномъ Совѣтѣ, и въ народѣ слышны отголоски, что имъ объявятъ свободу во время каранаціи,—скажи мне откровенно, что тутъ есть правдападобное, такими переворотами шутить нельзя»[2]). Онъ же въ письмѣ отъ 7-го марта 1856 г. сообщалъ: «здѣсь слухи о свабодѣ такъ разнеслись въ народѣ, что оная объявлена будетъ въ день каранаціи, хотя это и вздоръ, но нада засимъ смотреть»[3]). Находясь въ такомъ настроеніи, Закревскій, вѣроятно, и воспользовался случаемъ пребыванія Александра II въ Москвѣ, чтобы вызвать у него положительный отвѣтъ на одолѣвавшіе его тревожные слухи.

---

[1]) *Д. П. Хрущовъ*. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостн. состоянія въ Россіи. Vol. I, стр. 115, Берлинъ 1860 г.—*Соловьевъ* «Записки» его, *Русская Старина*, 1881, № 2, стр. 228.

[2]) Изъ письма Закревскаго Буткову. Орфографія подлинника.

[3]) Тоже.

30 марта 1856 г. государь на пріемѣ сказалъ рѣчь московскимъ предводителямъ дворянства слѣдующаго содержанія: «Слухи носятся, что я хочу сдѣлать освобожденіе крѣпостного состоянія. Это несправедливо, и отъ этого было нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво; я говорилъ то же самое предводителямъ, бывшимъ у меня въ Петербургѣ; я не скажу вамъ, чтобы я былъ совершенно противъ онаго, мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, что современемъ это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною, слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» [1]).

Какъ только эта рѣчь государя въ записи предводителей дворянства очутилась въ рукахъ Закревскаго, онъ 2 апр. 1856 г. препроводилъ списокъ ея при своемъ письмѣ шефу жандармовъ кн. В. Долгорукову, который, отвѣчая ему «весьма секретно» 6 апрѣля, сообщалъ, что онъ «имѣлъ счастіе повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе письмо и списокъ рѣчи», при чемъ «Государь Императоръ соизволилъ собственноручно исправить сей списокъ и возстановить сказанныя Его Величествомъ слова такъ, какъ они произнесены были и какъ изложены въ прилагаемой при семъ, собственно для свѣдѣнія Вашего Сіятельства, копіи»[2]). Завѣренная же кн. Долгоруковымъ копія рѣчи въ редакціи Государя была такого содержанія: «Слухи носятся, что я хочу дать свободу крестьянамъ; это несправедливо, и вы можете сказать это всѣмъ направо и налѣво; но чувство враждебное между крестьянами и ихъ помѣщиками, къ несчастію, существуетъ, и отъ этого было уже нѣсколько случаевъ неповиновенія къ помѣщикамъ. Я убѣжденъ, что рано или поздно мы должны къ этому притти. Я думаю, что и вы одного мнѣнія со мною, слѣдовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

О томъ, что рѣчь государя въ спискѣ ея московскихъ предводителей дворянства не только не успокоила Закревскаго и его сторонниковъ, но еще болѣе ихъ взбудоражила, свидѣтельствуетъ письмо Закревскаго отъ 3 апр. 1856 г. къ его конфиденту Буткову: «Государь теперь у васъ, здѣсь остался всѣмъ доволенъ и меня благодарилъ, но я имъ паадиаму случаю остался недоволь-

---

[1]) Съ копіи рѣчи, записанной предводителями дворянства и подписанной губ. предв. дв. Воейковымъ и семью уѣздными предв. дв. Московск. губ.—Въ этой редакціи рѣчь впервые напечатана А. Левшинымъ въ его «*Достопамятныхъ минутахъ въ моей жизни*». «Русскій Архивъ», 1885, № 8, стр. 476.

[2]) Принадлежащая мнѣ копія отношенія кн. Долгорукова гр. Закревскому отъ 6 апр. 1856 г. за № 33.

нымъ о чемъ тебѣ скажетъ хромой безъ[1]); и я успѣлъ государю высказать передъ отъездомъ посему предмету со всею откровенностью. Вотъ тебѣ копія, что Государь говорилъ московскимъ предводителямъ; это скоро разгласилось по Масквѣ съ при увеличеніями; онъ сдѣлалъ ето неловко, а слухи о семъ до него дошедшія, несколько его потревожили. Какія я взялъ мѣры по сему предмѣту и прочее можешь выведать у князя Долгорукова, къ которому сегодня пишу для доклада; онъ можетъ быть все тебѣ раскажетъ»[2]). Позже, 13 апр. 1856, Закревскій по полученіи копіи рѣчи, правленной государемъ, писалъ Буткову: «рѣчь, произнесенная Государемъ предводителямъ и здѣсь наделала много шуму и опасеній, и это дошло до чернаго народа, я здѣсь взялъ все мѣры остарожности, а что можетъ произойти вовнутреннихъ губерніяхъ трудно опредѣлить; на извѣстную тебѣ бумагу какой палучилъ отвѣтъ отъ кн. Долгорукова при семъ для твоего свѣденія посылаю, объ этомъ лично переговоримъ»[3]).

Сопоставляя рѣчь государя въ двухъ здѣсь приведенныхъ редакціяхъ, видимъ, что въ собственноручной редакціи государя существенное измѣненіе сдѣлано въ двухъ пунктахъ рѣчи: во-первыхъ, нѣсколько случаевъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ не приписывается слухамъ о намѣреніи освободить крестьянъ, а объясняется вообще существовавшими враждебными чувствами крестьянъ къ помѣщикамъ, и во-вторыхъ, категоричнѣе отрицается справедливость слуховъ о желаніи его дать крестьянамъ свободу, о чемъ слышавшіе рѣчь уполномачивались «сказать всѣмъ направо и налѣво». Казалось бы, при рѣшительномъ опроверженіи въ рѣчи слуховъ о намѣреніи государя дать крестьянамъ свободу и при неопредѣленности заявленія, что рано или поздно должно притти къ этому и лучше предупредить самоосвобожденіе крестьянъ, ничто не угрожало дворянству скорою перемѣною въ крѣпостныхъ отношеніяхъ, но возбужденный рѣчью страхъ за неприкосновенность крѣпостного права потребовалъ ослабленія произведеннаго ею волненія среди помѣщиковъ, чему и послужилъ циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 10 апрѣля 1856 г. губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, въ которомъ, между прочимъ, упоминалось о сохраненіи помѣщичьей власти, а губернскимъ властямъ въ особенности

---

[1]) «Хромой бѣсъ»—это фамилія нѣкоего Хромова, служившаго посредникомъ между Закревскимъ и Бутковымъ въ ихъ сношеніяхъ.

[2]) Изъ подлиннаго письма Закревскаго, съ сохраненіемъ его орѳографіи.

[3]) Здѣсь рѣчь идетъ о письмѣ Закревскаго къ кн. Долгорукову отъ 2 апр. 1856 г., приведенномъ выше, а отвѣтъ Долгорукова—это копія рѣчи государя въ его редакціи.

предлагалось «обращать самое усердное и неусыпное вниманіе на поддержаніе полнаго порядка повиновенія крестьянъ ихъ помѣщикамъ», и внушать крестьянамъ, «что малѣйшее отклоненіе отъ законнаго порядка и отъ повиновенія помѣщичьей власти подвергнетъ ихъ гнѣву Государя и будетъ преслѣдуемо со всею строгостью» [1]).

Появленіе такого циркуляра вслѣдъ за рѣчью Александра II современники, склонные видѣть въ ней «торжественныя слова, положившія начало освобожденію крестьянъ», объясняли предположеніемъ, что циркуляръ этотъ былъ одобренъ государемъ еще раньше его московской рѣчи[2]), но признаніе, сдѣланное авторомъ его м. вн. дѣлъ Ланскимъ, годъ спустя, секретному комитету по крестьянскому дѣлу, устраняетъ это предположеніе и раскрываетъ истинную цѣль его изданія: «долгомъ считаю, писалъ Ланской, откровенно объяснить комитету, что въ минувшемъ году, когда начали разнымъ образомъ толковать слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ московскимъ предводителямъ, я, съ соизволенія Его Величества, счелъ нужнымъ послать губернаторамъ циркуляръ, имѣвшій цѣлью успокоеніе умовъ и, такъ сказать,поясненіе высочайшихъ словъ. Хотя мѣра сія была вынуждена обстоятельствами, и, вѣроятно, имѣла полезныя послѣдствія, но тѣмъ не менѣе она возбудила порицаніе въ публикѣ: одни говорили, будто я скрываю намѣренія верховной власти; другіе увѣряли, что правительство, испуганное первыми шагами, быстро пошло назадъ»[3])

Хотя рѣчь московскимъ предводителямъ была сказана «келейно», а копія ея въ редакціи государя была сообщена гр. Закревскому для его личнаго свѣдѣнія «весьма секретно», но она распространилась, и уже въ новой редакціи. 27-го апр. 1856 г. начальникъ Костромской губ. г.-м. Войцехъ доносилъ мин. вн. дѣлъ, что «одному изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, отставному капитану Стригалеву, недавно прислана его знакомымъ изъ Москвы рѣчь, съ которою будто бы обращался тамъ Государь Императоръ къ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ московскаго дворянства по предмету уничтоженія существующаго нынѣ крѣпостного права владѣнія людьми. Дворянинъ Стригалевъ, получившій здѣсь эту рѣчь, сообщилъ безъ всякаго злаго умысла о содер-

---

[1]) Циркуляръ этотъ напечатанъ впервые въ «*Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи.* Vol. I, стр. 110—111. Берлинъ, 1860.

[2]) *Д. П. Хрущовъ.* Цитиров. матеріалы. т. I, стр. 112. Сравн. *Энгельмана*: «Исторія крѣп. права въ Россіи». М. 1910, стр. 283.

[3]) Дѣло секретн. комит. для пересмотра постановленій о крѣп. людяхъ; т. IX, л. 364 (Архив. Госуд. Сов.).

жаніи ея своимъ знакомымъ. Эта неосторожность родила въ Костромѣ между дворянами слухи, довольно впрочемъ глухіе, о скоромъ будто бы наступленіи времени, когда крѣпостные люди повсемѣстно получатъ отъ своихъ владѣльцевъ свободу». Представляя въ копіи рѣчь, г.-м. Войцехъ докладывалъ, что «на основаніи общихъ узаконеній и циркуляра отъ 10 апр. 1856 года, онъ строго будетъ слѣдить вмѣстѣ съ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ, предводителями костромского дворянства и здѣшними полицейскими управленіями (коимъ упомянутый циркуляръ сообщенъ для исполненія) за опроверженіемъ и разсѣяніемъ толковъ о свободѣ, если только они вновь появятся».[1])

Самая же рѣчь въ представленномъ спискѣ такъ изложена: «я узналъ, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ слуховъ по предмету столь важному, считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не считаю нужнымъ дѣлать это теперь; но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ остаться неизмѣненнымъ. Лучше начать уничтоженіе крѣпостного права сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ уничтожаться снизу. Прошу васъ обдумать, какъ бы удобнѣе все это привести въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображеній».[2]) Существенная разница рѣчи въ этой редакціи ея отъ вышеприведенныхъ редакцій въ томъ, что въ ней не отрицается намѣреніе государя дать крестьянамъ свободу въ будущемъ и опредѣленнѣе высказанъ личный взглядъ его на крѣпостное право, а дворянамъ предлагается взять на себя починъ въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного права *сверху*.

Но кому же принадлежала эта редакція рѣчи государя? Неизвѣстный корреспондентъ А. И. Герцена, сообщая ему рѣчь въ спискѣ очень сходномъ со спискомъ Стригалева, замѣчалъ: «была ли точно сказана эта рѣчь, или это чистая выдумка? Трудно рѣшить. По крайней мѣрѣ циркуляръ мин. вн. дѣлъ опровергаетъ первое предположеніе; мнѣ говорили, что она была рѣшительно опровергнута въ «Le Nord».[3]) Но какая партія могла придумать

---

[1]) Дѣло по донесенію начальника Костромской губ. съ препровожденіемъ рѣчи, съ которою будто бы Государь Императоръ обращался въ Москвѣ къ губерн. и уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Департ. общихъ дѣлъ. М. Вн. Дѣлъ № 1234—157, 1856 г. (Копія, мнѣ принадлежащая).

[2]) То же дѣло Деп. общихъ дѣлъ, л. 2. Слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на подпись на дѣлѣ «*важное*», оно въ 1909 г. было продано на бумагу и его уже нѣтъ въ архивѣ Мин. вн. Дѣлъ.

[3]) «Le Nord»—полуоффиціальная газета, издававшаяся подъ редакціей Погенполя въ Брюсселѣ; въ ней помѣщалось много статей по крестьян-

подобную рѣчь, которая быстро разлетѣлась безъ измѣненія редакціи повсюду. Казалось, что придумать можно было рѣчь порѣшительнѣе».[1])

Въ этой послѣдней редакціи рѣчь Александра II появилась сперва въ «*Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи*» Д. Хрущова (vol. I, стр. 114, Берлинъ 1860 г.), а впослѣдствіи, въ 1881 г., напечатана была въ «*Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева*» («Русск. Старина» 1881, № 2, стр. 228—229), и изъ толкованія ея текста дѣлались выводы, что она «послужила рѣшительнымъ толчкомъ для постановки вопроса объ отмѣнѣ крѣпостного права».[2]) Но теперь, зная эту рѣчь въ редакціи Александра II и назначеніе послѣдовавшаго за ней циркуляра мин. вн. дѣлъ отъ 10 апр. 1856 г., нужно отказаться отъ подобнаго толкованія ея, такъ какъ рѣшеніе государя покончить сразу съ крѣпостнымъ правомъ созрѣло у него гораздо позже, и даже въ первоначальныхъ его актахъ по «улучшенію быта крестьянъ»,начиная съ рескрипта 20 ноября 1857 г. г. ад.Назимову, избѣгалось самое выраженіе «освобожденіе крестьянъ». Наконецъ, и самъ Александръ II подтвердилъ, что рѣчь его московскимъ дворянскимъ предводителямъ была «перетолкована», когда 31 августа 1858 г. онъ, обращаясь къ тому же московскому дворянству сказалъ: «вы помните, когда я два года тому назадъ въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что рано или поздно надо приступить *къ измѣненію* крѣпостного права, и что надобно, чтобы оно лучше началось сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы; послѣ того я объ этомъ долго думалъ, и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу[3])». И сообщаемая впервые здѣсь рѣчь въ редакціи Александра II отъ 30 марта 18656 г. въ подлинномъ ея смыслѣ не выражала еще «твердаго» его намѣренія въ то время дать крестьянамъ свободу.

Алексѣй Попельницкій.

скому дѣлу, о характерѣ которыхъ см. въ ст. «*На зарѣ крестьянской свободы*». «Русская Старина» 1897 г. № 12, стр. 454—459.

[1]) «*Голоса изъ Россіи*». Кн. 4-я, стр. 17—18, London, 1857.—Рѣчь считалась дворянами «подложною», какъ писалъ изъ Самары Ю. Ф. Самаринъ Н. А. Милютину, прося его «внушить Мин. Вн. Дѣлъ хоть конфиденціально сообщить ее Самарскому губернск. предводителю дворянства» («Русская Старина», 1899, № 2, стр. 270).

[2]) Изъ этихъ двухъ источниковъ рѣчь заимствовалась гг. *Иваюковымъ, Энгельманомъ* и *Татищевымъ*.

[3]) Александръ II говорилъ В. Назимову объ отношеніи дворянства къ его рѣчи:«Къ сожалѣнію, предводители дворянства меня,какъ слѣдуетъ, не поняли, и я вижу теперь, что дворянство не сочувствуетъ моимъ видамъ и намѣреніямъ» («*Русская Старина*», 1885, № 3, стр. 576).

Изъ текущей литературы.

I. «Независимые русскіе писатели».

Alter ego Шарапова г. Эфронъ написалъ о немъ воспоминанія и напечаталъ ихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (№№ 2 и 3). Совершенно естественно, что подъ дружескимъ перомъ Шараповъ превратился въ величайшаго русскаго публициста и даже «мученика своихъ идей». Надо сказать, что преувеличенія, доходящія до гиперболы, повидимому, вообще свойственны г. Эфрону. Читатель, вѣроятно, съ нѣкоторымъ удивленіемъ узналъ, напр., о существованіи *знаменитаго* русскаго публициста В. В. Комарова—это основатель весьма плохенькой шовинистической газетки «Свѣтъ». Секретаремъ этого самаго «Свѣта» одно время былъ г. Эфронъ; составъ редакціи при немъ былъ, конечно, «блестящій» и именно онъ «былъ виновникомъ существованія этого блестящаго, состава»; онъ привлекъ людей «большихъ талантовъ и дарованій, съ громкими литературными репутаціями». Кто же они были?—«Возсіявшій уже тогда В. В. Розановъ», критикъ Медвѣдскій, цензоръ Соколовъ, Мердеръ, Тимирязевъ (В. А.) и др. ... Единственно, что можно порекомендовать сотрудникамъ «Историческаго Вѣстника» и другихъ суворинскихъ изданій—быть хоть немного скромнѣе въ опредѣленіи своихъ, яко бы громкихъ, литературныхъ репутацій. Право же такое самохвальство неудобно.

Среди свѣтилъ «Свѣта» былъ и независимый публицистъ Шараповъ, съ которымъ въ 1902 г. случилось «грѣхопаденіе», погубившее, по признанію г. Эфрона, всѣ литературныя предпріятія Шарапова: «публика отвернулась отъ него, признала его «продажнымъ» публицистомъ и не захотѣла его знать». Исторія своего грѣхопаденія Шараповъ самъ разсказалъ въ 1907 г. въ «Русскомъ Дѣлѣ», т.-е. разсказалъ тогда, когда публика отъ него отвернулась (послѣ разоблаченій въ «Освобожденіи»), признавъ его «продаж-

нымъ публицистомъ». Шараповъ боролся противъ финансовой системы гр. Витте. Послѣдній, какъ разсказываетъ Шараповъ въ своей «исповѣди», не разъ пытался его подкупить. Хитрый министръ финансовъ нашелъ однако средство обойти неподкупнаго публициста, предложивъ ему субсидію въ 50.000 р. въ видѣ пріобрѣтенія казной паевъ въ товариществѣ по сбыту шараповскихъ плужковъ. На означенное предложеніе гр. Витте Шараповъ «не сказалъ ни да, ни нѣтъ»: «этому (т.-е. рѣшительному отказу) помѣшали,—поясняетъ Ш.,—наша русская мягкость и дворянская вѣжливость, боязнь оскорбить человѣка». Колебанія были приняты за согласіе, и было испрошено высочайшее соизволеніе на пріобрѣтеніе паевъ. «Русская мягкость и дворянская вѣжливость» опять помѣшали Шарапову отказаться отъ субсидіи. Такимъ образомъ, какъ оказывается, субсидія была просто «навязана». Но затѣмъ, какъ видно изъ повѣствованія г. Эфрона, Шараповъ сталъ мучиться, испугавшись, что субсидія его скомпрометируетъ. Мучился онъ цѣлую ночь, у него отъ ужаса прибавилось даже сѣдыхъ волосъ, и рѣшилъ Ш. написать на высочайшее имя и просить избавить его отъ «взятки», отъ «предательски испрошеннаго ради подкупа» высочайшаго повелѣнія. Но русская мягкотѣлость и дворянская вѣжливость побудили однако принять субсидію, которая, по мнѣнію самаго Ш., могла его скомпрометировать, такъ какъ являлась «взяткой».

Практическое дѣло Шарапова не пошло, и виновата въ этомъ исключительно русская интеллигенція. Дѣло въ томъ, что въ Петергофѣ была устроена пахота шараповскими плужками. Съ царской пахоты образцовые плуги отправлены были на рядъ сельскохозяйственныхъ выставокъ. Ш., рекламируя свои плуги, прибивалъ на стѣнахъ афиши съ текстомъ: «Коллекція орудій, бывшихъ въ Петергофѣ на пахотѣ въ присутствіи Его Императорскаго Величества». И вотъ удивительная метаморфоза: всѣ профессора и пр. не находили словъ для восхваленія шараповскихъ плужковъ, но стоило появиться указанному плакату, какъ «все перемѣнилось, словно вѣдьма какая махнула метлой».

Не вышло практическое дѣло, пропала и репутація независимаго публициста: «все сгинуло». Пришлось Ш. ликвидировать свои изданія и работать въ другихъ органахъ печати, часто даже имъ «презираемыхъ»: въ «уличномъ листкѣ» Казецкаго, въ «наичерносотенномъ» «Вѣче» и въ «кадетскомъ» (?) «Московскомъ Еженедѣльникѣ». Хотѣлось Шарапову сочетать «нравственную высоту» Аксакова съ «силой Каткова», но такъ и не удалось сопричислиться къ «публицистическому олимпу: Аксаковъ, Катковъ и Гиляровъ-Платоновъ».

Вотъ какова сила русскаго общественнаго мнѣнія—«кадетовъ, соціалдемократовъ и трудовиковъ». Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что это все-таки не такъ, какъ мы видимъ изъ того же «Историческаго Вѣстника», повѣствующаго въ послѣдней своей книгѣ о заслугахъ единственной «независимой» русской газеты, справившей только что 40-лѣтній юбилей—«Новаго Времени». Повидимому, всѣ бывшіе суворинскіе сотрудники не уступаютъ въ хвастливости г. Эфрону. Это была «работа богатырей»,—заявлялъ на юбилеѣ теперешній редакторъ нововременнаго парламента мнѣній г. М. Суворинъ. Не будемъ снимать съ почтенной газеты нимба, удостовѣреннаго тѣми привѣтствіями, которыя получило въ день юбилея «Новое Время», бывшее столько лѣтъ «чуткимъ выразителемъ широкаго общественнаго мнѣнія». На юбилеѣ не мало говорилось о такъ называемыхъ «независящихъ обстоятельствахъ», о «цензурныхъ невзгодахъ», о «бюрократическихъ буряхъ» (примѣры, правда, пришлось брать все изъ 70-хъ г.г.), при которыхъ плылъ независимый русскій органъ, основанный «Наполеономъ книжнаго дѣла» или «вольтижеромъ» г. Суворинымъ по терминологіи 70-хъ г.г. И поистинѣ былъ «рѣдкій въ русской печати праздникъ»: независимый органъ, выражавшій собой всегда общественное мнѣніе, былъ привѣтствуемъ за плодотворную работу начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ... и только двумя газетами «Свѣтъ» и «Петроградская Газета», и единственнымъ общественнымъ дѣятелемъ А. И. Гучковымъ, состоящимъ, впрочемъ, членомъ совѣта товарищества «Новаго Времени»...

Русское общественное мнѣніе отвернулось давно отъ суворинскаго органа [1]) и, тѣмъ не менѣе, послѣдній процвѣтаетъ. Слѣдовательно, сила общественнаго мнѣнія, клеймо общественнаго презрѣнія не является рѣшающимъ факторомъ. Дѣйственную силу въ «Новомъ Времени», пожалуй, составляютъ и факторы особаго порядка. Жаль, что историческій журналъ, напечатавшій юбилейный очеркъ газеты, не воспользовался любопытными матеріалами о ея прошломъ и ея современномъ состояніи, находящимся въ книгѣ бывшаго соратника Суворина-отца г. Снѣсарева «Миражъ Новаго Времени» (Спб. 1914) и совсѣмъ уже недавней брошюры бывшаго редактора «Новаго Времени» Ал. Су-

[1]) Еще въ 1879 г. Михайловскій такъ характеризовалъ обликъ тогдашняго времени «Новаго Времени»: «Газета г. Суворина представляетъ наглядное свидѣтельство, что можно, подобно вольной пташки, порхать съ вѣтки на вѣтку и на каждой изъ нихъ чирикать новую пѣсню и въ то же время быть вмѣстилищемъ сплетень и личныхъ дрязгъ». (Отеч. Зап. 1879 г. № 11).

ворина «Какъ «Новое Время» было продано»: тутъ и фигуры темныхъ банковскихъ дѣльцовъ, орудующихъ на пользу газеты или на личную пользу при посредствѣ газеты, тутъ и субсидіи или казенныя объявленія, тутъ и агенты охраннаго отдѣленія—однимъ словомъ, чего только тутъ нѣтъ... Такова «независимая главная русская газета», которую Суворинъ-сынъ именуетъ «грязнымъ болотомъ».

Какъ не пожалѣть дѣйствительно «бѣднаго Шарапова», который всего только за 50.000 р.—да и то на плужки—погубилъ свою литературную репутацію. Что же смотрятъ «кадеты, соціалъ-демократы и трудовики», которымъ, какъ оказывается, въ сущности такъ легко очистить русскую литературу отъ тѣхъ «публичныхъ мужчинъ», которые, по выраженію Михайловскаго, «продаютъ красоту своего слова»?!

Кстати уже два слова о суворинскихъ молодцахъ изъ «Историческаго Вѣстника». Этотъ псевдо-историческій журналъ, разсчитанный на дурной обывательскій вкусъ, какъ будто бы также опровергаетъ оцѣнку моральной силы общественнаго мнѣнія. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» при новомъ редакторѣ г. Глинскомъ постепенно стираются всѣ тѣ грани, которыя все же отдѣляли при покойномъ Шубинскомъ это второе дѣтище Суворина отъ полной уже безпринципности «Новаго Времени». Ничего не можетъ теперь удивить на столбцахъ журнала. Но все же, по правдѣ сказать, мы не ожидали, что г. Шумигорскій, человѣкъ дѣйствительно причастный къ исторіи и авторъ недурныхъ работъ по эпохѣ Павла, такъ уже заразится суворинскимъ духомъ при постоянномъ сотрудничествѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ № 4 послѣдняго появилась статья этого писателя, посвященная воспоминаніямъ В. В(а не А. А.) Берви, перепечатаннымъ въ «Голосѣ Минувшаго». Какой характеръ носитъ статья показываетъ достаточно самое заглавіе «Историческій Ставрогинъ и русская молодежь второй половины XIX в.». Искренно можемъ сказать, что такой реакціонности, такой просто пошлости, какъ сравненія дѣятельности одного изъ выдающихся русскихъ людей, нынѣ еще здравствующаго, съ героемъ романа Достоевскаго «Бѣсы», мы не могли ожидать отъ г. Шумигорскаго.

Историки русской общественности давно уже были знакомы съ напечатанными за границей воспоминаніями В. В. Берви. Мы перепечатали ихъ потому, что они мало знакомы широкимъ кругамъ читателей, а выдающаяся цѣнность ихъ общепризнана; г. Шумигорскій не принадлежитъ къ числу историковъ русской общественности, поэтому онъ такъ и возрадовался, что «наконецъ»-то въ «Голосѣ Минувшаго» «объявился» въ своей автобіографіи

подлинникъ Ставрогина «Бѣсовъ» (повидимому, г. Шумигорскій и не представляетъ себѣ, какое въ сущности явленіе изъ революціоннаго прошлаго не совсѣмъ удачно пытался изобразить въ своемъ романѣ Достоевскій). Въ своемъ восторгѣ г. Шумигорскій не потрудился даже внимательно прочитать воспоминанія, непосредственность и правдивость которыхъ онъ назвалъ «тупымъ самодовольствомъ», иначе у него не было бы lapsus'овъ, подобныхъ нижеслѣдующему: романъ В. В. Берви «На жизнь и смерть», изданный въ Женевѣ въ 1877 г., по словамъ г. Шумигорскаго, «былъ напечатанъ недавно и въ Россіи, въ журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія», но наше общество, даже въ юныхъ своихъ представителяхъ, уже переросло міросозерцаніе стараго пропагандиста, и романъ этотъ не обратилъ на себя никакого вниманія». Очевидно свѣдѣнія о романѣ В. В. Берви г. Шумигорскій почерпнулъ изъ нашего редакціоннаго примѣчанія, но не досмотрѣлъ: романъ Берви былъ напечатанъ вовсе не въ хорошо извѣстномъ *педагогическомъ* (а не для юношества) журналѣ «Вѣстникъ Воспитанія», а въ 1907 г. въ плохонькомъ историческомъ журналѣ «Всемірный Вѣстникъ».

С. Мельгуновъ.

II. Изъ исторіи франко-итальянскихъ отношеній.

Профессоръ Кура́туло располагаетъ едва ли не богатѣйшимъ въ Италіи собраніемъ неизданныхъ историческихъ документовъ, главнымъ образомъ—гарибальдійскихъ писемъ и рукописей, часть которыхъ и приводитъ въ послѣднемъ своемъ трудѣ [1]). Между прочимъ, десятки писемъ и замѣтокъ свидѣтельствуютъ о той глубокой, никогда не закрывавшейся ранѣ, которую нанесло Гарибальди присоединеніе къ Франціи его родной Ниццы,—присоединеніе, которое онъ считалъ «преступленіемъ не менѣе отвратительнымъ, чѣмъ преступленіе 2 декабря» и съ которымъ не могъ примириться, «не признавая ни за какой властью на землѣ права

[1]) Giacomo Emilio Curatulo: Francia e Italia. Pagine di storia (1849—1914) Forino, Fratelli Bocca, 1915.

Книга написана ad usum delphini; ея задача—доказать, что со времени разгрома французскими войсками римской республики 1849 г. и до нынѣшней войны политика Франціи была систематически враждебна Италіи, явно франкофобскій тонъ книги, при нескрываемыхъ симпатіяхъ автора къ Германіи, заставляетъ въ высшей степени осторожно относиться къ его выводамъ и заключеніямъ, даже къ его фактическимъ утвержденіямъ, когда они не подкрѣплены авторитетнымъ свидѣтельствомъ или безспорными документами. Тѣмъ не менѣе книга заслуживаетъ вниманія, благодаря заключающемуся въ ней обильному сырому историческому матеріалу, имѣющему большое самостоятельное значеніе—независимо отъ того употребленія, которое изъ него дѣлаетъ авторъ.

лишать національнаго существованія независимый народъ». Гарибальди былъ убѣжденъ, что «было бы нетрудно уладить дѣло съ честными людьми Франціи, доказавъ имъ, насколько лживымъ былъ бонапартистскій плебесцитъ» [1]), но на пути къ мирному рѣшенію непреодолимой преградой стояли французскіе шовинисты, и потому онъ предвидѣлъ, что «будетъ трудно избѣгнуть рѣкъ крови».

Тяжелое впечатлѣніе производятъ тѣ формы, въ которыхъ выливается дикая ненависть къ французскимъ шовинистамъ, которою до мозга костей пропитанъ былъ Гарибальди. Каждый разъ, когда онъ въ своихъ письмахъ или замѣткахъ заговариваетъ о нихъ, онъ положительно приходитъ въ умоизступленіе. «Если бы,—писалъ онъ, напр., своему сыну Менотти,—французскій шовинизмъ попытался снова предпринять прогулку въ Италію и нашлись бы хоть одна женщина или одинъ ребенокъ въ этой странѣ, которые не убили бы кого-нибудь изъ ихъ наемныхъ разбойниковъ, то слѣдовало бы совершенно вычеркнуть Италію изъ числа націй. Таковы тѣ идеи, которыя мы должны пропагандировать». Въ бумагахъ Гарибальди найдена первая глава начатой имъ книги: «Дижонская тысяча» (на подобіе «Марсельской тысячи»)—вся цѣликомъ посвященная французскимъ шовинистамъ, для которыхъ онъ не жалѣетъ рѣзкихъ и грубыхъ эпитетовъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ тутъ текстъ обширнаго письма, посланнаго имъ въ редакцію газеты «La Gironde», напечатавшей обидную для итальянцевъ статью. Письмо это—курьезный вызовъ французскимъ шовинистамъ, которымъ онъ предлагаетъ въ количествѣ ста человѣкъ, вооруженныхъ двустволками и револьверами, прибыть на островокъ Софи́—(у с.-в. побережья Сардиніи)—дабы сразиться тамъ со ста итальянцами...

Изъ другихъ документовъ, публикуемыхъ проф. Куратуло, обращаетъ на себя вниманіе составленный Гарибальди въ 1882 г. *стратегическій планъ войны съ Франціей*. Крупный интересъ представляетъ также письмо Мадзини, посланное имъ незадолго до своей кончины одному римскому республиканцу. Привожу два характерныхъ отрывка: «Что касается твоей «нѣжности» къ «республикѣ Гамбетты», то она кажется мнѣ еще болѣе вредной, еще болѣе осужденной историческими фактами иллюзіей, чѣмъ иллюзія Сбарбаро [2]). Ты несправедливъ къ Германіи. «Республика» вышла во Франціи не изъ искренней спонтанно выражен-

---

[1]) Въ силу котораго состоялось присоединеніе Ниццы и относительно котораго Гарибальди нѣсколькими строками раньше пишетъ: «То попы вели стадо къ урнамъ, оглушая міръ крикомъ: да здравствуетъ императоръ!»

[2]) Авторъ статьи, о которой шла рѣчь въ письмѣ.

ной воли народа: она—слѣдствіе «факта», обусловленнаго трусливымъ отреченіемъ Луи Наполеона и отсутствіемъ какого бы то ни было правительства. Германія же бьется за «національность». Мы не можемъ, не являясь безумными или безчестными, говорить о «республиканскомъ» крестовомъ походѣ противъ деспотизма, въ то время какъ нѣмецкія побѣды суть тріумфъ «интеллигентности». Республика для меня—вещь святая, но французская республика—только имя, имени же недостаточно. «Фетишизмъ» не есть религія».—Мадзини не забываетъ услугъ, оказанныхъ Франціей Европѣ, но считаетъ ея пораженіе «искупленіемъ», заслуженной карой за многочисленные грѣхи. «Франція—наиболѣе циническая нація въ Европѣ. Невѣрующая—она покровительствовала папѣ; проповѣдница свободы—подала голосъ за 2 декабря. Она гордится тѣмъ, что единственная изъ народовъ бьется за «идею» и требуетъ денегъ и чужихъ земель, не возвращая намъ Корсики, которая, къ нашему счастью, нѣкогда станетъ ея гибелью. Франція—самая лицемѣрная нація въ мірѣ. Она заявляла себя противницей войны съ Германіей и рукоплескала войнѣ, когда та была объявлена. Она напала на Мексику, забыла святую Польшу; она, поднявъ республику на республику, звѣрски убила Римъ итальянскій и народный. Франція искупаетъ нынѣ свои вины. Я пишу это потому, что вижу живымъ обаяніе, оказываемое Франціей на молодые умы,—обаяніе, являющееся препятствіемъ для нашего величія».

Очень интересны также иллюстрирующія книгу снимки съ имѣющихся въ богатой коллекціи автора рѣдкихъ старыхъ гравюръ, увѣковѣчившихъ для потомства тѣ варварскія разрушенія, которыя сдѣланы были 3500 выпущенными по Риму французскими бомбами во время осады 1849 г.

Само собою разумѣется, что приводимые профессоромъ Куратуло историческіе документы могутъ быть правильно поняты и оцѣнены, только будучи поставлены въ связь съ условіями, которыми они вызваны, и съ обстановкою, въ которой они появились. Разсматриваемые внѣ надлежащей исторической перспективы, они неизбѣжно должны послужить основаніемъ для ошибочныхъ выводовъ и ложныхъ заключеній. Основной же и тяжелый по отношенію къ наукѣ грѣхъ автора въ томъ и заключается, что, выполняя спеціальное политическое заданіе, онъ историческую перспективу умышленно и сознательно игнорируетъ. При этомъ ему, конечно, приходится совершенно умалчивать о многомъ, что могло бы существенно измѣнить характеръ рисуемой имъ картины итало-французскихъ отношеній. Такъ, напр., подробно трактуя о разгромѣ французами римской республики 1849 года

и приводя рядъ документальныхъ данныхъ, рисующихъ въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ эту, по выраженію Мадзини, «войну пиратовъ», которую по волѣ Наполеона вела французская республика, онъ въ то же время ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ энергичномъ протестѣ—вплоть до баррикадъ, который экспедиція Удино вызвала въ самой Франціи—и въ палатѣ, и въ странѣ. Авторъ какъ будто ничего не знаетъ ни о рѣчи Ледрю-Ролена (11 іюня 1849 г.), заключавшей въ себѣ грозный обвинительный актъ противъ будущаго героя 2 декабря и его министровъ, ни о послѣдовавшемъ затѣмъ движеніи 15 іюня... Само собою разумѣется также, что онъ ни словомъ не заикается о томъ дѣятельномъ сочувствіи, которое разгромъ римской республики находилъ въ самой Италіи, входя въ планы Пьемонта и соотвѣтствуя видамъ Кавура, главной заботой котораго въ это время было покончить, во что бы то ни стало, съ Мадзини и его послѣдователями...

Гр. Шрейдеръ.

III. Изъ крестьянскихъ мемуаровъ.

Недавно одному изъ молодыхъ собирателей народной словесности, П. А. Гнѣдичу, уже напечатавшему три выпуска «Матеріаловъ по народной словесности Полтавской губерніи Роменскаго уѣзда» (Полтава 1915 г.), пришла счастливая мысль предложить нѣкоторымъ изъ своихъ разсказчиковъ и пѣвцовъ самимъ написать нѣчто въ родѣ своихъ автобіографій. Желаніе писать явилось у многихъ, но выполнили его пока только трое.

Ихъ-то разсказы о самихъ себѣ и о своей родинѣ и составили отдѣльную небольшую, но очень интересную книжечку, изданную г. Гнѣдичемъ въ указанной серіи матеріаловъ [1])

Въ содержаніи этихъ повѣствованій отразились и общія, если такъ можно сказать, классовыя настроенія ума, сторона быта и чисто индивидуальныя особенности каждаго изъ авторовъ. Одни изъ нихъ даютъ больше свѣдѣній объ окружающей жизни и людяхъ, передаютъ связанныя съ тѣмъ или другимъ фактомъ или мѣстностью воспоминанія стариковъ, даже удѣляютъ больше вниманія своимъ духовнымъ исканіямъ, настойчивымъ стремленіямъ къ грамотности, отысканію своей лучшей доли, описываютъ большею частью очень тяжелыя условія борьбы за существованіе. Приведемъ нѣкоторыя выписки изъ автобіографіи З. Е. Шкуры.

---

[1]) *Г. А. Гнѣдичъ.* Матеріалы по народной словесности. Полтавская губернія. Роменскій уѣздъ. Повѣствованія казаковъ. Полтава 1915 г. VIII—79.

У него мы находимъ рядъ интересныхъ разсказовъ о крѣпостномъ правѣ и вообще взаимоотношеніяхъ мѣстныхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Невеселыя воспоминанія связаны по разсказамъ Шкуры съ теперешнемъ «подворіемъ Бацмановскаго Общества» [1]).

Въ концѣ села жила одна помѣщица, бѣднаго состоянія,—она была безземельна. «У нея только была маленькая усадьба и хатка, возочекъ и саночки. Звали ее Орышкою, а по фамиліи прозывали Куксыха. Эта помѣщица имѣла у себя одну крестьянку, и ту крестьянку по имени звали Орышкою. Крестьянка была не старая, росту великаго и здоровая. Они вдвоемъ жили, барыня и крестьянка. Крестьянка всегда исполняла своей барыни приказанія, рубила дрова, носила воду, топила печку, варила борщъ и кашу, супъ, готовила, что барыня прикажетъ, прибирала въ домѣ, мыла бѣлье, исполняла своей барыни всѣ приказанія и пекла хлѣбъ, подавала кушанья, перечищала посуду, стлала барынѣ постель, укладывала барыню спать, а послѣ сна опять убирала постель. Все дѣло Орышка содержала въ чистотѣ. А какъ барынѣ понадобится куда поѣхать, «до панивъ у гости», то барыня приказываетъ: «Орышка! Ступай, готовь телѣжку, и смотри хорошенько телѣжку убери, «шобъ воно було чепурно», а то знаешь, намъ надо ѣхать къ панамъ, то чтобъ надъ нами не смѣялись. Слышишь, что я тебѣ приказала?»—«Слышу, слышу, паночко! Сразу буду ваше приказаніе исполнять». Побѣжала, телѣжку приготовила, положила подушку и застлала ковромъ. Тогда входитъ, говоритъ: «Паночко! Я уже, что вы приказывали, уже сдѣлала».—«А ты чего такъ долго тамъ была?»—«Паночко! Простите меня, я никуда не ходила, а что вы приказали, я все сдѣлала. Простите меня, паночко!» Барыня говоритъ: «Ладно, ладно, перестань болтать, иди обувай меня». Орышка обула.—«Ну, чего стоишь? Бери одежду, одѣвай меня». Орышка одѣла свою барыню, взяла за руку, вывела изъ хаты на дворъ, привела къ повозкѣ, посадила. Барыня говоритъ: «Ну, Орышко, запрягайся!» Орышка взяла за дышло и повезла свою барыню. Доѣхали онѣ до горы. Орышкѣ стало на гору трудно свою барыню везти. Крестьянка стала помаленьку, а барыня взяла въ руки палку: «Ну, ну вези скорѣе!» Крестьянка отвѣчаетъ: «Паночко, тяжело».—«Ну, ну, не болтай! Чего тамъ тяжело!»—«Простите меня, паночко,... у меня уже и силы не хватаетъ».—«Дальше, дальше, пока

---

[1]) Въ передачѣ текста Шкуры я измѣняю малорусское произношеніе, а изрѣдка слова, на великорусское; но строй рѣчи оставляю въ неприкосновенности.

я тебя не начну палкою бить, чтобъ ты не болтала очень, а скорѣе везла».

Вотъ пріѣхали до однихъ пановъ, остановились у воротъ. Барыня говоритъ: «Ну, отворяй ворота». Крестьянка только что отворила ворота, какъ залаяли собаки. Тутъ паны и паничи и барышни повыбѣгали изъ комнатъ на крыльцо, приказали своимъ крестьянамъ охранить насъ отъ собакъ. Мы пріѣхали ко крыльцу, остановились. Я свою барыню за руку вывела изъ возочка. Паны и барышни, и паничи подходятъ, здороваются и смѣются, говорятъ: «Ирина, почему вы насъ не извѣстили? Мы вамъ бы послали лошадей, они бы васъ привезли». А моя барыня говоритъ: «Вотъ еще! А зачѣмъ я стану пановъ безпокоить, если моя Орышка возитъ хорошо». Паны засмѣялись, взяли барыню въ комнаты, а крестьянамъ своимъ приказали взять меня на кухню....

Я начала работать, пошла за водой, набрала воды въ колодцѣ и несу улицей. А навстрѣчу идетъ какой-то мужчина, сказалъ мнѣ: «Молодица, дай мнѣ воды напиться». Я остановилась, а онъ напился, сказалъ «спасибо» да и говоритъ: «А, бѣдные крестьяне послужили панамъ, вотъ, Богъ дастъ, вамъ будетъ скоро воля». Я сказала: «Никогда, навѣрно, не дождаться воли!» Мужчина сказалъ: «Молитесь усердно Богу—дождетесь!» Принесла я воду-походила на дворѣ и думаю: «А дай пойду и похвастаюсь барынѣ», Я не подумала своей глупой головой, что про волю нельзя гово. рить, да и пошла въ хату. Пани вскочила со стула, кричитъ на меня, ногами топаетъ о землю, ругаетъ меня: «Ты негодяйка, скверная, поганая! Ты мнѣ такими словами не даешь на свѣтѣ жить!» Какъ схватитъ палку, бьетъ меня такъ сильно. Потомъ упала на постель, кричитъ: «Готовь возокъ!» Я приготовила возокъ. Вышла, сѣла на возокъ, приказала везти. Я сказала: «Куда васъ везти?» Барыня: «Я скажу». Я повезла. Дорогой барыня говоритъ: «Повертывай къ становому». Въѣхали мы во дворъ, сотникъ доложилъ становому. Вышелъ становой и сталъ, оперся о двери, и спрашиваетъ: «Вамъ чего нужно?» Барыня говоритъ: «Я пріѣхала къ вамъ, г-нъ становой...»—«Да, да вижу, ну говори, чего».—«Пожаловаться на свою крестьянку».—«За что»?—«Она слышала, что скоро будетъ воля и не хочетъ слушаться».—«Какъ твою крестьянку зовутъ?»—«Да Орышка». — «Ну, разскажи, Орышка, въ чемъ ты не слушаешь барыню?» Я сказала: «Я слушаю свою барыню. Лѣтомъ возокъ вожу, а зимою саночками вожу свою барыню».—«Ага, очень хорошо ты разсказала. Такъ ты, Ку́ксыха, на людяхъ катаешься? Всѣ пани ѣздятъ на лошадяхъ, а ты ѣздишь на людяхъ, да еще пріѣхала на крестьянкѣ и на

крестьянку жалуешься! Больше, Кýксыха, на людяхъ ко мнѣ не смѣй ѣздить, а то я тебя саму накажу! Ступайте!»

Можно бы было привести еще много интересныхъ выписокъ изъ изданныхъ г. Гнѣдичемъ крестьянскихъ автобіографій, но заинтересовавшійся читатель пусть обратиться прямо къ матеріаламъ г. Гнѣдича. Отъ души привѣтствуемъ благое его начинаніе, ибо мы увѣрены, что цѣнности подобныхъ мемуаровъ для пониманія и знанія крестьянскаго міра никто отрицать не будетъ. Какъ было бы цѣнно, если нашлись люди, которые побудили бы составлять записки о современныхъ событіяхъ лицъ не изъ одного только интеллигентнаго класса.

Борисъ Соколовъ.

Критика и библіографія.

А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки. Изд. К. Ф. Некрасова. Ц. 2 р. 50 к.

А. А. Кизеветтеръ принадлежитъ къ числу русскихъ историковъ съ развитымъ гражданскимъ чувствомъ. Естественно, что и темы, избираемыя имъ для статей, всегда связаны съ широкими общественными интересами, всегда такъ или иначе злободневны. Это одно уже привлекаетъ къ себѣ вниманіе читателей. Блестящая подчасъ форма изложенія, выпуклыя характеристики, яркіе образы—еще болѣе выдѣляютъ статьи А. А. Кизеветтера изъ общаго уровня. Каждая статья автора самоцѣнна и назидательна. Поэтому надо горячо привѣтствовать появленіе второго сборника его статей.

Сюда вошли статьи о Милютинѣ, о русскомъ обществѣ въ періодъ реформы 1861 г., о возникновеніи земства, объ избраніи М. Ѳ. Романова и наиболѣе значительная статья, занимающая $^2/_5$ всего текста,—о Ростопчинѣ. Указанныя статьи составляютъ первую часть сборника, озаглавленную «юбилеи». Вторая часть—«учителя», содержитъ пять сравнительно небольшихъ статей о Московскомъ университетѣ, Грановскомъ, Герценѣ и Ключевскомъ. Это—своего рода поминки, какъ бы изящно отдѣланныя миніатюры. Быть можетъ, только не слѣдовало включать въ эту часть газетнаго фельетона «Дѣтскіе и школьные годы В. О. Ключевскаго», представляющаго собой изложеніе матеріаловъ, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.», и, такимъ образомъ, не имѣющаго оригинальнаго характера. Введеніе подобныхъ статей скорѣе нарушаетъ цѣльность сборника.

Всѣ статьи появились въ отдѣльномъ изданіи безъ переработки и какихъ-либо существенныхъ дополненій. Конечно, миніатюры и не могутъ, пожалуй, для отдѣльнаго изданія подвергаться той или иной обработкѣ. Цѣнность ихъ именно въ той формѣ, въ какую онѣ выливаются въ моментъ творчества. Но приходится пожалѣть, что большія статьи, какъ, напр., очеркъ, посвященный Ростопчину, скорѣе своего рода небольшое изслѣдованіе—не подверглись авторомъ нѣкоторому пересмотру.

Статья о Ростопчинѣ вообще одна изъ наиболѣе яркихъ по формѣ и по цѣлостности впечатлѣнія статей А. А. Кизеветтера. Намъ уже приходилось въ свое время отмѣчать ее на страницахъ «Голоса Минувшаго» (1913 г. № 2). Правда, не со всѣми выводами автора можно согласиться. Рецензенту данной книги еще до статьи А. А. Кизеветтера пришлось въ юбилейномъ изданіи «Отечественная война и русское общество» (т. IV) подробно останавливаться на характеристикѣ дѣятельности Ростопчина въ качествѣ главнокомандующаго Москвы въ 1812 г. Здѣсь выводы получались существенно разнящіеся со взглядомъ А. А. Кизеветтера. У послѣдняго личность Р. раздваивается. Въ очень рѣзкихъ тонахъ обрисовывая отрицательныя стороны личности «спасителя отечества» въ 1812 г., А. А. Кизеветтеръ все же склоненъ (по нашему мнѣнію, лишь *по недоразумѣнію)* находить въ поступкахъ Ростопчина, этого удивительнаго самохвала съ весьма низкими моральными качествами, «печать нравственной смѣлости» и «стремленія къ независимости поведенія». Онъ выводитъ даже какой-то своеобразный идеалъ Р.—«политическое и соціальное рабство духовно независимыхъ гражданъ».

Дѣятельность Р., по мнѣнію автора, наиболѣе ярко выразилась въ 1812 г. И здѣсь А. А. Кизеветтеръ полагаетъ, что Р. «методически» осуществлялъ программу, вытекающую изъ сущности его міросозерцанія. Дѣятельность Р. изображается обдуманной, планомѣрной и только въ силу дефектовъ міросозерцанія Р. приводившей къ отрицательнымъ результатамъ.

Уже въ указанной выше замѣткѣ «Гол. Мин.» мы отмѣчали полную невозможность такъ объяснить сумбурную дѣятельность Ростопчина. Конечно, А. А. Кизеветтеръ можетъ и не считаться съ тѣмъ или иными мнѣніями или поправками по поводу его сужденій. Но, быть можетъ, для отдѣльнаго изданія слѣдовало бы учесть новые матеріалы: напр., опубликованныя Б. Л. Модзалевскимъ въ «Русскомъ Библіофилѣ» письма Р. къ Новикову и Лабзину—очень характерныя для искренности этого гонителя московскихъ «мартинистовъ» (См. «Гол. Мин.» 1913. VII «Еще о

Ростопчинѣ»); это во всякомъ случаѣ устранило бы нѣкоторыя фактическія недоразумѣнія, имѣющіяся въ статьѣ А. А. Кизеветтера. Присоединяясь къ выводамъ одного изъ наиболѣе знающихъ въ свое время историковъ Отечественной войны, Попова, А. А. Кизеветтеръ считаетъ невозможнымъ даже говоритъ объ участіи Р. въ московскомъ пожарѣ. Приводя «новое документальное указаніе», обнародованное въ 1912 г., А. А. Кизеветтеръ полагаетъ, что оно «должно устранить всякіе дальнѣйшіе споры по этому вопросу; не касаясь здѣсь существа дѣла [1]), приходится признать, что у А. А. Кизеветтера заключается здѣсь просто недоразумѣніе (недоразумѣніе это повторилось и съ критикомъ «Историч. Вѣстника» въ № 4 журнала). Говоря о «новомъ документальномъ указаніи», авторъ имѣетъ въ виду письмо Р. къ женѣ (11 сент.), помѣщенное въ отрывкѣ біографіи Р., составленной его дочерью Наталіей, который былъ напечатанъ въ «Трудахъ Яросл. Арх. Ком.» (1912 г. вып. III). Ростопчинъ указываетъ въ немъ, что его «мысль поджечь городъ была бы полезной до вступленія злодѣя», т.-е. Наполеона, но вслѣдствіе обмана со стороны Кутузова осуществлять ее «было уже поздно». Въ сущности это «новое документальное указаніе» уже достаточно старо, ибо цитированное письмо находится въ серіи писемъ Р. къ женѣ, опубликованныхъ въ 1901 г. въ «Русскомъ Архивѣ» (кн. VIII стр. 472). Очевидно, эти матеріалы вообще ускользнули изъ вниманія А. А. Кизеветтера, а между тѣмъ въ другихъ письмахъ (9 сент. и 1 сент.) Р. въ такихъ же интимныхъ признаніяхъ женѣ (эту интимность А. А. К. считаетъ особенно важной) говоритъ, что онъ «хорошо зналъ, что пожаръ неизбѣженъ» (9 сент.), «я убѣжденъ, что онъ (т.-е. городъ) сгоритъ (1 сент.)». Воспоминанія Н. Ѳ. Нарышкиной, отрывокъ изъ которыхъ цитируетъ по «Трудамъ Яр. Арх. Ком.» А. А. Кизеветтеръ, имѣются въ отдѣльномъ изданіи на французскомъ языкѣ (Le compte Rostopchine et son temps). Мы указывали въ свое время, что источникъ этотъ весьма мутенъ (см. «Родственники о Растопчинѣ» «*Гол. Мин.*» 1915 г. № 7—8). Но если къ нему и обращаются, то какъ разъ здѣсь можно найти весьма опредѣленныя и дѣйствительно *новыя* указанія, противорѣчащія мнѣнію А. А. Кизеветтера. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя другія фактическія поправки, которыя можно было бы сдѣлать къ изложенію А. А. Кизеветтера (напр., отношенія Р. къ Леппиху), слѣдуетъ отмѣтить еще одно утвержденіе автора:

---

[1]) Мнѣ лично участіе Р. въ пожарѣ рисуется по-иному. См. мою статью „Кто сжегъ Москву“ въ издан. „Отеч. войны“ (т. IV) и матеріалы во II ч. сборн. „Французы въ Россіи“, составленнаго А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и мною. *С. М.*

говоря о расправѣ Р. съ Верещагинымъ и примыкая здѣсь къ выводамъ автора статьи о верещагинскомъ дѣлѣ въ «Щукинскомъ Сборникѣ», А. А. Кизеветтеръ несогласенъ съ тѣми, которые считаютъ, что расправа эта была вызвана въ значительной степени страхомъ передъ толпой. Не анализируя этого мнѣнія и не опровергая фактической стороны, авторъ считаетъ необходимымъ лишь отмѣтить два обстоятельства: 1) Ростопчинъ сначала смотрѣлъ на толпу съ балкона и потомъ вышелъ говорить съ ней на крыльцо, что указываетъ на то, что онъ толпы не боялся, и 2) настроеніе толпы вовсе и не было страшно. Мутона она не тронула, а Верещагина начала терзать по призыву Растопчина. Въ эти категорическія сужденія слѣдовало бы ввести рядъ фактическихъ поправокъ—и прежде всего въ изложеніе обстоятельствъ появленія Р. передъ толпой. Затѣмъ *всѣ* почти современники (и тѣ, кто были очевидцами) свидѣтельствуютъ, что настроеніе толпы, явившейся на генералъ-губернаторскій дворъ съ требованіемъ, чтобы Р., согласно своему обѣщанію, велъ народъ на Три Горы, было очень враждебно *по отношенію* къ Ростопчину. На эти показанія современниковъ, находящіяся въ полномъ соотвѣтствіи со всей реальной обстановкой момента, А. А. Кизеветтеръ и не обратилъ вниманія.

Мы считали необходимымъ подчеркнуть еще разъ свое несогласіе съ характеристикой А. А. Кизеветтеромъ личности и поведенія Р. потому, что увлекательное изложеніе, авторитетное имя автора можетъ привести читателя къ неправильному, по нашему мнѣнію, пониманію исторической роли Ростопчина.

С. Мельгуновъ.

В. И. Веретенниковъ. Очерки исторіи генералъ-прокуратуры въ Россіи до Екатерининскаго времени. Харьковъ. 1915. VI—405 с.

Нельзя сказать, чтобы прокурорскому надзору XVIII вѣка особенно посчастливилось въ нашей историко-юридической литературѣ. Книга Градовскаго когда-то установила главныя черты въ исторіи генералъ-прокуратуры, вышедшая позднѣе работа Н. В. Муравьева описала болѣе или менѣе подробно дѣятельность прокурорскаго надзора, но на этомъ дѣло почти и кончилось. Былъ использованъ матеріалъ Полнаго Собранія Законовъ, но не былъ введенъ въ изученіе матеріалъ архивный. На этотъ путь въ изслѣдованіи исторіи прокурорскаго надзора XVIII вѣка впервые вступилъ авторъ разсматриваемой книги. Она состоитъ изъ 6 отдѣльныхъ главъ, которыя авторъ называетъ очерками, съ цѣлью, вѣроятно, подчеркнуть малую зависимость одной отъ другой. Первые два очерка посвящены вопросу о происхожденіи

прокурорскаго надзора; сначала авторъ устанавливаетъ исторію текста генералъ-прокурорской «должности» 1722 г., доказывая, какое живое и дѣятельное участіе принималъ въ ея выработкѣ самъ Петръ; затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, откуда заимствовалъ Петръ институтъ прокуроровъ, склоняясь, и притомъ очень убѣдительно, въ пользу французскихъ образцовъ. О преобладающей роли французской прокуратуры, какъ иностраннаго образца для соименнаго русскаго института, послѣ книги г. Веретенникова, спорить болѣе не будутъ, однако, по признанію автора, хотя «изъ французскаго матеріала въ основаніи своемъ построенъ русскій институтъ генералъ-прокуратуры, несомнѣнно, что постройка получилась не французская; требованія даннаго момента, приспособляющая мысль Петра и его сотрудниковъ сдѣлали изъ русской генералъ-прокуратуры въ ея цѣломъ нѣчто оригинальное». Очерки 3—6 представляютъ четыре концентрическихъ круга, описывающіе генералъ-прокуратуру съ зависившими отъ нея учрежденіями при первомъ генералъ-прокурорѣ Ягужинскомъ, при верховномъ тайномъ совѣтѣ, въ правленіе кабинета и при Елизаветѣ Петровнѣ. Противъ такого метода можно было бы возразить, ибо авторъ, располагающій свое изслѣдованіе симметрически, четыре раза говоритъ о матеріалахъ для своей работы, четыре раза возвращается къ отношеніямъ генералъ-прокурора къ Сенату, къ областному надзору и т. д. Все это дробитъ вниманіе читателя и мѣшаетъ ему составить себѣ общую картину исторіи генералъ-прокуратуры. Однако, съ точки зрѣнія автора, избранный имъ методъ представляетъ и положительныя стороны: изучая власть генералъ-прокурора въ четыре послѣдовательныхъ момента, онъ оказывается въ состояніи выпукло и наглядно обставить два главныхъ положенія своей работы: во-первыхъ, что (въ противоположность мнѣнію Градовскаго) сила и значеніе генералъ-прокурора были обратно пропорціональны силѣ и значенію сената, и, во-вторыхъ, что министерское начало въ генералъ-прокуратурѣ стало развиваться и уже достигло значительныхъ успѣховъ еще до назначенія князя А. А. Вяземскаго. Это положеніе автору, думается, удалось доказать вполнѣ убѣдительно, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть главный результатъ работы В. И. Веретенникова.

Ю. Готье.

Д. Н. Анучинъ. Александръ фонъ-Гумбольдтъ, какъ путешественникъ и географъ, и въ особенности какъ изслѣдователь Азіи. Вступителеная статья къ русскому переводу сочиненія А. Ф. Гумбольдта «Центральная Азія». М. 1915. 225 стр.

Знаменитый авторъ «Космоса», Александръ фонъ-Гумбольдтъ, въ 1843 г. издалъ на двухъ языкахъ—французскомъ и нѣмецкомъ—

свое обширное сочиненіе: «Центральная Азія». Матерьялы для этого сочиненія собраны были авторомъ во время его путешествія на Уралъ и въ Сибирь, предпринятаго по приглашенію и на средства русскаго правительства, но на русскій языкъ оно тогда переведено не было. И только тридцать лѣтъ тому назадъ переводъ «Центральной Азіи» сдѣланъ былъ докторомъ П. И. Бородзичемъ, но изданіе его не было осуществлено. Послѣ смерти г. Бородзича рукопись попала къ С. И. Шанину, который, изъ уваженія къ памяти переводчика, рѣшилъ издать его работу. Редакцію перевода принялъ на себя проф. Д. Н. Анучинъ. Въ концѣ прошлаго года вышелъ, наконецъ, 1-й томъ «Центральной Азіи». Проф. Д. Н. Анучинъ предпослалъ книгѣ вступительную статью въ 225 стр., которая вышла отдѣльнымъ изданіемъ.

Статья проф. Д. Н. Анучина открывается обзоромъ путешествія Гумбольдта въ Америку, характеристикой его трудовъ, явившихся результатомъ этого путешествія; не забыты и другія работы Гумбольдта, которыя изложены въ связи съ общей характеристикой Гумбольда, какъ изслѣдователя.

Описанію его путешествія по Россіи—на Уралъ,Алтай и къ Каспійскому морю—посвящена глава третья, самая обширная (21—177 стр.) и наиболѣе интересная.

Передъ читателемъ проходятъ картины снаряженія экспедиціи, условія, въ которыхъ пришлось путешествовать «знатнымъ иностранцамъ», отношенія къ нимъ двора, правительственныхъ круговъ, ученыхъ и высшихъ слоевъ русскаго общества. На этой канвѣ постепенно вырисовывается блестящая показная внѣшность столичной жизни и печальная картина темной, забитой, убогой остальной Россіи. Получается яркая, глубоко поучительная картина, изображающая русскую жизнь въ административномъ, общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Не меньшее значеніе эта глава имѣетъ и для исторіи развитія научныхъ знаній въ Россіи въ эпоху Николая I. Передъ читателемъ проходитъ рядъ именъ ученыхъ, въ рукахъ которыхъ находилась русская наука во времена Гумбольдта, членовъ Академіи Наукъ, Московскаго Университета, Московскаго О-ва Испытателей Природы, при чемъ авторомъ приведены всюду рѣчи и доклады, произнесенные и прочитанные въ присутствіи Гумбольдтъ.

Въ послѣдней—четвертой главѣ проф. Д. Н. Анучинъ дѣлаетъ анализъ добытыхъ Гумбольдтомъ научныхъ матерьяловъ и даетъ оцѣнку его выводовъ.

Нельзя не привѣствовать выпускъ «Вступительной статьи» проф. Д. Н. Анучина отдѣльной книгой. Теперь ее прочтутъ не

только спеціалисты-географы, но и вообще интересующіеся исторіей развитія научныхъ знаній и картиной общественныхъ условій въ эпоху Николая I. *А. Колмогоровъ.*

Я. Яницкій. Экономическій кризисъ въ Новгородской области XVI вѣка (по писцовымъ книгамъ). (Сборники студенческаго ист.-этн. кружка при Имп. Унив. св. Владиміра, вып. IV-й). Кіевъ 1915 г. VIII+133 стр. текста+10 таблицъ «подсчетовъ»+235 стр. табличныхъ приложеній.

Задача, какую ставитъ себѣ г. Яницкій, ясна изъ самаго заглавія его книги. Авторъ хочетъ «поставить на разрѣшеніе вопросъ объ экономическомъ кризисѣ XVI вѣка» (7); иначе сказать—дать, прежде всего, количественную характеристику кризиса, какъ онъ рисуется изъ сопоставленія данныхъ переписей XVI вѣка, и разобраться въ вопросѣ о его причинахъ. Основнымъ матеріаломъ для главной—большей по объему и, конечно, наиболѣе цѣнной части работы г. Яницкаго являются, такимъ образомъ, писцовыя книги, начиная съ 1495—1505 и кончая 1582—84 гг.; вполнѣ самостоятельно имъ обработаны книги послѣдняго по времени писцоваго счета, для остальныхъ же переписей авторъ исходилъ не изъ самихъ писцовыхъ книгъ, а изъ табличныхъ подсчетовъ г. Гнѣвушева. Г. Яницкій не игнорируетъ, конечно, тѣхъ сомнѣній, какія высказывались въ исторической литературѣ относительно степени достовѣрности данныхъ писцоваго счета, но совершенно справедливо полагаетъ, что намѣренныя и ненамѣренныя его погрѣшности не устраняютъ возможности и необходимости пользоваться писцовыми книгами; что, въ частности, «писцовыя книги рисуютъ кризисъ земледѣльческаго хозяйства чрезвычайно выпукло и ярко», и что «въ этомъ отношеніи едва ли какой-либо другой матеріалъ можетъ быть поставленъ на одну доску съ ними». «Пусть писцы ошибаются—поясняетъ онъ свою мысль,—но все же ошибка ихъ не пойдетъ дальше 4—5%. Какъ незначительна такая ошибка въ сравненіи съ общимъ фономъ полнаго запустѣнія и развала хозяйства» (5). Правъ ли г. Яницкій, принимая вѣроятныя ошибки писцовъ всего въ 4—5%,—я затруднился бы сказать; я думаю, что размахъ возможныхъ ошибокъ былъ во много разъ больше. Но это не мѣняетъ существа дѣла: статистическою методологіею твердо установлено то положеніе, что даже и страдающіе существенными дефектами, сами въ себѣ, ряды цифръ могутъ быть вполнѣ пригодны для сопоставленій,—что цифры, обладающія не высокою степенью достовѣрности, могутъ, однако, достаточно близко къ дѣйствительности изображать различія въ пространствѣ и измѣненія во времени.

Суть выводовъ г. Яницкаго сводится къ тому, что перепись 1495—1505 г. застала Новгородскую область въ состояніи полнаго процвѣтанія, даже (какъ, на мой взглядъ, безъ достаточнаго основанія, полагаетъ г. Яницкій) прогресса (19); что «къ годамъ благополучія народной сельско-хозяйственной дѣятельности» относятся и данныя книги 1551 года (23). Годъ слѣдующаго письма, 1564, уже «несомнѣнно годъ кризиса, если не развившагося во всю, то во всякомъ случаѣ уже начавшагося», и, значитъ, «кризисъ, очевидно, началъ развиваться въ промежуткѣ между двумя датами: 1551 и 1564 гг.» (35). 1571 и 1573 года—уже года вполнѣ развившагося кризиса—однако еще не «высшаго напряженія» его,—какимъ «являются 80-е годы» (35—36): «громадное количество пустошей, еще болѣе пустыхъ поселеній и почти полное отсутствіе противуположныхъ, незначительный процентъ починковъ, высокій процентъ пустыхъ дворовъ, громадное количество дворовой пустоты.., ничтожное количество «живущей» пашни и незначительная дворовая запашка»,—въ конечномъ итогѣ «полный упадокъ и развалъ земледѣльческаго хозяйства, который достигъ своего апогея именно въ это время» (97).

Съ положеніями заключительной части работы г. Яницкаго, посвященной вопросу о причинахъ кризиса, едва ли можно во всѣхъ пунктахъ согласиться. Г. Яницкій, конечно, правъ, когда подчеркиваетъ, что опричнина Грознаго не была первою причиной запустѣнія,—запустѣніе началось раньше, и опричнина только усилила его (111). Но онъ едва ли правъ, когда низводитъ на второстепенное мѣсто значеніе широкаго распространенія помѣстнаго и монастырскаго землевладѣнія (119); конечно, это обстоятельство не было *единственною* причиною кризиса, который, въ самомъ дѣлѣ, охватилъ и земли другихъ категорій владѣнія; но оно не было и столь второстепенною причиной, какъ кажется г. Яницкому,—доказательствомъ является сравнительно благополучное состояніе Обонежской пятины и въ частности ея черныхъ волостей. Едва ли правильно онъ совершенно отрицаетъ всякое значеніе того, что онъ называетъ «колонизаціоннымъ факторомъ», иначе сказать—«склонности къ броженію врозь» (113); думаю, что такая неустойчивость хозяйства, слабость связи крестьянина съ землей есть неизбѣжный спутникъ тѣхъ первобытныхъ способовъ эксплоатаціи земли, какіе въ то время, во всякомъ случаѣ, были широко распространены, въ особенности, на новгородскомъ сѣверѣ. Съ другой стороны, г. Яницкій едва ли не преувеличиваетъ значенія «въ высшей степени неблагопріятныхъ для земледѣлія» почвы и климата Новгородской области (125). Изъ послѣднихъ страницъ работы г. Яницкаго

видно, впрочемъ, что рѣшающаго значенія особенностямъ мѣстной природы не придаетъ и онъ: такими рѣшающими моментами онъ считаетъ, съ одной стороны, рѣзкое повышеніе и переводъ на деньги владѣльческихъ оброковъ (127—128), съ другой,и главнымъ образомъ,—то самое обстоятельство, въ которомъ можно видѣть и коренную причину политическаго упадка великаго Новгорода—упадокъ ганзейской, а съ нею и новгородской торговли, благодаря которому крестьянинъ лишился рынка для сбыта продуктовъ своей какъ земледѣльческой, такъ и промысловой дѣятельности (129—131). Это объясненіе мнѣ кажется въ значительной мѣрѣ правдоподобнымъ.

Работа г. Яницкаго зиждется цѣликомъ на цифрахъ. Можно ли, спрашивается, признать ее работою *статистическаго* характера? По моему убѣжденію—нѣтъ, и г. Яницкій, повидимому, и не претендуетъ на это: онъ нигдѣ не называетъ своей работы статистическою, а свои табличныя приложенія называетъ просто «подсчетами». И въ самомъ дѣлѣ, въ работѣ г. Яницкаго совершенно нѣтъ того, что составляетъ характерную особенность статистической работы: нѣтъ *статистическаго анализа*; нѣтъ даже попытки въ самихъ цифрахъ найти объясненія тѣмъ фактамъ, которые находятъ себѣ выраженіе въ этихъ цифрахъ. У него есть только *цифровое изображеніе* фактовъ, объясненіе которыхъ ищется совершенно иными, не-статистическими путями. Въ одномъ только случаѣ можно усмотрѣть нѣкоторый подходъ къ статистическому анализу: это именно на стр. 94—95, гдѣ г. Яницкій выясняетъ географію кризиса на основаніи подсчитанныхъ по погостамъ данныхъ переписи 30-хъ г.г. о «живущей» пашнѣ. Онъ это дѣлаетъ вполнѣ удачно и получаетъ вполнѣ опредѣленный и весьма правдоподобный выводъ, что интенсивность кризиса росла съ удаленіемъ отъ Новгорода и большихъ рѣкъ; но къ сожалѣнію дѣлаетъ это именно въ одномъ только случаѣ, и то лишь по отношенію къ одной пятинѣ—Водской. Во всемъ остальномъ изложеніи онъ оперируетъ только съ цѣлыми пятинами и видами владѣнія, а помѣщенные въ приложеніи подсчеты по погостамъ оставляетъ совершенно неиспользованными въ текстѣ. Въ противность категорически высказанному г. Яницкимъ мнѣнію (94), я, на основаніи опыта моихъ и проведенныхъ подъ моимъ руководствомъ работъ, полагаю, что даже карта Неволина, при всей своей грубости и схематичности, совершенно достаточна для того, чтобы прослѣдить географію погостовъ, а съ ними и признаковъ, характеризующихъ состояніе землевладѣнія и хозяйства. А затѣмъ—подсчитанныя по погостамъ цифры можно было и слѣдовало использовать еще и тѣмъ пріемомъ, который

въ статистической методологіи извѣстенъ подъ названіемъ статистико-географическаго.

Мнѣ могутъ сказать: г. Яницкій и не задавался цѣлью дать *статистическую* работу, а потому, отъ него нечего и требовать статистическаго анализа. Но если даже и стать на такую, на мой взглядъ едва ли правильную, точку зрѣнія, все же я скажу, что г. Яницкому, даже и въ поставленныхъ имъ себѣ рамкахъ, все же пригодилось бы нѣкоторое знакомство съ выработанными статистикой пріемами обработки и принципами использованія цифръ. Такое знакомство избавило бы его отъ такихъ,—нѣсколько наивныхъ способовъ группировки цифръ (по *буквальному тексту* записей писца), какія мы встрѣчаемъ, напримѣръ, на стр. 102—107, въ подсчетѣ данныхъ обыскныхъ книгъ; при такомъ знакомствѣ ему не нужны были бы разсужденія по поводу среднихъ, выведенныхъ изъ ... *одного* случая (83), и онъ зналъ бы, что округленныя показанія относительно времени запустѣнія отнюдь не въ такой мѣрѣ, какъ ему представляется (111), не пригодны для пользованія. А затѣмъ—нельзя не отмѣтить и того, что г. Яницкій слишкомъ мало считается съ указаніями какъ статистической, такъ даже и чисто исторической критики относительно существа нѣкоторыхъ изъ тѣхъ понятій и величинъ, съ которыми ему приходится оперировать. Едва ли онъ имѣлъ право принимать въ основу своихъ разсчетовъ, хотя бы даже съ оговорками, совершенно неправдоподобную среднюю населенность двора въ 8 душъ, когда самъ А. М. Гнѣвушевъ, предложившій ее въ одной изъ своихъ работъ, въ другой понижаетъ ее до шести душъ (75); едва ли допустимо, послѣ соображеній, высказанныхъ еще И. Н. Миклашевскимъ и развитыхъ пишущимъ эти строки въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана, безъ всякихъ оговорокъ утраивать даваемыя писцомъ для «одного поля» цифры пашни (81).

Я позволю себѣ, закончить настоящую замѣтку пожеланіемъ, чтобы г. Яницкій не побоялся той не слишкомъ большой затраты времени и труда, какая потребовалась бы для того, чтобы усвоить себѣ существенные принципы и пріемы статистическаго метода. Я думаю, что этимъ способомъ онъ значительно повысилъ бы свои немалые шансы стать хорошимъ работникомъ въ области хозяйственной исторіи. *А. Кауфманъ.*

Письма и бумаги Суворова. Томъ первый. Письма 1764—1781 г.г. Объяснилъ и примѣчаніями снабдилъ В. Алексѣевъ. Петроградъ, 1916, стр. XIV+462, цѣна 5 р. 50 к.

Покойный А. Ѳ. Петрушевскій въ своемъ «Краткомъ обзорѣ Суворовской литературы по 1903 г.» (Спб. 1903 г., стр. 204—

206 и 222), говоря о работахъ В. Алексѣева, указалъ, что «В. Алексѣевъ—знатокъ своего дѣла, относится къ нему чрезвычайно добросовѣстно, исправляетъ неправильное чтеніе документовъ въ нашихъ историческихъ сборникахъ и мастерски раскрываетъ собственныя имена, скрытыя подъ иниціалами;... такую дешифровку причудливо своеобразныхъ и непроницаемо-туманныхъ Суворовскихъ писемъ, какъ у В. Алексѣева, можно встрѣтить не часто».

Этотъ отзывъ одного изъ авторитетнѣйшихъ біографовъ А. В. Суворова можетъ быть въ полной мѣрѣ отнесенъ и къ разсматриваемой нами книгѣ. В. Алексѣевъ задумалъ издать съ комментаріями всѣ дошедшія до нашего времени письма А. В. Суворова, списывая ихъ съ подлинниковъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ—съ литографій.

Начинается I томъ труда г. Алексѣева автобіографіей Суворова отъ 28 октября 1790 г. Затѣмъ помѣщено 116 писемъ Суворова къ разнымъ лицамъ, при чемъ 54 опубликованы г. Алексѣевымъ впервые (въ томъ числѣ 30 писемъ были уже ранѣе напечатаны имъ же въ повременныхъ изданіяхъ), а остальныя хотя и были опубликованы, но печатались съ неточныхъ копій или были настолько плохо прочитаны, что въ толкованіи г. Алексѣева получаютъ совершенно иной смыслъ.

Автобіографія 1790 г. такъ же, какъ и болѣе ранняя собственноручная записка Суворова, приложенная имъ въ 1786 г. къ прошенію о внесеніи его въ родословную книгу дворянъ Московской губерніи, несвободна отъ пристрастія и искаженія фактовъ. Но все же въ главныхъ чертахъ автобіографія заслуживаетъ довѣрія и является весьма цѣннымъ матеріаломъ для установленія хронологіи отдѣльныхъ событій.

Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ г. Алексѣевымъ писемъ къ эпохѣ первой польской войны (1769—71 г.г.) относятся 23 письма къ командовавшему русскими войсками въ Польшѣ генералъ-поручику И. И. фонъ-Веймарну. Въ письмахъ этихъ Суворовъ, относившійся къ Веймарну всегда съ большимъ уваженіемъ и называвшій его своимъ вторымъ отцомъ, даетъ подробный отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ своего отряда, сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о численности и расположеніи войскъ конфедератовъ, излагаетъ планы задуманныхъ имъ движеній. Характерными являются постоянныя жалобы Суворова на то, что у него въ распоряженіи мало войскъ, что другимъ частнымъ начальникамъ, младшимъ его по чину, предоставлена большая самостоятельность, что Веймарнъ недостаточно цѣнитъ его заслуги и покровительствуетъ бездарному Древицу. Суворовъ неоднократно про-

ситъ похлопотать о переводѣ его въ дѣйствовавшую противъ турокъ армію, куда соглашался ѣхать даже курьеромъ. Къ эпохѣ I-й турецкой войны (1773—74 г.) относятся между прочимъ 22 письма къ гр. И. П. Салтыкову, командовавшему 2-й дивизіей, въ составѣ которой служилъ въ Молдавіи Суворовъ. Въ письмахъ къ гр. И. П. Салтыкову, относящихся ко времени операціи подъ Туртукаемъ, Суворовъ подробно излагаетъ свои распоряженія, обсуждаетъ планы и предпріятія начальниковъ сосѣднихъ отрядовъ, жалуется на неспособность и трусость нѣкоторыхъ изъ своихъ офицеровъ, досадуетъ на то, что ему не даютъ самостоятельности и соотвѣтствующаго его чину отряда, проситъ (въ письмѣ отъ 13 мая 1773 г.) представить его къ Георгію 2 класса, вполнѣ заслуженному, по его мнѣнію, побѣдою подъ Туртукаемъ; особенно обидѣло Суворова подчиненіе его въ 1774 г. равному съ нимъ въ чинѣ Г. А. Потемкину. Обращаетъ на себя вниманіе подчеркнутая почтительность, постоянныя поздравленія съ побѣдами и увѣреніе въ своей преданности гр. И. П. Салтыкову, котораго заглазно Суворовъ величалъ «Ивашкой,не знающимъ ни практики, ни тактики». Слѣдующая группа писемъ относится ко времени командованія Суворовымъ войсками, расположенными въ Крыму и на Кубани (1778—79 гг.). Въ трехъ письмахъ къ своему повѣренному Канищеву (1779 г.) Суворовъ дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія по управленію имѣніями и даетъ указаніе относительно начатаго имъ съ своей женой Варварой Ивановной бракоразводнаго процесса.—Послѣдняя группа писемъ относится ко времени пребыванія Суворова въ Астрахани (1780—81 г.г.), гдѣ онъ командовалъ войсками. Одно изъ этихъ писемъ (1780 года), И. А. Алексѣеву, заключаетъ увѣдомленіе о примиреніи Суворова съ своею женой, остальныя писаны къ П. И. Турчанинову, которому Суворовъ повѣряетъ всѣ свои горести какъ семейныя, такъ и служебныя; нѣкоторыя изъ этихъ писемъ представляютъ собою цѣлые дневники, въ которыхъ Суворовъ сообщаетъ астраханскія новости, повидимому, съ заднею мыслью довести ихъ до свѣдѣнія Потемкина; особенно интересны письма, въ которыхъ Суворовъ высказываетъ свои взгляды на жизненныя отношенія, перечисляетъ свои заслуги по водвореніи порядка въ Крыму и на Кубани, жалуется на то, что его недостаточно цѣнятъ и награждаютъ, съ негодованіемъ опровергаетъ пущенный кѣмъ-то слухъ о полученіи имъ отъ крымскаго хана цѣнныхъ подарковъ. Въ общемъ значительное большинство напечатанныхъ г. Алексѣевымъ писемъ Суворова настолько характерны и важны для обрисовки его личности, что книга г. Алексѣева должна стать однимъ изъ необходимыхъ пособій для всякаго, кто займется изученіемъ

какого-либо вопроса, относящагося къ дѣятельности Суворова до 1781 г.

Текстъ автобіографіи и писемъ Суворова г. Алексѣевъ снабдилъ множествомъ подстрочныхъ выноскокъ и отдѣльными (въ концѣ книги) примѣчаніями. Въ подстрочныхъ выноскахъ приведены подробнѣйшія библіографическія справки о каждомъ изъ помѣщенныхъ въ книгѣ документовъ, указаны всѣ варіанты чтенія Суворовскаго текста въ ранѣе напечатанныхъ письмахъ, а также особенности орѳографіи Суворова, данъ переводъ нѣмецкихъ и французскихъ писемъ и встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ письмахъ отдѣльныхъ фразъ на иностранныхъ языкахъ и, наконецъ, приведены объясненія непонятныхъ словъ и выраженій и толкованіе неяснаго смысла отдѣльныхъ частей нѣкоторыхъ писемъ. Объясненія отдѣльныхъ выраженій своеобразнаго Суворовскаго языка, иногда заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ, иногда сочиненныхъ самимъ Суворовымъ, было бы удобнѣе свести въ особый алфавитный указатель. Объясненіе г. Алексѣевымъ нѣкоторыхъ выраженій едва ли можно признать правильнымъ, такъ «шармицель» (стр. 7, 39) и «шармицированіе» (стр. 23) значитъ не «стычка», а «перестрѣлка»; въ объясненіе словъ Суворова, что «всѣ наряды и высылки чинятся отъ земскихъ комиссаровъ» въ выноскѣ (стр. 72) указано, что наряды — дисциплинарное взысканіе, назначеніе не въ очередь на службу, тогда какъ Суворовъ, несомнѣнно говоритъ не о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, а о нарядахъ мѣстныхъ жителей для обслуживанія нуждъ арміи; по поводу указанія Суворова, что конфедераты «на порядочныя выправы не имѣютъ силъ», отмѣчено (стр. 74), что «выправа» неупотребительная форма слова «выправка»—стойка и движеніе солдата по выучкѣ, тогда какъ Суворовъ, очевидно, употребилъ польское слово «wyprawa» въ смыслѣ предпріятія; выраженіе «пануетъ въ своихъ деревняхъ» объяснено (стр. 74) въ смыслѣ «живетъ бариномъ, роскошно, выше средствъ», а между тѣмъ въ словѣ «пануетъ», т.-е. «распоряжается» нѣтъ никакихъ указаній на жизнь выше средствъ; точно такъ же въ объясненіе словъ Суворова, что конфедераты «нынѣ всѣ невѣроятно рекрутируются», указано (стр 74), что для нихъ насильно вербуются рекруты, хотя никакихъ данныхъ для заключенія о насильственной, а не добровольной вербовкѣ въ письмахъ Суворова не имѣется; по поводу упоминанія Суворова о томъ, что для дѣйствій противъ турокъ надо быть хорошимъ партизаномъ, г. Алексѣевъ указываетъ (стр. 91), что здѣсь «партизанъ» значитъ «наѣздникъ», тогда какъ Суворовъ, говоря о дѣйствіяхъ на противоположномъ берегу р. Дуная, очевидно, подъ партизанами понималъ вообще

развѣдчиковъ, и при томъ скорѣе пѣшихъ, чѣмъ конныхъ. Весьма спорною является и принятая г. Алексѣевымъ транскрипція нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: польскій конфедератъ Оржешко именуется «руссифицированной» фамиліей Орѣшко, польское мѣстечко Stęzyca названо Стенчица, а не Стенжица, молдавскія села Негаешти, Обилешти и др. почему то названы Негоещь, Обилещь. Не всегда можно согласиться и съ толкованіемъ г. Алексѣевымъ отдѣльныхъ, не вполнѣ понятныхъ, мѣстъ въ нѣкоторыхъ письмахъ Суворова.—Нѣкоторыя темныя мѣста оставлены безъ всякихъ попытокъ къ разъясненію. Наоборотъ, въ цѣломъ рядѣ выносокъ г. Алексѣевъ увлекается совершенно излишними подробностями въ своихъ объясненіяхъ.

Изъ помѣщенныхъ вслѣдъ за письмами примѣчаній большая половина содержитъ біографическія свѣдѣнія о родныхъ и предкахъ Суворова, а также о всѣхъ почти лицахъ, упоминающихся въ его письмахъ, нѣкоторая же часть примѣчаній заключаетъ географическія свѣдѣнія о населенныхъ пунктахъ, рѣкахъ, урочищахъ и т. п. Многія примѣчанія біографическаго характера настолько обстоятельны и подробны, что ихъ можно назвать монографіями, въ которыхъ г. Алексѣевъ, пользуясь новѣйшими историческими изысканіями, нерѣдко дѣлаетъ самостоятельные выводы.

Съ внѣшней стороны книга издана очень хорошо. Цѣна, принимая во вниманіе объемъ книги и теперешнюю дороговизну бумаги,—не высока.

А. С. Лыкошинъ.

Н. Новомбергскій. Вымученныя кабалы въ московской Руси 17 столѣтія. Петроградъ, 1915 г. Стр. 108.

Небольшая книжка г. Новомбергскаго проливаетъ новый свѣтъ на исторію холопства въ 17 вѣкѣ. Невыясненность въ историко-юридической литературѣ вопроса о кабальномъ холопствѣ заставила г. Новомбергскаго въ первой части его очерка дать детальный юридическоій анализъ всѣхъ указовъ 17 в. о холопахъ и статей уложенія 1649 г., прежде чѣмъ перейти къ настоящей темѣ очерка. «Вымученныхъ холоповъ» г. Новомбергскій ставитъ въ новую, пятую очередь на ряду съ полными, докладными, кабальными и добровольными холопами 17 вѣка. Вымученное холопство имѣетъ, разумѣется, много общихъ чертъ съ названными выше видами холопства, но въ основѣ происхожденія его всегда лежитъ элементъ насильственнаго захвата, принужденія. Эта черта, выдѣляющая данную категорію холоповъ изъ ряда другихъ, выводитъ г. Новомбергскаго за предѣлы юридическаго

анализа. Вторая часть его работы—анализъ архивнаго матеріала, 150 дѣлъ о вынужденномъ холопствѣ,—анализъ, не столько обрисовывающій юридическую природу холопства, сколько вводящій насъ въ жизненную, бытовую обстановку происхожденія его. Наблюденія г. Новомбергскаго заставляютъ признать, что холопы 17 вѣка почерпались въ большомъ количествѣ изъ разряда «вольныхъ людей», что потребность въ рабочихъ рукахъ вызывала настоящую погоню за вольными людьми, «охоту на вольнаго человѣка», по выраженію автора. И, дѣйствительно, передъ нами проходитъ рядъ людей, схваченныхъ при наѣздахъ на дворы съ боемъ и грабежомъ, захваченныхъ въ пути на дорогѣ и потомъ закованныхъ въ желѣза и подвергнутыхъ пыткамъ, цѣль которыхъ вымучить кабальную запись у попавшейся въ руки жертвы. Закабаливались люди приставшіе пожить на время, излавливались и истязались при попыткѣ бѣжать. Особо выдѣлены г. Новомбергскимъ насилія воеводъ и приказныхъ. Такое невольное холопство въ разныхъ случаяхъ простиралось отъ нѣсколькихъ недѣль до 20—25 лѣтъ, и холопство фактическое легко переходило въ холопство юридическое. Таблица, составленная г. Новомбергскимъ, показываетъ намъ тѣ общественные элементы, изъ которыхъ набирались «вымученники»; наибольшій процентъ ихъ падаетъ на военно-служилыхъ людей (рейтары, солдаты, пушкари и т. п.), казаковъ, сыновей боярскихъ и иноземцевъ. Изученный матеріалъ заставляетъ г. Новомбегрскаго признать, что «вымученное холопство» имѣло большое значеніе въ развитіи крѣпостныхъ отношеній въ 17 вѣкѣ.

Вл. Сыроѣчковскій.

И. А. Слоновъ. Изъ жизни торговой Москвы (Полвѣка назадъ). Москва 1914 г. Стр. 247. Цѣна 1 р.

Нынѣ крупный коммерсантъ съ Никольской улицы въ Москвѣ, а нѣкогда сынъ бѣднаго мѣщанина, бѣгавшій по грязнымъ переулкамъ на окраинѣ Коломны, г. Слоновъ вздумалъ на склонѣ дней своихъ написать воспоминанія. Получилась книга, составленная не безъ излишней словоохотливости, не на всѣхъ страницахъ носящая печать «литературности» и вкуса, но все же написанная живо и не безынтересная по тому бытовому матеріалу, который въ ней собранъ. Вѣдь воспоминанія изъ купеческой жизни рѣдки, и старую *торговую* Москву, не въ примѣръ Москвѣ *старо-дворянской*, мы все еще знаемъ больше по Островскому, чѣмъ по мемуарамъ. А книга г. Слонова на ряду съ картинками общаго московскаго быта 70-хъ—80-хъ годовъ прошлаго вѣка, главнымъ образомъ, даетъ именно разсказы о старомъ Китай-городѣ: Ильинка, Ни-

кольская, Зарядье, «Толкучка» и прежде всего Гостиный дворъ, его нравы и бытъ—вотъ главныя ея темы. Типы купцовъ, приказчиковъ и покупателей, торговые пріемы и уловки, жизнь «мальчиковъ»; домашній обиходъ купеческой семьи, свахи, свадьбы; торжественные архіерейскіе молебны въ рядахъ, купеческіе кутежи и тяжелое пьянство въ «Бубновской дырѣ» (т.-е. въ подвалѣ трактира Бубнова); Коммерческій судъ, «аблакаты отъ Иверской», «Яма»—все это проходитъ передъ читателемъ въ вереницѣ живо разсказанныхъ анекдотовъ. Въ итогѣ намѣчается довольно цѣльная картина быта, такого еще недавняго, и такъ рѣшительно уже отодвинутаго ходомъ жизни въ пережитое прошлое: вѣдь отъ этой недалекой старины въ современной Московской жизни уцѣлѣли развѣ лишь быстро исчезающіе обломки. На смѣну былой дворянской и старо-купеческой Москвы въ послѣднія десятилѣтія пришла и развернулась Москва новокапиталистическая.

Судьба поставила г. Слонова какъ разъ на смѣнѣ этихъ двухъ эпохъ московской торговой жизни; онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію московскихъ коммерсантовъ, которому довелось первымъ выходить на новые пути и лично продѣлать переходъ отъ полуазіатской торговой старины къ новымъ европейскимъ формамъ торговли и быта. Въ этомъ отношеніи и самъ авторъ мемуаровъ, поскольку онъ въ нихъ обрисовывается, представляетъ фигуру, не лишенную интереса.

Послѣ смерти отца четырнадцатилѣтній Слоновъ попалъ мальчикомъ въ башмачную лавку купца Заборова въ московскихъ рядахъ. Пройдя черезъ подзатыльники и бѣготню на посылкахъ, онъ скоро выдвинулся, какъ искусный продавецъ, умѣвшій угодить покупателямъ. Черезъ три года онъ уже стоялъ довѣреннымъ на отчетѣ во главѣ новаго магазина своего хозяина. Продолжая свою карьеру, сдѣлавшись приказчикомъ, Слоновъ, однако, тяготился и родомъ торговли своего хозяина, и зависимымъ положеніемъ; онъ мечталъ о собственномъ дѣлѣ, притомъ болѣе чистомъ, чѣмъ сапожное; да и къ жизни его тянуло другой, болѣе интересной и культурной чѣмъ та, какая его окружала; онъ любилъ, напр., театръ, особенно оперу.

Послѣ смерти Заборова Слоновъ снялъ у его наслѣдниковъ въ аренду ихъ лавку, а въ 1879 г., продавъ лавку компаньону, открылъ магазинъ золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ и художественныхъ вещей. И тутъ-то, достигнувъ завѣтной цѣли, Слоновъ, воспитанный и взращенный старою торговою Москвою, рѣшительно поворачиваетъ на новый путь, и съ первыхъ же шаговъ ставитъ свое «солидное» дѣло совсѣмъ не по-старомосковски. Онъ начинаетъ поѣздкою по Италіи, Франціи, Англіи и Германіи

гдѣ *изучаетъ* «новое дѣло, какъ съ художественной, такъ и съ промышленной стороны». Такъ изученіе становится на мѣсто опыта и мудрости отцовъ, и результаты, которые, не безъ удовлетворенія человѣка, считающаго себя творцомъ собственнаго благополучія, формулируетъ самъ г. Слоновъ, были таковы: «Вернувшись изъ-за границы въ Москву съ новыми познаніями, я приложилъ ихъ къ своему дѣлу и энергично повелъ его. Послѣ этого прошло 10 лѣтъ. Въ теченіе этого времени я сумѣлъ превратиться изъ бѣдняка въ богатаго коммерсанта и московскаго домовладѣльца, а изъ коломенскаго мѣщанина—въ потомственнаго почетнаго гражданина». Теперь г. Слоновъ могъ уже путешествовать не только по торговымъ надобностямъ, но и для удовольствія и изъ любознательности. Онъ объѣхалъ всю Европу, былъ въ Азіи, Африкѣ,Америкѣ,совершилъ кругосвѣтное путешествіе и о своихъ странствованіяхъ написалъ двѣ книги. И эта подвижность, и эта любознательность, и это тяготѣніе къ писательству—совсѣмъ не старомосковскія черты и какъ нельзя болѣе далеки отъ уклада той московской старины, грубую, но здоровую, по его мнѣнію, простоту, которой такъ любитъ г. Слоновъ противопоставлять въ своихъ воспоминаніяхъ сложности и болѣзненнымъ накипямъ современной столичной жизни.

Б. Сыропѣчковскій.

А. Погодинъ, проф. Харьковскаго университета. Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Изданіе Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. М. 1915 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Согласно замыслу проф. Погодина, новая работа его должна дать русскому обществу цѣльный очеркъ исторіи польскаго народа въ Австріи, Пруссіи и, главнымъ образомъ, въ Россіи, отъ третьяго раздѣла Польши до нашихъ дней. «Книга—читаемъ въ предисловіи—не представляетъ глубокаго изслѣдованія по первоисточникамъ и архивнымъ матеріаламъ, хотя авторъ и старался использовать доступную ему печатную литературу».—Если «исторію польскаго народа» ввести, какъ это сдѣлалъ безъ всякихъ оговорокъ проф. Погодинъ, преимущественно къ политической сторонѣ ея—и экономическая, и культурная, и бытовая жизнь поляковъ въ XIX в. находятъ для себя въ разбираемой книгѣ совершенно недостаточное освѣщеніе,—то надо признать, что въ руки русскаго читателя дается въ этихъ предѣлахъ въ общемъ вполнѣ надежный матеріалъ. Обиліе библіографическихъ примѣчаній дѣлаетъ разбираемую работу полезной и для лицъ, болѣе серіозно интересующихся польской исторіей. Съ особеннымъ интересомъ читаются страницы, посвященныя

обрусительной политикѣ въ Царствѣ Польскомъ, которая доходила до такихъ крайностей, какъ введеніе въ варшавскомъ училищѣ для глухонѣмыхъ преподаванія на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего «глухонѣмые поляки, научившись азбучной рѣчи, не могли объясняться со своими родными».—Ограниченный размѣръ книги (297 стр. in 8°) вынудилъ, очевидно, автора придать своему изложенію нѣсколько конспективный характеръ и пожертвовать столь существенными явленіями польской исторіи XIX в., какъ возстанія 1831 и 1863 г.г. По словамъ проф. Погодина, «ему казалось болѣе важнымъ представить ту общественную среду и ту политическую обстановку, въ которой были возможны и неизбѣжны возстанія, нежели сосредоточиваться на внѣшнемъ ходѣ событій». Но въ дѣйствительности отсутствіе въ книгѣ изображенія тѣхъ внутреннихъ условій, которыя вызвали революціонныя движенія и обусловили ихъ неудачи, нельзя не считать весьма важнымъ пробѣломъ книги. Вопреки процитированному выше заявленію проф. Погодина, даже тѣ немногочисленныя страницы его работы, которыя отведены имъ для исторіи возстаній, посвящены скорѣе изображенію именно «внѣшняго хода событій» (по генер. А. К. Пузыревскому и столь мутному источнику, какъ капитанъ Гескетъ; новымъ большимъ трудомъ Грабца «Rok 1863» проф. Погодинъ совершенно не пользуется и даже не указываетъ его въ библіографическихъ примѣчаніяхъ), чѣмъ внутренняго состоянія Польши въ ту или другую эпоху и тѣхъ соціальныхъ противорѣчій, которыя оказывали вліяніе на исходъ возстаній. Читатель проф. Погодина остается въ невѣдѣніи относительно настроенія повстанческихъ армій и всей страны; ему неясно, какіе классы населенія участвовали въ движеніяхъ и какъ относились къ лозунгамъ революціи крестьяне, на которыхъ еще въ 1794 г. строилъ свои планы Костюшко. Изъ двухъ фразъ, брошенныхъ авторомъ по этому поводу: «крестьянство (въ 1831 г.) не поддержало повстанцевъ» (стр. 141) и «крестьяне (въ 1863 г.) мало довѣряли повстанцамъ, въ которыхъ видѣли тѣхъ же господъ» (стр. 207),—первая невѣрна по существу, особенно для начальной стадіи возстанія 1831 г., когда крестьяне охотно собирались подъ національныя знамена, а вторая настоятельно нуждается въ комментаріяхъ. Говоря о событіяхъ, предшествовавшихъ взрыву возстанія 1863 года, проф. Погодинъ упоминаетъ даже о «нереальномъ, романтическомъ настроеніи польской мысли того времени», но онъ игнорируетъ такіе реальные факторы, какъ неразрѣшенный крестьянскій и рабочій вопросъ, значительный наплывъ въ города деревенскаго пролетаріата, не

находившаго на мѣстахъ примѣненія своимъ силамъ, несоотвѣтствіе между предложеніемъ труда и спросомъ на него въ виду слабаго развитія молодой польской промышленности, недовольство низшихъ слоевъ городского населенія, рабочаго и ремесленнаго класса, искавшаго выхода изъ своего тяжелаго экономическаго положенія, и т. п. По нашему разумѣнію, эти, именно, явленія должны бы входить въ составъ той исторической обстановки, въ которой возникло послѣднее польское возстаніе и которая, вопреки обѣщанію автора, не находитъ себѣ освѣщенія въ его трудѣ. Мы бы сказали, что проф. Погодинъ, обойдя молчаніемъ внутреннюю сторону и внутренній смыслъ польскихъ возстаній, изъялъ въ значительной степени изъ своей «исторіи польскаго народа» главную сущность этой исторіи, главный нервъ польской жизни XIX вѣка вплоть до 1864 г.—Въ частности, мы не можемъ признать основательнымъ пренебрежительный отзывъ проф. Погодина о послѣднемъ диктаторѣ возстанія 63 г. Ромуальдѣ Траугутѣ. По мнѣнію проф. Погодина, всѣ права Траугута на диктатуру «сводились, кажется, лишь къ тому, что онъ былъ женатъ на внучкѣ Тадеуша Костюшки». При желаніи можно найти помимо родственныхъ связей и историческихъ воспоминаній еще другія побужденія для предложенія кружкомъ кн. Владислава Чарторыскаго этому горячему патріоту отвѣтственнаго диктаторскаго поста. Такими побужденіями могли являться: бывшая служба Траугута, отставного полковника русскихъ саперныхъ войскъ, въ русскомъ генеральномъ штабѣ, его широкія свѣдѣнія въ области военнаго искусства, участіе въ крымской кампаніи, заслуги, оказанныя во время самаго возстанія въ качествѣ начальника отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ сѣверозападномъ краѣ, наконецъ, его энергія, предпріимчивость, организаторскіе таланты и преданность польскому дѣлу. Далѣе мы полагаемъ, что говоря о благодѣтельности реформы 19 февр. 1864 г. и характеризуя ее, какъ событіе, «которымъ русское правительство... могло гордиться, противопоставляя демократическія русскія стремленія узко-классовымъ шляхетскимъ»,—можно было бы упомянуть, что реформа эта разрѣшила крестьянскій вопросъ только на ближайшее время и вскорѣ вызвала, вслѣдствіе крайней недостаточности земельныхъ надѣловъ, пролетаризацію деревенскаго населенія. Мы не стали бы также вслѣдъ за авторомъ «Исторіи польскаго народа» утверждать, что благодаря манифесту 17 окт. 1905 г. «поляки пріобрѣли возможность легальной и открытой борьбы за свои національныя права». Проф. Погодинъ вообще съ большимъ оптимизмомъ взираетъ на будущее Польши; онъ пишетъ свою книгу «съ глубокой вѣрой въ великое прекрас-

ное развитіе» поляковъ и заключаетъ изложеніе судебъ Царства Польскаго ссылкой на «рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ въ Государственной Думѣ» (19 іюля 1915 г.), назвавшаго польскій народъ «рыцарски-благороднымъ и братски-вѣрнымъ» и обѣщавшаго ему автономію.

И. Рябининъ.

Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Ашукинъ. Издательство К. Ф. Некрасова. М. 1916. II+309 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Въ прошломъ году въ «Голосѣ Минувшаго» (№ 2, стр. 284—288) мнѣ приходилось отмѣчать новѣйшія работы по Некрасову,— въ связи съ книгой В. Евгеньева, изданной К. Ф. Некрасовымъ, племянникомъ поэта. Теперь тѣмъ же издателемъ выпущена въ свѣтъ новая книга, которая займетъ видное мѣсто въ исторіи изученій Некрасова. Въ ней впервые напечатано 47 писемъ самого Николая Алексѣевича къ отцу, брату и другимъ родственникамъ (1861—1877) и 168 писемъ къ Некрасову отъ отца, брата, сестры и многихъ литературныхъ знакомыхъ. Среди корреспондентовъ Некрасова видимъ Гаевскаго, Григоровича, Дружинина, Кавелина, Каткова, Краевскаго, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Островскаго, Писемскаго, Плещеева, Пыпина, Салтыкова, Л. Н. Толстого, Фета. Въ приложеніяхъ еще даны письма Плетнева къ Панаеву и Некрасову, договоръ съ редакціей «Современника» Григоровича, письмо М. В. Авдѣева къ И. И. Панаеву и цѣлая серія писемъ сестры поэта, А. А. Буткевичъ, къ брату Ѳ. А. Некрасову. Какъ всегда, эпистолярные матеріалы и въ этомъ сборникѣ раскрываютъ много интимныхъ чертъ личности и жизни авторовъ писемъ. Много здѣсь интереснаго и въ письмахъ самого Некрасова, хотя надо сказать, что эта ихъ группа не изъ самыхъ содержательныхъ (ср., напр., его письма къ Тургеневу, въ книгѣ А. Н. Пыпина). Симпатичными чертами рисуется въ перепискѣ сестра поэта, Анна Алексѣевна, его постоянная печальница. Еще болѣе цѣненъ сборникъ для характеристики многихъ корреспондентовъ Некрасова. Очень обильны письма отъ отца (12 писемъ), Островскаго (8 писемъ), Салтыкова (15) и Л. Н. Толстого (17). Особенно интересны письма Толстого; они писаны въ 1852—1857 г.г., т.-е. въ ранній періодъ литературной дѣятельности великаго писателя. Переписка открывается письмомъ, написаннымъ чужой рукой и подписаннымъ буквами Л. Н. Авторъ посылаетъ въ редакцію «Современника» рукопись «Дѣтства» и странно неувѣренъ въ себѣ: «я впередъ соглашаюсь на всѣ сокращенія»; «ежели бы можно было найдти хорошаго писца тамъ,

гдѣ я живу, то рукопись была бы переписана лучше, и я бы не боялся за лишнее предубѣжденіе, которое вы теперь непремѣнно получите противъ нея»; «я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего приговора. Онъ или поощритъ меня къ продолженію любимыхъ занятій или заставитъ сжечь все начатое». И въ дальнѣйшихъ письмахъ много авторской скромности, уваженія и симпатіи къ Некрасову, и особой прямоты и правдивости, характерной для Толстого. Цѣнны здѣсь и многія сужденія молодого писателя—литературныя и политическія.

Не беремся исчерпать всего содержанія сборника. Любителямъ историческаго чтенія слѣдуетъ самимъ перечесть книгу, а историки литературы и общественности не разъ обратятся къ ней за документальными данными. Что касается редакціонной части, то она была поручена молодому поэту Н. Ашукину, новичку въ такой работѣ. Трудно судить о точности воспроизведенія автографовъ (издательство почему-то поскупилось на снимки съ писемъ, давши всего только одинъ). Видимо, редакторъ старался удовлетворить этому требованію, но дѣло не обошлось безъ ошибокъ. Въ письмѣ № 42 напечатано: «позднѣе», а въ приложенномъ снимкѣ читается: «поздно». Письмо Л. Н. Толстого (№ 168) отнесено къ 1883 г. (!) и помѣщено послѣ писемъ 1858 г., и только въ примѣчаніяхъ и Ашукинъ замѣтилъ этотъ грубый анахронизмъ (письмо въ дѣйствительности датировано 1853 г.). На письмѣ № 115 подпись въ торопяхъ прочитана: А. Маяковъ, а слѣдуетъ: А. Михайловъ. Примѣчанія же къ письмамъ слишкомъ скудны. Комментаторъ или не располагаетъ достаточными свѣдѣніями, или былъ слишкомъ стѣсненъ издательствомъ въ объемѣ примѣчаній. Въ десяткахъ случаевъ г. Ашукинъ оставляетъ читателя недоумѣвать, не приходя къ нему на помощь. Вотъ два-три примѣра. Въ письмѣ А. Н. Пыпина № 138 авторъ глухо упоминаетъ свои статьи о Щаповѣ и Галаховѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ»; статьи эти не указаны въ извѣстномъ «Спискѣ трудовъ академика А. Н. Пыпина», составленномъ Я. Л. Барсковымъ (СПБ., 1903), и г. Ашукинъ не даетъ себѣ труда справиться, въ какомъ году онѣ въ журналѣ напечатаны,—а этимъ опредѣлилось бы и время написанія письма, годомъ не датированнаго, и доля литературнаго наслѣдія академика Пыпина, теперь безвѣстная. Въ письмѣ № 173 Л. Н. Толстой пишетъ: «Вчера прочелъ, какъ меня обругали въ П. В. и подѣломъ. Скажите мнѣ пожалуйста откровенно мнѣніе Друж. и Аннен. Какъ они съ вами говорили про эту статейку?» Любопытный литературный эпизодъ, но редакторъ ни однимъ словомъ его не разъясняетъ. Въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Толстого слѣдо-

вало бы указать, что въ печати имѣется еще одно—большое и важное—письмо его къ Некрасову, отъ 2 іюля 1856 г., гдѣ характерны его сужденія о Чернышевскомъ и Бѣлинскомъ (см. «Современникъ» 1913, № 1, стр. 239—241). На стр. 216 Некрасовъ говоритъ о «новомъ поэтѣ»; это—Новый поэтъ, псевдонимъ И. И. Тонаева. Такихъ пропусковъ и недомолвокъ очень много.

Въ предисловіи отъ издателя разсказано, какъ «часть карабихинскаго архива страннымъ образомъ сохранилась въ подвалѣ дома среди мусора и пыли, гдѣ она пролежала около 25 лѣтъ». А въ этой «увѣсистой пачкѣ» были «черновыя тетради поэта, письма, рукописи»! Въ настоящемъ изданіи напечатано далеко не все, что оказалось въ архивѣ. «Если позволятъ обстоятельства, пишетъ издатель,—мы не ограничимся этимъ первымъ томомъ, архива и выпустимъ второй, въ который войдутъ нѣкоторыя неизданныя произведенія Н. А. въ стихахъ и прозѣ, а также довольно многочисленныя варіанты уже извѣстныхъ произведеній». Будемъ надѣяться, что второй томъ некрасовскаго архива не замедлитъ появиться. Для научнаго изученія Некрасова все еще мало собрано документовъ. И если мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго собранія сочиненій поэта, будемъ ждать хотя бы неизданныхъ произведеній и варіантовъ.

Въ книгѣ нѣсколько портретовъ и видовъ села Карабихи.

Н. Пиксановъ.

Стихотворенія Аполлона Григорьева. Подъ редакціей А. Блока. 1916. М. Издательство К. Ф. Некрасова. Ц. 3 р. 50 к.

Извѣстный критикъ Аполлонъ Григорьевъ мало извѣстенъ, какъ стихотворецъ. Стихотворенія его были изданы въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности, въ 1846 г., въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Книжка эта давно стала библіографической рѣдкостью. Многочисленныя стихотворенія А. Григорьева, написанныя имъ послѣ 1846 г., остались разсѣянными по журналамъ. Вновь вышедшее собраніе его стиховъ въ издательствѣ К. Ф. Некрасова стремится быть полнымъ.

Оцѣнка Аполлона Григорьева, какъ стихотворца, до сихъ поръ не можетъ считаться установленной, хотя бы приблизительно. Большинство критиковъ, начиная съ Бѣлинскаго и кончая г. Айхенвальдомъ, совсѣмъ отрицаютъ въ немъ поэтическій даръ. Наоборотъ, редакторъ разбираемой нами книги, самъ поэтъ, видитъ въ А. Григорьевѣ черты «сильнаго лирическаго поэта».

Какъ бы ни рѣшался вопросъ о поэтическомъ дарованіи А. Григорьева, необходимо отмѣтить, что долгое время очень популярные

и теперь еще не забытые романсы («Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ», «Твои движенья гибкія»), это положенныя на голосъ стихотворенія А. Григорьева, а среди малоизвѣстныхъ его стихотвореній, главнымъ образомъ—среди написанныхъ послѣ 1846 г., есть нѣсколько прекрасныхъ; и хотя въ другихъ «много дыма и чада», но сказаннаго, думается, намъ достаточно, чтобы признать за вышедшей книгой право на вниманіе со стороны любителей поэзіи.

Еще болѣе должна заинтересовать она историковъ литературы; но руководящая статья, написанная г. А. Блокомъ, «Судьба А. Григорьева», ихъ не удовлетворитъ; болѣе того,—она написана какъ бы съ явной цѣлью вызвать среди нихъ бурю негодованія. Въ выборѣ фактовъ царитъ въ статьѣ лирическій безпорядокъ, вѣрнѣе—безпорядочность. Почему-то указанъ годъ знакомства А. Григорьева съ Тертіемъ Филипповымъ, а другіе не менѣе важные факты хронологически не обозначаются; сообщается, что въ 1846 г. какой-то неизвѣстный написалъ А. Григорьеву посланіе въ стихахъ, что не имѣло, въ сущности, никакого значенія, но нигдѣ въ книгѣ, ни въ статьѣ, ни въ примѣчаніяхъ, читатель не найдетъ указанія ни года рожденія, ни года смерти А. Григорьева.

Мѣстами авторъ, впадая въ тонъ библейскаго пророка, мечетъ громы и молніи противъ русской интеллигенціи и ея прошлаго въ лицѣ Бѣлинскаго, Добролюбова и т. д. или обращается къ современникамъ съ грозными увѣщаніями на тему: одумайтесь, пока не поздно. Приведя нѣсколько цитатъ изъ писемъ А. Григорьева, онъ замѣчаетъ, что эти отрывки «не говорятъ, а вопіютъ... время услышать ихъ, понять... Живыхъ не слышите, можетъ быть, мертвыхъ послушаете». Въ стихахъ А. Григорьева онъ находитъ «опредѣленное утвержденіе связи съ возлюбленной въ вѣчности», «ощущеніе близости хаоса» и «слова о великой радости». Несомнѣнно, что авторъ «Стиховъ о прекрасной дамѣ» и «Нечаянной радости» нашелъ въ А. Григорьевѣ много для себя родственнаго, но желаніе его представить читателямъ своего любимца нашимъ современникомъ врядъ ли найдетъ у читателей откликъ, когда они обратятся къ самымъ стихамъ А. Григорьева; утвержденіе же автора статьи, что А. Григорьевъ—«единственный мостъ, перекинутый къ намъ отъ Грибоѣдова и Пушкина», поражаетъ своею необоснованностью.

Многое можно было бы возразить г. А. Блоку и съ принципіальной и съ чисто фактической стороны. Такъ, напр., напрасно упрекаетъ онъ огульно всю русскую критику XIX в. за равнодушіе къ этому поэтическому таланту: укажемъ, напр., на Вале-

ріана Майкова, который признавалъ А. Григорьева «замѣчательнымъ поэтомъ». Но намъ думается, что статья г. А. Блока, какъ слишкомъ субъективная, вообще не подлежитъ серьезной историко-литературной оцѣнкѣ. Подобныя статьи болѣе выясняютъ взгляды и психологію самого пишущаго, чѣмъ того лица, о которомъ въ нихъ идетъ рѣчь. Мнѣніе поэта о поэтѣ всегда интересно: читатель въ правѣ ожидать тутъ болѣе интимнаго подхода къ тайнамъ поэтическаго творчества, чѣмъ можетъ это сдѣлать самый добросовѣстный и кропотливый изслѣдователь, но, къ сожалѣнію, авторъ статьи ограничился тутъ нѣсколькими замѣчаніями, заявивъ, что не его дѣло раскрывать профессіональныя тайны художниковъ. Интересующіеся г. Блокомъ, какъ поэтомъ, прочтутъ, конечно, со вниманіемъ и его статью, но пониманіе г. А. Григорьева, мало подвигается ею впередъ. «Не критикъ, потому что художникъ», говоритъ г. А. Блокъ про А. Григорьева, и невольно эти слова примѣняешь и къ самому г. А. Блоку.

Разсказъ его объ А. Григорьевѣ не лишенъ яркости и колоритности, но выпады его противъ русской интеллигенціи являются совершенно неумѣстными, а задорно полемическій тонъ статьи производитъ опредѣленно непріятное впечатлѣніе. «Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?» — хочется напомнить г. А. Блоку.

Ив. Розановъ.

Д. Дарскій. Маленькія трагедіи Пушкина. 1915. Стр. 72, ц. 75 к.

Подъ вліяніемъ ли постановки въ Художественномъ театрѣ, или подъ дѣйствіемъ другихъ причинъ, маленькія трагедіи Пушкина всплыли теперь на поверхность и стали предметомъ многихъ статей. То новое освѣщеніе, которое сообщаютъ теперь геніальнымъ созданіямъ Пушкина, заключается въ стремленіи объяснить ихъ субъективными мотивами. Въ связи съ этимъ падаетъ старое толкованіе.

Послѣ Бѣлинскаго установился взглядъ, что маленькія трагедіи представляютъ собою опыты психологическаго изображенія различныхъ человѣческихъ страстей. Иначе и не могъ ставить вопроса Бѣлинскій,—въ его время еще не настала пора проникновенія въ психологію творчества Пушкина. Но Бѣлинскій чувствовалъ недостаточность своего объясненія или невозможность толкованія маленькихъ трагедій безъ связи съ остальнымъ творчествомъ поэта. Поэтому онъ и поражался «случайностью» сюжетовъ Пушкина: онъ зналъ, что поэтъ не можетъ, ни съ того, ни съ сего, сѣсть за письменный столъ, съ мыслью: «дай ка, изображу то-то или то-то».

Прошло болѣе полувѣка, и проф. Овсянико-Куликовскій,

не сходя съ точки зрѣнія Бѣлинскаго, но уже не поражаясь «случайностью» сюжета, а мирясь съ нею, какъ съ фактомъ, отнесъ маленькія трагедія въ рубрику объективнаго творчества и этимъ порѣшилъ всѣ сомнѣнія. Пушкину вдругъ захотѣлось дать поэтическій анализъ разныхъ страстей,—и онъ далъ. Проф. Овсянико-Куликовскій объяснилъ эти страсти,— но не объяснилъ маленькихъ трагедій Пушкина; остановился, между прочимъ, на монологѣ Скупого Рыцаря, а 1-ая и 3-ья сцена совершенно ему не понадобились.

Ю. И. Айхенвальдъ сознательно разсматриваетъ каждое поэтическое произведеніе, какъ отдѣльный міръ; противъ этого можно спорить, но нельзя отрицать, что критикъ при этомъ такъ толкуетъ художественное произведеніе, что каждая черточка его становится необходимой въ отношеніи къ цѣлому, и произведеніе оказывается, дѣйствительно, истолкованнымъ въ себѣ.

Параллельно этому шли единичныя попытки объяснить маленькія трагедіи біографически, что приводило иногда къ рискованнымъ догадкамъ, не имѣющимъ общаго интереса.

Передъ современной критикой встали, такимъ образомъ, двѣ задачи: во-первыхъ, психологически объяснить появленіе маленькихъ трагедій; во-вторыхъ, дать ихъ философское толкованіе. Одна изъ попытокъ, обнимающихъ эти двѣ задачи—книга г. Дарскаго. Для автора маленькія трагедіи Пушкина есть выраженіе того душевнаго перелома, который испытывалъ поэтъ, прощаясь съ молодостью и готовясь вступить въ бракъ, и который заключается въ окончательной раздѣлкѣ съ «бѣсами», одолѣвавшими его молодость,—съ искушеніями и страстями. (Въ введеніи авторъ съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ и предыдущія произведенія Пушкина). Одинъ изъ этихъ бѣсовъ—тотъ демонъ, котораго самъ поэтъ назвалъ воплощеннымъ сомнѣніемъ; изъ послѣдняго логическимъ выводомъ является бунтъ, самоволіе, богоборчество; другой—демонъ власти, полной «дерзости ужасной», являвшійся поэту въ образахъ Наполеона, Мазепы, Самозванца. Чтобы окончательно справиться съ этими демонами, поэтъ облекаетъ ихъ въ царственные и соблазнительные образы барона, Донъ-Жуана, Сальери и Предсѣдателя. Въ баронѣ—существенна не скупость, а стремленіе къ власти надъ міромъ, которой онъ потенціально и достигаетъ; въ Сальери—не зависть, а бунтъ противъ міровой несправедливости; въ Донъ-Жуанѣ—не «донжуанство», а вызовъ смерти... Но эти гордыя стремленія оказываются несостоятельными: баронъ, столь царственный въ своемъ подвалѣ, оказывается въ сценѣ съ герцогомъ жалкимъ лжецомъ, рабомъ феодальныхъ отношеній; Сальери съ его гордымъ индивидуализмомъ не выдер-

живаетъ своего бунта, теряетъ почву подъ ногами; Донъ-Жуанъ чувствуетъ пожатье каменной десницы; Предсѣдатель не въ силахъ отторгнуться отъ неба, потому что этимъ самымъ онъ отторгается отъ любящей Матильды и обрекаетъ себя на невыносимое одиночество, какъ и Сальери... Такова постановка вопроса у г. Дарскаго, соединяющаго съ новизной мысли и синтезъ того, что было уже сказано. Связывая маленькія трагедіи съ мотивами другихъ произведеній Пушкина, не обособляя ихъ, какъ это дѣлалось донынѣ, авторъ попутно намѣчаетъ и нити, связывающія Пушкина съ Достоевскимъ, какъ пѣвцомъ богоборчества. Кромѣ извѣстнаго сопоставленія идей «Подростка» съ идеями «Скупого Рыцаря», дано интересное сопоставленіе сна Самозванца въ «Борисѣ Годуновѣ» съ кошмаромъ Раскольникова въ квартирѣ убитой, и сцены безумія Маріи въ «Полтавѣ» со сценой изъ «Бѣсовъ» между Ставрогинымъ и его негласной женой.

Влад. Фишеръ.

М. Зайдманъ. Ѳ. М. Достоевскій въ западной литературѣ. Характеристика творчества и личности писателя въ западной критической и научной литературѣ. Изданіе 2-е. Одесса, 1915 г., 127 стр., ц. 75 к.

Интересъ на Западѣ къ русской литературѣ съ каждымъ годомъ повышается. Количество иностранныхъ трудовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ русскимъ писателямъ, и притомъ трудовъ первостепеннаго научнаго значенія, все болѣе и болѣе растетъ. Ихъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ указываетъ авторъ во введеніи къ своей книжкѣ. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи должна быть поставлена французская литература, за очень короткій промежутокъ времени давшая рядъ такихъ серьезныхъ монографій, какъ книги Дюшена о Лермонтовѣ, Лиронделля объ Алексѣѣ Толстомъ и о вліяніи Шекспира на русскую литературу, Патуйе объ Островскомъ и о русскомъ театрѣ до Островскаго, Мазона о Гончаровѣ, Лежэ о Гоголѣ. Большинство этихъ работъ оставляютъ позади все, что написано на эту тему на русскомъ языкѣ. Въ самое послѣднее время въ Гельсингфорсѣ появилась на нѣмецкомъ языкѣ большая книга Салонена, посвященная изученію пейзажа въ произведеніяхъ Тургенева, и въ Оксфордѣ—роскошное изданіе «Слова о полку Игоревѣ» Магнуса.

Но Достоевскому въ иностранной научной литературѣ не особенно повезло. Какъ видно изъ работы г. Зайдмана, не только солиднаго научнаго изслѣдованія не вызвало его творчество на Западѣ (исключеніе составляетъ, до извѣстной степени, трудъ

г-жи Гофманъ—біографія Д-каго), но и сколько-нибудь замѣчательныхъ критическихъ статей о его произведеніяхъ мы тамъ не находимъ: всѣ онѣ, въ общей массѣ, стоятъ много ниже того, что мы имѣемъ въ русской литературѣ. Собственно говоря, только «Преступленіе и наказаніе» и отчасти «Записки изъ мертваго дома» были высоко оцѣнены западной критикой, что же касается «Идіота», «Бѣсовъ» и «Братьевъ Карамазовыхъ», то они просто-на-просто не были поняты большинствомъ иностранныхъ критиковъ, видѣвшихъ во всемъ томъ, что написано Достоевскимъ послѣ «Преступленія и наказанія», доказательство упадка его творческаго таланта. Въ «Бѣсахъ», напримѣръ, западные критики заинтересовались больше всего разъясненіемъ нигилистическаго и революціоннаго движенія, изображеннаго въ романѣ; фигура князя Мышкина въ «Идіотѣ» понята ими была лишь поверхностно, а относительно «Братьевъ Карамазовыхъ» даже одинъ изъ наиболѣе тонкихъ западныхъ цѣнителей Достоевскаго—Вогюэ—заявилъ, что «по общему признанію (?), очень мало русскихъ имѣло мужество прочесть до конца эту безконечную исторію». Впрочемъ, тотъ же Вогюэ находитъ, что единственная мысль, которая послужила мотивомъ преступленія Раскольникова, была слѣдующая: «Интеллигентный человѣкъ, который владѣлъ бы имуществомъ старухи-ростовщицы, могъ бы достигнуть всего; для этого достаточно было бы убить эту безполезную и вредную старуху». Этическая и философская сторона романа какъ для Вогюэ, такъ и для прочихъ критиковъ, французскихъ и нѣмецкихъ, видимо, оказалась не вполнѣ доступной. Такое оригинальное и глубокое произведеніе Достоевскаго, какъ «Записки изъ подполья», очевидно, совсѣмъ не обратили вниманія въ западной нитературѣ: по крайней мѣрѣ, изъ работы г. Зайдмана мы ничего объ этомъ не узнаемъ. Врядъ ли поэтому можно согласиться съ мыслью автора, будто «необходимо признать довольно значительную цѣнность за иностранными изслѣдованіями творчества и жизни нашего писателя». Цѣнность этихъ изслѣдованій въ общемъ невелика, и это тѣмъ болѣе странно, что изъ всѣхъ русскихъ писателей Достоевскій, безспорно, оказалъ наибольшее вліяніе на иностранную литературу. Къ сожалѣнію, въ книжкѣ г. Зайдмана, мы совсѣмъ почти не находимъ конкретныхъ указаній на это вліяніе. Впрочемъ, не находимъ мы въ ней и кое-чего другого, что желательно было бы видѣть въ книжкѣ. Даже французская и нѣмецкая литература о Достоевскомъ не исчерпана авторомъ достаточно полно (пропущены статья Леметра, переведенная даже на русскій языкъ, книга Брюкнера «Geschichte der Russischen Litteratur», Leipzig, 1905, въ которой 25 страницъ отведены

Достоевскому и др.). Что же касается англійской и итальянской литературы, не говоря уже о другихъ, второстепенныхъ, то она совершенно не привлечена къ работѣ и даже о существованіи ея не говорится въ книжкѣ ни слова. Можно подумать, что ея и нѣтъ. А между тѣмъ свѣдѣнія о ней, вплоть до 1906 г., авторъ могъ бы почерпнуть въ «Библіографическомъ указателѣ сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Ѳ. М. Достоевскаго» (Спб., 1906), составленномъ женой писателя А. Достоевской. Отсюда авторъ могъ бы также извлечь свѣдѣнія о переводахъ произведеній Достоевскаго на иностранные языки. Хотя бы бѣглое указаніе на то, гдѣ, когда и какія произведенія Достоевскаго переводились за границей, конечно, не было бы лишнимъ въ работѣ, посвященной вопросу о Достоевскомъ въ западной литературѣ.

Н. Гудзій.

Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи. Составили члены Московской Діалектологической Комиссіи Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ. М. 1916. Ц. 1 р. 20 к.

Русская діалектологія наука молодая. Но, тѣмъ не менѣе, трудами отдѣльныхъ ученыхъ, научныхъ обществъ и помощью мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ (въ особенности народныхъ учителей) она къ настоящему моменту располагаетъ значительнымъ сырымъ діалектологическимъ матеріаломъ. Такъ что является необходимая потребность въ новыхъ [1]) попыткахъ его систематизаціи и научнаго освѣщенія. Одновременно съ возрастаніемъ діалектологическихъ свѣдѣній русская діалектологія все больше и больше завоевываетъ себѣ права гражданства въ средѣ чисто историческихъ дисциплинъ. Талантливыя, прокладывающія новые пути, работы виднѣйшаго современнаго знатока русскаго языка академика А. А. Шахматова, направленныя въ область исторической діалектологіи, несомнѣнно приковываютъ къ себѣ вниманіе не только языковѣда, но и историка русскаго народа и государства. Вопросы первоначальнаго разселенія восточныхъ славянскихъ племенъ, ихъ колонизаціонныхъ перемѣщеній, образованія изъ нихъ цѣлыхъ народностей находятъ себѣ интересное, а часто единственно возможное, объясненіе въ историко-лингвистическихъ и діалектологическихъ разысканіяхъ почтеннаго ученаго. Назовемъ его извѣстную статью «Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей» (Спб. 1899),

[1]) Изъ прежнихъ ср. во многомъ уже устарѣвшій «Опытъ русской діалектологіи» академика А. И. Соболевскаго. 1897 г.

краткій, но содержательный, очеркъ «Русскій языкъ» въ словарѣ Брокгауза и Ефрона, завлекательное по широтѣ захвата «введеніе» къ монументальному очерку древнѣйшаго періода русскаго языка (Петроградъ 1915 г.), статьи о первоначальномъ поселеніи вятичей, о древнихъ ляшскихъ поселеніяхъ на русской территоріи и многія другія его работы.

Важность подобныхъ изслѣдованій для исторіи русскаго народа стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Къ даннымъ діалектологіи прибѣгали историки даже въ прежнее время, но слабость тогдашней научной разработки этого предмета и отсутствіе спеціальныхъ познаній у самихъ историковъ часто лишали ихъ діалектологическіе аргументы убѣдительной силы. Такъ мало обоснованными съ современной научной точки зрѣнія являются діалектологическія разсужденія такого знаменитаго ученаго, какъ покойный В. О. Ключевскій (Курсъ русской исторіи. 1, 363—367).

Но не одинъ историкъ ищетъ себѣ необходимыхъ свѣдѣній въ діалектологіи. Съ ней стремятся завязать тѣсныя сношенія и другія сродныя дисциплины: *этнографія* (напр. недавно появившееся интересное, хотя и отпугивающее неспеціалиста своимъ заглавіемъ, изслѣдованіе Д. К. Зеленина, счастливо сочетавшаго въ себѣ искуснаго языковѣда и этнографа, «Великорусскіе говоры, съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задненебныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи». СПБ. 1913 г.), *археологія* (ср. напр. статью В. А. Городцова—«Древнее населеніе рязанской области» 1910 г.), *антропологія* (ср. изслѣдованіе Е. М. Чепурковскаго—«Географическое распространеніе формы головы и цвѣтности крестьянскаго населенія, преимущественно Великороссіи, въ связи съ колонизаціей ея славянами» 1913). Все это не можетъ не говорить, что для русской діалектологіи предстоитъ еще плодотворная и много обѣщающая будущность.

Тѣмъ съ большей готовностью мы должны привѣтствовать появленіе доступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безупречныхъ научныхъ трудовъ въ области діалектологіи, знакомящихъ широкій кругъ не-спеціалистовъ съ добытыми результатами этой, подъ-часъ сухой и не для всякаго привлекательной, науки. Къ числу такихъ трудовъ должна быть отнесена недавно вышедшая русская діалектологическая карта, изданная Московской Діалектологической Комиссіей, состоящей при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Карта явилась плодомъ энергичной и многолѣтней дѣятельности этой Комиссіи и непосредственно составлена тремя ея виднѣйшими членами, уже основательно

зарекомендовавшими себя своею научною дѣятельностью, авторитетными знатоками исторіи русскаго языка и его діалектологіи—приватъ-доцентами Московскаго Университета Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовымъ и Д. Н. Ушаковымъ. Карта взята въ 100 верстномъ масштабѣ, на ней точно, поскольку могутъ это дать всѣ извѣстные къ настоящему времени діалектологическіе матеріалы, нанесены границы четырехъ крупнѣйшихъ нарѣчій: сѣверовеликорусскаго, южно-великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго; въ предѣлахъ каждаго нарѣчія проведены границы между болѣе мелкими діалектическими группами, а также очерчены предѣлы, такъ называемыхъ, «переходныхъ» говоровъ. Территоріи нарѣчій окрашены въ разные цвѣта, а переходные говоры выдѣлены цвѣтной штриховкой. Уже одна карта, сама по себѣ, способна дать яркое представленіе о распредѣленіи современныхъ русскихъ говоровъ, но ея составители еще болѣе повысили ея цѣнность, приложивъ къ ней умѣло и доступно составленный очеркъ русской діалектологіи. Въ немъ передаются съ богатымъ количествомъ примѣровъ главныя особенности каждаго нарѣчія и говора и подробно обрисовываются ихъ границы. Всѣ обширныя и цѣнныя для спеціалиста научныя «примѣчанія» выдѣлены особо въ концѣ очерка, придавая ему обстоятельность и точность, но и не мѣшая пользованію очеркомъ для широкой публики.

Объ одномъ слѣдуетъ пожалѣть, что на картѣ русской діалектологіи отсутствуютъ названія нерусскихъ племенъ какъ сосѣднихъ, такъ и входящихъ внутрь русскихъ нарѣчій. Но, какъ заявляютъ составители карты, это плодъ печальнаго недоразумѣнія, да и происшедшаго не по ихъ винѣ.

Будемъ думать, что діалектологическая карта найдетъ себѣ мѣсто и въ кабинетѣ ученаго, и въ аудиторіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній, и въ классахъ средней школы, какъ пособіе при занятіяхъ не только языкознаніемъ, но и исторіей.

Борисъ Соколовъ.

Jethro Bithell.—Contemporary Belgian Literature.—Fisher Unwin, Londrn 1915.

За послѣдніе годы до настоящей войны въ иностранной критикѣ былъ замѣтенъ большой интересъ къ современной бельгійской литературѣ; среди иностранныхъ новинокъ можно было всегда встрѣтить одну или двѣ книги, посвященныя бельгійской литературѣ или какому-нибудь ея представителю: Верхарену, Метерлинку или Роденбаху. И въ то время, какъ въ самой Бельгіи появилось очень небольшое количество книгъ по критикѣ, появились нѣмецкія, англійскія, итальянскія, французскія и голланд-

скія изслѣдованія, посвященныя современной бельгійской литературѣ. Настоящая война 1914—1915 г. еще болѣе усилила этотъ интересъ въ иностранной критикѣ; во Франціи, Англіи и Италіи появились книги, авторы которыхъ знакомили своихъ соотечественниковъ съ интеллектуальнымъ міромъ ихъ доблестной, маленькой союзницы.

Въ Англіи, еще до войны, изъ белгійскихъ современныхъ писателей большой популярностью пользовался только одинъ Морисъ Метерлинкъ; можно было бы перечислить цѣлый рядъ обстоятельныхъ трудовъ о Метерлинкѣ, слава котораго соперничала въ Лондонѣ съ славою Льва Толстого. Напротивъ, переводовъ на англійскій языкъ бельгійскихъ авторовъ было до войны немного: драмы Верхарена и нѣкоторыя изъ его стихотвореній были переведены въ 1899 г., романы Ж. Роденбаха въ 1903 г., кое-что изъ Лемонье въ 1911 г., не считая, разумѣется, М. Метерлинка, который переведенъ весь цѣликомъ и выдержалъ нѣсколько изданій. Послѣ объявленія войны и послѣ геройскаго сопротивленія Бельгіи германскимъ полчищамъ, интересъ ко всему бельгійскому усилился въ Англіи, и мы находимъ цѣлый рядъ журнальныхъ статей и книгъ, знакомящихъ англичанъ съ нравами бельгійцевъ, исторіей и литературой ихъ страны.

Книга J. Bithell'я, виднаго журналиста въ Лондонѣ, даетъ обширный матеріалъ по бельгійской литературѣ для всѣхъ тѣхъ читателей, которые, кромѣ Метерлинка, никого не читали изъ бельгійскихъ писателей. Bithell, несомнѣнно, прекрасно знаетъ то, о чемъ пишетъ; еще въ 1911 г., живя временно въ Брюсселѣ, онъ заинтересовался бельгійской поэзіей, перевелъ очень многое и затѣмъ выпустилъ небольшую книжечку своихъ переводовъ съ большой вступительной статьей, въ которой очень предвзято разсматривалъ бельгійскую поэзію. Въ настоящей большой книгѣ, посвященной бельгійской литературѣ вообще, J. Bithell остался такимъ же предвзятымъ критикомъ, иногда нѣсколько подтасовывая факты или умышленно замалчивая что-нибудь. Большимъ достоинствомъ книги все же надо считать то обстоятельство, что авторъ впервые сдѣлалъ попытку слить двѣ, совершенно отдѣльныя въ странѣ, литературы: на французскомъ и на фламандскомъ языкахъ, въ отличіе отъ всѣхъ иностранныхъ изслѣдованій, разсматривавшихъ только одну, французскую, т.-е. тѣхъ бельгійскихъ писателей, которые пользуются французскимъ языкомъ для передачи своихъ мыслей и переживаній.

Авторъ выучился для этого фламандскому языку и теперь готовитъ небольшой томикъ своихъ переводовъ произведеній фламандскихъ поэтовъ. (Contemporary Flemish Poetry). Можно,

конечно, пожалѣть, что авторъ не включилъ въ свою книгу и валлонскую литературу, какъ бы скудна она ни была, но у нея есть интереснѣйшія пьесы для народнаго театра. Правда, отдѣлъ фламандской литературы въ книгѣ Bithell'я не такъ тщательно разработанъ, какъ французскій, о многихъ современныхъ писателяхъ, очень извѣстныхъ уже въ Голландіи, онъ даже не упоминаетъ, но это, разумѣется, его дѣло, его право. Но предвзятая точка зрѣнія автора портитъ ему достоинство его труда: J. Bithell какъ будто признаетъ только красочную, здоровую, иногда слишкомъ натуралистическую, сторону бельгійской литературы: онъ увлекается Экоутомъ, Демольдеромъ, Лемонье и Верхареномъ, т.-е. всѣми тѣми бельгійскими писателями, которые въ своемъ творчествѣ шли отъ такихъ старинныхъ фламандскихъ мастеровъ, какъ Рубенсъ, Тенирсъ, Брейгель. Только все то, что дышетъ здоровьемъ, животнымъ инстинктомъ, нравится автору книги и находитъ у него похвалу. Все же то въ творчествѣ бельгійскихъ писателей, что носитъ на себѣ меланхолическій или мистическій оттѣнокъ, сѣрыя краски и отличается глубиною мысли, т.-е. всѣ тѣ писатели, которые идутъ отъ старинныхъ примитивовъ, Мемлина, Ванъ-деръ-Вейдена, Ванъ-Эйка, совершенно непонятны Bithell'ю, и онъ часто бываетъ къ нимъ несправедливъ и пристрастенъ. Въ первой своей книжечкѣ переводовъ Bithell помѣстилъ 30 переводовъ Э. Верхарена и ни одного перевода Ж. Роденбаха, хотя въ то время Роденбахъ пользовался всемірной извѣстностью и первый прославилъ за предѣлами родины дорогую ему Фландрію. Въ новой своей книгѣ Bithell такъ же несправедливъ къ Роденбаху: онъ умышленно не упоминаетъ перевода его романа на англійскій языкъ въ перечнѣ всѣхъ существующихъ переводовъ. Онъ не говоритъ о многихъ его книгахъ и рядомъ съ переводомъ его стихотворенія сейчасъ же для сравненія помѣщаетъ переводъ изъ Верхарна. Но такое отношеніе автора замѣтно не только къ Роденбаху. Bithell посвящаетъ 10 строкъ очень интересному писателю, Октаву Пироне, философу въ духѣ Паскаля, имѣвшему большое значеніе для тѣхъ писателей, которые группировались возлѣ журнала «La Jeune Belgique».

Характеристика Метерлинка у него очень слаба, и онъ ограничился обстоятельнымъ перечнемъ его произведеній, не дѣлая никакихъ выводовъ и обобщеній. Одного изъ видныхъ бельгійскихъ критиковъ, Дюмонъ-Вильдена, онъ называетъ противникомъ «бельгійской души», что совершенно невѣрно, такъ какъ Д.-Вильденъ, напротивъ, одинъ изъ яркихъ ея поклонниковъ. Онъ очень строго отзывается о поэтѣ В. Жиллѣ, авторѣ несомнѣнно талантливыхъ коротенькихъ лирическихъ вещицъ.

Во фламандской литературѣ Bithell не придаетъ никакого значенія Альбрехту Роденбаху, считающемуся предвозвѣстникомъ того фламандскаго движенія, которое впослѣдствіи вылилось въ ожесточенную борьбу *flamendants* и *fransguillons*, т.-е. приверженцевъ фламандскаго или французскаго языка въ странѣ, вплоть до настоящей войны. Альбрехтъ Роденбахъ сдѣлалъ очень много для фламандцевъ, хотя и умеръ отъ чахотки 24 лѣтъ; онъ оставилъ послѣ себя нѣжныя лирическія стихотворенія, перешедшія въ народъ, и нѣсколько драмъ, изъ которыхъ *Gudrune* не сходила съ репертуара фламандскаго театра. Между тѣмъ Bithell говоритъ о немъ съ пренебреженіемъ и предсказываетъ, что изъ него никогда не вышелъ бы большой поэтъ.

Иногда Bithell просто сообщаетъ невѣрные факты, смѣшиваетъ названія романовъ, утверждаетъ, что первый сборникъ Верхарена *Les Flamanden* провалился подъ громкій свистъ критиковъ. Bithell, вѣроятно, не читалъ появившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ труда молодого бельгійскаго ученаго Ф. Полидермана, въ которомъ было доказано, съ фактами въ рукахъ, сколько дружественныхъ и хвалебныхъ отзывовъ вызвало въ критикѣ появленіе первой книги Верхарена.

Но, несмотря на всѣ эти недочеты, книга Bithell'я представляетъ несомнѣнный интересъ: она написана легкимъ, простымъ языкомъ и вполнѣ доступна для широкой публики. Это не строго научное изслѣдованіе, но скорѣе занимательное мѣстами чтеніе.

Книга эта лишній разъ доказываетъ, что бельгійскій народъ, который всѣ страны до войны считали исключительно промышленнымъ, имѣетъ свою молодую и очень интересную литературу, которая прежде всего старается быть индивидуальной.

Марія Веселовская.

О. Старосельская. Кондорсе какъ соціологъ. М. В. Ж. К. Работы слушательницъ. Историко-философскій факультетъ. Выпускъ I. Москва. 1915. Стр. 125. Цѣна 80 коп.

Небольшая книжка г-жи Старосельской представляетъ собою вполнѣ добросовѣстную характеристику соціологическихъ взглядовъ Кондорсе, сопровождаемую оригинальной ихъ критикой съ точки зрѣнія наиболѣе общихъ выводовъ современной соціологіи и методологіи. Въ противовѣсъ отрицательному отношенію къ Кондорсе, обнаружившемуся послѣднее время у нѣкоторыхъ французскихъ писателей (kobinet, Alb. Mathiez), авторъ горячо отстаиваетъ научное и гуманитарное значеніе его идей и подчеркиваетъ ихъ жизненность какъ для тогдашней современности, такъ и для будущаго. Вслѣдъ за Мишелемъ авторъ считаетъ

Кондорсе прекраснымъ выразителемъ теоріи общественнаго индивидуализма и оправдываетъ его отъ упрековъ въ зависимости отъ классовой психологіи аристократіи, къ которой Кондорсе принадлежалъ по своему рожденію и въ метафизическомъ характерѣ построеній, утверждая, что мысли Кондорсе, несмотря на свой общій теоретическій характеръ, все-таки были основаны на опытѣ и наблюденіи надъ дѣйствительностью. Авторъ подчеркиваетъ также и то, что Кондорсе прекрасно усвоилъ себѣ понятіе закономѣрной эволюціи человѣчества, и то, что онъ признавалъ многообразіе факторовъ человѣческой культуры, протягивая такимъ образомъ нити отъ своей соціологіи къ Гердеру, Сенъ-Симону, Конту, Гиддингсу и Спенсеру.

Книга г-жи Старосельской производитъ благопріятное впечатлѣніе строгой обоснованностью своихъ выводовъ, ихъ текстуальной доказательностью. Она пестритъ цитатами изъ основного источника автора—«Oeuvres» Кондорсе и ссылками на его произведенія. Но построеніе книги намъ кажется слишкомъ теоретическимъ. Связь соціологическихъ взглядовъ Кондорсе съ современной ему дѣйствительностью, которую авторъ усиленно подчеркиваетъ, не достаточно обоснована, не подкрѣплена ссылками на конкретные случаи. Почему у идеалистически настроеннаго философа и политика конца XVIII столѣтія явились такіе соціологическія идеи, какими онѣ были у Кондорсе,—этотъ вопросъ авторъ оставляетъ безъ отвѣта. Между тѣмъ выясненіе генезиса взглядовъ Кондорсе освѣтило бы новымъ свѣтомъ многія ихъ стороны и во многомъ бы облегчило автору его критическую задачу; это, конечно, заставило бы автора и перестроить планъ его работы, но мы думаемъ, что отъ такой перестройки книга не проиграла бы, но выиграла. Это, однако, не отнимаетъ цѣнности отъ книги г-жи Старосельской и въ ея настоящемъ видѣ, и всѣми, интересующимися идеологіей конца XVIII вѣка, она прочтется съ большимъ интересомъ.

В. Перцевъ.

Общая исторія Европейской культуры, т. IV. *Людвигъ Фридлендеръ*. Картины изъ бытовой исторіи Рима, ч. I. Пер. подъ ред. проф. Ѳ. Зѣлинскаго и С. Меликовой. Изд. Брокгаузъ-Эфронъ. Спб. 1914.

Издательство продолжаетъ дарить русскую публику переводами капитальнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій по культурной и соціальной исторіи. Если выборъ для предшествовавшаго тома—раннихъ частей многотомной Исторіи Франціи Э. Лависса и могъ вызывать нѣкоторыя сомнѣнія, то выпускъ на русскомъ языкѣ

знаменитыхъ «Картинъ» Л. Фридлендера долженъ быть принятъ съ восторгомъ и благодарностью. У насъ когда-то существовалъ неполный и плохой переводъ одного изъ первыхъ изданій этого сочиненія (Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms), но и онъ давно сдѣлался библіографической рѣдкостью.

Съ тѣхъ поръ Darstellungen много разъ и существеннымъ образомъ перерабатывались ихъ авторомъ, нынѣ уже умершимъ, и наконецъ въ 1910 г. появились въ восьмомъ «посмертномъ» изданіи, какъ настоящее классическое произведеніе въ своемъ родѣ. Это—поразительная по своей полнотѣ, разносторонности и научной строгости сводка огромнаго литературнаго, эпиграфическаго и изобразительнаго матеріала по культурной исторіи Римской имперіи отъ принципата Октавіана Августа до эпохи Антониновъ. Но особенную цѣнность этотъ огромный трудъ(четыре тома) пріобрѣтаетъ потому, что авторъ избѣжалъ шаблоннаго построенія его въ видѣ схематическихъ и систематическихъ «древностей», а принялъ совершенно своеобразный планъ—крупныхъ помѣстительныхъ и переливающихъ жизненностью и конкретностью разрѣзовъ, дѣйствительно, красочныхъ и убѣдительно-реальныхъ «картинъ». Привычныя, схоластическія схемы разбиты. Глаза читателя не видятъ обычныхъ: эволюціи императорской власти, административнаго, соціальнаго строя и т. д.—и на первое время разбѣгаются, теряются въ неожиданныхъ и новыхъ комбинаціяхъ матеріала. Но стоитъ прочитать одинъ, два очерка, хотя бы первые два: «Городъ Римъ» и «Дворъ», чтобы почувствовать себя сначала словно прогулявшимся по настоящему древнему Риму, а затѣмъ соприкоснувшимся съ дѣйствительными, живыми принцепсами, чиновничествомъ, свитой и придворными завсегдатаями и прихлебателями. Получается впечатлѣніе, какъ отъ художественнаго произведенія—неизмѣримо болѣе сильное и поучительное, чѣмъ отъ натянутыхъ и въ традиціонномъ порядкѣ разставленныхъ формулъ и рубрикъ.

Еще болѣе своеобразно-красочны, и потому внушительны и поучительны дальнѣйшіе разрѣзы: женщины, устройство путей сообщенія, путешествія туристовъ, блещущіе и богатствомъ матеріала и мастерствомъ его размѣщенія. Читатель не найдетъ здѣсь новыхъ построеній, перестанавливающихъ выводовъ: авторъ не поучаетъ, не разсуждаетъ, а разсказываетъ и изображаетъ. «Картины» и не претендовали стать учебной книгой, но онѣ, какъ и предназначалъ ихъ авторъ, сдѣлались давно настольной книгой для всѣхъ, ищущихъ входа въ конкретность античнаго Рима: беллетристовъ, художниковъ, драматурговъ, режиссеровъ и артистовъ. Думается однако, что и при изученіи исторіи Римской им-

періи такого рода пособіе можетъ принести не малую пользу, отрезвляя изучающаго отъ дурмана схемъ и отвлеченій, увлекая его яркостью дѣйствительныхъ фактовъ, заставляющихъ думать и сопоставлять. Переведены «Картины» безукоризненно: иначе и не могло быть подъ редакціей и просмотромъ проф. Ѳ. Зѣлинскаго. Зачѣмъ только редакція (пусть даже оправдываясь цѣлями большей доступности книги) такъ рѣшительно изгнала всѣ экскурсы по спеціальнымъ вопросамъ, стоящіе въ оригиналѣ. Помимо того, что эти экскурсы очень цѣнны и полезны для занимающихся исторіей имперіи, особенно при нашей бѣдности пособіями въ данной области, надо признать, что вообще такія «монументальныя» вещи, какъ картины Фридлендера, цѣлесообразнѣе передавать въ точномъ и нетронуто сохранномъ видѣ. Вѣдь считала же редакція возможнымъ оставить на мѣстѣ весь громоздкій аппаратъ примѣчаній въ другомъ классическомъ трудѣ, который она дала нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Исторіи античнаго коммунизма и соціализма» Р. Пёльманна.

К. Успенскій

Маркъ Аврелій. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ съ греческаго и примѣчанія С. Роговина, вступительный очеркъ С. Котляревскаго. (Памятники міровой литературы, античные писатели, изд. Сабашниковыхъ). Москва 1914 г. Ц. 2 руб.

«Будь подобенъ скалѣ: волны безпрестанно разбиваются о нее, она же стоитъ на мѣстѣ, и вокругъ нея стихаютъ взволнованныя воды». Это вскользь брошенное у Марка Аврелія (IV, 49) замѣчаніе можетъ служить девизомъ не только самого автора, но и всей школы къ которой онъ принадлежалъ. И до сего времени со словомъ «стоицизмъ» тѣсно связано у насъ представленіе о какой-то непоколебимой твердости убѣжденій, способной стоять выше личныхъ страстей и желаній, о геройскомъ самопожертвованіи во имя своей идеи. Запечатлѣнное мученической смертью такихъ личностей, какъ Брутъ, Катонъ Младшій, Ѳрасея Петъ и др., это гордое и величественное ученіе остается послѣднимъ великимъ словомъ угасающаго язычества. Главными представителями стоической школы для насъ являются Сенека, Эпиктетъ и Маркъ Аврелій, если не говорить еще о Цицеронѣ, который лишь отчасти усвоилъ положенія этой школы. При всей глубинѣ и возвышенности своихъ идеаловъ стоицизмъ, въ противоположность ученіямъ другихъ школъ, отличается простотой и удобопонятностью. Философъ въ своей скрытой работѣ прошелъ системы своихъ умозрѣній, подвелъ итоги всему этому и уже безъ философской учености просто и безпритязательно предлагаетъ свои выводы. Такъ цѣлые

трактаты у Сенеки—словно простыя бесѣды въ дружескомъ кружкѣ. И сейчасъ передъ нами тоже бесѣды, но на этотъ разъ не съ другими людьми, а съ самимъ собой: «къ самому себѣ», такъ обыкновенно называется сочиненіе Марка Аврелія. Это бѣглыя замѣтки, набросанныя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, наставленія для любого человѣка, но обращенныя прежде всего къ самому себѣ. Въ нихъ такъ живо рисуется образъ этого великаго императора, въ нихъ же найдемъ лучшее объясненіе любви современниковъ и того религіознаго поклоненія—искренняго, а не вынужденнаго, какъ часто бывало, которое выразилось въ провозглашеніи его по смерти «богомъ благосклоннымъ» (deus propitius) и въ почитаніи среди нѣсколькихъ поколѣній. Высокая скромность, заставляющая во всѣхъ своихъ достоинствахъ видѣть вліяніе постороннихъ, глубокая вѣра въ людей, готовая идеализировать даже дурныхъ изъ нихъ—все это вѣетъ такой задушевностью и гуманностью, которыя настраиваютъ на тонъ чего-то священнаго: живо чувствуется, какъ философія переходитъ въ религію. Недаромъ и христіанскіе учители признавали родство своего ученія съ стоицизмомъ.

«Утромъ говори себѣ: мнѣ придется имѣть дѣло съ человѣкомъ навязчивымъ или неблагодарнымъ, надменнымъ или коварнымъ, завистливымъ или неуживчивымъ. Все это произошло у такихъ людей по невѣдѣнію добраго и злого. Я же позналъ природу добра—оно прекрасно—и природу зла—оно позорно—и природу самого прегрѣшающаго, что онъ мой сродникъ, если не одной со мною крови и не одного рожденія, то все же соучастникъ одного разума и божественной доли; потому не могу ни отъ кого получить вреда—вѣдь въ позоръ никто меня не вовлечетъ,—не могу ни гнѣваться, какъ на родственника, ни ненавидѣть его. Мы рождены для сотрудничества, подобно тому, какъ ноги, руки, вѣки, ряды верхнихъ и нижнихъ зубовъ. Потому-то дѣйствовать другъ противъ друга противно природѣ, а такимъ противодѣйствіемъ и является недовольство и отчужденіе отъ людей» (II, 1). Вотъ одно изъ знаменательныхъ разсужденій Марка Аврелія. Въ другихъ мѣстахъ неоднократно указывается тотъ руководящій принципъ, на которомъ должно основываться все поведеніе человѣка. «Поступай же, человѣкъ, такъ, какъ требуетъ въ данный моментъ природа» (IX, 29). Это одинъ изъ величайшихъ завѣтовъ, провозглашенный еще въ V в. до Р. Х. греческими софистами и являющійся краеугольнымъ камнемъ всего стоическаго міровоззрѣнія. Жизнь, согласная съ природой,—вотъ идеалъ философа; человѣкъ это маленькій міръ, ничтожная частица великаго міра, гражданинъ вселенной; какъ ничтожны передъ этимъ мелкія страсти людскія,

страданія и даже смерть, когда въ этомъ только совершается міровой порядокъ! «Человѣкъ, ты былъ гражданиномъ этого великаго Града. Не все ли тебѣ равно, пять лѣтъ или три года? Вѣдь повиновеніе законамъ равно для всѣхъ. Что же ужаснаго въ томъ, если изъ Града отсылаетъ тебя не тиранъ и не судья несправедный, а та самая природа, которая тебя въ немъ поселила? Такъ преторъ отпускаетъ со сцены принятаго имъ актера.—«Но вѣдь я же провелъ не пять дѣйствій, а только три».—Вполнѣ правильно. Но въ жизни три дѣйствія—это вся піеса. Ибо конецъ возвѣщается тѣмъ, кто былъ нѣкогда виновникомъ возникновенія жизни, а теперь является виновникомъ ея прекращенія. Ты же не при чемъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Уйди же изъ жизни, сохраняя благожелательность, какъ благожелателенъ и тотъ, кто отпускаетъ тебя». (XII, 36) Но вотъ высшая цѣнность въ этой жизни: «если ты сдѣлалъ добро человѣку, чего остается тебѣ еще желать?» (IX, 42) «Жизнь коротка, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (VI, 30), единственный же плодъ земной жизни—благочестивое настроеніе и дѣятельность, согласная съ общимъ благомъ». Вотъ образцы той морали, которая знакома намъ въ основныхъ положеніяхъ христіанства. Отмѣченныхъ мотивовъ, мы думаемъ, достаточно, чтобы судить о томъ, какой интересъ должна представлять у насъ такая книга.

Теперь относительно перевода. «Приходится лавировать,—какъ выражается переводчикъ въ предисловіи,—между Сциллой буквализма, пренебрегающаго духомъ автора и литературной формой, и Харибдой свободнаго творчества, грозящаго перейти въ сочинительство»... Мы скажемъ, что въ общемъ переводъ гладкій и правильно передаетъ содержаніе оригинала. Но—да проститъ намъ авторъ—ужъ слишкомъ часто переводчикъ самъ бросается въ пучины Харибды: есть много и даже слишкомъ много мѣстъ, переведенныхъ произвольно [1]); порой переводъ прямо близится къ пересказу. Стиль оригинала неровный, довольно прихотливый и, надо признаться,—трудно поддающійся передачѣ, не выдержанъ, отрывистая манера всюду сглажена, подслащена всевозможными добавленіями для «красоты» рѣчи. Несоблюденіе глагольныхъ временъ оригинала почти обычное явленіе. Отдѣльно отмѣтимъ неудачныя на нашъ взглядъ выраженія для

[1]) Напр. стр. 13: «долженъ былъ оказаться... за неимѣніемъ средствъ», въ подлин. «никогда не слыхалъ, что у меня нѣтъ денегъ, чтобы на нихъ...», стр. 20: «каждое мгновеніе можетъ оказаться для тебя послѣднимъ», въ подлинникѣ: «ты можешь сейчасъ уйти изъ жизни»; тамъ же: «если зломъ является...., они позаботились», въ подлин.: «если бы что-нибудь.... было зломъ, они позаботились бы» (это уже искаженіе смысла); стр. 47: «высшихъ должностей», въ подлин.: «консульствъ»; стр. 50: «виноградъ осенью» въ подлинн.: «плоды лѣтомъ» и т. д.

перевода греческихъ словъ δόγματα —«основоположенія» [1]) и σπερματικός λόγος — «сѣменообразный разумъ» (см. 14, IV и примѣч.; мы бы предложили: «животворное начало»). Есть пропуски въ мелочахъ, серьезный недосмотръ въ самомъ началѣ VIII кн. (стр. 109), вслѣдствіе котораго фраза стала совершенно безсмысленной. Отмѣтимъ также большую неряшливость въ передачѣ собственныхъ именъ: Деметрій Фалернскій (стр. 135, 29; 192, 2), Тускулань (стр. 11 и 187, прим. 28), Геликія (стр. 51), Помпея (тамъ же). Прибавимъ, что и научная литература предмета, видимо, не использована переводчикомъ. Такъ, между прочимъ, текстъ взятъ по 2 изд. Штика 1903 г., тогда какъ въ 1913 г. вышло изд. Шенкля. Большая неосторожность на нашъ взглядъ говорить при такихъ условіяхъ о ранѣе существовавшихъ у насъ переводахъ, какъ о «ничего кромѣ неуваженія къ тексту не обнаруживающихъ» (Предисловіе). Мы сравнивали переводъ г. Краснова и полагаемъ, что онъ вовсе не такъ рѣзко отличается отъ перевода г. Роговина.

Переводъ сопровождается вступительнымъ очеркомъ проф. С. А. Котляревскаго, гдѣ дается характеристика М. Аврелія, краткое изложеніе его ученій и оцѣнка исторической ихъ роли. Какъ всѣ вообще изданія серіи «Памятниковъ міровой литературы», разбираемая книга съ внѣшней стороны превосходна.

С. Радцигъ.

W. Worringer. Formprobleme der Gotik. Второе изданіе 1912 г. Мюнхенъ. Кн-во R. Piper & Co. Цѣна 5 марокъ.

Въ своей работѣ, посвященной готическому искусству, Воррингеръ дѣлаетъ попытку проникнуть въ тѣ настроенія и переживанія, которыя вызвали его появленіе и доставили ему на время исключительное господство на сѣверо-западѣ и въ центрѣ Европы. Задача автора такимъ образомъ столько же психологическая, сколько и художественно-критическая.

Готическая идея является по Воррингеру вообще главной двигательной силой, опредѣляющей характеръ всего средневѣковаго искусства народовъ Франціи, Германіи и Англіи отъ эпохи переселенія народовъ и даже раньше—до Возрожденія, когда классическій идеалъ снова восторжествовалъ надъ всѣми другими. Послѣдніе отголоски готическаго художественнаго настроенія Воррингеръ находитъ даже въ сѣверномъ Бароко и Рококо.—Въ чемъ же состоитъ эта готическая идея, дающая такое единство характера всему сѣверо-западному искусству Европы? Каковы были тѣ

[1]) Срв., напр., стр. 112: «каковы основоположенія этого человѣка относительно добра и зла?» Не лучше ли «принципы»?

основныя переживанія и стремленія, которыя нашли себѣ наиболѣе полное выраженіе въ готическихъ соборахъ.

Чтобы легче разобраться въ сложной и неспокойной психикѣ «готическаго человѣка», какъ она отразилась въ его искусствѣ, Воррингеръ предпосылаетъ анализу готики краткую характеристику трехъ основныхъ формъ отношенія человѣка къ окружающему его міру, нашедшихъ себѣ совершенное выраженіе въ трехъ различныхъ родахъ искусства: въ искусствѣ первобытномъ, классическомъ и восточномъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Воррингеръ говоритъ о психикѣ первобытнаго, классическаго, и восточнаго человѣка и старается понять истинный характеръ каждой. Первобытный человѣкъ не понимаетъ и боится окружающей его природы; онъ еще не въ состояніи разобраться въ хаосѣ явленій и ищетъ точки опоры, отдыха, въ созерцаніи простыхъ прямыхъ линій; отсюда—его искусство, столь богатое геометрическими, абстрактными орнаментами. Классическому человѣку уже чуждъ страхъ передъ природой; онъ живетъ съ ней въ гармоніи и мирѣ; онъ чувствуетъ въ ней нѣчто родственное самому себѣ, и его искусство проникнуто органической жизнью: не только классическія, т.-е. греческія, скульптура и живопись, но даже и классическіе орнаменты и архитектура съ ихъ заимствованными изъ органическаго міра формами живутъ полной гармоничной жизнью одухотворенной, очеловѣченной природы. Восточный человѣкъ снова чувствуетъ свое ничтожество передъ міромъ; его искусство снова абстрактно, геометрично; но какъ его отношеніе къ міру вызвано не слѣпымъ чувствомъ страха, а глубокимъ, зрѣлымъ сознаніемъ собственнаго безсилія, такъ и его абстрактное искусство своимъ богатствомъ и разработанностью напоминаетъ, въ отличіе отъ фрагментарнаго и примитивнаго искусства первобытнаго человѣка, сложную философско-метафизическую систему.

Къ которому же изъ этихъ трехъ основныхъ типовъ человѣческаго искусства,—спрашиваетъ себя Воррингеръ,—ближе всего искусство готическое?

На всемъ протяженіи его отъ примитивныхъ орнаментовъ эпохи переселенія народовъ до зрѣлой готики соборовъ XIII вѣка надо всѣмъ господствуетъ абстрактная линія. Какъ бы сложны и фантастичны ни были орнаменты, какъ бы причудлива ни была архитектура соборовъ, все всегда сводится къ игрѣ и всевозможнымъ сплетеніямъ абстрактныхъ линій, безъ всякаго подобія натуральной органической жизни. Даже когда въ орнаменты вплетаются фигуры животныхъ, а порталы соборовъ украшаются человѣческими статуями, эти фигуры животныхъ и человѣка

теряютъ при этомъ весь свой натурализмъ и превращаются въ геометрическіе узоры, сливаясь въ одно съ окружающей ихъ со всѣхъ сторонъ оргіей абстрактныхъ линій. Геометричность, абстрактность готики приближаетъ ее къ первобытному и восточному искусству; но интенсивное, почти истерическое, и опьяняющее зрителя движеніе въ ея безконечныхъ линіяхъ—въ орнаментахъ, и уходящихъ въ безконечность—въ архитектурѣ соборовъ,—ея внутренній, блѣзненный паѳосъ,—не менѣе далеки отъ мертвой геометричности первобытнаго и восточнаго искусства, чѣмъ отъ гармоничнаго, уровновѣшеннаго, просвѣтленнаго движенія и жизни искусства классическаго. Готическій человѣкъ не ищетъ, какъ первобытный и восточный, убѣжища отъ подавляющаго величія и хаоса явленій міра въ мертвой геометріи искусства; и не отдается всецѣло, какъ классическій, органической жизни природы. Онъ—тоже въ разладѣ съ внѣшнимъ міромъ,—потому его искусство и абстрактно, а не органично-натурально. Но свой внутренній разладъ съ міромъ онъ старается преобороть, доводя до высшей степени выразительность линій, заставляя геометрію-математику жить болѣзненно-стремительной духовной жизнью, которая въ состояніи опьянить его самого и заставить его хоть на время забыть свою внутреннюю раздвоенность. Абстрактная линія въ готикѣ,—вырѣзанная или нарисованная въ орнаментахъ, изваянная изъ камня—въ архитектурѣ,—теряетъ свою матеріальность, становясь лишь носительницей властно увлекающаго въ безконечность движенія. Весь процессъ развитія готики и сводится къ постепенной дематеріалицазіи, къ увеличенію выразительности линій, пока, наконецъ, въ готическихъ соборахъ не достигается предѣлъ возможнаго въ этомъ направленіи. И та же самая потребность готическаго человѣка опьянить себя движеніемъ породила и его схоластическія, логическія хитросплетенія, эту готическую архитектуру мысли, тогда какъ мистикѣ съ ея культомъ личныхъ, индивидуальныхъ переживаній, культомъ, подготовившимъ почву для эмансипаціи личности въ эпоху Возрожденія, соотвѣтствуютъ лирическіе элементы въ готической архитектурѣ, особенно замѣтныя внутри соборовъ, и постепенно все болѣе смягчающіе суровыя формы чистой готики. Наконецъ, Ренессансъ, возстановляя гармонію между человѣкомъ и міромъ, убиваетъ готику. Но не надолго: присущее сѣверо-западнымъ народомъ «готическое» стремленіе къ высшему напряженію силъ и порывистости движенія находитъ себѣ скоро новое выраженіе въ сѣверномъ Бароко и Рококо.

Таковъ основной ходъ мыслей Воррингера. Это—не исторія готическаго искусства, а скорѣе схема психологіи готическаго

стиля. И, конечно, нѣтъ ничего легче, какъ найти въ подобной схемѣ цѣлый рядъ упущеній и односторонностей. Даже въ предѣлахъ готическаго искусства, которому посвящено $^4/_5$ книги масса явленій и характерныхъ особенностей совершенно не вмѣщаются въ схему Воррингера. Но это—неизбѣжное зло всякой схемы. Разъ авторъ на протяженіи какихъ-нибудь 127 страницъ хочетъ дать общую характеристику чуть ли не всего искусства всего человѣчества, естественно, что онъ долженъ ограничиться главнымъ изъ главнаго. И схема удачна и допустима, когда въ ней сжато формулирована самая суть, самыя основныя характерныя черты изучаемаго явленія; о полнотѣ картины авторъ не можетъ заботиться. И на нашъ взглядъ Воррингеръ сумѣлъ отличить и правильно охарактеризовать основной тонъ всего готическаго искусства. Къ сожалѣнію не можемъ сказать того же про его слишкомъ отзывающую архаическими представленіями гуманистовъ XVIII вѣка характеристику греческаго искусства, и еще менѣе про его характеристику искусства первобытнаго, совершенно игнорирующую свойственный ему столь своеобразный натурализмъ (особенно въ изображеніи животныхъ), и про суммарную характеристику «восточнаго» искусства. И все-таки въ книгѣ разбросано такъ много тонкихъ, и хотя иногда и очень спорныхъ, но всегда интересныхъ замѣчаній, что ее прочтетъ съ интересомъ и спеціалилистъ. Тогда какъ неспеціалиста она прямо вводитъ въ самую гущу вопросовъ, связанныхъ съ происхожденіемъ и основнымъ характеромъ готическаго искусства.

И. Степановъ.

Э. Лёви. Греческая скульптура. Переводъ Вѣры Конради. Кн-во «Огни», Пгр., 1915, стр. X+1+119+XIII+1, 168 таблицъ фототипій. Ц. 3 р. 50 к.

Среди цѣлаго ряда другихъ книгъ по исторіи греческой пластики книга Э. Лёви, профессора римскаго университета, вышедшая въ 1910 г., заняла свое мѣсто. Выпущенная въ свѣтъ въ Римѣ (по-итальянски) и въ Лейпцигѣ (по-нѣмецки, въ 2 томахъ), она вполнѣ заслуживала перевода и на русскій языкъ, особенно, принимая во вниманіе довольно ограниченное количество книгъ на русскомъ языкѣ, посвященныхъ греческой скульптурѣ. Русское изданіе вполнѣ оправдывается не только тѣмъ интересомъ къ искусству, который лишь во время войны проявляется нѣсколько менѣе интенсивно, но и внутренними достоинствами труда.

Иллюстрируя книгу 168-ю таблицами, авторъ каждое слово свое подтверждаетъ ссылкой на ту или иную деталь разбираемаго

произведенія искусства. Такія богатыя иллюстраціи въ трудѣ по исторіи искусства даютъ читателю возможность провѣрить выводы автора, что такъ цѣнно и необходимо. Что касается содержанія труда, то оно воспринимается легко, благодаря манерѣ автора свободно и даже изящно излагать довольно трудные вопросы. Авторъ не старается изложить детально всю исторію пластики. Онъ беретъ главнѣйшія, наиболѣе типичныя произведенія скульптуры, разбираетъ ихъ, выясняетъ ихъ индивидуальныя и типичныя черты; очень много вниманія посвящаетъ крупнѣйшимъ мастерамъ: Фидію, Скопасу, Праксителю, Лизиппу. Основная мысль Лёви: типическое и идеальное всегда царитъ въ греческой скульптурѣ, торжествуя надъ индивидуальнымъ и реальнымъ, царитъ и въ архаикѣ, и къ самыхъ утонченныхъ произведеніяхъ эллинистической эпохи. Основной характеръ, содержаніе искусства не измѣнилось на протяженіи вѣковъ; мѣнялась и становилась безграничной дерзкой и утонченной изящной лишь техника. Въ совершенномъ идеализмѣ греческаго искусства—тайна его безсмертія. Таковы заключенія автора изъ интересныхъ разсужденій его о рядѣ конкретныхъ произведеній греческой пластики. Переводъ очень хорошъ, сдѣланъ съ большою любовью.

Сергѣй Сватиковъ.

Елагинъ дворецъ. Изданіе Императорскаго С.-Пб. О-ва Архитекторовъ. S. a. et l.

Подъ этимъ заглавіемъ выпущено оченъ красивое изданіе съ 24 фототипіями видовъ и внутренностей дворца и 4 плановъ, превосходно исполненными. Въ началѣ помѣщенъ краткій историческій очеркъ перестройки этого зданія знаменитымъ К. И. Росси для вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны, начавшейся въ 1818 г. и оконченной въ 1822 г. Про очеркъ этотъ нужно сказать, что онъ оставляетъ желать многаго: въ немъ совершенно не выяснены ни художественный образъ самого Росси, замѣненный цитатою изъ записокъ Вигеля объ этомъ художникѣ, ни даже значеніе разсматриваемой постройки въ дѣятельности Росси и въ общемъ развитіи архитектуры того времени.

Конечно, за хорошее воспроизведеніе любого памятника искусства слѣдуетъ быть благодарнымъ издателю; но разъ это издаетъ общество архитекторовъ, то у насъ невольно рождается вопросъ: почему же оно выбрало для изданія именно этотъ памятникъ? Намѣрено ли оно дать намъ цѣлую серію подобныхъ выпусковъ, которая обнимала бы, можетъ быть, цѣлую эпоху архитектуры, или, по крайней мѣрѣ, полный oeuvre даннаго архитектора; или же оно случайно остановилось на одномъ только данномъ памят-

никѣ? Если это только одинъ изъ ряда выпусковъ всѣхъ произведеній Росси, тогда такое предпріятіе нельзя не привѣтствовать, потому что этотъ художникъ является крупною фигурою данной эпохи: его постройки Михайловскаго дворца, Главнаго Штаба съ великолѣпными арками, зданія Сената и Синода тоже съ колоссальною аркою, и особенно Александринскаго театра съ одновременной постройкой Театральной улицы и площади, гдѣ его талантъ, требовавшій размаха и простора, проявился во всю ширь, дѣйствительно представляютъ намъ его однимъ изъ выдающихся зодчихъ эпохи Empire. Что же касается Елагина дворца, то отъ него, какъ отъ первой большой работы даннаго художника, мы даже не можемъ и ожидать многаго.

Въ заключеніе, нельзя еще не пожалѣть, что, издавая Елагинъ дворецъ въ снимкахъ съ натуры, общество не присоединило сюда и чертежей Росси, относящихся къ нему и хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

А. Новицкій.

Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Томъ 3-ій. Книгоизд. «Наука». Цѣна 2 р.

3-ій томъ«Среди книгъ» Н. А. Рубакина посвященъ библіографическимъ обзорамъ книгъ по географіи, этнографіи, антропологіи и національному вопросу.

Изъ всѣхъ отдѣловъ разсматриваемой книги, больше всего вниманія удѣляетъ Рубакинъ послѣднему отдѣлу, посвященному національному вопросу.

Національный вопросъ онъ считаетъ самымъ сложнымъ изъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ, подходить къ которому необходимо съ сугубой осторожностью. Въ классификаціи и въ изложеніи теоріи этого вопроса Н. А. Рубакинъ слѣдуетъ за Х. Житловскимъ и О. Бауэромъ. Авторъ стремится дать отчетливое и объективное представленіе о разныхъ теченіяхъ въ теоретической и практической постановкѣ національнаго вопроса. Но нельзя не замѣтить, что трудъ Рубакина, дающій весьма много необходимыхъ свѣдѣній для читателя, не свободенъ отъ нѣкоторыхъ существенныхъ неточностей.

Устанавливая основныя черты различія между космополитизмомъ и интернаціонализмомъ, авторъ противопоставляетъ «Коммунистическій Манифестъ», какъ образецъ космополитической проповѣди—идеямъ стараго Интернаціонала. Это противопоставленіе способно вызвать недоумѣніе у читателя, знающаго, что авторы «Манифеста» и основатели Интернаціонала одни и тѣ же лица.

Какъ же могло создаться подобное недоразумѣніе?

По нашему мнѣнію, между Коммунистическимъ Манифестомъ и идеями стараго Интернаціонала существеннаго различія нѣтъ. Провозглашая, что «рабочіе не имѣютъ отечества», манифестъ протестовалъ противъ того «отечества», которое предстáвлялось только господствующими классами, игнорировавшими права низшихъ классовъ. Манифестъ въ цѣломъ не даетъ повода обвинять его авторовъ въ космополитическихъ тенденціяхъ. Онъ только говоритъ объ исчезновеніи національной обособленности и антагонизма. Въ немъ нѣтъ намека на исчезновеніе націй. Такъ же, какъ дѣятели Интернаціонала, авторы Манифеста стоятъ на почвѣ *братства* народовъ. Ф. Энгельсъ въ статьѣ «Праздникъ народовъ въ Лондонѣ», написанной въ томъ же году, когда и былъ выпущенъ Коммунист. Манифестъ, рѣзко выступаетъ противъ нѣмѣцкихъ «истинныхъ соціалистовъ», заявившихъ, «какое намъ дѣло до націй, какое намъ дѣло до французской республики». «Націи и французская республика, «говоритъ Ф. Энгельсъ», насъ очень близко касаются. Братаніе народовъ, которое повсюду проводится теперь крайними политическими партіями, въ противовѣсъ какъ старому, унаслѣдованному отъ предковъ національному эгоизму, такъ и лицемѣрному частно-экономическому космополитизму свободной торговли, гораздо цѣннѣе всѣхъ нѣмецкихъ теорій объ истинномъ соціализмѣ» [1]).

Это выступленіе Энгельса противъ космополитизма «истинныхъ соціалистовъ» показываетъ, что въ 1847 г. онъ былъ такимъ же убѣжденнымъ интернаціоналистомъ, какъ и въ 60 гг. при основаніи Интернаціонала. т-.е, защитникомъ свободнаго и цѣлостнаго національнаго развитія.

Н. А. Рубакинъ, повидимому, склоненъ иногда причислять къ космополитамъ всѣхъ тѣхъ, кто борется съ *національмомъ* и національной исключительностью. По этому отрицательному признаку космополитомъ оказывается у Рубакина Герценъ[2]). Для характеристики коспомолитизма Герцена Рубакинъ приводитъ цитату изъ № 243 «Колокола», въ которой высказывается осужденіе «національнымъ болѣзнямъ послѣдняго времени» и національнымъ движеніямъ, способнымъ объединить подъ однимъ знаменемъ Гарибальди и Бисмарка. Но является ли эта *демократическая* позиція Герцена въ національномъ вопросѣ *космополитической?*

П. Лавровъ, котораго Рубакинъ причисляетъ къ интернаціо-

---

[1]) См. собр. соч. К. Маркса и Фридр. Энгельса (44—47), Кн-во «Освобожд. Труда», 1908 г, т. II, стр. 455.

[2]) Н. А. Рубакинъ говоритъ только, что Герценъ «не чуждъ космополитизма». *Ред.*

налистамъ, въ рѣчи на польскомъ митингѣ 31 декабря 1875 г., указывалъ, что положеніе трудящихся массъ не улучшается національнымъ движеніемъ и что залогъ ихъ эмансипаціи только въ международной солидарности.

Герценъ не шелъ такъ далеко, какъ Лавровъ. Онъ считалъ «признаніе народностей, какъ самоуправныхъ личностей» одной изъ основныхъ идей своего времени. Не лучше ли было бы помѣстить его въ одной рубрикѣ съ Лавровымъ.

Н. Рубакинъ въ краткихъ, сжатыхъ характеристикахъ умѣщаетъ большой научный и публицистическій матеріалъ. При подобныхъ бѣглыхъ характеристикахъ неизбѣжны упущенія. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя рубрики литературы по національному вопросу разработаны весьма обстоятельно.

Тяжелая и кропотливая работа продѣлана съ большимъ умѣніемъ, согрѣта любовью и заботой о нуждахъ и запросахъ читателя. *Р. Выдринъ.*

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1908 г.—То-же за 1909 г.—То-же за 1910 г. Петроградъ 1915.

Отчеты Императорской Публичной Библіотеки стали выходить все съ бо́льшимъ опозданіемъ, что отчасти объясняется тою тщательностью въ описаніи рукописей, которая издавна усвоена администраціею этого учрежденія. Нельзя поэтому не порадоваться, что теперь изданы Отчеты Библіотеки сразу за три года, и если такія усилія для уничтоженія опозданія будутъ сдѣланы и въ слѣдующіе два-три года, то мы будемъ получать подробныя свѣдѣнія о пріобрѣтеніяхъ Импе. раторской Публичной Библіотеки своевременно, что дастъ возможность ученымъ и болѣе своевременно пользоваться пріобрѣтаемыми рукописями.

Въ 1908 году Библіотекою было куплено большое собраніе писемъ разныхъ лицъ къ романисту Г. П. Данилевскому и альбомъ автографовъ и рисунковъ, принадлежавшій тому же писателю; получено въ даръ собраніе бумагъ кн. Н. В. Шаховского, въ послѣдніе годы жизни занимавшаго должность начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати и члена Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ (въ томъ числѣ матеріалы для біографіи писателя - публициста Н. П. Гилярова-Платонова, содержащіе, между прочимъ, его обширную переписку), библіографическіе труды извѣстнаго библіографа С. Д. Полторацкаго, письма гр. П. А. Валуева и др.

Среди отдѣльныхъ пріобрѣтеній Библіотеки за этотъ годъ отмѣчу письмо гр. Л. Н. Толстого (къ сожалѣнію безъ даты),

вызванное извѣстіемъ о серьезной болѣзни Тургенева. «Извѣстія о вашей болѣзни»,—пишетъ Толстой,—«о которой мнѣ разсказывалъ Григоровичъ и про которую потомъ стали писать, ужасно огорчили меня, когдя я повѣрилъ, что это серьезная болѣзнь. Я почувствовалъ, какъ я васъ люблю. Я почувствовалъ, что если вы умрете прежде меня, будетъ очень больно... Въ первую минуту, когда я повторилъ—надѣюсь напрасно, что вы опасно больны, мнѣ даже пришло въ голову ѣхать въ Парижъ...» Письмо кончается словами: «Обнимаю васъ, старый, милый и очень дорогой мнѣ человѣкъ и другъ».

Въ 1910 г. Библіотекою было куплено собраніе бумагъ Александра Ив. Артемьева (†1874 г.), извѣстнаго своими трудами по русской исторіи, исторической географіи, статистики и этнографіи, въ томъ числѣ его личная большая переписка, письма разныхъ лицъ къ П. И. Мельникову, пожертвовано было Д. В. Стасовымъ 30 неизданныхъ писемъ скульптора М. М. Антокольскаго къ В. В. Стасову и проч.

Въ прежнихъ Отчетахъ былъ очень хорошій обычай—сообщать на основаніи данныхъ читальной залы, сколько разъ требовались въ чтеніе различныя повременныя изданія: это давало любопытный матеріалъ для заключенія, какія изъ журналовъ наиболѣе популярны, наиболѣе могутъ вліять на общество. Не знаю, съ какого именно года прекратилось печатаніе этихъ данныхъ читальной залы, но исключеніе ихъ составляетъ въ отчетахъ серьезное ухудшеніе, и желательно, чтобы они стали по прежнему появляться. *В. С.*

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Амари** Глухія слова. Изд. «Зерна». М. Ц. 60 к. 2) **Бѣлый, А.** Петербургъ. П. Ц. 2 р. 3) **Веселовскій, С.** Сошное письмо. Т. II. М. Ц. 5 р. 4) **Війонъ, Ф.** Отрывки изъ «Большого завѣщанія» баллады и разн. стихотворенія. Пер. и біогр. оч. И. Эренбурга. 5) **Волошинъ, М.** Anno mundi ardentis. 1915. Изд. «Зерна». М. Ц. 75 к. 6) **Вѣстникъ** имп. общества ревнителей исторіи. Вып. II подъ ред. М. Соколовскаго. П. 7) **Glos nauczyciela** czasopismo społeczno-pedagogiczne № 1. 1916. M. Cena 60 k. 8) **Евлаховъ, А. проф.** Кто получаетъ пощечины въ новой драмѣ Л. Андреева? Р. н. Д. Ц. 30 к. 9) **Исторія Моск. Купеческаго общества** 1863—1913. Т. II. вып. 1. Сословообществ. дѣят. Моск. Куп. въ XIX в. Подъ ред. В. Сторожева. Изд. Моск. Куп. О-ва. 10) **Кулишеръ, І.** Лекціи по исторіи экономич. быта Зап. Европы. Изд. 4-е перераб. и допол. П. Ц. 3 р. 25 к. 11) **Къ десятилѣтію первой Госуд. Думы.** Сбор. статей перводумцвъ.. Изд-во «Огни» П. Ц. 2 р. 25 к. 12) **Модзалевскій, Л.** Для дѣтей стишки. П. Т-во «Огни». 13) **Мукаловъ, М.** Я люблю мудрость. Кіевъ. Ц. 1 р. 14) **Его же.** Творецъ. Кіевъ. Ц. 50 к. 15) **Національный ренессансъ**—единственный путь. М. Ц. 60 к. Скл. изд. А. Левенсонъ.

16) **Озаровская, О.** Бабушкина Старина. Изд-во «Огни» П. Ц. 1 р. 20 к. 17) **Отечество.** Сбор. нац. литер. Россіи. Т. I. Ред. проф. И. Бодуэнъ де Куртенэ, Н. Гредескула, Б. Гуревича и др. К-нво б. М. Попова. П. Ц. 3 р. 75 к. 18) **Персидскіе лирики** X—XV вв. Пер. Ѳ. Корша. Вст. ст. А. Крымскаго. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 25 к. 19) **Положеніе** о Губерн. и Уѣздн. зем. учрежд. 1 янв. 1864 г. Изд. Жен. Кур. В. Полторацкой. Переизд. подъ ред. препод. русск. пет. Курсовъ. Серг. Посадъ. Ц. 30 к. 20) **Пыпинъ, А.** Религіозныя движенія при Ал. I пред. и прим. Н. Пиксанова. Изд. «Огни». П. Ц. 4 р. 21) **Розенфельдъ, И.** Присоединеніе Малороссіи къ Россіи (1654—1793). Изд. Петр. Пол. Инст. Труды студ. экон. отд. № 16. П. Ц. 1 р. 25 к. 22) **Сапожникова, Т.** и **Занберъ, Д.** Святая Клара. Ист. ром. для юн. Изд. И. К. У. О. М. Ц. 1 р. 25 к. 23) **Симоновъ, И.** Памяти Г. Г. Даниловича, какъ выдающ. педагога. П. Ц. 50 к. 24) **Симоновъ, И.** Страничка изъ жизни К. Д. Кавелина. 25) **Хижняковъ, В.** Воспоминанія земскаго дѣятеля. Библ. мемуар. «Огни». Ц. 2 р. 25 к. 26) **Эренбургъ, И.** Стихи о канунахъ М. Ц. 1 р. 50 к. Скл. изд. М. О. Вольфъ. 27) **Эсты и Латыши,** ихъ исторія и бытъ. Сбор. стат. подъ ред. проф. М. Рейснера. М. Ц. 1 р. 50 к.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ

ПО ИСТОРІИ И ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ

Фишеръ, Влад. Учебникъ по исторіи русской литературы (Грибоѣдовъ Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь). Ц. 90 к.

Мельгуновъ, П. П. Первые уроки исторіи. Древній востокъ. Новое 10-е издан. переработ. и дополн. подъ редакц. Н. М. Никольскаго. 91 рисун. и нов. карт. Ц. 1 р. 25 к., въ коленк. перепл. 1 р. 40 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено въ качествѣ учебнаго пособія во 2-мъ классѣ муж. гимназіи прогимн. и реальн. училищъ.

Главнымъ Управл. Военно-учебныхъ заведеній рекомендованы въ ротныя библіотеки для III—V классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. 1. Первобытная культура. Востокъ. Грецiя. Для III—IV классовъ ср.-уч. завед. Сборникъ статей съ 92 иллюстр. въ текстѣ и 16 иллюстр. на отд. лист. Подъ редакц. *А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева, и К. В. Сивкова* Ц. 2 р. 25 к.

Главн. Управл. Военно-Учебн. завед. рекомендована для ротныхъ библіотекъ и III—V классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Ч. II. Римъ—Республика. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 60 к.

Ч. III. Римъ—Имперія. Съ иллюстр. Ц. 2 р. 10 к.

Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. внесены въ списокъ книгъ, заслуж. вниманія при попоан. ученич. библ. средн. учебн. зав.

Наше прошлое. Разсказы по русской исторіи. Подъ ред. *Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова, Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ* Ч. I. Съ рис. Ц. 1 р. 40 к.

Часть II, XVIII и XIX вв. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Перцевъ, В. Н. Учебникъ по древней исторіи для VIII класса. Ч. II. **Римъ.** (Печатается).

Россія и Наполеонъ. Отечественная война въ мемуарахъ, документахъ и художественныхъ произведеніяхъ. Сбор. съ иллюстр. Сост. *Н. Л. Бродскій, П. Е. Мельгунова, К. В Сивковъ и Н. П. Сидоровъ*, 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

Уч. Ком. Мин. Нар, Просв.—признана заслужив. вниманія при пополн. ученич, библ. средн. учебн. заведеній.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVII в. I отъ Петра I до Екатерины II. Сборникъ, составл. *П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ*. Ц. 1 р. 25 к.

Смутное время. Сборникъ статей подъ ред. *В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье и В. И. Пичеты* Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностран. цевъ. **Часть I.** Нѣманъ. Смоленскъ. Бородино. Вступленіе въ Москву. Сборникъ, составл. *А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ. и С П. Мельгуновымъ*. Ц. 1 р.

Тоже. Часть II. Пожаръ Москвы. Начало отступленія. На Старую Смоленскую дорогу. Ц. 1 р.

Тоже. Ч. III. Отступленіе. Смоленскъ. Березина. Вильно. Нѣманъ. Ц. 1 р. 50 к.

Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. признаны заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ, старш. возраста, библіотекъ средн. учебн. завед.

Главн. Управл. Военно-Учебныхъ заведеній рекомендованы для фундаментальныхъ библіотекъ военно-учебныхъ заведеній.

Мельгуновъ, П. Что такое исторія? 2-е изд. Ц. 10 к.

Доп. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для библіотекъ начальныхъ учил.

Разсказы по русской исторіи. Хрестоматія, сост. кружк. москов. учительницъ подъ ред. *С. П. Мельгунова.* и *В. А. Петрушевскаго.* 3-е испр. л дополн. изданіе. Ц. 1. р. 40 к.

Всѣ означенныя книги подписчики журнала **« Голосъ Минувшаго »** на 1916 г. могутъ пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ.

Выписывающіе изъ склада кн-ва **« ЗАДРУГА »** (Москва, М. Никитская, 29б.), на сумму не менѣе 3 руб. за пересылку не платятъ.

Изданіе Л. Э. Бухгейма.

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней **А. И. Герцена.** Съ 4 портр. М. 1909. Цѣна 1 руб.

А. Н. Пыпинъ. Мои замѣтки. Съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка “. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910. Цѣна 2 руб.

К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. Спб. 1911. Цѣна 60 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія. Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Съ 2 портретами и 5 снимками съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912. Цѣна 3 руб.

У. Г. Ивaскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. Обзоръ жизни и трудовъ. Съ 2 фототипич. портретами. М. 1913. Цѣна 2 руб. 75 коп. (Распродано).

У. Г. Ивaскъ. Жизнь и труды Василія Ивановича Собольщикова, старшаго библіотекаря и архитектора Императорской Публичной Библіотеки. Съ гравир. портретомъ. М. 1914. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н. Синявскій и М. Цявловскій. Пушкинъ въ печати 1814—1837. Хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни. М. 1914. Цѣна 3 руб.

М. Цявловскій. Два автографа Пушкина. Съ двумя снимками. М. 1914. Цѣна 1 руб.

Три письма В. Г. Бѣлинскаго къ Н. М. Щепкину. Съ неизданнымъ портретомъ Бѣлинскаго. М. 1914. Цѣна 50 коп.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевскаго, Г. Н. Геннади Н. В. Гербеля, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго **къ библіографу С. И. Пономареву.** Съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. М. 1915. Цѣна 5 руб.

(Осталось небольшое количество экземпляровъ).

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый (1850—1859). Съ портретомъ М. 1915. Цѣна 4 руб. **50 к.**

В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ „Путешествіе“? М. 1916. Цѣна 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Покровка, Введенскій пер. 28. Л. Э. Бухгеймъ. Тел. 5-13-63.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°».

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе
подъ редакціей профессоровъ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

Изъ отзывовъ печати: «Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ... Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ. Превосходной остается и внѣшность изданія» (**«Русскія Вѣдомости» 1913 г., № 66**). «... Такія статьи, какъ М. М. Ковалевскаго о Великобританіи, П. Н. Милюкова—о гр. С. Ю. Витте, В. А. Мякотина—о Государственной Думѣ и о дворянствѣ въ Россіи, К. А. Тимирязева—о біологіи, Эмиля Вандервельде—о Бельгіи, П. Г. Виноградова и А. К. Дживелегова—о Германіи, И. И. Мечникова—о долговѣчности, М. И. Туганъ-Барановскаго—о земельномъ вопросѣ, В. И. Семевскаго—о крестьянахъ, Е. В. Тарле—о папствѣ и мн. др., читаются съ захватывающимъ интересомъ. Въ отличіе отъ нѣмецкихъ энциклопедій, редакція седьмого изданія гранатовскаго словаря заботится о томъ, чтобы сдѣлать словарь живой книгой, книгой для чтенія, а не для однѣхъ лишь утилитарныхъ справокъ. Не забыта, конечно, и чисто справочная часть. Много справочныхъ свѣдѣній выдѣлено въ особыя приложенія, набранныя мелкимъ шрифтомъ и составляющія иногда цѣлые обзоры (**«Рѣчь» 1915 г., № 183**). «... Все названное и многое другое въ Словарѣ является оригинальными работами, написанными для Словаря лучшими знатоками вопроса, сказавшими въ данной области **свое** слово и внесшими это **свое** и въ работу для Энциклопедіи... Вотъ почему на этотъ Энциклопедическій Словарь нельзя смотрѣть только какъ на справочное изданіе: ему принадлежитъ и широкая образовательная роль») (**«Русская Школа», май—іюнь 1915 г.**). «Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собой все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей» (**«Утро Россіи» 1910 г., № 317**).

Изъ содержанія 32-го и 33-го тт.: Персія—исторія (36 стб.)—проф. А. Е. Крымскаго. **Петрашевцы**—В. И. Семевскаго. **Петроградъ, Петроградская губернія, петроградскій университетъ** (38 стб.)—Л. Д. Синицкаго, Б. Ф. Добрынина и Б. И. Сыромятникова. **Петръ I** (15 стб.)—проф. Н. Н. Фирсова. **Пироговъ**—проф. Ф. А. Рейна и И. М. Соловьева. **Писаревъ**—И. Н. Игнатова. **Питейная торговля**—доц. А. Р. Свирщевскаго. **Писчебумажное производ.**—проф. А. П. Лидова. **Пищевареніе** (11 стб.)—проф. В. В. Завьялова. **Планеты** (11 стб.)—прив.-доц. С. Н. Блажко. **Платонъ** (10 стб.)—прив.-доц. И. М. Малинина. **Погода** (12 стб.)—проф. А. И. Воейкова и прив.-доц. В. В. Шипчинскаго. **Подоходный налогъ** (12 стб.)—доц. А. Р. Свирщевскаго и прив.-доц. А. А. Соколова. **Позвоночныя** (10 стб.)—проф. М. А. Мензбира. **Полинезійцы**—А. Н. Максимова. **Польша**—исторія до Вѣнск. конгресса, этнографія, литература, искусство (113 стб.)—проф. А. Л. Погодина, Л. Крживицкаго, Л. С. Козловскаго и С. А. Боровскаго. **Поляризація свѣта** (11 стб.)—прив.-доц. А. К. Тимирязева. **Полярныя экспедиціи и страны** (прилож.) (20 стб.).—прив.-доц. С. Г. Григорьева. **Португалія** (20 стб.)—А. Деренталя. **Потребленіе** (прилож.) (20 стб.)—прив.-доц. С. А. Первушина. **Право** (30 стб.)—проф. Ю. С. Гамбарова. **Право авторское** (11 стб.)—С. А. Бѣляцкина. **Право водное** (прилож.) (12 стб.)—проф. Ю. С. Гамбарова. **Право государственное** (16 стб.)—проф. М. А. Рейснера. **Право международное** (съ прилож.) (23 стб.)—проф. В. А. Уляницкаго. **Представительное государство** (17 стб.).—проф. М. А. Рейснера. **Преступленіе и преступность** (23 стб.)—проф. П. И. Люблинскаго. **Прибыль на капиталъ** (14 стб.)—проф. М. В. Бернацкаго. **Призрѣніе общественное**—прив.-доц. А. А. Борового. **Приливы и отливы**—докт. геогр. Л. С. Берга. **Продовольственный вопросъ** (прилож.) (11 стб.)—прив.-доц. М. Д. Загряцкова. **Промыслы отхожіе**—П. П. Маслова. **Психологія и психологія экспериментальная** (16 стб.)—проф. Н. Н. Ланге. **Птицы**—(17 стб.)—проф. М. А. Мензбира.

Въ вышедшихъ томахъ помѣщено: 169 текстов. прилож. (2,349 стб.) и 575 иллюстриров., въ т. ч. разборныя модели по анатоміи и техникѣ, 42 репродукціи въ краскахъ и 80 англійскихъ геліогравюръ.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе)—**3 р. 30 к.** За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака)—**80 к.** За пересылку по стоимости. По соглашенію допускается разсрочка. **Иллюстрированные проспекты высылаются по требованію.**

Т-во « Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К° », Москва, Тверской бульваръ, 15.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".

Петроградъ. Фонтанка, домъ 38, кв. 19. Телефонъ 227—42.

Сочин. М. Горькаго.

Т. X. Жизнь ненужнаго человѣка. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Городокъ Окуровъ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XII. Матвѣй Кожемякинъ. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
Т. XIII. Матвѣй Кожемякинъ. Ч. II. Ц. 1 р. 85 к.
Т. XIV. Лѣто Ц. 1 р. 50 к.
Т. XV. Мать. Ц. 3 р.
Т. XVI. Пожаръ. Ц 1 р. 50 к.
Т. XVII. Сказки Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVIII. Хозяинъ Ц. 1 р. 50 к. Въ переп.—2 р. 10 к.
Т. XIX. По Руси. Ц. 1 р. 50к.
Т. XX. Дѣтство. Ц. 1 р. 50 к.
О писателяхъ-самоучкахъ. Ц. 25 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. I. Разсказы, Ц. 1 р.
Т. II. Хозяинъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Страна отцовъ. Ц. 1 р.в
Т. IV. Въ приходѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Золотой сонъ. Ц. 1 р.
Т. VI. Надъ поёмой. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Дьяволъ и смерть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Недоумѣніе. Ц. 1 р.
Т. IX. Мгла. Ц. 1 р.
Т. X. Курычанскіе прихожане. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Враги. Ц. 1 р.
Т. XII. Въ глухомъ уѣздѣ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XIII. Люди. Ц. 1 р.
Т. XIV. Призракъ. Ц. 1 р. 15 к. Въ переп. 1 р. 85 к.

Семенъ Юшкевичъ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. I. Распадъ. Ц. 1 р.
Т. II. Ита Гайне. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. III. Евреи. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Наши сестры Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Прологъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Невинные Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Въ городѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VIII. Очерки дѣтства. Ц. 1 р. Въ переп. 1 р. 85 к.
Т. IX. Комедія брака Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. X. Драма въ домѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ перепл. 1 р. 85 к.
Т. XI. Вышла изъ круга. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XII. Голуби. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. XIII. Леонъ Дрей. Ч. I. Ц. 1 р.
Т. XIV. Леонъ Дрей Ч. II. Ц. 1 р.
Человѣкъ воздуха. Ц. 1 р.

Скиталецъ. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. I. Сквозь строй. Ц. 1 р. 25 к.
Т. II. За тюремной стѣной. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Полевой судъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Огарки. Ц. 1 р. 25 к.
Т. V. Этапы. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Метеоръ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VII. Месть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Пѣсни. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айзманъ. Дѣти. Ц. 1 р. 25 к.
Д. Айзманъ. Вѣрность. Ц. 1 р. 25к
Д. Айзманъ. Бѣлая пустошь. Ц. 1 р. 25 к.
Байронъ. Манфредъ.—Небо и земля.—Каинъ. Въ пер. И. Бунина. Ц. 1 р.
Д. Мицкевичъ. Конрадъ Валенродъ Ц. 60 к.
В. В. Брусянинъ. Темный ликъ. Ц. 2 р.
Его же. Въ рабочихъ кварталахъ. Ц. 1 р.
Его же. Часъ смертный. Ц. 1 р. 25 коп.
Его же. Въ странѣ озеръ. Ц. 1 р. 25 коп.
Вл. Бончъ-Бруевичъ. Знаменіе времени. (О дѣлѣ Бейлиса). Ц. 1 р.
Вл. Кранихфельдъ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украйны. Ц. 60 к.
И. Ѳ. Абрамовъ. Въ культурномъ скиту. 60 к.
Вл. Бончъ-Бруевичъ. Избранныя произведенія русск. поэзіи.—Сбор. стих. отъ Пушкина до нашихъ дней. Ц. 2 р., въ пер. 3 р.
Демьянъ Бѣдный. Басни. Ц. 60 к.
Сазеранъ-де-Форкъ. Человѣкъ сталъ летать. Ц. 65 к. Въ переп. 1 р. 15 к.
В. М. Величкина. Швейцарія. Ц. 80 к.
А. М. Хирьяковъ. Въ смертельной опасности. Ц. 65 к. Въ папк.—85 к.
Гекторъ-Мало. Приключенія Ромена Кальбри. Ц. 1 р. Въ папк.—1 р. 20 к.
И. С. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Ц. 65 к. Въ папкѣ.—1 р. 20 к.
Его же. Подъ роднымъ солнцемъ. Ц. 1 р.
П. Н. Сурожскій. Зеленый шумъ. Ц. 85 к.
Ал. Алтаевъ. Поэты юности. Ц. 1 р. 85 к.
Его же. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Историч. повѣсть. Ц. 65 к. Въ папкѣ.—85 к.
Его же. Пѣвецъ страданья и свободы. Ц. 1 р.
Его же. Юноша-поэтъ. (С. Я. Надсонъ). Ц. 50 к.
Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы мирнаго труда. (о несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ). Ц. 25 к.
А. М. Коллонтей. Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. Ц. 3 р. 50 к.
С. Т. Семеновъ. 25 лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.
П. П. Масловъ. Капитализмъ. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.
П. П. Масловъ. Исторія народнаго хозяйства. Ц. 2 р.
Дешевая библіотека. (большинство книгъ съ рис.).
Всеволодъ Гаршинъ. Сигналъ. Ц. 6 к.
Его же. Сказка о гордомъ Аггеѣ. Ц. 6 к.
Его же. То, чего не было. Ц. 5 к.
Его же. Лягушка путешественница. Ц. 5 к.
С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Пастырь добрый. Ц. 10 к.
Его же. Кахетинка. Ц. 7 к.
Его же. Конокрадъ. Ц. 4 к.
Его же. По теченію. Ц. 8 к.
Его же. Интрига. Ц. 7. к.
Его же. Рабочій. Ц. 7 к.
Его же. Сквозь преграды, Ц. 7 к.
Его же. На родину. Ц. 8 к.
Его же. Заступникъ. Ц. 8.
Его же. Отецъ Памфилъ. Ц. 7 к.
М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича. Ц. 3к.
Его же. Узникъ и др. стих. Ц. 4 к.
Его же. Мцыри. Ц. 4 к.
Его же. Ашикъ-Керибъ. Ц. 4 к.
Его же. Вѣтка Палестины и др. стих. Ц. 6 к.
Его же. Измаилъ-Бей. Ц. 12 к.
Его же. Бэла Ц. 7 к.
цЕго же. Максимъ Максимовичъ. Ц. 5 к.
Его же. Демонъ. 8 к
С. Т. Семеновъ. Своя судьба. въ народн. театрахъ). Ц. 12 к.
Демьянъ Бѣдный. Диво-дивное и др. сказки. Ц. 10 к.
Его же. Пирогъ да блинъ. Сказки. Ц. 10 к.

Книжный складъ и магаз. «ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ». Петроградъ., Фонтанка 38, кв. 9. Тел. 227—42.

Книжный магазинъ и складъ **«ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ»** принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденій.—Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.—Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.—Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія библіотеки и читальни. **Подробныя каталоги высылаются безплатно.**

Выписывающіе въ провинцію изданія книгоиздательства **«Жизнь и Знаніе»** не менѣе чѣмъ **на два рубля,** непосредственно изъ нашего магазина, **за пересылку не платятъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно.**

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства **«Жизнь и Знаніе»** просятъ адресовать такъ: **Книжный складъ и магазинъ** (или книгоиздательство) **«Жизнь и Знаніе», Владиміру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу.** Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19.

Книжный магазинъ И. М. ФАДѢЕВА. Моховая, д. 26.

	ЦѢНА р. к.
Орловъ, А. Лекціи по русской древней литературѣ. .	3.—
Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. 2 тома въ листъ.	275.—
Щедровскій. Альбомъ типовъ Москвы 50-хъ гг. XIX в.	75.—
Луи Бланъ. Исторія французской революціи. 12 т.	30.—
Соловьевъ. Исторія Россіи. 7 т.	20.—
Батюшковъ, К. Сочиненія 3 т. Лучшее издан. съ рис.	40.—
Веберъ. Всеобщая исторія т. 5, 6, 7, 8, 9. . . .	15.—
Лилеевъ. Исторія раскола на Вѣткѣ въ Стародубьи.	4.—
— Новые матеріалы по расколу.	2.—
Вегеле. Данте.	3.—
Гюбаръ. Современная испанская литература. . . .	1.—
Тьюкъ. Духъ и тѣло. . .	2.50
Давидъ Саважо. Реализмъ и натурализмъ.	2.—
Пелисье. Французская литература XIX в.	2.—
Дмитріевъ-Мамоновъ. Пугачевцы.	2.50
— Декабристы въ Сибири.	2.50
Болотовъ. Исторія церкви т. I. Ц. 2 р. 25 к.—т. II Ц. 3 р.—т. III.	2.—
— Сиро-персидская церковь.	3.50
— Церковная исторія Египта. День и годъ мученической кончины св. евангелиста Марка. .	1.25
Веберъ. Исторія всемірной торговли 3 т.	7.50
Куглеръ. Исторія живописи.	7.—
Любке. Исторія пластики.	5.—
Каррьеръ. Исторія искусства. т. 2, 3, 4. Перев. Корша	12.—
Семевскій. Слово и дѣло.	2.—
— Царица Екатерина Алексѣевна и Анна Монсъ.	2.50
Дневникъ Храповицкаго. .	3.—
Стасовъ. Сочиненія 3 т. съ атласомъ.	10.—
Лабуле. Балканскій полуостровъ.	2.—

	ЦѢНА р. к.
Винклеръ. Гербы городовъ.	10.—
Книга Калила и Димана. Сборникъ арабскихъ басенъ.	3.—
Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь.	2.—
Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памяти. . .	1.50
Рѣшетилло. Лѣченіе лучами Рентгена.	3.—
Болотовъ. А. Памятники протекшихъ временъ (изъ временъ Павла I.)	1.50
Пастуховъ. Разбойникъ Чуркинъ. 4 части.	4.—
Фойгтъ. Возрожденіе классической древности или вѣкъ итальянскаго гуманизма. 2 т.	6.50
Магаффи. Греческая литература (пер. классич.) 2 т.	6.—
Саади. Гюлистанъ.	1.—
Селивановъ. Видѣнное и слышанное.	1.50
Обольяниновъ. Н. Каталогъ русскихъ иллюстр. изданій 1725—1860 г. 2 т.	15.—
Ровинскій, Д. Русскія народныя картинки 2 т. съ указ.	8.—
Собко, Н. Словарь русскихъ художниковъ т. I в. 1. А. (500 именъ) т. II в. 1. И (400 именъ) т. III. в. 1. П. (700 именъ).	5.—
Праховъ, А. Альбомъ исторической выставки предметовъ искусства. . . .	20.—
Дройзенъ. Эллинизмъ. 3 т.	11.—
Тикноръ. Испанская литература 3 т.	9.50
Крижаничъ. Сочиненія въ изданіи Безсонова. . .	5.—
Элихенъ. Греческій и римскій театръ.	1.—
Забѣлинъ. Опыты изученія русской жизни 2 т. .	5.—
Максимъ Грекъ. Сочиненія. 3 т.	6.—
Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добролюбова.	2.—
Мережковскій. Трилогія 3 т. 5 р. 75 к., лучшее изд.	50.—

Покупка книгъ цѣлыми домашними библіотеками и отдѣльными сочиненіями, также книгъ церковной старой славянской печати и древнихъ рукописей по хорошей цѣнѣ.

ИЗДАНІЯ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Серія учебниковъ по біологіи подъ общей редакціей проф. **М. А. Мензбира.**
Собраніе иллюстрированныхъ руководствъ по всѣмъ отдѣламъ науки о жизни для студентовъ, преподавателей, врачей, ветеринаровъ, агрономовъ, любителей естествознанія и для самообразованія. Каждая отдѣльная книга представляетъ законченное цѣлое, все же собраніе составляетъ полную **энциклопедію біологіи.**

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологіи. Ч. I. Безпозвоночныя. 2 р. 40 к. Ч. II. Позвоночныя. 2 р. 40 к.

Вейсманъ, А. Лекціи по эволюціонной теоріи. Пер. Г. Риттера и В. Елпатьевскаго, подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 40 к.

Веттштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растеній. Пер. проф. С. Ростовцева. Т. I. Низшія растенія. 1 р. 20 к. Т. II, ч. I. Высшія растенія. 1 р. 40 к. Т. II, ч. II. Высшія растенія. 2 р. 60 к.

Видерсгеймъ. Строеніе человѣка. Пер. проф. М. Мензбира. 1 р. 50 к.

Гексли, Г. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоологіи. Пер. Г. Ярцева. 1 р. 50 к.

Гексли-Розенталь. Основы физіологіи. Пер. проф. В. Львова. 2 р.

Гребнеръ, П. Географія растеній. Пер. съ многочисл. передѣлками и дополненіями проф. М. Голенкина. 2 р. 50 к.

Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Пер. В. Герда. 1 р. 75 к.

Клебсъ, Г. Произвольное измѣненіе растительныхъ формъ. Пер. проф. К. Тимирязева. 1 р. 60 к.

Лехе, В. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Пер. проф. М. Мензбира и С. Усова. 2 р. 60 к.

Маршаль, М. Развитіе человѣческаго зародыша. Пер. проф. В. Львова. 1 р. 25 к.

Маршаль, М. Руководство къ эмбріологіи. Пер. Н. Кольцова, подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 50 к.

Мейеръ, А. Практическій курсъ анатоміи растеній. Пер. Г. Риттера. 80 к.

Ньюманъ, Д. Бактеріи. Пер. Е. Гурвичъ, подъ ред. В. Воронина. 1 р. 75 к.

Паркеръ, Т. Лекціи по элементарной біологіи. Пер. проф. В. Львова. 2 р. 50 к.

Розенталь, И. Общая физіологія. Введеніе въ изученіе естественныхъ наукъ и медицины. Пер. подъ ред. акад. кн. Тарханова. 3 р.

Уоллэсъ, А. Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора. Пер. проф. М. Мензбира. 2 р. 40 к.

Шиплей, А. Мэкъ-Брайдъ, Э. Курсъ зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній. Пер. проф. В. Львова и проф. М. Мензбира. 3 р.

Новая книга: **Н. КАБАНОВЪ.**

УЧЕБНИКЪ—АТЛАСЪ АНАТОМІИ.

Съ 600 рис. въ текстѣ. **4 р. 50 к.**

Проф. **М. А. МЕНЗБИРЪ.**

ЗООГЕОГРАФИЧЕСКІЙ АТЛАСЪ.

30 таблицъ цвѣтныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ животное населеніе суши земного шара по зоологическимъ областямъ, **съ объяснительнымъ текстомъ и картой зоологическихъ областей.**

Рисунки исполнены подъ руководствомъ проф. М. А. Мензбира художникомъ **В. А. Ватагинымъ.**

Цѣна въ папкѣ **16** руб.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульв., 6.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т-ва „ОГНИ“.

Петроградъ, Фонтанка, 80.

Московское отд.: Книгоизд. «ЗАДРУГА».

Новыя книги:

Г. Гриммъ. Микель-Анджело Буонарроти. Выпускъ 5. Роскошно иллюстриров. изданіе, выходящее по предварит. подпискѣ. Ранѣе вышли вып. 1—4. Цѣна каждаго выпуска 2 р. 25 к. Продолжается подписка на условіяхъ: задатокъ 2 р. и при полученіи первыхъ 17 вып. по 2 р. 25 к., 18-й вып., какъ оплаченный задаткомъ, выдается безплатно.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. 1916 г. Ц. 4 р. 75 к.

А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. 1916 г. Ц. 4 р.

Къ 10-лѣтію 1-й Государственной Думы. Сборникъ статей перводумцевъ: Н. А. Бородина, Л. М. Брамсона, А. Н. Букейханова, А. В. Васильева, М. М. Винавера, Н. А. Гредескула, В. М. Долженкова, И. Н. Ефремова, Я. К. Имшенецкаго, Н. И. Карѣева, крестьянина И. Л., Ѳ. Д. Крюкова, В. Д. Кузьмина-Караваева, М. М. Ковалевскаго, В. П. Обнинскаго, кн. В. А. Оболенскаго, Н. А. Огородникова, Д. Д. Протопопова, И. И. Рамишвили, Ѳ. И. Родичева, кн. Д. И. Шаховского и бар. Ѳ. Р. Штейнгеля. 1916 г. 2 р. 25 к.

В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

О. Ѳ. Озаровская. Бабушкины старины. Сказительница былинъ М. Д. Кривополѣнова. Съ портретами сказительницы и нотными прилож. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. Съ иллюстраціямъ Г. И. Нарбута. 1916 г. Ц. 80 коп.

А. Вѣтровъ. Во что вѣритъ сегодня Германія? 1916 г. Ц. 65 к. (Изд-во «Корабль»).

Д. Мережковскій. Зачѣмъ воскресъ? Религіозная личность и общественность. 1916 г. Ц. 40 к. (Изд-во «Корабль»).

Г. Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. 1916 г. 65 к. (Изд-во «Корабль»).

З. Гиппіусъ. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ «Зеленое-Бѣлое-Алое». 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Міровая война и судьбы международнаго права. 1916 г. Ц. 60 коп.

Р. Эшеръ. Пангерманизмъ. Сокращен. переводъ съ англійскаго В. Я. Фанъ-деръ-Флита. 1916 г. Ц. 75 к.

Н. А. Бородинъ. Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты и Россія. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Виллари. Никколо Макіавелли и его время. Томъ I. Перев. съ итальянскаго И. М. Кригеля со вступит. статьей М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р. 50 к.

М. Вундтъ. Греческое міровоззрѣніе. Перев. Ф. Д. Капелюша. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к.

О. Генри. Сердце запада. Разсказы. Перев. съ англійскаго. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Корниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. 1916 г. Ц. 80 к.

Э. Леви. Греческая скульптура. Перев. съ итальянскаго В. Конради. 1916 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

Сказки. Утѣхи досужія. Тексты избралъ Е. А. Ляцкій при участіи М. Н. Чернышевскаго. 1916 г. Ц. 2 р.

Литературно-художественные сборники «ОГНИ».

Книга первая. **С. Кондурушкинъ.** Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к.

Книга вторая. **Г. Гребенщиковъ.** Змѣй горынычъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книга третья. **Латинскій сборникъ** современной художеств. литературы подъ ред. А. Деглавъ. Ц. 1 р. 75 к.

Складъ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ; каталоги—безплатно.

Въ іюлѣ с. г. выйдетъ третій томъ изданія т-ва «Міръ»:

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВѢКА.

(1800—1900).

Подъ редакціей Ѳ. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи: проф. Ѳ. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. В. К. Петрова, Е. В. Аничкова и прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.

Содержаніе III тома: Эпоха романтизма (окончаніе). Викторъ Гюго—драматургъ и судьбы романтической драмы. *Акад. Нестора Котляревскаго.*—Молодая Германія *прив.-доц. П. С. Когана.*—Англійскій романъ послѣ Вальтера Скотта до Ч. Диккенса. *Прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.*—Т. Карлайль. *Проф. Е. В. Аничкова.*—Мандзони и романтизмъ въ Италіи. *Проф. Х. Д. Петрова.*—Испанскій романтизмъ. *Прив.-доц. А. А. Смирнова.*—Польскій романтизмъ. *Л. С. Козловскаго.*—Американская литература. *З. Венгеровой.*—Эдгаръ По. *В. Брюсова.*—Пессимистъ романтизма—А. Шопенгауэръ. *Проф. Э. Л. Радлова.*—Послѣдніе нѣмецкіе романтики. *В. М. Жирмунскаго.*—Отклики романтизма въ Даніи и Швеціи. *Прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.*—Нѣмецкій романтизмъ и наука. *В. М. Жирмунскаго и проф. Ѳ. А. Брауна.*—500 стр., 173 рисунка, въ т. ч. 35 вкладныхъ листовъ.

Изъ отзывовъ печати: „Предпринятый издательствомъ „МІРЪ“ коллективный трудъ о западной литературѣ XIX вѣка обѣщаетъ стать столь же цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно популярную литературу, какъ и ранѣе изданная имъ исторія русской словесности... Всѣ статьи написаны обстоятельно и дѣльно и читаются съ неослабнымъ интересомъ,—„Изданіе заслуживаетъ живѣйшаго вниманія, какъ превосходное и незамѣнимое пособіе“... „Изданіе безукоризненное“...—„Авторы подходятъ къ разбираемымъ ими явленіямъ со строго критической оцѣнкой“... *Русскія Вѣдомости* 19 IV 13 г. *День* № 67, 13 г. *Голосъ Минувшаго* 13 г., *Рѣчь* № 40, 14 г.

Изданіе составитъ около 6 томовъ богато иллюстрированныхъ. Цѣна по подпискѣ въ роскошномъ переплетѣ безъ пересылки—8 руб. за томъ

Продолжается подписка на другія изданія т-ва „Міръ“:

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДО XIX В.

Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Изданіе составитъ 4 тома (3 тома—„Исторія русской литературы до XIX в.“ и 1 томъ—„Устное творчество“) по 22—24 листа въ кажд., многочисл. иллюстр. Цѣна въ перепл. (безъ пересылки)—28 р. 1-й томъ выйдетъ въ іюлѣ с. г.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО ЗНАНІЯ. Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Изданіе распадается на четыре большихъ отдѣла: I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна въ роскошномъ переплетѣ (безъ перес.) 96 руб. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX, X и XI).

Г. В. Плехановъ. Исторія русск. обществ. мысли. Около 6 томовъ. Условія подписки: при подп. упл. 2 р. 50 к. и при получ. кажд. тома въ переплетѣ—3 р. 20 к. включая перес. и за перев. плат.—10 к. Вышли I и II томы.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ ред. С. А. Венгерова. Около 12 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая, УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к. и при полученіи кажд. книги—2 р. 20 к. (включая пересылку) и, сверхъ того, по 10 к. за перев. платежа. Вышли I—V книги.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и проф. П. Н. Сакулина. 5 т. въ переплетѣ, безъ пересылки 38 р. Изданіе закончено.

М. Н. Покровскій.—Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ. При уч. Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 5 т. въ перепл. (безъ пересылки)—32 р. Изданіе закончено.

Исторія еврейскаго народа. Изданіе составитъ 15 томовъ по 30—35 листовъ въ каждомъ, ок. 1,500 рисунковъ, 18 географ. картъ и плановъ. Цѣна 15 томовъ въ переплетѣ (безъ пересылки)—120 р., на веленевой бумагѣ—150 р. Вышелъ I томъ («Древнѣйшая эпоха еврейской исторіи») и XI томъ („Исторія евреевъ въ Россіи“).

Карусъ Штерне.—Эволюція міра. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗНАНІЯ. Переводъ съ изданія, переработан. В. Бельше, подъ редакціей В. К. Агафонова. Съ дополнительными статьями профессора Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе. 3 тома, 1,424 страницы, 742 рисунка. Цѣна изданія безъ пересылки, въ изящномъ переплетѣ—24 р. ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Современная скульптура. 40 меццотинтогравюръ съ текстомъ Сергѣя Маковскаго. Цѣна въ изящной папкѣ 20 р.

Допускается разсрочка платежа. Проспекты безплатно.

Главная контора т-ва „МІРЪ“. Москва, Знаменка, 9. ═══ Телефонъ 1-37-31.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ПОСТАВЩИКА

УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, БИБЛІОТЕКЪ, ЗЕМСТВЪ и ГОРОДСКИХЪ УПРАВЛЕНІЙ

И. Ф. КОСЦОВА,

ПЕТРОГРАДЪ, Литейный просп. 28—3.

АККУРАТНО И НА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПОПОЛНЯЮ БИБЛІОТЕКИ

школьныя, ученическія и учительскія, общественныя, публичныя, городскія, земскія, полковыя, для общественныхъ собраній, клубовъ, обществъ трезвости и проч.

Полный каталогъ 14,000 книгъ и условія высылаются безплатно (только учрежденіямъ и библіотекамъ).

Исполненіе заказовъ тщательное и добросовѣстное. ✠ Высылаю всѣ вышедшія и вновь выходящія книги.

Вновь пріобрѣтены—удешевленно продаются

и высыл. съ наложен. платеж: (цѣны без. пер.).

Изд. Брокгауза-Ефронъ.

Классическое Искусство. Г. Вельфлина, съ предисловіемъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Введеніе въ изученіе итальянскаго возрожденія. Роскошный томъ съ 10 таблицами въ краск. и 79 табл. на мѣловой бумагѣ. Вмѣсто 8 р. за 5 р. 50 к.

Очеркъ греческой исторіи и источниковѣдѣнія. Р. Пельмана.

Эллинская культура. Ф. Баумгартена, Ф. Поланда, Р. Вагнера. 590 стран. съ рис. Оба сочин. въ 1 т. вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Исторія античнаго коммунизма и соціализма. Р. Пельмана. 712 стр. за 2 р. 50 к.

Картины изъ бытовой исторіи Рима въ эпоху отъ Августа до конца династіи Антониновъ. Часть 1. Л. Фридлендера. Вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Раннее христіанство. Отдѣлъ 1. «Израильско-іудейская религія», Велльгаузена; «Сущность христіанства», А. Гарнака; «Религія Іисуса и начала христіанства до Никейскаго собора», А. Юлихера; «Древнѣйшія христіанскія общины,,. Э. Добшюца. 485 стр. вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Раннее христіанство. Отдѣлъ II. «Эллинизмъ и христіанство», Э. Гэтче; «Римъ и христіанство», Э. Ренана; «Исторія догматовъ», А. Гарнака. 460 стр. вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Исторія Франціи въ раннее средневѣковые. «Независимая Галлія и римская Галлія», Г. Блока; «Христіанство въ Галліи и утвержденіе варваровъ», Ш. Байе. «Меровингскій періодъ», Ш. Пфистера. 536 стр; вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Исторія Израильскаго народа. Эрнеста Ренана. Въ 1 т. 1080 стр, вмѣсто 7 р. за 4 р. 75 к.

Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. Составили: проф. Г. Обермайеръ, Ф. Биркнеръ. 2 роскош. ныхъ тома. Перев. съ нѣмецк. П. Ю. Шмидта, подъ ред проф. М. А. Менабира. Томъ I. Г. Обермайеръ, «Доисторическій человѣкъ». Съ 4 картами, 12 цвѣтными и 17 черными таблицами и 404 рисунками въ текстѣ Томъ II. Ф. Биркнеръ, «Расы и народности человѣчества». Съ 8 картами, 11 цвѣтными, 9 черными таблицами и 564 рисунками въ текстѣ, за 2 т. вмѣсто 14 за 9 руб.

Исторія Византійской Имперіи. Проф. Ѳ. Успенскаго т. I (болѣе не издано) роскошн. изд. съ рисунк. въ краскахъ и черн. въ роскошн. перепл, вмѣсто 22 р. за 17 р.

Исторія инквизиціи въ средніе вѣка. Соч. Ли. 3 т. роскошн. иллюстрир. изд. въ изящн. перепл, вмѣсто 19 р. за 14 руб.

Полный Энциклопедическій словарь Брокгауза-Ефрона. 86 том. въ отличн. полукожан. перепл, вмѣсто 258 руб. за 160 р. соверш. новый экз.

Луи Бланъ. Исторія Французской революціи. 12 т. около 5000 стр. единств. русск. изданіе. Перев. проф. А. Рѣдкина, вмѣсто 36 р. за 12 р.

Больше, В. Любовь въ природѣ. 3 т. за 4 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій Гюи-де-Мопассана. 4470 стран. 15 т. за 4 руб., въ тиснен. коленкор. перепл. за 7 руб.

Полныя собранія сочиненій:

Вс. Крестовскаго 8 т. 10 р., **Л. Андреева** 17 т. 4 р. 50 к., **К. Тетмайера** 10 т. 9 р.,**Ст. Пшибышевскаго** 10 т. 15 р. 50 к., **Вересаева** 10 т. 2 р. 25 к., **А. Шницлера** 9 т. 9 р., **Б. Шоу** 10 т. 9 р., **А. Н. Майкова** 8 т. 2 р. 25 к., **Г. Аннунціо** 12 т. 11 р., **И. Тургенева** 10 т. 15 р., **Фр. Шпильгагена** 16 т. 7 р. 50 к., **С. Надсона** 1 р. 80 к., **Г. Банга** 10 т. 9 р., **С. Лаифмеръ** 12 т. 11 р., **А. Франса** 12 т. 11 р., **О. Мирбо** 10 т. 9 р., **А. С. Пушкина** въ 1 т. съ рис. 1 р. 50 к., **А. Писемскаго** 38 т. 5 р. 50 к., **А. К. Толстого** въ 3 т. 3 р., **И. Горбунова** 4 т. 1 р., **Мольера** 10 т. 1 р. 75 к., **К. Фибиха** 9 т. 9 р., **А. Гарборга** 7 т. 6 р., **А. Стриндберга** 12 т. 11 р., **Пьера Лоти** 12 т. 11 р., **М. Метерлинка** 8 т. 2 р. 50 к., **Ж. Роденбаха** 5 т. 4 р. 50 к., **Д. Л. Мордовцева** 50 т. 8 р. 50 к., **А. И. Фета** 8 т. 1 р. 75 к., **К. Гансуна** 18 т. 3 р., **Г. Ибсена** 18 т. 3 р., **Н. Помяловскаго** 4 т. 1 р., **Э. Ростана** 5 т. 1 р. 50 к., **В. Жуковскаго** 12 т. 1 р. 75 к., **Н. Гоголя** въ 1 т. съ рис. 1 р. 50 к., Іенсена 9 т. 8 р., **К. Станюковича** 40 т. 6 р., **В. Бѣлинскаго** 4 т. 3 р., **О. Уайльда** 8 т. 1 р. 75 к., **Г. Гейне** 16 т.(2 р., **Г. Гауптмана** 10 т. 1 р. 75 к., **И. Бунина** 12 т. 2 р. 75 к., **Лѣскова** 36 т. 4 р. 50 к., **Ѳ. Тютчева** 3 т. 1 р., **Л. Мея** 8 т. 1 р. 50 к., **Г. Манна** 7 т. 6 р., **В. Рейсмонта** 12 т. 11р.

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ КНИГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Изданіе «ЗАДРУГИ» и К. Ф. НЕКРАСОВА.

ТРЕХТОМНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Рисунокъ обложки и перепл., ум. въ 3½ раза.

МАСОНСТВО

И НАСТОЯЩЕМЪ.

ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ

Подъ ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова.

Рисунокъ обложки и перепл., ум. въ 3½ раза.

ВЫШЛО 2 ТОМА.

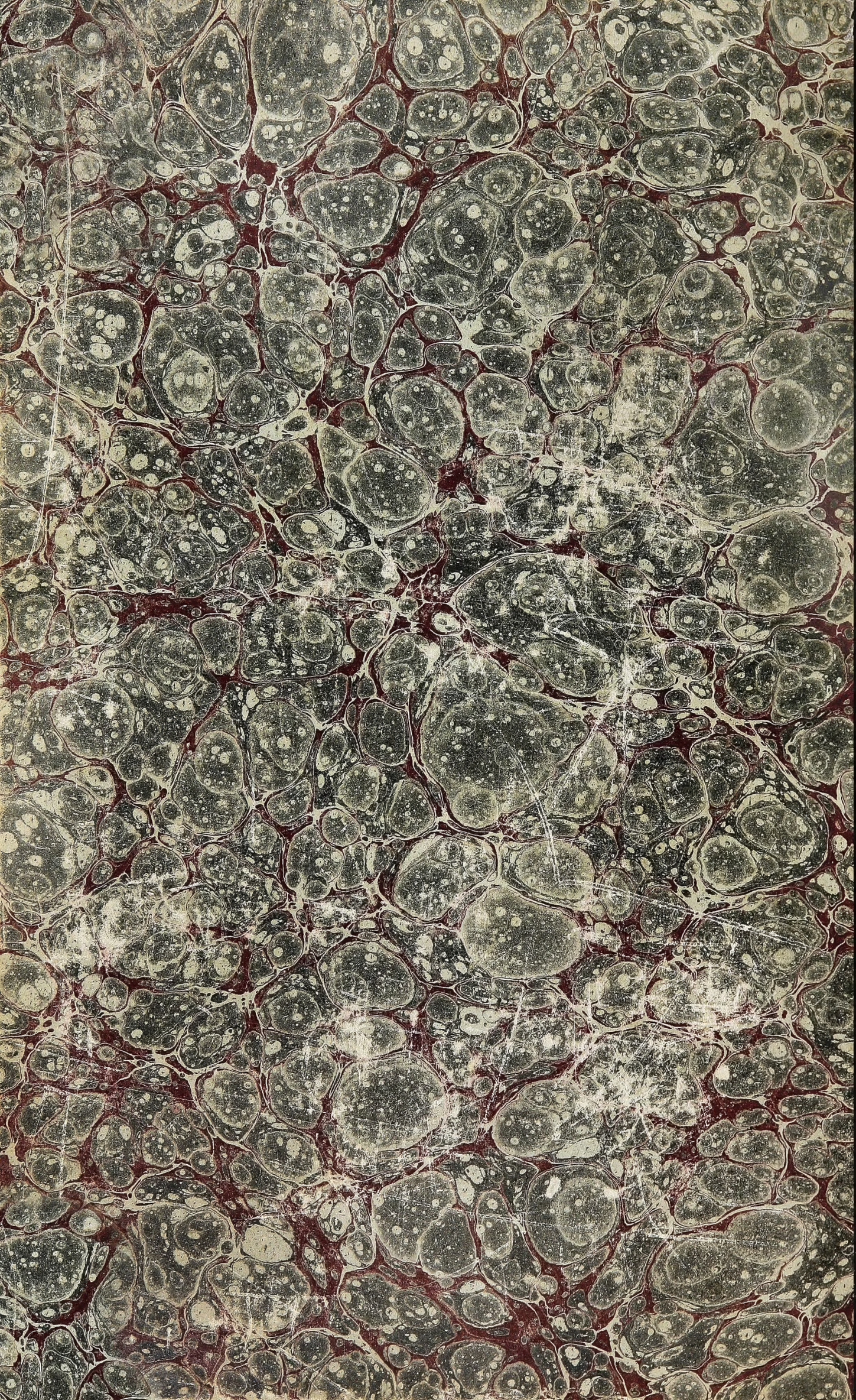
Условія подписки: цѣна изд. въ трехъ томахъ (отдѣльно не продаются) по подпискѣ съ перес. въ предѣлахъ Европ. Россіи **въ переплетахъ 22 р. 50 к:** при подпискѣ вносится **3 р. 50 к.**, по полученіи **I** и **II** т. по **7 р.**, **III—5 р.**; **безъ переплета—18 р.**: при подп. **1 р.—50 к.**, по полученіи **I** и **II** т. по **6 р.**, **III—4 р. 50 к.**

Съ выходомъ третьяго тома осенью 1916 г., цѣна на изданіе будетъ значительно повышена.

Подписч. **«Голоса Минувшаго»** имѣютъ право получить изданіе за **21** руб. и пользоваться разсрочкой по соглашенію съ конторой.

Подписка принимается: Т-во «Задруга», Москва, М. Никитская, 29. Отд. въ **Петроградѣ: к-во «Огни»,** Фонтанка 80.

Цѣна № 5—6 въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

[9p]